

ПАМЯТНИКИ СТАРИНЫ

Концепции. Открытия. Версии.

Том I

Васе правительству от Мисси

Саркис 6.9.96.

_____ в.
...арена Пелури

Комитет по культуре и туризму
Администрации Псковской области

Псковский Государственный объединенный
историко-архитектурный и художественный
музей-заповедник

Псковское общество Святой Ольги Российской

Институт истории материальной культуры
Российской Академии Наук

**Памятники
Старины
Концепции
Открытия
Версии**

Памяти
Василия Дмитриевича Белецкого
1919-1997

Том 1

Санкт-Петербург — Псков
1997

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

А.А.Александров, Псков;
С.В.Белецкий, СПб. (составитель);
О.К.Волочкова, Псков;
А.И.Голышев, Псков;
Л.Е.Грушина, Псков;
А.Н.Кирпичников, СПб. (ответственный редактор),
В.И.Кильдюшевский, СПб.;
Г.С.Лебедев, СПб.;
А.Е.Мусин, СПб.;
О.В.Овсянников, СПб.;
К.М.Плоткин, Псков;
Т.В.Рождественская, СПб.

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

Ю.А.Березкин, В.М.Массон,

Сборник научных статей, посвященный памяти выдающегося исследователя средневекового Пскова, старейшего сотрудника Государственного Эрмитажа, почетного гражданина города Пскова Василия Дмитриевича Белецкого.

Печатается на средства Комитета по культуре и туризму
Администрации Псковской области

при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект 96-01-00013)

Обложка: Изображение Ветхозаветной Троицы 1485 г. на печати псковских владычных наместников (раскопки В.Д.Белецкого, 1961 г.)

Портрет В.Д.Белецкого работы художника М.Девятова, 1951 г.

ISBN 5-201-01197-7

© Псковский Государственный Объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, 1997.

© ИИМК РАН, 1997.

Предисловие

Не стало Василия Дмитриевича Белецкого — одного из старейших сотрудников Государственного Эрмитажа, известного ученого, руководителя Псковской археологической экспедиции Эрмитажа, Почетного Гражданина города Пскова.

Василия Дмитриевича Белецкого, подарившего Пскову и всей России уникальный музей под открытым небом, “Довмонтов город”, хорошо знали в Пскове. Для его трудов всегда было характерно сочетание профессионального интереса к памятникам и крайне бережное отношение к сохранению культурного наследия. Он воспитал несколько поколений псковских работников культуры. Его необыкновенная простота, скромность в сочетании со щедростью русской души снискали ему всеобщую любовь и уважение. Он был своим, родным человеком для каждого, кто принимал участие в сохранении историко-культурного наследия Псковщины. Даже уезжая зимой для обработки материалов археологических раскопок, он постоянно навещал Псков, остро чувствовал пульс города. Псковичи помнят Василия Дмитриевича как человека редкого обаяния, доброты и интеллигентности. Его яркие выступления в любой аудитории никого не оставляли равнодушным, имели огромное воспитательное и познавательное значение. Не было и, наверное, не будет человека, вызывавшего такое единодушное восхищение и уважение к себе, каким был Василий Дмитриевич Белецкий — Ученый, Патриот, Человек, один из последних археологов-романтиков в Пскове. Мы знали, что он долго и тяжело болел. Но Василий Дмитриевич до последних дней жизни продолжал неутомимо трудиться над изучением истории Пскова. И он казался вечным. Трудно представить, что больше в Пскове не появится эрмитажный рафик, не выйдет из него Василий Дмитриевич в своем выгоревшем рабочем костюме и неизменном черном берете. В жизни псковичей образовалась пустота...

Лучший способ отдать долг благодарной памяти человеку, сорок лет жизни которого были посвящены изучению истории нашего города, это издать сборник научных статей. В феврале 1997 г. по согласованию с Администрацией Псковской области Институт истории материальной культуры Российской Академии наук разослал друзьям и коллегам В.Д.Белецкого приглашения принять участие в таком сборнике.

Сроки представления статей были определены жесткие — к 31 мая: в ином случае мы просто не успевали подготовить и издать сборник в этом году. Ориентировочно предполагалось, что в сборник войдут 50-60 работ, написанных коллегами, друзьями и учениками Василия Дмитриевича. Но уже к середине июня 1997 г. было собрано около ста работ, и статьи продолжали поступать. На момент подачи рукописи сборника в типографию число включенных в него статей превысило 120, причем некоторые из них поступали в самый последний момент. Авторы статей — историки, археологи, искусствоведы, архитекторы, филологи, литературоведы, фольклористы, музейные работники из Санкт-Петербурга, Москвы, Пскова, Пушкинских гор, Калуги (Россия), Ровно (Украина), Минска (Беларусь), Таллина, Тарту (Эстония), Познани, Вроцлава (Польша), Парижа (Франция), Тронхейма (Норвегия), Раз-

личен возраст коллег, посчитавших своим долгом почтить память В.Д.Белецкого — от ровесников Василия Дмитриевича, знавших его еще со времен учебы в аспирантуре, и до студентов, работавших бок о бок с В.Д.Белецким в его последних экспедициях.

Различия в тематике статей, составивших сборник памяти Василия Дмитриевича Белецкого — от изучения памятников археологии эпохи нижнего палеолита до охраны памятников истории и культуры наших соотечественников в Дальнем Зарубежье — определило название сборника — “Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии” (П.С.К.О.В.). Мы сознательно повторили аббревиатуру, уже использованную в сборнике статей, посвященном 75-летию В.Д.Белецкого, желая подчеркнуть тем самым и преемственность сборников, и место Пскова в жизни Василия Дмитриевича Белецкого.

Глава Администрации Псковской области
Е.Э.Михайлов

Памяти Василия Дмитриевича Белецкого (1919-1997)

8 января 1997 г. ушел из этой жизни старейший сотрудник Эрмитажа, почетный гражданин Пскова Василий Дмитриевич Белецкий. С его именем связана целая эпоха в изучении памятников истории и культуры средневекового Пскова. Впервые приехав в Псков в 1955 г. в качестве помощника Г.П.Гроздилова — основателя и первого руководителя Псковской археологической экспедиции Эрмитажа, В.Д. Белецкий принял после кончины Гроздилова (1962) руководство экспедицией и возглавлял ее на протяжении последующих тридцати лет.

В.Д.Белецкий родился 19 октября 1919 г. в г.Актюбинске (Казахстан).¹ Детство его прошло в постоянных переездах, связанных со службой отца, профессионального военного. Вместе с семьей В.Д. исколесил всю Евразию — от Казахстана до Ленинграда и от Ленинграда до Владивостока. Школу он закончил в Куйбышевке Восточной (ныне г. Белогорск) Амурской области, затем поступил в Иркутский Горный институт. Завершить учебу помешала война: вначале — зимняя финская, затем — Великая Отечественная.

После окончания войны В.Д. поступил в Саратовский Государственный Педагогический институт. Тогда же состоялось первое знакомство с археологией — участие в раскопках городища Ош-Пандо в Мордовии под руководством П.Д.Степанова. В 1950 г. В.Д. с отличием окончил институт и уехал поступать в аспирантуру в Ленинград. В том же году он попал в Волго-Донскую экспедицию ИИМК, и знакомство с М.И.Артамоновым определило всю дальнейшую судьбу: сначала учеба в аспирантуре Эрмитажа под руководством Артамонова, а затем — многие годы работы в Отделе истории русской культуры Эрмитажа.

Вначале научные интересы В.Д. были связаны с хазарской тематикой. В рамках научной программы Волго-Донской экспедиции он обобщил полученные раскопками данные по домостроительству Саркела-Белой Вежи. В 1959 г. вышла из печати монографическая статья В.Д. о жилищах Саркела, защищенная в 1961 г. в качестве кандидатской диссертации. И первые самостоятельные археологические исследования В.Д. в конце 1950-х годов также были ориентированы на хазарскую проблематику: В.Д. прошел разведками в дельте Волги в поисках Итиля. Возможно, не без оснований он предлагал локализовать район поисков столицы каганата в окрестностях станции Досанг. Однако

---

¹ Подробнее о биографии В.Д.Белецкого см.: Кирпичников А.Н., Кильдюшевский В.И., Лебедев Г.С., Овсянников О.В. Василий Дмитриевич Белецкий // П.С.К.О.В., СПб., 1994, с. 8-16.

дальнейшего развития эти наблюдения не получили — в жизнь В.Д. вошел Псков.

С 1956 г. в рамках работ Псковской экспедиции Эрмитажа Г.П. Гроздилов поручил В.Д. раскопки на территории южной части Псковского Кремля — в пределах т.н. “Довмонтова города”. Результаты первых сезонов раскопок здесь были поистине ошеломляющими. За три сезона (1956, 1958 и 1959 гг.) были раскрыты две гражданские постройки XIII в. и три храма XIV в. С 1960 г. Довмонтов город стал главным объектом исследований Псковской экспедиции Эрмитажа, а уже в 1961 г. состоялось сенсационное открытие остатков средневекового архива — огромного скопления вислых свинцовых печатей XV в.

Фактически, именно результаты первых сезонов работ в Довмонтовом городе определили основные темы, над разработкой которых В.Д. продолжал работать до последних дней своей жизни: памятники средневековой псковской архитектуры XII-XVI вв., средневековая сфрагистика Пскова, памятники псковской монументальной живописи XIV-XV вв. А главным объектом археологических исследований на протяжении более чем трех десятилетий оставался Довмонтов город, территория которого (около 1,5 га) к концу 1980-х годов была изучена почти полностью. За годы раскопок здесь были раскрыты и музеефицированы пять гражданских построек XIII-XVII вв., десять каменных храмов XII-XVI вв., остатки фортификаций XIII-XV вв.

Среди памятников Довмонтова города, раскрытых Псковской экспедицией Эрмитажа, особое место занимают три храма, перекрытые насыпью артиллерийского бастиона 1701 г. и сохранившиеся на высоту до 5 м. В центральном из них — ц.Покрова Богородицы — на стенах были обнаружены остатки фрескового убранства (более 150 м²). Анализируя строительную историю храма В.Д. убедительно связал создание живописного декора с первоначальной постройкой, возведенной в 1352 г., а живописная манера художников, расписавших Покровскую церковь, позволила В.Д. относиться по крайней мере одного из мастеров к тому кругу живописцев, из которого позднее вышел Феофан Грек.

Важным этапом в археологическом изучении средневековых памятников Псковщины стали проводившиеся В.Д. на протяжении нескольких сезонов (1969-1974 гг.) раскопки на территории Государственного заповедника А.С.Пушкина “Михайловское”. Исследования на городищах Воронич и Савкина Горка не только стали важным шагом в возобновлении планомерных и масштабных работ по изучению Псковской области, прерванных в середине 1950-х годов, но также создали предпосылки для нового изучения генезиса самого Пскова. И не случайно, что в 1980-е годы, когда раскопки городищ Псковщины уже проводились многими исследователями из Петербурга, Москвы и Пскова, В.Д. вновь обратился к исследованию Псковского городища — ключевого памятника для изучения проблемы возникновения города Пскова. Раскопками 1983-1984 гг. была получена стратиграфически полная характеристика культурного слоя Псковского городища, соотносимая с современными представлениями о культурной стратиграфии окрестностей Пскова. А в 1991-1992 гг. этот цикл исследований увенчали первые абсолютные датировки слоя, полученные благодаря дендрохронологическому и радиоуглеродному изучению образцов из слоев IV-X вв. В частности, спил дерева, срубленного в 860 г., происходит из слоя пожара, в котором погибло предгородское поселение на Псковском городище, и эта дата подтвердила принципиально новую гипотезу, связавшую возникновение

города при слиянии Псковы и Великой в летописными событиями “призванияварягов”.

На конференции в С.-Петербурге в мае 1992 г. В.Д. подвел итоги многолетних работ Псковской экспедиции Эрмитажа. Намеченные направления дальнейших исследований, по мнению В.Д., к настоящему времени в основном уже обеспечены археологическим материалом, поэтому главной задачей является введение накопленного раскопками материала в научный оборот. Предложенная В.Д. программа дальнейших археологических раскопок в Пскове, как представляется, станет хорошей основой для исследований города в XXI веке. Одновременно с конференцией, в Георгиевском зале Зимнего дворца была развернута выставка “Древний Псков (по материалам раскопок экспедиции Эрмитажа)”, ставшая творческим отчетом В.Д. за десятилетия исследований средневекового Пскова.

В последние годы жизни В.Д., несмотря на тяжелую болезнь, продолжал работать над подготовкой к изданию материалов раскопок в Пскове. В 1995 г. был рекомендован к печати Свод памятников псковской сфрагистики, подготовленный В.Д. в соавторстве с С.В.Белецким, а в 1996 г. была рекомендована к печати трехтомная монография “Городское ядро средневекового Пскова”, в которой второй том, написанный в соавторстве с С.В.Белецким, посвящен материалам многолетних раскопок в детинце Псковского кремля, а третий том составляют материалы раскопок Довмонтова города.

Главный итог работ В.Д.Белецкого в Пскове — это полностью изученный раскопками и музеефицированный архитектурно-археологический заповедник “Довмонтов город” в центре Пскова, ставший еще при жизни В.Д. памятником его многолетнему самоотверженному труду. Немногие археологи могут гордиться таким результатом своих исследований. В 1995 г. на Псковском телевидении был снят фильм “Псков — моя судьба”, посвященный В.Д.Белецкому, и в том же году Администрация Пскова приняла решение об избрании его Почетным Гражданином города Пскова (диплом и медаль за № 1).

В.Д.Белецкий обладал удивительной особенностью притягивать к себе людей. Особый мир Псковской археологической экспедиции Эрмитажа с его доброжелательностью и культурой человеческого общения сформировался, прежде всего, благодаря личным качествам самого Василия Дмитриевича. Из года в год в составе экспедиции Эрмитажа работали люди разных профессий — не только историки и археологи, но и физики, математики, архитекторы, биологи, экономисты, учителя. Многие из них приезжали в экспедицию школьниками и студентами. И — оставались на десятилетия. Всем тем, кто многие годы был близко связан с Василием Дмитриевичем Белецким, будет не хватать привычного общения с ним — человеком редкого обаяния, доброты и интеллигентности, прекрасным рассказчиком, щедро раздававшим идеи и всегда готовым помочь каждому, кто нуждался в этой помощи.

Василий Дмитриевич Белецкий. 1960 г.

В.Д.Белецкий, С.А.Цвылев, Ю.П.Спегальский. Псков, 1960 г.

В.Д.Белецкий. Псков, 1960 г.

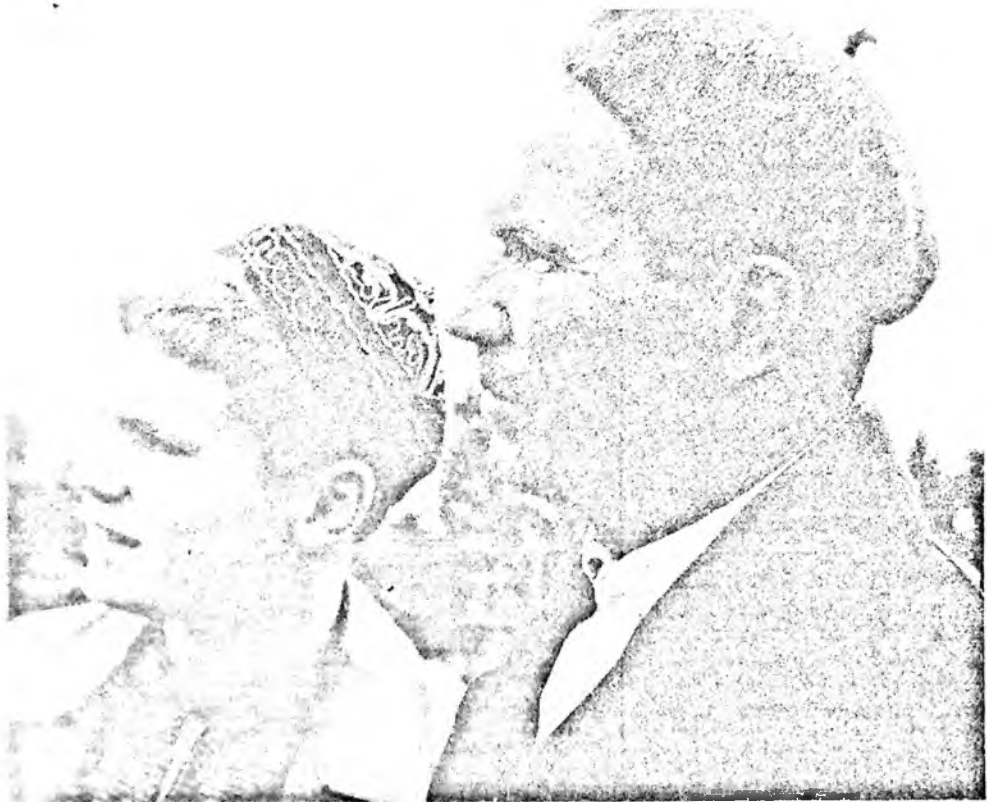
В.Д.Белецкий, Г.П.Гроздилов, К.К.Мамаев. Псков, 1960 г.

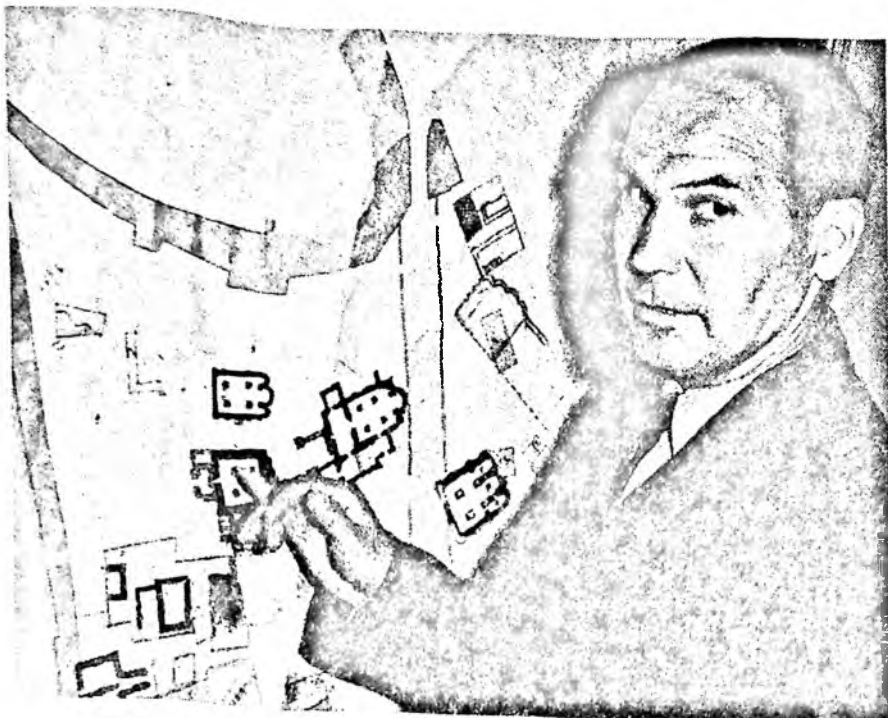
В.Д.Белцкий, Г.П.Гроздилов. Псков, 1960г.

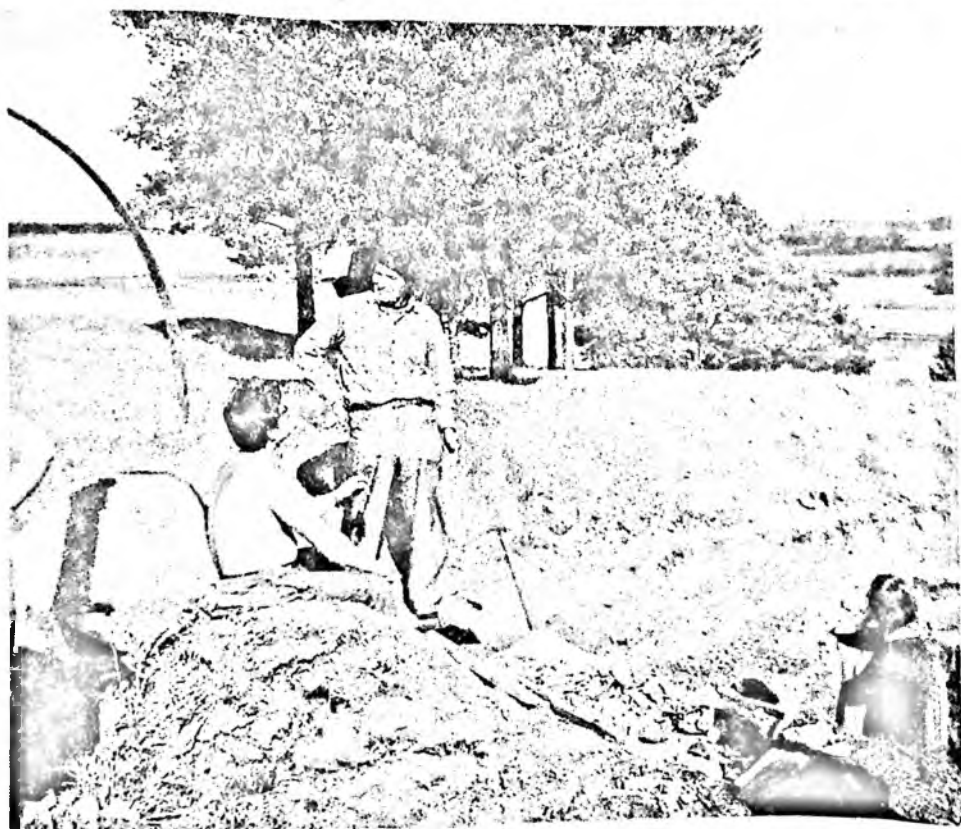
И.К.Лабутина, В.Д.Белецкий. Псков, 1963 г.

В.Д.Белецкий с сыном Сергеем. Псков, 1964 г.

Доклад о результатах раскопок и Дмитрия Солунского. Ленинград, 1966 г.

Раскопки на городище Савкина горка. Г.П.Пинаев, В.Д.Белецкий,
О.Б. Стругова. с.Савкино (Пушкинский заповедник). 1970 г.

В.Д.Белецкий.
Псков, 1980-е годы.

Отъезд из последней экспедиции. С.В.Белецкий, В.Д.Белецкий,
шофер В.Н.Бурцов, В.И.Кильдюшевский. Псков, 1992 г.

Ж.Бланков, В.Д.Белецкий. Псков, 1991 г.

В.Д.Белецкий. Санкт-Петербург, 1991 г.

Список печатных работ В.Д.Белецкого

1959

1. Жилища Саркела — Белой Вежи // МИА. № 75. С.40-134: илл.

1961

2. Именная владычная печать XV в. из раскопок 1959 г. в Пскове // СГЭ. № 20. С.6-7: илл.

1962

3. Археологические разведки на Нижней Воле // СГЭ. Вып. 23. С.61-64: карт.
4. Печати из раскопок 1960 г. в Довмонтовом городе в Пскове // СГЭ. Вып. 23. С.22-24: илл. Резангл.
5. Сфрагистические находки в Пскове: (Раскопки 1961 г.) // ТД НС ГЭ за 1961 г. Л. С.27-29.

1963

6. Раскопки в Пскове в 1962 г. // ТД НС ГЭ за 1962 г. Л. С.35-37.

1964

7. Древний Псков по материалам раскопок экспедиции Гос.Эрмитажа // ТД НС ГЭ. Л. С.88-89.
8. Раскопки древнего Пскова // ТД НС ГЭ за 1963 г. Л. С.36-37.

1965

9. Раскопки древнего Пскова в 1964 г. // ТД НС ГЭ за 1964 г. Л. С.28-29.

1966

10. Археологические исследования по Пскове в 1964-1965 гг. // Пленум ИА АН СССР 1966 г. Секц. "Славяно-русская археология": ТД. М. (Ч.1). С.6-8.
11. Поиски древнейшего памятника архитектуры средневекового Пскова — церкви Дмитрия Солунского постройки 1144 г. // ТД НС ГЭ за 1965 г. Л. С.13-16.
12. Раскопки в Пскове // СГЭ. Вып. 27. С.87-88: илл.
13. Свинцовая печать новгородского посадника XV в. // СГЭ. Вып. 27. С.112: илл.

1967

14. Работы Псковской археологической экспедиции в 1966 г. // ТД НС ГЭ за 1966 г. Л. С.7-8.
15. Топография Довмонтова города // ТД НС ГЭ за 1966 г. Л. С.22-25.

1968

16. Работы Псковской археологической экспедиции 1967 г. // ТД НС ГЭ за 1967 г. Л. С.5-6.
17. Древний Псков по материалам археологических раскопок экспедиции Государственного Эрмитажа // СГЭ. Вып.29. С.3-8: илл.

1970

18. Археологические данные к датировке крепостных стен Довмонтова города в Пскове // АСГЭ. Вып.12. С.68-80: илл. Рез.англ.

1971

19. Два вновь открытых памятника псковского каменного зодчества // СГЭ. Вып.32. С.29-31: илл. Рез.англ.
20. Клейма и знаки на кирпичях XII в. из церкви Дмитрия Солунского в Пскове // СА. № 2. С.272-278: илл.
21. Клейма на кирпичях XII в. из церкви Дмитрия Солунского в Пскове // СГЭ. Вып.33. С.55-58: илл. Рез.англ.
22. Работа Псковской археологической экспедиции Эрмитажа в 1968 г. // СГЭ. Вып.33. С.114-115.

1972

23. Археологические работы на территории Пушкинского заповедника // АО-1971. С.28.
24. Работы Псковской экспедиции Государственного Эрмитажа в 1971 г. // ТД СПИПАИ 1971. Археол.секция. М. С.109-110.

1973

25. Работы в Пушкинском заповеднике // АО-1972. С.8-9. (В соавт. с С.В.Белецким, Л.А.Царьковой, С.И.Янковским).
26. Работы Псковской экспедиции // АО-1972. С.8.

1974

27. Некоторые данные к атрибуции храма № 1 из раскопок в Пскове в 1959-1963 гг. // АСГЭ. Вып.16. С.144-154: илл. Рез.англ.
28. Печать посадников псковских // СГЭ. Вып.38. С.28-30: илл. Рез.англ.
29. Псковская экспедиция // АО-1973. С.6-7 (В соавт. с С.В.Белецким).
30. Церковь Кирилла 1374 г. в Пскове (по материалам археологических раскопок) // Культура средневековой Руси. Л. С.103-107: илл.

1975

31. Костяная печать из Пскова // СГЭ. Вып.40. С.24-25: илл. Рез.англ.
32. Псковская экспедиция Государственного Эрмитажа // АО-1974. С.6 (В соавт. с С.В.Белецким).

1976

33. Псковская экспедиция Государственного Эрмитажа // АО-1975. С.5-6: илл.

1977

34. Археологические работы в Государственном заповеднике им. А.С.Пушкина // АСГЭ. Вып.18. С.110-125: илл. Рез.англ.
35. Городской архив древнего Пскова // Наука и жизнь, № 11. С.105: илл.
36. Работы Псковской экспедиции Государственного Эрмитажа // АО-1976. С.5-6: илл.

1978

37. Пять актовых печатей XII-XV вв. из Пскова // СГЭ. Вып.43. С.25-27: илл. Рез.англ.
38. Работы Псковской экспедиции Государственного Эрмитажа // АО-1977. С.5-6: илл.

1979

39. Работы Псковской экспедиции Государственного Эрмитажа // АО-1978. С.3. (В соавт. с Е.Г.Шейн-иной).
40. Сосуд из могилы псковского князя Всеволода-Гайрида Мстиславича (1138) // СА. № 3. С.275-279: илл. (В соавт. с С.В.Белецким).

1980

41. Живопись в храмах XIV в. из раскопок в Довмонтовом городе Пскова // Дрепнерусское искусство: Монументальная живопись XV-XVII вв. М. С.210-242: илл.
42. Итоги археологического изучения Довмонтова города средневекового Пскова // АИП. (Вып.1). Псков. С.6-7.
43. Раскопки в Пскове на вечевой площади // АО-1979. С.3.
44. Раскопки во Пскове в 1978 г. // СГЭ. Вып.45. С.30-33. Рез.англ.

1981

45. Раскопки в Довмонтовом городе Пскова // АО-1980. С.5.

1982

46. Исследования Довмонтова города в 1980 г. // АИП. (Вып.2). Псков. С.46-48.
47. К вопросу о печатях псковских посадников // АИП. (Вып.2). Псков. С.19-21.

1983

48. Именные владычные печати Пскова // АИП. (Вып.3). Псков. С.13-14. (В соавт. с С.В.Белецким).
49. Работы Псковской экспедиции Государственного Эрмитажа // АО -1981. С.6.
50. "Храм № 1" и некоторые вопросы атрибуции церкви Довмонтова города // Археологическое изучение Пскова. М. С.163-191: илл.

1984

51. Довмонтов город средневекового Пскова // Дрепнеруский город. Киев. С.18-19.
52. О печатях псковских посадников // КСИА. № 179. С.63-66: илл.
53. Работы Псковской экспедиции Эрмитажа // АО-1982. С.7: илл.

1985

54. Довмонтов город средневекового Пскова // ТД сов. делегации на 5-м МКСА. М. С.149-150.
55. Изображения Троицы на актовых печатях Пскова: (к иконографич. композиции) // АИП. (Вып.5). Псков. С.11-15. (В соавт. с С.В.Белецким).
56. Исследования в Псковском Кремле // АО-1973. С.7-8: илл.
57. Работы в Псковском Кремле в 1983 г. // АИП. (Вып.5). Псков. С.70-71.

1986

58. Довмонтов город: Архитектура и монументальная живопись XIV в. — Л.: Искусство. 147 с., 20 л. илл.
59. Исследования в Псковском Кремле // АИП. (Вып.6). Псков. С.79-80.
60. Раскопки в Псковском Кремле // АО-1984. С.5.

1987

61. Довмонтов город средневекового Пскова // Труды V МКСА. М. Т.III. Вып.2а. Секц.VI. С.31-35.
62. Некоторые вопросы музеефикации раскопанных памятников в Пскове // Тезисы Чернигов. обл. науч.-метод. конф., посвящ. 20-летию ЧГАИЗ. Чернигов. С.54-55.
63. Новые данные о времени строительства Псковского Кремля // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. М. С.34-35 (В соавт. с С.В.Белецким).

64. О принципах составления "слоесных коний" с древних печатей: (к атрибуции памятников псковского происхождения) // Земля Псковская, древняя и социалистическая. (Вып.2). Псков. С.97-98. (В соавт. с С.В.Белецким).
65. Работы Псковской экспедиции Эрмитажа // АО-1985. С.5.

1988

66. Гребля Псковского Крома // АИП. (Вып.8). Псков. С.13-15. (В соавт. с С.В.Белецким).
67. Домонтово город // Древний Псков: История, искусство, археология: Новые исследования. М. С.99-112: илл.
68. Исследования в Домонтовом городе // АИП. (Вып.8). Псков. С.151-152.
69. Печать князя Игоря // Древности славян и Руси. М. С.105-110: илл. (В соавт. с С.В.Белецким).
70. Раскопки в Псковском Кремле // АО-1986. С.15-16.

1989

71. Именная владичная печать XV в. из Пскова: (судьба памятника) // АИП. (Вып.10). Псков. С.25. (В соавт. с С.В.Белецким, Д.Б.Марковым).
72. Псковская экспедиция Эрмитажа: (к итогам раскопок 1954-1987 гг.) // Итоги работ археол. экспедиций Эрмитажа. Л. С.188-205: илл.

1991

73. Археологическое изучение Пскова: Некоторые итоги и перспективы: ТД на VI МКСА. Л. 14 с. (В соавт. с С.В.Белецким).
74. Древний Псков по данным археологии: (опыт периодизации) // Древние культуры и археологические изыскания: Материалы к Пленуму ИИМК 1991 г. СПб. С.37-41. (В соавт. с С.В.Белецким, В.И.Кильдюшевским).
75. Древний Псков: (по материалам раскопок экспедиции Эрмитажа) : Каталог выставки // ГЭ. Л. 98 с.: илл.
76. Работа Псковской экспедиции Эрмитажа в 1990 г. // Отчетная археолог. сессия / Гос. Эрмитажа. СПб. С.13-15.

1992

77. Новые раскопки на Псковском городище // Отчетная археолог. сессия / Гос. Эрмитаж. СПб. С.13-15. (В соавт. с С.В.Белецким).

1993

78. Раскопки в Псковском Кремле в 1992 г. и проблема происхождения города Пскова // Отчетная археолог. сессия / Гос. Эрмитаж. СПб. С.7-9. (В соавт. с С.В.Белецким).

1994

79. Предисловие // Древний Псков. Исследования средневекового города. СПб. С.3.
80. Псковская экспедиция Эрмитажа: (1954-1991) // Древний Псков. Исследования средневекового города. СПб. С.9-15.
81. Шесть десятилетий археологического изучения древнего Пскова // Древний Псков. Исследования средневекового города. СПб. С.4-8. (В соавт. с С.В.Белецким).

1995

82. "Архив" из раскопок в Домонтовом городе Пскова: (состав, хронология, атрибуция) // Древности северо-запада России: Сборник материалов научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Г.П. Гроздилова. СПб. С.93-96. (В соавт. с С.В.Белецким).
83. Изображения троицы на именных владичных печатях Пскова: (к иконографии композиции) // У истоков русской культуры. XII-XVII вв. СПб. С.41-58: илл. (В соавт. с С.В.Белецким).
84. Исследования Часовой башни и Великих (Темных) ворот Псковского кремля // Фортификация

древности и средневековье. СПб. С.98-101: илл. (В соавт. с С.В. Белецким, Е.В. Скрынниковой).

85. Псковская сфрагистика // Древности Северо-Западной России: К 90-летию со дня рождения Г.П. Гроздилова: Каталог выставки. СПб. С.162-190: илл. (В соавт. с С.В.Белецким).
86. Псковский кремль: (Кром, Довмонтов город) // "Церковная археология". Ч.2. Христианство и древнерусская культура. СПб.-Псков. С.125-135: илл.
87. Первые абсолютные даты Псковского городища и проблема происхождения и крещения города в Пскове // Восточная Европа в древности и средневековье: Язычество, христианство, церковь. М. С. 6-8. (В соавт. с С.В.Белецким).

1996

88. Исследования и музеефикация Псковского Кремля: (1930-1995 гг.) // Новые археологические открытия и изучение культурной трансформации. СПб. С.104-107. (В соавт. с С.В.Белецким, Е.В.Скрынниковой).
89. Каменная гражданская постройка IV из Довмонтова города в Пскове // Проблемы изучения древнерусского зодчества. СПб. С.130-138: илл.

ПОДГОТОВЛЕННЫ К ИЗДАНИЮ ИЛИ НАХОДЯТСЯ В ПЕЧАТИ:

90. "Архив" из раскопок в Довмонтовом городе Пскова / Городецкое ядро средневекового Пскова. Ч.4. 10 арт.л.: илл. (В соавт. с С.В.Белецким).
91. Выставка "Древний Псков по материалам раскопок экспедиции Эрмитажа": (февраль-май 1992 г.) // СГЭ. 0,1 арт.л. Сдана в 1995 г.
92. Городецкое ядро средневекового Пскова: (исследование и музеефикация) // Вестник РГНФ. 0,3 арт.л.: илл. (В соавт. с С.В.Белецким, Е.В.Скрынниковой). Сдана в 1996 г.
93. Городецкое ядро средневекового Пскова (исследование и музеефикация) // Slavica Antiqua. 0,5 арт.л.: илл. (В соавт. с С.В.Белецким, Е.В.Скрынниковой). Сдана в 1996 г.
94. Довмонтов город // Городецкое ядро средневекового Пскова. Ч.3. 20 арт.л.: илл.
95. "Именные" владычные печати Пскова XV – начала XVI вв. // Археология Петербурга. 3/97. 4 арт.л.: илл. (В соавт. с С.В.Белецким). Сдана в 1996 г.
96. Исследования и музеефикация археологических памятников средневекового Пскова // Восточно-славянский средневековый город. Материалы конференции, посвященной 400-летию присоединения Витебску магдебургского права. Витебск. 0,3 арт.л.: илл. (В соавт. с С.В.Белецким, Е.В.Скрынниковой). Сдана в 1997 г.
97. Некоторые итоги и перспективы археологических исследований городского ядра средневекового Пскова: (Кром, Довмонтов город) // АИП. Псков. 0,2 арт.л. (В соавт. с С.В.Белецким). Сдана в 1990 г.
98. Об особенностях оформления монеты № 203 Корпуса древнейших монет России // ТД Шестой Всероссийской конференции. СПб. (В соавт. с С.В.Белецким). Сдана в 1997 г.
99. Псковский Кремль в планах и изображениях XVII – начала XX вв. // Городецкое ядро средневекового Пскова. Ч.2. Вып.1. 2,5 арт.л.: илл. Сдана в 1997 г.
100. Псковский Кремль по материалам раскопок 1930-1970-х годов / Городецкое ядро средневекового Пскова. Ч.2. Вып.2. 10 арт.л.: илл. Сдана в 1997 г. СПб. (В соавт. с С.В.Белецким).
100. Псковский Кремль по материалам раскопок 1980-1990-х годов / Городецкое ядро средневекового Пскова. Ч.2. Вып.3. 10 арт.л.: илл. Сдана в 1997 г. СПб. (В соавт. с С.В.Белецким).

Составитель *Л.М.Всевиов*

Древнейшие архитектурные формы на Русской равнине

Может показаться странным, что для сборника статей, посвященного памяти Василия Дмитриевича Белецкого, выдающегося исследователя Земли Псковской, предложена столь далекая от средневековой тема. Но В.Д.Белецкий в своих трудах, наряду с изучением проблем средневекового градостроительства и архитектуры, уделял внимание и селищам со скромными жилыми структурами, истоки которых следует искать в отдаленном прошлом в палеолитических стоянках, распространенных на Русской равнине. Естественно, в эпоху палеолита не существовало ни городов, ни городищ, ни специальных культовых зданий, но уже возникли первобытные селища, если можно так называть поселения, состоящие из хозяйственно-бытовых комплексов: отдельных жилищ и примыкающих к ним ям-хранилищ (кладовых), очагов на открытом воздухе, рабочих площадок для производства каменных и костяных орудий, а также различного рода бытовых предметов. Именно при раскопках этих памятников выявлены древнейшие архитектурные формы, являвшиеся далекими предками разнообразной средневековой архитектуры, остававшейся на протяжении почти четырех десятилетий предметом пристального внимания Василия Дмитриевича. И те же самые проблемы музеефикации раскрытых памятников, которые на протяжении многих лет ставил и успешно решал во взаимодействии с псковскими властями В.Д.Белецкий, стоят перед археологами, изучающими памятники палеолитической архитектуры.

Честь открытия первых жилищ в палеолите принадлежит советским ученым. В 1927 г. при раскопках стоянки Гагарино на Дону С.Н.Замятнин расчистил округлую в плане западину диаметром около 5 м, местами огражденную каменными плитками и костями мамонта. Исследователь дал верную трактовку обнаруженному объекту: "Открытие остатков сооружения из камней, по-видимому, основания шалаша или чума, впервые позволяет составить некоторое суждение о характере жилища палеолитического человека, когда он не мог пользоваться пещерами или другими естественными укрытиями" (Замятнин 1929: 214).

Большую роль в становлении проблемы палеолитических жилищ и поселений сыграла практическая и теоретическая деятельность П.П.Ефименко — основателя и главы советской школы палеолитоведения. Ефименко разработал в 1930-х годах методику раскопок палеолитических стоянок на широких площадях, позволившую раскрыть крупный жилой комплекс в верхнем культурном слое стоянки Костенки-1 на Дону, ставшей эталонным памятником для изучения палеолита. Исследователь обобщил крайне скудные сведения об элементах культурного слоя, которые можно было бы отнести к остаткам жилищ на памятниках Цент-

ральной и Западной Европы, обосновал возможность существования более или менее долговременных жилых структур на верхнепалеолитических стоянках и пришел к очень важному заключению об оседлом образе жизни в ту эпоху (Ефименко 1931; 1934). Это заключение получило развитие в более поздних работах как самого П.П.Ефименко, так и его учеников и последователей. Так, раскопав в 1947 г. жилище в Юдинове, К.М.Поликарпович не сомневался в том, что “это сооружение следует считать одной из первых весьма полно выраженных архитектурных форм” (Поликарпович 1968: 153).

К настоящему времени на территории Восточной Европы открыто более 100 палеолитических жилищ различных типов — от простейших, дошедших до нас в виде скоплений культурных остатков на строго ограниченной площади, до “монументальных”, построенных с использованием крупных костей мамонтов. Иногда группы жилищ составляют поселения, расположенные на мысах или вдоль берегов рек; такие поселения особенно хорошо представлены в центре Русской равнины — на Дону, в знаменитом Костенковско-Борщевском районе близ Воронежа, и в бассейне Десны — Среднего Днепра, от Брянска на севере до Канева на юге. Кроме того, выделяется район в бассейне среднего Днестра, где на стоянках Молдова-I и Молдова-V впервые исследованы остатки жилищ в слоях мустьерского времени.

Жилищам эпохи палеолита посвящена обширная литература, поставлено и решено множество связанных с этими объектами проблем. Особенно большую известность получили остатки прочных долговременных жилых сооружений, в строительстве которых применялись крупные кости мамонта — черепа, бивни, нижние челюсти, плоские кости (лопатки, тазовые) и длинные трубчатые кости конечностей — единственный органический строительный материал, сохранившийся благодаря фоссилизации. Исследованные остатки позволяют, с одной стороны, создавать различного рода реконструкции с воображаемым участием дерева и шкур, а, с другой стороны, дают хорошую возможность для создания музейной экспозиции с оставлением на месте раскрытых раскопками руинированных жилищ. Эти два различных направления для понимания строительства и формы палеолитического жилища имеют свои плюсы и минусы.

Первый путь, начинающийся с полной разборки костей после расчистки и фиксации исследованного объекта, применяется наиболее часто и позволяет затем создавать более или менее обоснованную графическую реконструкцию постройки. Всем памятно по учебникам рисунки палеолитических жилищ в виде низких куполов, напоминающих копны сена. По низу эти “купола” обставлены вертикально стоящими трубчатыми и другими тяжелыми костями, на перекрытии помещены неизвестно как держащиеся более легкие лопатки, бивни и ребра. Заслуживает внимания первый и пока единственный опыт реконструкции каркаса из костей в натуральную величину, предпринятый И.Г.Пидопличко для жилища, открытого в Межириче. Исследователь отмечал, что полная разборка трех жилищ в Межириче была важна для решения вопроса о принципах построения жилищ из костей мамонта, их формах и архитектуре, и эта работа полностью себя оправдала (Пидопличко 1976: 48,49). Разумеется, для этих целей была применена детальнейшая полевая фиксация каждой кости. Метод записей Пидопличко позволил ему найти в лабораторных условиях место каждого элемента структуры. Первоначально были выполнены макеты каркасов всех трех жилищ,

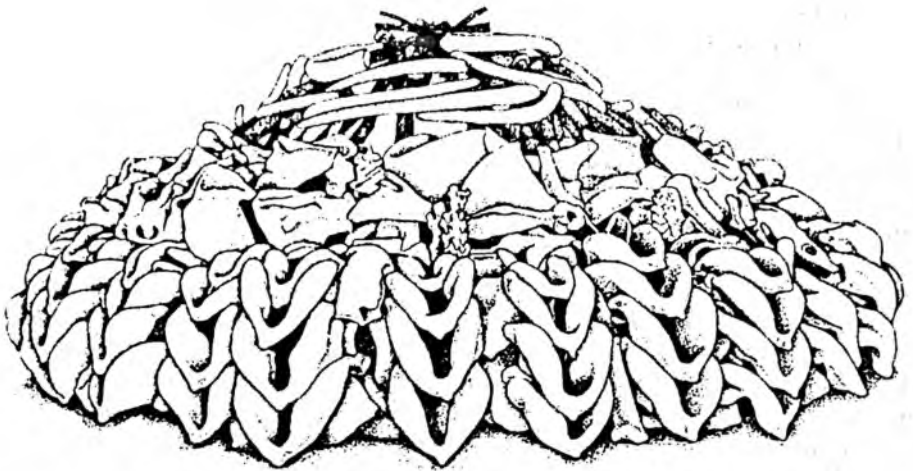
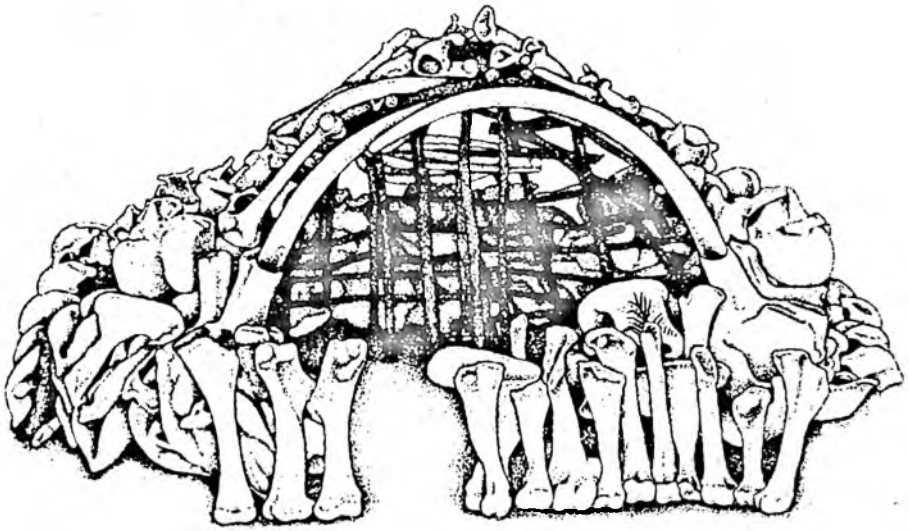

Рис. 1 Реконструкция жилища I из Межирича (по И.Г.Пидопличко)

уменьшенных в 10 раз, и лишь затем установлен макет одного жилища в натуральную величину. Копии костей изготавливались из гипса. При этом приходилось решать вопросы, связанные с характером и качеством деревянных жердей, способных удерживать тяжесть. Результатом этой сложной и трудоемкой работы явилась необычайно зрелищная реконструкция первого жилища из Межирича, представленная в экспозиции Палеонтологического музея Института зоологии АН Украины (рис.1).

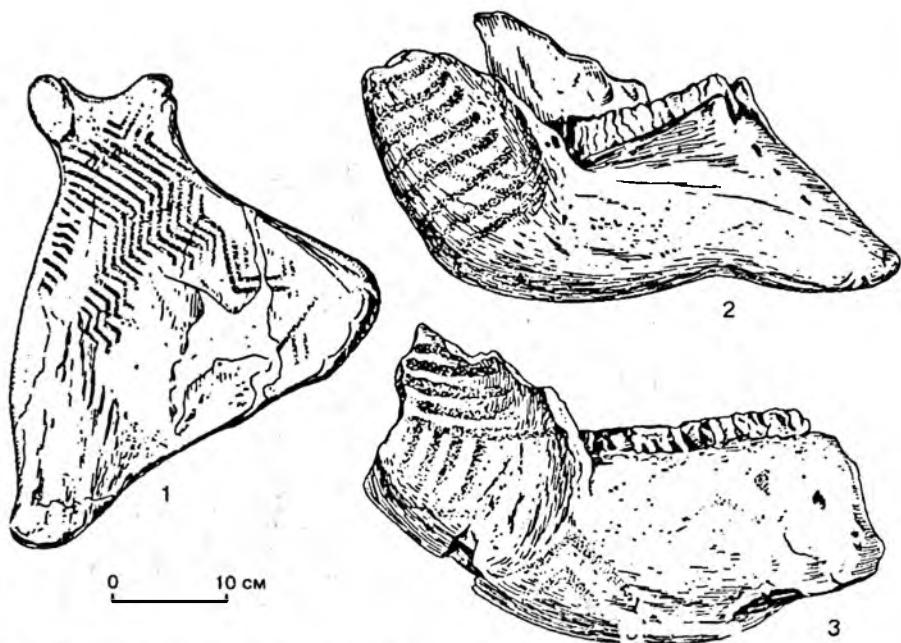
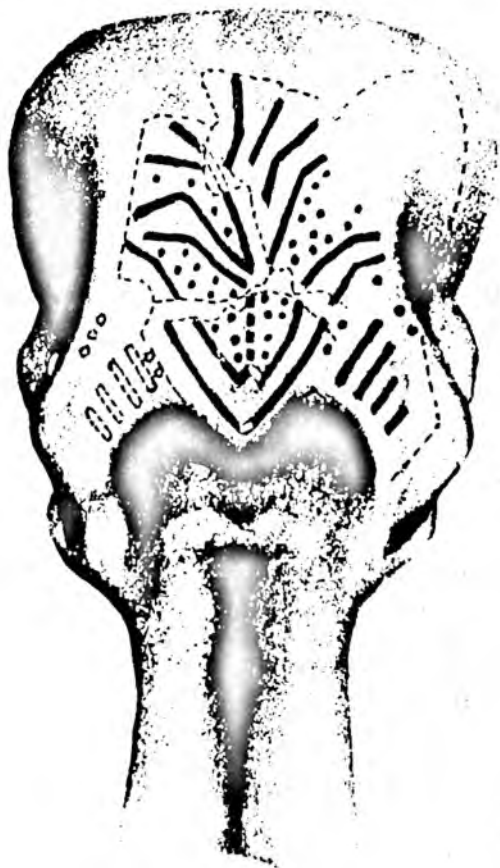

Рис. 2 Орнаментированные лопатка (1) и нижние челюсти (2,3) мамонта из Мезино (по И.Г.Пидопличко)

Вместе с тем, достоверной в этой реконструкции может считаться только цокольная часть постройки, составленная из "основной" (вкопанных по кругу черепов мамонта) и "внешней" защитной обкладок. Последняя была сооружена из эффектных колонок опрокинутых нижних челюстей мамонта. И.Г.Пидопличко особо подчеркивал, что "кости, входившие в обкладку цокольной и частично надцокольной части жилища, преимущественно нижние челюсти мамонта, еще при функционировании жилища были присыпаны землей (с целью его укрепления) и поэтому сохранились лучше других костей. Максиллярные части черепов, входившие в состав цоколя жилища, также хорошо сохранились, поскольку частично были вкопаны в землю и довольно быстро занесены делювиальным суглинком после ухода обитателей. Черепные коробки и вообще верхние части черепов и других костей, входившие в состав цоколя, оказались сильно разрушенными и выветренными" (Пидопличко 1969: 125).

По сути дела, расположение костей в надцокольном ярусе ничем не подтверждено. Особенно недоказуемым представляется технически неосуществимое размещение правильного ряда черепов на тыльной стороне жилища (Пидопличко 1969: рис.62; 1976: рис. 33; ср.: Gladkih, Kornietz, Soffer 1984: 164-169). Очевидно, что из довольно схематичного чертежа плана жилища невозможно вывести сколь-нибудь четкую картину размещения костей выше цоколя, сохранившихся благодаря засыпке землей (типа завалинки высотой до 1 м). Сказанное полностью снимает существующее в литературе утверждение о чисто "орнаментальном", эстетическом характере обкладки из нижних челюстей, якобы видной издали. Кстати, сам И.Г.Пидопличко не избежал данного заблуждения, представив реконструкции жилищ на рисунках так, что все кости цоколя хорошо видны (Пидопличко 1976: рис.35-37). Наблюдения над костями мамонта в юдиновских жилищах свидетельствуют о

Рис. 3 Орнаментированный череп мамонта из жилища I в Межириче (по И.Г.Пидопличко)

значительной разнице в сохранности костей, перекрытых землей в период функционирования жилища, и костей, находившихся над поверхностью земли.

Можно полностью согласиться с И.Г.Пидопличко в том, что в Межириче представлен “как бы законченный позднепалеолитический вид жилища, причем довольно сложный и замысловатый с точки зрения строительства и архитектуры. По сравнению с другими подобными жилищами в нем появился новый архитектурный элемент — специальная внешняя обкладка цокольной и частично надцокольной части нижними челюстями мамонта, придавая жилищу красивый вид. Однако эта красивость не была специально предусмотрена строителями, а получилась сама собой в ходе укрепления цокольной части жилища. В то же время нельзя отрицать наличие у межиричских позднепалеолитических строителей определенного художественно-архитектурного вкуса и достаточно высокой по тогдашнему времени строительной техники” (Пидопличко 1969: 118).

Несмотря на определенные сомнения, реконструкция каркаса жилища несомненно представляет большой интерес. Это первая архитектурная форма, которая соответствует понятию архитектуры как строительного искусства — искусства проектировать и строить, тесно соединенного с понятиями целесообразности и красоты, которые мы видим и в других реконструкциях жилищ той же эпохи: в Аносовке-2, где в обкладке цоколя зафиксированы колонки из нижних челюстей, в Мезине, Юди-

ново и др. Особо нужно подчеркнуть, что в плане форма палеолитических жилищ была округлой или овальной, но никогда четырехугольной. Видимо круг или овал были оптимальными для создания перекрытия.

Для поздних аналогий любопытен еще один факт: сочетание в одной постройке жилой и культовой функций. Об этом свидетельствуют находки в мезинском жилище и жилище 1 в Межириче крупных костей мамонта с остатками росписи красной охрой — редчайший случай в палеолите. Даже не привлекая этнографические параллели, очевидно необычное значение этих костей — покрытых геометрическим узором лопатки и нижних челюстей в Мезине (рис.2) или покрытого более сложным узором черепа, стоявшего у входа в жилище 1 в Межириче. Последний из названных орнаментов (рис.3) И.Г.Пидопличко трактует как изображение огня.

Второй путь изучения палеолитического жилища ведет не к уничтожению реального археологического объекта (пусть даже с предварительным детальным составлением всей возможной документации), а к его сохранению в условиях музейного павильона. Первый опыт в этом направлении был предпринят А.Н.Рогачевым в начале 1960-х годов, когда над развалинами жилой структуры в Аносовке-2 был сооружен временный дощатый павильон площадью 150 м². К столетию открытия палеолита в Костенках, в 1979 г. местные власти завершили строительство музея над стоянкой — кирпичного здания площадью 720 м², где сохраняются и экспонируются остатки жилища диаметром 8 м.

В 1973 г. был построен, а в 1977 г. открыт музей над остатками жилища в Добраничевке (Украина), созданный, по словам И.Г.Шовкопляса, “методом народной стройки” на добровольных началах: в основе экспозиции, размещенной в небольшом кирпичном здании, представлены остатки одного из хозяйственно-бытовых комплексов стоянки вокруг жилища диаметром 4 м.

Еще один пример — здание из силикатного кирпича, сооруженное в 1984 г. в Юдинове над развалинами двух расположенных рядом жилищ (диаметром 5 м каждое) на глубине 2 м от современной дневной поверхности (Абрамова 1995). Павильон размерами 15 x 10 м обязан своим появлением колхозу “Победа”, на землях которого расположена стоянка, прежде всего председателю колхоза, герою социалистического труда М.С.Баранку. Проект здания разработан местным энтузиастом-краеведом Л.И.Гришиным, создавшим в селе замечательный музей и за свою многолетнюю работу получивший звание заслуженного деятеля науки.

Абрамова З.А. 1995. Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. Вып.1. СПб.

Ефименко П.П. 1931. Значение женщины в ориньякскую эпоху // Известия ГАИМК, т.II, вып.3-4.

Ефименко П.П. 1934. Дородовое общество. Л.

Замятин С.Н. 1929. Экспедиция по изучению культур палеолита в 1927 г. // Сообщения ГАИМК, т.II.

Замятин С.Н. Раскопки у с.Гагарина // Известия ГАИМК, вып.118.

Пидопличко И.Г. 1969. Позднепалеолитические жилища из костей мамонта на Украине. Киев.

Пидопличко И.Г. 1976. Межиричские жилища из костей мамонта. Киев.

Поликарпович К.М. 1968. Палеолит Верхнего Поднепровья. Минск.

Gladkih M., Kornietz N., Soffer O. 1984. Mammoth-Bone Dwellings on the Russian Plain // Scientific American. V.251. № 5.

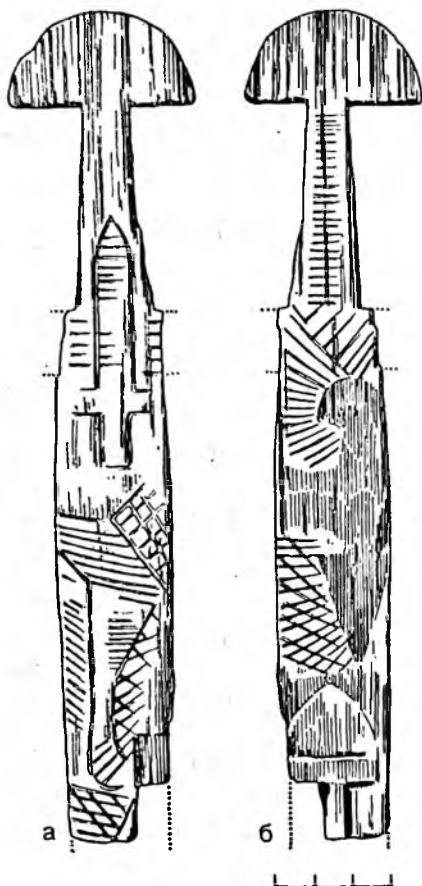
Псковский деревянный меч с изображениями: традиция и семантика

В постройке из горизонта Е раскопа 1956 г. в Среднем городе Пскова в отложениях, датированных Г.П.Гроздиловым X-XI вв., в постройке X в. был найден обломанный деревянный меч (рис.1) с двусторонними изображениями (Гроздилов 1962: 55-56, рис.43). Меч лежал *in situ* на развалинах печки-каменки. Судя по форме навершия, меч относится к широко распространенному типу X, датируемому X-XII вв. Известно, что мечи этого типа имели довольно длинное перекрестие (Кирпичников 1966: 54); такое же перекрестье было, очевидно, и у его деревянного репликата, поэтому неудивительно, что оно полностью обломано. Конец лезвия также обломан; у излома изображена рукоять меча с заостренным навершием. По классификации А.Н.Кирпичникова, заостренное навершие встречается у мечей трех типов — Н, Е и V, которые относятся, соответственно, ко второй половине X — середине XI, к IX-X вв. и к X в. (Кирпичников 1966: 27,31,32, табл. I,2, VI,3; VIII,4). В недавно вышедшей статье Е.И. Оятевой, посвященной псковскому деревянному мечу, специально отмечено также, что у навершия есть изображение кинжала с клиновидным лезвием, сохранившееся в виде тонировки (Оятева 1995: 91,92, рис.1). Возможно, это также стилизованный меч: похожее граффити меча со стилизованным треугольным клинком (рис.2,2) известно на дне бронзовой чаши из кургана № 459 Тимеревского могильника (Добровольский, Дубов, Кузьменко 1991: 54). На противоположной стороне деревянного клинка — изображение меча или кинжала крестовидной формы с заостренным концом лезвия и без навершия.

Судя по пропорциям псковского деревянного меча, от целого экземпляра уцелело около половины (20,6 см), так что, видимо, сохранившиеся изображения сюжетная компоновка и ограничивалась. Во всяком случае, на целиком сохранившемся ладожском экземпляре изображения занимали верхнюю половину лезвия деревянного меча. Таким образом, на псковском мече представлен хорошо известный в языческое время принцип утроения, применявшийся в культовых целях. Например, на гнездовском амулете на кольце нанизаны три миниатюрные изображения кос; известно, что коса использовалась в качестве оберега как у славян, так и у других народов Европы (Пушкина 1990: 117-118).

В “Саге о Ньяле” во время сражения “Гуннар нанес ответный удар, и казалось, что не один, а три меча в воздухе, и Ванди увидел, что ему нет спасения” (Исландские саги: 490). Три меча здесь — символ скорости. По-видимому, были и другие способы передать ту же идею. Так, интересное граффити меча зафиксировано на византийской монете 945-959 гг. из Ериловского клада, найденного в Островском районе

Рис. 1 Деревянный меч с изображениями из раскопок в Пскове

Псковской области: здесь имеется изображение рукояти и верхней половины лезвия меча — по навершию, типа V. От рукояти и перекрестья меча вниз отходят три плавные линии, которые трактуются как “крылья”, а сам меч считают чем-то вроде “крылатого меча” (Добровольский, Дубов, Кузьменко: 55,56, рис.15, 16,1). При этом авторы свода по граффити отметили, что не знают аналогии мечу с крыльями в русском или скандинавском фольклоре, хотя и приводят изображения крыльев птиц в качестве аналогий. Однако, возможно, что здесь отражена идея меча-саморуба сказок, который как-то должен был держаться в воздухе мифологического пространства. По-видимому, это можно трактовать как не очень удачную попытку изобразить в миниатюре ускорение меча во время боя. Очень узкий клинок “крылатого” меча, как будто, свидетельствует в пользу того, что это был не обычный меч, а однолезвийный облегченный лангсак, работать которым в бою можно было быстрее, чем обычным тяжелым двулезвийным мечом.

Другая сюжетная линия декора на клинке псковского меча связана со стилизованным изображением лапы животного. Абрис лапы перекрывается сверху изображением “сетки”, и часть такой же “сетки” видна у нижней части лапы — у излома. По-видимому, перед нами обычный принцип *pars pro toto*, когда целое изображение не умещалось и приходилось ограничиваться его частью. Надо отметить, что изображения подобной сетки известны; в частности, на каменной плитке, найденной на городище Камно, по двум углам квадратной сетки есть изоб-

ражения грузил (Тараканова 1953: 209). Наиболее вероятная семантика такого изображения применительно к животному — это сеть для ловли дичи, или даже сеть, обладающая магической силой (Голан 1994: 88-89). Учитывая общий сакральный характер символики на мече (Оятева 1995: 92), последнее особенно существенно.

Итак, декор на псковском деревянном мече можно в целом охарактеризовать как сюжет типа “магическая сеть на звере”. Едва ли здесь изображена, как полагает Е.И.Оятева, жертвенная нога животного — тогда сеть вряд ли понадобилась бы. Во всяком случае, в дальнейших поисках следует обратить самое пристальное внимание на североевропейские мифологические сюжеты, связанные с магической сетью и магическим же зверем. Так, по “Младшей Эдде”, когда асы пытались связать Фенрира-волка, он последовательно разорвал две чудо-цепи — Лединг и Дроми, и только волшебные путы Глейнир в виде ленты позволили усмирить зверя (Снорри Стурлсон 1970: 49-51). Эдда отражает преимущественно северную традицию; в принципе, в обширном германском мире могли сохраняться и иные версии пут для волка — не только в виде цепей или ленты.

Можно возразить, что сюжет с Фенриром в Восточной Европе не был известен и, следовательно, приводимые построения повисают в воздухе. Однако, уже обращалось внимание на то, что парные звери (волки или собаки) с капителей Борисоглебского собора в Чернигове близки норвежской резьбе XII в., а лента, оплетающая лапы и шею отдельного зверя и имеющая завершения в виде змеиных головок, также имеет выраженные скандинавские аналогии в орнаментике эпохи викингов (Орлов 1990: 32). Учитывая, что резьба Борисоглебского собора относится к XII, а не к X в., первоначальный сюжет, судя по всему, уже начал забываться, и изображались парные звери, сплетенные хвостами. Первоначальный же сюжет, учитывая ярко выраженную специфику скандинавских аналогий, был суть тот же — Фенрир-волк в путах Глейнир. Стоит отметить, что лапа зверя с псковского меча весьма близка задней ладе волка с черниговской капители. Учитывая хорошо известные скандинавско-русские реалии в материалах ряда черниговских курганов X в., удивляться этому не приходится.

Та же поза зверя — с головой, повернутой назад и с попыткой имитации в миниатюре ленты-пут — есть на двух круглых подвесках из Смоленска (рис.2,3,4). Подвески были обнаружены в слое XII в. на усадьбе Б в сопровождении младшерунической берестяной грамоты с упоминанием, что участок земли куплен неким Вискаром или Висгейром (Асташова 1991: 41-42, рис.13,4,5). По-видимому, тот же сюжет представлен и на каменной плите X в. из Йорка, только голова зверя не повернута назад (Hall 1986: 86, t.90). В целом же сюжетное изображение волка в путах может быть понято как символ связанного или связываемого зла, и в качестве такового это изображение одинаково уместно как на капители храма, так и на отдельно взятом амулете.

Возвращаясь к сюжету с псковским мечом, отмечу, что находки деревянных мечей известны в ряде древнерусских городов — в Ладоге, Новгороде, Пскове, Минске, Берестье. В одной только Ладоге найдено 38 мечей и 4 копыя из дерева, причисляемых к детскому игрушечному оружию (Рябинин 1995: 55, 56 рис.2). При этом почти все находки происходят из слоя Ез (750-830) и один меч — из слоя Е1 (конец IX — начало X вв.), тогда как в других городах мечи известны из слоев более позднего времени — до XII-XIII вв. Любопытно, что в восточ-

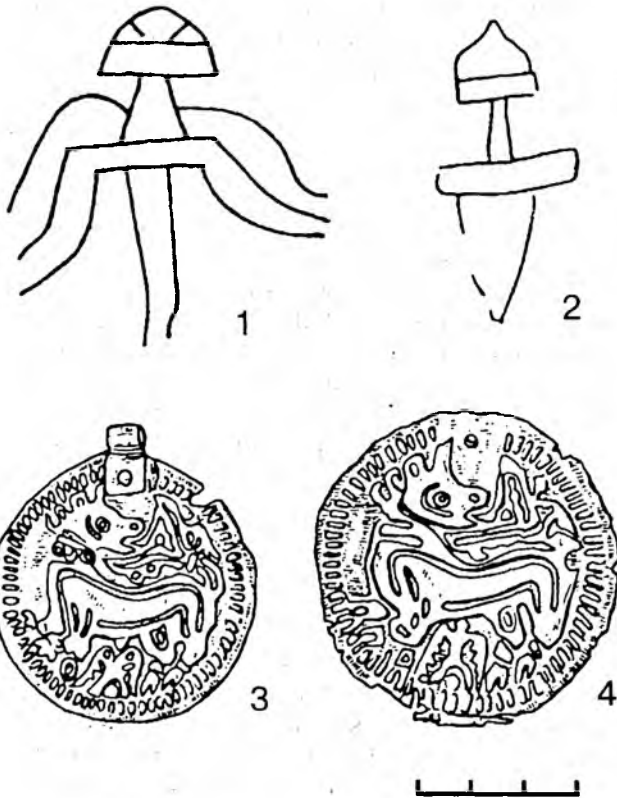

Рис. 2 1 — Изображение меча на византийской монете 945-959 гг. (Ериловский клад); 2 — изображение меча на дне бронзовой чаши (Тимсервский могильник); 3-4 — подвески (Смоленск). № 1 и 2 — без масштаба.

нославянской этнографии использование деревянного оружия неизвестно. Зато применение такового хорошо известно в этнографии Западной Европы. Так, в Германии в начале весны происходил бой между сторонниками Зимы и Лета, причем те, кто в свите Зимы вооружались снежными глыбами, а сторонники Лета — деревянными мечами, серпами, вилами и другими земледельческими орудиями (Афанасьев 1994: 692). В Германии же отмечен обычай пускать зажженные деревянные стрелы (Афанасьев 1994: 699, 700). У восточных славян известны только кулачные бои на масленицу (Зеленин 1991: 406). Иными словами, перед нами две совершенно разные устойчивые этнографические традиции, причем традиция с деревянным оружием, судя по ранним находкам, появляется вначале в Ладоге в уже сформировавшемся виде вместе со скандинавами, а в Пскове и Новгороде распространяется несколько позднее.

Применение вотивных деревянных мечей и копий именно в германском, а не в славянском мире вполне закономерно, поскольку меч, щит и копьё с древнейшего времени входили в комплекс обычного народного вооружения германцев. Так, после поражения готов от Клавдия, земли были усеяны их щитами, мечами, и короткими копьями (Властелины Рима 1992: 261). В VII в. в лангобардском эдикте упоминается о «священном оружии» (Кардини 1987: 331). Славяне же и к середине VI в. обходились щитом и дротиками (Прокопий 1950: 297,

III,14,22). Само слово *меч* большинство исследователей считают общеславянским заимствованием из готского *mkeis* (Шанский, Иванов, Шанская 1961: 200).

Размеры рукоятей деревянных мечей, рассчитанных, как правило на детскую руку, свидетельствуют, скорее, о размывании обряда — явление хорошо известное в этнографии: обряды, когда-то бывшие уделом взрослых, исполняются детьми, однако смысл обряда остается.

На псковском деревянном мече — между изображениями и частично накладываясь на них — имеются также различные нарезки в виде параллельных, перекрещивающихся и радиальных линий. Учитывая сакральную специфику предмета, необходимо иметь в виду, что до позднейшего времени нарезки на стенах имели магический характер (Афанасьев 1994: 631).

Наконец, представляется далеко не случайной находка меча (пусть деревянного, но — сакрального) на остатках разваленной печи-каменки. Представление об очистительной силе печи или очага и возложение рук на очаг с этой же целью этнографически хорошо известны (Афанасьев 1994: 34; Байбури 1993:116,117). Надо думать, что пустая и даже частично разрушенная печь не утрачивала своей ритуальной значимости.

Таким образом, первоначально и по преимуществу деревянное оружие является отражением привнесенной со стороны иноэтничной, по-видимому, германской традиции, причем, судя по источникам, традиция эта была далеко не единственной. Отражением привнесенных с этой традицией мифологических реалий являются изображения на псковском деревянном мече.

-
- Асташова Н.И. 1991. Усадьбы древнего Смоленска // Смоленск и Глѣздово (к истории древнерусского города). М.
- Афанасьев А.Н. 1994. Поэтические воззрения славян на природу. Т.3. М.
- Байбури А.К. 1993. Ритуал в традиционной культуре. СПб.
- Властелины Рима. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана. М. 1992.
- Голой А. 1994. Миф и символ. Иерусалим-М.
- Гроздилов Г.П. 1962. Раскопки древнего Пскова (1954-1956 гг.) // АСГЭ, № 4, Л.
- Добровольский И.Г., Дубов И.В., Кузьменко Ю.К. 1991. Граффити на восточных монетах // Древняя Русь и сопредельные страны. Л.
- Зеленин Д.К. 1991. Восточнославянская этнография, М.
- Исландские саги. М. 1956.
- Кардини Ф. 1987. Истоки средневекового рыцарства. М.
- Кириичников А.Н. 1966. Древнерусское оружие. Вып.1. // САИ, Е1-36, М.-Л.
- Орлов Р.С. 1990. Белокаменная резьба древнерусского Чернигова // Проблемы археологии Южной Руси. Материалы историко-археологического семинара "Чернигов и его округа в IX-XIII вв." Киев.
- Оягена Е.И. 1995. Деревянный меч из древнего Пскова // Древности Северо-Западной России. Сборник материалов научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Г.П.Гроздилова. СПб.
- Прокопий из Кесарии. Война с готами. М. 1950.
- Пушкина Т.А. 1990. Три амулета из Гнездова // Проблемы археологии Евразии (по материалам ГИМ) // Труды ГИМ. № 74. М.
- Рябинин Е.А. 1995. Предметы вооружения и их иммиграции из Старой Ладogi (материалы новых исследований) // Древности Северо-Западной России. Сборник материалов научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Г.П.Гроздилова. СПб.
- Снорри Стурлусон. Младшая Эдда. Л. 1970.
- Тараканова С.А. 1953. Древности Псковской земли // По следам древних культур. Древняя Русь. М.
- Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. 1961. Краткий этимологический словарь русского языка. М.
- Hall R. 1986. The viking dig. The Excavations at York. London.

А.А.Александров, А.С.Башарин, С.В.Белецкий,
М.В.Вениг, Е.В.Скрынникова

Археологическая экскурсия в окрестности летописного Будугина

Одна из традиций, многие годы существовавшая в Псковской археологической экспедиции Эрмитажа — это проведение так называемых “археологических экскурсий” — поездок из города на выходные дни в область и совмещение пикника с решением конкретной, локальной научной задачи. Одна из последних “археологических экскурсий”, программа которой была обсуждена с Василием Дмитриевичем и откорректирована им — это трехдневная поездка авторов на место, связываемое преданиями с рождением Владимира Святого — великого киевского князя, крестителя Руси.

В низовьях р.Великая зафиксирован пласт так называемой “ольгинской” топонимики, связываемой с происхождением княгини Ольги в местечке Выбуты (Лыбуты) под Псковом (Александров 1994). Заметная концентрация микротопонимов и преданий зафиксирована, в частности, в окрестностях д.Будник на р.Череха в 9 км к югу от Пскова. Будник отождествляют с летописным селом Будугиным, принадлежавшим Ольге. С конца XVIII в. известно местное предание о рождении здесь внука Ольги, князя Владимира Святославича (Ильинский 1790; Болховитинов 1831; Толстой 1861; Богушевский 1879), с того же времени известно о существовании близ деревни на берегу Черехи камня, который, по устной традиции, лежит на месте рождения Владимира (Василёв 1896).

В 1995 г. мыг осмотрели окрестности д.Будник. Установлено, что камень находится на краю обрывистого правого берега р.Череха. Это — гранитный валун подпрямоугольных очертаний (1,27 x 1 x 0,7 м). Верхняя часть камня обожжена. Известные по рассказам местных жителей знаки на поверхности камня не обнаружены. Осмотр береговой полосы показал, что на протяжении 1,5 км в сером гумусированном слое старой распахши встречены многочисленные железистые конкреции — т.н. “бобовница” (железная руда) и единичные железные шлаки. В западной оконечности этой полосы найдены единичные фрагменты сильно измельченной лепной и раннегончарной керамики X в. Таким образом, окрестности д.Будник в X в. представляли собой “зону обитания”, и это определяет перспективы для продолжения работ. Во время “археологической экскурсии” были также сделаны новые записи преданий о княгине Ольге и рождении Владимира Святого.

Александров А.А. 1994. Ольгинская топонимика, выбутские сопки и руссы в Псковской земле // Памятники средневековой культуры. Открытия и версии. Спб.

Богушевский Н.К. 1879. О селе Выбутах (Лыбутах), родине Святой Великой княгини Ольги Российской, Логазовской волости Псковского уезда. Псков.

Болховитинов Е. 1831. История княжества Псковского с присовокуплением плана г. Пскова. Киев.

Василёв И.И. 1896. Псковская губерния. Историко-географический очерк. Псков.

Ильинский Н. 1790. Историческое описание г. Пскова. Спб.

Толстой М. 1861. Святыни и древности Пскова. М.

«Римский большевик» Катилина и философия истории А. Блока

*Страсть к разрушению
есть вместе и творческая страсть.*

М. Бакушин

“Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые!
Его призвали всеблагие
Как собеседника на пир...”

Мы часто повторяем эти тютчевские строки (чаще всего — с горькой иронией), не особенно задумываясь о тех исторических реалиях, которые за ними стоят. Между тем, хорошо известно, во что обошлось Цицерону, к которому обращено это стихотворение, его участие в “пире всеблагих” и чем был в действительности сам этот “пир”. В нашей исторической памяти встают страшные конвульсии огромной державы, гражданские междуусобицы, разгул политического гангстеризма, затем — владычество озверевшей от крови солдатни, резня на улицах и площадях “вечного города”, грубое попрание всех норм традиционной морали и как венец всей этой вакханалии насилия отрубленная голова старого оратора, красующаяся на пиришественном столе пьяного триумвира Марка Антония. Конечно, Тютчев все это прекрасно знал, и, все же, в страшной судьбе Цицерона сумел увидеть знак особого благоволения к нему со стороны небожителей, приравняв его к блаженным героям седой древности, вознесенным богами на Олимп, как это было с Ганимедом или Гераклом.

Разумеется, мы помним и о том, что поэт, писавший эти строки, видел перед собой относительно благополучную Европу начала 30-х годов прошлого века, что для него самого “роковой минутой” была почти опереточная, по нашим теперешним понятиям и меркам, Июльская революция во Франции, в те времена только что отгремевшая. Но вот, спустя без малого столетие, к тем же самым эпизодам римской истории обратился другой великий русский поэт, и, несмотря на то, что годы, дни и минуты, переживаемые в то время Россией и Европой, были по-настоящему роковыми, а сам поэт находился не в тихой зеленой Баварии, а в страшном революционном Петрограде зимы-весны 1918 г., в самом эпицентре поистине катастрофических, потрясших весь мир событий, он все еще готов был ощущать себя “собеседником”, приглашенным на пир богов, “Зрителем их высоких зрелищ”, распространяя эту тютчевскую метафору и на те события современности, свидетелем которых был он сам, и на их обратную проекцию в

отдаленную эпоху гражданских войн в Риме.¹ Речь идет, разумеется, об Александре Блоке и его очерке “Катилина. Страница из истории мировой революции”, впервые прочитанном автором 19 мая 1918 г. в петроградской школе журнализма.²

Очерк стоит в одном ряду с другими этапными произведениями Блока поры его “лебединых песен”, такими, как поэма “Двенадцать”, программное стихотворение “Скифы”, статьи “Интеллигенция и революция” и “Крушение гуманизма”, тесно связан с ними идейно и, несомненно, возник на волне того же, вызванного октябрьскими событиями творческого порыва или, скорее, надрыва, после которого поэт навсегда умолк. Сам Блок ценил этот очерк очень высоко, считая лучшим из всех своих опытов в прозе. Очерк вызвал восторженный отзыв А.Белого, писавшего Блоку весной следующего, 1919 г.: “Катилина” вполне соответствует Тебе (автору “Двенадцати”, “Куликова поля” и т.д.). Это не статья, а “драматическая поэма”; и главное: это первый акт драматической поэмы; ряд актов в Твоем (не знаю, в сознании ли, в подсознании ли?)” (Блок А. и Белый А. Переписка. М., 1940: 340).

Но почему именно Катилина? Почему среди всех персонажей, участвовавших в грандиозном историческом спектакле, именуемом “гражданскими войнами”, Блок выбрал именно эту далеко не самую привлекательную фигуру? Имя Катилины не значилось в “большевистских святцах”, высеченных на знаменитом столпе, установленном у кремлевской стены во исполнение программы монументальной пропаганды. Эксперты из Наркомпроса или Агитпропа, если бы Блок обратился к ним за советом, скорее всего, порекомендовали бы сделать героем очерка какую-нибудь действительно “светлую личность” вроде Спартака, этого, по Марксу, “самого великолепного парня во всей античной истории” (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.30, с.126), или братьев Гракхов. Но у Блока был свой особый подход к теме, явно не совпадающий со взглядами А.В.Луначарского и других знатоков античной истории с партийными билетами.

Можно предполагать, что замысел эссе сформировался под влиянием юношеской драмы высоко ценимого Блоком Г.Ибсена “Катилина”, в которой главарю знаменитого путча, изображенному с явной симпатией, были приданы черты разочарованного в жизни, отторженного светом байронического героя. Несколько страниц в конце своего очерка Блок уделил краткому разбору этой пьесы. Но сам Ибсен, работая над пьесой, уже мог опираться на первоклассный литературный материал, представленный сочинением римского историка Саллюстия “О заговоре Катилины” и четырьмя речами Цицерона “Против Катилины”.³ Блоку эти сочинения были, конечно, известны с гимназических лет. И хотя об

-
- 1 Именно в таком смысле стихи Тютчева были использованы Блоком в его статье “Интеллигенция и революция”, написанной в начале того же 1918 г. (Блок А. Соч. т.6: 11).
  - 2 Впервые опубликован отдельной брошюрой в изд. “Алконост” (Пгр., 1919); здесь цитируется по (Блок А. Соч., т.6).
  - 3 Катилине в истории одновременно и повезло, и сильно не повезло, поскольку в нападениях на него объединили свои риторические таланты два самых блестящих римских стилиста конца республиканской эпохи. Они-то и создали ему в потомстве весьма скверную репутацию, но зато и обессмертили его имя, нарисовав чрезвычайно рельефный и впечатляющий портрет демонического злодея.

обоих авторах он был весьма не лестного мнения, избобличая их как злобных филистеров и реакционеров, вознамерившихся втоптать в грязь одного из самых замечательных римских революционеров, в своем изложении истории заговора, в характеристике главных действующих лиц и всей политической обстановки, сложившейся в Республике в этот период, Блок неуклонно им следует. Да и весь тот мрачно романтический колорит, который окутывает в очерке картину заговора и личность его предводителя, несомненно был задан Блоку не столько Ибсеном, сколько их общими первоисточниками.

За несколько лет до того, как было написано эссе о Катилине, в Петрограде вышло отпечатанное литографским способом третье издание "Лекций по истории Рима", читанных на Высших женских курсах выдающимся русским историком античности М.И.Ростовцевым (1915).⁴ Интересно сравнить соответствующий раздел этих лекций с очерком Блока. В курсе Ростовцева так называемый "Заговор Катилины" охарактеризован как "анархическая революция", против чего Блок, вероятно, возражать бы не стал, хотя и назвал вожака заговорщиков "римским большевиком", а не "анархистом" или "эсером". Самого Катилину Ростовцев оценивал достаточно объективно, отказываясь видеть в нем, вслед за Саллюстием, "совершенно исключительного негодяя". Скорее, Катилина был для Ростовцева более или менее типичным порождением той эпохи и той социальной среды, к которой он принадлежал. Блок, со своей стороны, готов был настаивать именно на исключительности Катилины, его органической несовместимости с тогдашним римским обществом, что, собственно, и толкнуло его на путь мятежа. По Ростовцеву, Катилина личность, безусловно, неординарная, человек предприимчивый, энергичный, безрассудно смелый и не обремененный грузом моральных предрассудков, как, впрочем, и почти все римские нобили той поры, но при этом — фигура второго плана рядом с будущими триумвирами Цезарем и Крассом, которые пытались использовать его в своих интересах как "возмутителя общественного спокойствия", сами до поры оставаясь в тени. С этим Блок был явно не согласен.

Но главное отличие позиции Блока от позиции Ростовцева и других профессиональных историков, занимавшихся этим сюжетом, заключалось совсем в другом. Брезгливо отмахиваясь от показаний очевидцев и участников событий как от лжесвидетельства и грязной клеветы, Блок в то же время весьма искусно использует эти показания, выстраивая на их основе свою особую концепцию личности Катилины и его поступков. Почему Катилина стал революционером и не просто стал, но был им, по выражению поэта, "всем духом и всем телом" (Блок А. Соч., т.6: 68)? Блок признает, что в душе его героя не было ни какого-то особого народолюбия, ни мечтаний о всеобщем равенстве, потому что "отвлеченные теории" такого рода вообще были чужды его натуре. Не было в его действиях и какого бы то ни было нравственного подтекста. Катилина, по словам Блока, отнюдь не "бичевал пороки современного ему общества (хотя об этом прямо говорит Саллю-

---

4 Вполне возможно, что при работе над очерком Блок использовал это или одно из более ранних изданий лекций Ростовцева, с которым он был знаком лично и одно время находился в почти дружеских отношениях (сведения В.Ю.Зуева), хотя в очерке его имя и не упоминается ни разу.

стей — Ю.А.); напротив, он соединил все эти пороки в своем лице и довел их до легендарного уродства” (Блок А. Соч., т.6: 68). Очевидно, именно такой образ Катилины — образ жуткого убийцы и злодея, этакое античного Ричарда III или Цезаря Борджиа, вполне устраивал автора очерка и был необходим для его общеисторической концепции. Его принципом здесь было знаменитое “чем хуже, тем лучше”, ибо каждый подлинный революционер, в понимании Блока, как раз и есть злодей и убийца, и чем больше числится за ним всяческих злодейств, тем выше проба его революционного избранничества.

Блоку явно была чужда и даже просто не нужна исследовательская трезвость и объективность Ростовцева, да и любого другого специалиста-историка. Для него все это было проявлением дряблой филистерской умеренности, тогда как ему, поэту и тоже на свой лад революционеру, нужны были именно крайности, отклонения от нормы. И Катилина — такой, каким его знала античность — вполне отвечал всем этим требованиям, ибо он был не только злодеем и человеком абсолютно безнравственным, но еще и психически ненормальным. Вот что думал по этому поводу сам Блок: “Простота и ужас душевного строя обреченного революционера заключается в том, что из него как бы выброшена длинная цепь диалектических и чувственных посылок, благодаря чему выводы мозга и сердца представляются дикими, случайными и ни на чем не основанными. Такой человек — безумец, маниак, одержимый” (Блок А. Соч., т.6: 69). Сравним эту оценку с известным описанием душевного состояния и внешности Катилины у Саллюстия: “Запятнанный, враждебный богам и людям, он ни днем, ни ночью не мог найти себе покоя, настолько совесть терзала его потрясенную душу. Отсюда его бледность, омерзительный взгляд, походка то торопливая, то медленная, словом — все признаки душевного расстройтва как во всей наружности, так и в выражении лица” (De conj. Catil, 15, 4-5). Блок, как мы видим, охотно принимает это свидетельство римского историка. Но там, где у Саллюстия стоит минус, у Блока твердый плюс. В конце концов, все эти внушающие ужас и отвращение черты хрестоматийного Катилины — и его преступления, и его безумие — находят в очерке Блока свое исторические или, пожалуй, даже метафизическое оправдание. В понимании поэта, Катилина принадлежал к той особой породе людей, которые особенно остро чувствуют ветер времени, отдаются во власть этого мощного воздушного потока и, наполнившись им, сами “сеют бурю” (Блок А. Соч., т.6: 70 сл.).

Если бы Блок был знаком с учением Гумилева Младшего, он, вероятно, назвал бы своего героя “пассионарием”. Не зная таких красивых “научных” терминов, он вынужден был довольствоваться в то время уже несколько затрепанным словосочетанием “активный революционер”. В его представлении, людям такого сорта присуще “человеческое, только человеческое стремление разрушить правильность, нарушить порядок жизни”. Именно эта жившая в душе Катилины потребность в “разрушении правильности” и толкала его на убийства и насилия и в конце концов привела к попытке государственного переворота.

Все повадки Катилины выдают в нем “человека-артиста”; в лексиконе Блока тех лет это словосочетание стоит рядом со словом “революционер” и практически является синонимом последнего. Поступки Катилины чисто импульсивны. Нет смысла искать в них какие-либо материальные, моральные или политические мотивы. Они диктуются лишь звучащим в душе Катилины, как и в душе всякого артиста и

революционера, “духом музыки”, который есть, вместе с тем (как это следует из разъяснений самого Блока в таких его статьях как “Интеллигенция и революция”, или написанное позже “Крушение гуманизма”), “глас истории”, “глас стихии” и, наконец, “глас народа”, то есть — “глас Божий”. “Дух музыки” преображает Катилину и его сообщников, избавляет их от всего мелкого, пошлого, наносного, подымает над прозой жизни, над плоской филистерской моралью и в конце концов оправдывает пролитую им кровь. Вспомним хотя бы описание выступления катилинариев на решающую схватку с властями республики (один из лучших образцов блоковской прозы в этом очерке): “Вот на этом-то черном фоне ночного города (революции, как все великие события, всегда подчеркивают черноту) — представьте себе ватагу, впереди которой идет обезумевший от ярости человек, заставляя нести перед собой знаки консульского достоинства. Это — тот же Катилина, недавний баловень львиц римского света и полусвета, преступный предводитель развратной банды; он идет все той же своей — “то ленивой, то торопливой” походкой; но ярость и неистовство сообщили его походке музыкальный ритм; как будто это уже не тот — корыстный и развратный Катилина; в поступи этого человека — мятеж, восстание, фурии народного гнева” (Блок А. Соч., т.6: 85). Чтобы донести до читателя грозный ритм движения толпы заговорщиков, Блок щедро насыщает свой прозаический текст латинскими галлиямбами Валерия Катутла, взятыми из небольшой поэмы римского классика “Аттис”. Именно в них, по мнению Блока, лучше всего воплотился “дух музыки”, пронизывающий римскую историю эпохи гражданских войн.

Итак, Катилина заинтересовал Блока как самый “отпетый” из всех римских политиков конца республики, как человек, на котором в полном смысле этого слова “клейма негде поставить”, и в этой своей “отпетости” как лицо наиболее поэтическое или наиболее музыкальное. Как поэта (а Блок и в своем историческом очерке, как это верно заметил Белый, остается прежде всего поэтом) Блока, видимо, не особенно привлекали слишком уж правильные братья Гракхи с их скучными аграрными законами (что-то вроде римских Чернышевского с Добролюбовым) и совсем уж неправдоподобно безупречный Спартак. Политические взгляды Катилины, если они вообще у него были, явно не имели для Блока принципиального значения. Он не находит нужным хотя бы упомянуть о том, что, начав свою карьеру в качестве активного “сулланца”, то есть — приверженца партии порядка и политической реакции, Катилина затем, промотав свое большое состояние, нажитое в основном грабежами и взятками в провинции Африка, переметнулся на сторону так называемых “популярлов”, мутивших народ демагогическими лозунгами и настраивавших его против сената. Не вдается Блок и в специальный разбор программы заговорщиков. Два основных ее пункта — кассация долгов и новые проскрипции, то есть убийства богачей с неременной конфискацией имущества, на чем сходятся и Цицерон, и Саллюстий, и другие наши источники — видимо, не вызывают у Блока протеста, так как явно перекликаются с известным большевистским лозунгом “Грабь награбленное!” К тому же, в его понимании, призывы и планы такого рода были вполне естественными для людей “отпетых”. А в том, что Катилина собрал вокруг себя именно подонки римского общества как из числа промотавшейся “золотой молодежи”, так и из среды городского люмпен-пролетариата, у Блока не было никаких сомнений. Действия катилинариев также описываются в очерке без тени

осуждения: “Тогда Катилина собрал своих молодцов и распределил роли: одни должны были поджечь город с двенадцати концов; другие — перерезать всех сенаторов и столько граждан, сколько будет возможно” (Блок А. Соч., т.6: 74). Такая “Варфоломеевская ночь”, очевидно, опять-таки казалась Блоку естественным способом самовыражения людей, подхваченных “ветром истории” и, стало быть, “активных революционеров”. И, наконец, что особенно любопытно, называя Катилину и его сообщников “революционерами”, Блок нигде не пытается объяснить читателю, чем же в действительности была эта “римская революция”. Схоластические споры историков марксистско-ленинской школы об историческом характере гражданских войн в Риме, о применимости или неприменимости таких категорий как “революция”, “революционное движение” и т.п., к отдельным этапам гражданских войн Рима или даже ко всему периоду в целом, конечно, оставили бы Блока, доживи он до них, глубоко равнодушным.

Римское общество времен заговора Катилины Блок считал неизлечимо больным, обреченным на гибель и показал это в своем эссе с большой художественной силой. Окончание гражданских войн, победа Цезаря и затем Октавиана, создание принципата Августа вовсе не были для него свидетельствами выздоровления пораженного тяжелым недугом римского колосса. Оставшиеся до окончательного своего распада четыре с лишним столетия империя просуществовала скорее по инерции. Блок знал, что через 30 лет после того, как Октавиан Август стал единоличным правителем всей римской державы, и государство надолго успокоилось, забыв о гражданских распрях, в далекой Иудее, на глухой окраине античного мира родился мальчик — Сын Божий, и его рождение стало началом конца этого мира. Мысль в общем достаточно банальная, до Блока ее высказывали уже очень многие. Парадоксальность и своеобразие исторической логики Блока заключается в том, что великий грешник, запятнанный самыми страшными преступлениями, Катилина оказывается отдаленным предшественником Христа, с которым его связывает общее дело — разрушение старого обреченного мира или своего рода “перманентная революция”, которая будет продолжаться и после Христа и закончится лишь с приходом варварских орд, окончательно сокрушивших Римскую империю.

Эту свою главную идею Блок сформулировал уже в самом начале очерка с тем, чтобы в дальнейшем вновь и вновь к ней возвращаться. Вот его слова: “Иисус Христос родился за четыре с половиной столетия до гибели Римской империи; через несколько десятилетий после Христа Тациту уже выпало на долю оплакивать падение старого мира и больной цивилизации и воспеть мощь и свежесть грядущих в мир варваров; а за несколько десятков лет до Христа бедному Катилине выпало на долю восстать против старого мира и попытаться взорвать растленную цивилизацию изнутри” (Блок А. Соч., т.6: 61). Как известно, еще до того, как были написаны эти строки, в январе того же “великого и страшного” 18-го года Христос уже являлся поэту в компании таких же “отпетых”, как “бедный Катилина” или какие-нибудь готы и вандалы, прибалтанных питерских красновардейцев.⁵ Видимо

---

5 Буквально за день до того, как Блок приступил к работе над “Двенадцатью” (7 января), в его дневнике появился набросок пьесы о Христе, в котором должен был дей-

не случайно некоторые страницы очерка о Катилине прямо перекликаются с “Двенадцатью”, как, например, уже упоминавшаяся сцена выступления заговорщиков на фоне ночного Рима.

Вообще, даже беглого знакомства с рассматриваемым очерком Блока вполне достаточно для того, чтобы убедиться: в нем представлен весь набор навязчивых идей, чувств и образов, неотступно преследовавших поэта на протяжении фантастических месяцев зимы-весны 18-го года и так или иначе воплощенных в других произведениях этого периода. Здесь и упоение революционной стихией, ее дикостью и неистовством, и готовность отдаться этой стихии и раствориться в ней без остатка, и апокалиптические предчувствия, и жажда насилия и разрушения, и ненависть к старому миру с его прогнившей цивилизацией и культурой, и апелляция к новым варварам, внутренним и внешним, которые придут и безжалостно сметут с лица земли весь этот хлам.

В “Катилине” эта столь ненавистная поэту старая культура персонафицирована в образе Цицерона, главного политического противника и, с точки зрения чисто человеческой, прямого антипода “римского большевика”. Язвительная оценка личности великого оратора занимает в очерке целую страницу. Вот несколько отрывков из этого памфлета: “Этот непрозорливый интеллигент продолжал упорно и тупо “любить отечество” в то время, когда Римская империя доживала последние дни, когда готов был прозвучать из Назарета беспощадный приговор старой цивилизации; он продолжал руководиться старой, провинциальной, мешанской, позитивной моралью... накануне того времени, когда в мир пришла новая мораль, как “огонь поседающий”; он продолжал верить в политическое строительство в то время, когда государство, в котором он состоял присяжным адвокатом, обрекло себя на гибель собственным ростом, неудержимым распуханием, напоминающим распухание трупа. Он посвятил, наконец, большую часть своей жизни своей серенькой философии, которой он предавался в виде отдыха от государственных забот... Цицерон собрал жалкие остатки меда с благоуханных цветов великого греческого мышления, с цветов, беспощадно раздавленных грубым колесом римской телеги” (Блок А. Соч., т.6: 78).

Можно много и долго говорить об источниках всех этих идей и настроений, оставивших столь заметный след в произведениях, завершающих творческий путь Блока. Здесь ограничимся лишь самым кратким перечнем наиболее очевидных его предшественников. На первом месте в списке следует поставить, конечно же, имя Ницше. Хотя сам Блок почти не упоминает его в своих последних сочинениях, хотя мы не найдем этого имени во всей огромной литературе советского времени, посвященной творчеству Блока, духовная близость русского поэта к великому немецкому философу едва ли нуждается в доказательствах. Учение Ницше с его “духом музыки”, с его гимнами дионисийскому священному неистовству и иррациональности в противовес холодной аполлонической рассудочности, с его глумлением над христианской моралью, над ценностями европейской гуманистической культуры, с его апологией варварства и культом сверхчеловека легко угадывается во многих пассажах блоковских статей и докладов 1918-1919 гг., как и в

ствовать “грешный Иисус”, его жуликоватые и придурковатые апостолы, а также проститутки.

стихах этого времени. “Катилина” не является здесь исключением.

Влияние Ницше причудливо переплетается в позднем творчестве Блока с идеями русского мессианства и богоизбранности, с типичными для русской мысли рубежа веков эсхатологическими настроениями, наконец — с не менее характерной для русских мыслителей разных толков и направлений, как правых, так и левых, убежденностью в духовном превосходстве варварски отсталой, но зато исторически молодой и полной сил России над дряхлеющим, вечно гниющим, но, почему-то, никак не сгнивающим Западом. Различные версии этой так называемой “русской идеи” Блок мог почерпнуть из сочинений славянофилов, “почвенников” (Достоевского и Ап.Григорьева), таких ревнителей русской национальной самобытности, как Н.Данилевский, К.Леонтьев, В.Розанов, хотя антизападнические и антибуржуазные настроения, как известно, были очень сильны и у таких, казалось бы, совсем далеких от национализма мыслителей, как Бакунин, Герцен, Л.Толстой, влияние которых на Блока (особенно — влияние Бакунина и Толстого) также было весьма значительным.

Этот парадоксальный сплав ницшеанства с идеями “апостолов” русского национализма и народничества оказался очень сильным наркотиком, погрузившим и без того уже воспаленную душу поэта в состояние революционного экстаза, хотя внешним толчком, вызвавшим его, послужили, безусловно, октябрьские события 17-го года в Петрограде.

И последний вопрос, на котором я хотел бы остановиться: можно ли говорить о присутствии в этом новом душевном и духовном состоянии Блока того, что принято теперь называть “тоталитарным сознанием”? Мне думается, что мы можем ответить на этот вопрос утвердительно постольку, поскольку в основе тоталитарного сознания в любом из известных сейчас его вариантов всегда обнаруживаются одни и те же компоненты: мифология “крови и почвы”, попрание традиционной морали, ненависть к демократии, гуманизму, эволюции, прогрессу как элементам буржуазной цивилизации, сознательная самоизоляция, ксенофобия и отторжение от мировой культуры и, наконец, оправдание насилия национальными, религиозными, классовыми или какими-то иными “высшими целями”. Все это в различных пропорциях и сочетаниях мы находим в последних произведениях Блока, не исключая и его очерка о Катилине — этого антикизированного парафраза октябрьского переворота. В этом смысле замечательный поэт, безусловно, может быть назван и символом, и продуктом, и блестящим выразителем саморазрушения русской интеллигенции, а если брать шире, то и всей европейской гуманистической культуры, взрастившей в своем лоне семена тоталитаризма.

В сбивчивых, а подчас и просто темных и невразумительных размышлениях Блока об исторических судьбах России и Европы, возникающих в его стихах, статьях и дневниковых записях первых революционных лет, ницшеанское или, может быть, вагнерианское упоение мощью и здоровой жестокостью грядущего в мир нового варварства зачастую сменяется настроениями и чувствами совсем иного рода, в которых отчетливо слышится голос кающегося интеллигента или барина, осознавшего свою историческую вину перед мужиком. Но как в том, так и в другом случае итог был один и тот же — оправдание надвигающейся гибели культуры, готовность пожертвовать ею во имя революции и звучащего в ней великого “духа музыки”. О том, как нелегко давалось поэту это отречение от самого дорогого, свидетель-

Александр Блок. Фото 1919 г.

ствует покаянная запись в Дневнике, помеченная 6 января 1919 г. С чисто толстовским изуверством и самоуничижением Блок оправдывает здесь некоего Федота, участвовавшего в разгроме его шахматовской усадьбы: "Несчастный Федот изгадил, опоганил мои духовные ценности, о ко-

торых я демонически же плачу по ночам... Для Федота двугривенный и керенка то, что для меня источник не оцениваемого никак вдохновения, восторга, слез" (Блок А. Соч., т.7: 353). Но прав все же Федот, ибо "всякая культура, — как сказано в той же дневниковой записи, — демонична как источник силы, как средство господства над народом и, стало быть, заслуживает уничтожения".

Тоталитарное по своей сути сознание позднего Блока было пронизано идеями не только Ницше, но и Толстого, Бакунина и других великих радетелей за русский народ. Революция увлекла поэта как тотальный бунт, тотальное разрушение, за которым должно было последовать тотальное же опрощение. Всеобщее разрушение и опрощение вступили на русскую землю в страшном облике военного коммунизма. Безоглядно бросившийся в водовороты революционной стихии поэт сам пал одной из многих ее жертв. Блок сам пророчески предсказал свою судьбу в статье 1908 г. "Народ и интеллигенция". Там, вспоминая гоголевскую Русь-тройку, он писал: "Тот гул, который возрастает так быстро, что с каждым годом мы слышим его ясней и ясней, и есть "чудный звон" колокольчика тройки. Что, если тройка, вокруг которой "гремит и становится ветром разорванный воздух", — летит прямо на нас? Бросаясь к народу, мы бросаемся прямо под ноги бешеной тройке, на верную гибель" (Блок А. Соч., т.5: 328).

О микокских элементах в среднем палеолите Юго-запада Русской равнины

Проблема контактов и взаимовлияний в эпоху среднего палеолита на юго-западе Русской равнины уже рассматривалась: был сделан вывод об отсутствии каких-либо заметных регулярных связей между двумя контрастными среднепалеолитическими единствами, существовавшими на единой территории (Анисюткин 1984: 23). Тем не менее, необходимо обратить внимание на наличие в каменных индустриях определенных форм орудий, которые дают интересный материал к размышлению.

В среднем палеолите, включая типичное мустье, выявляются бифасиальные формы, которые обычно связывают с центральноевропейским микокком. Наиболее выразительные находки, включая прондники, происходят из слоев 4 и 5 стоянки Рипичени-Извор на правом берегу среднего течения реки Прут. Единичные бифасы типа Keilmesser происходят из культурных слоев ряда стоянок Приднестровья и Северной Молдовы, в частности со Стинки 1. Отдельные формы, напоминающие прондники, обнаружены в гротах Бутешты и Тринка 2 (Анисюткин, Борзьяк, Кетрару 1986: 69). Однако, наиболее интересными являются комплексы начала верхнего палеолита, в которых присутствуют элементы разных вариантов мустье в нашем регионе. Один из таких комплексов залегает в основании серии верхнепалеолитических слоев, перекрывающих мустьерский слой 6 стоянки Рипичени-Извор; этот комплекс представляет самый ранний ориньяк Румынии. Речь идет о культурных слоях 1a и 1b, предполагаемая дата которых около 30 тысяч лет (Paunescu 1993: 131-140). Соотношения между основными группами орудий этих слоев и верхнего слоя Стинки 1 очень сходны. Так в раннем ориньяке орудия верхнепалеолитической группы (группа III, по Ф. Борду) достигают почти 15%, мустьерской группы II — 14%, а зубчатых орудий — группа IV — 27,6%. В то же время бифасы (включая листовидные острия) составили здесь всего 4%. Напомню, что в материалах из Стинки 1 соотношение следующее: группа II — 8,6%, группа III — 16%, группа IV — 21%, бифасы — 9%. Таким образом, очевидно почти полное совпадение памятников между собой (некоторые различия в процентном соотношении можно считать случайными).

Напротив, в ориньяке преобладают пластинчатые заготовки, включая отщепы, пластины и острия леваллуа. Среди последних имеются как ретушированные формы, так и формы, лишенные обработки. Обнаружены единичные мустьерские остроконечники. В коллекции верхнего

Рис. 1 Рубила среднего слоя грота Выхватинны (по Н.А.Кетрару).

слоя Стинки I этих форм, а также крупных бифасов, нет. Особенно показательны бифасы крупных размеров, в их числе скребло с частично двусторонней обработкой, которые обычны в нижележащем мустьерском слое 5. Аналогичное крупное скребло с частично бифасиальной обработкой найдено в комплексе (раскопе) 2 стоянки Кетросы на Среднем Днестре (Анисюткин 1981, с.43).

Еще один комплекс, который также расположен на правом берегу реки Прут, происходит из местонахождения Валя-Изворулуй, где нет выраженного культурного слоя. Комплекс датируется переходным временем между мустье и верхним палеолитом (Bitiri 1973: 27-35). Здесь фиксируется то же сочетание форм, как и для ориньяка Рипичени-Извор, включая крупные бифасиальные формы. Последние, как уже отмечалось, типичны для слоев 4 и 5 Рипичени-Извор (Mania, Toepfer 1973: 143; Paunescu 1988). Правда, по мнению А.Паунеску, которое было высказано мне в личной беседе, материал Валя-Изворулуй смешан, представляя мустье и верхний палеолит, что возможно. И тем не менее, принимая во внимание аналогичность явления в раннем ориньяке на памятнике, который имеет безупречную стратиграфию, есть все основания рассматривать коллекцию Валя-Изворулуй в целом как единый ком-

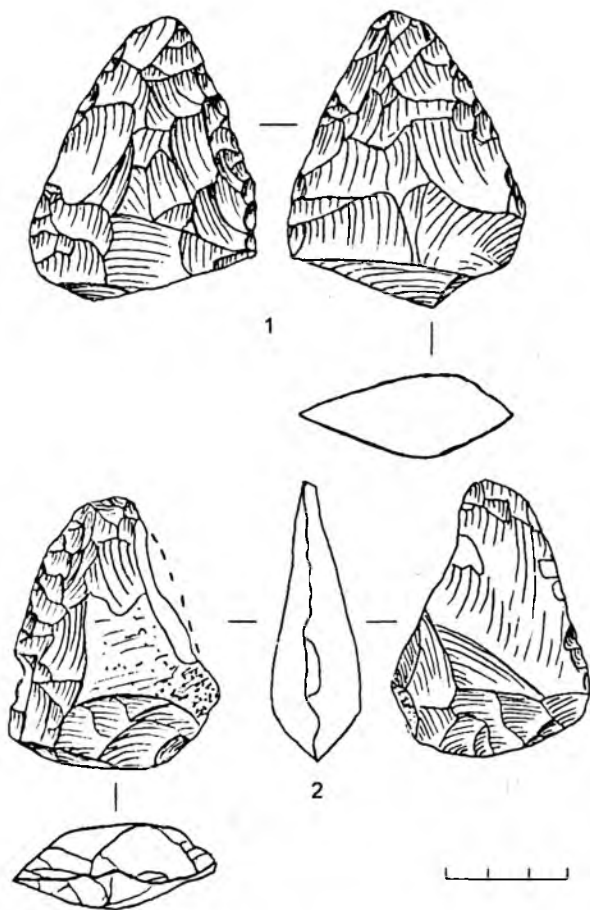

Рис. 2 Рубила из аллювиального комплекса стоянки Кетросы (1) и из местонахождения Негин (2).

плекс. Очень важно, что в данной коллекции, с которой мне удалось ознакомиться в Бухаресте благодаря любезности доктора М.Битири-Чартеску, сочетаются типичные стинковские элементы и микоокские, характерные для слоя 5 Рипичени-Извор.

Подлинно микоокским комплексом может быть только средний слой грота Выхватинцы на левобережье Днестра (рис.1), а также небольшая коллекция из отложений пойменной фации аллювия второй надпойменной террасы со стоянки Кетросы, где найдено выразительное ручное рубило (рис.2,1). Возможно к микоку следует отнести сердцевидный бифас (рис.2,2), который найден вместе с отщепом у подножья толтра на окраине поселка Негин (Каменец-Подольский р-н Хмельницкой обл.) на реке Смотрич – левобережном притоке Днестра. Эти материалы могут быть хорошо датированы. Оба слоя грота Выхватинцы имеют микулинский возраст. Нижний слой соответствует вероятно раннему оптимуму – теплому и сухому; средний слой соответствует второму оптимуму – теплому и влажному. Эти оптимумы были выделены на основе палинологического изучения мощной полигенетической ископаемой почвы у с. Молодова, в Приднестровье (Болиховская 1982: 152).

Комплекс из аллювия со стоянки Кетросы связан с отложениями первого ранневюрмского интерстадиала амерсфорт. Видимо аналогичную датировку имеет рубило из Негина.

Итак, следы микока на территории Приднестровья прослеживаются с микулинского или ресс-вюрмского времени до амерсфорта, соответствуя ранней поре (тип Bockstein) микока Центральной Европы (Bosinski 1967: 83), распространяясь на восточной окраине региона. В мустьерских вариантах, существовавших в это время, никаких микоцких элементов не обнаружено

Позднее, после интерстадиала бреруп, в раннем и среднем плейстоцене микоцкие элементы представлены бифасиальными формами в разнокультурных комплексах, но уже без рубил. Особенно показательной является стоянка Рипичени-Извор на правом берегу Прута, где бифасы появляются внезапно и в большом количестве только в слоях 4 и 5, в то время как в трех лежащих ниже слоях они единичны (Paunescu 1993). Это дало основание некоторым исследователям отнести индустрии слоев 4 и 5 к "восточному микоку" (Mania, Toepfer 1973). В конце мустье – начале верхнего палеолита, как уже отмечалось выше, элементы микока исчезают, "растворяясь" в синтетических комплексах.

Таким образом, перед нами предстают две модели становления верхнего палеолита, из которых одна, представленная индустриями типа Рипичени-Извор и Брынзены I (Chirica et al. 1996), может быть названа синтетической. Вторая модель – линейная – может быть охарактеризована комплексами верхнего слоя Стинки I, Климауцы I, Зеленый Хутор, Анетовка 13 (Станко, Петрунь 1994: 161-171). Очевидно, что процесс трансформации мустье в верхний палеолит был весьма сложным и далеким от модели простого перерастания определенного мустьерского варианта в определенную культуру верхнего палеолита.

-
- Анисюткин Н.К. 1981. Археологическое изучение мустьерской стоянки Кетросы // Кетросы. Мустьерская стоянка на Среднем Днестре. М.
- Анисюткин Н.К. 1984. О взаимодействии среднепалеолитических культурных единиц на территории Юго-Запада СССР. // АСГЭ. № 25. Л.
- Болховская Н.С. 1982. Растительность микулинского межледникового по данным палинологического анализа полигенетической ископаемой почвы близ стоянки Молодова I // Молодова I. Уникальное мустьерское поселение на Среднем Днестре. М.
- Станко В.Н., Петрунь В.Ф. 1994. Анетовка 13 – памятник начальной поры позднего палеолита в Степном Причерноморье // Археологический альманах. № 3. Донецк.
- Bitiri M. 1973. Citeva date cu privire la Paleoliticul de la Mitok-Valea Izvorului // Studii și materiale istorice. III. Suceava.
- Bosinski G. 1967. Die mittelpaläolithischen Funde im westlichen Mitteleuropa // Fundamenta A/4.
- Chirica V., Borziac I., Chetaru N. 1996. Gisements du Paléolithique Supérieur ancien entre le Dniestr et la Tisza. Iasi.
- Mania D., Toepfer V. 1973. Königsau. Gliederung-Ökologie und mittelpaläolithische Funde der letzten Eiszeit. Berlin.
- Paunescu A. 1988. La passage du Paléolithique moyen au Paléolithique supérieur entre les Carpates et la Prut. L'Homme de Neandertal. Vol.8. Liege.
- Paunescu A. 1993. Ripiceni-Izvor. Paleolitic și mezolitic. Bucuresti.

Уникальная костяная фигурка из Тарту

В 1995 г. во время спасательных археологических раскопок на ул. Ванемуйзе на территории средневекового пригорода г. Тарту в напластованиях культурного слоя XVII-XIX вв. была найдена костяная фигурка, атрибутированная как рукоять ножа (Аун 1996: 452, табл. XXII, 5)¹. Тщательно выполненный и отполированный предмет (рис. 1) представляет собой довольно маленькую (высота 7,4 см, ширина 1,4-1,6 см) фигурку стоящей женщины с двумя животными. На голове фигурки не имеющая dna корона с низкими зубцами. Волосы женщины расчесаны прямым пробором на две части и уложены двумя рядами косы, при этом нижний ряд обрамляет лицо так, что виски почти закрыты, а уши не закрыты волосами. На лбу граница волос доходит почти до линии бровей, середина лба свободная и волосы из-под короны здесь не видны. Уложенные сзади волосы накрывают затылок и почти половину шеи. Руки согнуты. Статуэтка имеет длинную, доходящую до пят одежду с косо собранными складками и узкими рукавами, накрытые сзади доходящими чуть ниже линии пояса широкими, висящими рукавами (?). Задняя сторона фигурки довольно плоская. Нижняя часть ее, судя по сохранившимся следам, отрезана.

Маленькие костяные фигурки аналогичного типа найдены в разных местах (в основном, в северной части Европы) и датируются обычно XIII-XIV вв. В большинстве случаев их считают рукоятями ножей (Caune 1983: 103; Рыбина 1993: 158-159 и др.), но рассматривают также как части декоративного убранства ларцев-реликварий (Даркевич 1966: 44, 59) или же предмет, относящийся к переносному алтарю (Tarakanova, Saadre 1955: 27).

В Тарту сходный костяной предмет был найден при раскопках в Старом городе на ул. Лосси и атрибутирован как рукоять ножа (Metsallik 1992: 162, рис. 53, 54; Metsallik 1995: 31, табл. 15, 3). На одной стороне этой фигурки изображение Св. Георгия, на другой — Иоанна Крестителя. По местонахождению вблизи мастерской XIII-XIV вв. по обработке кожи автор раскопок Р. Метсаллик предварительно датирует находку тем же временем (Metsallik 1992: 162).

Еще одна костяная фигурка на территории Эстонии найдена при археологических раскопках на Ратушной площади Таллинна в 1953 г. (Tarakanova, Saadre 1955: 27, рис. 10; Даркевич 1966: 44, табл. 26, 5).

¹ Предмет хранится в Тартуском городском музее под номером ТМ 2126/А 51: 5306.

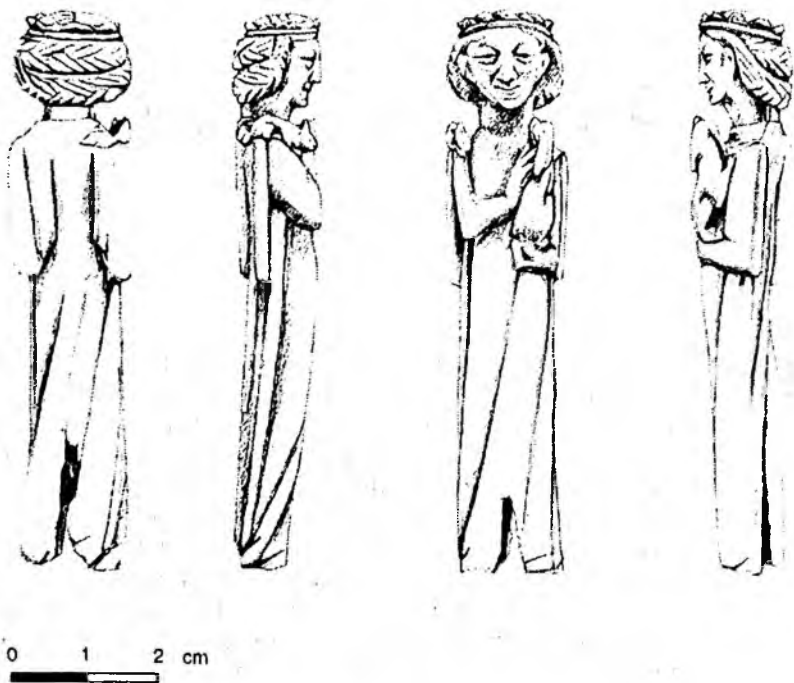

Рис. 1 Костяная фигурка из раскопа на улице Ванемуйзе г. Тарту. Рисунок К.Сийтан.

Фигурка была найдена в типичном для этого времени средневековом слое, содержащем довольно много изделий и их фрагментов из органического материала — фрагментов деревянных сосудов, куски бересты, части кожаной обуви, производственные отходы кожаных изделий, в том числе довольно много кожаных обрезков и пр. Авторы раскопок считают фигурку сделанной из слоновой кости изображением мужчины², держащего на руках собаку, и относившейся к какому-то переносному алтарю. По стилистическим признакам предмет датирован концом XIII в. (Tarakanova, Saadre 1955: 27). В.П.Даркевич считает таллинскую фигурку частью декоративного убранства ларца, изготовленного предположительно во Франции в XIII веке (Даркевич 1966: 44).

На соседних с Эстонией территориях две костяные фигурки подобного типа (с соколом на руках) известны из Риги (Caune 1983: 103, рис.19; Caune, Celmins 1988: т.29,30). Они датированы XIII в. Одну рижскую фигурку, найденную при археологических раскопках на площади Альберта, В.П.Даркевич датирует первой третью XIII в. и считает местом ее изготовления Францию или Северную Германию (Даркевич 1966: 44, табл. 25,6-8). Важной основой для такой датировки является,

2 По мнению искусствоведа Э.Лийвер, данный предмет — фигурка не мужчины, а женщины.

по мнению исследователя, тип прически. Одна костяная рукоять в виде человеческой фигурки с соколом в руках найдена в Лунде, Швеция (Рыбина 1993: 158). Подобная фигурка с птицей в руках из Щецина представляет раннеготический стиль и датирована первой половиной XIII в. (Snotliwy et al. 1983: 284,285, рис.225). Фрагменты двух костяных фигурок, атрибутированные как рукояти ножей, найдены и в Новгороде в слое XIV в. (Рыбина 1993: 157-159, рис.2,2; Рыбина 1994: 88). По общему характеру изображения и форме головного убора одну новгородскую рукоять считают предметом западноевропейского происхождения и наиболее вероятным местом его изготовления предположительно называет Северную Германию (Рыбина 1993: 157). По данным Е.А.Рыбиной издатели лундской и одной из рижских находок считают местом их производства Францию (Рыбина 1993: 158). Изготовленной во Франции считают фигурку из Щецина (Snotliwy, Leciejewicz, Losinski 1983: 284) и костяную статуэтку (предположительно также изображающую женщину) второй половины XII — первой трети XIII вв. из Ростова Ярославского (Воронин 1956: 28-29, рис.15; Даркевич 1966: 27, табл.25,1/1). В отличие от остальных костяных фигурок подобного типа, задняя сторона ростовской статуэтки не обработана. По мнению В.П.Даркевича, этот предмет является статуэткой ларца-реликвария и представляет раннеготический стиль со многими сохранившимися чертами романского стиля — барельефность изображения, слишком крупная голова и пр. (Даркевич 1966: 27). Особенностью этой фигурки Н.Н.Воронин считает украшенную глазковым орнаментом зубчатую корону, которая, по его данным, в обиходе средневекового Запада является редкостью (Воронин 1966: 29). Несколько по-разному описывают исследователи одежду ростовской статуэтки: Н.Н.Воронин видит на плечах фигурки платок или пелерину (?), из-под которой платье спадает прямыми длинными складками (Воронин 1956: 28), в то время как, по мнению В.П.Даркевича, фигурка задрапирована в длинную одежду с короткими и очень широкими рукавами (блию), под которыми видны руки с узкими рукавами нижней рубахи (Даркевич 1966: 27).

По сравнению с перечисленными костяными фигурками публикуемая тартуская находка имеет ряд отличий как в одежде (косо собранные складки имеются лишь у таллиннской фигурки), в прическе (некоторое сходство наблюдается только с рижскими фигурками), так и в общем оформлении статуэтки. Наиболее близко ей по профилю лица деревянное фигурное изображение на боковой спинке скамейки из Таллиннской ратуши (фигурная композиция на тему Тристана и Изольды), датированное временем ок.1370 г. (Eesti kunsti ajalugu 1975: 77, 78; фото 201)³. Однако, упомянутая таллиннская деревянная статуэтка имеет другой тип прически и волосы свободно лежат на спине, несколько иная отделка и форма ее короны, а лицо более круглое.

Поскольку мне не удалось найти прямых или более близких аналогий публикуемой тартуской фигурке, я обратилась за консультациями к искусствоведам — специалисту по средневековой скульптуре К.Маркус и историку костюма Э.Лийвер⁴. Оба исследователя предварительно

³ Благодарю Э.Лийвер, обратившую мое внимание на это сходство.

⁴ Благодарю искусствоведов Э.Лийвер и К.Маркус за консультацию и высказанные мнения.

датируют фигурку первой половиной XIV в. Э.Лийвер считает возможным местом ее изготовления Северную Германию. При изучении статуэтки исследовательница обратила большое внимание не только на детали изображения ее лица (довольно большие глаза, легкая усмешка, крупный нос), костюм и тип прически, но особенно на символику, связанную с изображенными животными — белка на правом плече, собака на кисти левой руки. В северогерманской мифологии белка символизирует существо, которое сеет интриги, раздоры, словом различные человеческие пороки, а в христианское время ее связывают с дьяволом (Бидерманн 1996: 26). Собака, наоборот, воплощает верность, уверенность в цели. Данная символика, где доброе противопоставлено злему, таким образом довольно хорошо выражает один из главных принципов при избрании в эпоху средневековья сюжетов для изображения (Eesti kunsti ajalugu 1975: 77). Для датировки по мнению Э.Лийвер важно и то, что собака именно в руках. Начиная с конца XIV-XV вв. собаку, как правило, изображают уже у ног человеческой фигуры. В иконографии именно на XIV в., по Э.Лийвер, указывает также легкая усмешка на лице статуэтки. К.Маркус также обратила особое внимание на изображение лица фигурки, считая его почти мужским.

Если предлагаемые датировка и место изготовления верны, и ранний предмет случайно попал в более поздние напластования культурного слоя, то рассматриваемая тартуская находка, хотя и входит в круг подобных костяных фигурок, известных в разных местах Европы, является среди них одним из самых изящных экземпляров, выполненном в почти правильных пропорциях, с большим вкусом и мастерством.

-
- Аун М. 1996. Археологические исследования на улице Вагемуйзе в Тарту // *Proceeding of the Estonian Academy of Sciences. Humanities and social sciences.* 45/4.
- Бидерманн Г. 1996. Энциклопедия символов. Перев. с нем. (Общ. ред. Свенникая И.С.). М.
- Ворошич Н.Н. 1956. Археологические заметки. (Доклад, прочитанный на заседании сектора эстонской археологии 27 января 1955 г.) // *КСИИМК*, № 62.
- Даркенич В.П. 1966. Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X-XIV вв.) // *САИ*, E1-57. М.
- Рыбина Е.А. 1993. К атрибуции некоторых археологических находок из Новгорода // *Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции. Новгород, 26-28 января 1993 г.*, № 7. Новгород.
- Рыбина Е.А. 1994. Западнопропелые находки XIII-XIV вв. из раскопок в Новгороде // *Новгородские археологические чтения. Материалы научной конференции, посвященной 60-летию археологического изучения Новгорода и 90-летию со дня рождения основателя Новгородской археологической экспедиции А.В.Арциховского. Новгород, 28 сентября - 2 октября 1992 г.* Новгород.
- Caune A. 1983. *Arheoloogiskie petijumi Riga laika no 1969. lizd. 1980. gadam* // *Arheologija un etnografija*, XIV. Riga
- Caune A., Celmins A. (Ed.). 1988. *Rigas arheologija 50. Rigas arheologiskas izpetes rezultati no 1938. lizd. 1987. gadam. Izstades katalogs.* Riga.
- Cnotliwy E., Leciejewicz L., Losinski W. 1983. *Szczecin we wczesnym sredniowieczu. Wzgorze zamkowe* // *Polskie Badania archeologiczne*. 23 (red.W.Hensel). Wroclaw-Warszawa-Krakow-Gdansk-Lodz.
- Eesti kunsti ajalugu kahes köites. 1975. 1. kd. 1. osa: Eesti kunst kõige varasemast ajast kuni 19. sajandi keskpaigani. Tallinn.
- Metsallik R. 1992. *Tartu arheoloogiliste uuringute esialgseid tulemusi* / Дисс. магистра (рукопись в библиотеке Тартуского университета). Tartu.
- Metsallik R. 1995. *Tartu arheoloogilisest uurimisest* // *Zur Archäologie und älteren Baugeschichte Tartus. Artiklite kogumik.* (Herausgegeben H.Valk). Tartu I Ükooli Arheoloogia Kabineti Toimetised, 8. Tartu.
- Tarakanova S., Saadre O. 1955. *Tallinnas 1952.-1953. aastal teostatud arheoloogiliste kaevamiste tulemusi* // *Muistsed asulad ja linnused. Arheoloogiline kogumik*, 1. Tallinn.

Археологические песни и песни археологов

Нам посчастливилось работать в экспедиции у Василия Дмитриевича Белецкого недолго — всего два сезона 1991-1992 гг. Но идея изучения экспедиционного фольклора появилась именно тогда, а впоследствии неоднократно обсуждалась с Василием Дмитриевичем и в экспедиции, и в Петербурге. В.Д.Белецкий, знавший на память много песен, стал одним из наших первых информантов и дал “добро” нашим поискам. Поэтому нашу первую публикацию по поставленной теме мы посвящаем его светлой памяти.

Возможна ли археологическая экспедиция, в которой не поют? Возможна ли встреча археологов, на которой не спели бы или, как минимум, не помянули бы ни одной песни? Ни сталкиваться с такими, ни слышать о них не приходилось. Что поют — вопрос второй, но — поют.

Не претендуя на полноту охвата материала, можно сделать ряд замечаний о песнях археологических экспедиций последних двух-трех десятилетий. Источником для них послужили записи и непосредственные наблюдения, сделанные в нескольких экспедициях с 1991 по 1997 гг.; сборники песен, в основном, 80-х — 90-х гг., составлявшиеся в различных экспедициях; а также обширная информация о песенном быте северо-западных и античных экспедиций, полученная в частных беседах¹

Сама постановка проблемы существования некоей специфической общности песен, возникших и/или функционирующих в археологической среде, требует некоторой оговорки. Прежде всего следует разграничить понятия “археологические песни” и “песни археологов”.

---

¹ Псковская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа (нач.В.Д.Белецкий); экспедиции в городе Керчи на городищах Нимфей (нач.В.Н.Зенько; рук.практики П.И.Кулаков) и Мирмекийская экспедиция ИИМК РАН (нач.Ю.В.Виноградов). Источники примеров: сборники — Фольклор НАЭ: 5, 13, 16 (№ 3,14,19); Сборник песен А.Поляничко, С.-Петербург, сост. в 1994-1996 гг. в археологической экспедиции в Керчи (№ 5,12,16); Сборник песен В.Мордвинцевой, Волгоград, сост. в 1986-1987 гг. в археологических экспедициях Волгоградского Гос.университета (№ 17,18,24); информанты-авторы и соавторы — С.Белецкий, С.-Петербург (№ 4,10,22); М.Давыдов, С.-Петербург (№ 2,15,20,21); Л.Образцова, С.-Петербург (№ 23); информанты: А.Анфертьева, С.-Петербург (№ 1); В.Посвятенко, Москва (№ 9), Бондарко Н., С.-Петербург (№ 11); Зуева Е., С.-Петербург (№ 8; № 6 совместно с Н.Федосеевым, Керчь); И.Крестников, С.-Петербург (№ 13), А.Раскин, Москва (№ 7), А.Пулит, С.-Петербург (№ 25).

Песни археологов

Понятие *песни археологов* обозначает самый широкий круг песен, имеющий хождение в археологической среде: репертуар отдельной экспедиции, группы экспедиций, являющийся характерной чертой полевой обстановки и зачастую привозимый в город. Формирование репертуара происходит в основном не в городе, а в поле, где он максимально открыт для проникновения новых песен. В городе он чаще всего продолжает функционировать от сезона до сезона в законсервированном виде. В полевых условиях археологические экспедиции чаще всего неоднородны по профессиональному и возрастному составу, что также дает возможность большего обновления репертуара. Репертуар экспедиции непостоянен, он может меняться в зависимости от многих факторов:

1) от состава экспедиции (по возрасту и по "текучести"). Естественно, что чем чаще и сильнее меняется состав (и качественно, и количественно), тем полнее обновляется репертуар, но, тем не менее, он долговечен. В более замкнутых коллективах изменения в репертуаре менее значительны, к новым песням предъявляются большие требования, но однажды принятая песня получает свое место и, как правило, задерживается надолго.

2) от личных песенных привязанностей вне экспедиции. Увлечения или привычки членов экспедиции (туристические песни, рок, песни отдельных авторов и т.п.) не могут не коснуться ее репертуара, хотя, конечно, привнесенные песни могут претерпевать ряд изменений если не в текстах, то в характере исполнения или в восприятии слушателей (актуализация текста в сознании исполнителей-слушателей, не сопровождаемая изменениями в тексте).

3) от песенных пристрастий начальника или центрального поющего звена экспедиции (человека с гитарой), которые чаще всего определяют репертуар коллектива и являются основными ценителями при отборе новых песен.

4) от песенной моды в конкретной экспедиции, сложившейся в течение как минимум нескольких лет (так, например, в некоторых экспедициях традиционно принимаются в репертуар песни, построенные на обыгрывании нецензурной лексики и пикантных тем).

Репертуар экспедиции ("песни археологов") почти безболезненно принимает новое при условии, если оно удовлетворяет общим требованиям (факторы 2,3) и не противоречит основной тенденции формирования репертуара (4). С уходом людей или потерей актуальности событий, с которыми связано появление песни в репертуаре, она так же безболезненно исчезает из него, как и появилась.

Песенный репертуар большинства крупных экспедиций начал формироваться в 1950-1960-е годы. Этот период современной песенной культуры отмечен двумя важными тенденциями: становлением авторской песни и взлетом популярности городского песенного фольклора. И та и другая традиции в большой степени представлены в интеллигентской и студенческой среде, становясь, таким образом, основными источниками археологического репертуара. На данный момент основными составляющими песен археологов являются:

1. Так называемые *авторские песни*. Они привносятся различными участниками экспедиций. Не многие из них выдерживают испытание временем и задерживаются дольше одного сезона. Особого внимания заслуживают те, которые настолько прочно укоренились в репертуаре экспедиции, что в восприятии многих ассоциируются с археологией,

становясь, таким образом, археологическими песнями. Не каждая авторская песня может попасть в репертуар экспедиции и тем более завоевать свое место в нем. При отборе важны, в основном, два фактора: мотивно-тематическая структура и наличие некоторых формальных особенностей, например, тяготение к балладной форме. Круг излюбленных тем и мотивов в археологическом репертуаре довольно ограничен. Это:

— весь спектр анакреонтических мотивов (наиболее важны темы вина и винопития, далее — тема разудалого, бесшабашного веселья и, наконец, тема флирта, ухаживания). Песни с данными мотивами составляют крупнейший пласт и поются обычно не отдельно, а циклами, сопровождаясь, иллюстрируясь обильными мимовозлияниями;

— историческая тематика, в особенности соотносимая с местом и объектом раскопок (например, песни с античными мотивами в крымских экспедициях);

— песни, объединенные не столько темой, сколько центральным образом — моряк, пират, бродяга — и связанным с ним мотивом пути, дороги.

2. *Городской песенный фольклор.* Его роль в репертуаре зависит от возраста членов экспедиции: для старшего поколения песни этой группы связаны со студенческими годами и вызывают конкретные воспоминания, а для молодежи они символизируют нечто древнее, причастность к которому доказывается узнаванием и исполнением песни. Часть городского песенного фольклора, усвоенная младшими поколениями вне экспедиции (в том числе еще в детстве), тоже в значительной мере представлена в экспедиционном репертуаре, но не имеет подобной функции инициации. Мотивы и темы этих песен почти не отличаются от вышеперечисленных. Из специфических можно назвать блатную тематику и мелодраматические (“жесткие”) мотивы.

3. *Песни из кинофильмов, мультфильмов, спектаклей.* Они чаще исполняются молодежью и могут выполнять функцию средства установления контакта, первичного узнавания в неустоявшихся коллективах, а также использоваться в качестве материала для переделок.

4. В последнее десятилетие добавились *песни, связанные с традицией русского рока.* Эти песни редко перерастают пределы одного двух сезонов, будучи тесно связаны с конкретными исполнителями и уходящие вместе с ними.

5. Незначительное количество *народных лирических и исторических песен.*

Стоит обратить внимание на отсутствие среди песен археологов популярных эстрадных песен, хотя довольно часто встречается использование их структуры и мелодии при создании переделок, в основном, комического характера. Конечно, с этой целью используются и наиболее популярные в данной экспедиции (как минимум “в этом сезоне”) бардовские и фольклорные песни.

Исходя из вышесказанного видно, что фоновый репертуар археологов в целом довольно широк и почти не имеет специфических черт, связанных с профессией и выделяющих его из репертуара интеллигенции (за исключением большего процента исторических песен). Специфические особенности, во многом обусловленные профессией, имеются, впрочем, в каждой отдельной экспедиционной традиции. Таким образом, минимальной единицей, в которой возможно появление специфических черт репертуара, является не археологическая среда в целом, а песенная традиция конкретной экспедиции.

Археологические песни

“Археологические песни” — это весь пласт от узколокальных до общепрофессионально известных песен, возникших в среде историков или археологов (как профессиональных, так и волею случая) и активно бытующих в археологических экспедициях и “на симпозиумах, а попросту на пьянках”². Речь здесь идет о многочисленных локальных произведениях, в том числе и переделках, а также о специфических песнях более или менее общеизвестных среди археологов и практически неизвестных за пределами археологической среды. Они тесно связаны с профессиональной спецификой в области сюжетов, тематики, а зачастую и лексики. Несмотря на то, что некоторые из этих песен возникли в городе (это относится преимущественно к общеархеологическим), основным местом их функционирования и развития является экспедиция. Что же касается локальных песен, то их возникновение вне экспедиции возможно лишь под воздействием воспоминаний или по следам событий, имевших непосредственное отношение к экспедиционной жизни. Археологические песни тесно связаны со студенческими песнями послевоенного периода и являются комплексом, включающим в себя и произведения авторские (как в чистом, так и в фольклоризованном виде) и те, которые можно с большими или меньшими оговорками отнести к собственно фольклорным.

Локальные песни. Следует оговориться, что под “локальными” здесь понимаются песни, ограниченные в своем функционировании не территориально, а рамками относительно небольшой группы людей и по своему содержанию изначально не имеющие актуальности за ее пределами. Иными словами, “локальными” мы называем песни, сфера функционирования которых минимальна (чаще всего — одна компания) и ограничена в первую очередь их содержанием. Локальные песни уже очень давно называют фольклором³, хотя в большинстве случаев они имеют конкретного создателя (а еще чаще — группу создателей), после своего создания практически не варьируются, широкого распространения не получают и вообще отличаются крайней недолговечностью. Они создаются для узкого круга и, как правило, не представляют ценности вне его. Чрезвычайно сложным является вопрос об отношении создателей этих песен к своему авторству. Локальные песни — это некий промежуточный вид творчества, не относящийся в строгом понимании ни к фольклору, ни к литературной песенной поэзии⁴.

Песни подобного рода существуют и активно создаются во всех

---

2 Цитата из песни Тилибомчик, записанной в 1996 году в лагере Мирмекийской экспедиции ИИМК РАН.

3 От изданий 20-х — 30-х годов, например. “Красноармейский фольклор” (М., 1938), где многие песни являются скорее локальным, нежели общим фольклором: публикаций песенного фольклора Великой Отечественной войны, и до современных изданий типа “Фольклор Новгородской археологической экспедиции” (Новгород, Самиздат, 1992).

4 Этот третий вид творчества в какой-то мере попадал под существовавшее в советское время определение *самодельность* но, поскольку ни четкое определение этого термина, ни теоретическое обоснование понятия созданы не были, это определение осталось слишком расплывчатым и всеобъемлющим, чтобы быть применимым в качестве термина. В настоящее время его значение можно описать как все современное творчество, не являющееся профессиональным, или точнее — не считавшееся профессиональным в советский период.

экспедициях, о которых имеются хоть какие-нибудь сведения. В большинстве своем это различные переделки известных песен (в первую очередь тех, которые популярны в данной конкретной экспедиции). Они могут содержать комический элемент и быть вполне "серьезными". Особенностью этих песен является то, что они и создаются зачастую как локальные, то есть ограниченность их возможного функционирования изначально осознается авторами. Характерно, что это осознание может выливаться в специфическое отношение к этим песням как к чему-то сокровенному, отделяющему и определяющему "своих". Степень их локальности может быть различной: от "песен экспедиции", существующих довольно долгое время, до песен одного экспедиционного поколения и даже одной компании. Последние наименее живучи и относительно быстро забываются даже самими авторами.

Как правило, существуют такие песни не по одиночке, а в виде целых "пакетов", обладающих некоей цельностью, общностью содержания, аспекта, а иногда и стиля (что часто объясняется единым авторством) и адекватно могут быть рассмотрены только в комплексе. Почти обязательным элементом в пакете таких песен является упоминание фамилий членов экспедиции, в первую очередь, конечно, начальника и наиболее активных участников экспедиционного общения, нередко и из числа сочинителей:

№ 1

А во Пскове есть гора
И Святая Троица,
А под ней Довмонтов город
Там Белецкий роется.

№ 2

Под скалой мы пятый день,
На столе опять шмурдюк
Пьяный Сержик в Ленинград
Уезжает очень долго!

№ 3

Валентин Лаврентьевич, где ж удача наша?
Снова дождь раскоп залил, не сосет насос,
Настроенье скверное у Хорошева Саши,
Наш начальник троицкий всех понес в разнос.

№ 4

Ох, не слабо, братцы, ох, не слабо —
Стук кирки, стучание сердец.
На раскопе бабы, только бабы,
И Василий Дмитрич — наш отец.

Если же своих песен не создается, то фамилии и имена экспедиционного "актива" вставляются в тексты любых песен, актуализируя их:

№ 5

Наш любимый Петр Иванович Кулаков
Как-то дал приказ пойти на врагов

№ 6

Стальной гигант, Сергей Ремирыч,
Кренился и стонал

№ 7

Мы кабак возьмем на абордаж,
Заставим Плоткина повеситься.

№ 8

Виноградова косточки
В теплую землю зарю...

Почти на одном уровне по частотности с фамилиями стоит топонимическая привязка пакета — упоминание названий мест проведения раскопок (области, города), объектов (городища, кургана и т.д.), рек, озер и т.д.; реже — упоминание названий местных объектов: магазинов, питейных точек, транспорта и т.д.

№ 9

А нам не Гагры снятся и не Сочи,
Не столица мира, не Москва.
Ах, в Мирожке, братцы, это очень
Хорошо в строеньи номер 2

№ 10

А я в Мирожку, домой хочу,
Я так давно не видел нары⁵

№ 11

Нас мотало по Псковщине,
По курганам седым

№ 12

На Боспоре, на Боспоре
Всяк свое забудет горе

№ 13

Могилки рыл Складовский,
Землянки фон Штерновский,
В Ольвии Боря врззал обороты

№ 14

Раскинулся Волхов широко,
По Волхову “Экстра” бежит

Распространенной разновидностью употребления топонимов и персоналий является использование в тексте имен нарицательных, которые в сознании исполнителей и реципиентов имеют вполне конкретное зна-

---

5 “Мирожка” — Спасо-Мирожский монастырь в Пскове, где на протяжении нескольких лет базировалась экспедиция Эрмитажа.

чение. Так, руководитель экспедиции часто фигурирует как “начальник” или даже просто “он”, что иногда может быть уже результатом обобщения локальных деталей:

№ 15

Он выйдет из палатки,
Пройдется как по грядке,
Выдергивая нас как будто сельдерей.

№ 16

Но среди всех сомнений нет -
Начальник главный икроед

№ 17

Говорим мы начальникам нашим,
Что могилы пропал и след.

№ 18

Что же вы, шеф, нам вина пожалели?
Мы от спирта совсем одурели
И не можем добраться домой
К пивной!

Имена нарицательные, обозначающие местные объекты, могут в сознании носителей иметь не менее конкретное значение, чем собственные. И даже через много лет участник экспедиции может порой вспомнить, какой именно объект имелся в виду в песне.

№ 19

Крутится, вертится крест золотой,
Крутится, вертится над головой⁶

№ 20

А потом на скале мы сидели,
Наблюдая красивейший вид⁷

№19

Есть у шалмана странный люд —
Они там пиво пьют.⁸

Об этих вторых значениях,⁹ без знания которых адекватное понимание некоторых локальных песен вряд ли возможно) помнят впослед-

---

6 Купола Успенского собора (?) в Смоленске.

7 Скала на городище Мирмекский, фигурирует во многих текстах песен и устных рассказах.

8 “Шалман” — кафе “Виктория” (?) в непосредственной близости от городища Мирмекский.

9 Функцию скрытого соотнесения может получать в принципе любое слово в любой общеизвестной песне. Так, например, строка “Мы кабак возьмем на бордаж” (пример № 7) из песни Ю.Аделунга, по свидетельству некоторой части участников Псковской экспедиции 1993 г. (А.Раскина, Е.Титовой, Е.Заручейского и др.), воспринималась с ассоциацией: “кабак” — кафе “Волна”.

ствии иногда уже только несколько человек из компании, обычно — “старики”. Это знание объединяет их и выделяет в особый “клан”, владеющий “сакральной” информацией, своего рода кодом, ключом к пониманию песен. Информация подобного типа (кто или что имеется в виду в такой-то строчке такой-то песни) обычно легко и даже с некоторым элементом гордости сообщается несведущему, и эта передача становится частью процесса инициации новичка в члены компании. В некоторых случаях популярные локальные песни с избытком скрытой информации могут даже выполнять функцию средства отбора новых членов коллектива: не познакомившийся с расшифровкой значимой в коллективе песни не всегда может стать его полноправным членом.

Топонимы и персоналии, а также их нарицательные эквиваленты задают ту систему координат, на которой выстраивается все остальное содержание. Особенно характерно их присутствие в сюжетных текстах. В создании этого базового соотношения локальный археологический экспедиционный фольклор в целом следует законам построения городского песенного фольклора, в частности — блатной песни и некоторых форм городского романса, где в качестве осей координат могли выступать временная (возрастная) и/или локальная привязка. Появление временной соотношенности возможно и в археологических песнях:

№ 22

Месяц мы копали, силы измотали —
Трудно целый месяц отдыхать

Весьма характерно также употребление профессиональной терминологии, упоминание атрибутов профессии и экспедиционного быта:

№ 23

Купите мне совок-лопату —
Копать штыком я не хочу

№ 24

Савромата хитрый глаз,
И лицо как медный таз,
И стрела его трехгранная нам снилась.

№ 25

Выкидал сегодня я пять кубов земли,
Не везет в раскопе — повезет в любви

Создавая свой специфический каркас песенного мира, базирующийся на топонимах, персоналиях и лексике, обозначающей атрибуты профессии, по всем остальным признакам археологический экспедиционный локальный фольклор мало чем отличается от других форм индивидуально-коллективного песенного творчества интеллигентской среды (в том числе и вторичного). Общие закономерности создания и функционирования локальных песен выходят далеко за рамки этой статьи, и поэтому лишь отметим, что локальный археологический экспедиционный песенный фольклор необходимо рассматривать вместе с аналогичными песнями туристов, спелеологов, геологов, альпинистов и других изолированных творчески активных социальных групп, а также со студенческим локальным песенным фольклором, поскольку он является основой для

всех видов. Вне зависимости от того, осознают они это или нет, локальные авторы и версификаторы археологических песен работают в русле общестуденческой традиции создания песен подобного рода.

Общearхеологические песни. Наиболее устойчивые и удачные из локальных песен, а точнее из “песен экспедиций” могут перерастать среду, в которой они возникли. В таком случае можно говорить или о выкристаллизовывании авторского произведения из пакета песен, или о появлении общearхеологического фольклорного произведения. В первом случае неважно, известен исполнителям автор или нет — информации, что где-то, в какой-то экспедиции он есть, достаточно для того, чтобы песня продолжала существовать в своем первоизданном виде. Напротив, “ничья” песня открыта для доработок и быстро изменяется: или приобретает новые локальные детали, обрастая вариантами, или теряет старые, обобщаясь и переставая быть локальным произведением.

Возникшие предположительно в среде историков или археологов песни, такие как “Орел шестого легиона”, “Как на поле Куликовом”, “Я потомок хана Мамаю” и, конечно, “Там, за Танаис рекой”¹⁰, часто выполняющая функцию гимна, являются неизменной и характерной составляющей репертуара экспедиций. Большинство этих песен или потеряли автора и находятся в процессе активной фольклоризации (“Орел шестого легиона”) или представляют собой уже сложившиеся фольклорные произведения (“Как на поле Куликовом”). Знатоки, помнящие создателя/создателей (реальных или легендарных), встречаются лишь изредка. Подобно ситуации в общестуденческом фольклоре, круг этих песен немногочислен. В самом своем широком виде он едва ли насчитывает десяток-полтора текстов. В основном это песни на исторические или реже — общearхеологические темы. К последним можно отнести всего несколько текстов, например, балладу о Фармаковском, Складовском и Штерновском, известную в античных экспедициях. Вне зависимости от тематики большинство этих песен тяготеет к балладной структуре или является балладами (возможно, сказываются особенности профессионального событийно-сюжетного мышления?), причем часто балладами комическими или содержащими элементы комизма. Нередки в них и анакреонтические мотивы, являющиеся излюбленным элементом в песнях любого происхождения, входящих в репертуар экспедиций. Эти баллады, не имеющие широкого бытования вне археологической среды, представляют собой экзотическое дополнение к балладным циклам бардовских песен и городского фольклора, поющим в экспедициях и на “симпозиумах”.

---

¹⁰ Авторство первоначального варианта большинства этих песен достоверно еще не установлено (в том числе и из-за существования взаимоисключающих свидетельств), поэтому приводим лишь информацию о создании песни “Там, за Танаис рекой”, полученную от С.В.Белецкого: “Там, за Танаис рекой” — написана в два приема в 1960 или в 1961 г. студентами-археологами Московского университета, на лекциях по истории КПСС. Авторское название песни — “Скифская баллада”. Автор основного варианта с легендарным количеством куплетов — Ю.М.Десятчиков (†1996), соавторы А.А.Кривоное (†1995); И.К.Фролов (†1984); А.И.Шкурко. Кроме того, называют авторов отдельных куплетов: В.С.Долгоруков — куплет “Пьяных богов берегут...” С.Р.Тохтасьевым дописан значительно позднее основного текста финальный куплет (“Там, за Танаис рекой // Уж не в скифском поле”). Часть куплетов, например, “24 куплета философского спора между греком и скифом” (существование которых вообще легендарно — *Лит.*), по-видимому, утеряны безвозвратно — Ю.М.Десятчиков не смог их вспомнить”. По наиболее распространенной версии, общее количество куплетов составляет 52-58. Обычно исполняется 12-15 куплетов. Исполнения знатоков включают около 25.

Памятники древнерусской сфрагистики (проблема принципиальной атрибуции)¹

Древнерусская сфрагистическая символика ограничена восемью основными изобразительными признаками: изображения Христа, креста, Богоматери, композиции на тему церковного праздника, святого, парных святых, “эмблемы” и “правителя”. Зафиксированные комбинации этих признаков (с учетом печатей, несущих как изображения, так и легенды, а также печатей “эпиграфического типа”) представлены 25 вариантами — сфрагистическими разрядами (табл.1).

Таблица 1.²

№	Сфрагистические разряды	Сфрагистические типы
1	I.1. Христос — Богоматерь	№ 323
2	I.2. Христос — святой	№ 262 (?), 346, 347, 368-371, 379, 384-390, 396-398, 400, 405, 774
3	I.3. Христос — “эмблема”	№ 392, 393, 395
4	I.4. Христос — легенда	№ 426, 475, 580, 581, 705, 707, 708
5	I.5. Христос — 2 святых	№ 345
6	II.1. Крест — Богоматерь	№ 331 (?), 342, 479-520, 760, 761, 538*-543*
7	II.2. Крест — святой	№ 324-330, 332-341, 574, 759

- 1 Список сфрагистических признаков и систематизация сфрагистических типов по сравнению со статьей 1994 г. (Белецкий 1994а) приведены с коррективами, появившимися в результате неоднократных обсуждений проблемы с В.Д.Белецким. Во всех случаях, когда это не оговорено особо, номера печатей в тексте статьи соответствуют номерам в Корпусе В.Л.Янина (1970, т.1-2).
- 2 Обозначенные звездочкой номера соответствуют номерам псковских печатей по (Белецкий В., Белецкий С. 1995), остальные номера соответствуют номерам в Корпусе В.Л.Янина. Древнерусские печати, оставшиеся за пределами названных изданий, схему систематизации принципиально не дополняют и потому в таблицу не включены. Отмечу, что в ряде случаев круговые легенды размещены на печатях с изображениями на обеих сторонах; при установлении разрядов, к которым должны быть отнесены такие печати, определяющими считались изобразительные символы.

№	Сфрагистические разряды	Сфрагистические типы
8	II.3. Крест – легенда	№ 478, 522-525, 527, 536, 538-573, 577-579, 614, 769, 544*, 574*, 575* 580*
9	II.4. Крест – “праздник”	№ 343
10	III.1. Богоматерь – святой	№ 313-321, 322(?), 575, 576
11	III.2. Богоматерь – легенда	№ 45-51, 53-56, 56а, 57, 58, 60-66, 92, 363, 454-472, 476, 477
12	III.3. Богоматерь – 2 святых	№ 312
13	IV.1. “Эмблема” – “эмблема”	№ 1, 591, 592, 608, 611, 612, 702, 755, 756
14	IV.2. “Эмблема” – святой	№ 3(?)–9(?), 283-298, 300-304, 306, 307, 310, 311, 374, 376, 378, 394(?), 403, 610
15	IV.3. “Эмблема” – легенда	№ 2 (?), 309, 423, 430-432, 434, 443, 452, 453, 590, 593, 613, 668(?), 670, 671, 698-701, 703, 709-754, 758, 546*
16	V.1. “Праздник” – святой	№ 121а, 133-139, 236, 267(?), 344(?), 772
17	V.2. “Праздник” – легенда	№ 30(?), 765, 556*-573*
18	VI.1. Святой – святой	№ 140-155, 157-166, 168-206, 209-216, 218-230, 232, 233(?), 234, 235, 237-242, 243а, 244-261, 263-266, 268-276, 277(?), 278-280, 281 (?), 282, 353(?), 356-358, 364, 365, 372, 373, 375, 377, 380-383, 399(?), 401, 402, 404, 788(?)
19	VI.2. Святой – легенда	№ 14-29, 31-44, 59, 67-86, 88-91, 93-103, 103а, 104-115, 117-121, 122(?), 123-126, 128(?), 129-132, 348, 349, 350, 351(?), 352, 359, 361, 362, 366, 367, 406-421, 424, 425, 427, 429, 437-441, 447а, 521, 526, 528, 530-535, 582, 583, 594, 599, 681-691, 691а (?), 692-697, 702а(?), 704, 762-764, 766-768, 770, 777, 778(=441а), 779, 783, 791, 579*(?)
20	VII.1. 2 святых – святой	№ 156, 167, 207, 217, 231, 243
21	VII.2. 2 святых – 2 святых	№ 208
22	VII.3. 2 святых – легенда	№ 87(?), 127
23	VIII.1. “Правитель” – святой	№ 10-13
24	VIII.2. “Правитель” – легенда	№ 116, 547*-555*
25	IX.1. Легенда – легенда	№ 52, 442, 444-447, 449-451, 537, 584-589, 595-598, 600-607, 613а, 615-617, 617а, 618-660, 660а, 661-667, 669, 669а, 672-675, 675а, 676-680, 706, 757, 782, 784-787, 789, 790, 576*-578* 581*, 582*
	Повторный оттиск	№ 529, 545*
	Разряд не определен	№ 354, 355, 360, 391, 428, 428а, 433, 435, 436, 448, 473, 609, 773, 775, 776, 780, 781, 792
	Печати индивидуальных типов	№ 422, 474, 771
	Пломбы, включенные в Корпус печатей	№ 299, 305, 308

За различно оформленными печатями скрыты различные по характеру полномочий властные структуры. При безусловном прокламативном характере, печать является, прежде всего, скрепой письменного документа, так что основной функцией ее следует считать свидетельствование достоверности той информации, которая содержится в тексте документа. Следовательно, печать, гарантировавшая подлинность документа, должна была легко и однозначно читаться современниками. Если булла скрепляла юридический документ, то по ней, вне всякого сомнения, можно было определить полномочность держателя буллотирия утвердить данный документ. Если же речь шла о переписке, то печать, прежде всего, подтверждала происхождение послания, и по ней, следовательно, можно было определить, действительно ли данное послание исходит именно от того лица, на которое содержится указание в тексте. Иными словами, изобразительные символы и их комбинации на печатях можно рассматривать как своего рода знаковую систему, чтение которой не должно было составлять труда для посвященных лиц.

Если сказанное справедливо, то за одними и теми же изобразительными символами на печатях должна быть скрыта однородная информация, а сфрагистические регалии, оформленные путем комбинации одних и тех же символов, не могли использоваться различными властными структурами: в противном случае печать теряла однозначность прочтения комбинации символов, составляющих сфрагистический тип. И если нам не удастся дешифровать смысловое значение сфрагистических символов или их комбинаций, то это вовсе не означает, что одинаково оформленные сфрагистические регалии могли быть усвоены различным по полномочиям лицам. Скорее следует предположить, что предлагаемые для конкретных булл гипотетические персонификации нуждаются в пересмотре.

Ниже суммированы наблюдения о смысловом значении изобразительных символов на древнерусских печатях.

1. Символом самого высокого ранга является изображение Христа, характерное в византийской сфрагистике для императорских печатей. Во второй половине XII - первой половине XIV вв. изображение Христа характерно на Руси для сфрагистических регалий князей, носивших титул "великий" (Белецкий 1995а: 86-93): три буллы с изображениями Христа на одной стороне и святого на другой³ сохранилось при документах (ГВНП: № 10,14; ДДГ: № 1; Янин 1970, т.2: № 397-1, 405-1; Соболева 1991: № 2) и все эти печати уверенно персонифицированы великим князьям. По мнению Т. Василевского, на великокняжеских печатях изображение Христа "символизировало ... их (великих князей — С.Б.) королевское достоинство и суверенный характер власти над всей Русью и ее удельными князьями" (Василевски 1991: 232). Иными словами, изображение Христа обозначает суверенную (автономную) власть ("власть от Бога"), усвоенную держателю буллотирия (Белецкий 1995а: 86-93; Белецкий, Петренко 1994: 185-186; Белецкий, Купранис 1996: 70-71). Единственное достоверное исключение — изображение на печа-

3 Не учитываю печать, хранящуюся вместе с грамотой Мстислава Великого Юрьеву монастырь, поскольку аутентичность буллы взята под сомнение (Янин 1970, т.2: 16-21).

ти псковского пригорода Красный XV в. (Белецкий В., Белецкий С. 1995: 179, № 579): помещенное на этой печати погрудное изображение бородатого святого лишено персонифицирующих признаков, но из легенды (“Печать Святого Спаса, красногородская”), следует, что на печати помещено изображение Христа. Однако красногородская печать, благодаря формуле легенды, вписывается в группу сфрагистических регалий, принадлежащих “святине”. Учитывая, что изображение на красногородской печати лишено каких бы то ни было христологических признаков и воспринимается в качестве изображения именно Христа только благодаря легенде, решуь утверждать, что эта булла не противоречит предложенной оценке символического значения изображения Христа на памятниках русской сфрагистики. Размещение изображения Христа на печатях второй половины XIII – XV вв., принадлежавших новгородским чиновникам (владыка, посадник, тысяцкий, Совет Господ), также не противоречит выводу о символике суверенной (автономной) власти, скрытой за этим изображением, но, безусловно, в каждом конкретном случае нуждается в специальном комментарии (напр.: Белецкий 1996: 72-76; 1997б). Вероятность же того, что в XIV-XV вв. изображение Христа было низведено в Новгороде до эмблемы одного из городских концов (Янин 1962: 366; 1970, т.2: 142; Буров 1977: 108), представляется ничтожно малой.

2. Высокий ранг изображения креста на древнерусских печатях также очевиден. Крест изображен на печати князя Тимофея-Довмонта (Лихачев 1928: 33-34; ЛСА: табл.Х, I), скреплявшей рядную Якима и Тешаты (ГВНП: № 331). Печати № 481 и 521-1,4, несущие изображения креста и Богоматери, сохранились при грамотах Новгорода XIV-XV вв.: местом при документе и методом исключения буллы связываются с новгородским владыкой. Аналогично оформленная печать, скрепляла грамоту Пскова XIV в. (ЛСА: табл.ХII, 15): грамота составлена “от посадника Сидора... и от всех пльсковичь” (ГВНП: № 332). Печать № 478 несет изображение креста на аверсе и сопровождается легендой “Печать владычня” на реверсе. Н.П.Лихачев отмечал, что изображение креста на печатях было синонимичным изображению Христа (Лихачев 1928: 34, 51), и это мнение разделил В.Л.Янин (1970, т.1: 150). Вполне вероятным представляется, что смысловое значение изображения креста было адекватно смысловому значению изображения Христа – сфрагистический символ суверенной (автономной) власти. Присутствие изображений креста на печатях чиновников XIV-XV вв., связанных с управлением в различных районах Новгородской земли (Ладога, Двина, Заонежье и др.), этому выводу не противоречит, хотя и требует в каждом конкретном случае специального комментария.

3. Изображение Богоматери, как это неоднократно отмечалось в литературе, является признаком включения держателя буллотирия в число лиц, полномочия которых обеспечены принадлежностью их к церкви: на это указывают формулы легенд, размещенных на реверсе многочисленных епископских и митрополичьих печатей Руси с XI и вплоть до XVII в. Правда, Н.П.Лихачев не исключал, что печати с изображениями Богоматери и святого могли принадлежать князьям, и напоминал о том, что в Византии изображения Богоматери нередко размещались на печатях светских лиц (Лихачев 1928: 161), однако В.Л.Янин справедливо подчеркивал: “С начала XII в. богородичное изображение прочно утверждается на буллах духовных лиц и становится наиболее заметным их отличительным признаком” (Янин 1970, т.1: 148). По-видимому, смыс-

ловым значением изображения Богоматери на древнерусских печатях следует считать “власть от церкви”.

4. Изображение композиции на тему церковного праздника может быть интерпретировано в качестве символа “святыни” — храма или монастыря соответствующего посвящения. Именно так объясняется изображение композиции Преображение Господне на печати № 121а, принадлежавшей Евфросинье Полоцкой — основательнице полоцкого Спаского монастыря (Янин 1970, т.1: 231). Изображение композиции Благовещение помещено на печати № 765; формула легенды на этой печати (“Печать Благовещенская”) прямо указывает на принадлежность буллы святыне, по В.Л.Янину — Благовещенскому монастырю в Новгороде (Янин 1970, т.2: 138). Изображение Ветхозаветной Троицы является характернейшей особенностью печатей псковских наместников новгородского архиепископа (Белецкий В., Белецкий С. 1995а: № 556-573; 1995б: 41-58; см. также: Белецкий 1994в: 82-85; 1997а) или московского митрополита (Белецкий 1995б: 48-53). По общему мнению исследователей (Лихачев 1960: 234; Порфиридов 1958: 225; 1959: 87; Янин 1960: 255; Белецкий В., Белецкий С. 1995б: 41-58), изображение Троицы символизирует на этих печатях Троицкий собор — главную святыню Пскова, неоднократно названного в летописи “Дом Святой Троицы”.

5. Изображение святого, как это было установлено еще Н.П.Лихачевым (Лихачев 1928: 51-53), символизирует на древнерусских печатях крестильное имя лица, имеющего отношение к скрепленному печатью документу. Однако, в ряде случаев изображение святого на печати символизирует святыню. Таковы, в частности, монастырские печати Новгорода: изображение святого на этих печатях сопровождается легендой, содержащей стереотипную формулу принадлежности святыне соответствующего изображению посвящения (Янин 1970, т.2: 138-141).

6. Изображение на одной из сторон печати двух святых одновременно в качестве особого изобразительного символа обычно не воспринималось, хотя в литературе существуют две версии относительно смыслового значения такого изображения. Н.П.Лихачев в комментарии к печати № 243 в осторожной форме указал на возможность передачи с помощью данного изобразительного сюжета сведений о храме или монастыре соответствующего посвящения (ЛСА: л.46). В.Л.Янин, первоначально повторивший (применительно к той же печати № 243) мнение Лихачева (Янин 1960: 240), позднее к этой версии не возвращался, полагая, что за изображениями святых (в том числе — парных) на обеих сторонах печати по преимуществу скрыты крестильные имя и отчество держателя буллотирия (Янин 1970, т.1: 93-95,98,121).

Применительно к изображению парных святых последняя из версий, на мой взгляд, не только не единственно возможная, но и наименее вероятная. Действительно, печати с изображениями одиночных святых на обеих сторонах, как было установлено Н.П.Лихачевым, в символической форме передают крестильные имя и отчество владельца печати. Символическая же передать одно имя изображениями двух святых одновременно невозможно: утверждать, что изображение, например, апостолов Петра и Павла символизирует имя “Петр” так же рискованно, как и утверждать, что эти изображения символизируют имя “Павел”. В то же время обращает на себя внимание “парность” святых — Борис и Глеб (№ 156, 167, 207, 208, 217, 312), Козьма и Дамиан (№ 231), Петр и Павел (№ 208), Флор и Лавр (№ 243): на память сразу приходят храмы и монастыри — борисоглебские, козмодемьянские, петропавловские... Ре-

шусь утверждать, что изображение парных святых на русских печатях символизирует святыню соответствующего посвящения.

7. Значение изображения “эмблемы” на печатях традиционно ставилось в литературе в зависимость от решения проблемы персонификации владельца эмблемы. Основным предметом обсуждения обычно являлись печати с изображениями княжеской тамги и святого: такие печати атрибуировали князьям, предполагая, что за изображением святого скрыто крестильное имя владельца эмблемы. Только после того, как В.Л. Янин убедительно соотнес печати с изображениями княжеской тамги и святого с деятельностью чиновников княжеского аппарата (Янин 1970, т.1: 132-146), наметились пути для принципиальной атрибуции других сфрагистических памятников, несущих изображения как княжеской тамги (Белецкий 1992: 5-8), так и эмблемы индивидуального типа (Белецкий 1996: 72-76). Обобщая наблюдения, адресованные различным сфрагистическим разрядам составной частью оформления которых являлась эмблема, можно было бы утверждать, что эмблема на печати символизирует власть, предоставленную держателю буллотирия владельцем эмблемы (“власть от сюзерена”). Однако такое определение будет недостаточным. Помещенные на печатях новгородского Совета Господ изображения эмблем индивидуальных типов – воин, всадник, зверь, птица (№ 709-719, 721-756) – являлись, вероятнее всего, кончанскими эмблемами Новгорода (Янин 1970, т.2: 141-143), так что здесь за изображениями эмблем вряд ли скрыты отношения вассалитета – речь идет о формирующейся городской (государственной) эмблематике.

И у печатей княжеских чиновников, и у печатей новгородских республиканских чиновников есть одна общая особенность: в обоих случаях власть, скрытая за изображением эмблемы, предоставлена владельцам сфрагистических регалий в рамках существующего законодательства. Именно благодаря определенности и конкретности правового пространства, частью которого являлись полномочия владельцев сфрагистических регалий, эти полномочия были законными. Исходя из того, что правовое пространство в целом соответствует административной территории, на которую распространяются полномочия владельца сфрагистической регалии, решусь утверждать, что изображение эмблемы символизирует на памятниках древнерусской сфрагистики “власть по закону”.

8. Изображение “правителя” на сфрагистических регалиях – наименее представительный изобразительный символ в древнерусской сфрагистике. Это изображение в сочетании с изображением святого зафиксировано на немногочисленных буллах, с разной степенью определенности атрибуированных князьям Ярославу Владимировичу (Мудрому), Святополку Ярополчичу (Окаянному) и Святославу Ярославичу (Янин 1970, т.1: № 10-13; 1997). При всей условности и схематичности изображений принято считать, что на печатях оно призвано символизировать самого владельца буллы. Изображение “князя” в сопровождении развернутой легенды является характерной особенностью “печатей псковских” XV в.: на этих печатях изображение символизирует князя Тимофея-Довмонта – святого покровителя Пскова.

Хронологическая лакуна между княжескими печатями XI в. и республиканскими псковскими печатями XV в. не дает оснований усматривать какую бы то ни было преемственность в истолковании изобразительного символа. Но замечу, что и в одном, и в другом зафиксированных случае сфрагистический тип с изображением “правителя” находит

соответствие в одновременных монетных типах. Безусловно, само изображение должно было восприниматься по-разному: на княжеских печатях и монетах XI в. “портрет” князя является эквивалентным его имени, в то время как на республиканских псковских печатях и монетах изображение “Довмонта” фактически представляет собой символ (эмблему?) республиканской власти. Решусь предположить, что единственным смысловым значением изображения “правителя” на печатях была необходимость (желание?) поместить на регалию власти изображение данной “персоны”.

Изложенные соображения о смысловом значении изобразительных символов на памятниках древнерусской сфрагистики сведены в табл. 2.

Таблица 2

Символ	Значение
1. Изображение Христа	“власть от Бога”
2. Изображение креста	“власть от Бога”
3. Изображение Богоматери	“власть церкви”
4. Изображение композиции на тему церковного праздника	“святыня”
5. Изображение святого	крестильное имя или святыня
6. Изображение парных святых	“святыня”
7. Изображение эмблемы	“власть по закону”
8. Изображение “правителя”	“персона”

Напомню, что большинство изобразительных символов появляется на русских печатях в XI-XII вв., а доживает до XV-XVI вв. Согласно предлагаемой версии практически все они получают однозначные толкования. Исключение составляют изображения святых, которые могут символизировать на печати не только крестильное имя, но так же храм или монастырь соответствующего посвящения. Замечу, однако, что оба варианта прочтения представляются по своему информативному значению однородными — и имя лица, и наименование святыни являются именем собственным объекта, скрытого за изобразительным символом. По-видимому, персонификация объекта, скрытого за изображением святого, целиком зависит от контекста сфрагистического типа.

Для большинства из выделенных сфрагистических разрядов в литературе уже предлагались в разной степени аргументированные атрибуции. Процедура исследовательского поиска в подавляющем большинстве случаев сводилась к следующему: вначале предлагались персонификации конкретных булл; вслед за этим предпринималось выделение сфрагистических разрядов путем обобщения результатов персонификаций; наконец, на основании сопоставления между собой полученных разрядов (представительность, география распространения и др.) делались принципиальные выводы о характере управления на Руси, властных полномочий различных институтов власти и проч. Безусловно, многие из общепринятых принципиальных атрибуций верны, однако, полагаю, что это отнюдь не связано с доказанностью предложенных истолкований. Напротив, построенные традиционным путем системы аргументации изначально уязвимы для критики, поскольку целиком зависят от персонификации.

фикаций: пересмотр любой из персональных атрибуций неизбежно ставит под сомнение принципиальную принадлежность разряда в целом. Я полагаю, что при попытках определения принципиальной принадлежности сфрагистических регалий того или иного разряда единственно корректным является истолкование вероятных полномочий держателя буллотирия, и только после этого допустимы попытки персонифицировать конкретные буллы.

Продемонстрирую декларируемую процедуру истолкования на конкретном примере. Печати разряда II.1 несут на аверсе изображение креста, а на реверсе изображение Богоматери. Такая булла может быть прочтена либо как сфрагистическая регалия органа независимой (изображение креста) власти, принадлежавшей церкви (изображение Богоматери), либо как регалия независимого органа власти, в юрисдикции которого находится церковное право. Принципиальная анонимность печати, выразившаяся в отсутствии каких бы то ни было указаний на личность владельца, предполагает не личную, а должностную ответственность держателя буллотирия за совершенные юридические действия. Данных для более определенной приуроченности печатей собственно сфрагистический тип не содержит.

При документах сохранилось 16 булл разряда II.1 (№ 481; 512,1,4; 515,1; 516,1-6; 518,2-5; 520; ЛСА: табл. XII, 15); эти печати, за единственным исключением,⁴ утверждают документы новгородского происхождения. В двух случаях печать скрепляла документы международного значения (ГВНП: № 36, 70), в одном случае утверждала (наряду с еще семью печатями) жалованную грамоту Новгорода Троице-Сергиеву монастырю (ГВНП: № 95), а еще в одном случае — жалованную грамоту новгородского архиепископа Соловецкому монастырю (ГВНП: № 99); все остальные документы, утвержденные печатями разряда II.1, относятся к частным актам (ГВНП: № 90, 297-303, 320, 328). В 10 случаях (ГВНП: № 90, 297-303, 320, 328) в тексте документа отсутствуют сведения, которые позволили бы персонифицировать буллу или хотя бы атрибуировать ее должностному лицу. В трех случаях (ГВНП: № 36, 70, 95) принадлежность буллы новгородскому архиепископу определяется местом печати при документе и методом исключения, еще в одном случае (ГВНП: № 99) печать атрибуирована новгородскому владыке. Наконец, в тексте данной, скрепленной печатью № 518-2, вместо традиционного перечисления послухов сказано: “А на то послух печать дому Божию Святей Софии и архиепископа владыки Феофила” (ГВНП: № 318).

В домонгольское время печати разряда II.1 принадлежат к числу редчайших сфрагистических памятников: в Корпусе В.Л.Янина зафиксированы всего две такие буллы, и обе они происходят из Новгорода (Янин 1970, т.1: № 331, 342). Еще одна булла (Янин 1970, т.1: № 323) принадлежит к близкородственному сфрагистическому разряду I.1, однако ее происхождение не установлено. Массовое распространение печати с изображениями креста и Богоматери получают с рубежа XIII-XIV

---

4 Печать скрепившая грамоту Пскова Риге (ГВНП: № 332), утверждала документ “от посадника Сидора, и от соцких, и от всех пльсковичь”. Использование псковскими вечевыми структурами такой печати находит объяснение в истории формирования республиканского государственного аппарата Пскова: на протяжении почти всего XIV в. избранные псковские посадники в правовом отношении были уравнены с правительственными чиновниками Новгорода (Белецкий 1994б).

вв., причем в XIV-XV вв. документы, скрепленные этими печатями, получают широкое распространение, прежде всего, в Новгороде и Новгородской земле. Печати разряда II.1 найдены в городских кварталах Новгорода, а также широко представлены в центрах, связанных с Новгородом политическими и экономическими связями. В то же время, документы, скрепленные печатями данного разряда, попадают в комплекс архивохранилища на Городище под Новгородом в единичных экземплярах. Таким образом, в XIV-XV вв. юрисдикция сфрагистических регалий рассматриваемого разряда распространялась на Новгород и Новгородскую землю, однако документы, подлежащие утверждению печатью, как будто бы, не требовали обязательного “вечного хранения” в государственном архиве. Следовательно, речь может идти, прежде всего, об утверждении частного акта. Таким образом, наблюдения за печатями, утратившими связь с документами, подтверждают наблюдения, сделанные при обращении к печатям, сохранившимся при документах. Очевидно, новгородский архиепископ имеет прямое отношение к правовому статусу печатей рассматриваемого разряда. На рубеже XIII-XIV вв. происходят существенные изменения в порядке использования печатей разряда II.1: наличие многочисленных одновременных булл, оттиснутых разными парами матриц, предполагает, что одновременно в делопроизводстве находилось по крайней мере более одной пары матриц. Это дает основание считать, что печати разряда II.1 являлись сфрагистическими регалиями не самого новгородского владыки, а лиц, выступающих от его имени.

Н.П.Лихачев (ЛСА: 131, 143-144), а вслед за ним П.А.Шорин (1964: 256-267) и В.Л.Янин (1970, т.2: 51-60) атрибуировали печати с изображениями креста и Богоматери “владычным наместникам” Новгородского владычного аппарата справедлив по крайней мере для XIV-XV вв. При этом, можно думать, новгородский архиепископ усвоил своим чиновникам тип сфрагистической регалии уже сложившийся и имевший к этому времени в Новгороде признанный правовой статус. И, если так, то отсутствие подобных печатей в домонгольское время за пределами Новгорода дает основание предполагать формирование сфрагистического разряда именно в Новгороде.

Высокий ранг печатей с изображением креста на аверсе и Богоматери на реверсе теоретически подразумевает особый круг полномочий, попадающих под юрисдикцию печатей рассматриваемого разряда по сравнению с другими сфрагистическими регалиями иерархов русской церкви и их уполномоченных лиц. В этой связи еще раз повторю, что сфрагистический тип предполагает возможность двоякого “прочтения”: печати можно расценить как атрибуты юрисдикции независимой церковной власти, то есть — независимой власти в области церковного права, но их можно расценить и иначе — в качестве регалий независимой власти, принадлежащей (контролируемой) церковью. Для первой версии, как будто бы, нет достаточных оснований. Зато вторая версия заслуживает самого пристального внимания. Напомню, что новгородский владыка после 1158 г. подлежал избранию на вече точно так же, как подлежали вечевому избранию высшие боярские магистраты Новгорода. Точно так же, как посадники и тысяцкие, владыка мог быть смещен с должности и даже изгнан. Уже одно это свидетельствует о том, что новгородский епископ (с 1165 г. — архиепископ) находился в положении должностного лица новгородского аппарата управления, не

ограничиваясь отправлением пастырских обязанностей. И так, как санкции владыки, как будто бы, была обязательной для придания законности вечерним решениям (Мартышин 1992: 219), весьма вероятной представляется мысль о том, что владыка в правовом отношении являлся первым должностным лицом новгородских структур государственного управления (Белецкий 1997в). “Ключевые позиции в области управления давало ему (владыке — С.Б.) и председательское кресло в совете господ” (Мартышин 1992: 219).

После сказанного рискну предположить, что рассматриваемый сфрагистический разряд сложился не позднее XII в. именно в Новгороде, а употреблялся в делопроизводстве, связанном с теми полномочиями новгородского владыки, которыми он обладал в качестве высшего должностного лица в новгородском правительстве. В XII-XIII вв. подобной печатью скреплялись единичные документы, требовавшие участия владыки в качестве главы светской власти в Новгороде, а на рубеже XIII-XIV вв. произошли изменения структуры управления, материализовавшиеся появлением штата правительственных чиновников, получивших право пользоваться печатью данного разряда. Таким образом, в XIV-XV вв. печати разряда II.1 являлись сфрагистическими регалиями должностных лиц новгородского правительства, не несущих персональной ответственности за совершенные юридические действия, но обладающих полномочиями в самых разных областях делопроизводства — от утверждения частных актов и до скрепления международных договоров. Считать печати разряда II.1 регалиями власти абстрактных “владычных наместников” недостаточно: определение “анонимные печати владычных наместников”, прочно укрепившееся в литературе, автоматически отождествляет держателей буллотириев не со светскими, а с епархиальными чиновниками.

* * *

Предлагаемый подход к принципиальной атрибуции сфрагистических памятников древней Руси позволяет исключить произвол при персонализации конкретных булл, а, кроме того, дает до сих пор отсутствовавшие основания для изучения реального соотношения институтов власти древней Руси, материализовавших свою деятельность в памятниках сфрагистики. Я убежден в том, что большинство древнерусских сфрагистических разрядов в настоящее время может быть прочтено вполне определенно, однако истолкование каждого конкретного разряда представляется самостоятельной темой, требующей детальной аргументации, и эти вопросы выходят за рамки статьи.

-
- Белецкий В.Д., Белецкий С.В. 1995а. Псковская сфрагистика [каталог, вступительная статья] // Древности северо-запада России. К 90-летию со дня рождения Г.П. Гроздилова. Каталог выставки. СПб.
- Белецкий В.Д., Белецкий С.В. 1995б. Изображения Троицы на именных владычных печатях Пскова (к иконографии композиции) // У истоков русской культуры. XII-XVII вв. СПб.
- Белецкий С.В. 1992. Данные сфрагистики о княжеском аппарате в домонгольской Руси // Образование древнерусского государства. Спорные проблемы. М.
- Белецкий С.В. 1994а. Памятники средневековой русской сфрагистики (проблема систематизации) // П.С.К.О.В. СПб.
- Белецкий С.В. 1994б. Вечерние печати Пскова / Сфрагистика средневекового Пскова. Вып. 2. СПб.
- Белецкий С.В. 1994в. Сфрагистические данные о взаимоотношениях Пскова и Софийской кафедры в 14 — начале 15 вв. // Древний Псков. Исследования средневекового города. СПб.
- Белецкий С.В. 1995а. Древнерусские печати с изображением Христа-Вседержителя и святого: проблема принципиальной атрибуции // Россия в X-XVIII вв. Проблемы истории и источниковедения. ТД и Стггорых чтений, посвященных памяти А.А. Зимина. Москва, 26-28 января 1995 г. М.

- Белецкий С.В. 1995б. Новые данные о псковско-новгородско-московских церковных отношениях в 30-40-е годы XV в. // Церковная археология. Вып.2. СПб.
- Белецкий С.В. 1996. Русские печати с изображениями Христа и эмблемы: проблема принципиальной атрибуции // Четвертая всероссийская нумизматическая конференция в г. Дмитрове. 22-26апреля 1996 г. ТД. М.
- Белецкий С.В. 1997а. Новые данные о печатях псковских владychных наместников XV в. // Пятая всероссийская нумизматическая конференция. Москва, 21-25 апреля 1997 г. ТД и С. М.
- Белецкий С.В. 1997б. Новгородские печати XIII-XV вв. с изображением Христа (к проблеме организации управления в Новгороде Великом) // Сборник статей, посвященный 90-летию Б.А.Рыбакова. М., в печати.
- Белецкий С.В. 1997в. Печати с изображениями креста и Богоматери (проблема принципиальной атрибуции) // Музей в современной культуре. ТД на научной конференции СПбГАК. Сиб., в печати.
- Белецкий С.В., Курапис А.А. 1996. Новые сфрагистические памятники XII-XV вв. из частных собраний (материалы для Корпуса актовых печатей древней Руси) // Археология Петербурга. № 1. СПб.
- Буров В.А. 1977. Печати при новгородском наказе 1372 г. как исторический источник по изучению кончанской эмблематики Новгорода XIV в. // СА. № 1.
- Василевски Т. 1991. Христос-Папгократор на печатях и монетах монархов Руси и его византийские и болгарские образцы // ВВ. № 52.
- Лихачев Н.П. 1928. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Вып.1. Л.
- Лихачев Н.П. 1930. Материалы для истории русской и византийской сфрагистики. Вып.2. Л.
- Лихачев Н.П. 1960. Печати Пскова // СА. № 3.
- Мартышкин О.В. 1992. Вольный Новгород. Общественно-политический строй и право феодальной республики. М.
- Порфиридов Н.Г. 1958. Именные владychные печати Пскова // СА. № 3.
- Порфиридов Н.Г. 1959. Очерки памятников новгородской сфрагистики. Печати владych Великого Новгорода // НИС. № 9. Новгород.
- Шорин П.А. 1964. Анонимные печати новгородских архиепископов // СА. № 3.
- Янин В.Л. 1960. Вислые печати Пскова // СА. № 3.
- Янин В.Л. 1962. Новгородские посадники. М.
- Янин В.Л. 1970. Актовые печати древней Руси X-XV вв. Т.1-2. М.
- Янин В.Л. 1997. Две древнерусские вислые печати начала XI в. // Археологические вести, № 5. СПб.

К истории открытия, реставрации и музеефикации фресок из археологических раскопок в Довмонтовом городе Пскова

Работа с псковскими фресками из археологических раскопок ведется в лаборатории научной реставрации монументальной живописи (ЛНРМЖ) Государственного Эрмитажа с 1963 г. Первые крупные фрагменты живописного декора были обнаружены при раскрытии остатков ц.Никола с Гребли XIV в. в Довмонтовом городе, и тогда же Василий Дмитриевич Белецкий обратился за помощью к музейным реставраторам. К этому времени лаборатория уже имела большой опыт работы с памятниками монументальной живописи из археологических раскопок, методика которой была разработана в Эрмитаже для сохранения коллекции клеевой живописи на лессовой штукатурке из отдала Востока.¹ Для древнерусской живописи на известковой штукатурке этот метод был впервые применен в 1962 г. при исследованиях храма на Протоке в Смоленске. В Пскове в 1963 г. реставратор ЛНРМЖ Т.В.Коваленко применила уже отработанную методику: со стен ц.Никола с Гребли были сняты уцелевшие фрагменты живописи, а из завала подняты многочисленные обломки фресок. Расчищенные и закрепленные в лаборатории, они были смонтированы при помощи специальной конструкции так, что удалось воспроизвести алтарную композицию "Служба отцов" ("Поклонение чаше") высотой около двух метров.²

Спустя 11 лет при исследовании ц.Покрова Богородицы XIV в. в Довмонтовом городе были вновь обнаружены фрески. Что это за живопись, сколько ее сохранилось на стенах, сколько находится в завале, в каком она состоянии судить было невозможно, не видя самих стен храма. В июле 1974 г. Е.Г.Шейнина, возглавившая ЛНРМЖ после П.И.Кострова, ушедшего на пенсию в 1966 г., была вместе с автором

1 В основе нового метода, предложенного в 1949 г. художником-реставратором Государственного Эрмитажа П.И.Костровым и химиком И.Л.Ногида было положено использование синтетической смолы полибутилметакрилат (ПБМА) и органических растворителей, позволявших работать с водоразмываемой живописью на пористой основе и расписной лессовой скульптурой как в полевых, так и в лабораторных условиях.

2 В настоящее время находится на постоянной экспозиции Псковского музея-заповедника.

статьи командирована в Псковскую экспедицию. Загрузив в музейный рафик все необходимое для работы мы выехали в Псков.

Забегая вперед следует сказать, что обнаруженные в ц.Покрова фрески по количеству и качеству превзошли все ожидания, явив достаточно полную картину живописного убранства храма. Масштабы работ оказались для реставраторов столь значительными, что планировать наше участие в работах экспедиции пришлось на несколько лет. За пять сезонов работ со стен раскрытой церкви последовательно были сняты фрески, общая площадь которых достигла 150 м². Следует учитывать также множество завальных обломков, восполнявших впоследствии утраты живописи в процессе реставрации. Но это было потом, когда на лабораторных столах одна за другой обретали целостность и прочность композиции этого уникального комплекса.

Работы начались с того, что на высоком холме, заросшем бузиной, вырубались кусты, глубоко пустившие корни во все трещины и щели кладки. Эти-то корни и отжали от стен штукатурку, отчего она и без того раздробленная, оказалась прошитой и оплетенной густой волокнистой сеткой. Можно сказать, что весь верхний край живописи храма после удаления завала висел на этих корнях, полностью отстав от кладки. В образовавшуюся щель набилась земля, с вершины холма туда стекала дождевая вода.

В первый сезон мы раскрыли весь верхний регистр живописи в алтаре, где по обе стороны пролома над центральной нишей располагались сцены "Евхаристии". Нижний край, обозначенный широкой красно-коричневой полосой, был одновременно и верхним краем следующего под ним регистра росписей. Его предстояло раскрывать в следующем сезоне.

Участие реставраторов в археологических раскопках означает всегда непредсказуемые заранее заботы для начальников экспедиций. Счастливая находка фресок на стенах храма и на этот раз обернулась массой проблем для В.Д.Белецкого, которому пришлось добывать материалы для обеспечения реставрационных работ: ацетон, марля, гипс, гвозди, рейки, фанера, доски — все это искали на заводах, складах, в аптеках и других местах. Кроме того, надо было застраховаться от капризов погоды: внезапных ливней, ветров, яркого солнца. Дневниковые записи первого сезона полны драматизма:

"17 июля — открыли участок северной стены апсиды. Верхние куски не удержатся, отваливаются. Пробуем гипсовать, чтобы успеть расчислить хотя бы фигуру Христа. Все насквозь сырое и вот-вот рухнет. Сторож не пришел. Василий Дмитриевич несколько раз ночью ходил на раскоп.

19-е. Пятница. Снимали первый фрагмент "Евхаристии". Прорезали швы, кусок стал сползать по стене. Резы проклеить уже не успели. Только подвели щит, как кусок сам отделился и повис на марле.

20-е. Очень сыро. Клей высасывается даже с перхлорэтиленом. Раскрываем участок за третьей фигурой южного полукружия. Края обваливаются, штукатурка уже сложилась в складку.

26-е. Открыли участок на южном полукружии алтаря и понизились на 1,5 м. Заклеив угол, ушли. Через час начался страшный ливень с ветром и градом. Сорвало пленку. Успели с Евгенией Григорьевной добраться до раскопа, накрыть все снова и прижимали собой фреску, пока ураган не утих.

2 августа. День очень жаркий, тяжелый. Чтобы хоть как-то заре-

Рис.1. Е.Г.Шейнина, В.Д.Белецкий, Работы в ц.Покрова Богородицы. Довмонтов город. Псков. 1974 г.

совать изображение перед снятием, бинты клеим только на аварийных участках фрески. Постоянная тревога, что штукатурка в проходе отвалится, а ребята-работчие все время толкуются в апсиде. К концу дня у Евгении Григорьевны испортилось настроение от множества мелких недоразумений и неприятностей. Василий Дмитриевич выглядит плохо: устал и, видимо, болен".

Работать без навеса становилось невозможным. Строить его взялась бригада плотников, руководимая местным умельцем Федей. Они же делали по заказам реставраторов щиты, ящики, кружала, причем с такой точностью ухитрялись пригнать кривизну фанерных щитов к дуге алтарной стены или арке свода, что снятый кусок без деформаций ложился лицевой стороной на его выпуклую поверхность. Кроме пилы-топора и глазомера они ничем, похоже, не пользовались, а если учесть, что после полудня кто-нибудь из них обычно "недомогол" (а бывало, что и все), то такая точность в расчетах всегда удивляла. Чертежи всех плотницких конструкций делала Евгения Григорьевна. Она строго следила за их изготовлением. За плечами у нее был большой опыт работы со столярами и плотниками по Средней Азии, когда в Пенджикентской экспедиции ими выполнялись подобные задания. Этот ее инженерный профессионализм с уважением отмечал сам бригадир Федея.

В 1974 году удалось понизиться в завале почти на два метра в алтарной части храма. В следующем сезоне раскрывалась живопись среднего алтарного регистра с двухметровыми фигурами святителей. Здесь уже сцепление штукатурки с кладкой было получше, поэтому регистр удалось расчистить и сфотографировать до заклейки.

Рис. 2. Е.Г.Шейнина, А.Д.Бляхер, В.Д.Белеский, Р.М.Беляева. Работы в и.Покрова Ботородницы. Довмонтов город, Псков, 1975 г.

Особую сложность представляла работа со сводчатыми поверхностями. Это были арки проходов их центрального нефа в боковые, арка северного портала, ниша перед ним. Обнаружены они были во втором сезоне, когда, понижаясь в завале, мы впервые увидели незаполненный землей объем под самой дугой обозначившейся арки прохода в дьяконник. Распластавшись на земле можно было увидеть в небольшую щель, как от камней свода отделилась поврежденная штукатурка, и фреска зависла в пустоте, готовая в любой момент обрушиться. Решено было, осторожно заполняя в щель под аркой, зафиксировать положение этих обломков с помощью гипса, чтобы потом, выбрав достаточно земли и заклеив живонисей общей марлей, установить подпорку. Эту операцию удалось проделать со всеми сводами. Василий Дмитриевич всегда со страхом наблюдал торчащие из глубоких нор четыре подошвы двух реставраторов, замерших в неподвижных позах: один, едва шевеля пальцами рук, держал марлевый бинт на весу, а другой осторожно макая кисть в раствор ПБМА, старался приклеить этот бинт к

Рис.3 В.Д.Беленкий, А.М.Бляхер, Р.М.Беляева в полевой лаборатории.
Довмонтов город, Псков, 1975 г.

стене.

В 1975 году в экспедиции работали уже три реставратора. Кроме Е.Г.Шейниной и автора, на раскопки приехала А.М.Бляхер. А в 1976 году в работу включилась и Е.С.Калмыкова.

Как ни тяжелы были камни кладки, мы двигали их чаще всего сами, так же, как и срезанные со стен фрески. Приходилось вбивать в стены металлические костыли и долота для поддержки щитов при снятии фрагментов живописи со стен, устраивать деревянные упоры к планшетам, не доверяя эту работу "добровольцам", так как надо было чувствовать какое усилие необходимо приложить, а какое — неуместно. Заводя почти вслепую нож между штукатуркой и кладкой, важно было мысленно представить состояние скрытой от глаз лицевой поверхности. Неверное движение могло повредить живопись, а упущенные мелочи — стать причиной того, что фреска неожиданно сорвется со стены. Особое состояние реставратора — это напряженное внимание и осторожные движения в неудобной позе, и это — на сильном ветру, под нависшими камнями, с вредными растворителями. Бывало, почти не касаясь скальпелем поверхности, резали торчащий из головы изображенного святого корень, удаляли побелку, стараясь не повредить живопись. Вниз головой в узком проходе прорезали скальпелем горизонталь, выбирая в твердой штукатурке как можно глубже борозду в 5 мм

шириной. Однако, общее впечатление об этом периоде жизни у нас осталась самое приятное. Василий Дмитриевич умел создать в экспедиции такую психологическую атмосферу, в которой работать было приятно и легко.

Специфика совместной работы археологов и реставраторов на памятнике с живописью на стенах состоит в том, что удаление грунта из раскопа возможно только после снятия фресок до намеченного уровня, причем по всему фронту стены. На каждом этапе этот уровень определялся высотой живописного регистра. Таких этапов можно выделить три.

Первыми снимались фрески верхних регистров с высоты почти 5 м под полом. Для этой части стен было характерно плохое сцепление штукатурки с кладкой, мелкая раздробленность, произвольные контуры верхнего края, проросшие сквозь стену корни растений. Этот ярус в алтарной части имел высоту до 1,5 м. Он был снят в течение первого полевого сезона в 1974 году.

Вторым этапом было раскрытие и снятие среднего яруса ("Служба отцов" и др.), где сохранность была наилучшей, если не считать выбоины и утраты, образовавшиеся при падении камней. Большая высота этого яруса (до 2,2 м) позволила проследить изменение состояния поверхности живописи: чем ближе к полу — тем хуже, поверхность штукатурки становится рыхлой, изъязвленной мелкими утратами, размытой и потертой.

Третий этап работы в храме был посвящен снятию всей остальной живописи на стенах: по-преимуществу, это были оказались декоративные плиты, украшавшие нижние части стен. Высота этого яруса в среднем равнялась 1 м, причем поверхность красочного слоя была очень плохой сохранности. За сотни лет пребывания в земле разрушению способствовала повышенная влажность на этом уровне. Губительное действие воды особенно усиливалось в период ее сезонных подъемов в реках и обильных осадков: штукатурка теряла прочность, обваливалась, меняла фактуру.

Неблагоприятной зоной была и вся юго-западная часть храма, где, кроме сырости вредное воздействие на живопись оказывал и сам завал земли. Юго-западный угол храма был забит желто-красной глиной, в массе которой перемешались обломки фрески со стен и арочного свода. Грунтовая и дождевая вода не уходила сквозь плотную глину, стены не сохли, по ним все время стекала влага. Глина въелась в штукатурку, изменив колорит живописи. В таких условиях оказалась стена, где помещалась сцена "Жертвоприношение Авраама". С ней в 1976 году работала Е.С.Калмыкова: она, частично скальпелем, частично кистью с раствором, очистила от налетов ржавой мокрой глины поверхность; при этом, в процессе пропитки постоянно приходилось осушать марлей выступавшую на поверхности воду.

Во всех аварийных случаях штукатурка на период раскрытия крепилась к кладке ватными тампонами, смоченными в жидком гипсе. Только так мы могли удерживать фрески на стенах и снимать их достаточно крупными фрагментами, успевая при этом сделать схемы и фотофиксацию. Еще больше риска было при работе со сводами. Надеялись уже не только на гипсовые пробки, но и на удачу. Так, разбирая завал под аркой южного нефа, Е.С.Калмыкова не заметила, как камни свода над ней разошлись. К счастью, Василий Дмитриевич, наблюдавший за работой, успел оттащить реставратора за минуту до

обвала: он был очень бдителен, особенно после того, как сам провалился в дыконики с антресолей верхнего уровня в 1975 году.

На восточной стене дыконики тогда открылась ниша со стрельчатым верхом глубиной в половину толщины стены. В центре этой ниши находился оконный проем, еще в древности заложенный обтесанными каменными блоками, заштукатуренный и забеленный, очевидно, после пожара. Благодаря закладке, оконница сохранила очень яркую декоративную роспись на откосах, хотя пламя и дым пожара при сильной тяге проникали сквозь щели между камнями. Мастер, расписывая откосы, делал это без предварительной разметки, легко komponуя узор, а краска стекала с кисти на нижний откос. Несколько таких капель и мелких брызг воспринимаются нами сейчас как живое свидетельство энергии и темперамента мастера, спешившего закончить дневную работу, пока не высох грунт. В сентябре 1970 года камни закладки были удалены. Открылась узкая щель наружного проема, через который уже был виден берег Псковы и древнее кладбище под стенами церкви. Вспоминается эпизод, когда местные мальчишки, думая, что их никто не видит, рискнули подкопать могилы, но были напуганы возгласом: "Положи кости на место!", — прозвучавшим из темноты узкой щели некогда замурованного окна.

Западную стену расчистили и сняли за два последних сезона. На ней, к северу от входа в храм, размещались фигуры святых великомучениц того же масштаба, что и святители в алтаре. К югу же большую часть простенка занимала многофигурная композиция "Проповедь в Иерусалимском храме". Так как юго-западное членение было забито мокрой красной глиной, от нее пострадала и эта фреска. Е.С.Калмыковой, уже имевшей опыт работы в таком завале, пришлось опять освобождать стену от красных налепов. Весь левый верхний угол стены давно обрушился. Унававшие обломки находились поблизости, в земле завала. Их тщательно выбирали, чтобы в последствии поместить на свои места при восполнении утрат в верхней части сцены.

За пять сезонов проделана была такая большая работа, что удивительно как это удалось сделать сравнительно малыми силами. Надо отдать должное хорошей организации всей экспедиционной жизни. Этим мы обязаны В.Д.Белецкому и Е.Г.Шейниной. Реставраторы отмечали особое покровительство начальника экспедиции, сумевшего решить все бытовые проблемы. С появлением навеса над раскопом мы были застрахованы от дождя и солнца, позднее плотники сбили для фресок стеллажи и подсобные помещения. С удивительным тактом и предупредительностью оберегал Василий Дмитриевич своих сотрудников от неудобств — как производственных, так и бытовых, его самоотверженную работу, скромность, кроткое, почти детское, простодушие и юмор мы тогда очень ценили и сейчас с теплом вспоминаем. Евгения Григорьевна руководила нашей работой так, что этого никто не замечал, но все до мелочей ею было всегда предусмотрено: вовремя делались чертежи и рисунки, фотографировались рабочие моменты, с максимальной точностью вычерчивались дуги криволинейных поверхностей, что впоследствии явилось бесценным материалом. Эти сведения и наши дневниковые записи очень пригодились при лабораторной обработке фресок, когда ими занималась вся мастерская: кроме Е.Г.Шейниной, А.М.Бляхер, Е.С.Калмыковой и автора, над реставрацией псковских фресок работали также Л.П.Гаген, В.А.Фоминых, Г.И.Тер-Оганьян, В.В.Шацкий, И.А.Баженова.

Сотрудники лаборатории провели большую работу, прежде чем такие замечательные фрагменты, как “Молодой епископ”, “Кирик и Улита”, “Неясыть”, фигуры святителей, северный портал и другие могли быть экспонированы на временных выставках Санкт-Петербурга и Москвы. Опуская здесь описание реставрационных процессов (об этом не раз писалось в специальной литературе), хотелось бы отметить особую сложность, связанную с алтарной частью храма. Живопись здесь имеет три яруса, которые снимались в течение трех сезонов с точной фиксацией кривизны алтарной дуги радиусом 1,8 м. Эти замеры и опыт плотников, изготовлявших шиты, все же не гарантировали абсолютного совпадения всех резов при окончательной сборке криволинейных фрагментов (11 фрагментов не считая платов). Искажения могли возникнуть (и возникли) на всех этапах работы с фресками: перевозка, сдвигание трещин, исправление деформаций, монтировка на заливочный пенопласт и т.д. При подготовке апсиды к выставке “Древний Псков” в 1992 г. общую кривизну сверяли с дугой обмерного чертежа на уровне пола. Образовавшееся несовпадение удалось откорректировать за счет больших фрагментов святительского ряда, где имелся еще один поперечный рез.

На выставке 1992 г. в Георгиевском зале Зимнего дворца были представлены все законченные к этому времени фрески, и их стремились развесить приблизительно так, как это было в храме. Когда при помощи специальной деревянной конструкции все алтарные фрески укрепили в соответствии с их расположением в апсиде храма, зрелище это удивило самих реставраторов, впервые увидевших живопись целиком. Росписи с подкупольных столбов поместили справа и слева от алтаря. Условное положение заняли и фрески с западной стены, северный портал, оконницы, но ни эта условность, ни большие размеры парадного дворцового зала не помешали восприятию фресок как единого живописного комплекса. Ощущалась и смысловая значительность декоративного оформления церкви, и общий колорит, разнообразие авторских приемов живописцев, их манера, технические особенности, а также характер и состояние разрушения поверхности. Наглядно прослеживалось ухудшение состояния поверхности живописи по мере приближения к полу: деформации и потертости, следы пожара и копоти свечей, искажения цвета вследствие побелки, которая местами осыпалась вместе с частью красочного слоя, а местами прочно сцепилась с поверхностью вычинки на старых утратах. Любопытны и такие жизненные детали, как особая потертость стен в местах проходов из алтарной части в жертвенник и дьяконник. В какой-то период существования церкви проход в дьяконник был расперт толстым бревном на высоте около 2 м от пола: следы врезки этого бревна видны по центрам двух обращенных друг к другу сцен “Усекновение главы Иоанна Крестителя” и “Молодой епископ”.

В 1996 г. Министерство Культуры Российской Федерации согласовало с Государственным Эрмитажем вопрос об участии музея во второй Триенале, посвященной итогам работы российских реставраторов. Эрмитажем на эту выставку были отправлены шесть фрагментов фресок из церкви Покрова. Из-за технических трудностей вывезти весь комплекс, как предполагалось ранее, не удалось, но даже эти шесть фрагментов позволяли судить о масштабах и уровне реставрации монументальной живописи в Государственном Эрмитаже. Материалы, представленные в витринах, иллюстрировали полевые и лабораторные этапы работы с

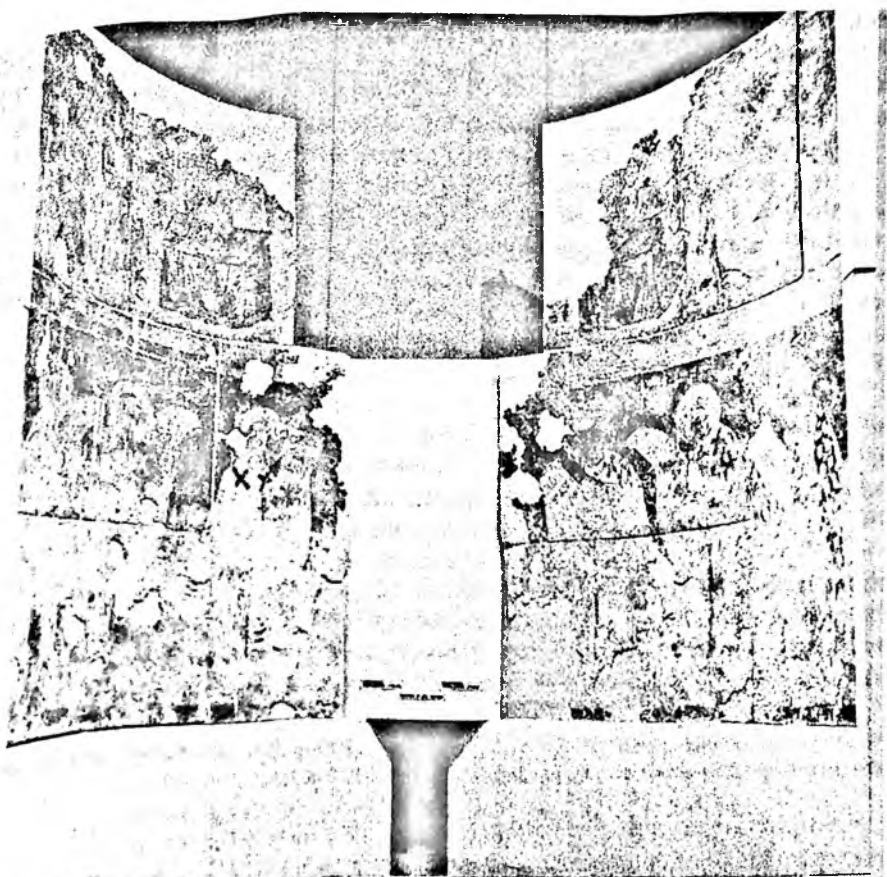

Рис. 1 Живопись центральной апсиды ц.Покрова Богородицы на временной выставке в Георгиевском зале Зимнего дворца (С.-Петербург, 1992).

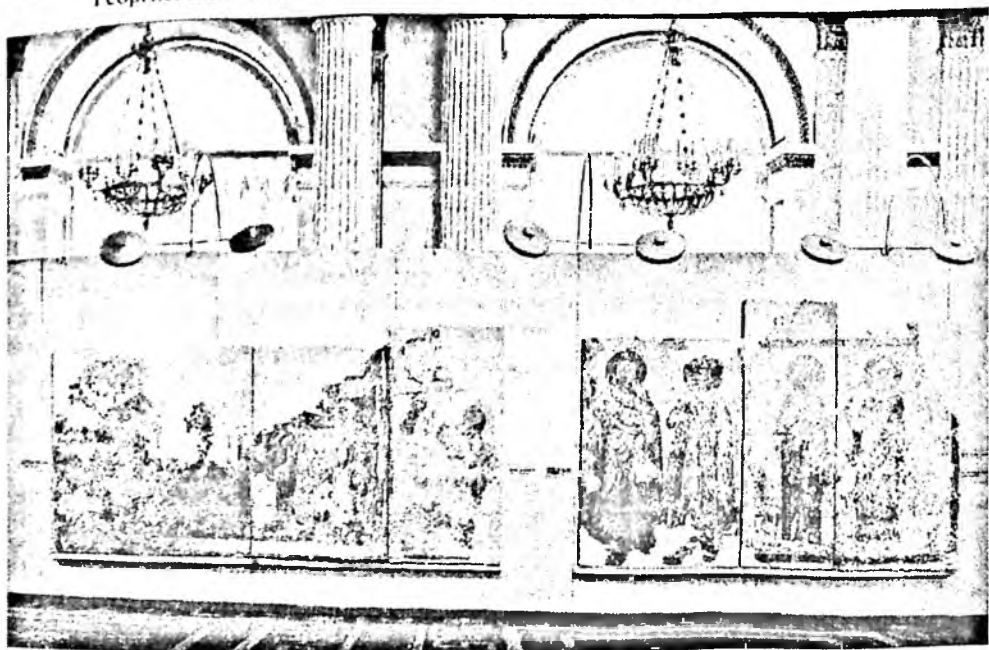

Рис. 2 Живопись западной стены ц.Покрова Богородицы на временной выставке в Георгиевском зале Зимнего дворца (С.-Петербург, 1992).

фресками. На торжественном закрытии Триенале 27 декабря 1996 г. лабораторий научной реставрации монументальной живописи Государственного Эрмитажа был вручен “Золотой скальпель” и диплом за “творческий вклад в дело сохранения культурного наследия России”.

А вскоре произошло печальное событие: 8 января 1997 г. скончался Василий Дмитриевич Белецкий — бессменный руководитель всех полевых работ в Довмонтовом городе, многие годы бережно хранивший и изучавший его памятники. За два года до этого, в марте 1995 г. трагически погибла Евгения Григорьевна Шейнина. В память о них хочется сказать, что своими знаниями, опытом, авторитетом мы во многом обязаны этим людям, а их человеческие качества стоят того, чтобы о них говорить и писать отдельно.

Работа над древнерусскими фресками продолжается. В лабораторию пришли молодые реставраторы с хорошей профессиональной подготовкой: они осваивают приемы и специфику профиля мастерской уже несколько лет. Первую свою фреску высотой около 2 м (с южной стены алтаря) под руководством старших сотрудников успешно закончили в 1995 г. выпускницы художественного училища им.Рериха Е.Степанова и Е.Палагина. Приступили к заботе еще над тремя фресками А.Степанов, П.Болсуновский, М.Соловьева. Хочется надеяться, что когда-нибудь фрески храма Покрова — этого интереснейшего памятника русской культуры XIV в. станут доступны для обозрения как свидетельство мастерства псковских живописцев и как дань уважения двум специалистам-музейщикам, нашим учителям Василию Дмитриевичу Белецкому и Евгении Григорьевне Шейниной.

Варлаамовская башня Пскова

Варлаамовская башня – самая северная из башен Окольного города Псковской крепости. Археологические исследования 1990-1991 гг. (рис.1-5) вместе с данными письменных источников позволили достаточно подробно проследить насыщенную событиями строительную историю памятника.¹

В 1481-1484 гг. построенные в 1465 г. деревянные стены Окольного города на территории Запсковья заменяли каменными. В 1499/1500 г. “два костра поставиша, один над Великою рекою на Запсковьи, а другои на устье Пскове реки” (ПІЛ: 84). И.К.Лабутина полагает, что первой названа Высокая башня на правом берегу Псковы при впадении ее в Великую (Лабутина 1985: 75), но этой башней могла быть и Варлаамовская. Если даже допустить, что не только “другой”, но и первый костер был поставлен на устье Псковы, имевший большее оборонное значение Варлаамовский костер к этому времени должен был уже существовать.

В 1615 г. войска шведского короля Густава Адольфа “августа в 15 день приидоша подо Псков к Варлаамским воротам и сотвориша сквернос свое молбище в варганы, и в бубны, и в трубы; и начаша рвы копати под градом, и вдоль начаша и поперег по полю, и туры и плетени, и двory ставити, и городки малые, и большой город дерновой подале, где сам король стоял. И поставил больши 10-ти городов около Пскова и мосты два на Великой реке..., и многие подкопы подвели” (ПЗЛ: 278,279) Главным объектом нападения была выбрана Варлаамовская наугольная башня, по которой шведы стали “и с трех мест бити и вдоль и поперег из 15 пушек из-за Великой реки от Ильи Пророка, и в три дни башню и стену до земли розбиша.” После захвата башни нападающими, псковичи “умыслиша вскоре и принесоша зелья и подвалиша под башню и огонь зажгоша. И в той час яко прах подняша безбожний немец из башни в реку их сметаху, инии же на плотях в реке потоплены быша” (ПЗЛ: 278,279). В недавней работе А.Н.Кирпичникова (1996: 424-450) события 1615 г. рассмотрены подробно, нам же важно подчеркнуть степень разрушения башни. В писцовой книге 1624-1627 гг. сказано, что башня “в приход немецких людей сбита до подошвы из наряду”. Там же, при перечислении стен и башен, Варлаамская наугольная названа как уже существующая, очевидно, после ремонта (РГАДА, ф.Приказных старых лет, 1700, д.222).

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект 97-04-00528). В статье использованы результаты работ искусствоведа И.Б.Голубевой и архитектора-реставратора В.Е.Никитина.

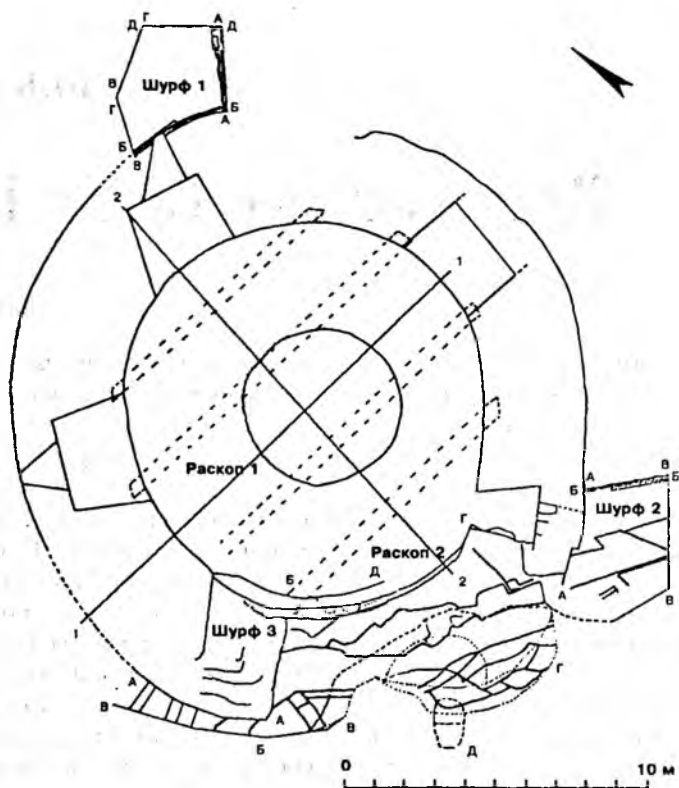
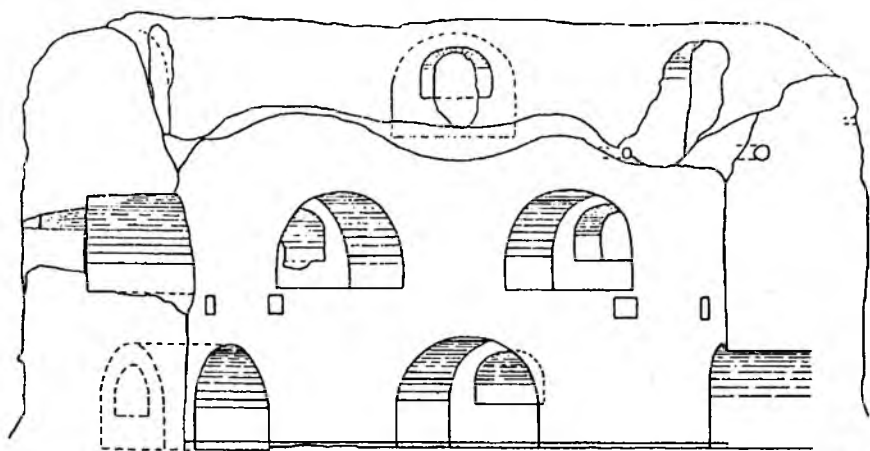

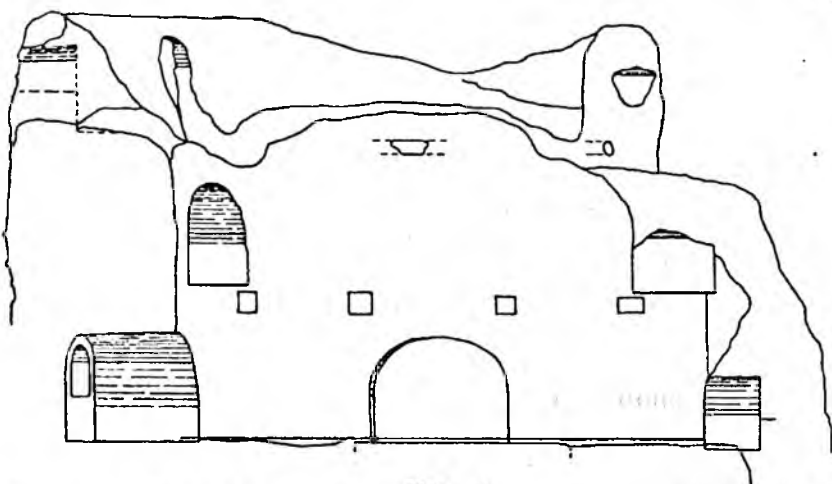
Рис. 1 Варлаамовская башня Пскова. План с обозначением места раскопок 1990-1991 гг.

В Росписном списке 1633 г. в связи с пересчетом ядер упомянуто, что “в прошлых (7)135-м и (7)136-м годах, как делали на проломе у Варлаамских ворот городовую каменную стену, и собрано в стене немецких болших и малых 650 ядер” (Псков и его пригороды: 50). Судя по сохранившейся стене восточнее воротной башни и по ситуации, местоположение пролома было где-то между Варлаамовской башней и одноименными воротами. Археологическое исследование стены на этом участке показало, что она в древности была полностью перестроена и стоит на более древнем основании. Вблизи стены было найдено еще 11 железных ядер. Древнее основание уходит под ныне существующую башню, а новая кладка составляет с ней единое целое (рис.4, шурф.1, профили А-А, Б-Б). Стена XV в. у башни сохранилась на высоту до 1,3 м. Ее валунный фундамент с плитяным участком заглублен в культурный слой на 0,5 м. Строительный раствор очень плохого качества из-за слишком недостаточности извести при избытке песчаной массы. Подобный состав раствора прослеживается на всем протяжении стен Запсковья.

Долгое время ныне существующая Варлаамовская башня воспринималась как перестроенная первоначальная. После произведенной в 1991 г. расчистки, внутри было найдено основание первоначальной башни. Внутренний диаметр новой постройки совпадал с наружным диаметром старой. Западное прясло стен вдоль Великой так же имело перевязку с новой башней, то есть — примыкающие к ней стены и сама башня были единовременно заново отстроены в 1627-1628 гг.

1-1

2-2

Рис. 2 Варлаамовская башня Пскова. Сечения (обозначения соответствуют рис.1)

В 1633 г. башня была довольно подробно описана: “В верхнем бою” установлена “пишаль полуторная меденая, лежит на мосту в станку на колесах”, то есть – на межъярусном перекрытии. “В верхнем же бою пишаль полуторная ж Левик меденая, что была от науголной башни на роскате, а по приказу воевод и дьяков перенесена в Варламскую башню в верхней бой, что роскату нет.” Надо думать, роскат существовал до строительства новой башни при старой, отремонтированной после 1615 г.. “Да в среднем бою пишаль полуторная ж меденая, что стояла преж того на той же башне в верхнем бою на мосту. Да в нижнем бою два оттирка полуторных меденых” (Псков и его пригороды: 48). Перечисленные три яруса соответствуют сохранившейся постройке.

На протяжении XVII в. Варлаамовская башня неоднократно упоминалась в росписных списках и годовых сметах псковских воевод (1644, 1667, 1677, 1687, 1699 гг.). На чертеже 1694 г. она изображена с шатровым покрытием. В 1701 г. при модернизации крепости в связи с предполагаемыми военными действиями стена вблизи башни “по зуб-

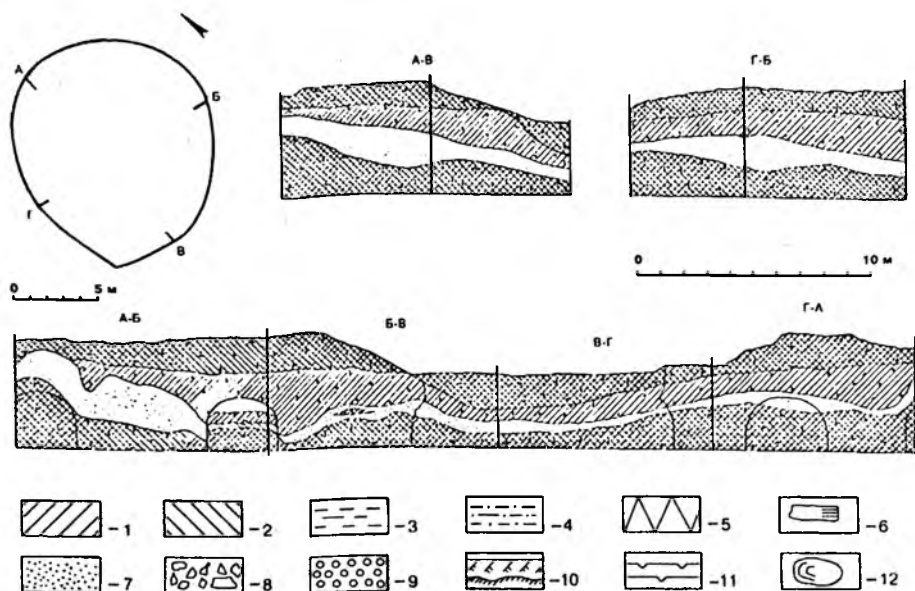

Рис. 3 Стратиграфия заполнения внутреннего пространства Варлаамовской башни Пскова
 Условные обозначения: 1 — коричневый гумус; 2 — серый гумус; 3 — зеленоватая глина; 4 — серый суглинок; 5 — желтоватая глина; 6 — известняковая плита; 7 — песок; 8 — известковый раствор; 9 — известняковый щебень; 10 — скала; 11 — стеновая кладка или забутовка из крупного щебня с раствором; 12 — валун

цам покрыта дерном, а к стене внутри поставлены столбы и намошено тесом, ...от наугольной башни ров начат был чистить и не доделан.” (РГАДА, ф.137, оп.кн.43: 34 об.). В это время начинают засыпать башни. В Варлаамовских воротах “внутри от проезда зарублено лесом и насыпано землю, сверха накрыто дерном.” (РГАДА, ф.137, оп.кн.43: 34 об.) Сделана попытка засыпать и наугольную башню. Составленные военными инженерами И.Лихаревым и Н.Лашуриным (очевидно, с военными целями) чертежи 1740 г. фиксируют уровень засыпки башни. Первый ярус камер боя был засыпан полностью, однако верхняя часть проезда в башню была еще видна. Позднее засыпали и второй ярус.

Освобождение от засыпки башни началось в 1980-х гг., когда был расчищен второй ярус. При выборке грунта в 1990 г. границы слоев были отражены в профилях вдоль стен башни в месте их примыкания, а также в двух поперечных разрезах, один из которых проходил по линии входных ворот, как и разрез 1740 г., другой перпендикулярно первому (рис.1-2). Сперва башня засыпалась черной землей со щебнем, очевидно — поступающей через ворота. Ее слой повышался к противоположной от ворот стороне. Песок засыпался сверху через восточный дверной проем со стены. Перекрывший въезд в башню мощный серо-коричневый слой и расположенный выше черный слой со щебнем появились после 1740 г., когда было осуществлено задуманное при Петре I превращение каменного сооружения в каменно-земляной бастион. Характер засыпки Варлаамовской башни позволяет судить о последней попытке поддержать обороноспособность Псковской крепости.

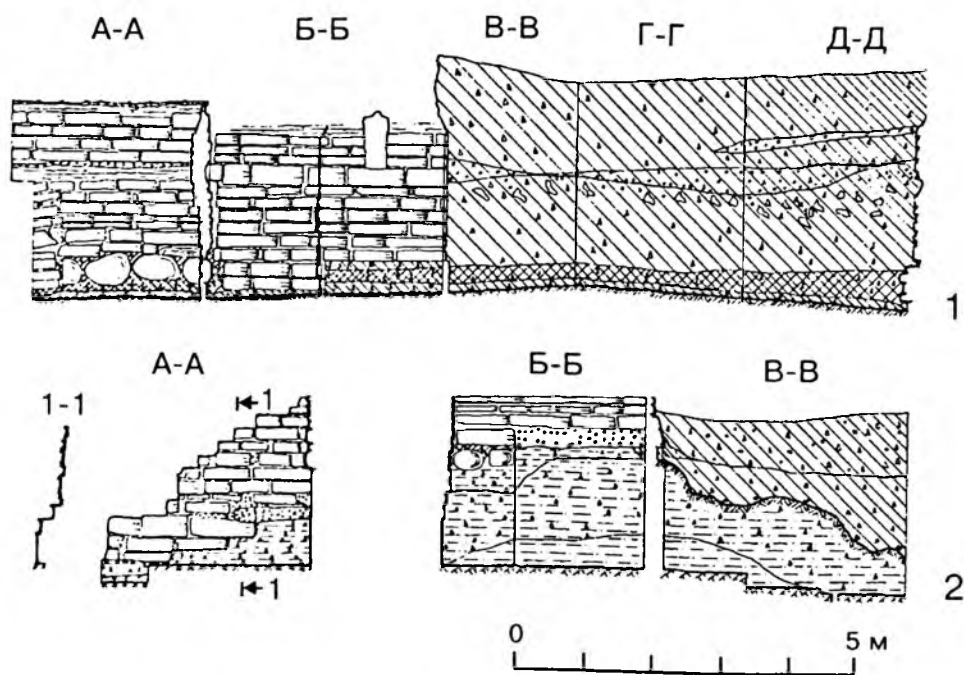

Рис. 4 Шурфы 1 и 2. Сечения и профили.

В начале XX в. верхний незасыпанный ярус башни использовался как полковой склад или конюшни. В 1908 г. П.П.Покрышкин охарактеризовал башню "прочной и покрытой". В 1927 г. от подмыва кладки изнутри в связи с отсутствием кровли западная часть башни откололась и сползла по склону к реке. За прошедшие десятилетия верхний ярус сохранившейся части башни сильно оплыл. Исчезли зубцы, дверные проемы, остатки внутристенной лестницы. Разрушаются раскрытые два нижних яруса.

В 1980 г. А.Н.Кирпичников проводил исследование примыкающего к башне с юга западного прясла крепостной стены. На стыке с башней было заложено два шурфа, показавших примыкание к ней стены. Судя по рисунку стыковочного шва в верхней его части, можно утверждать одновременность перестройки в 1627-1628 гг. не только башни, но и уходящей от нее на юг стены. Внутри башни с южной стороны был заложен еще один шурф, как предполагалось — до материковой скалы.

В 1991 г. был зачищен пол башни XVII в., и в результате этого выявился внутренний абрис более ранней постройки меньшего диаметра. Ее пол представлял собой плотный слой раствора, покрытый углями. Следы пожара были утопаны и переходили в тонкий наносной слой поверх разобранный кладки первой башни (рис.2). Разница высотных отметок сохранившейся внутренней лицевой кладки составляет 0,2 м. Внутренний диаметр равен 5-5,2 м. Наружный диаметр первой башни совпадает с внутренним второй и равняется 12-13 м. Первая башня была

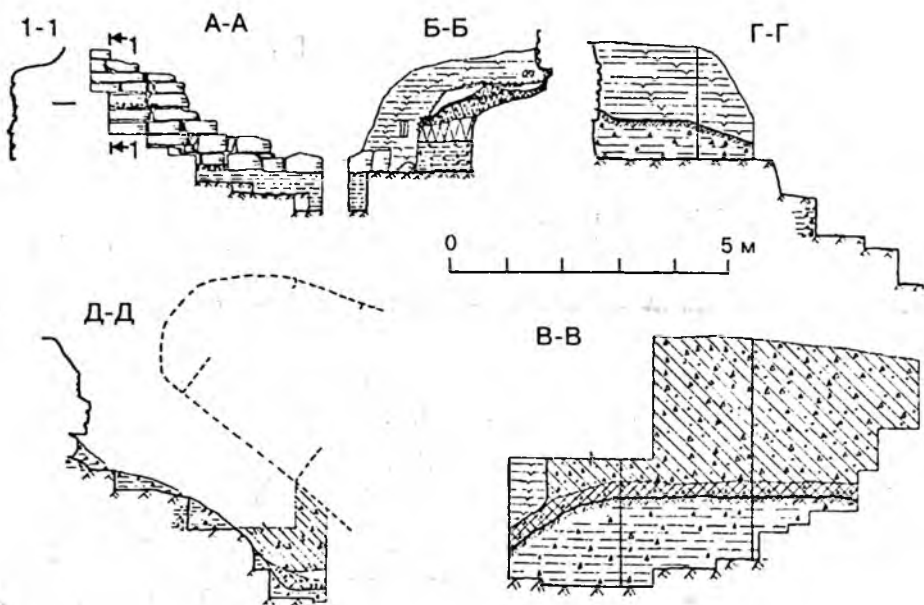

Рис. 5 Шурф 3. Сечения и профили.

вытянута с северо-востока на юго-запад. Перпендикулярная ось на 1 м короче. Участки стены, обращенные к склонам более широкие — 4,15 м против 2,8 м с напольной стороны. В задачу раскопок входила расчистка основания башни для закладки нового фундамента под реставрационную стену по линии отвалившегося блока. С юго-запада открылась нижняя сохранившаяся часть наружной лицевой кладки древнего основания (рис.3-5) высотой до 0,45 м. Плитяная часть фундамента выступала до 0,4 м, ее высота — до 0,65 м. Сложена на желтоватом крепком известковом растворе, также как и надземная часть башни. Отличие ее раствора от раствора северных прясел свидетельствует об их неодновременности. К югу выступ сходил на нет. Очевидно, он был сделан как подземный контрфорс со стороны склона. Нижняя часть фундамента сложена из одного ряда валунов до 0,4 м в диаметре, уложенных насухо с отступлением от лицевой поверхности выступа вглубь на 0,1-0,25 м. Валун лежал в слое материкового светло-коричневого суглинка со щебнем всего в нескольких сантиметрах от скалы, опускающейся террасами в сторону реки.

Руина Варлаамовской башни 1628 г. сохраняется на высоту до 10 м (рис.2). Отколовшаяся четверть лежит рядом. Третий ярус еще сохраняет следы двух из трех существовавших камер боя и двух дверных проемов — выходов на стены. Во втором ярусе из пяти камер боя осталось три. Четвертая сохраняется в отколовшемся блоке. Из четырех камер нижнего яруса две в хорошем состоянии, от двух еще можно видеть следы. С востока башню прорезает воротный проем. Снаружи он еще остается присыпанным почти на всю свою высоту. Между двумя нижними ярусами в стенах видны прямоугольные отверстия от четырех балок перекрытия, ориентированных по линии восток-запад. Две средних бал-

ки по центру опирались на столбы, истлевшее основание одного из которых было обнаружено при раскопках. Проем между балками совпадал с воротным, что может свидетельствовать о существовании въезда на второй ярус. В стенах башни сохранились каналы от двух пар колец внутрстенных деревянных связей, уложенных в плоскостях межярусных перекрытий. Камеры боя во всех трех ярусах имеют одинаковую конструкцию и близкие размеры. Внутренние ниши с легким расширением ко входу (примерно 2,5 x 3 м) перекрыты коробовыми сводами с горизонтальными шельгами. Бойницы подняты на 0,7-1,1 м от пола камер, длиной в 1 м, они сужаются от 1 м внутри до 0,3 м снаружи, перекрыты сводами с наклонной шельгой и горизонтальной плитой над наружной щелью 0,75 м высоты. Судя по стратиграфии (рис.4, шурф 1), северная бойница нижнего яруса располагалась у самой земли. Фундамент башни имел под ней глубину заложения до 1,8 м. Он состоял из крупных (до 0,25 м толщиной) плит известняка правильной прямоугольной формы, гладко отесанных, уложенных на плотном кремевом известковом растворе, аналогично стеновой кладке. Такой же фундамент, но — меньшей глубины заложения, прослежен и в южной части сооружения (рис.4-5, шурфы 2, 3.). Толщина стен башни почти повсеместно составляет 4 м, сужаясь с напольной стороны до 3,5 м. Прослеженный со стороны реки поперечный срез фундамента показал, что он не имеет горизонтального плитного основания, за двумя наружными рядами крупных каменных блоков скрыта щебеночная с раствором забутовка, зачастую следующая склону берега и опирающаяся на его наклонную суглинистую поверхность. Несовершенная конструкция фундамента и спровоцировала разрушение постройки, когда четверть ее стен откололась по линиям камер боя, ослабивших монолитность кладки, и соскользнула по откосу к реке. Сползший блок сохранил на значительном протяжении с внутренней стороны вдоль (6,2 м по прямой) и поперек лицевую кладку в отличном состоянии. Хорошо сохранилась кладка камеры боя второго яруса с фрагментами штукатурки в два слоя, часть боковой притолоки соседней южной, верхняя часть свода южной камеры первого яруса и, возможно, часть западной.

Обилие подлинных деталей их сохранность теоретически могли бы явиться веским доводом в пользу консервации руин башни, однако довольно спокойное отношение к новодельным объемам псковских стен, видимо, в будущем значительно снизит качество реставрационных работ. К тому же попытки консервации памятника пока не делаются.

Лабутина И.К. 1985. Историческая топография Пскова в XIV-XV вв. М.

Кириличников А.Н. 1996. Оборона Пскова в 1615 г. (по новым русским и шведским материалам) // Средневековая и Новая Россия. СПб.

Псков и его пригороды // Сборник МАМЮ, т. VI. М., 1914.

О структуре и происхождении гончарной технологии

Гончарная технология — это специфическая область знаний о приемах и средствах превращения пластического сырья в готовые изделия. Существуют различные направления и методы изучения такого сырья и отдельных компонентов производственного процесса в древнем и современном гончарстве. Но, как мне представляется, в археологической литературе до сих пор нет ясно сформулированных представлений о структуре гончарной технологии, ее содержании, особенностях функционирования, закономерностях изменений в различных звеньях технологии, реальных возможностях привлечения всех этих знаний к исследованию истории древнего населения.

На протяжении нескольких последних десятилетий перечисленные вопросы специально изучались автором и сотрудниками лаборатории “История керамики” ИА РАН преимущественно на основе этнографических, археологических и экспериментальных данных. В результате удалось сформулировать начальные представления о гончарной технологии как источнике историко-культурной информации и выработать методы ее изучения по находкам керамики (Бобринский 1978).

Историко-культурный подход предусматривает прежде всего выявление, учет и изучение конкретных приемов труда, с помощью которых делалась керамика, а не технических показателей, характеризующих, например, пористость, спекаемость, твердость и другие свойства или морфологические особенности изучаемого материала. Начальная цель историко-культурного подхода — реконструкция (в строго нормированных терминах и понятиях) содержательной стороны процессов изготовления керамики древними гончарами. Условно конечная цель реконструкций — выяснение реальных на сегодняшний день возможностей привлечения сведений о технологии к исследованиям истории древнего населения. Промежуточное положение между начальной и условно конечной целью занимают данные о закономерностях организации, функционирования и изменения навыков труда в гончарных производствах. Они служат базой для объяснения исторических событий и процессов, которые отображаются в технологии изучаемой керамики.

В этой статье мне хотелось бы кратко познакомить с итогами изучения структуры гончарной технологии. Необходимость обращения к данной теме объясняется, во-первых, наметившимся со стороны археологов и этнографов интересом к исследованиям гончарной технологии, а, во-вторых, малой обеспеченностью этого интереса сведениями о том, из каких компонентов складывается само понятие “гончарная технология”.

Обычно в работах по древней и современной гончарной технологии, как в нашей стране, так и за рубежом, вопрос о естественной

структуре технологии подменяется вопросом о делении производственного процесса на части. Но и при этом наблюдается разное понимание задачи разделения. Так, А.О.Шепард разделила производственный процесс на семь этапов: 1 — подготовка теста; 2 — формовка и придание сосуду формы; 3 — обработка поверхностей; 4 — декорирование; 5 — сушка; 6 — обжиг; 7 — обработка керамики после обжига (Shtpard 1980: XXVIII). Э.В.Сайко выделяет четыре процедуры, обозначив их как “основные звенья и одновременно этапы технологического процесса”: 1 — подготовка и обработка материала, т.е. подготовка сырья для производства продукта; 2 — формовка, т.е. собственно изготовление формы изделия; 3 — обработка поверхности, имеющая как техническое, так и декоративное назначение; 4 — обжиг, обеспечивающий физико-химические превращения материала и готовность изделия как соответственно функционирующего предмета (Сайко 1982: 9). Р.А.Ксенофонтова производство керамики в традиционном японском гончарстве XIX — первой половины XX вв. разделила на “четыре основные фазы”: 1 — обработка глиняных материалов; 2 — формовка изделий; 3 — обжиг продукции; 4 — нанесение декора (Ксенофонтова 1980: 42).

Не буду продолжать этот перечень. Отмечу только, что перед исследователями вообще не возникало вопроса о структуре технологии, так как выделяемые “части”, “фазы”, “звенья”, “этапы” и т. д. по существу выполняют роль тематических разделителей, облегчающих в каждом конкретном случае описание производственного процесса. Подобный подход к разделению “целого на части” совершенно непродуктивен для археологии, где технология является объектом изучения по вещественным остаткам. Напомню, что в качестве источника информации о древней технологии мы чаще всего можем использовать находки уже готовой глиняной посуды. Все сведения о том, из каких конкретно процедур складывалось ее изготовление, имеют овеществленную форму. Поэтому, чтобы “перевести” их на уровень специальных терминов и понятий, производственный процесс необходимо прежде всего разделить не на суммарные (как это принято в большинстве случаев), а на элементарные части, характеризующие строго определенные виды работы, выполнявшиеся древними гончарами.

На первый взгляд, поставленная задача не имеет определенного решения. Однако, когда были собраны и проанализированы все доступные автору этнографические данные об организации, технике и технологии гончарных производств Старого и Нового Света, то выяснилось, что такое решение все же имеется. Оно может быть основано на первоначальном учете не приемов изготовления керамики, а тех конкретных технологических задач, которые решаются с их помощью.

Должен отметить, что примерно лет 20-25 назад, когда я по существу впервые попытался определить естественную структуру гончарной технологии, то тоже допустил ошибки, приняв некоторые способы решения технологических задач за сами задачи. Например, в рамках закрепительной стадии в качестве задач были названы: “воздушное высушивание”, “термическое высушивание”, “обжиг изделий”. В действительности, как стало понятно позднее, все они характеризуют лишь способы решения технологической задачи, связанной с приданием изделиям прочности (Бобринский, 1978: 14). Теперь эти ошибки удалось устранить. Ниже в тезисной форме изложены основные итоги изучения естественной структуры гончарной технологии.

1. Любая гончарная технология — это прежде всего системное образование, обладающее определенной устойчивостью. Оно складывается исторически, вбирая в себя опыт не только прошедших, но и живущих поколений.

2. Признаки системности гончарной технологии проявляются в фактах последовательного использования различных приемов механического или термического воздействия на пластическое сырье в ходе изготовления керамики, а признаки устойчивости — в фактах многократного воспроизведения одних и тех же приемов работы в каждом новом цикле производственного процесса.

3. Гончарная технология, будучи системным образованием, обладает специфической иерархической структурой.

Все гончарные производства функционируют на основе конкретных систем технологии превращения исходного сырья в готовые изделия. Процесс превращения распадается в них на три стадии: *подготовительную, созидательную и закрепительную*.

4. Стадии образуют первый (самый обобщенный) уровень структуры. Они характеризуют естественную последовательность и общие особенности широких технологических задач, которые неизменно возникают и реализуются в любых гончарных производствах.

5. Содержание каждой стадии складывается из решения технологических задач, образующих второй уровень структуры. Во всех производствах керамики неизменно возникают и решаются прежде всего десять узких технологических задач. Они составляют постоянную часть естественной структуры технологии в древних и современных гончарных производствах и позволяют разделить весь процесс изготовления посуды на *десять ступеней*. Приведу их общий перечень по стадиям:

Стадия I: подготовительная.

Ступень 1 — отбор исходного сырья

Ступень 2 — добыча исходного сырья

Ступень 3 — обработка исходного сырья

Ступень 4 — составление формовочной массы

Стадия II: созидательная.

Ступень 5 — конструирование начала сосуда

Ступень 6 — конструирование полого тела сосуда

Ступень 7 — придание сосуду формы

Ступень 8 — механическая обработка поверхностей

Стадия III: закрепительная.

Ступень 9 — устранение влагопроницаемости стенок сосуда

Ступень 10 — придание ему прочности.

6. Помимо этих задач, различаются еще две узкие технологические задачи. Одна из них связана с конструированием служебных частей емкостей (ручек, носиков-сливов, опорных устройств емкостей, выполняющих дополнительные функции — подставок, жаровен и т. д.), а другая — с декорированием поверхностей. Их принято обозначать соответственно как *ступени 11 и 12*. Обе задачи не являются обязательными. Они могут лишь дополнять постоянную часть структуры технологии: ступень 11 дополняет состав узких задач в рамках созидательной ста-

дии, а ступень 12 — состав созидательной или созидательной и закрепительной стадий.

7. Содержание каждой узкой задачи образуют *технологические операции*, то есть, конкретные приемы труда, с помощью которых эти задачи решаются. Такие операции характеризуют третий уровень структуры гончарных производств. Состав их специфичен почти для каждой узкой задачи. Он зависит не только от уровня общего развития гончарной технологии, но и от культурных традиций изготовления керамики, которые действовали в различных группах древнего населения в те или иные конкретные отрезки их истории.

8. Некоторые ступени производственного процесса по керамическим находкам пока не поддаются изучению на уровне технологических операций. Например, по керамике проблематично судить об операциях, из которых складывались решения задач по отбору (ступень 1) и добыче исходного сырья (ступень 2). Здесь мы вынуждены пользоваться лишь данными о результатах их решения. Они отображаются в особенностях качественного состава исходных видов сырья, использованных для изготовления керамики. Но по многим ступеням производственного процесса информация о технологических операциях уже сегодня доступна для выявления и учета, хотя и с различной полнотой (Бобринский, 1978).

Таким образом, при взгляде на технологию как на системное образование оказалось возможным (независимо от того, где и когда была изготовлена анализируемая нами керамика) сформулировать единые принципы построения процедур выделения информации о гончарной технологии и ее сравнительного изучения.

В результате введения единых принципов выделения и учета технологической информации к сравнительному изучению стало возможным привлечь не только данные о технологии, которые мы фиксируем по археологическим находкам керамики, но и аналогичную информацию по изделиям современных гончаров или образцам, выполненным в ходе специальных экспериментов. Научная ценность этого дополнительного пласта информации состоит в том, что на его основе возможно изучать причинно-следственные связи между овеществленными в керамике итогами использования конкретной техники или технологии и теми историческими событиями и процессами, которые за ними стоят. Установление подобных связей открывает возможности выявления совершенно новых фактов из истории гончарства и древнего населения.

Очень кратко остановлюсь на одной группе таких фактов, которые сделали возможным по-новому подойти к проблеме происхождения гончарства. Напомню, что еще недавно эта проблема обсуждалась почти исключительно с позиций так называемой корзиночной теории происхождения гончарства. Она была введена в научный оборот в основном стараниями историков культуры, этнологов и лингвистов¹. Археологи оставались как бы в стороне от обсуждения этой проблемы, по существу признавая невозможность ее изучения по вещественным остаткам. Но после того, как были собраны и проанализированы данные о составах формовочных масс керамики из раскопок ряда неолитических памятников и памятников более позднего времени с территории бывшего СССР и некоторых стран Ближнего Востока, выясни-

---

¹ Подробнее см.: (Бобринский 1993: 39-55).

лось несколько весьма примечательных фактов. Оказалось, что в истории гончарства в качестве пластического сырья широко использовались не только глины (ожелезненные и нежелезненные), но и различные глиноподобные илистые отложения, а также органические материалы животного происхождения — навоз травоядных животных, помет птиц. Все они выполняли различные функции при изготовлении посуды, о чем свидетельствуют особенности их концентрации в составе формовочных масс керамики (далее — ФМ).

Всего в истории гончарной технологии выделено четыре функции пластического сырья:

1 — функция примеси, когда то или иное сырье занимает от 10 до 40% в общем объеме ФМ;

2 — функция особого сырья-связки, когда оно занимает около 50% в общем объеме ФМ;

3 — функция основного пластического сырья, когда оно представлено в составе ФМ в диапазоне от 60 до 90% включительно;

4 — функция моносырья, когда то или иное пластическое сырье занимает все 100% объема ФМ.

С точки зрения развития представлений о пластическом сырье, функции примеси и сырья-связки характеризуют несформированное состояние этих представлений. Когда то или иное сырье выступает в роли основного пластического материала, речь может идти о частично-сформированном состоянии этих представлений. В тех же случаях, когда сырье использовалось в качестве моносырья, можно говорить о полностью сформированном состоянии представлений о сырье для производства посуды.

Отмеченные различия в представлениях характеризуют естественную последовательность освоения того или иного вида пластического сырья по восходящей линии. Но, по данным археологии, развитие представлений по восходящей линии отмечено только для глин. Судя по тем же данным, представления о двух других видах — илах и органических материалах животного происхождения — на протяжении всей истории гончарной технологии развивались по нисходящей линии: от полностью сформированного (функция 4) — к частично сформированному (функция 3) и полностью несформированному (функция 2 и 1). Это обстоятельство склонило к мысли о том, что илы и органические материалы были освоены в качестве пластического сырья для изготовления посуды еще до начала формирования собственно гончарной технологии.

Производства такой посуды, не подвергавшейся специальной термической обработке, я предлагаю называть догончарными, различая среди них догончарные производства А, Б и В. В производствах А ведущие функции пластического сырья (функция 4 и 3) выполняли илы, в производствах Б — органические материалы, в производствах В — глины, правда, с функциями сырья-связки (функция 2). Есть основания предполагать, что утилитарные свойства (прочность, водонепроницаемость) придавались такой посуде с помощью различных органических материалов.

Именно на базе догончарных производств начались процессы формирования гончарной технологии. При этом в различных регионах Евразии они протекали, по-видимому, с разной интенсивностью и на основе использования в роли ведущего пластического сырья или илов, или органических материалов, или глин. Поэтому, в интересах изучения истории древнего населения через показания гончарной технологии, целесообразно различать производства, в которых действовали несформи-

рованные, частично сформированные и полностью сформированные представления о том или ином виде пластического сырья. С учетом эволюционного развития представлений о разных видах такого сырья по восходящей и нисходящей линиям предлагаю ввести понятия о протогончарных (ПГ), архегончарных (АГ) и неогончарных (НГ) производствах посуды (табл.1)

Таблица 1

№	Производства		Пластическое сырье		Функции
	название	аббревиатура	название	аббревиатура	
1	Протогончарные	ПГА	илы	А	моносырье
2	Протогончарные	ПГБ	навоз, помет	Б	основное сырье
3	Протогончарные	ПГВ	глина ож., н/ож.	В	сырье-связка
4	Архегончарные	АГА	илы	А	основное сырье
5	Архегончарные	АГВ	глина ож., н/ож.	В	основное сырье
6	Неогончарные простые 1	НГП-1	глина ож.	В-1	моносырье
7	Неогончарные простые 2	НГП-2	глина н/ож.	В-2	моносырье
8	Неогончарные простые 3	НГП-3	смеси глин	В-1 + В-2	моносырье
9	Неогончарные спец. (фаянс) 1	НГС-1	глина н/ож.	В-2	основное сырье
10	Неогончарные спец. (фаянс) 2	НГС-2	глина н/ож.	В-2	сырье-связка
11	Неогончарные спец. (фарфор) 3	НГС-3	глина н/ож.	В-2	сырье-связка
12	Неогончарные спец. (фарфор) 4	НГС-4	глина н/ож.	В-2	примесь

Для современной археологии наибольший интерес представляют восемь первых групп производств, для темы настоящей статьи — три первые группы: ИГА, ПГБ и ПГВ.

При экспериментальном изучении свойств ФМ, в которых глина выполняла функции примеси или сырья-связки (продукция ПГБ и ПГВ), выяснилось, что эти составы не были рассчитаны на обработку при температурах каления глины, т. е. от 650° -700° С и выше (Бобринский 1993). Тем не менее, в памятниках Ближнего Востока, например, керамика VI тысячелетия до н. э. с разными составами ФМ (производства ИГА, ПГБ и ПГВ) имеет следы воздействия на поверхности именно температур каления глины.

Это, казалось бы, странное обстоятельство нашло свое объяснение, когда было установлено, что в истории гончарной технологии темпера-

туры каления выполняли различные функции.² Оказалось, что значительная часть керамики протогончарных производств ПГБ и ПГВ испытала действие высоких температур в течение всего нескольких минут (от 2 до 5). Но самое любопытное состояло в том, что и помещалась эта керамика в зону действия высоких температур без каких-либо режимов постепенного подъема температур, как то принято у современных и многих древних гончаров. Словом, сложилось впечатление, что следы высоких температур на многих изделиях протогончарных производств явились результатом не термической обработки, как звена производственного процесса, а действий обрядового характера, связанных с почитанием огня. По-видимому, с его помощью изделия подвергали очищению, для чего их помещали — условно — в горящий костер на несколько минут, а затем — раскаленными — извлекали из него. Полагаю, что именно обычаям почитания огня мы обязаны тому, что в гончарстве населения обширных районов Евразии уже в глубокой древности получили широкое распространение приемы обработки посуды при температурах каления глины. Но параллельно с ними использовались и низкотемпературные приемы ее обработки (ниже 650-700° С).

Правомерность этого предположения подтверждается многочисленными находками протогончарной посуды (с догончарными составами ФМ и обрядовыми функциями огня), а также данными этнографии. Согласно этим данным, производства догончарной посуды (ДГБ и ДГВ) в некоторых регионах действовали еще в первые десятилетия XX в. Наряду с обычной посудой и некоторыми другими хозяйственными предметами, которые делались из смеси навоза с глиной, в этой технологии изготавливали также большие сосуды-хранилища (высотой около 1 м) из овечьего навоза, но без добавления глины (Пещерева 1959: 76-77).

Таким образом, в свете данных из истории гончарной технологии, оказалось возможным составить общее представление о происхождении естественной структуры гончарной технологии и гончарства в целом.

-
- Бобринский А.А. 1978. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.
Бобринский А.А. 1980. Гончарная технология как источник информации о процессах смешениядренного населения // Тезисы докладов советской делегации на IV МКСА. М.
Бобринский А.А. 1993. Происхождение гончарства // Українське гончарство. Науковий збірник за минулі літа. Кн. I. Київ.
Ксенофонтон Р.А. 1980. Японское традиционное гончарство XIX — первой половины XX в. Историко-этнографическое исследование. М.
Пещерева Е.М. 1959. Гончарное производство Средней Азии. М.-Л.
Сайко Э.В. 1982. Техника и технология керамического производства Средней Азии в историческом развитии. М.
Shepard A.-O. 1980. Ceramics for the archaeologist. Washington.

---

2 Это выяснилось после разработки методики определения длительности воздействия таких температур на керамику и изучения с ее помощью археологических образцов посуды из восточноевропейских и ближневосточных памятников VI — III тысячелетия до н.э.

Новые раскопки памятников у д.Городище в юго-восточном Приладожье

Комплекс памятников в районе д. Городище в среднем течении р.Сясь несколько лет назад получил интерпретацию как упоминаемый в ряде скандинавских письменных источников город Алаборг. Исследованиям 1996 г. подверглась та часть неукрепленного поселения, где в 1989 г. было отмечено наличие непотревоженного культурного слоя, т.е. в низине между карьером, уничтожившим городище, и расположенной к югу от него небольшой возвышенностью на высоком правом коренном берегу р.Сясь. Раскоп 1996 г. (16 x 4 м) был заложен к юго-востоку от раскопов 1987—1988 гг., вплотную примыкал к траншее 1989 г. и ориентирован перпендикулярно к ней (рис.1). Раскоп ориентирован длинной стороной по линии В—З. Стратиграфия его не сложна (рис.2). Под слоем дерна выявлен переотложенный и перемешанный пахотный слой — серо-коричневая плотная супесь с горизонтальными включениями тонких линз песка мощностью от 0,23 до 0,45 м, в котором отчетливо прослеживаются следы глубокой вспашки.

Непосредственно под пахотой залегает основной культурный слой поселения, образованный серой плотной однородной гумусированной супесью. В восточной части раскопа он почти полностью уничтожен распашкой и его мощность едва достигает 1—5 см. Однако в западной части раскопа он достигает мощности до 0,30 м, причем выделяется его нижняя, более рыхлая и насыщенная золой часть. Именно в этом слое расположены основные развалы обожженных камней, с ним связывается и большинство индивидуальных находок.

После снятия основного культурного слоя на фоне материкового оранжевого суглинка и оподзоленной супеси были прослежены пятна заполнения и выбросы из сооружений и ям, отличающиеся разной степенью окрашенности в зависимости от насыщенности гумусом или угольками. Следует отметить наличие достаточно тонких, но прослеженных на широкой площади прослоек интенсивно окрашенной, темно-серой, со множеством углистых включений супеси, толщиной от 1 до 15 см. Под ним почти повсеместно отмечается слой рыхлого светлого подзола толщиной до 5-7 см, лежащей на песчаном светлом материке.

В результате интенсивной распашки и условий формирования почвы, при которых органические остатки почти полностью разлагаются, мы должны признать, что стратиграфически расчленить гомогенный культурный слой памятника практически невозможно, кроме тех случа-

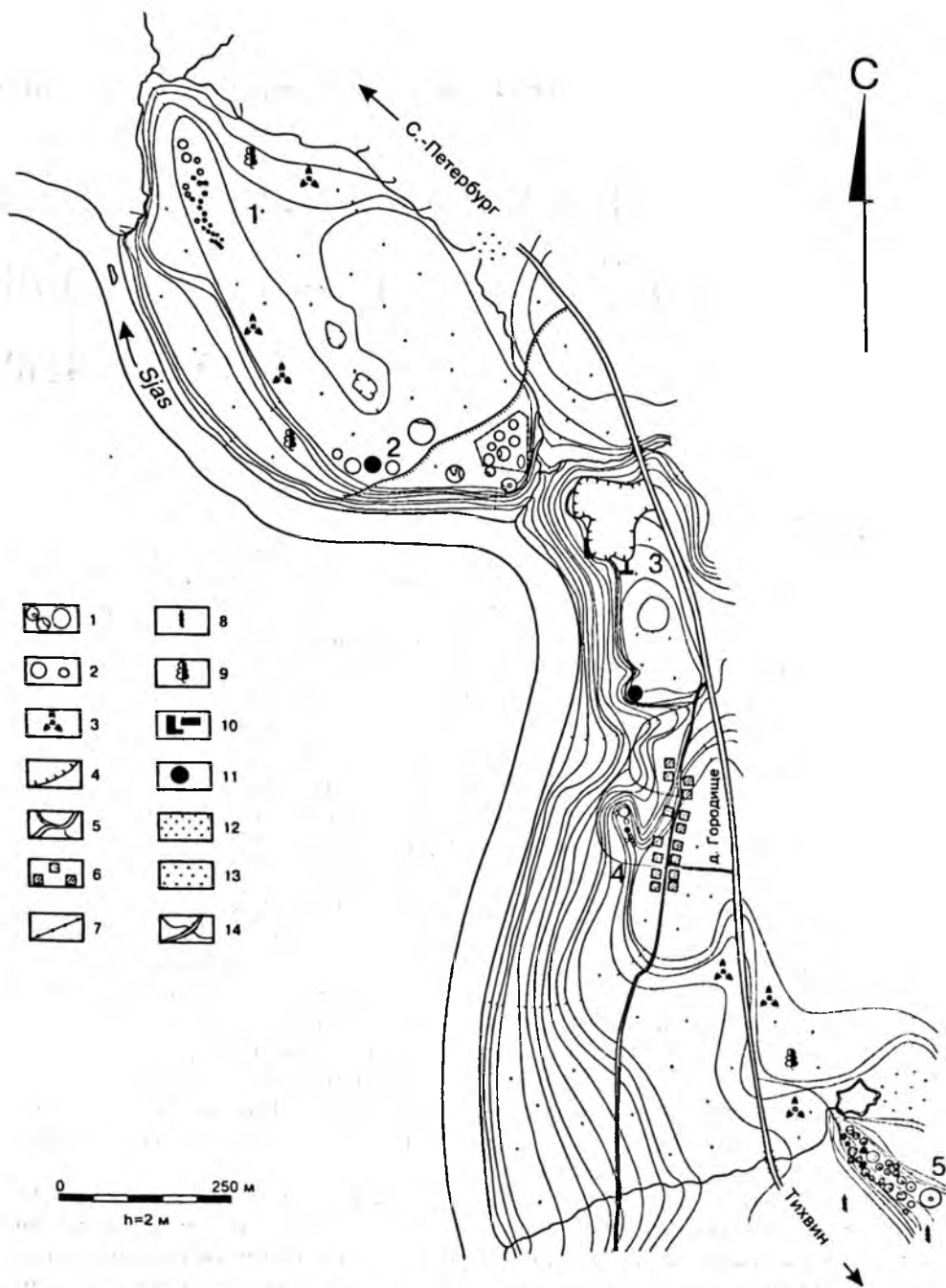

Рис. 1 Ситуационный план археологических памятников у деревни Городище. Условные обозначения: 1 — поврежденные насыпи, 2 — погребальные насыпи, 3 — кустарник, 4 — обрыв, 5 — дороги, 6 — хвойный лес, 7 — лиственный лес, 8 — местоположение раскопа, 9 — раскопанные насыпи, 10 — луг, 11 — болото, 12 — постройки, 13 — изгородь, 14 — мосты. 1 — могильник Красная Заря, 2 — могильник культуры сопок, 3 — карьер на месте существования городища, 4 — могильник в д. Городище, 5 — группа курганов юго-восточнее д. Городище.

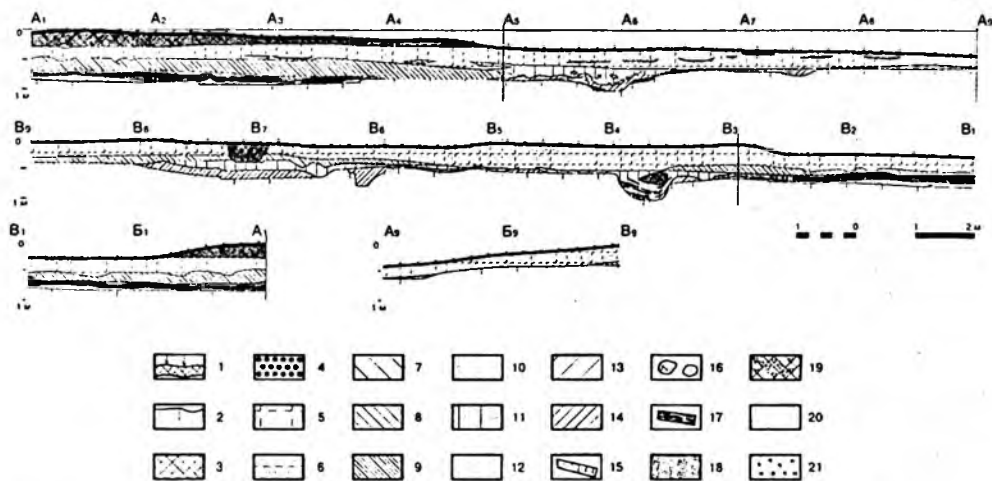

Рис. 2. Поселение у дер.Городище. Стратиграфические разрезы. Условные обозначения: 1 — задернованная современная дневная поверхность; 2 — материк: светло-оранжевая супесь или сильно опесчаненный суглинок; 3 — переотложенный мешаный слой; 4 — переотложенная материковая супесь или суглинок (запльвы); 5 — пахотный слой; 6 — светло-серый рыхлый подзол; 7 — серый плотный однородный гумусированный культурный слой (супесь); 8 — серый рыхлый гумусированный культурный слой (супесь); 9 — серый рыхлый слой, супесь с обильными включениями серой золы и обожженных камней; 10 — темно-серый слой с обильной примесью угля; 11 — темно-серый, интенсивно окрашенный плотный углистый слой; 12 — темно-серый слой с обильной примесью угля, нарушенный кротовинами; 13 — светло-серый рыхлый слой опесчаненного суглинка с отдельными включениями угля и золы; 14 — светло-серый плотный слой опесчаненного суглинка с включениями угля, шлаков и керамики; 15 — горелое дерево с фиксацией направления волокон; 16 — камни; 17 — древесный тлен с фиксацией направления волокон; 18 — обожженная глина; 19 — следы жидкой пропитки; 20 — керамика; 21 — шлаки.

ев, когда отдельные прослойки связываются с заполнением впущенных в материк или топографически ограниченных объектов. Поэтому на основании стратиграфии следует сделать вывод о том, что поселение является однослойным. В таком случае особое значение приобретает тщательная топографическая фиксация объектов и индивидуальных находок, благодаря которой в отдельных случаях удается зафиксировать последовательность сооружения, функционирования и разрушения отдельных объектов на исследуемом участке, что позволяет сделать выводы о наличии или отсутствии горизонтальной стратификации.

Задачи исследования продиктовали методику разборки культурного слоя, при которой снятие его велось послойно с помощью зачисток, разборка заполнения сооружений производилась с уровня фиксации пятен, а культурный слой из ям и пространственно ограниченных комплексов промывался.

В пахотном слое обнаружены 7 целых и фрагментированных бусин разных типов: двухчастная бусина-пронизка темно-синего стекла с белыми продольными полосками (рис.3,9) и фрагмент круглой бусины такого же стекла; 2 шарообразные, прозрачные бусины, одна голубого, другая — марганцевого фиолетового стекла; шарообразная мозаичная продольно-полосатая с желто-красно-бело-синими и два фрагмента крупных

глазчатых шарообразных синих бус, одна — с желтыми глазками, другая — с желтыми глазками с белой обводкой (рис.3,25).

При расчисте и разборке развалов камней и залежавших под ними остатков сгоревших деревянных конструкций найдены фрагменты керамики так называемого “ладожского” типа (рис.4,1), круглая бусина прозрачного темно-фиолетового марганцевого стекла, с блестящей, не тронутой патиной поверхностью, крупная плоская бисерина из глухого желтого стекла, фрагмент трехчастной синей крупной стеклянной пронизки (рис.3,7), боченовидная бусина печеночно-красного стекла (рис.3,21), фрагмент бронзовой иглы, обломок железной проволоки, фрагмент шаровидной синей бусины с желтыми глазками. В пределах выявленного пятна были обнаружены двухчастная золотостеклянная бусина-пронизка и фрагмент спиральки из бронзовой проволоки подтреугольного сечения.

Между камнями и под ними прослеживались сильно разрушенные и истлевшие куски обожженных плашек. Все деревянные плашки находятся в пределах наиболее насыщенного угольками темного пятна неправильных очертаний. По-видимому, они являются остатками северо-западного угла наземной деревянной конструкции, сгоревшей и впоследствии разобранный, а затем перекрытой в нижней части развалом камней.

В толще культурного слоя выше уровня залегания развалов камней и керамики были обнаружены 5 индивидуальных находок: 3 стеклянные бусины (рис.3,19), фрагменты лезвия ножа и фрагмент серебряного арабского дирхема второй половины VIII — первой половины IX в.¹ На уровне развалов и скоплений камней обнаружено: 5 стеклянных бусин разных типов (рис.3,23), 3 фрагмента железных ножей (рис.5,4,26,31), фрагменты плоского глиняного пряслица и железной поделки.

Ниже горизонта развалов найдены 3 стеклянные бусины (рис.3,24,18,14), 3 звена бронзовой цепочки (рис.5,1), а при зачистке после снятия горелого слоя в западной части раскопа — 4 стеклянных бусины (двухчастная голубая пронизка; шарообразная прозрачная голубая; фрагмент желтой пронизки с продольным рифлением; круглая желтая — рис.3,22), железный нож (рис.5,5) и фрагмент литейной ложечки. Эти последние находки достоверно принадлежат к древнейшей части культурного слоя, что касается остальных, то в условиях отмеченных особенностей формирования и сохранности культурного слоя их привязка к тому или иному горизонту достаточно условна.

После снятия культурного слоя и остатков связанных с ним объектов на светлом фоне материковой супеси и суглинка выступили пятна углубленных в материк сооружений. Пятно сооружения № 1 выступило на фоне серо-желтого предматерикового слоя. Углубленная часть сооружения представляла собой яму подчетыреугольной формы со скругленными углами, ориентированными по сторонам света. Заполнение ямы неоднородное, слоистое. Нижний слой заполнения толщиной 5—6 см прослеживается только в юго-западной глубокой части и образован черным плотным углистым заполнением. Выше него залегает темно-серое, интенсивно-окрашенное углистое заполнение с включением крупных обожженных камней и большого количества пористых железных

---

1 — Определение И.Г.Добровольского (Гос.Эрмитаж); место и год чеканки не установлены.

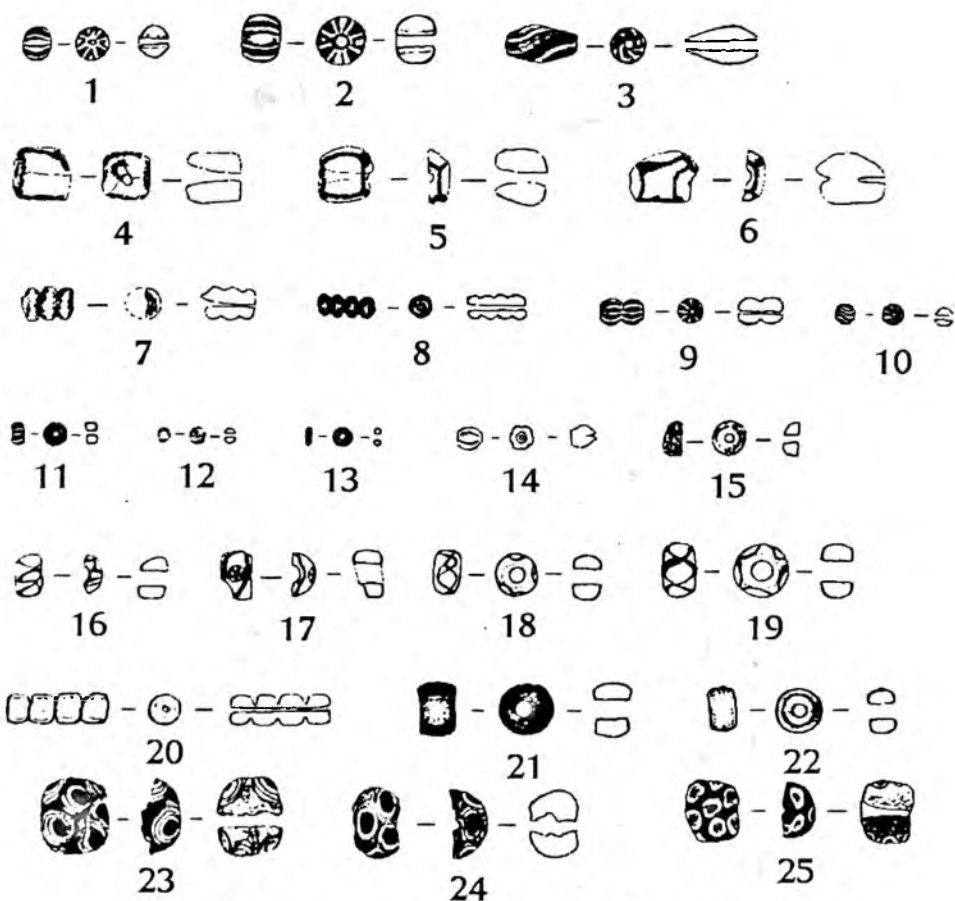

Рис. 3 Поселение у дер.Городище. Бусы.

шлаков. Мощность этого слоя составляет от 14 до 40 см и нарастает к стенкам глубокой части ямы. После того, как образовались эти два слоя заполнения юго-восточной части ямы, она какое-то время пребывала открытой, поскольку следующий слой заполнения, прослеженный в обеих частях ямы, образован заплывом материкового оранжевого супесчаного слоя со стенок попеременно с серым культурным слоем. Верхняя часть заполнения ямы образована заплывом культурного слоя из пятна сооружения 1, содержащего шлаки, камни, лепную керамику. Из заполнения ямы происходят 23 индивидуальные находки, из них 18 бусин. Среди находок верхнего горизонта заполнения и из промывки — 6 синих (рис.3, 11, 13, 10), голубая, зеленая бусины, фиолетовая бусина марганцевого стекла, глазчатая мозаичная бусина — зеленая, с малахитовой “побежалостью” разных оттенков (рис.3, 4); два фрагмента кубической зеленой прозрачной бусины, фрагменты двух золотостеклянных пронизок и др. Из того же горизонта происходит железный ледоходный шип, найденный в северо-восточной части ямы (рис.5, 3). Со смешанным слоем заполнения связываются находки ножа с остатками деревянной ручки (рис.5, 6) и металлического предмета с крючком на конце.

Сооружение № 2 в восточной части раскопа было зафиксировано на фоне светлого желто-оранжевого опесчаненного материкового суглинка в виде серого пятна с включениями угольков подпрямоугольных

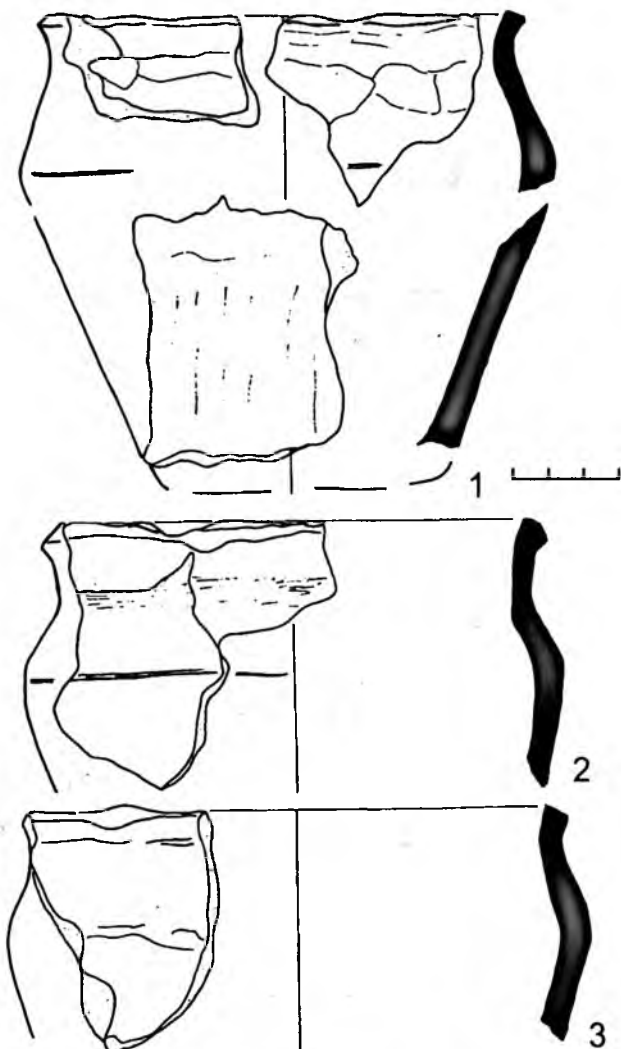

Рис. 4 Поселение у дер.Городище. Лепная керамика.

очертаний с выступом в северо-западной части, ориентированного сторонами по сторонам света. Пятно этого сооружения было частично перекрыто в юго-западном углу темной углистой линзой пятна над сооружением № 3, однако углубленные части сооружений не перерезали друг друга. Сооружение № 2 было углублено в землю всего на 5—10 см, его дно — ровное, образовано материковым опесчаненным суглинком. На земляном полу прослежены остеклованные под воздействием высокой температуры остатки глиняного пода печи. По-видимому, печь, которой он принадлежал, была использована один раз. Находки в заполнении углубленной части сооружения угольков и железных шлаков свидетельствуют в пользу того, что печь могла использоваться для каких-то операций в металлургическом процессе, но незначительная степень прокала пода, отсутствие обожженных камней или глины от свода, относительно светлое заполнение котлована, заставляют предположить, что после недолгого (возможно, неудачного) использования она была разобрана, а остатки свода удалены.

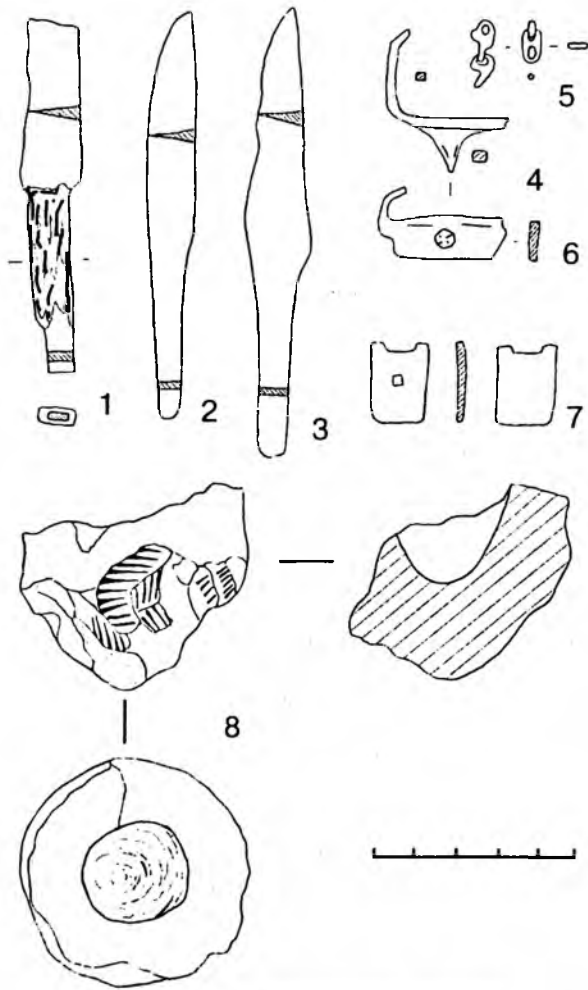

Рис. 5 Поселение у дер.Городище. Индивидуальные находки.

Сооружение 3 вошло в раскоп лишь северной частью. Над углубленной частью сооружения прослеживалось темно-серое пятно с углистыми включениями и большим количеством шлаков, по площади значительно перекрывавшее углубленную часть сооружения. Углубленная часть сооружения была впущена в материк на 8—10 см, заполнение углубленной части сооружения образовано пестрой светло-серой супесью с включением угольков и шлаков, попадаются и фрагменты остеклованного глиняного пода печи.

Сооружение № 4 вошло в раскоп лишь своей южной частью. Углубленная часть сооружения неправильной формы (2,8 x 1,6 м) была углублена в светлую материковую супесь на 5—10 см. В заполнении котлована найдены мелкие фрагменты лепной керамики, слиток железа, запекшийся на форме тигля и фрагмент бронзовой поделки.

Сооружение № 5 вошло в раскоп частично — в виде корытообразного вытянутого прямоугольного углубления размерами 4,4 x 1,2 м, глубиной от 5 до 15 см. Заполнение сооружения 5 образовано серо-желтым, плотным, перемешанным суглинком с включением угольков и

шлаков. Здесь же отмечена находка довольно крупного куска остеклованного керамического пода.

Сооружение № 6 вошло в раскоп своей северной частью. Заполнение его образовано темно-серым интенсивно окрашенным с включением угольков и мелких шлаков гумусом. Расположение в нем на всю глубину тонких углистых прослоек свидетельствует об однократном забрасывании ямы. В заполнении найдены фрагменты бронзовых поделок (игла, две пластинки) и 5 стеклянных бусин, среди них — белая мозаичная с переплетением красных полос (так называемого “скандинавского типа” — рис.3,17), синяя бисерина, фрагмент голубой прозрачной шарообразной бусины и круглая продольно-полосатая мозаичная бусина. В заполнении встречены фрагменты лепной керамики (рис.4,2).

Не оставляет сомнений производственный характер сооружений 1, 2, 3 и 5 в восточной части раскопа. Остатки прокаленного пода горна или металлургической печи в сооружении 2, обилие шлаков в заполнении сооружений 1, 2, 3, 5 и даже в пахотном слое над ними; наконец, находка донца оплавленного тигля (рис.5,7) свидетельствует о том, что эти сооружения связаны с металлургическим производством. Отсутствие четких контуров у незначительно углубленных сооружений свидетельствует о том, что они были наземными, легкими, временными. В сооружениях № 1, 3, 4 и 6 прослеживается сходная картина формирования заполнения: светло-серый пестрый супесчаный слой на дне сооружения перекрыт углистой линзой интенсивно-окрашенного заполнения с обильным включением камней и шлаков. Отсутствие подобных пятен над сооружениями 2 и 5 может объясняться как распашкой, так и тем, что эти сооружения были разобраны, а камни и остатки горелого слоя вокруг удалены. Так, юго-западная часть ямы в сооружении 1 явно использовалась для сбрасывания в нее угля, шлаков и камней от свода металлургической печи, о чем свидетельствует характер нижних слоев заполнения этой ямы. Отметим также отсутствие бытовых предметов в упомянутых конструкциях. Исключение представляет только заполнение ямы-сооружения 6, в котором встречены бусы и бронзовые поделки, однако оно настолько нарушено норами, что в него могли попасть и вещи из культурного слоя другого происхождения.

Сооружения, связанные с металлургическим производством, перекрыты серым плотным однородным гумусированным культурным слоем, содержащим скопления камней, развалы керамики и основное число индивидуальных находок. В пределах этого слоя выделяется золистый горизонт с включениями обожженного камня и обгорелыми деревянными конструкциями, но без шлаков. Выявленные остатки угля деревянной конструкции из обгорелых плашек, перекрытые развалом камней, трудно определенно интерпретировать до завершения исследования комплекса. Близкой аналогией являются сочетание развалов мелких камней с деревом нижних венцов срубов мелких сооружений типа “укрепленных шалашей”, обнаруженные на открытом поселении IX—XI вв. Тимерево в Ярославском Поволжье: перекрытия-навесы устанавливались на 1-2 венца, укрепленных камнями срубных конструкций (Дубов 1982: 157-158, 208; Томсинский 1982: 188, 191). Этнограф А.А.Шенников, подробно описавший “укрепленные шалаши-вежи” (легкие хозяйственные или жилые постройки, усадебные кухни, в которых перекрытие ставится сразу на 1-2 венца сруба,) связывает эту строительную традицию именно с зоной лесного полукочевничества финно-угорских народов. Древнейшее упоминание соответствующего термина в летописи отно-

сится не к Поволжью, а к местам, находящимся в непосредственной близости от района наших исследований (Шенников 1974: 73-75).

Горизонт развалов и скоплений камней и керамики является самым поздним из прослеженных в раскопе 1996 г., о чем свидетельствует, в частности, тот факт, что развалы керамики не переотложены, а повреждены уже современной распахкой. Индивидуальные находки, обнаруженные в культурном слое, включая и те, что попали в верхнюю часть заполнения западины ямы в сооружении 1, датируют наиболее позднюю, связанную с жилым и хозяйственным, а не производственным, освоением исследованного участка фазу жизни на поселении. Стекланные бусы представлены типами, характерными в целом для горизонтов Е и Д Староладожского поселения. Среди них синий рубленный бисер; глазчатые и мозаичные бусы; молочно-белые и желтые зонные бусы, орнаментированные волнистыми переплетающимися полосками; фиолетовые прозрачные круглые бусины марганцевого стекла; многоцветные разноцветные пронизки из тянутых трубочек с прокладкой фольги и т.д. Анализ этой достаточно представительной коллекции позволяет не только конкретизировать датировку поселения, но и уточнить его место в системе потоков поступления различных типов бус, из которых одни однозначно связываются с Северной Европой, другие — с Востоком. Впервые обнаружен на поселении близ Городища фрагмент монеты — серебряного аббасидского дирхема второй половины VIII — первой половины IX вв. Металлические изделия представлены серией железных ножей, ледоходным шипом, фрагментами мелких бронзовых пронизок и цепочек. Керамика на исследованном участке найдена исключительно лепная, и это вновь подтверждает высказанные соображения о верхней хронологической границе существования поселения, приходящейся на рубеж между первой и второй четвертью X в.

Тонкий культурный слой, на большей части раскопа нарушенный или вовсе переотложенный распахкой, отсутствие наглядной стратиграфии и небольшая исследованная площадь не позволяют сделать безоговорочные утверждения относительно наличия и отсутствия определенных этапов заселения и застройки рассматриваемого участка поселения. Однако то, что сооружения, связанные с металлургией, были разобраны, а их остатки попали в заполнение выкопанных в материке ям еще в период жизни поселения, а культурный слой, содержащий большинство индивидуальных находок и развалов лепных сосудов, сформировался уже после их разрушения и, по-видимому, после пожара, следы которого фиксируются в западной части раскопа, позволяет предполагать наличие двух периодов освоения этой территории. Первоначально здесь фиксируется только производственная зона, а затем, вероятно, следы жилой зоны поселения, распространяющейся и на этот участок берега реки Сясь. Первоначальное разделение поселения на жилую и производственную зоны с последующим “наступлением” построек жилого типа на ремесленную часть поселения прослежено для X в. на поселении Городок на реке Ловать у Великих Лук (Горюнова 1988: 51). Там же обнаружены и остатки производственных сооружений, среди которых следует искать аналогии наземным постройкам с металлургическими печами, сложенными из камня, внутри (первая, ранняя группа по В.М. Горюновой, см.: Горюнова 1988: 52).

Проведенные в 1996 г. новые изыскания не только подтвердили то, что возможности исследования открытого поселения у д.Городище

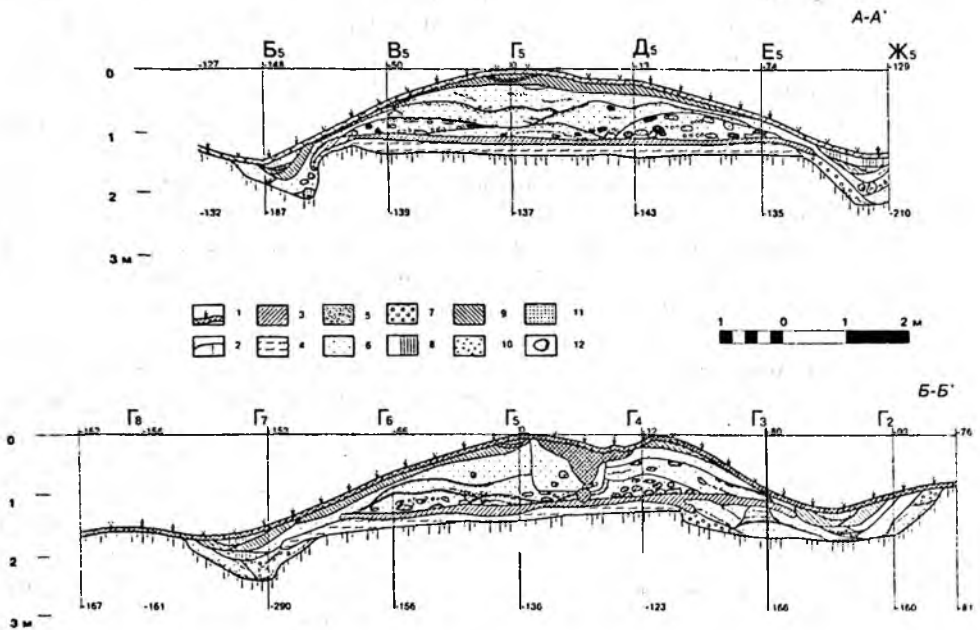

Рис. 6 Курган № 17 могильника юго-восточнее дер. Городище. Стратиграфия насыпи. Условные обозначения: 1 — дерн, 2 — материк, красный песок, 3 — погребенный дерн, 4 — подзол, 5 — белый песок, 6 — розовый песок, 7 — красный песок, 8 — гумусированный песок, 9 — бурый песок, 10 — отдельные угли, 11 — кальцинированные кости, 12 — несожженные кости.

отнюдь не исчерпаны, но и обнаружили их перспективы, поставили ряд вопросов и должны быть продолжены.

Однако, наши знания о материальной культуре этого региона продолжают базироваться на материалах раскопок погребальных памятников. Уникальная для Приладожья ситуация, когда исследователи имеют возможность изучать целую систему поселений и могильников, которые несомненно связаны друг с другом, заставляет нас обратить внимание на погребальные памятники этого района. Наиболее известной в археологической литературе можно считать группу курганов юго-восточнее д.Городище, которая расположена в лесу на значительном удалении от берега реки (рис.1). Н.Е. Бранденбург в начале 1880-х годов раскопал здесь 7 курганов, оставив после себя достаточно подробные описания исследованных сооружений (Бранденбург 1895: 133-134, №№ 124-130, табл. IV, 2, 6, 7, V, 3, 5, VIII, 15, 19, XII, 6, 7). В 1909 г. Н.И. Репников исследовал 5 насыпей, видимо, в разных частях могильника (Репников 1915: 35-42)². Известно, что А.И.Колмогоров в 1914 г. раскопал несколько курганов в окрестностях д.Городище, и возможно, 3 насыпи были раскопаны им в этом могильнике. К сожалению, подробного отчета о своих работах А.И.Колмогоров не оставил, а сделанные им находки до сегодняшнего дня не сохранились. Еще два кургана были

2 Материалы раскопок хранятся в Государственном Эрмитаже (ОАВЕС, колл.№ 886, 1477).

раскопаны В.И.Равдоникасом в 1930 г. Материалы раскопок были им вскоре опубликованы (Равдоникас 1934: 38-39, табл. XIII,9), но сами материалы, переданные в Карельский исторический музей, погибли во время Второй Мировой Войны.

Подавляющее большинство погребений в могильнике совершено по обряду трупосожжения. Исключением являются 5 христианских погребений совершенных в уже насыпанный курган № 130 (Бранденбург 1895: 134).³ Эти погребения не сопровождалось инвентарем и поэтому определить время их совершения практически невозможно. Вероятно, более близко времени сооружения основной массы погребений могильника трупоположение из кургана № 125, где были найдены односторонний гребень, серьга и несколько бусин (Бранденбург 1895: 134) и погребение в кургане № 4 из раскопок Н.И. Репникова, где на костяке были найдены височные кольца, пронизка, подвеска-уточка, бубенчики, фибулы, перстни, нож и горшок, изготовленный на гончарном круге (Репников 1915: 36-38). Раскопанные курганы могильника имели высоту 0,5-2 м и диаметр 10-20 м. Характерными признаками этих курганов можно считать размещение остатков покойников в насыпи, на высоте около 1 м над основанием. Такая характерная особенность приладожских курганов как ритуальные очаги были встречены в этом могильнике всего в двух насыпях. В обоих случаях они были размещены на основании погребального сооружения. Трудно говорить и о широком распространении в этом могильнике традиции разделения погребального сооружения на мужскую и женскую половины. Отличительной чертой инвентаря этой курганной группы является достаточно высокий процент находок, которые можно связать со Скандинавией. Это топор типа "G" по Я. Петерсену (Petersen 1919: 42, fig.42), литые ладьевидные браслеты типа Я. Петерсен рис.184,186,189, фибулы типа Я.Петерсен рис.52 и рис.235 (Petersen 1928: 150-156). О значительном скандинавском влиянии говорит тот факт, что скандинавские изделия были найдены в 60 % исследованных погребений.

Большинство раскопок все же крайне скупо освещено в отчетах и публикациях. В первую очередь это касается вопросов стратиграфии раскопанных насыпей и их внутренней организации, что заставило нас продолжить исследования могильника. Раскопкам была подвергнут курган № 17, расположенный в центральной части курганной группы. До раскопок он представлял собой полусферическую насыпь диаметром до 10 м и высотой до 1,5 м. Вокруг насыпи прослеживался ритуальный кольцевой ровик глубиной до 0,4 м. В вершине кургана была отмечена небольшая задернованная яма размерами 1,6 x 2,1 м и глубиной до 0,28 м, которая являлась результатом грабительских раскопок. Насыпь кургана состояла из мелкозернистого материкового песка меняющего свою цветовую гамму от белого до красного. Различия в цвете объясняются различиями в цвете материкового песка, взятого строителями насыпи с различной глубины моренной гряды на которой расположен курганный могильник. В теле насыпи встречаются остатки древнего дерна и подзола размерами 0,2-0,3 x 0,1-0,15 м не являющиеся частями какой-либо конструкции и попавшие сюда случайно при сооружении насыпи

---

3 Все курганы, раскопанные Н.Е.Бранденбургом во всех частях Южного Приладожья за период 1878-1886 гг. имеют единую нумерацию.

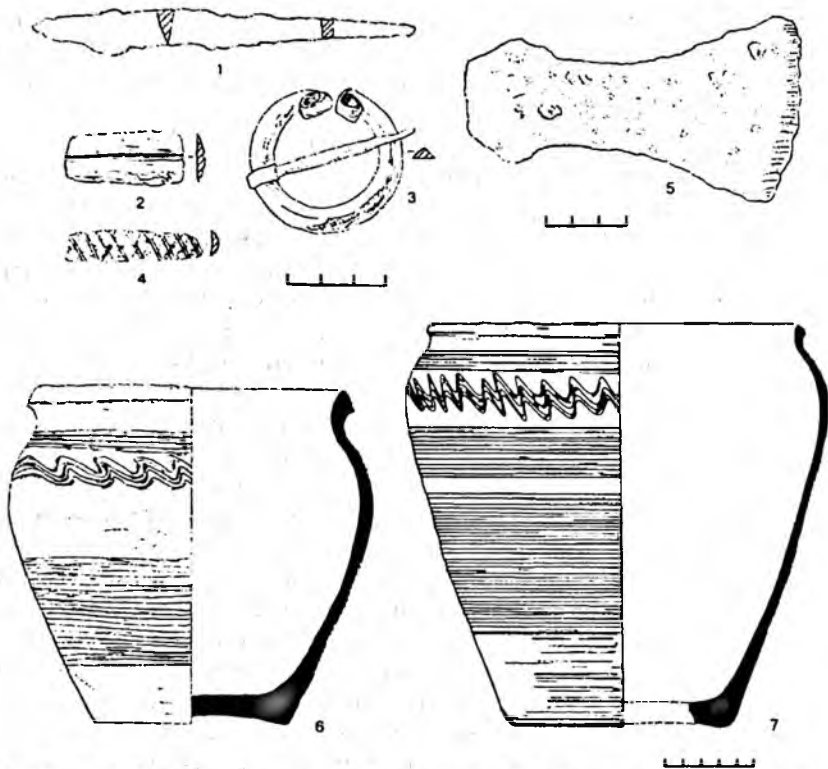

Рис. 7 Курган № 17 могильника юго-восточнее дер. Городище. Находки из курганной насыпи. 1, 2, 4 — погребение 1; 3, 6 — погребение 2; 7 — заполнение ровика.

(рис.6). Однако, эти различия позволяют реконструировать процесс сооружения погребальной насыпи. Погребальная площадка кургана, имеющая естественный уклон в юго-западном направлении прослежена по распространению непо потревоженного погребенного дерна. Площадка изначально, видимо имела подчетыреугольную форму и была ориентирована углами по сторонам света, но сильно оплыла. Ее размеры, прослеженные при раскопках 7 x 7,2 м. Форма площадки может быть реконструирована по форме дна кольцевого ровика глубиной до 0,8 м. и шириной до 1,2 м. Ровик имел перемычку в северо-восточной части, которая может быть интерпретирована как вход на курган, использовавшийся во время ритуала погребения и впоследствии, после окончания сооружения насыпи. Ширину этой перемычки установить не удалось. В заполнении ровика обнаружен развал лепного сосуда (рис.7,6).

Возведение собственно насыпи кургана производилось по традиционной для этого района схеме: путем насыпания нескольких кольцевых валиков. Подобная схема, видимо, была обусловлена следующими обстоятельствами: поскольку поверхность валиков была уплотнена, возможно за счет того, что их поливали водой (о чем говорят прослойки крупнозернистого песка и гравия мощностью до 0,02 м по их поверхности), оплывание насыпи за счет ее "расползания" не происходило, так как каждый следующий, более верхний, валик как бы "соскальзывал" по направлению к центру насыпи по уплотненной поверхности нижнего. Это приводило к тому, что сама насыпь уплотнялась и становилась более долговечной. В насыпи раскопанного в 1996 г.

кургана № 17 было прослежено три яруса таких валиков, однако, в отличие от традиционной схемы, центр погребальной площадки занимала небольшая куча материкового песка, появившаяся здесь до начала возведения первого яруса кольцевых валиков. Интересным представляется тот факт, что она почти не содержит остатков древнего дерна и значит была взята строителями с достаточно большой глубины, что возможно, было сделано не случайно. Первый кольцевой валик шириной до 2,8 м и высотой до 0,47 м был насыпан по краю погребальной площадки и содержит в себе большое количество остатков древнего дерна, что говорит о том, что песок для его сооружения брался практически с поверхности земли. Возможно, что для его сооружения была использована почва, вынутая из ритуального ровика. Следующий ярус кольцевых валиков шириной до 3,4 м и высотой до 0,6 м содержит значительно меньше линз гумусированного песка и подзола, которые концентрируются в центральной части насыпи, как правило на границе между первым и вторым ярусами валиков. Это свидетельствует о том, что песок для его сооружения брали с большей глубины. Третий ярус представлен уже не кольцевым валиком, а полусферической насыпью, диаметром 5,2 м и высотой до 0,6 м, перекрывшей средний ярус и определившей форму насыпи. Дополнительно для того чтобы укрепить курган, она видимо была заключена в какую-то деревянную конструкцию, остатки которой были найдены в северо-западной части ровика. В стратиграфическом разрезе здесь была зафиксирована практически вертикальная внутренняя стенка ровика и связанные с ней остатки древесного тлена и угольков, представляющие собой слабо окрашенную линзу песка шириной 0,4 м и толщиной до 0,2 м, зафиксированную исключительно на стратиграфическом разрезе. В мягком песчаном грунте вертикальная стенка могла сохраниться только в том случае, если произошло одномоментное разрушение укреплявшей стенку конструкции и стенка была сразу же засыпана оползшей насыпью.

Близ центра насыпи, практически под современным дерновым слоем, на глубине 0,2 м от вершины насыпи, были обнаружены остатки двух погребений по обряду трупосожжения на стороне, совершенных одновременно. Непотребоженное женское погребение, которое представляло собой плотное овальное скопление кальцинированных костей практически без следов угля, было помещено в вырытую в насыпи небольшую ямку. Среди кальцинированных костей были обнаружены пережженные остатки костяного одностороннего гребня с резным орнаментом, фрагмент бронзового пластинчатого браслета подтреугольного сечения с расширяющимися концами и канавкой в центральной части, а также железный нож с прямой спинкой и двумя уступами, отделяющими черенок от лезвия (рис.7,1-2,4). Этот набор позволяет датировать погребение периодом между 920 и 950-ми годами. (Богуславский 1991: рис.18,19). Мужское погребение было сильно потревожено при совершении позднего впускного женского трупоположения. Встреченные в заполнении могильной ямы последнего кальцинированные кости позволяют связать с мужским трупосожжением железный топор (рис.7,5), найденный в яме вместе с ними. Подобные секировидные топоры небольших размеров с двумя парами щековиц встречаются в курганах юго-восточного Приладожья весьма короткий период времени между 920 и 950-ми годами. (Богуславский 1991: рис. 18,19). Подобные топоры широко известны в материалах североευропейских памятников. Впускное женское трупоположение было совершено в могильной яме

размерами 2,4 x 1,3 м ориентированной длинной стороной по оси СЗ-ЮВ. Глубина могилы достигала 1 м от современной вершины кургана. При совершении этого погребения не производилось подновления ровиков и увеличения высоты насыпи кургана, что обычно делалось в юго-восточном Приладожье. Женский костяк, ориентированный головой на северо-запад, был сильно поврежден грабителями. Сохранились только кости ступней и голеней, а также череп относящиеся к впускному погребению. Это позволяет реконструировать положение покойной как вытянутое на спине. В ногах был обнаружен горшок, сделанный на гончарном круге (рис.7,7), а в районе черепа — бронзовая спирале-конечная фибула треугольного сечения с узкой иглой (рис.7,3), что позволяет определить время совершения этого погребения временем между 950 и 980-ми годами.

Рассмотренный комплекс памятников нельзя не учитывать при изучении сложных и многогранных процессов, происходивших в Южном Приладожье в VIII-IX вв., а также в более позднее время.

-
- Богуславский О.И. 1991. Южное Приладожье во второй половине I — начале II тысячелетия н.э. (опыт историко-культурной периодизации) // Дисс. ... канд. истор. наук. СПб.
- Бранденбург Н.Е. 1895. Курганы Южного Приладожья // МАР. № 18.
- Горюнова В.М. 1988. Ремесленные комплексы Городка на Ловати (X — начало XI в.) // Труды V МКСА. Т. II. Киев.
- Дубов И.В. 1982. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л.
- Равдоникас В.И. 1934. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и Юго-Восточном Приладожье // ИГАИМК. Вып.94.
- Репников Н.И. 1915. Разведки и раскопки в Тихвинском и Шлиссельбургском уездах // ЗОРСА РАО. Т. XI.
- Томсинский С.В. 1982. Постройки Тимеревского поселения. // Дубов И.В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л.
- Шенников А.А. 1974. О значениях термина "Вежа". // Культура Средневековой Руси. Л.
- Petersen I. 1919. Die norske vikingesverd. Kristiania.
- Petersen I. 1928. Vikingetidens smykker. Stavanger.
- Petersen I. 1951. Vikingetidens redskaper. Oslo.

О достоверности неолитических жилищ лесной зоны европейской части России

В монографической статье, посвященной жилищам Саркела-Белой Вежи, В.Д.Белецкий специально останавливался на вопросе о степени достоверности исследованных раскопками объектов в качестве остатков жилых построек (Белецкий 1959). Еще более актуальной проблема идентификации археологических объектов в качестве следов жилищ является для поселений неолитического времени.

В 1889 г. В.А.Городцов, производя обследование пунктов археологических находок Борок и Черепки у с.Дубровичи под Рязанью, обнаружил на каждом по объекту, которые были интерпретированы им как следы жилищ обитателей расположенных здесь неолитических стоянок. Значение этого открытия было им сразу же осознано, недаром исследователь посвятил ему доклад, зачитанный на VIII Археологическом съезде в Москве и опубликованный затем в "Трудах" съезда (Городцов 1897: 161-199). Впоследствии и сам В.А.Городцов, и другие археологи целенаправленно проводили поиски жилых сооружений на древних поселениях. Уже в дореволюционные, а затем в первые послереволюционные годы в результате раскопок неолитических стоянок лесной зоны европейской части России А.А.Спицын, Б.С.Жуков, А.Я.Брюсов и др. обнаружили объекты, рассматриваемые как следы сооружения жилых построек. При этом несовершенная методика раскопок, вызывающая сомнения в правильности интерпретации обнаруженных объектов как жилищ, отсутствие необходимых характеристик при наличии несущественных, а то и явно недостоверных сведений, неясность отнесения объектов к тому или иному культурному комплексу поселения, не могли не вызывать у исследователей настороженного отношения к этим интерпретациям. Но при значительных масштабах полевых работ, которые проводились в более позднее время на неолитических поселениях лесной зоны, обнаружение жилищ на них было не таким уж частым явлением. Этим и объясняется использование во многих работах материалов по жилищам, сведения о которых были получены в ходе предреволюционных и послереволюционных раскопок.

В целом, можно отметить две тенденции в отношении к этим сведениям: либо они используются как не подлежащие сомнению (Третьяков 1972: 9,10,18,19; Гаврилова 1973: 136,137), либо игнорируются как заведомо недостоверные (Цветкова 1973: 142-145; Халиков 1973: 119,120). Поэтому целесообразным представляется новый анализ материалов, тем более что издания, в которых сведения были опубликованы,

давно стали библиографической редкостью. К тому же сейчас есть возможность сопоставить старые данные с материалами более поздних исследований аналогичных памятников и тех жилищ, которые были на них обнаружены.

ДУБРОВИЧИ (БОРОК). Здесь В.А.Городцов при осмотре развезанной дюны обнаружил “кольцо, выраженное на поверхности культурного слоя пепельным цветом и едва приметным возвышением над прилегающей местностью. При осмотре этого кольца оно оказалось из слежавшейся золы с большой примесью песка и мелких углей. Кольцо имело форму довольно правильного эллипсиса (так в тексте, при цитировании орфография и пунктуация сохранены — В.Б.) с осями 9 и 7 аршин” (Городцов 1897: 171). По содержанию статьи ясно, что раскопок пятна не производилось, поэтому и мощность его не указана. Керамика, обнаруженная в пределах пятна, была большей частью неорнаментированная, лишь некоторые фрагменты имели декор “в виде крупных точек и полос”, что позволяет предположительно отнести их к культуре ямочно-гребенчатой керамики. В.А.Городцов сделал вывод, что зольное пятно — следы сгоревшего шалаша овальной формы с каркасом из древесных стволов, покрытым “слоем более нежных, вероятнее всего, травянистых растений” (Городцов 1897: 171).

Предположение, что это остатки сгоревшего жилища, не содержит чего-либо невероятного, но и данных, чтобы его подтвердить, у нас практически нет. Мы не можем знать, какую форму объект имел до пожара — она могла деформироваться во время сгорания и после, под воздействием природных факторов: по этой причине невозможно определить истинные его размеры, был ли очаг в пределах этого объекта. Не вполне ясно и время существования объекта, поскольку неорнаментированная и ямочно-гребенчатая керамика разновременны. Наконец, искусственный характер его далеко не бесспорен: нельзя исключить возможность стечения обстоятельств, при котором такой объект мог иметь естественное происхождение.

ДУБРОВИЧИ (ЧЕРЕПКИ). При исследовании В.А.Городцовым этого поселения было зафиксировано пятно диаметром до 4-х аршин (284 см), в южной части слегка вытянутое. При расчистке его обнаружилось, что под ним находится яма, стены и дно которой выложены из камней небольших размеров. В верхней части ее заполнения, но не по всей площади, было отмечено три более темных горизонтальных прослойки. На дне ямы обнаружен очаг — семь камней, выложенных по окружности, еще один камень был в середине, все они были закопчены (Городцов 1897: 182).

Этот объект в качестве жилого более достоверен. Подчеркивалась тщательность раскопок — двумя половинами, что дало возможность проследить разрез заполнения. Если стены и пол действительно были выложены камнями, то правильность определения границ заполнения не оставляет сомнений. Вытянутость пятна в южной части, возможно, фиксирует место входа. Аналогии конструкции очага в виде круговой выкладки из камней известны в лесном неолите — в жилищах стоянок Кубенино, Андозеро II и др. (Фосс 1929: план I; Ошибкина 1978: 44).

К сожалению, автором раскопок не представлен план ямы, дан только разрез, при исчислении площади ее как правильного круга она составит примерно 6 м², глубина, судя по разрезу, была около 60 см. Некоторое сомнение в правильности интерпретации объекта вызывает только профиль слишком уж покат пол для жилища, однако можно

предположить, что он был зафиксирован приблизительно, что называется, “на глазок”.

Комплекс ямочно-гребенчатой керамики этой стоянки, с которым связывается заполнение, традиционно относится к рязанской культуре, при этом надо отметить, что Б.А.Фоломеев, основываясь на своеобразии керамического комплекса, предложил выделить эту стоянку и аналогичные ей памятники в круг особых древностей “дубровичского” типа (Фоломеев 1975: 33-41).

БАЛАХНИНСКАЯ стоянка. В 1904-1905 гг. раскопки ее производились В.И.Каменским. В процессе раскопок было обнаружено значительное количество ям, средний диаметр которых составлял 1 сажень (213 см), а глубина — 1 аршин (71 см). Ямы отличались от окружающей почвы более темным заполнением. Судя по представленному плану, они располагались очень близко друг к другу, иногда соприкасаясь краями, а иногда сливаясь. Для жилищ, как справедливо отмечали В.А.Каменский и А.А.Спицын, ямы слишком малы, и в то же время велики для столбовых ям, да и расположение их не соответствовало бы такому выводу. Разрез одной из ям показывает ее конусовидный профиль, что также делает невозможным использовать яму в качестве жилища. Признаков очага ни в одной из ям обнаружено не было. В.А.Каменский и А.А.Спицын предполагали их позднее происхождение и назначение как смолокурных (Спицын, Каменский 1905: 1-72). Те неолитические вещи, которые встречались в заполнении ям, могли попасть туда в позднейшее время — вместе с выброшенным на поверхность, а потом затекшим обратно культурным слоем. Указание на эти объекты как на остатки жилищ, встречающиеся в некоторых работах, нельзя считать правомерными.

В 1917 г. раскопки Балахнинской стоянки продолжил Б.С.Жуков. При этом “было обнаружено углубление, заполненное коричнево-черной землей, глубиной более 70 см, шириной около 150 см, длиной не менее 250 см. На дне его было обнаружено несколько камней величиною с кулак со следами действия огня” (Жуков 1922: 110-119). Представленный разрез западины показывает еще большую, чем у В.И.Каменского, конусовидность профиля, и в то же время мы можем не сомневаться, что он зарисован точно, а не по памяти, ибо как раз в этом упрекает автор раскопок своего предшественника: “Дается лишь несколько схематическое изображение..., очевидно, не снятое с природы” (Жуков 1922: 114). Характеристики западины близки к тем, что были обнаружены предыдущими раскопками. Ширина вскрытой Б.С.Жуковым ямы маловата для жилищной, профиль ее стенок и дна не соответствуют такому назначению, находки обожженных камней при отсутствии свидетельств закономерности их размещения еще не говорят о наличии очага. Автор раскопок утверждал, что обнаружил остатки углубленного жилища, но надо, видимо, признать, что в качестве жилого этот объект сомнителен.

Стоянка САДОВЫЙ БОР раскапывалась Ф.Я.Селезевым в 1925 г. Обнаруженный здесь объект, интерпретируемый как остатки жилого сооружения, связывается с комплексом ямочно-гребенчатой керамики. На площадке стоянки “в толще основного песка” была обнаружена “продолговатая яма овальной формы длинная ось которой, направляясь вдоль террасы, имела 16 метров, короткая около 10 м. Глубина к середине до 2 1/2 метров, которая к бокам несколько уменьшается, отчего дно представляется слегка вогнутым... С одной стороны, юго-западной, в

направлении длинной оси со дна поднимается выход в виде коридора, длиной до 2 1/2 метра и почти такой же ширины. К этой яме, в сторону противоположную выходу, примыкала другая, несколько меньшая, как по занимаемой площади, так и в глубину, формой близкая к четырехугольнику с ровным дном. На дне первой ямы, почти в середине, имелся очаг в виде компактной массы гари из углей выщелочившейся золы, в форме вытянутого круга по длине ямы, размерами 2 x 1 метр” (Селезнев 1928: 20-23).

Основные характеристики обнаруженного Ф.Я.Селезневом объекта показывают, что он, вероятно, на самом деле представлял собой остатки углубленного жилого сооружения: котлован с крутыми стенками, очаг на дне, входной коридор. Зафиксированная над котлованом линза зольного слоя вполне могла быть следами сгоревшего перекрытия жилища. Примечательна и яма подквадратной формы, примыкавшая к задней стенке жилища: точно так же к торцовой части полуземлянки стоянки культуры ямочно-гребенчатой керамики Ибердус I примыкало подквадратное углубление без очага (Цветкова 1973: табл.68, VIII). Смущает в правильности интерпретации этого объекта как жилища только два обстоятельства. Во-первых, это очень большая глубина сооружений, особенно овального, судя по приведенным разрезам она составляет 2,5-3 м, в то время как самым глубоким из неолитических жилищ этой территории было, вероятно, обнаруженное на поселении Сахтыш I — до 1,3-1,4 м в материковом основании (Крайнов 1984: 42). Во-вторых, это овальные очертания котлована: все остальные жилища лесного неолита при столь больших размерах имеют прямоугольную форму.

Стоянка СОНИНО также раскапывалась Ф.Я.Селезневом в 1925 г., сейчас она включается в круг памятников балахнинской культуры (Цветкова 1963: 75). На площади стоянки в трех пунктах были заложены небольшие раскопы. В пункте 2 “среди песчаного грунта оказалось пятно 2 x 2 м, содержащее черный культурный нанос до глубины 1 метра. После того, как этот слой был выбран, получилась яма кругловатой формы с овальными стенками и дном, наиболее углубленным к середине, где оказались признаки бывшего костра. Несомненно, это была землянка” (Селезнев 1928: 31). В пункте 3 “на расстоянии 10 м к западу от предыдущего пункта оказалась еще землянка размерами 4 x 3 м, также эллипсовидной формы с протяжением с запада на восток. Глубина около метра, с дном овальной формы. В центре вырисовывалось кострище с темным слоем гари в виде углей и золы с черепками, покрытыми сажой” (Селезнев 1928: 32).

В описании нельзя не отметить противоречия: размеры первого жилища даются как 2 x 2 м, однако форма его характеризуется как эллипсовидная; такая же она и на плане, причем соотношение размеров иное — 3 : 4. Приведенный чертеж разреза показывает сильную покатость дна этого углубления, хотя не исключено, что это глазомерный рисунок. К сожалению, ни план ни разрез второго углубления не представлены. Вполне возможно, что оба объекта действительно являются остатками углубленных жилищ, особенно, если на дне их были очаги, тем более, что впоследствии на расположенных рядом однокультурных стоянках были вскрыты аналогичные, хотя и не столь глубокие, жилища — округлые, небольших размеров, с очагом в центре (Цветкова 1947: 70-71; 1963: 76).

МАЛООКУЛОВСКАЯ II стоянка. Сейчас ее относят либо к балахнинской (Цветкова 1963: 56) либо к льяловской культуре (Третьяков

1972: 27).¹ Во время исследований Ф.Я.Селезнева “обнаружилась после водополюя 1926 г. небольшая землянка метров 8 шириной и мт. 2 глубиной, овальной формы: на дне ее, вросши в корни деревьев, оказался горшок сравнительно крепко обожженный, тонкостенный, с орнаментом из линий (дна не сохранилось, но оно должно быть плоским)” (Селезнев 1928: 39). Разрез ямы (план в статье отсутствует) показывает нереальную для жилища картину: форма ее почти конусовидная, дна, практически, нет. Сообщается, однако, что в ней был обнаружен очаг (Селезнев 1928: 49). Характеристики найденного на дне ямы сосуда (рисунок его не приведен) предполагают его более позднюю, чем эпоха неолита, датировку.

Форма жилища указывается как овальная при ширине 8 м, что, естественно, предполагает еще большую длину (хотя автор раскопок говорил о “небольшой землянке”), однако на рисунке, показывающем профиль западения, размер верхней части его примерно равен глубине, то есть составляет 2 м, и в таком случае размеры жилища должны быть 8 x 2 м — соотношение сторон маловероятное. Неясно даже, производились ли раскопки этого объекта: судя по описанию, яма была обнаружена на поверхности при осмотре местности “после водополюя”. Рассматривать ее как остатки неолитического жилища нет оснований.

Часть стоянки Ф.Я.Селезнев вскрыл девятью последовательными траншеями общей площадью 900 м². В ходе раскопок было установлено, что культурный слой значительно углубляется “в пяти местах, не считая других небольших углублений” (Селезнев 1928: 40). Западения выделялись более темной окраской. Исследователь считал, что это жилища земляночного типа, которые “не поддаются точному определению в смысле очертаний и общей конфигурации” (Селезнев 1928: 49).

Яма пункта А имела размеры 5 м в длину, примерно 3,5 м в ширину и глубину 1,5 м, на дне ее находился очаг диаметром около 1 м “в виде округлого серого пятна”. Яма пункта Б имела глубину до 1,6 м, границы ее четко установить не удалось, ни вещей ни следов очага в ней не было. Яма пункта В вплотную примыкала к предыдущей, глубина ее была до 1 м, “очертаний ямы и явственных размеров ее определить нельзя, обозначилось только понижение дна траншеи, место очага тоже осталось неустановленным, в виду того, что перегорелый слой расплылся по всей яме” (Селезнев 1928: 42). Яма пункта Г очертаниями была близка к овалу, следов очага в ней не обнаружено. Рядом, в пункте Д, была еще одна яма овальной формы и глубиной до 2 м (большая, нежели соседняя).

Результаты раскопок хорошо демонстрируют недостатки метода вскрытия площади поселений траншеями: разрезы показывают несомненное наличие западений культурного слоя, но о размерах их можно говорить только приблизительно, а о форме в плане нельзя сказать что-либо определенное. Размеры углублений в одном из измерений, судя по имеющимся разрезам, составляли от трех до шести метров, что не препятствует признанию их жилищами, однако против этого свидетельствуют покатость профиля западений, особенно западины Г, и то, что

---

¹ Наименование “Малоокуловская II стоянка” введено В.П.Третьяковым с тем, чтобы отличать памятник от Малоокуловской I стоянки, исследованной М.В.Воеводским и А.В.Збруевой (Третьяков 1972: 63).

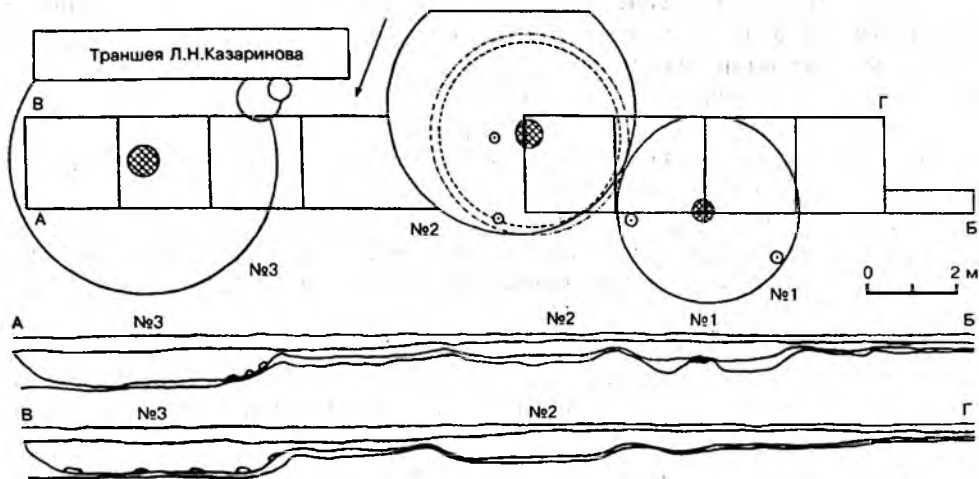

Рис. 1 Жилище Федоровского поселения (по А.Я.Брюсову).

следы очага были обнаружены только в одном из них. Трудно связать эти ямы с определенным этапом существования поселения: в западении Г обнаружен раздавленный толстостенный сосуд с “пальцевым орнаментом” (скорее всего, культуры ямочно-гребенчатой керамики), а в западине В с “матерчатым”, то есть явно более поздний. Использовать эти материалы, таким образом, не представляется возможным сомнителен характер западений как жилых, за единственным исключением неизвестны их размеры, неясна принадлежность к тому или иному комплексу стоянки.

ФЕДОРОВСКОЕ поселение было открыто в 1923 г. и раскапывалось в течение ряда лет несколькими исследователями. Материалы поселения разновременны: кроме мезолитического комплекса здесь представлена ямочно-гребенчатая, галичская, фатьяновская керамика и керамика других культур (Гурина 1961: 93-99; Гаврилова 1973: 103-137). Раскопками А.Я.Брюсова в 1925 г. были обнаружены и объекты, которые интерпретировались как остатки трех углубленных в землю жилищ округлой формы с очагами из камней в центре (Брюсов 1925). Судя по дневнику раскопок, приложенному к отчету, при исследовании применялся распространенный тогда метод “выкружки”: предполагаемое жилище раскапывалось по окружности от центра к границам (Брюсов 1925: 2,3), форма жилища в виде круга, таким образом, как бы задавалась изначально. Но в данном случае декларируемая автором раскопок округлая форма жилищ, видимо, соответствует действительности: в дневнике подчеркивается тщательность поисков краев западин, а поскольку темный культурный слой, заполнявший котлованы, должен резко контрастировать с глинисто-галечным материковым слоем, то границу можно было проследить достаточно четко.

Правда, на плане (рис.1), до сих пор не публиковавшемся, очертания жилищ представляют собой идеально правильные окружности (это также относится и к очагам и ямам), чего на самом деле быть не могло, но это, очевидно, объясняется требованиями того времени к фиксации объектов². Для сравнения можно указать на то, что до недавних пор на планах курганных могильников очертания насыпей тоже показывались как идеально круглые, что в настоящее время рассматривается

как существенная неточность.

В противоположность планам разрезы жилищ зафиксированы без всякой умозрительности, и это не оставляет сомнений в реальности котлованов. Интересно упоминание в отчете о “валиках” по краям западений, на плане они не отмечены, но видны на некоторых участках разрезов. Очевидно, это подсыпка, которая увеличивала глубину котлованов, она также могла придавливать покрытие каркасов жилищ. Прослежены следы нескольких столбовых ямок в котлованах № 1 и 2. Диаметр жилищ указывается автором раскопок в 4,1, 5,5 и 6,0 м “по верхнему краю”, что соответствует приведенным планам, глубина 50, 60 и 90 см, но не указано, от какого уровня. В подстилающем материковом слое она составляет 30, 35 и 50 см по разрезу ССЗ стенки и 10, 25 и 35 см по ЮЮВ.

Жилища, несомненно, связаны с комплексом ямочно-гребенчатой керамики: опись находок (Брюсов 1925: 19-45) показывает, что в котлованах была обнаружена почти исключительно керамика этого типа, причем некоторые сосуды с ямочно-гребенчатой орнаментацией оказались вырытыми в пол жилищ.

Итак, из проанализированных объектов, интерпретируемых как остатки жилых сооружений, сомнительны те, которые были обнаружены на стоянках Дубровичи (Борок), Малоокуловская II и Балахнинская. Более достоверными представляются жилища стоянок Дубровичи (Черепки), Садовый Бор, Федоровская, возможно, верна интерпретация западин со следами очагов на поселении Сонино.

-
- Белецкий В.Д. 1959. Жилища Саркела-Белой Вежи // МИА. № 75.
- Брюсов А.Я. 1925. Отчет о раскопках стоянки около села Федоронского в Чухломском уезде Костромской губернии летом 1925 года / РА ИИМК РАН, ф.2, оп.1/1926, № 196.
- Брюсов А.Я. 1940. История древней Карелии // Труды ГИМ Т.IX. М.
- Гаврилова И.В. 1973. Неолитические племена Костромского Поволжья // МИА. № 172.
- Городцов В.А. 1897. Жилища неолитической эпохи в долине р. Оки в связи с открытиями в окрестностях с. Дубрович Рязанской губернии // Труды VIII АС. 1890. Т.3. М.
- Городцов В.А. 1914. Археологические исследования в окрестностях г. Муром // Древности. Т.XXIV. М.
- Гурин Н.Н. 1961. Древняя история северо-запада европейской части СССР // МИА. № 87.
- Жуков Б.С. 1922. Неолитическая донная стоянка близ г. Балахны // РАЖ. Т.12, кн.1-2. М.
- Крайнов Д.А. 1984. Неолитическое жилище на стоянке Сахтыль I // КСИА. № 177.
- Ошибкина С.В. 1978. Неолит Восточного Прионежья. М.
- Селезнев Ф.Я. 1928. Приокские древнейшие поселения // Труды ВГОМ. Вып.III. Владимир.
- Спицын А., Каменский В. 1905. Стоянка каменного века близ г. Балахны // ЗОРСА. Т.VII. Вып.1. СПб.
- Третьяков В.П. 1972. Культура ямочно-гребенчатой керамики в лесной полосе европейской части СССР. Л.
- Фоломеев Б.А. 1975. К вопросу о памятниках “дубровичского” типа бассейна Средней Оки // КСИА. № 141.
- Фосс М.Е. 1929. Отчет о раскопках в 1929 г. в Няндомском округе Северного края / РА ИИМК РАН, ф. 2, оп. 1/1930, № 165.
- Халиков А.Х. 1973. Неолитические племена Среднего Поволжья // МИА. № 172.
- Цветкова И.К. 1947. Гавриловская неолитическая стоянка с могильником (по материалам раскопок 1945 г.) // КСИИМК. № XVII.
- Цветкова И.К. 1963. Стоянки балахнинской культуры в области нижнего течения р. Оки // МИА. № 110.
- Цветкова И.К. 1973. Неолитические племена рязанского течения р. Оки // МИА. № 172

---

2 См.напр.: (Городцов 1914: 44; Брюсов 1940: 288).

Церковь Федора Стратилата на Софийской стороне в Новгороде

Архитектурно-археологические

исследования 1988-1991 гг.

В 1974 г. археологические исследования ц.Федора Стратилата на Софийской стороне в Новгороде (рук. Г.М.Штендер, Н.П.Пахомов) дали материал для датировки первоначального каменного храма концом XII в. По инициативе и при участии Г.М.Штендера работы были продолжены в 1988-1991 гг. экспедицией кафедры истории искусства Санкт-Петербургского (тогда — Ленинградского) университета. Внутри и снаружи здания было заложено 8 шурфов, позволивших выявить типологические и технические особенности древнейшего храма.

Фрагменты домонгольской кладки обнаружены под юго-восточным и северо-западным столбами, а также под северной и западной стенами храма. У западного прясла южной стены открыты остатки лестничной башни. Часть древней западной стены расчищена в проеме, ведущем из центрального нефа под колокольню. Домонгольская кладка состоит из чередующихся рядов плинфы и известняка, ее толщина 1-1,1 м, а высота над фундаментом 0,5-0,7 м. Размеры плинфы 29 x 19-21,5 x 4,4-4,5 см. Забутовка из колотого плитняка положена на розоватом цемяночном растворе. Толщина стены исключает размещение на ней лестницы на хоры. Фундамент из валунов выступает из под внутреннего края стены на 0,3-0,4 м. Верх фундамента имеет ровную гладкую поверхность, благодаря равномерной проливке раствором. По сторонам прохода под колокольню над древней кладкой положен фундамент XVII в., состоящий из трех рядов валунов общей высотой около 0,9 м. Выше идет стеновая кладка из кирпича.

Северная стена зафиксирована напротив северо-западного столба и прослежена на расстояние около 2 м. В подбивке под фундамент XVII в. древняя кладка прослежена на глубину 0,2-0,3 м. Сохранилось пять рядов плинф длиной 29,5-30,3 см и толщиной 4,8-6,0 см, положенных в системе порядовой кладки. На постелистой стороне плинф сохранились отпечатки травы. В кладке встречаются блоки плитняка. По высоте стена сохранилась на 0,4 м.

Почти вплотную к стене поставлен саркофаг из плит размером 2,1 x 0,7 x 0,63 м. Верхняя плита не сохранилась, а северная в верхней части утрачена примерно на 1/3. В саркофаге сохранилось сильно нарушенное двойное погребение. В зазоре между стеной и саркофагом

(ширина щели 20 см) наряду со строительным мусором обнаружены куски цемяночной заливки с грубой постелистой частью и хорошо заглаженной лицевой поверхностью; возможно, это фрагменты домонгольского пола храма.

Под северо-западным столбом раскрыты остатки древней стеновой кладки и верхняя часть фундамента. Сохранились два ряда кладки из плинфы, утратившей лицевую поверхность. Под стеновой кладкой лежит фундамент из валунов на известковом растворе с редкими фракциями цемянки. Его выступ из под стены составляет 0,3-0,4 м. Ширина столба по северной грани 2 м. Западной стороны фундаментного выступа нет: стена из плинфы и фундамент из валунов находятся в одной плоскости.

Кладка фундамента под юго-восточным столбом, как и под стенами, состоит из двух одновременных частей. Два верхних ряда принадлежат послемонгольскому времени, вероятно, концу XIII в. Раствора между ними нет, лишь нижний ряд имеет подмазку из сероватого, довольно хрупкого раствора. Высота этой части фундамента 0,7 м. Ниже идет домонгольская кладка из валунов на цемяночном растворе, ее верх фиксируется остатками выравнивающей выстилки из плинфы; высота кладки 0,7 м. Деревянных субструкций в подошвенной части не обнаружено. Ленточных фундамента между опорными конструкциями не существовало.

Фундамент центральной апсиды с внутренней стороны представляет собой единовременную кладку из валунов на известковом растворе без примеси кирпичной крошки. В юго-западной части апсиды обнаружены следы древнего пола в виде отпечатков плиток (11,5 x 11 см) в известковом растворе, на котором они были положены. Пол лежал на подсыпке из песка вперемешку с культурным слоем.

Важно отметить, что верх фундамента под стеной и столбами находится на разных уровнях: обрез стенового фундамента лежит ниже верхней части фундамента под столбами. Это позволяет предполагать какие-то капитальные строительные работы, осуществленные еще в домонгольское время. Фундамент храма практически полностью лежит в перекопанном грунте. В предматериковом глинистом слое, в уровне подошвы фундамента юго-восточного столба, отмечена тонкая древесная прошлойка и валуны со следами длительного воздействия огня, не относящиеся к кладке фундамента. Это свидетельствует о жизнедеятельности более раннего времени, чем каменный храм.

У юго-западного угла храма были обнаружены остатки фундамента лестничной башни домонгольского времени, представляющие собой сплошную валунную платформу округлых, хотя и не вполне правильных очертаний размерами ок.6 м с запада на восток и ок.4 м с севера на юг, а глубиной заложения 1-1,1 м. Восточный контур кладки зафиксирован полностью, центральная часть и южная граница перекрыты поздним склепом, западная граница прослеживается почти целиком (за исключением северо-западного участка, где она частью уничтожена, а частью погребена под коробом теплотрассы). Платформа сложена из двух-трех рядов крупных (до 0,6-0,7 м) гранитных валунов с обильной проливкой серым, местами желтоватым слоистым сухим известковым раствором без примеси цемянки. Между валунами встречаются фрагменты плинфы толщиной 3,5-4 см. В восточной части платформы выше валунов зафиксирована фрагментарно сохранившаяся кладка из колотой плинфы, кусков плитняка и железистого ракушечника на розовом цемя-

ночном растворе. В северо-восточной части платформы сохранилось два ряда такой кладки на участке 0,63 x 0,34 м.

Граница фундамента башни с востока находится на линии восточной границы западного прясла южной стены существующего храма. В кладке фундамента стены на этом участке фиксируются три строительных периода. К первому относятся два нижних ряда валунной кладки, сложенных на том же слоистом бесцемяночном растворе, что и фундамент башни, причем нижний ряд положен с уступом к северу по отношению к вышележащему. Два валуна верхнего ряда сохранили темно-розовый цемяночный раствор. Между тем, кладка валунной платформы в северо-восточной ее части имеет четкую прямую северную границу, а кладка фундамента стены — четкую южную границу. Перевязки между кладками обнаружено не было. Их разделяет пространство 0,55 м, на котором зафиксирован один валун, лежащий в уровне нижнего ряда фундамента башни. Разрыв в кладке может быть объяснен включением в нее предшествовавших домонгольской каменной постройке захоронений. Обнаружены их остатки, в том числе — вертикально стоящий обломок плиты саркофага у северной границы платформы.

Кладку башни перекрывает мощный (до 0,6 м) развал строительного мусора домонгольского времени: розоватый цемяночный раствор с некрупной крошкой, фрагменты плинфы толщиной 3,5-4,3 см, с большим количеством гнотой и кливерной плинфы, куски серого плитняка, ракушечника.

Северо-западный участок платформы был переложён после разборки башни и составил единое целое с фундаментом западной части южной стены храма. При разборке слоя здесь был найден лекальный кирпич (зубчик), формованный с песком; его размеры 20 x 10 x 10,2, толщина 6,2-6,5 см. Этот фрагмент можно датировать концом XIII в. Домонгольская кладка здесь не сохранилась. Фундамент сложен из валунов и колотого плитняка почти насухо, местами — на глине, между валунами — темная супесь, фрагменты плинфы со следами цемяночного раствора, частицы более поздних бесцемяночных растворов. Выше — кладка фундамента XVII в.

Проведенные исследования подтвердили наличие домонгольского храма на месте ныне существующего здания. Несовпадение верхних отметок фундаментов стен и столбов свидетельствует о перестройке, относящейся ко времени до 1292 г. Круглая в плане башня вызывает в памяти единственную новгородскую аналогию — башню такой же формы в Рождественском соборе Антониева монастыря. Это, однако, не является решающим аргументом в пользу датировки храма началом XII в., особенно если принять во внимание остатки башни, недавно открытые в Спасо-Преображенском соборе в Руссе (конец XII в.). Другие важные для датировки параметры — отсутствие ленточных фундаментов и деревянных субструкций под ними, размеры плинфы — склоняют нас к более поздней датировке храма, предположительно — конец XII — начало XIII вв.

Государевы богомольцы Соловецкого монастыря

Я с гораздо большей радостью посвятил бы статью очередному юбилею В.Д.Белецкого. Но... Поколение наших учителей уходит. К несчастью. В.Д.Белецкий сделал очень много в археологии — без шумихи, скромно, монументально и фундаментально. Открытый им Довмонтов город — это глыба, а не кирпичик в славяно-русской археологии. Кончина Василия Дмитриевича — большая потеря для родных и близких, невосполнимая потеря для науки.

Начало каменного строительства в Соловецком монастыре связано с деятельностью игумена Филиппа (Колычева), впоследствии — митрополита московского. При нем были возведены такие шедевры древнерусской архитектуры, как Успенский собор с трапезной палатой 1552-1557 г. и Спасо-Преображенский собор 1558-1566 г. (Савицкая 1980: 43-130).

Энергия и предприимчивость игумена безусловно сыграли немалую роль в том, чтобы за короткий срок о далекой северной обители заговорили в Москве, а московский царь, помогая строительству, делал в монастырь щедрые вклады. Немаловажен также факт давней детской дружбы Ивана Грозного с Филиппом. Однако все это не объясняет в полной мере причины особого покровительства царской династии соловецким монахам, тем более что данное покровительство продолжалось на протяжении последующих столетий.

Для выяснения истоков явления необходимо обратиться непосредственно к деятельности Филиппа, которая началась с того, что, став в 1545 г. игуменом Соловецкого монастыря, он прислал в Москву икону “Богоматерь Боголюбская с житиями Зосимы и Савватия”. На ней впервые было представлено изображение этой северной обители (Маясова 1969). На среднике иконы монастырь показан находящимся на острове, изображены два белокаменных храма и деревянная звонница. Поскольку в это время обитель была сплошь деревянной, то данное изображение, по заключению М.И.Мильчика, — “прообраз будущего каменного монастыря” (Мильчик 1980: 237). По сути — это эскиз задуманного грандиозного каменного ансамбля: на иконе 1545 г. запечатлена знакомая нам структура центрального комплекса со стороны моря. Постройки выстроились в ряд по одной линии. С юга расположен самый крупный собор Спаса Преображения с намеченными красным цветом алтарями, с севера стоит Успенская церковь, меньшая по размерам. Между ними — звонница.

На фоне “проектируемых” монастырских каменных строений изображено моление святых Зосимы и Савватия вместе с десятью монашескими братьями не просто Богоматери, а Богоматери Боголюбской

(Владимирской). Как известно, икона Богоматерь Боголюбская особо почиталась московскими князьями и являлась национальным и духовным символом Московской Руси. Во всем этом улавливается явная идеологическая и политическая подоплека. Именно Богоматерь Боголюбская объявлялась для Соловков главной небесной заступницей за обитель — точно также, как и для московских правителей. Тем самым в 1545 г. Соловецкий монастырь объявлял московским князьям о своем особом положении среди православных монастырей, увязывая это с предлагаемой программой грандиозного строительства. Согласие со стороны Москвы с таким положением Соловецкой обители неминуемо должно было привести к покровительству монастырю со стороны царского дома. Последующие события показывают, что именно так и произошло.

При Филиппе Колычеве в Соловецком монастыре стало складываться особое отношение к царской семье. На это прежде всего указывает перечень святых, которым были посвящены новые приделы в первых двух каменных соловецких храмах: в честь Усекновения Главы Иоанна Предтечи в Успенском храме и Федора Стратилата, Иоанна Лествичника в Преображенском соборе.

О семантике придела Успенской церкви писал еще архимандрит Мелетий: “Как предание гласит, сей храм устроен Св.Филиппом в честь ангела царя Ивана Васильевича” (Мелетий 1881: 67). А.Н.Муравьев относил посвящение придела Успенской церкви “в честь ангела царского”, а двух приделов Преображенского собора — “во имя ангелов детей царских” (Муравьев 1897: 14). Подобная трактовка имеется и в “Краткой истории Ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря” (Краткая история 1899: 26). В наши дни эту мысль поддержал В.В.Скопин, который отметил, что придел Успенской церкви был посвящен Иоанну Предтече — “патрону Ивана Грозного”, а два верхних придела Иоанна Лествичника и Федора Стратилата названы в честь патронов сыновей Ивана Грозного — Иоанна и Федора (Скопин 1991: 42, 45; Скопин, Щенникова 1982: 19, 51). На справедливость такой трактовки указывает совпадение дат рождения Ивана Грозного и его сыновей с ближайшими праздниками их святых покровителей, в честь которых были устроены приделы в соборах Соловецкого монастыря. Иван IV родился “августа 25 день” (Корецкий 1981: 235), а на 29 августа в Соловецком монастыре приходится престольный праздник в честь Усекновения Главы Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна (Путеводитель 1900: 101; Соловецкий православный календарь 1996: 115). Царевич Иван Иванович родился 28 марта: “Того же году (1554 г. В.Б.), месяца марта 28 день, светлая недели с среды против четвертка в три часа ночи, родился благоверному царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси сын царевич Иван от благоверные царицы Анастасии, от дщери Романова Юрьевича... А крещен в третью неделю на Пасце, апреля въ 15 день” (Летописец начала царства 1965: 228). 30 марта в Соловецком монастыре — престольный праздник придела в честь Преподобного Иоанна Лествичника (Путеводитель 1900: 98; Соловецкий православный календарь 1996: 59). О рождении и крещении царевича Федора Соловецкий летописец конца XVI в. сообщает следующее: “В лето 7066 (1558 г.) месяца мая 31 дня на память святого апостола Иеремея в 4 часе дня родися царю и Великому князю Ивану Васильевича всея Руси сын от царицы и великой княгини Анастасеи и наречено быть имя ему Феодор Стратилат в 8 день июня месяца крещен быв в обители собора Архистратига Михаила у чудот-

ворца Алексея, а принял его от купели митрополит Макарий” (Соловецкий летописец: л.177). На 8 июня в Соловецком монастыре приходится престольный праздник придела в честь великомученика Феодора Стратилата (Путеводитель 1900:98-99; Соловецкий православный календарь 1996: 83). Важно также отметить, что в лето 7066 (1557/1558 гг.) Иван Грозный пожаловал в Соловецкий монастырь на золотой крест 200 руб. “за детей своих вкладу, за царевича государя Ивана Ивановича да за царевича государя Феодора Ивановичя” (Книга вкладная 1536-1600 гг.: л.9об.).

Следует указать на еще один придел Успенской церкви – в честь Дмитрия Солунского. Исследователями высказана мысль, что этот придел, возведенный в 1605 г., возможно, являлся скорым откликом монахов на воцарение на русский престол Лжедмитрия I (Скопин 1991: 42-43). Однако известно, что в это время игумен Исидор (1597-1605 гг.) придал самозванца проклятию в грамотах (Мелетий 1881: 178; Краткая история 1899: 33, примеч.). О резко негативном отношении на Соловках к самозванцу свидетельствует и Соловецкий летописец конца XVI – начала XVII в. Под 1605 г. он сообщает: “И в лето 7113-го збежал с Москвы чернець вор, что был диакон в Чюдове монастыре, Гришка Замятнин сын Отрепьева, и рострился в Литве и назвался царевичем Дмитрием углецьким, которой убит по Борисову веленью, будось убили в его место иного, он соблюден” (Корецкий 1981: 242). Совершенно очевидно, что не в честь “чудом спасшегося царевича Дмитрия”, а в честь ангела настоящего царевича, убитого в Угличе, и был построен в Соловецком монастыре еще один престол при Успенской церкви. Царевич Дмитрий родился 19 октября 1582 г.: “Лета 7091-го родися сын царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси царевич Димитрей Иванович о(т) царицы Марфы Федоровны Нагие октября в 19 день”(ПЛ: 194). На 26 октября в Соловецком монастыре приходится праздник придела Успенской церкви, освященного в честь святого великомученика Дмитрия Солунского (Соловецкий православный календарь 1996: 130).¹

С почитанием в Соловецком монастыре в середине XVI в. царского рода было также связано установленное Филиппом постоянное моление за царскую семью. Все грамоты в Соловецкий монастырь Филиппа, ставшего митрополитом, содержат одну и ту же просьбу. Уже в своем первом послании он пишет: “Бога ради, молитесь Господа Бога, и пречистую его Матерь, и великих чудотворцов Зосиму и Саватея, и всех святых, соборне и келейне, за православнаго царя государя, великаго князя Ивана Васильевича всея Руси, и за его благоверную царицу, великую княгиню Марию, и за их благородная чада, царевича Ивана и царевича Феодора, и за князя Владимира Андреевича, и за христолюбивое воинство, и за вся православные христиане да и за нас грешных” (Грамоты святого Филиппа 1861: 6, № 1). В другой грамоте уточняется суть моления: “Покорил бы Господь Бог государю под нозе его всякаго врага и супостата, и даровал бы ему многолетствовать, и

---

¹ В 1717 г. верхний придел Успенской церкви был освящен в честь ангела Дмитрия Пожарского как “благотворителя обители” (Мелетий, 1881:67). Очевидно, в начале XVIII в., уже после разгрома монастыря в 1676 г., после знаменитого “Соловецкого сидения”, тонкости традиции почитания в Соловецком монастыре царского рода были забыты. В монастыре, кстати говоря, хранилась сабля Пожарского.

тишину бы даровал, и земли плодородие, и воздуха благоухание, и избавил бы Господь Бог все православное христианство от бесermenства и от латынства, и междоусобных брани, и труса и потопа, огня и меча, и мора и от напрасных смерти, от смертоносных язв, и царство его миром оградил” (Грамоты святого Филиппа 1861: 9-10,15, № 2,4).

Все сказанное объясняет встречаемое с середины 1570-х годов в грамотах Ивана IV обращение к настоятелю Соловецкого монастыря как к своему “богомольцу”. В грамоте от 29 января 1575 г. Иван IV пишет: “Били нам челом богомолец наш Соловецкого монастыря игумен Варлаам з братьею”. В грамоте от 2 августа 1578 г. Иван IV приказывает “богомольцу нашему игумену Варламу с братьею” оберегать Соловецкий монастырь вместе с присланным на Соловки воеводою Михаилом Озеровым. В грамоте от 23 ноября 1579 г. Иван Грозный жалует “богомольца своего игумена Варлаама з братьею” освобождением от поставки яблок с монастырского сада в Новгороде. В грамоте от 17 декабря 1583 г. царь пишет: “Бил нам челом богомолец наш Соловецкого монастыря игумен Ияков з братьею” (Акты 1572-1584 гг. 1990: 63,115,139,220, № 561,666,719,881).

“Государевым богомольцем” называл себя в грамоте к царю монах Феоклист, показавший тайный проход в монастырь воинам воеводы Мешеринова, которые осаждали обитель во время знаменитого Соловецкого сидения 1668-1676 гг. (Барсов 1890: 138-139). В тяжкую вину монашеской братии Соловецкого монастыря вменялось, что на состоявшемся 28 декабря 1673 г. “черном соборе” было принято решение оставить “за великого государя богомолье” (Материалы, III 1878: 337). В июне 1674 г. царю докладывали, что в Соловках монахи “за Великого Государя Бога не молят и слышать не хотят” (Случевский 1897: 271; Барсуков 1954).

Таким образом, начиная с игумена Филиппа главным идейным предназначением Соловецкого монастыря стало моление за государя, его близких и его царство. Превращение Соловецкого монастыря в “государево богомолье” произошло не без участия самого Ивана Грозного. В 1550 г. игумен Филипп с братией попросил царя предоставить монастырю на материке земли в связи с тем, что на Соловках велось строительство каменной церкви и требовался лес. Выполняя просьбу монахов, Иван дал братии две деревни на Усть-Калежме и Калежму, восемь варниц и островок с тремя дворами на р.Суме “за свое здравье и по своих родителей в вечной поминок, а игумену з братьею на мои именины пети молебн собором и обедня служити о нашем здравье, и на братью корм большой и милостыня; а по моих родителей преставшихся по памятем игумену пети понахиды и обедни служити собором и на братью корм большей с милостынею” (Акты 1479-1571 гг. 1988: 96, № 153). Перед нами свидетельство того, что при игумене Филиппе, в самом начале каменного строительства в 1550 г., между царем и Соловецким монастырем за пожалованные земли был оформлен своеобразный договор о молении за царя. Примечательно, что в указанный год могла строиться только каменная Успенская церковь². Именно при ней впоследствии располагался придел во имя Усекновения главы Иоанна

2 Утвердившаяся в литературе дата 1552 г., таким образом, неверна.

Предтечи – ангела царя Ивана Грозного. Но Филипп пошел дальше и при Спасо-Преображенском соборе (1558-1566 гг.) построил другие придельные церкви в честь ангелов царевичей. Тем самым Филипп не ограничился простым молением за царя. Возводя церкви в честь святых-покровителей царя и его сыновей-царевичей, он превратил Соловецкий монастырь в крупнейшее на Руси богомолье за царский дом.

Впервые Иван Васильевич назвал соловецкого игумена своим богомольцем в марте 1539 г. после пожара в Соловецкого монастыре. Тогда выгорели все строения, и великий князь пожаловал “для *богомольца своего* (выделено мною – В.Б.) Спаского Соловецкого монастыря игумена Алексея з братьею” земли (Акты 1479-1571 гг. 1988: 50, № 75). Но это был частный случай. В самом богомолье за царя “в обмен” на жалование не было ничего необычного. В следующей грамоте 1541 г. Соловецкому монастырю великий князь Иван Васильевич не называет игумена Алексея своим богомольцем (Акты 1479-1571 1988: 54, № 85), как не называет таковыми игумена Филиппа в грамотах 1547, 1550, 1551, 1555, 1556, 1559 гг. (Акты 1479-1571 1988: 79, 80, 96, 103, 124, 128, 132, 148-149, № 129, 130, 153, 166, 207, 212, 215, 241). Это объяснимо, поскольку при игумене Филиппе Преображенский собор с двумя верхними приделами, посвященными патронам сыновей Ивана IV, еще не был закончен: Филипп поставил монастырь и уехал в Москву, чтобы занять должность митрополита, до окончания строительства храма.

Соловецкая традиция XVI в. строить в монастыре церкви в честь ангелов царей была возобновлена в XIX в. 20 июня 1858 г. монастырь посетил Александр II Николаевич. В честь этого события у пристани сначала воздвигли часовню, увенчанную царскою короною с крестом. Позже “с целью увековечить в обители достойную память его величества, благодетельствовавшего обители”, возвели Троицкий собор с приделом Александра Невского, имя которого носил государь (Путеводитель 1900: 43,82).

Таким образом, игумен Филипп, приступая на Соловках к каменному строительству, подвел под него идеологические основы, построенные на взаимоотношении с царем и царским домом. Это и позволило небольшой, затерянной в просторах Белого моря скромной монашеской обители, занять уже во второй половине XVI в. особое место среди всех монастырей России. Полученные от царей многочисленные вклады и льготы заложили фундамент ее процветания, что дало возможность привлечь к строительству лучших мастеров. В итоге Соловецкий монастырь в XVI – XVII вв. явил миру шедевры древнерусского зодчества.

Акты Социально-экономической истории Севера России конца XV-XVI в. Акты Соловецкого монастыря 1479-1571 гг. Л. 1988.

Акты Социально-экономической истории Севера России конца XV-XVI в. Акты Соловецкого монастыря 1572-1584 гг. Л. 1990.

Барсов Е.В. 1890. Новые материалы для истории русского старообрядства XVII-XVIII веков.

Барсуков Н.А. 1954. Соловецкое восстание 1668-1678 гг. Петрозаводск.

Грамоты святого Фялиппа митрополита Московского и всея России в Соловецкую обитель. М. 1861.

Книга вкладная Соловецкого монастыря. Черновик. 1536-1600 гг. // Архив СПбФ ИРИ РАН, Колл. акт. Кн.2, оп.1, ед.хр.125.

Корецкий В.И. 1981. Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроника. 1980. М.

Краткая история Ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. СПб., 1899.

Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись // ПСРЛ. Т.29. М. 1965.

Материалы для истории раскола за первое время его существования (Ред. Н.Субботин). Т.III. М. 1878.

- Маясова Н.А. 1969. Памятник с Соловецких островов. Икона "Богоматерь Боголюбская с жигтиями Зосимы и Савватия" 1545 г. Л.
- Мелетий. 1881. Историческое описание Ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. М.
- Мильчик М.И. 1980. Архитектурный ансамбль Соловецкого монастыря в памятниках древнерусской живописи // Архитектурно-художественные памятники Соловецких островов. М.
- Муравьев А.Н. 1897. Подвиги Соловецкой обители. Изд. 9-е. Архангельск.
- Путеводитель по Соловецким островам. СПб. 1900.
- Савицкая О.Д. 1980. Архитектура Соловецкого монастыря // Архитектурно-художественные памятники Соловецких островов. М.
- Случевский К.К. 1897. По Северо-Западу России. Изд. 2-е. Т.1. СПб.
- Соловецкий летоисчисл. Конец XVII в. Рукопись // РНБ, Сол. 877/987.
- Соловецкий православный календарь. 1996. Издание Соловецкой обители.

Посады Воронича

Наиболее ранние сведения о существовании псковского пригорода Воронича относятся к 1349 (1350 ?) году (П2Л: 27; ПЗЛ: 99). В 1405, 1426, 1518 гг. крепость упоминается в связи с походами Литвы (П1Л: 28, 36).

Укрепленное поселение предшествующего времени располагалось на левом берегу р.Сороть, в 2 км от Воронича, близ д.Савкино. Наиболее ранние слои городища Савкино ("Савкина горка"), судя по данным раскопок В.Д.Белецкого, относятся к IX-X вв. (Белецкий В. 1977: 115). Находящееся в зоне скопления курганных могильников (в том числе — культуры длинных курганов) городище Савкино по праву может считаться древнейшим центром микрорайона в нижнем течении р.Сороти. Вполне вероятно, что уже на первом этапе своего существования городище было торговым пунктом, местом производства и обмена ремесленной продукции, сбора дани, то есть — одним из ранних "погостов", установленных княгиней Ольгой в северных русских землях.

В XI-XII вв. поселение имело по крайней мере земляные укрепления (Белецкий В. 1977: 123). Жизнь на городище прекратилась в XIII в. Ю.М.Лесман, заново проанализировавший вещевой комплекс "среднего слоя Савкиной горки", полученный при раскопках В.Д.Белецкого, предположил отнести гибель поселения к 1224-1238 гг. и связал это событие с одним из литовских набегов (Лесман 1994: 152).

Шурфовка городища Воронич, произведенная В.Д.Белецким в 1969 г., позволила установить, что возникновение нового города в нижнем Посоротье следует отнести ко времени не позднее XIII в. (Белецкий В. 1977: 110). Следовательно, Воронич стал преемником укрепленного поселения у д.Савкино.

Выгодное географическое положение Воронича предопределило его экономическое развитие. Об интенсивной жизни города свидетельствует мощный культурный слой, толщина которого достигает 2,23-2,67 м (Белецкий В. 1977: 113), а также обширные посады. Обследование территории, примыкающей к городищу Воронич, позволило С.В.Белецкому выявить 3 участка культурного слоя (рис.1), которые могут быть связаны с посадом. К юго-востоку от городища на территории современной д.Воронич, С.В.Белецкий зафиксировал культурный слой на площади 16 га, датированный по подъемному материалу XIV-XVI вв.; исследователь соотнес открытый памятник с Великим (Большим, Горним, Верхним) посадом (Белецкий С. 1980: 24). Другой участок культурного слоя площадью 1,6 га зафиксирован к северу от первого, а найденная там керамика датирована XV-XVI вв. (Белецкий С. 1950: 25). Третий участок культурного слоя (6,7 га) находится на правом берегу Сороти и характеризуется находками керамики XIV-XVI вв. Этот участок С.В.Белецкий соотнес с Козмодемьянским посадом Воронича (Бе-

лецкий С. 1980: 25). С северо-востока и северо-запада Козмодемьянский посад ограничивает ручей и, вероятно, искусственный ров. В настоящее время на посаде заметны следы двух улиц (Псковская и Новгородская дороги) и пруда-копанца. Место церкви (по наблюдениям М.Е. Васильева), возможно, угадывается по дубовым плахам и бревнам (длина 5,5 м, диаметр 0,5 м), которые могут быть остатками церковных стен и пола. Большое количество керамики, найденной на территории Козмодемьянского посада, а также находки изделий из металла свидетельствует об интенсивной жизнедеятельности и развитии ремесел, в частности кузнечного. Этому соответствует и название главного храма посада — ц.Козьмы и Дамиана, покровителей ремесел.

Обследование культурного слоя посадов Воронича дает возможность судить об их грандиозных размерах, что полностью соответствует данным писцовых книг 1585-1587 гг. По числу жителей Воронич превосходил другие пригороды Пскова: Острова, в котором, по "старому письму", было 204 черных двора, Опочку с 172 черными дворами, Велье (133 двора). В Ворониче же был 371 черный двор (Псков и его пригороды 1913: 282, 333, 372, 400). Внушительные размеры Воронича обусловили присутствие в городе и на посадах максимального, по сравнению с другими городами Псковской земли, числа церквей и монастырей. Изучение писцовых книг 80-х гг. XVI в. позволяет локализовать на местности некоторые из упоминаемых объектов (рис.1).

В крепости Воронича находился главный храм города — ц.Георгия. Возможно, с крепостью связан также Михайловский монастырь, который в писцовых книгах отмечен как "Михайловский с Городища из Воронича" (РГАДА, ф.1209, № 827, л.1095об., 1104об., 1154). То, что во время переписи Воронич мог, после разрушения крепости в 1581 г., называться "городищем" вполне правомерно (РГАДА, ф.1209, № 827, л.962об.), хотя несколько странным представляется расположение монастыря внутри небольшого города. В городе же, видимо, была также Ильинская церковь известная по источникам XVIII в.

На Ямской улице (Большая Ямская) Горнего посада был храм Ивана Милостивого (РГАДА ф.1209, № 827, л.973об.). На этой же улице располагалась ц.Воскресения Христова (РГАДА, ф.1209, № 827, л.973об.), локализуемая там, где сейчас кладбище с каменной оградой. На окраине посада, на Всполье у "Луцкие и Ржевские дороги" была приходская ц.Ивана Предтечи (РГАДА, ф.1209, № 827, л.979). В настоящее время, видимо, это место называется "Буй-гора", где, по преданию, была битва вороночан с литовцами. Здесь сохранилось несколько могил старого кладбища и остатки фундаментов какого-то строения.

На правом берегу р.Сороти, на Козмодемьянском посаде, по письму 1585-1587 гг. известен приходской храм посада — ц.Козьмы и Дамиана, а также ц.Спаса Преображения (РГАДА, ф.1209, № 827, л.973об., 979). Последняя, скорее всего, являлась храмом Спасского монастыря "с Чичаковой горы из Воронича" (РГАДА, ф.1209, № 827, л.1005, 1094). Место, где находился монастырь, точно не известно. Запись в писцовых книгах — "на Козмодемьянском посаде подле псковские дороги от Спаса идучи" (РГАДА, ф.1209, № 827, л.973об.) — свидетельствует, что монастырь, скорее всего, находился севернее Козмодемьянского посада, там, где начиналась дорога на Псков. В атласах Генерального межевания 80-х годов XVIII в. к северу от Козмодемьянского посада отмечена д.Чичеково (РГАДА, ф.1356, № 23, д.4674), название которой созвучно "Чичаковой Горе" писцовых книг.

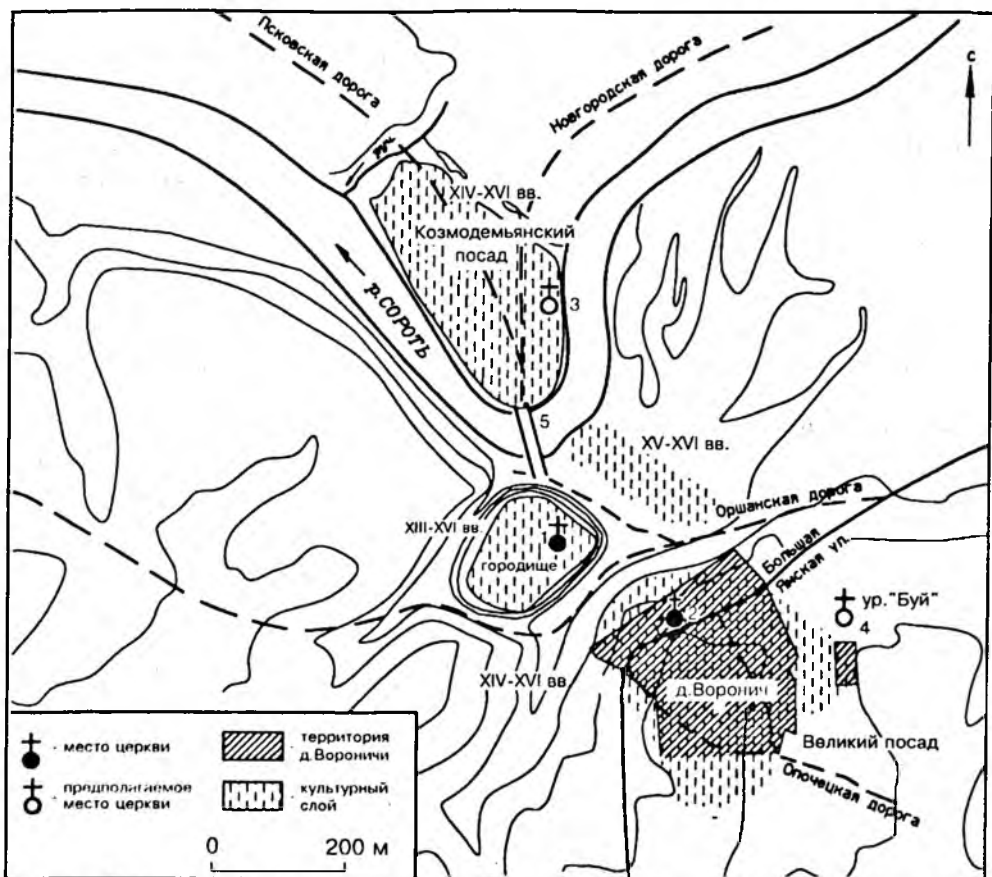

Рис. 1. Топография псковского пригорода Вороначпо данным археологии и письменным источникам. 1 — ц.Георгия; 2 — ц.Воскресения Христова; 3 — ц.Козьмы и Дамиана; 4 — ц.Иоанна Предтечи; 5 — мост "на клетках"

Однако ее удаленность от посада едва ли дает возможность локализовать монастырь по этой деревне.

На окраине Большого посада "подле Заклинские дороги" находился женский монастырь Успения Богородицы (РГАДА, ф.1209, № 827, л.975об.).

Кроме перечисленных, в Ворониче, по данным писцовых книг, известны Никольский монастырь (РГАДА, ф.1209, № 827, л.977об., 1065об.) и женский монастырь Покрова Богородицы (РГАДА, ф.1209, № 827, л.978об.), местоположение которых не ясно.

С посадом Воронича на левом берегу Сороти связана ул.Побережная, которая соединялась с "Заднею улкою", а та, в свою очередь, — с Ямской/Большой Ямской (РГАДА, ф.1209, № 827, л.968об., 969, 969об.). К Ямской же улице выходил Воронин переулок (Псков и его пригороды 1913: 377). Название "Большая" употребляется в писцовых книгах по отношению и к Ямской, и к Воронацкой улицам (РГАДА, ф.1209, № 827, л.965, 969). В настоящее время трудно сказать были ли это разные улицы. Аналогичное построение зафиксировано в названиях улиц Изборска, где Большая Ямская улица называлась также Изборской (Псков и его пригороды 1913: 299, 300; РГАДА, ф.1209, № 827, л.554). Это наводит на мысль, что в Ворониче также речь может идти об одной и той же улице с тройным названием "Большая — Ямская —

Воронацкая”.

Основной уличной магистралью Козмодемьянского посада служила Псковская дорога (РГАДА, ф.1209, № 827, л.973об.), соединявшаяся на посаде с Новгородской (РГАДА, ф.1209, № 827, л.977об.). Козмодемьянский посад был соединен с городом деревянным мостом “на клетках” шириной 3 сажени (РГАДА, ф.1209, № 827, л.979об.). Он начинался “от каменного креста подле Сороть реку” и доходил “до города Кузмодемьянских ворот”. В результате натурного осмотра это место в настоящее время локализуется достаточно уверенно. Писцовые книги XVI в. содержат описание “моста”, в которое включена вся трасса проезда через Воронич и Большой посад; длина ее вместе с мостом через Сороть составляла 450 саженей. От Кузмодемьянских ворот дорога шла (42 саж.) к Егорьевским Большим и оттуда на Большой посад к богодельне (60 саж.), затем “сквозь посад Ямской Опоцкой дорогой (Опочецкой улицей) до другого креста до каменного ж” (РГАДА, ф.1209, № 827, л.980). От торгового двора, от наместничьего двора начиналась Оршанская дорога которая на участке до ул.Толокнянки и затем до Ямского двора также входила в “мост” (РГАДА, ф.1209, № 827, л.980об.). “Мост” в Ворониче содержался за счет сбора “мостовщины” с Воронича, Выбора и Дубкова, “с посадов и волостей тех пригородов” (РГАДА, ф.1209, № 827, л.980).

Писцовые книги указывают, что “двор наместнич князя Ивана Оболенского” находился “на р.Сороти на берегу, а на дворе хоромы 4 избы” (РГАДА, ф.1209, № 827, л.963, 963об.). Если принять во внимание, что двор наместника был на торгу (РГАДА, ф.1209, № 827, л.980), то из этого следует, что торг выходил к Сороти. Единственное место, соответствующее описанию — это низкая надпойменная площадка на левом берегу р.Сороти к северу от Верхнего посада, на которой С.В.Белецкий зафиксировал культурный слой XV-XVI вв. На плане конца XVIII в. эта территория отмечена буквой “М”.

Сопоставив описание “моста” и расположение двора наместника можно заметить, что Оршанская (Ржевская, Луцкая) дорога соответствует трассе современной проселочной дороги вдоль северной подошвы городищенского холма. Неоднократно упоминаемая Опочецкая (Заклинская, Полянская, Столбушинская, Ржевская) дорога (РГАДА, ф.1209, № 827, л.978об.) соответствует направлению на ур.Коты и д.Луговка.

Писцовые книги 1585-1587 гг. зафиксировали картину полного разорения после Ливонской войны. В 1581 г. посады практически прекратили существование вместе с крепостью. В Ворониче осталось 7 черных дворов и 6 лавочных мест. В разоренных дворах кроме нескольких священнослужителей оставались 14 пушкарей.

Белецкий В.Д. 1977. Археологические работы в заповеднике им.А.С.Пушкина // АСГЭ, № 18, л.

Белецкий С.В. 1980. Отчет о работах 1980 года // Архив ИА РАН, Р-1, № 8200.

Лесман Ю.М. 1994. К хронологии городища “Савкина горка” // Памятники средневековой культуры.

Открытия и версии. СПб.

Псков и его пригороды. 1913 / Сб. Московского архива Министерства юстиции, т.V, М.

Фрагменты жаровни из Порфмий

В 1986 г. при раскопках античного городища Порфмий в восточном Крыму в юго-восточной части поселения (раскоп "Г") были обнаружены два фрагмента керамической подставки или жаровни, украшенной рельефным орнаментом (рис. 1, 1)¹. Оба фрагмента найдены в горелом слое, расчищенном по трассе древнейшей оборонительной стены поселения, относящейся ко второй половине — концу VI в. до н.э.

Глина фрагментов красно-кирпичного цвета, с мелкими блестками слюды. На обоих виден пояс штампованного рельефного орнамента (ширина 3,8 см) из двух фризов: верхний состоит из простой плетенки, нижний — из ломаной линии. Сама жаровня, очевидно, имела цилиндрическую форму (максимальный сохранившийся диаметр — ок. 20 см). Боковые грани имели нёсходящиеся концы; на большем из фрагментов видна часть сквозного отверстия (диаметр 2,3 см), вероятно, служившего для переноски жаровни.

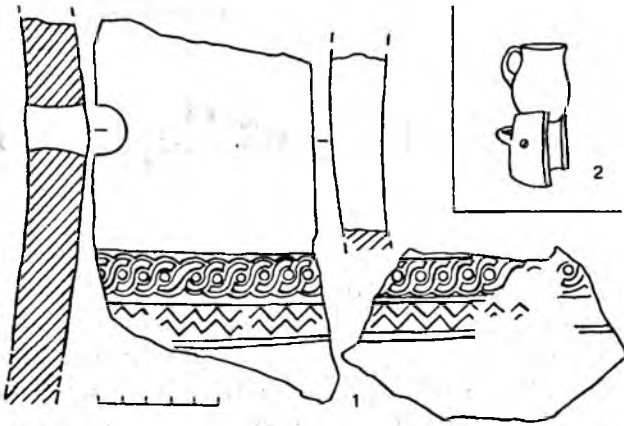
Толстостенная керамика, украшенная поясами штампованного орнамента, была распространена в Греции в позднегеометрическую и архаическую эпохи. Известен целый ряд находок пифосов с поясами такого орнамента, происходящих из раскопок Афин (Brann 1962: pl. 40, n. 606-611), Истрии (Alexandrescu 1978: pl. 69, n. 615), Сифноса (Brock, Mackworth Young 1949: pl. 20), Мелоса, Пароса, Наксоса (Brock, Mackworth Young 1949: pl. 57-58), Родоса (Kinch 1914: pl. 22) и других памятников. Во время раскопок на о. Родос (Врулия) была найдена амфора с поясами орнамента из сложной плетенки, содержащая детское погребение (Kinch 1914: pl. 29, 8). Как правило, все эти находки связаны со слоями и комплексами VIII-VII вв. до н.э. Исследователи справедливо видят сходство орнаментальных мотивов, встречающихся на толстостенной керамике, и декора расписной столовой керамики позднего геометрического и ориентализирующего стилей.

Точных аналогий орнаменту на порфмийских фрагментах пока обнаружить не удалось, хотя мотивы простой и сложной плетенки на толстостенной архаической керамике встречаются достаточно часто. Наиболее близким к декору публикуемых обломков представляется орнаментальный поясик на небольшом фрагменте пифоса, найденный при раскопках Сифноса (Brock, Mackworth Young 1949: pl. 20, 16).

Находки толстостенной кухонной керамики с рельефным орнаментом гораздо более редки. Несколько фрагментов орнаментированных подобным образом кухонных подставок и жаровен разных типов про-

¹ Находятся на временном хранении в ИИМК РАН, инв. № П-86/59 и П-86/94.

Рис. 1 Фрагменты орнаментированной жаровни из Порфмия (1) и реконструкция жаровни из Афинской агоры (по Е.Бранн)

исходит из раскопок Афинской агоры (Brann 1962: pl.40, p.623-627), но все они, за исключением одного образца, относящегося еще к VIII в. до н.э. (Brann 1962: pl.40, p.605), украшены гораздо “беднее”, чем экземпляр из Порфмия. Все фрагменты относятся к архаическому (и иногда к более раннему) времени. О форме порфмийской жаровни или подставки можно судить по одной из этих находок, позволившей предложить убедительную реконструкцию (рис.1,2; см.: Brann 1962: pl.40, p.626).

Для классической эпохи орнаментированные подобным образом глиняные подставки и жаровни не характерны (см., напр.: Sparkles, Talcott 1970: 232-233, pl.97, p.20167-2019), хотя толстостенную керамику продолжали украшать штампованным орнаментом и в V в. до н.э. (Sparkles, Talcott 1970: pl.65,89).

Все вышеизложенное позволяет, на наш взгляд, отнести указанные фрагменты ко времени не позднее VI в. до н.э. Не противоречит этому и археологический контекст находки. Очевидно, орнаментированная жаровня или подставка принадлежала к числу предметов домашнего обихода первых греческих поселенцев Порфмия.

К сожалению, строительных комплексов, связанных с первым, древнейшим этапом жизни этого поселения, пока не обнаружено. Можно предположить, что греческие колонисты селились здесь, как и на других поселениях Боспора, в жилищах земляночного типа (см. напр.: Толстиков 1992: 59-62; Виноградов 1991: 11-19). В одном из таких жилищ, скорей всего, и стояла орнаментированная жаровня, привезенная, возможно, из далекой метрополии.

Виноградов Ю.А. 1991. Ранние комплексы Мирмекии // Вопросы истории и археологии Боспора. Воронеж-Белгород.

Толстиков В.П. 1992. Паггикапей — столица Боспора. Очерки археологии и истории Боспора. М.

Alexandrescu D. 1978. La céramique de l'époque archaïque et classique VII-IV s. // Histria. IV. Bucuresti.

Brann E. 1962. Late Geometric and Protoattic Pottery // Athenian Agora. Vol.8. Princeton.

Brock J.K., Mackworth Young. 1949. Excavations in Siphnos // Annual of British School at Athens. Vol.44.

Kinch K. 1914. Fouilles de Vroulia (Rhodos). Berlin.

Sparkes B.A., Talcott L. 1970. Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th cent.B.C. // Athenian Agora. Vol.12. Princeton.

Средневековая глазурованная керамика Кипра из собрания Эрмитажа

Эрмитажная коллекция средневековой глазурованной кипрской керамики, выполненной в технике сграффито, включает семь сосудов: пять чаш и два кубка на кольцевых ножках. Шесть сосудов были привезены В.Г.Боком из экспедиции 1897-1898 гг. в Средиземноморье (Египет, Афины, Константинополь)¹, а седьмой поступил в Эрмитаж в 1925 г. из бывшего дома-музея графини Шуваловой². Эта небольшая группа глазурованной керамики, представляющая один из самобытнейших центров керамического производства Средиземноморья XIII-XV вв., является, по-существу, единственным в России собранием подобных образцов керамики. Ниже приводятся описания сосудов из эрмитажного собрания.

1. Чаша с изображением мужской фигуры. XIII-XIV вв. (рис.1). Инв.№ ЕГ-366. На низкой кольцевой ножке. Черепок светло-желтого цвета. Внутри по белому ангобу по всей поверхности нанесены зеленые и желтоватые пятна краски (потеки). Снаружи до самой ножки ангоб темно-коричневого цвета. Глазурь прозрачная, бесцветная. *Д.*: 18,5 см. *Н.*: 9 см. *Сохранение*: склеена из десяти кусков, стенка догипсована. Вероятно, три фрагмента стенки не от этой чаши. Внутри следы от подставки для обжига. Чаша в трещинах и шербинах, глазурь потерта. *Пр.*: привезена В.Г.Боком в 1898 г.

2. Чаша. XIII-XIV вв. (рис.2). Инв.№ ЕГ-367. На низкой кольцевой ножке. Черепок бледно-розовый. Внутри чаши — круг, разделенный на восемь секторов, в четырех из которых размещены крупные пальмовые листья на завитковом фоне, в четырех других — темно-зеленые и темно-желтые пятна. Снаружи до самой ножки ангоб темно-зеленого цвета. Глазурь прозрачная, бесцветная. *Д.*: 17,5 см. *Н.*: 8,5 см. *Сохранение*: склеена из тринадцати кусков, догипсован борт. Полива внутри сильно потерта, местами выбита. Чаша в трещинах и шербинах, внутри следы от подставки для обжига. *Пр.*: привезена В.Г.Боком в 1898 г.

¹ Точной записи о приобретении указанных сосудов нет, но известно, что В.Г.Бок отправил из Александрии в Одессу 26 мест груза с экспедиционными материалами, а сам заехал в Афины и Константинополь, откуда также отправил в Одессу по одному месту груза с приобретенными материалами (счета В.Г.Бока, составленные Я.И.Смирновым, хранятся в архиве ГЭ, ф.1, оп.5, 1897, № 34)..

² Поступила в Эрмитаж по акту от 16.04.1925 г. как "Чаша круглая. Кипр".

Рис. 1 Чаша с изображением мужской фигуры. XIII-XIV вв. Инв.№ ЕГ-366.

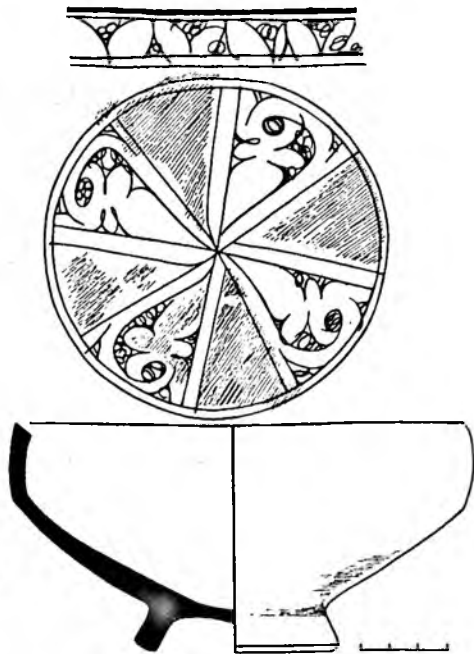

Рис. 2 Чаша. XIII-XIV вв. Инв.№ ЕГ-367.

3. Чаша с изображением новобрачных. XIV в. (рис.3).

Инв.№ ЕГ-365. На высокой кольцевой ножке, расширяющейся книзу. Черепок розовый. Чаша и ножка с обеих сторон покрыты бледно-желтым ангобом. Почти вся внутренняя поверхность и борт снаружи покрыты темно-желтыми и зелеными потечными пятнами. Глазурь прозрачная, бесцветная. *D.*: 14 см. *H.*: 9,5 см. *Сохр.*: склеена из двух кусков, борт догипсован. Внутри следы от подставки для обжига. *Пр.*: привезена В.Г.Бокон в 1898 г.

4. Чаша. XIV-XV вв. (рис.4). Инв.№ ЕГ-364. На высокой кольцевой ножке, расширяющейся книзу. Черепок розовый. Внутри изображение головы и шеи водоплавающей птицы и туловища рыбы (?). С обеих сторон чаша и часть ножки покрыты светлым зеленовато-желтым ангобом. Внутри и снаружи по борту нанесены темно-желтые и зеленые пятна. Глазурь прозрачная. *D.*: 14 см. *H.*: 9 см. *Сохр.*: вышерблен бортик, глазурь сильно потерта, утрачена во многих местах. Внутри следы от подставки для обжига. *Пр.*: привезена В.Г.Бокон в 1898 г.

5. Чаша. XIV-XV вв. (рис.5). Инв.№ ЕГ-873. На высокой кольцевой ножке, расширяющейся книзу. Черепок розовый. Внутри чаши изображение круга с маленьким кружочком в центре и уголками в пяти местах. С обеих сторон поверхность чаши до ножки покрыта светлым ангобом, борт с обеих сторон покрыт редко чередующимися зелеными и желтыми полосами, на дне четыре чередующиеся полосы желтого и зеленого цвета. Глазурь прозрачная. *D.*: 14 см. *H.*: 10,3 см. *Сохр.*:

Рис. 3 Чаша с изображением новобранцев. XIV в. Инв.№ ЕГ-365.

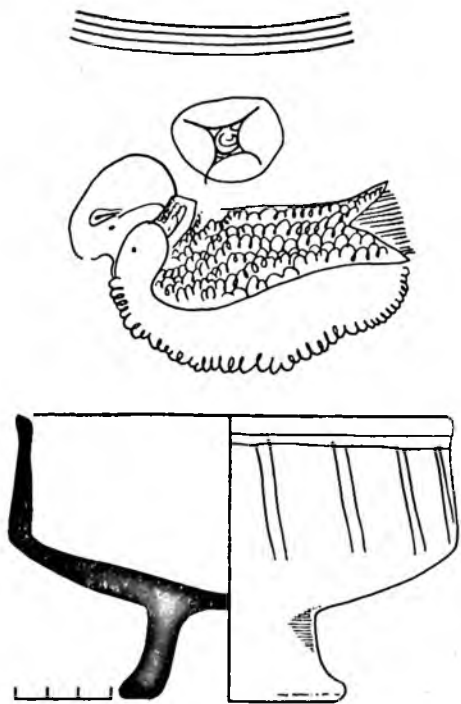

Рис. 4 Чаша. XIV-XV вв. Инв.№ ЕГ-364.

глазурь сильно потерта. На дне следы от подставки для обжига. *Пр.*: поступила в 1925 г. из дома-музея Шуваловых.

6. *Кубок. XV в.* (рис.6). Инв.№ ЕГ-362. На высокой кольцевой ножке, расширяющейся книзу. Черепок розовый. Внутри изображен круг, разделенный на прямоугольники со спиралью внутри. С обеих сторон кубок и часть ножки покрыты белым ангобом. Борт с обеих сторон покрыт зелеными пятнами и темно-желтыми пятнышками, На дне пять чередующихся полос зеленого и желтого цвета. Глазурь прозрачная, блестящая *D.*: 13,8 см. *H.*: 10,8 см. *Сохран.*: трещина на бортике, глазурь сильно потерта. На дне следы от подставки для обжига. *Пр.*: привезен В.Г.Боком в 1898 г.

7. *Кубок. XV в.* (рис.7). Инв.№ ЕГ-363. На высокой ножке, расширяющейся книзу. Черепок красный. На дне, в круге изображение сложного узора. Кубок с обеих сторон до ножки покрыт светлым ангобом. Внутри самый край бортика кубка и весь кубок снаружи покрыт редкими зеленоватыми пятнами с редкими вкраплениями маленьких желтоватых пятен, на дне три цветные полосы желтого и зеленого цвета. Глазурь прозрачная. *D.*: 13,5 см. *H.*: 11,3 см. *Сохран.*: выщерблены бортик и ножка, глазурь сильно потерта. На дне следы от подставки для обжига. Снаружи при обжиге прилип кусок постороннего предмета. *Пр.*: привезен В.Г.Боком в 1898 г.

Интерес к искусству Кипра особенно активизировался в конце XIX в. с приходом к власти на острове англичан. Тогда начался интенсивный вывоз местных памятников искусства в Западную Европу и Америку. В это же время на острове обосновывается т.н. "Британская школа", которая способствовала научным изысканиям и археологическим раскопкам на Кипре, и основанию национального Кипрского музея в Никозии. Обширнейший материал коллекции средневековой глазурованной керамики находящийся в Кипрском музее Никозии поступил туда из разных мест острова и особенно из района города Фамагусты (Taylor, Megaw 1937-1939: 1). В 30-е годы XX в. были произведены археологические раскопки как на самом Кипре, так и в таких центрах керамического производства как Афины, Коринф, Спарта, а также в Палестине и в Сирии, где находили кипрскую средневековую глазурованную керамику. Весь этот мощный поток археологической информации позволил ученым Британской школы Ж. дю Плат-Тейлор и А.Межо в 1937-1939 гг. классифицировать материал, разделив все глазурованные средневековые керамические изделия по технике, декору, форме, текстуре на определенные характерные группы, а затем выстроить из этих групп хронологический ряд (Taylor, Megaw 1937-1939: 1-14, 225-226, Pl.I-IX).

Несмотря на то, что в Западной Европа и Америке этот тип керамики известен и пользуется вниманием специалистов, в отечественной науке к ней почти никто не обращался. Только в 1947 г. Э.К.Кверфельдт воспроизвел один из сосудов нашего собрания (рис.6) и без аргументации атрибуировал его как иранский сосуд XIV в. (Кверфельдт 1947: 37, табл.IV).

Глазурованная керамика с гравированным рисунком изготавливалась на Кипре еще в XII в., когда остров входил в состав Византийской империи. После захвата Кипра крестоносцами, он стал одним из основных торгово-посреднических центров между Западом и Востоком, и оставался им на протяжении XII-XV вв. Период правления крестоносцев стал для Кипра временем становления особой симбиозной культуры, сочетавшей западноевропейские (латинские), восточные и византийские черты. Импорт керамических изделий из Палестины, Сирии и Италии оказал большое влияние на формирование местных особенностей глазурованной керамики с графическим рисунком.

Все семь сосудов эрмитажного собрания относятся к XIII-XV вв. и были изготовлены, вероятнее всего, в мастерских города Фамагусты. Этот город, бывший одно время столицей Кипрского королевства и главным торговым портом Восточного Средиземноморья, являлся одним из основных центров керамического производства на Кипре.

Эрмитажные сосуды имеют полые ножки разной высоты и характерный для кипрских изделий профиль с высоким вертикальным бортом. Такой тип сосудов сформировался в конце XIII в. Внутренняя и внешняя поверхность покрыта прозрачной глазурью. Рисунок в технике сграффито дополнялся подглазурной росписью в виде цветных пятен или полос. Две чаши (рис.1-2) на низких кольцевых ножках имеют одинаковые пропорции и размеры, форма этих чаш близка формам Византийских образцов. На одной из чаш (рис.1) изображена мужская фигура в рост, в коротком плаще и плоском головном уборе. Одежды, напоминающие западноевропейские, появились на Кипре с конца XIII в. (Папаникола-Бакиртзис 1986: 567-575). По обеим сторонам фигуры расположены гирлянды. Подобные элементы декора встречаются как на

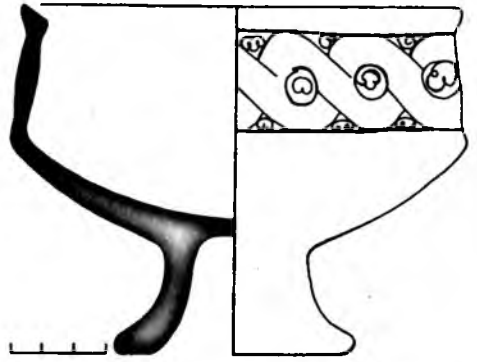
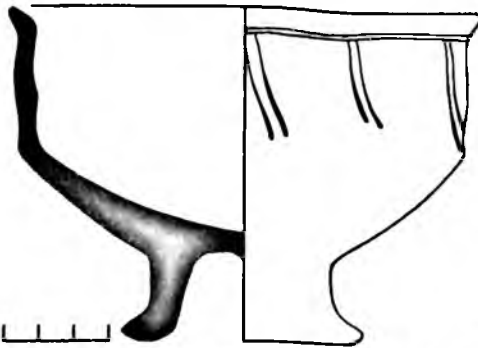
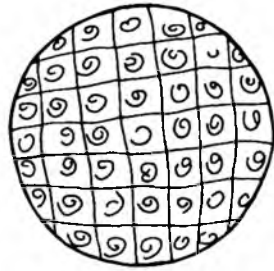
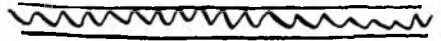
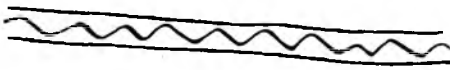

Рис. 5 Чаша. XIV-XV вв. Инв.№ ЕГ-873.

Рис. 6 Кубок. XV в. Инв.№ ЕГ-362.

византийских, так и на ближневосточных керамических изделиях датируемых серединой XIII в., но манера изображения более мягкая и своеобразная, характерная для местных мастерских. Рисунок на другой чаше (рис.2), расположенный в медальоне на дне, разделяет медальон на восемь частей радиальными полосами с чередующимися в них секторами с пальметами. При создании этой чаши мастер использовал элементы сирийского декора, придав, однако, изделию черты, присущие только местным мастерским. Обе чаши представляют собой группу кипрской глазурованной керамики, которая демонстрирует влияние византийских и исламских традиций, но, в тоже время, отражает появление собственного кипрского стиля. Датируются чаши концом XIII — началом XIV вв. (Taylor, Megaw 1937-1939: 6-7).

К периоду наибольшего расцвета керамического производства на Кипре в XIV-XV вв. можно отнести еще две чаши в технике сграффито (рис.3-4). Обе они так же почти одинаковых размеров. Верхняя часть этих сосудов еще напоминает чаши более раннего времени, но удлиненная ножка придает им характерный локальный силуэт. Чаша с изображением новобрачных (рис.3) выполнена на очень высоком художественном и техническом уровне. Композиция из двух слившихся фигур расположена внутри — на дне и стенках чаши. Невеста и жених одеты в одинаковые одежды, только подол короткой (до колена) туники жениха скошен вниз. В руках они держат пальмовые ветви, со стороны невесты изображен цветок, со стороны жениха щит, верхняя

часть тел изображена одним росчерком. Детали орнамента, форма шита, черты лица заимствованы из декора ближневосточной керамики.

Тема новобрачных в декоре керамики Кипра не редкость. Такое событие, как свадьба праздновалась на Кипре очень пышно и обставлялась особым ритуалом (Фамагуста 1990: 23). Вероятно чаши, подобные эрмитажной, предназначались специально для этого события. По известным сохранившимся образцам (кубки, чаши, блюда, тарелки) можно судить о том, что принцип изображения везде одинаков — меняются только орнамент костюмов, атрибуты в руках молодых и декор фона. Художник, изображавший фигуры, пользовался набором уже готовых изобразительных средств, однако он смог создать образ молодой пары полный очаровательного своеобразия. Длинное платье невесты, короткая туника жениха, их головные уборы достаточно конкретны и красноречивы, хотя и лишены мелочной детализации. Сохранившийся изобразительный материал (росписи, иконы, рельефы XIV в.), описания обычаев и традиционных костюмов киприотов, сделанные европейцами, побывавшими на Кипре в XIV в., а также этнографические изыскания современных ученых, позволяют установить, что на Кипре в XIV в., в ходу была одежда, близкая костюму западных баронетов и буржуа. На острове костюмы такого типа носила, как правило, зажиточная часть населения (Папаникола-Бакиртзис 1986: 567-575; Taylor, Megaw 1937-1939: 8; Lane 1938: 53-54; Papanikola-Bakirtzis 1987: 41-43; Enlart 1899).

Помимо сюжетного изображения, внутри чаши (рис.3), по краю вертикальной стенки между двух полос изображен орнамент в виде двух чередующихся букв — “л” и “г”. Подобный орнамент встречается на кипрских чашах XIV-XV вв. (Taylor, Megaw 1937-1939: Pl.4,12). С внешней стороны вертикальной стенки — орнамент в виде шести полос, заштрихованных одной непрекращающейся линией; подобный декор именно на внешней стороне стенки так же встречается на кипрских чашах XIV-XV вв. Пятна интенсивного зеленого и желтого цвета застилают всю поверхность чаши, придавая ей большую живописность и красочность. Форма чаши, умелое расположение композиции, тонкость и изящество рисунка, тщательность в выполнении декора позволяют отнести ее к периоду расцвета гончарного мастерства на Кипре, то есть — к XIV-XV вв. Опираясь на классификацию местных форм глазурованной керамики, предложенную Ж. дю Плет Тейлор и А.Межо, эрмитажную чашу следует датировать скорее XIV в. (Taylor, Megaw 1937-1939: 8, gr.V, Pl.I,19).

На внутренней стороне стенки другой чаши (рис.4) изображены четыре полосы, а с внешней стороны — две горизонтальные полосы с отходящими от них попарно вертикальными. Подобный орнамент имеется на глазурованных кипрских чашах XIV в. (Taylor, Megaw 1937-1939: 8,gr.VI, Pl.VI,18). Внутри чаши, на дне размещена композиция из двух фигур. Первое изображение похоже на свернувшуюся водоплавающую птицу (?) с широким клювом. Фигура птицы схематична и условна: шея, голова, туловище, оперенье птицы изображены при помощи орнамента типа “каракулей”, весь рисунок выполнен в небрежной манере. Над птицей изображен круг, разделенный на четыре части с завитком внутри. Если изображению центральной фигуры аналогий найти пока не удалось, то подобными кругами глазурованные кипрские чаши украшались довольно часто, причем как внутри, так и снаружи. Такой декор типичен для кипрской керамики XIV-XV вв.

(Taylor, Megaw 1937-1939: 8,gr,VI, Pl.VI,10,15,16). Зеленая и желтая гамма цветных пятен, покрывающих поверхность чаши, идентична гамме предыдущего образца. Форма чаши и ножки, тонкий светлый черепок, использование поливы и глазури с обеих сторон, колористическое решение, рисунки выполненные в технике сграффито — все это указывает на XIV в. (Taylor, Megaw 1937-1939: Pl. I,19). Вместе с тем, грубоватый рисунок “каракулями” и упрощенный орнамент на стенках свидетельствуют о несколько более позднем времени чаши, что позволяет расширить хронологические рамки предмета и относить его к т.н. лусиньянскому периоду, то есть — к концу XIV-XV вв.

Чаша из бывшего собрания дома-музея графини Шуваловой (рис.5) изготовлена из тонкой розовой глины. Она с обеих сторон покрыта глазурью (кроме ножки). Внутри чаши в центре изображен большой круг с пятью уголками, обращенными внутрь, и с кружком с крестом внутри. Под бортиком — поясок с волнистой линией; снаружи под бортиком двойная линия от которой спускаются вертикальные линии. С обеих сторон чаша украшена полосами желтого и голубовато-изумрудного цвета. Орнамент и форма этой чаши очень близки чаше (совпадают даже размеры), найденной при раскопках храма Св.Киприана в Мениконе, которую кипрский исследователь А.Папагеоргиу датирует XIV-XV вв. (Папагеоргиу 1964: 233, рис.7). Ж. дю Плет Тейлор и А.Межо связывают подобную керамику с изделиями итальянской майолики, выполненной в технике сграффито³.

Два сосуда из эрмитажного собрания (рис.6-7) имеют высокие вертикальные стенки с более явно выраженными краями с внешней стороны. Полые высокие ножки и своеобразная форма делают их похожими на кубки (Taylor, Megaw 1937-1939: Pl.II,26,28). Один из кубков (рис.6) изготовлен из светло-розовой глины. Поливой покрыта внутренняя и внешняя часть кубка и ножки. Внутри и снаружи кубок

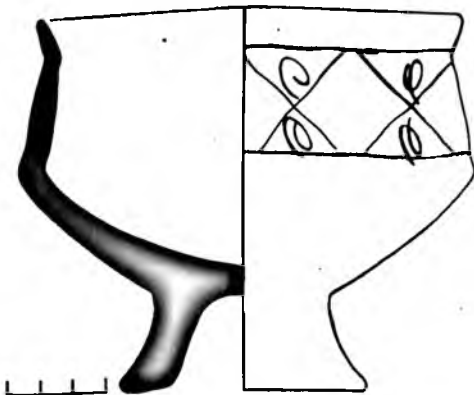
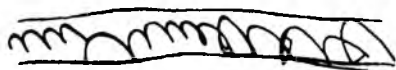

Рис. 7 Кубок. XV в. Инв.№ ЕГ-363.

³ При раскопках в Эпископи подобные изделия находили в могилах, датированных везицианским периодом (Taylor 1934: 83, fig.7; Taylor, Megaw 1937-1939: Pl.VIII,58, XI,15).

украшен орнаментами: на дне — изображение разделенного на квадраты круга со спиральками внутри⁴; с внешней стороны стенки кубка — две переплетающиеся ленты⁵. Форма кубка и орнамент позволяют датировать сосуд концом лусиньянского периода, т.е. — XV в. На это время указывает и прекрасного качества глазурь (Taylor, Megaw 1937-1939: 9, gr.VII).

Второй кубок (рис.7) изготовлен из красной глины. Полива покрывает внутреннюю и внешнюю стороны чаши кубка. Внутри на стенке между двух линий помещено изображение непрерывающихся “каракулей” (Taylor, Megaw 1937-1939: Pl.VIII,52), на дне — изображение, которое не поддается пока точному определению и не находит себе аналогий. Орнамент на внешней стороне стенки кубка идентичен орнаменту изделия, датировку которого Ж. дю Плет Тейлор и А.Межо определяют XV в. (Taylor, Megaw 1937-1939: Pl.VIII,48). Использование красной глины и небрежный грубоватый орнамент свидетельствуют о том, что изделие, вероятнее всего, было изготовлено в период заката керамического производства на Кипре, когда к власти приходят венецианцы и местный рынок наводняется керамическими изделиями из Италии, а местные изделия становятся проще и грубее.

Таким образом небольшая коллекция средневековой глазурованной кипрской керамики включает различные виды изделий. Даже на этом ограниченном материале можно проследить становление и развитие керамического производства на Кипре, зафиксировавшего отголоски симбиозной культуры населения острова с ее византийско-греческой основательностью, грубоватой рыцарской галантностью и восточной “двойственностью”.

-
- Кнерфельдт Э.К. 1947. Керамика Ближнего Востока. Руководство к распознаванию и определению керамических изделий. Л.
- Папагеоргиу А. 1964. Исследования храма святого Киприана в Мениконе // Report of the Department of Antiquities Cyprus (греч.яз.).
- Папаникола-Бакирτζис Д. 1986. Соколы и соколычичи на средневековых поливных кипрских чашах // Труды II Конгресса по истории и искусству Кипра. Т.Б. Ленкозис (греч.яз.).
- Фамагуста. 36 веков цивилизации (1600 г. до н.э. — 1974 г. н.э.). Каталог выставки. Л.
- Lane A. 1938. Medieval finds of Al-Mina in North Syria // Archaeologia. Vol.87.
- Enlart C. 1899. L'art gothique et la Renaissance en Chypre. Paris.
- Papanikola-Bakirtzis D. 1987. The medieval Cyprus as Manifested in the Representations of glazed pottery // Archaeologia, m.24.
- Taylor du Plat J. 1934. Medieval graves in Cyprus // Ars Islamica. Vol.V, pt.1.
- Taylor du Plat J., Megaw A. 1937-1939. Cypriot Medieval Glazed Pottery. Notes for a preliminary classification // Report of the Department of Antiquities Cyprus.

---

4 Подобный орнамент встречается на изделиях как XIV (Фамагуста 1990: 64, № 90), так и XV в. (Taylor, Megaw 1937-1939: Pl.VIII,57).

5 Этот орнамент похож на орнамент, украшавший кубок из Меникона, на котором зафиксированы три переплетающиеся ленты (Папагеоргиу 1964: 233, рис.6).

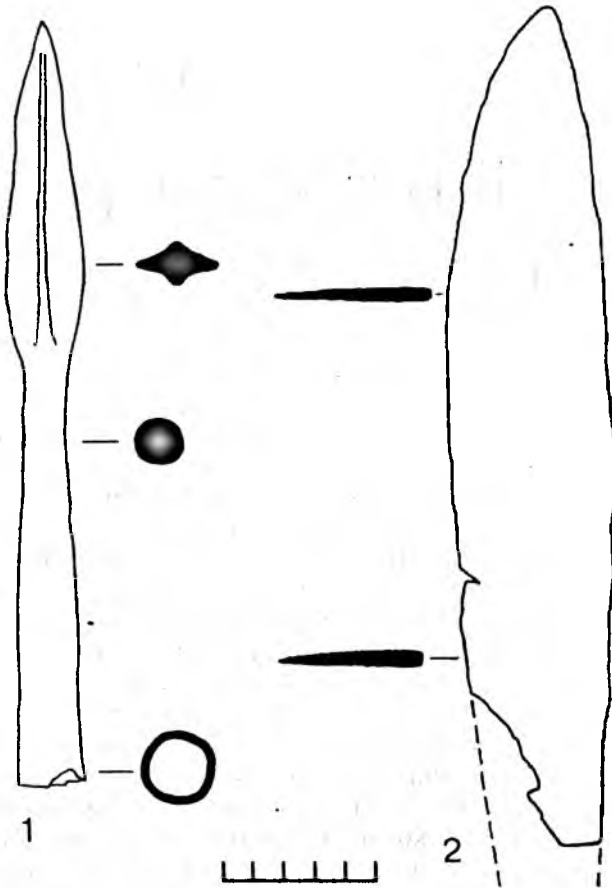
Новые находки оружия на городище Мирмекий

Известно, насколько редки находки античного оружия на памятниках как греческой метрополии, так и в колониях, в том числе и в колониях Северного Причерноморья. По этой причине каждая новая находка подобного рода представляет определенный научный интерес. За последние годы на городище Мирмекий были обнаружены два таких предмета: обломок меча и наконечник копья; обе находки, что следует особенно подчеркнуть, датируются периодом архаики.

Наконечник копья (М/94-52) был обнаружен в полу одного из помещений, входившего в состав крупного наземного здания, которое относится к первой четверти V в. до н.э. (Виноградов 1995: 320). Наконечник находился около лестницы, ведущей из помещения во двор, справа от входящего; острие было направлено вертикально вниз. Скорее всего здесь было воткнуто копьё. Рассматриваемый экземпляр (рис.1.1), по классификации А.И.Мелюковой, относится к первому типу второго отдела — наконечникам с остролиственным пером и узким ребром посередине (Мелюкова 1964: 40). Обращают на себя внимание его сравнительно небольшие размеры (в см): длина — 25, длина пера — 11, ширина пера — 2,5, диаметр втулки — 2,5. Безусловно, этот наконечник относится к легкому метательному копьё. Подобные находки, хотя, все-таки, более крупных размеров, известны в Древней Греции, но относятся они, как правило, к более раннему времени, поскольку обычай класть в могилу оружие исчезает здесь с VIII в. до н.э. (Weber 1944: 152, Taf.59-61; Benton 1953: 345; Snodgrass 1964: 116-117, fig.7,d,e). Весьма схожие и хронологически близкие образцы происходят из некрополей греческих колоний Северного Причерноморья (Скуднава 1960: 66, рис.5; Алексеева, Розанова, Терехова 1994: 172, рис.7,879,882). Сравнивая с ними мирмекийскую находку, необходимо обратить внимание на одно любопытное обстоятельство: обычно длина пера наконечника примерно соответствует длине втулки или даже превосходит ее, в данном же случае она заметно меньше. Объяснить это можно плохой сохранностью острия, разрушившегося от коррозии к моменту открытия, или, что более предпочтительно, возможной его поломкой, что и привело к столь необычному (вторичному) использованию копья.

Обломок греческого однолезвийного меча (М/84-222) был обнаружен в заполнении полуземлянки, засыпанной в самом начале V в. до н.э. (Виноградов 1986: 222). Находка, соответственно, может быть датирована концом VI — началом V вв. до н.э. Клинок (рис.1,2) сравнительно слабо корродирован; длина обломка — 28 см, наибольшая ширина — 5,5 см. По направлению к острию и рукояти ширина

Рис 1 Наконечник копья
(1) и обломок махайры
(2) из Мирмекия.

клинка уменьшается, в месте излома она составляет 4,5 см. В поперечном разрезе лезвие имеет форму сильно вытянутого равнобедренного треугольника. Ширина спинки — 0,6 см.

Сравнивая данный предмет с изображениями греческих мечей на аттических расписных вазах (Блаватский 1953: 184; Pfuhl 1923: Taf.111, № 378; 123, №395; 138, №419; 189, №505; 192, №508a; Boardman 1975: Fig.135,186,280,303), предметах торевтики (Roux 1964) и, разумеется, с известными археологическими находками подобного рода (Remouchamps 1926: 60-63; Connolly 1981: 63), можно заключить, что обломок относится к типу меча, который в отечественной литературе именуется махайрой, а в западной — махайрой или кописом (Oakeshot 1960: 49; Snodgrass 1964: 100; Connolly 1981: 63). Известные в Древней Греции большие ножи-секачи, использовавшиеся при разделке туш, имели несколько другую форму — более широкое массивное лезвие и прямую спинку (Remouchamps 1926: 63-64). По существу, они представляли собой увеличенные экземпляры обычных ножей, которые не имели типичного для махайр изгиба спинки, а также большего или меньшего, но всегда присутствующего сужения лезвия к рукояти (Гайдукевич 1952: 215, рис.140; Robison 1941: 335, 337, pl.CI, № 1595, 1600). Правда, высказывалось мнение, что подобные большие ножи могли использоваться как хозяйственный инструмент и как боевое оружие (Petrie 1917: 22), однако это уже не имеет отношения к собственно махайрам.

Данный тип однолезвийного рубящего меча появился в Древней Греции, как принято считать, в конце VI — начале V вв. до н.э. (Remouchamps 1926: 60; Hoffmeyer 1972: 31; Connolly 1981: 63). Наибольшей популярностью махайра пользовалась, очевидно, в первой половине V в. до н.э., но известны и более поздние образцы (Сокольский 1954: 131, 132 сл., табл.1,7; Remouchamps 1926: 62; Choremis 1980: 16, fig.9). Мирмекийская находка, если следовать существующим представлениям о хронологии мечей подобного рода, относится к самым ранним из них, и этот факт следует признать весьма важным для изучения военного дела греческих колоний Северного Причерноморья. Данный тип вооружения появился практически синхронно и в метрополии, и на периферии античного мира.

Любопытно, что подобная находка была зафиксирована в Ольвии. Обломок клинка махайры происходит из землянки, датирующей рубежом третьей и последней четвертей VI в. до н.э. (Русяева, Черненко 1980: 102, рис.4). Авторы публикации, А.С.Русяева и Е.В.Черненко, с полным основанием назвали его уникальным, поскольку он является весьма ранним, если даже не самым ранним в античном мире. По своим параметрам этот экземпляр почти не отличается от мирмекийской находки: наибольшая ширина — 5 см, ширина спинки — 0.9 см.

Н.И.Сокольский считал махайру наиболее распространенным типом меча на Боспоре (Сокольский 1954: 134, 136). Однако, это не совсем верно. Частью рукояти махайры, возможно, является железный богато украшенный предмет в виде головки грифона из третьего Семибратнего кургана (Артамонов 1966: 38, табл.137; Черненко 1973: 70-71, рис.4). Более поздний, но бесспорный образец меча такого типа происходит из гробницы, открытой А.Б.Апшиком в 1834 г. около дороги на Карантин под Керчью (ДБК: СXLVIII, атлас, С.5; Сокольский 1954: 131, табл.1,7). Все остальные находки мечей, которые Н.И.Сокольский считал махайрами, как справедливо отмечают А.С.Русяева и Е.В.Черненко, таковыми не являются (Русяева, Черненко 1980: 102). Если судить по прочим синхронным или близким по времени публикуемому обломку находкам мечей на Боспоре, можно признать преобладание не махайр и даже вообще не мечей греческих типов, а местных, типологически близких мечам варварского населения Северного Причерноморья и Прикубанья.

В этом отношении правомерной представляется гипотеза Е.В.Черненко о значительном скифском влиянии на военное дело и вооружение греческих государств Северного Причерноморья. Это влияние, по его мнению, выразилось в принятии греками скифских образцов оружия и вооружения уже на самых ранних этапах развития местных апойкий (Черненко 1979: 185). Безусловная специфичность северопричерноморских условий, конечно, могла привести к весьма существенным и сравнительно быстрым изменениям в военном деле греческих государств региона. Вместе с тем, эти изменения нельзя рассматривать как абсолютные и всеохватывающие. Археологические материалы в плане затронутой проблемы позволяют обрисовать очень своеобразную и, надо сказать, неожиданную картину.

Акцентируем внимание на одной особенности, связанной с распространением находок мечей на типологически различных античных памятниках Северного Причерноморья VI-V вв. до н.э. Как представляется, характер этих находок заметно различается на поселениях и некрополях. На городище Ольвия был обнаружен обломок махайры (Русяева, Чер-

ненко 1980: 100-102), и несколько обломков ножен ксифосов (Черненко 1977: 120 сл.; 1984: 174 сл.), а в ольвийском некрополе безусловно доминируют находки мечей скифских типов (Скуднава 1960: 60 сл.; Козуб 1974: 110 сл.). Что касается поселений ольвийской сельскохозяйственной округи, то лишь на Козырке-2 зафиксирована находка клинка махайры (Доманский, Марченко 1980: 37, рис.13,21), но ни здесь, ни на других многочисленных памятниках какие-либо образцы мечей местных типов пока не известны.

На городище Мирмекий обнаружен публикуемый фрагмент махайры, а в могиле первой четверти V в. до н.э. — меч местного варварского облика (Гайдукевич 1952: 214 сл., рис.140). В ранних захоронениях некрополя Нимфея представлены только мечи-акинаки (Грач 1981: 262). Некоторым диссонансом изложенному служит факт наличия обломков мечей местных типов в слое пожара в Фанагории, но он находит логичное объяснение в военных столкновениях между греками и варварами, которые имели место здесь в это время (Кобылина 1983: 53). Некрополи городов азиатского Боспора опять же демонстрируют практически абсолютное преобладание мечей местных типов (Сорокина 1957: 21; Гайдукевич 1959: 160, рис.4,1; Коровина 1987: 9, рис.6; Алексеева 1990: 22, рис.2,4,6,9; 1991: 114,116,121,136 табл.41,4, 43,10, 48,7, 63,13,15,16; Алексеева, Розанова, Терехова 1994: 174, рис.7,878,1907).

Исходя из сказанного, можно сделать предварительное заключение о преобладании в некрополях греческих государств Северного Причерноморья VI-V вв. до н.э. форм мечей близких скифским акинакам, а среди немногочисленных находок на поселениях — греческих мечей. Если эти наблюдения верны, то они, на мой взгляд, заслуживают самого пристального внимания. Показательно и то, что при раскопках Ольвийского городища был обнаружен фрагмент такого специфически греческого предмета вооружения как круглый щит гоплита, который датируется второй половиной VI в. до н.э. (Русяева, Назаров 1994: 47). К сожалению, не известны обстоятельства находки в Ольвии бронзового шлема аттического типа (ОАК 1908: 78, рис.64-66; Рабинович 1941: 134, рис.12,а,б). В общем, если судить по находкам оружия на поселениях, можно согласиться с В.Д.Блаватским в том, что в колониях Северного Причерноморья было распространено вооружение характерное для метрополии (Блаватский 1954: 74,85), а вот по материалам некрополей рисуется совсем другая картина.

Конечно, нельзя полностью исключать того, что некоторые находки негреческого оружия на греческих поселениях плохо фиксируются, не упоминаются в публикациях и т.п. Возможно также и то, что среди обломков мечей бывает трудно установить принадлежность к мечам именно варварских типов, — небольшие обломки клинков ксифосов и акинаков, вероятнее всего, мало отличаются между собой. Однако, даже если это суждение имеет под собой какую-то реальную основу, оно все-таки не может поставить под сомнение объективность указанной выше дихотомии, при объяснении которой возникает серия трудноразрешимых вопросов.

Во-первых, можно предположить, что греки Северного Причерноморья, в основном, сохранили набор своего отечественного оружия, и находки античных мечей на поселениях, как будто, это подтверждают. Обычай класть оружие в могилу, как известно, был чужд для греческой погребальной обрядности рассматриваемого времени в метрополии (Ка-

станаян 1959: 269, 294; Boardman, Kurtz 1971: 75). Возможно, он не изменился и в Северном Причерноморье. Но в таком случае все погребения с оружием в некрополях греческих государств региона следует автоматически признать варварскими. Понятно, что при такой интерпретации гипотеза Е.В.Черненко о принятии греками местных образцов вооружения уже на раннем этапе существования колоний в значительной степени лишается фактологической базы. Действительно, если акинаками вооружались не греки, а выходы из местной среды, то об особом скифском влиянии на военное дело греческих апойкий в этом аспекте вряд ли уместно говорить.

При такой постановке проблемы, правда, возникает несколько вопросов, так сказать, теоретического и практического характера. Первые связаны с пониманием реального положения массы вооруженного варварского населения в социальной структуре греческих государств. Вторые же могут быть сведены к следующему: если выходцы из местной среды, вооруженные в соответствии со своими традициями, постоянно проживали на греческих поселениях, то почему находки мечей местных типов, в общем, на них не представлены. Обозначенное противоречие частично снимается при второй вероятной интерпретации: не исключено, что предпочитая мечи греческих типов, колонисты все-таки использовали и местное оружие, при этом лишь последнее они считали возможным помещать в могилы. Если появление этого обычая рассматривать как результат варварского влияния на культуру античных центров региона, то, возможно, именно варварское оружие рассматривалось греками как наиболее приемлемое в этом отношении. Это могло быть трофейное оружие, захваченное во время военных столкновений с туземцами, или же оружие, изготовленное в греческих центрах по местным образцам. Считается, что такое производство было налажено очень быстро (Марченко 1971: 146 сл.; Черненко 1979: 185).

Наконец, допустим и третий подход. С.Венкл, изучивший особенности распространения находок оружия на различных типах археологических памятников, считает, что в могилы попадало оружие, которое можно назвать наиболее употребимым в данном обществе, тогда как на поселениях встречаются весьма редкие, узкоспециализированные типы (Venci 1984: 126). При таком подходе следует признать, что в греческих государствах Северного Причерноморья, в основном, применялись мечи местных типов, а греческие ксифосы и махайры использовались в меньшей степени, возможно, даже эпизодически, что, как можно видеть, контрастирует с основными посылками первого подхода. В общем, подчеркивая теоретическую значимость разработки С.Венкла, приходится констатировать, что безусловное следование его установкам на материалах античных памятников северного берега Понта приводит к выводам неожиданным и, на мой взгляд, вряд ли исторически оправданным.

Резюмируя изложенное, следует признать, что отмеченная выше дихотомия в распределении находок оружия на греческих памятников Северного Причерноморья VI-V вв. до н.э. пока не имеет однозначного удовлетворительного объяснения. В какой степени этническая неоднородность населения северопричерноморских колоний сказалась на характере их военного дела, пока еще сказать трудно. Сугубо предположительно можно предположить, что решение проблемы находится где-то между первым и вторым из обозначенных подходов, однако, не исключено, что в будущем могут появиться новые, более обоснованные трактовки.

- Алексеева Е.М. 1990. Раннее поселение на месте Анапы // КСИА. № 197.
- Алексеева Е.М. 1991. Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. М.
- Алексеева Е.М., Розанова Л.С., Терехова Н.Н. 1994. Горгииния: продукция железодельного и железобработывающего ремесла // РА. № 3.
- Артамонов М.И. 1966. Сокровища скифских курганов. Прага-Ленинград.
- Блазатский В.Д. 1953. История античной расписной керамики. М.
- Блазатский В.Д. 1954. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М.
- Виноградов Ю.А. 1986. Работы Мирмекийского отряда // АО-1984. М.
- Виноградов Ю.А. 1995. Работы на городище Мирмекий // АО-1994. М.
- Гайдукевич В.Ф. 1952. Раскопки Мирмекии в 1935-1938 гг. // МИА. № 25.
- Гайдукевич В.Ф. 1959. Некрополи некоторых боспорских городов // МИА. № 69.
- Грач Н.Л. 1981. К характеристике этнического состава населения Нимфеи в VI-V вв. до н.э. // Демографическая ситуация в Причерноморье в период великой греческой колонизации. Тбилиси.
- Доманский Я.В., Марченко К.К. 1980. Поселение ольвийской хоры Козырка-2 // АСГЭ. № 21.
- Кастанаян Е.Г. 1959. Грунтовые некрополи боспорских городов VI-V вв. до н.э. и местные их особенности // МИА. № 69.
- Кобылина М.М. 1983. Страницы ранней истории Фанагории // СА. № 2.
- Козуб Ю.И. 1974. Некрополь Ольвии V-IV ст. до н.э. Киев.
- Коровина А.К. 1987. Раскопки некрополя Тирамбы // Сообщ. ГМИИ. № 8.
- Марченко И.Д. 1971. Позднесарматская мастерская оружейника в Паптикаесе // СА. № 2.
- Мелюкова А.И. 1964. Вооружение скифов // САИ. Д1-4.
- Рабинович Б.З. 1941. Шлемы скифского периода // Труды ОИПК. № 1.
- Русева А.С., Назаров В.В. 1994. Фрагмент щита из Ольвии // ВДИ. № 1.
- Русева А.С., Черненко Е.В. 1980. Новые находки оружия из Ольвии // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев.
- Скуднова В.М. 1960. Погребения с оружием из архаического некрополя Ольвии // ЗОАО. № 1 (34).
- Соколовский Н.И. 1954. Боспорские мечи // МИА. № 33.
- Сорокина Н.П. 1954. Тузлинский некрополь // Труды ГИМ. № 26.
- Черненко Е.В. 1973. Оружие из Семибратних курганов // Скифские древности. Киев.
- Черненко Е.В. 1977. Ножны греческого меча из Ольвии // Скифы и сарматы. Киев.
- Черненко Е.В. 1979. О влиянии военного дела скифов на военное дело античных колоний Северного Причерноморья // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси.
- Черненко Е.В. 1984. Деталь ножен ксифоса из Ольвии // Античная культура Северного Причерноморья. Киев.
- Benton S. 1953. Further excavations at Aetos // BSA. 48.
- Boardman J. 1975. Athenian red figure vases. The Archaic Period. London.
- Boardman J., Kurtz D.C. 1971. Greek burial customs. Thames and Hudson.
- Choremis A. 1980. Metallic armour from a tomb at Prodromi in Thesprotia // Athens annals of archaeology. XIII.
- Connolly A. 1981. Greece and Rome at War. (L.).
- Hoffmeyer A.V. 1972. Arms and armour in Spain. Vol.I. Madrid.
- Oakeshott R.E. 1960. The archaeology of weapons. Arms and armour from prehistory to the age of chivalry. London.
- Petrie F.W.M. 1917. Tools and weapons. London.
- Pfuhl E. 1923. Malerei und Zeichnung der Griechen. Bd.III. München.
- Remouchamps A.E. 1926. Griechische Dolch und Schwertformen. Beitrag zur Chronologie der europäischen Bronzezeit // Oudheidkundige Mededeelingen. VII.
- Robinson D.M. 1941. Excavations at Olynthus. Part X. Metal and miscellaneous finds. Baltimore.
- Roux G. 1964. Meurtre dans sanctuaire sur l'amphore de Panagurišitë // Antike Kunst. VIII/1.
- Snodgrass A. 1964. Early greek armour and weapons. Edinburgh.
- Venci S. 1984. War and warfare in archaeology // Journal of anthropological archaeology. Vol.3/2.
- Weber H. 1944. Angriffswaffen // Olympische Forschungen. Bd.I.

Петербургская мечеть

(к истории строительства)

В истории строительства на Петербургской стороне у Троицкой площади Соборной мечети — выдающегося памятника архитектуры северного модерна — долгие годы оставалось невыясненным загадочное сочетание дат, начертанных на главном портале: 23 февраля 1910 — 30 апреля 1920. Первая дата относится к официальной церемонии закладки здания. А вторая? Она противоречит времени первого богослужения (в конце февраля 1913 г.), приуроченного к празднованию 300-летия Дома Романовых и принятому в нашей литературе как время завершения строительства. Таким образом, историки Петербурга считают, что Мечеть построили за три, в лучшем случае — четыре года (Памятники 1975: 468; Архитекторы-строители 1982: 31,45,80; Аминов 1991¹; Кириков 1995: 181-184²; Архитекторы-строители 1996: 69; Коренцвит 1972), а даты на портале увеличивают время строительства до десяти лет. Неизвестный до 1995 г. корпус документов Мечети из коллекции научного архива Государственного музея истории религии Российской Академии наук, помог разобраться с хронологическими загадками памятника³. Эти документы возвращают нас к церемонии закладки, приуроченной к 25-летию правления Абдул-Ахат-хана, Эмира Бухарского. Его деятельному участию, высокой культуре, безусловному вкусу мы обязаны появлению в северной столице сооружения, построенного по правилам золотого сечения и наполненного аскетичной духовностью искусства ислама. Геометрическая строгость и монументальность объема здания усилена глубоким насыщенным тоном гранитной облицовки, напоминающей циклопическую кладку стен дворцов восточных монархов. В светлое северное небо ликующим аккордом голубых свеч вознеслись минареты. Сияние бирюзы майоликовой облицовки сфероконического купола гармонировало с восточным многоцветьем ковровых композиций порталов, обогащенных великолепной изысканностью арабского письма сур из Корана (рис.1-3).

---

1 По-видимому, этому же автору принадлежит брошюра "Минареты над невой", анонимно изданная в конце 1980-х годов.

2 Автор впервые ввел в научный оборот даты «1909-1920», никак не объясняя, что же именно происходило между 1913 и 1920 гг.

3 За любезно предоставленную мне возможность ознакомиться с материалами архива Мечети, хранящимися в ГМИР РАН выражаю глубокую благодарность директору ГМИР С.А.Кучинскому и старшему научному сотруднику отдела Востока, кандидату исторических наук Т.А.Стецкевич.

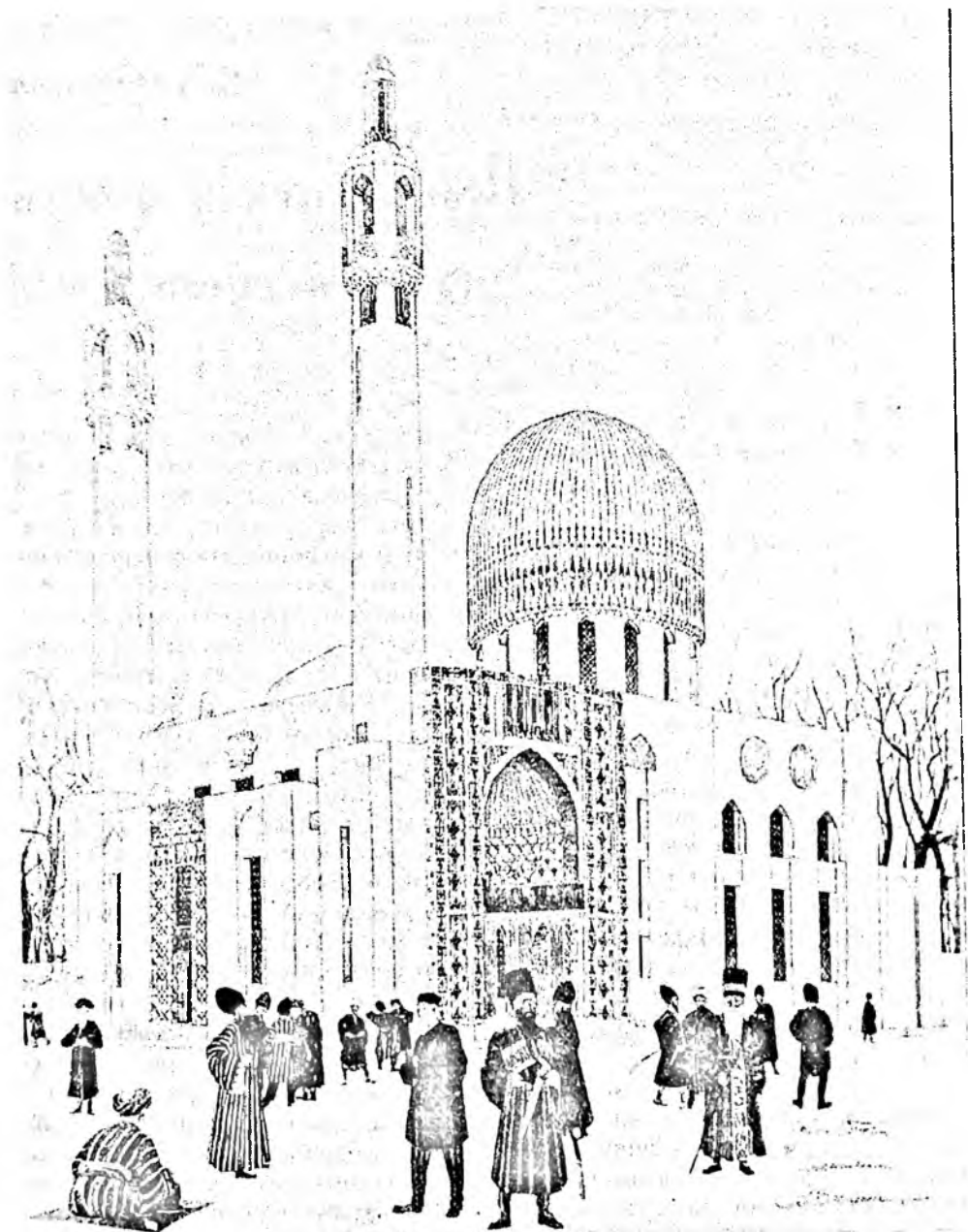

Рис. 1 Проект Соборной Мечети в С-Петербурге. Академик архитектуры А.И. фон Гоген, художник-архитектор, гражданский инженер В.В.Васильев, гражданский инженер С.С.Кричинский. Воспроизведен в «Ежегоднике Общества архитекторов-художников», вып.6, 1911, с.35.

Строительству Соборной Мечети — историческому событию в жизни мусульманской общины Петербурга, которая насчитывала к тому времени более 8 тыс.чел. — предшествовало завоевание в 1864-1873 гг. Средней Азии, становление Великого хлопкового пути, в котором была кровно заинтересована текстильная промышленность пореформенной России, но одновременно возник и научный, исследовательский интерес к культуре Востока, его вклада в развитие мировой цивилиза-

ции. На кафедре истории Востока Санкт-Петербургского университета под руководством В.В.Григорьева были созданы условия для систематического изучения истории Золотой Орды, Туркестана, Хивинского ханства. В ноябре 1884 г. университет совместно с Археографической комиссией отправил в Среднюю Азию доцента кафедры Н.И.Веселовского, который провел там около года: ученый открыл среднеазиатские памятники античной эпохи, но одновременно стал и первым исследователем самаркандского средневекового зодчества. Работа завершилась в 1905 г. изданием первого выпуска атласа “Мечети Самарканда”, и с этого времени грандиозные сооружения эпохи Тимура-Тамерлана заняли в истории мировой культуры место, аналогичное памятникам мусульманской архитектуры Испании (Лебедев 1992: 194). Важность этих работ для петербургской культуры “серебряного века”, их общественный резонанс трудно переоценить. Может быть, есть отдаленное сходство с тем римским периодом, когда архитекторы в середине XVIII в. превратились в археологов, и перед ними открылся скрытый континент античности, который стал основой для развития классицизма в Англии, Франции, Германии, России. Так и архитектура Востока внесла в европейские города, словно сухой и горячий ветер пустыни, повышенную одухотворенность и монументальность, изысканность орнамента, напряженность духовной жизни человека.

Бухарское ханство в результате военных и политических действий 1864-1873 гг. потеряло Самарканд, но как Хивинское и Коканд по отношению к туркестанскому генерал-губернатору сохраняло самостоятельность. Сыновья Эмира Бухарского, как и хана Хивы, и дети Шамиля, воспитывались в Петербурге, где их не хотелось бы называть заложниками: они получили блестящее воспитание и образование, были окружены почетом и уважением, а дружба, возникшая еще между подростками, великим князем, наследником престола Николаем Александровичем, и сыном Эмира Бухарского стала залогом благополучного завершения организационного периода строительства Соборной Мечети Санкт-Петербурга.

Комитет по постройке был сформирован собранием прихожан 5 ноября 1905 г. и утвержден министром внутренних дел П.Г.Столыпиным в январе 1906 г. (РГИА, ф.821, оп.133, д.554; оп.8, д.717,719). Он состоял из 20 мусульман, видных государственных, общественных, военных деятелей, купцов и домовладельцев. Организатором Комитета был писатель и публицист, доктор богословия, Ахун второго Санкт-Петербургского мусульманского прихода А.Баязитов (1874-1911), редактор и издатель первой в России мусульманской газеты “Нур”. Председателем Комитета был избран полковник Абдул-Азиз Давлетшин. Комитет получил право на сбор средств в сумме до 750.000 руб. в течение десяти лет на всей территории Российской империи.

Комитет приобрел участок в четвертом квартале Петербургской части на углу Кронверкского пр. и Конного пер. № 9/1, принадлежавший инженеру И.Долоцкому. Однако для размещения Мечети одного участка оказалось недостаточно. Михраб — священная ниша, перед которой стоят верующие — должна быть обращена в сторону Мекки, т.е. на юг, в данном случае — к заднему фасаду дома на соседнем участке. Кроме того, в Мечеть нельзя войти, не совершив особого ритуала омовения, для которого необходимо обособленное здание. 17 ноября 1907 г. Комитет получил разрешение на приобретение смежного участка по Кронверкскому пр. № 7 (ЦГИА СПб, ф.513, оп.136, д.259).

На участке с деревянной застройкой был сохранен двухэтажный флигель, где разместились мастерские архитекторов, строительная контора, приемные комнаты Комитета по строительству, а часть сохранившихся квартир, как при прежних владельцах, сдавалась внаем (деньги перечислялись в банк и использовались на строительство Мечети).

Необходимая на приобретение земельных участков сумма — 312.000 руб., была предоставлена Комитету по строительству Эмиром Бухарским. Под патронажем Эмира был проведен архитектурный конкурс, а в дальнейшем велись все проектные и строительные работы. Специально подготовленные Ахуном Баязитовым рекомендации для конкурса (доклад его в Обществе архитекторов назывался “О постройке мечети в Петербурге”) были учтены при разработке его программы: наличие в мечети двух ярусов хор, строгость внутреннего убранства, устройство в подвальном помещении дополнительного зала для верующих на время проведения ежегодных общемусульманских праздников.

Для разработки программы конкурса на эскизный проект мечети Обществом архитекторов была избрана особая Комиссия в составе академиков архитектуры А.Н.Померанцева, Л.Н.Бенуа, А.И.фон Гогена, архитекторов Ф.И.Лидваля, А.И.Дмитриева и секретаря комиссии С.В.Беляева. Они составили комиссию судей, куда вошли также три представителя Комитета по постройке, причем один из них — из числа действительных членов Общества Архитекторов. В опубликованной журналом “Зодчий” при объявлении об открытии конкурса программе отмечалось: при проектировании использовать восточный стиль, для облицовки мечети использовать естественный камень, завершение мечети — купол, количество минаретов — от одного до двух, в последнем случае допускалась их разновысотность. В соответствии с требованиями ислама, михраб — священная ниша, должна быть обращена на юг, в сторону Мекки; в декоративном убранстве не допускалось изображение живых существ.

Из других условий отметим следующие:

- стоимость здания — 500.000 руб.
- общий объем — 2.500 саж.
- полезная площадь центрального зала — не менее 200 м²., такой же площади хоры и зал подвального этажа.

В соответствии с градостроительными задачами — формирование красной линии уличной застройки — мечеть рекомендовалось разместить с максимальным приближением к Кронверкскому проспекту.

Конкурс заканчивался 28 января 1908 г. Все проекты представлялись под девизами с приложением специальных конвертов с указанием в них авторов. Победителям конкурса назначались четыре премии из общей суммы в 3.000 руб (“Зодчий”, 1907, № 45: 467-468). Итоги конкурса были подведены 11 марта 1908 г. Он стал одним из самых представительных в истории Императорского Санкт-Петербургского Общества архитекторов: всего было рассмотрено сорок пять проектов, первые три премии получили работы известных петербургских зодчих Н.В.Васильева, М.С.Лялевича, М.М.Перетятковича; вторую премию получил проект Н.В.Васильева, представленный под девизом “Арабески” (Краткий цифровой отчет 1908). Несколько проектов Комиссией судей были рекомендованы Комитету по строительству к приобретению: “2596,75”, “Самарканд”, “Джами” (авторы не установлены) и “Тимур” Я.Г.Гевирца. Соответственно программе конкурса все премированные проекты были ориентированы на использование характерных особенно-

стей средневековых памятников мусульманского зодчества — мавзолея Гур-Эмир в Самарканде (Н.В.Васильев), мечеть Селима в Адрианополе (М.С.Лялевич), мечеть Шахи-Зинда в Самарканде (М.М.Перетяткович) (“Зодчий”, 1908, № 15: 135-136⁴). Для строительства Комиссией судей был рекомендован проект Н.В.Васильева, представленный под девизом “Тимур”. Его отличительная особенность — предложение автора использовать для облицовки стен блоки гранита, в отделке куполов мечети, минаретов, порталов применить майолику, промышленное производство которой началось к 1906 г. в керамической мастерской “Гельдвейн-Ваулин”, расположенной в Кикерино под Гатчиной (ныне — керамический завод “Горн”) на богатых месторождениях синей кембрийской глины (Литвинова 1976: 40). Чтобы исключить произвольность в создании майоликовой декорации, руководитель мастерской, выдающийся художник-керамист П.К.Ваулин командировал в Туркестан художника П.М.Максимова. В результате в Кикеринских мастерских был воссоздан способ изготовления средневековой резной майолики, что способствовало точному в стилистическом отношении следованию прообразу, воспроизведению колорита и духа восточного искусства, расширению опыта в художественной обработке материала (Фролов 1993: 87).

К доработке проекта Н.В.Васильев привлек своих коллег, А.И.фон Гогена, чей высокий авторитет как в профессиональных, так и в правительственных кругах был настоятельно необходим для решения практических и административных вопросов, и архитектора С.С.Кричинского, члена мусульманской общины (предки его — выходцы из польских татар), что для членов Строительного комитета имело принципиальное значение, как и его большой опыт ведения строительных работ.

При детальной проработке проекта Соборной мечети авторским коллективом во главе с Н.В.Васильевым в объемно-пространственной композиции были структурно объединены оба премированных проекта Н.В.Васильева (рис.4-7): решение плана, трактовка основного массива и продольного фасада намечены вариантом “Арабески”. Форма купола и портала, а также минаретов, перемещенных в переулок, общий “самаркандский” характер мечети были предопределены вариантом “Тимур”. Кроме того, объем парадного вестибюля с фланкирующими его минаретами с главного, западного фасада переместили на северный (это увеличило длину здания с 38 до 47,5 м), а минареты расположились по обе стороны входа для женщин. Прихожанкам предназначались хоры (женский балкон), расположенные над вестибюлем на втором этаже, а устройство хор с балконами на третьем этаже позволило отказаться от дополнительного зала для богослужения в полуподвальном этаже здания. (ЦГИА СПб, ф.513, оп.102, д.7956).

Проект мечети и заявка о выдаче разрешения на производство работы были представлены А.И.фон Гогеном в Городскую управу 14 декабря 1908 г. (ЦГИА СПб, ф.513, оп.136, д.259). 3 апреля 1909 г. С.С.Кричинскому было выдано свидетельство на ведение подготовительных работ — разборку деревянных строений, установку забора. Но одновременно, в апреле 1909 г. проект мечети был направлен на экспертизу в Императорскую Академию художеств. В целом проект

---

4 Проекты опубликованы в Приложении к журналу “Зодчий” (1908, XXXVII, л. 6-1.; см.: Лисовский 1975: 42-44).

был одобрен, однако категорическое возражения вызвало избранное для строительства место на Кронверском проспекте, вблизи церкви Св.Троицы – первого из православных Храмов С.-Петербурга, поблизости от Домика Петра Великого; эксперты усмотрели в создании здесь монументального нового сооружения угрозу нарушения исторической целостности старейшей части Санкт-Петербурга.

В градостроительной ситуации первого десятилетия XX в. это заключение было оправданным: миниатюрность Домика Петра I, деревянной Троицкой церкви, только что построенного изящного особняка Кшесинской делали монументальность Мечети демонстративно вызывающей: она становилась центром ансамбля, ее минареты и голубой купол были сопоставимы лишь с сиянием золотого шпиля Петропавловского собора. Как отмечала, освещая визит духовенства и членов мусульманской фракции Государственной Думы к председателю Совета Министров, газета “Речь”, находя основательными замечания Академии, П.Г.Столыпин не считал, однако, возможным “взять обратно уже данное разрешение” (“Речь”, 1909, № 188 от 12 июля). 8 июля 1909 г. градоначальник К.И.Драчевский уведомил Комитет по строительству о завершении рассмотрения проекта во всех инстанциях, констатируя, что “рассмотрев проект, а равно и отзыв Императорской Академии художеств нашел, что в художественном отношении к постройке мечети по представленному проекту препятствий не встречается. В техническом же отношении со стороны Техничко-строительного комитета также не встречается препятствий, но с тем, чтобы до приступа к работам, размеры всех конструктивных частей были проверены надлежащими расчетами. Что же касается проектов фасадов мечети, то таковые по Всеподданнейшему докладу Министра внутренних дел 27 июня сего года удостоились Высочайшего Его Императорского Величества утверждения” (РГИА, ф.1293, оп.105, д.37).

В течение июля – ноября 1909 г. были выполнены работы “нулевого” цикла – открыт и забутован котлован, подведены свайные основания под столбы центрального зала и под минареты, выполнены ленточные фундаменты. Общая стоимость работ – 28.734 руб. 64 коп. В это же время (до 1 января 1910 г.) Н.В.Васильеву, А.И. фон Гогену и С.С.Кричинскому за разработку проекта и составление рабочих чертежей Комитетом было выплачено по 2.500 руб. (Краткий цифровой отчет 1908).

Ежегодно (до 1914 г. включительно) Комитет по строительству типографским способом публиковал финансовые отчеты по строительству, сбору пожертвований, состоянию банковских счетов, выплаты подрядчикам. Это – важнейшие документы по истории строительства Соборной Мечети; в научном архиве Музея истории религии РАН, сохраняется и другая документация 1907-1925 гг.: юридически оформленные контракты с подрядчиками, материалы о проведении торгов, выполнении заказов, получении залогов, расчетах с исполнителями. Вводимые в обращение впервые, эти данные представляют исключительную ценность для реставрационных работ, продолжающихся в Мечети до настоящего времени.

Церемония официальной закладки, приуроченная к 25-летнему юбилею правления Эмира Бухарского и его визиту в Санкт-Петербург состоялась 10 февраля 1910 г. На специальном помосте был выстроен павильон в виде шатра, декорированный гирляндами и надписями из Корана. Для церемонии были приготовлены мраморные кирпичи, сереб-

ряная закладная доска, серебряные лопатки, раствор (Минареты. Б/д: 6). В начале церемонии Ахун Баязитов сказал: “Коран говорит: «Бог красив и любит красоту». Мечеть наша будет красивой и послужит славой архитектуре и красой городу. Такой Мечети, какая будет в Петербурге, нет ни в Париже, ни в Лондоне. Мечеть красива, но надо, чтобы она блистала не одной внешней красотой, и надо молить Аллаха, чтобы Мечеть эта совершенствовала нас в духовно-нравственной красоте”. Затем Эмиром Бухарским был положен первый камень, состоялся прием делегаций из Москвы, Кронштадта, с Кавказа, от мусульманских приходов столицы. На месте закладки состоялось богослужение, в строительной конторе дан торжественный завтрак.

В мае 1910 г. под руководством немецкого архитектора и подрядчика Г.-Ф.Канна начались подготовительные работы к облицовке стен Мечети гранитом. В Финляндии им были арендованы разработки месторождений ковантсарского гранита (для облицовки стен) и светло-серых тиурульских гнейсов (для облицовки минаретов и барабана купола). Эти месторождения в Ковантсари (Карелия) и Тиурула (совр. Ленинградская обл.), в начале XX в. находившиеся на территории Великого княжества Финляндского, ныне не разрабатываются (Булах, Абакумова 1993: 91-93, 156, Приложение 1). К отбору облицовочных материалов для Мечети Г.-Ф.Канн подходил с глубоким пониманием ансамблевого значения создаваемых возле Троицкой площади новых архитектурных сооружений. Утвержденные архитекторами-строителями образцы облицовочных плит были опечатаны личной печатью Г.-Ф.Канна и хранились в сейфе Комитета по строительству. Во время строительства подрядчики каменных и железобетонных работ наблюдали за своевременным и качественным устройством штроб, пазов, гнезд, введением разнообразной арматуры для крепления облицовочных плит (РГИА, ф.1102, оп.2, д.497). Для скульптурных деталей облицовки — аркатурных поясков, карнизов, медальонов, орнаментальных композиций — предварительно изготавливались гипсовые модели по чертежам авторов проекта.

Из ежегодного отчета Комитета следует, что за это время фирма “Подкова” дважды поставляла партии кирпича (383.910 и 106.340 шт.).

Артель подрядчика К.Зилева работала на кладке стен в две смены (этому благоприятствовал период белых ночей), судя по выплатам каменщикам (9.147 руб.), работа была выполнена примерно на одну треть общего проектного объема; архитектору и поставщику гранита для облицовки стен Канну за поставленный гранит было выплачено 20.300 руб., за железобетонные работы по минаретам (рис.2) инженеру Е.И.Гонцкевичу выплатили 101.166 руб. Фирма “Гунбин и К_” выполняла гидроизоляционные работы в подвале. Гонорар архитекторам составил 6.000 руб.

К концу года завершились работы по строительству здания вчерне. На заключительном этапе — во второй половине 1910 г. — вместе с каменщиками Зилева работали высококвалифицированные мастеровые Трудовой строительной артели “Большая Нева” (НА ГМИР, Коллекция документов Соборной Мечети, выплаты за строительные материалы и работы с мая 1909 по январь 1910 гг.).

Характерная особенность культовых зданий мусульманской архитектуры — скрытая невысокими парапетами крыша — в условиях влажного и холодного петербургского климата потребовала сложных конструктивных решений кровли, особой геометрии для создания рациональной системы водосброса. Авторы проекта ограничились минимальным не-

Рис. 2 Соборная Мечеть. Вид восточного минарета после реставрации гранитной и майоликовой облицовки. Фото В.Ф. Егоровского, 1996 г.

обходимым количеством водосточных труб (по одной на каждом из фасадов), причем их трассировка, профили, крепежные элементы не нарушали тектоники и эстетики стены.⁵

Период от окончания строительного сезона 1910 г., до февраля-марта следующего года (около четырех месяцев) — технологически необходимое время на усадку и просушку здания. Последняя операция выполнялась фирмой «Альфред Шейдт. Гигиеническая просушка новых построек и сырых помещений» с помощью специальных аппаратов, типа кондиционеров. Это позволило в феврале 1911 г. приступить к штукатурным работам.

В 1911 г. было освоено 95.000 руб. (71.000 — поставщикам, 24.000 — подрядчикам). Из наиболее значимых работ отметим монтаж железобетонного купола, начало облицовки гранитом фасадов под руководством Г.-Ф.Канна. Были также закончены надписи на арабском языке изречений из Корана для украшения фасада — их изготовили в «Первой специальной восточной, артистической и художественной электропечатне» И.Бороганского. Выполненные в масштабе, они передавались затем резчикам Канна для перенесения их на гранитные и мраморные плиты. С 30 октября по договору с А.О.Шульцем началось изготовление «металлических рам для окон и световых проемов по 72 руб. за 1 аршин», все рамы — летние и зимние — изготовлялись по чертежам и рисункам архитекторов, из высококачественного металла, с решетчатыми переплетами.

В августе 1911 г. архитектором Н.В.Васильевым был разработан проект служебного флигеля при Мечети — Дома для омовений. Двухэтаж-

5 За квалифицированную консультативную помощь в этом вопросе благодарю искусствоведа Т.С.Данилову

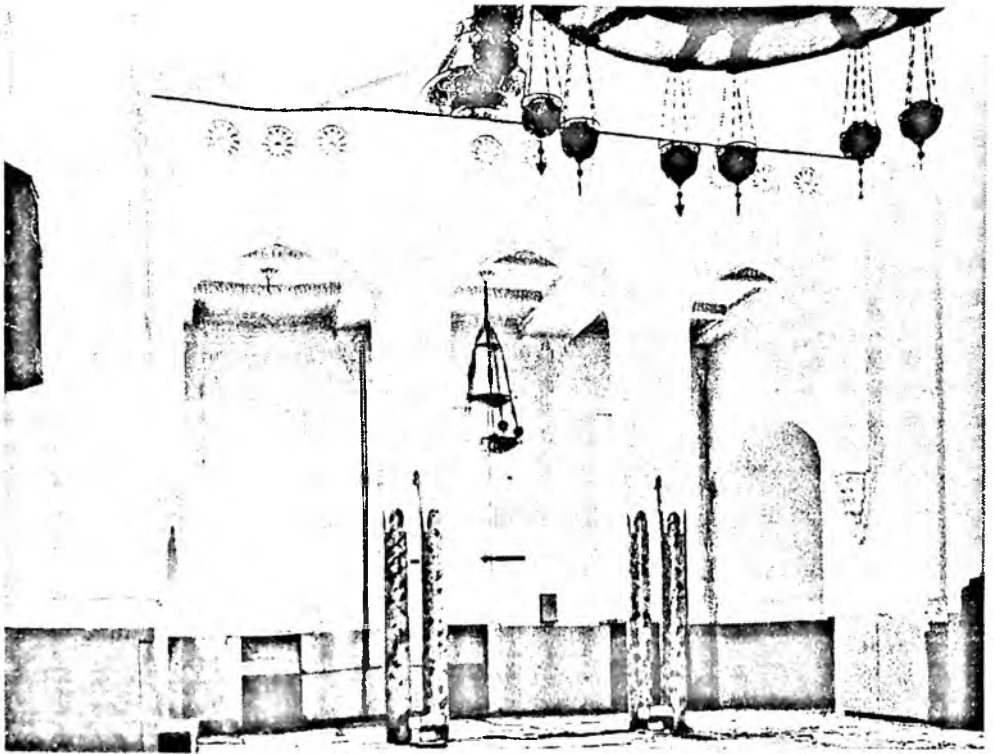

Рис. 3 Соборная Мечеть. Вид восточной части центрального зала. Фото В.Ф.Егоровского, 1996 г.

ное кирпичное здание вписывалось в “тупой” юго-восточный угол участка, обращенное главным фасадом во внутренний дворик Мечети, к ее западному фасаду. Для строительства Дома для омовений у Комитета по строительству Мечети было несколько причин: необходимость устройства котельной для отопления Мечети, размещение служащих и устройство специальных помещений на первом этаже для омовений, обусловленных религиозной традицией. В сентябре 1911 г. проект был рассмотрен и одобрен Техническим отделением Городской управы (ЦГИА СПб, ф.513, оп.137, д.900). Находившийся на участке деревянный флигель был разобран, строительные работы велись в течение строительных сезонов 1911-1912 гг., отделка Дома для омовений была полностью закончена осенью 1913 г.

В ноябре 1911 г. Комитетом по строительству заключен контракт с О.Гельдвейном на выполнение майоликовых работ по Мечети.

В 1912 г. был выполнен большой объем работ по облицовке гранитными плитами фасадов Мечети (выплачено Г.-Ф.Канну 73.255 руб.), вторая артель Канна вела монтаж майоликовой облицовки купола и порталов (за доставленные из Кикерино майоликовые изделия было заплачено 17.000 руб.). Одновременно с продолжением работ по гидроизоляции подвалов, велся монтаж центрального водяного отопления и вентиляции по проекту, разработанному инженерами фирмы “Држевецкий и Езиоранский” (с 1913 г. — фирма “С.Ю.Корсак (бывш. Држевецкий и Езиоранский)”. Для перекачивания конденсационной воды в

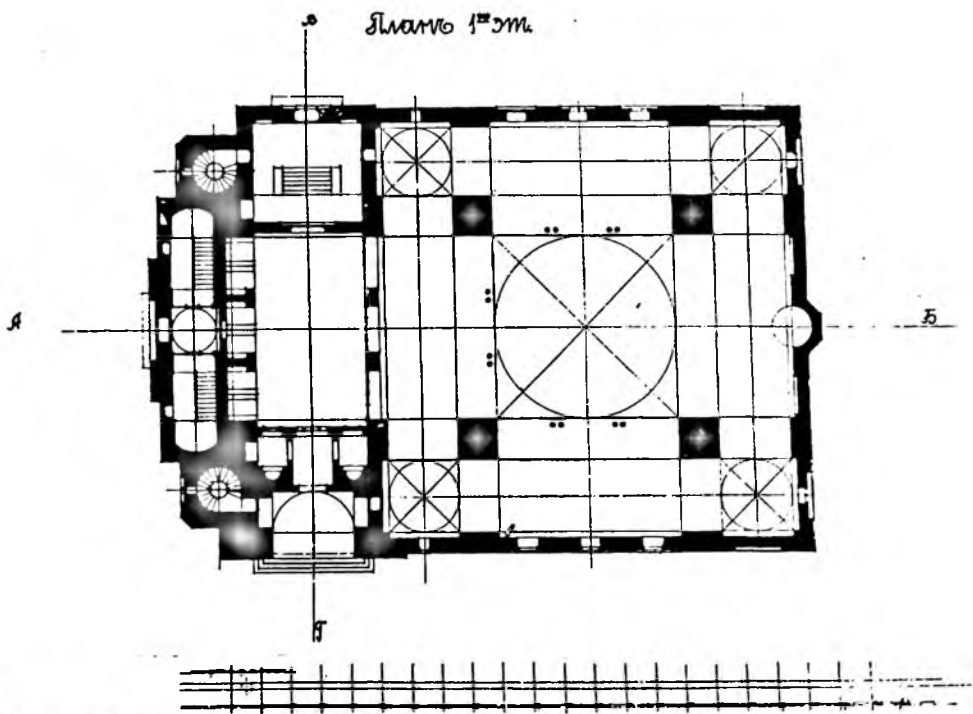

Рис. 4 Соборная Мечеть. План первого этажа. Проект. Арх. Н.Е.Васильев, А.И.Гоген, Е.С.Кричинский.

кочегарке, устроенной в подвале Дома для омовений, поставили паровые котлы Корнваллийской системы, с насосом системы "Вортингтон". Нагревательные приборы — крупноформатные чугунные гладкие радиаторы — устанавливались в специальные ниши, закрываемые шитовыми экранами. Во избежание осадка конденсата на стенах Мечети, радиаторы установили под окнами главного купола, в нижней части малого купола, под окнами минаретов на площадках для муэдзина. Объем принудительной вентиляции составлял 1 куб.саж. на одного человека, всего — 3.000 куб.саж. Приточная камера была рассчитана на нагревание этого количества воздуха до +18_° при наружной температуре -10_°. Основная масса воздуха направлялась в главный зал Мечети. Одновременно фирмой "Чантриль" велся монтаж электрического освещения Мечети.

9 февраля 1913 года Комитет по постройке Мечети получил разрешение Министра внутренних дел на проведение 21 февраля первого богослужения, посвященного трехсотлетию царствования Дома Романовых, "чтобы предоставить прибывающим в Петербург на эти торжества Эмиру Бухарскому и Хану Хивинскому возможность слушать Богослужение по обрядам своей религии. Храм этот, хотя еще и не закончен постройкой, но уже отапливается и приведен внутри в такой вид, что вполне допускает возможность временного совершения в нем Богослужения" (РГИА, ф.821, оп.133, д.554.).

Из Отчета за этот год известно:

- подрядчиком Голенишевым верхняя часть купола была покрыта медными листами;
- за майоликовые работы выплачено 22.000 руб.;

- за облицовку фасадов гранитом – ок. 19.000 руб.;
- С.-Петербургским арматурно-электрическим акционерным обществом по рисункам архитектора Н.В.Васильева были изготовлены и установлены (кроме большой люстры) осветительные приборы: люстры, канделябры, фонари, бра – всего 25 шт.;
- фирмой “Я.И.Филотей” по рисункам С.С.Кричинского изготовлены мраморные плиты пола для вестибюля и парадной лестницы;
- фирма “А.Андреев” установила 29 подоконников белого мрамора;
- 1-й Петербургкой артелью лепщиков выполнена работа по стюку: искусственным мрамором облицованы колонны центрального зала “под малахит” (рис.6);
- фирмой “Леров и Арендт” выполнены паркетные работы, причем в центральном зале пол предварительно покрыли “доломитом” – новым материалом (запатентован в Германии в 1905 г.), состоявшим из смеси древесной муки, асбеста, талька, минеральной массы, дающей идеальное соединение каменных и железобетонных покрытий с паркетом. После завершения отделочных работ пол в зале предполагали покрыть паркетом из дуба.

Из работ отдельных исполнителей отметим:

- бучение под фундаменты у входа для женщин, выполненное подрядчиком П.П. Безруковым;
- выполнение каллиграфистом Османом Акчокраклы священных надписей для священных кругов порталов, михраба;
- изготовление скульптором Савиным моделей сталактитов для интерьера.

Общая стоимость работ за 1913 г. превысила 104.000 руб. (Краткий цифровой отчет 1914).

В 1914 г. были закончены работы Г.-Ф.Канна по гранитной облицовке южного фасада Мечети; в центральном зале завершены работы по майоликовой облицовке михраба; закончен монтаж большой люстры центрального зала Мечети – монументального сооружения из патинированной бронзы, на 80 свечей, выполненной мастерами завода Петроградского арматурно-электрического общества по рисункам Н.В.Васильева в виде плоской орнаментированной чаши, диаметром ок.3 м и высотой ок.5 м, с заполнением молочного стекла, украшенной по бронзовому каркасу арабской вязью изречений из Корана, с 10 парными светильниками, свисавших ажурных чаш. Петроградским стекльно-промышленным обществом начата замена временного остекления на постоянное в металлических рамах; закончен настил паркетных полов на втором и третьем этажах, мраморных – на площадках парадной лестницы; завершены штукатурные работы, а подрядчиком К.Смирновым велись работы малярные.

При подведении итогов девятилетней работы Комитета по строительству с 1905 по 1914 гг. отмечалось: всего на счета Соборной Мечети поступило более 700.000 руб., на строительные работы и оборудование истрачено около 660.000 руб. На окончание работ недоставало более 110.000 руб, из них 72.305 руб. за выполненные, но не оплаченные работы (самые большие долги: артели лепщиков – за изготовление искусственного мрамора для колонн, 10.000 руб.; П.К.Ваулину – за майолику, 5.000 руб.; Стеклольно-промышленному обществу – за осветительную арматуру, 12.500 руб.). Около 38.000 руб не хватало для завершения всех работ (Краткий цифровой отчет 1915).

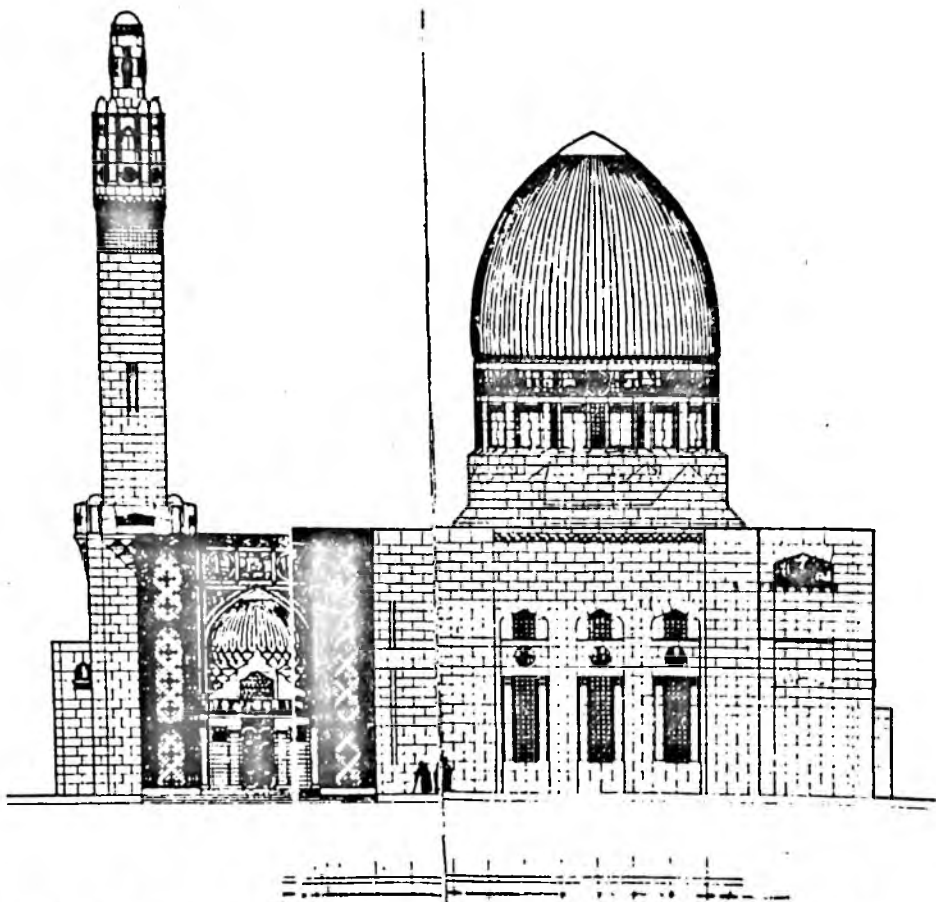

Рис. 5 Соборная Мечеть. Лицевой фасад. Проект. Арх. Н.Е.Васильев, А.И.Гоген, Е.С.Кричинский (первый вариант).

С началом Первой Мировой войны ход отделочных работ, естественно, замедлился: сократилось число пожертвований, возросли налоги, многие строители были мобилизованы; с этого времени прекращается публикация цифровых отчетов, единственным источником по этому периоду стали приходно-расходные ведомости из коллекции документов Музея истории религии.

Из них следует, что в 1915 г. фирме “Гельдвейн-Ваулин” было выплачено за майолику 30.000 руб. В сентябре Мечеть открыли для платного осмотра, в том числе — для военнослужащих. В объявлениях говорилось, что деньги необходимы для достройки Мечети. В 1916-1917 гг. продолжались выплаты Стекольно-промышленному обществу (17.500 руб.), Арматурному заводу за осветительную арматуру (3.100 руб.), фирме “Гельдвейн-Ваулин” — за майолику (4.500 руб. 20 декабря 1916 г. и 4.000 руб. — 20 декабря 1917 г.). По-видимому, декорирование порталов велось из заготовленных ранее материалов, т.к. 1915 год был последним в истории керамического производства “Гельдвейн-Ваулин”: с 1916 г. на заводе наладили выпуск снарядов для фронта, а в 1917 г. в огне пожара погибло все оборудование и производство было ликвидировано (Фролов 1993: 90). По этим причинам майоликовая отделка интерьера не была закончена; сохранившиеся авторские проекты позво-

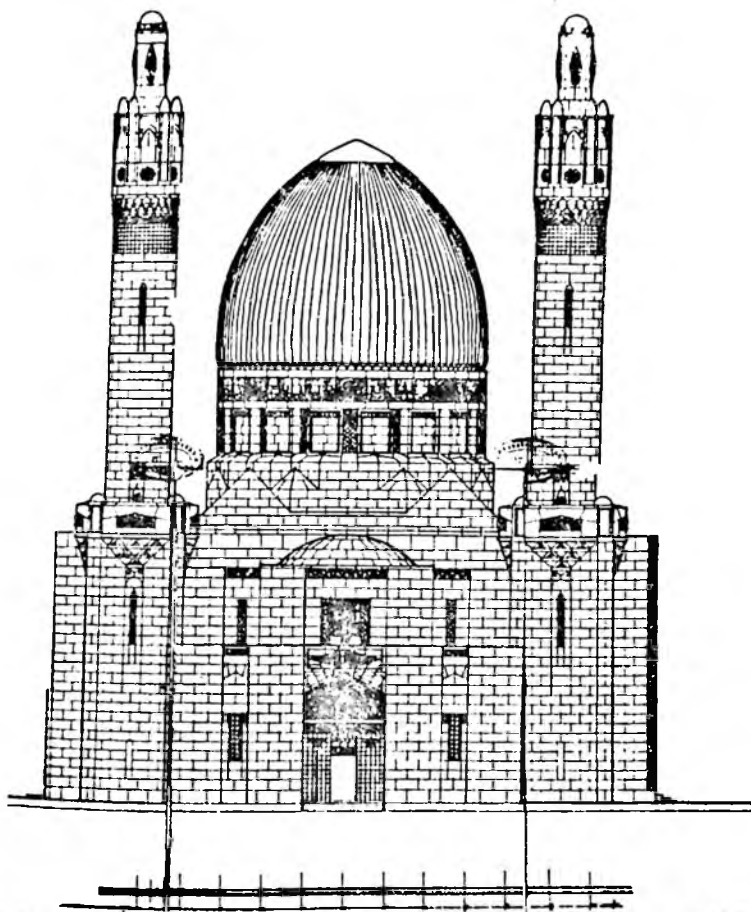

Рис 6 Соборная Мечеть. Боковой фасад. Проект. Арх. Н.Е.Васильев, А.И.Гоген, Е.С.Кричинский.

ляют, в принципе, воссоздать ее в процессе реставрации интерьера Мечети: бирюзовые изразцы в отделке конхи над михрабом, фриз из стилизованных цветов на барабане купола, антаблемнты колонн и пилоны центрального зала должны быть украшены разнообразными плетенками, волновым орнаментом, концентрическими кругами.

В конце 1917 г. завод "Сан-Галли" изготовил чугунную решетку для ограды. В 1918 г. продолжались работы по замене временного остекления на постоянное (оплата счетов Стекольно-промышленного общества 10 апреля — 4.000 руб., 10 сентября — 4.500, 19 октября — 5.000 и 10 декабря — 40.000 руб.). В конце года расчетные счета Соборной Мечети в Азовско-Донском и Волжско-Камском банках были арестованы Совнаркомом, все работы прекратились.

Регистрация Советской властью мусульманской "двадцатки" в Петрограде была приурочена к 30 апреля 1920 г., когда с одного из важнейших мусульманских праздников месяца Рамадан в Соборной Мечети начались регулярные богослужения. В течение 1920-1921 г. из Бухары в Петроград был доставлен большой тавризский освященный ковер ручной работы для центрального зала — последний подарок Эмира Бухарского; площадью около 400 м², ковер, расстеленный на полу молитвенного пространства (паркетом отделать пол центрального

зала так и не успели) был важным элементом ритуального убранства интерьера Соборной Мечети.

Сохранилось обращение в Совнарком от имени Строительного Комитета от 17 мая 1921 г. (по-видимому, С.С.Кричинского), с просьбой “разрешить двум членам Комитета по строительству Мечети проезд в Финляндию для приемки выполненных работ, необходимых для окончания постройки; работы эти были заказаны еще до войны и ныне закончены. Без получения и приемки этих строительных частей постройка до сего времени не может быть закончена. Совнарком это дело передал на распоряжение А.В.Луначарского, о чем известил 7.5.-21 строителя Мечети архитектора С.С.Кричинского. По полученным частным сведениям этот вопрос А.В.Луначарским разрешен в благоприятном смысле, но официального ответа до сего времени не получено” (НА ГМИР, Коллекция документов Мечети, Справка в Исполком Петроградского райсовета, 1921 г., л.2). По-видимому, речь шла о гранитных блоках для крыльца портала для женщин и цоколя металлической ограды по периметру участка. Крыльцо соорудили в конце 1921 г. Чугунную решетку ограды (изготовленную заводом “Сан-Галли” еще в 1916 г.) установили на гранитный цоколь на кирпичном фундаменте в 1923 г. Автор ее – С.С.Кричинский. Позднее вдоль ограды, окружая внутренний дворик Мечети, высадили деревья – клены, липы, вязы, березы, и кустраниковые – сирень, акации, шиповник.

В беспощадном омуте событий сплелись судьбы людей и зданий: еще в 1914 г. ушел из жизни Александр Иванович фон Гоген, в 1919 г. Николай Васильевич Васильев с женой уехал в Крым к архитектору Юрию Федоровичу Стравинскому, затем – в эмиграцию. Около Мечети остался лишь Стефан Самойлович Кричинский. Есть основания предполагать, что в 1923 г. он был расстрелян вместе с наиболее активно сопротивлявшейся режиму частью “двадцатки” мусульманской общины Петрограда.

В 1924 г. была проведена оценка, опись и конфискация части имущества Мечети. В июне 1940 г. богослужения были прекращены, здание передано Ленгорздравотделу под склад медицинского оборудования. В 1941 г. архив Мечети поступил в органы госбезопасности по Ленинграду и Ленинградской области.

Многочисленные обращения верующих ленинградской общины в послевоенные годы, а к началу 1950-х гг. она насчитывала 15 тысяч человек, ходатайства лидеров международного освободительного движения, Президента Индонезии доктора Сукарно, премьер-министра Индии Джавахарлала Неру возымели действие, и в 1955 г. здание Мечети было передано Религиозному Обществу Мусульман. 18 января 1956 г. богослужения в Мечети были возобновлены. Архив Мечети в 1966 г. передан Музею истории религии и атеизма (Казанский собор) – ныне, Музей истории религии РАН (научная обработка архива велась в 1995-1996 гг). В 1968 г. здание Соборной Мечети Решением исполкома Ленгорсовета № 1049 поставлено под государственную охрану как памятник архитектуры. С 1956 г. по настоящее время Соборная Мечеть используется мусульманской общиной С-Петербурга как религиозно-образовательный центр, где совершаются богослужения, изучают Коран, арабский и татарский языки.

Нынешнее состояние здания Соборной Мечети характеризуется рядом утрат и перестроек. В 1924-1928 гг. из имущества Мечети были изъяты и переданы в Антиквариат большой ковер, четыре бронзовых фонаря,

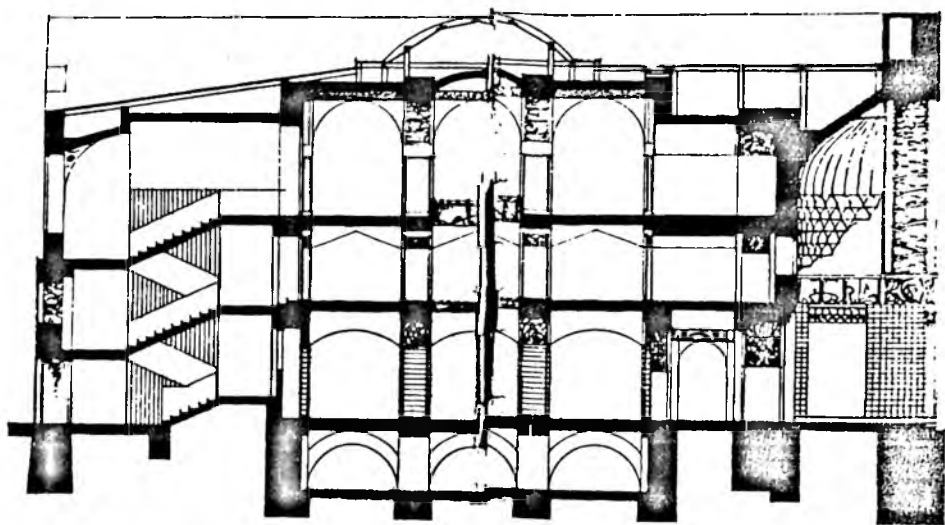

Рис. 7 Соборная Мечеть. Разрез. Проект. Арх. Н.Е.Васильев, А.И.Гоген, Е.С.Кричинский.

три люстры, мебель. В 1930-е, 1950-е, 1970-е гг. неоднократно видоизменялась конструкция крыши, причем нарушена ее геометрия, изменена авторская система водосбора и водосброса, установкой дополнительных, круглых в сечении водосточных труб нарушена тектоника фасадов. в результате ухудшилось техническое состояние гранитной и майоликовой облицовки. В 1940-х гг. деревянные двустворчатые резные двери северного и восточного порталов были заменены на металлические. К 1950-м годам относятся утраты фрагментов майоликового орнамента в нижних частях северного и восточного порталов. В 1956 г. были разорваны части принудительной, низкого давления отопительно-вентиляционной системы (т.н. корнваллийской) и устроено центральное водяное отопление.

• Совокупность этих причин и их следствий привели к прогрессирующему разрушению гранитной, и особенно майоликовой облицовки. В 1984-1987 гг. облицовка купола была полностью снята, 12 изразцов были сданы на хранение в фонды Государственного музея истории Ленинграда⁶ (с 1991 г. — Гос.музей истории С-Петербурга), проект реставрации выполнен 9-й мастерской института ЛенНИИпроект под руководством А.Г.Леякова. В мае 1984 г. вокруг купола были установлены строительные леса, снятые лишь в 1996 г., когда специалистами треста "Леноблреставрация" была завершена замена майоликовой обли-

⁶ Коллекция ГМИ СПб, Фонд архитектурных деталей. Блоки изразцовые с купола Мечети, инв. №№ 329039/1-6, 329040/1-6. Поступили из Мечети по Акту № 709-1 от 17 ноября 1987 г.

цовки купола и минаретов на облицовку из технического фарфора. При этом изменились как технические, так и эстетические характеристики здания, геометрия купола и минаретов не соответствует авторскому замыслу.

Безусловно, реставрация столкнулась бы с меньшими проблемами, если бы документальные материалы по истории строительства Мечети были введены в научное обращение своевременно, и реставраторы могли бы в полной мере использовать опыт своих предшественников. До сих пор, однако, строительная история Соборной Мечети Санкт-Петербурга не вышла из начальной фазы изучения. Принятая для Мечети как памятника архитектуры дата строительства 1910-1913 (1914) гг. в результате последних исследований может быть существенно уточнена: разработка проекта велась в 1907-1909 гг., начатые в 1909 г. строительные работы систематически велись до 1918 г., отделка интерьера осталась незавершенной, заключительные работы датируются 1921 г. Предлагаемая датировка 1909-1921 охватывает и события, отмеченные датами на портале: церемониала закладки здания в 1910 году и начало богослужений зарегистрированной в советское время общины 1920 года. Можно было бы дополнить их еще одной датой — 1956 год, возвращения Мечети мусульманской общине Санкт-Петербурга.

-
- Аминов Д.А. 1991. Соборная Мечеть в С-Петербурге. СПб.
Архитекторы-строители Петербурга-Петрограда начала XX века. Каталог выставки. Авторы-составители В.Г.Исаченко, Б.М.Кириков, С.Г.Федоров, А.М.Гинзбург, Л. 1982.
Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX – начала XX века. Справочник. Под общей редакцией Б.М. Кирикова. СПб. 1996.
Булах А.Г. , Абакумова Н.В. 1993. Каменное убранство главных улиц Ленинграда. СПб 1993.
Кириков Б.М. 1995. Ориенталистские и восточные черты в архитектуре Соборной Мечети С-Петербурга // Петербургские Чтения – 95, СПб.
Кореневит В.А. 1972. Соборная Мечеть в Ленинграде. Рукопись. Научно-метод. кабинет КГИОП. изд. № 442, инв.№ Н-1619/1.
Краткий цифровой отчет Комитета по постройке Соборной Мечети за 4-й год его деятельности. СПб. 1908
Краткий цифровой отчет Комитета по постройке Соборной Мечети в С-Петербурге за 8-й год его деятельности. СПб. 1914.
Краткий цифровой отчет Комитета по постройке Соборной Мечети в С-Петербурге за 9-й год его деятельности. СПб. 1915.
Лебедев Г.С. 1992. История отечественной археологии 1700-1917 гг. СПб. 1992.
Лисовский В.Г. 1975. Мастер школы национального романтизма // "Строительство и архитектура Ленинграда". № 4.
Литвинова Ж.П. 1976. Искусство печных красок. Уроки творчества художника – керамиста П.К.Ваулина // Строительство и архитектура Ленинграда. № 8.
Минареты над Невой. Б/а. Б/д.
Памятники архитектуры Ленинграда. 4-е изд., Л. 1975.
Фролов В. 1993. Майолика. Цвет и жизнь. // Музей и город. Российский журнал искусств. № 2, СПб.

Псковскому музею 120 лет

Псковский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник — один из крупнейших музеев северо-запада России. В настоящее время он объединяет 14 филиалов в области, среди которых единственные в нашей стране мемориальные музеи М.П.Мусоргского, С.В.Ковалевской, И.М.Виноградова, Ал.Алтаева (М.В.Ямшиковой). В Плюсском районе в 1995 г. открыты экспозиции в восстановленных старинных усадьбах Вечаше и Любенске. В этом озерном краю композитор Н.А.Римский-Корсаков написал оперы "Садко", "Царская невеста", "Сказка о царе Салтане" и др. В краеведческих коллекциях филиалов музея часто встречаются ценные, а иногда и уникальные экспонаты.

Музей в городе Пскове открылся в мае 1876 г. Вдохновителем был И.И.Василев, секретарь Псковского статистического комитета, при котором в 1872 г. была создана Археологическая комиссия для организации музея и начался сбор экспонатов. Губернатор М.Б.Прутченко поддержал инициативу псковичей и выделил две комнаты для экспозиции в Доме дворянского собрания. В 1880 г., после создания Псковского археологического общества (ПАО), музей перешел в его ведение. Членами ПАО были многие псковичи, и благодаря их усилиям было спасено от уничтожения немало памятников древнего Пскова. В 1900 г. ПАО передали Поганкины палаты XVII в., куда после ремонта в 1902 г. переехал музей. С этого времени для псковичей слова Поганкины палаты и музей являются синонимами. В залах Поганкиных палат в настоящее время открыты выставки по истории древнего Пскова, русского художественного серебра, псковской иконописи.

Но экспозициям современного музея здесь мало места. Рядом в здании, построенном в нач.ХХ в. на средства псковского мецената Фан-дер Флита, размещается картинная галерея. Коллекция живописи включает полотна В.Боровиковского, Ф.Рокотова, О.Кипренского, К.Брюллова, В.Тропинина, Г.Семирадского, И.Айвазовского, И.Репина, М.Шагала, Б.Григорьева, В.Татлина, М.Шемякина, Л.Костенко и др.

В музее хранится около 600 икон XV-XVIII вв. Несмотря на многочисленные утраты, нанесенные собранию во время Великой Отечественной войны, музей обладает самой полной коллекцией псковской иконописи. Большую ее часть составляют живописные ансамбли иконостасов, которые дают наиболее полное и объективное представление о характере и особенностях художественного стиля своего времени.

Уникальное явление в русской иконописи — псковские иконы XVIII в. на сюжет "Видение старца Дорофея", изображающие конкретную топографию и пластику городских построек конца XVII — начала XVIII вв. В основу композиций икон положены планы Пскова конца XVII — начала XVIII вв., что еще раз подчеркивает самобытность

псковской художественной культуры.

В 1953 г. в музее Л.Н.Твороговым было организовано Древлехраннипище, в котором собраны образцы русской книжной культуры: рукописи, старопечатные и редкие книги, жалованные грамоты, памятники духовной культуры русского старообрядчества. Здесь же хранятся документы и манускрипты по истории России и Западной Европы, зарубежные книги XVI-XIX вв., автографы Петра Великого, А.Д.Меншикова, Екатерины II и др. Замыкает двор Поганкиных палат, построенное в 1979 г. здание. В нем, кроме фондовых и административных помещений, расположены выставочные залы. В 1995-1996 г. было восстановлено каменное крыльцо Поганкиных палат (архитектор В.Е.Никитин); предварительные археологические исследования проводились в 1980-е годы археологами А.А.Александровым и В.В.Седовым.

Археологическая коллекция музея насчитывает около 200 тыс. находок и дает возможность показать на выставках жизнь, быт, военную и политическую историю, ремесла, торговлю, верования древних псковичей. На основе археологических экспонатов история Пскова предстает в развитии от поселения до города-крепости на западных рубежах Руси. История псковской археологии связана с именами К.К.Романова, Н.Н.Черныгина, С.А.Таракановой, Г.П.Гроздилова, В.Д.Белецкого, И.К.Лабутиной, В.В.Седова.

Псковский музей является хранителем монументальной живописи Спасо-Преображенского собора (XII в.) Мирожского монастыря. Храм расписан артелью мастеров, приглашенных из Византии. Характерными образцами псковской фрески являются росписи храмов Рождества Богоматери Снетогорского монастыря (XIV в.) и Успения Богоматери в с.Мелетове (XV в.)

Профессиональные интересы музейщиков направлены на комплектование, хранение изучение, экспонирование и популяризацию коллекций. В нынешних сложных экономических условиях особую актуальность приобретает способность коллектива, используя интеллектуальный потенциал, выжить и продолжить деятельность по сохранению исторического и культурного наследия. Несомненно, огромное значение имеет то, что не прекратили своего существования научный семинар "Археология и история Пскова и Псковской земли" (с 1980 г.) и конференция "Земля Псковская — древняя и современная" (с 1986 г.). Выпускаются сборники тезисов к семинару и конференции, изданы сборники трудов музея-заповедника, "Каталог книг кириллической печати XVIII в." (сост. Т.Огинская и Н.Осипова) и др. Псковский музей — организатор и участник выставок в Германии Франции, Швеции, Италии и других странах. В выставочных залах музея в Пскове и филиалах ежегодно проходит около 100 выставок. Они стали разнообразнее и интереснее, чем в предыдущие годы, активнее используются связи с другими музеями и организациями. Событием в культурной жизни города стали в 1995-1996 гг. персональные выставки П.П.Фомина, П.П.Оссовского, А.Г.Стройло, К.М.Громова, П.Д.Мельникова, выставки "50 лет Псковской реставрации М.И.Семенова", "Псковский коллекционер Ф.М.Плюшкин", "300 лет Российскому Флоту".

***

В день празднования 120-летия Псковского музея-заповедника, мы получили, среди других многочисленных поздравлений, и письмо от Василия Дмитриевича Белецкого — давнего и близкого друга псковских музейщиков, несколько поколений которых прошли школу археологии

в экспедициях Государственного Эрмитажа. Это письмо было написано меньше чем за три месяца до того, как Василий Дмитриевич ушел из этой жизни. Приведу целиком текст письма (хранится в Древлехранилище музея):

“Дорогие мои музейщики! Друзья!

От всей души поздравляю Вас с юбилеем. 120 лет — это много. Это своего рода рубеж. В неимоверно трудных, порой нечеловеческих условиях Вы выстояли. Вы спасали коллекции, на чистом энтузиазме делали выставки, от снега до снега работали на раскопах, инвентаризировали коллекции в помещениях, плохо приспособленных для работы (часто — без воды, отопления и даже света). Порой Вы голодали, работали на износ, никогда не жалели ни сил, ни здоровья. Но главное — музей жив, музей существует, и здесь все так же кипит работа.

Жаль, что не смог из-за болезни приехать к Вам в день Вашего юбилея. Часто вспоминаю Вас, вспоминаю, как мы вместе, бок о бок сорок лет подряд копали Довмонтов Город. Вспоминаю, как много лет подряд экспедиция Эрмитажа жила в Поганкиных палатах, а во дворе музея мы вместе играли в волейбол. Вспоминаю как в 15 августа, в День Археолога мы все вместе собирались за одним столом: говорили, смеялись, немножко пили и много пели. Это была наша молодость. А молодость — прекрасна.

Сегодня, в день Вашего праздника, я мыслями и сердцем с Вами. Присоединяясь к многочисленным поздравлениям, прошу Вас принять от меня в дар экземпляр книги М.Толстого “Святые и древности Пскова” (М., 1861). Это редкое издание, и ему место в библиотеке Псковского музея, а не в нашей с сыном домашней библиотеке.

*Искренне и всегда Ваш В.Белецкий.
Санкт-Петербург, 13.10.1996.”*

Некоторые итоги раскопок Лядинского могильника в 1983—1985 гг.

Лядинский могильник — один из самых крупных и интересных могильников древней мордвы, исследовавшихся в конце XIX в. Он является ключевым объектом в самой западной, пограничной цнинской группе древностей. В вопросе этнической принадлежности цнинской группы единого мнения нет: одни исследователи выделяют северную часть в особую средне-цнинскую группу и связывают с особым неизвестным по письменным источникам племенем древней мордвы, а южную часть цнинской группы, в которую входит и Лядинский могильник связывают с древней мордвой-мокшей (Алихова 1969а: 8; Воронина 1993: 68-81); другие исследователи считают цнинскую группу единой оставленной мордвой-мокшей (Степанов 1956: 26; Петербургский 1973: 67); третьи на основании письменных источников связывают лядинский могильник с племенем буртасов (Гольмстен 1946: 35). Для выяснения правомерности выделения северной части цнинской группы памятников в средне-цнинскую в 1983-1985 гг. мною были предприняты новые раскопки Лядинского могильника.

Лядинский могильник находится к югу от поселка Новая Ляда (Тамбовские р-н и обл.) на левом берегу р.Ляды в 200 м к юго-востоку от железнодорожного моста через реку, на территории стрельбищ и полигона Тамбовского военного округа (рис.1). Судя по плану 1868 г., могильник занимал мыс, образованный рекой Лядой и ее левым притоком — ручьем Шавыряй. Железнодорожное полотно делит площадь могильника с запада на восток. Вероятно, северная, окранный часть могильника была частично уничтожена карьером при строительстве железнодорожной насыпи. Могильник был открыт случайно в 1868 г. при строительстве железной дороги Тамбов-Саратов. Вещи, найденные при строительстве были переданы в Археологическую комиссию, а затем часть их была передана в ГИМ, а другая часть в Эрмитажа. Вероятно, часть вещей попала в частные руки и была продана за границу. Эти предметы были изданы Аспелиным в 1878, что сделало могильник всемирно известным.

В 1880 г. Лядинский могильник впервые раскапывался членами Тамбовской Архивной Комиссии В.Н.Ястребовым и П.И.Пискаревым (Тамбовские губернские ведомости, 1880, № 28,29). В 1889 г. Ястребов провел по поручению Археологической Комиссии новые раскопки могильника. В общей сложности было открыто 217 погребений (143 непотревоженных), часть из которых погребениями можно назвать лишь условно. В 1893 г. материалы раскопок были опубликованы, а сам могильник атрибуирован древней мордве (Ястребов 1893). С выходом этой работы Лядинский могильник становится эталоном для аналогий и

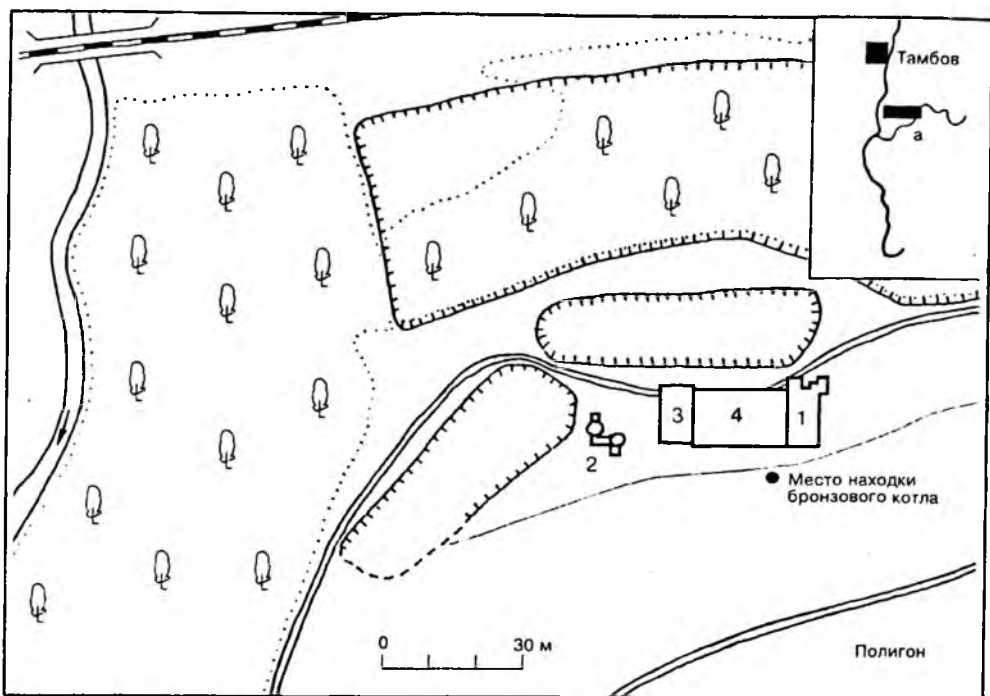

Рис. 1 Лядинский могильник. Ситуационный план.

датировки. В 1947 г. материал могильника был использован А.Е.Алиховой при подготовке кандидатской диссертации (Архив ИА РАН, ф.2, л.762), а в 1959 г. основные результаты диссертации были опубликованы (Алихова 1959: 13-55). После этого на материал могильника опирались многие исследователи, занимающиеся проблемами средневековья и истории различных регионов. Получив широкую известность могильник до 1983-1985 гг. раскопками не исследовался, а местоположение его было забыто. Памятник систематически разрушался: в 50-х годах на его территории был аэродром местного значения, а с 60-х годов — стрельбище и танковый полигон.

Как показали раскопки, лядинский могильник не исчерпан. Строительством железной дороги и раскопками 1889 г. была разрушена и исследована северная и северо-западная часть площади могильника. Центральная же часть его территории сохранилась. За три сезона 1983-1985 гг. на могильнике было вскрыто 340 м² и расчищено 79 погребений. В западной части могильника погребения располагались более плотной компактной группой, в восточной — значительно реже (рис.2). Могильные ямы сравнительно редко перерезали друг друга, но иногда в уже существующую могилу, не разрушая ее, делалось вводное погребение. Это дает основание предположить, что над каждым погребением находился какой-то знак.¹

При новых раскопках было выявлено четыре различных обряда захоронения: 1) труположение; 2) трупосожжение на стороне; 3) сме-

¹ Есть и другое объяснение этому явлению: у мордвы вплоть до XIX в. существовал праздник "оправления могил" — моление, с жертвоприношениями справлялись в определенное время года через 6 лет.

шанное захоронение — погребение на дне могильной ямы отчлененного черепа и ссыпанных рядом кальцинированных костей сожженного на стороне туловища: 4) кенотаф — могильная яма без следов захоронения, но с набором погребального инвентаря.

При новых раскопках, как и при раскопках 1889 г., преобладали погребения по обряду трупоположения. Одной из характерных черт погребального обряда лядинского могильника является устойчивая южная ориентировка покойников; погребения с небольшими отклонениями к западу или к востоку, вероятно, являются сезонными. Аналогичная ориентировка была характерна и для непо потревоженных погребений Лядинского могильника в раскопках 1889 г. — по этому признаку Лядинский могильник близок к более раннему Армиевскому могильнику (Рыков 1930). В процессе раскопок были зафиксированы могильные ямы четырех различных форм: 1) прямоугольные со скругленными углами и отвесными стенками; 2) овальные с наклонными вниз стенками; 3) трапециевидные в плане с большей шириной в головах и отвесными длинными стенками; 4) неправильно прямоугольные в плане. Размеры могильных ям значительно больше роста погребенного, что связано с большим количеством сопровождающих вещей.² Во всех погребениях отсутствуют гробовины. Под покойником и над ним лишь прослеживаются отдельные куски луба (подобные куски луба фиксировал В.Н.Ястребов при раскопках 1889 г.). Таким образом, в этом отношении Лядинский могильник не отличается от основной массы древнемордовских могильников, для которых характерен обычай захоронения в определенном типе гробовин, либо без них.

Из 79 открытых погребений мужских — 32, женских — 29, детских — 3, неопределимых — 15. Мужские костяки чаще всего положены в могилу на спине с вытянутыми вдоль туловища или сложенными на тазовых костях руками. У женских погребений кости рук находятся в области груди. Основная масса погребений одиночные, но есть и парные. Однако, у погребений, совершенных по обряду трупосожжения, их невозможно отличить от “символических парных погребений”, когда женские вещи в одиночные мужские погребения были положены вдовами. Прослежены три типа парных погребений: 1) мужчина и женщина захоронены по обряду трупоположения; 2) мужчина захоронен по обряду трупоположения, а женщина — по обряду трупосожжения; 3) оба погребения совершены по обряду трупосожжения. Для Лядинского могильника характерны захоронение в парных погребениях взрослой женщины или девушки. Чаще наблюдается замена парного погребения символическим парным: вместо жены в могилу к мужу помещается ее женский головной убор и украшения³.

По всей вероятности, в верованиях населения, оставившего Лядинский могильник, было распространено представление о потустороннем мире, том свете. Мордва представляла его как продолжение жизни земной. С этим представлением связан обычай класть в могилу с покойником все те вещи, которыми он пользовался при жизни, вплоть до орудий труда,

---

2 К сожалению, из-за разрушенности дернового покрова в период существования на территории могильника аэродрома и полигона истинную глубину погребений от современной поверхности определить трудно.

3 Вероятно, после смерти мужа женщина носит вдовий наряд. Подобный обычай этнографы отмечали вплоть до XIX в.

оружия и жены или наложницы у наиболее богатых. Женские погребения содержат много украшений, которые лежат на костяке так, как они носились при жизни. Мужские костяки содержат меньше украшений, но содержат оружие и орудия труда и конскую сбрую.

Вместе с покойником клали и напутственную пищу на дорогу. Вероятно, она была строго регламентирована по полу и возрасту, сосуды есть в погребениях, совершенных по обряду трупоположения и трупосожжения. Из 26 сосудов 21 найден в женских и 2 в детских захоронениях, а 3 — в неопределимых; иногда вместо лепных сосудов в погребениях наиболее богатых конных воинов стоят железные или бронзовые котлы с дужками для подвешивания.

Погребения по обряду трупосожжения, совершенного на стороне, менее распространены. В связи с большой разрушенностью площади могильника место сожжения установить не удалось. Выделено 4 типа трупосожжения: 1) покойник кремирован на стороне, кальцинированные кости ссыпаны кучкой на дно могильной ямы или луб, а на них кучкой положены сопровождающие вещи; 2) кальцинированные кости лежат в куче на дне могильной ямы, а вещи разложены в том порядке, в каком они помещены обычно в погребения по обряду трупоположения; 3) кальцинированные кости и вещи разложены в порядке, соответствующем погребениям по обряду трупоположения; 4) кальцинированных костей мало, что является, как будто бы, архаическим признаком; подобный обряд захоронения небольшого количества кальцинированных костей был широко распространен в VI-VII вв. у сурской мордвы.

В смешанных трупосожжениях или при захоронении черепа вместе с кальцинированными костями последних мало, в связи с чем подобные смешанные трупосожжения бывает трудно отличить от такого же архаического захоронения черепа. Подобных погребений всего два (2,5% всех погребений 1983-1985 гг.) и эти погребения связаны с могильными ямами первого типа.

С погребальным обрядом тесно связан культ предков. Одним из аспектов этого культа и проявлением погребального обряда является тризна. Вероятно, у различных родовых групп или общин она справлялась по-разному. В большинстве погребений следы ее отсутствуют⁴. Следы тризны зафиксированы всего для пяти погребений (6,3%).

У Лядинской мордвы был распространен огненный ритуал. Проявление его больше связано с обрядом трупоположения. Распространены два типа огненного ритуала: 1) посыпка костяка углем; 2) угли в засыпке могильных ям. В процессе раскопок были прослежены также впускные погребения.

Пыльцевой анализ образцов почвы⁵ из ряда погребений Лядинского могильника свидетельствует о мягком теплом климате, о наличии в окрестности Лядинского могильника лесостепи и о колебании границ степи в этот период. Надо полагать, что географические условия способствовали быстрому развитию пашенного земледелия. Среди пыльцы разнообразного флористического состава возрастает роль злаков *poaceae*

4 Объяснение этому есть в старинной мордовской песне "жена молния": тризну празднуют там в родной избе... (Мордовские народные песни 1951: 84). Подтверждение этому есть и в этнографии Финнов Поволжья (Мордовские народные песни 1951: 30).

5 Анализы проведены в палинологической лаборатории НИИ геологии Саратовского гос. университета.

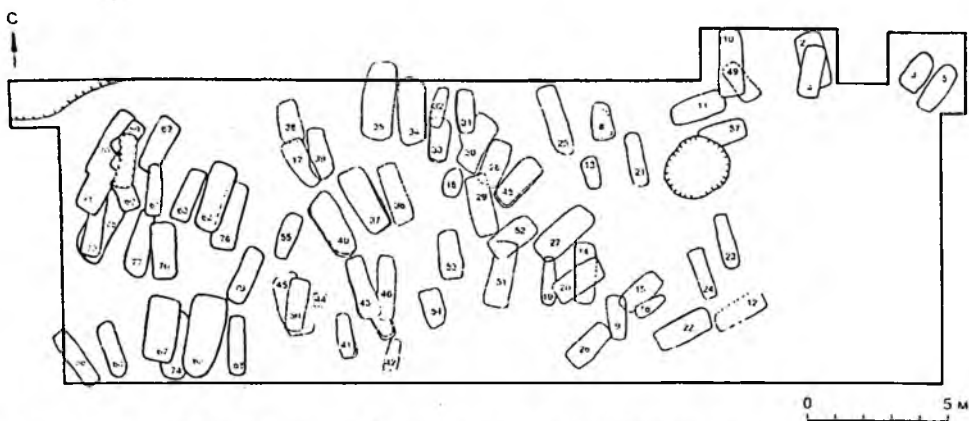

Рис. 2 Лядинский могильник. Сводный план раскрытых погребений

(8%) в разнотравье (особенно гречишных), маревых полыней, злаков. Злаки, возможно, являются посевом людей. Отсутствие земледельческих орудий труда, вероятно, объясняется ритуальностью памятника и традиционным убором сопровождающего инвентаря. В 800-1000 м ниже по течению Ляды найдено поселение, судя по керамике, одновременное могильнику. Наличие костей лошади, коровы, а также небольшой процент парных захоронений и замена их символическими, дают возможность говорить о земледельческом характере хозяйства (Воронина 1983: 39-44).

Судя по сопровождающему инвентарю, X-XI вв. характеризуются дальнейшим развитием ремесел — на это указывает стандартизация многих пластинчатых бронзовых украшений, требовавших больших физических сил при изготовлении и, вероятно, изготовлявшихся ювелирами кузнецами. Наличие льячек и слитков олова в женских погребениях свидетельствует о том, что литье мелких украшений оставалось занятием женщин. Судя по наличию в Лядинском могильнике большого процента бедных сопровождающим инвентарем и совсем безындентарных погребений, в X-XI вв. происходит дальнейший процесс имущественного расслоения. Раскопками 1983-1985 гг. выявлены и ряд погребений с богатым сопровождающим инвентарем вплоть до жены или наложницы: часть таких погребений располагается довольно компактно и относится к позднему периоду функционирования могильника (XI в., погр.65,66,67). Возможно, что это — погребения наиболее богатой родовой верхушки, которая начинает обособляться и хоронит своих умерших на определенной территории могильника. А.Е.Алихова, анализируя материал Лядинского могильника 1889 г., отмечала сокращение захоронений конных воинов и связала это явление с исчезновением старой конной дружины и заменой ее пешими воинами (Алихова 1969б: 15). Возможно, это связано не с исчезновением конной дружины, а с обособлением захоронений родовой верхушки на определенной территории могильника.

Славянские вещи, встреченные в погребениях лядинского могильника, свидетельствуют об усилении торговых связей, а не о проникновении отдельных славянских представителей в мордовскую среду. Возможно, родовые связи несколько ослабевают и значительно усиливается роль семьи. Свидетельством этого, вероятно, могут служить впускные погребения и взаимное пересечение могил, представляющее собою поздние

захоронения близких родственников. Для более ранних могильников такие явления редки.

Сравнение лядинского и средне-цнинских могильников показало, что, судя по инвентарю, население, оставившее эти могильники, было единым в этническом отношении — это мордва. В то же время погребальный обряд и женские головные уборы различны. Для средне-цнинских могильников характерна пестрота погребального обряда, выразившаяся в пестроте ориентировок при преобладании восточной и юго-восточной. По ориентировке средне-цнинские могильники генетически связаны с древним кашибеевским могильником (III — начало VIII в.). В отличие от них, Лядинский могильник имеет устойчивую южную ориентировку, сближающую его с Армиевским могильником (V-VII вв.). Таким образом можно говорить, что локальные отличия различных групп мордвы наметились уже в древности. Для средне-цнинских женских головных уборов характерно распространение низких, облегчающих голову полотенчатых уборов с обильной вышивкой, оловянным бисером, а по краю трапецевидными привесками (Воронина 1973: 47-56); такие вышивки консервируют ткань и сохраняют головные уборы. Наличие этих вышивок в головных уборах средне-цнинской мордвы X-XI вв. и отсутствие их в синхронных головных уборах лядинской мордвы X-XI вв. дают основание говорить о различной племенной принадлежности.

Отмеченное Алиховой сходство Лядинского могильника по погребальному обряду и инвентарю с более поздними (XVII-XVIII вв.) могильниками мордвы-мокши дало исследовательнице возможность генетически связать Лядинский могильник с этим племенем (Алихова 1969б). Новые раскопки на могильнике подтвердили данное заключение.

К сожалению, внезапность прекращения раскопок Лядинского могильника в 1985 г. не дала возможности выяснить общий характер планировки могильника и его восточную границу, а также исследовать поселение, синхронное могильнику. Очевидно, что возобновление исследований этого комплекса в ближайшие годы проблематично.

Алихова А.Е. 1959. Из истории конца I — начала II тыс. н.э. // Из древней и средневековой истории мордовского народа. Саранск.

Алихова А.Е. 1969а. Из истории мордвы конца I — начала II тыс. н.э. // Археологический сборник. Т. II. Саранск.

Алихова А.Е. 1969б. Средне-Цнинская мордва VIII-XI вв. Саранск.

Воронина Р.Ф. 1973. Головной убор средне-цнинской мордвы VIII-XI вв. // КСИА. № 136.

Воронина Р.Ф. 1983. Парные захоронения средне-цнинской мордвы // КСИА. № 175.

Воронина Р.Ф. 1993. Погребальный обряд средне-цнинской мордвы VIII-XI вв. // РА. № 3.

Гольмстен В. В. 1946. Буртасы // КСИИМК. № XIII.

Майнов В.Н. 1885. Очерки юридического быта мордвы // Записки Императорского Русского географического общества. Т. XIV. Вып. I.

Мордовские народные песни. Саранск, 1951.

Петербургский И.М. 1973. Второй Журавкинский могильник // Археологические памятники мордвы I тысячелетия н. э. Труды МНИИЯЛИ. № 63.

Рыков П.С. 1930. Культура древних финнов в районе р.Узы. Саратов.

Степанов П.Д. 1956. К вопросу происхождения мокши и эрзи // Ученые записки кафедры истории СССР Саратовского гос. университета. Т. XXII. Саратов.

Ястребов В.Н. 1893. Лядинский могильник // МАР. № 10.

Псковские полушки XVI в.¹

В первые годы правления малолетнего великого князя Ивана IV его мать и регент Елена Глинская провела в Московском государстве денежную реформу, в результате которой были заложены основы русской монетной системы, просуществовавшей на Руси до конца XVII в. Реформа проводилась в течении 1535-1538 гг., и, благодаря правительственным мероприятиям, на четырех денежных дворах страны началось изготовление трех денежных номиналов нового образца из серебра: копейки (или копейные деньги), деньги (1/2 копейки) и полушки (1/2 деньги или 1/4 копейки). При проведении реформы слегка понизили вес дореформенных монет, и денежным мастерам была дана установка чеканить из гривенки серебра (около 204 г) 300 копеек, 600 денег и 1200 полушек (т.н. трехрублевая монетная стопа). Таким образом, теоретический (или уставный) вес пореформенных монет определялся следующим образом: копейка = 0,68 г, денга = 0,34 г, полушка = 0,17 г серебра. Наличный нумизматический материал свидетельствует о том, что больше всего чеканилось копеек, денги стоят на втором месте, а полушки — на третьем. Благодаря усилиям отечественных нумизматов в послевоенное время денежное обращение Московского государства XVI-XVII вв. изучено довольно основательно (Спасский 1955: 214-374; Мельникова 1989).

Рассматривая полушки исследователи отмечали их малочисленность и откладывали на будущее (до увеличения соответствующего материала) подробное изучение этих монет (Мельникова 1989: 26). Полушек действительно сохранилось немного. Очень редко и в небольшом количестве они присутствуют и в кладах русских монет XVI-XVII вв. На несколько сотен кладов этого времени, насчитывающих в своем составе несколько сотен тысяч копеек и денег, мне известно всего 45 монетных комплексов, в составе которых имеются полушки, доступные для изучения. В них насчитывается 7286 экземпляров этих монет. Только в двух кладах имеется много полушек: из Московского Кремля — 5866 экз.,² и из Костромы — 943 экз. (Зверев 1996: 84; Гайдуков 1996: 91) Если исключить эти комплексы из общего списка, то в оставшихся 43-х кладах насчитывается всего лишь 477 рассматриваемых монет. Эти клады содержат от одной (19 кладов), до 62 полушек.

Во времена Ивана IV (1533-1547) в Московском государстве работало четыре денежных двора: в Москве, Твери, Новгороде и Пскове.

1 Тема "Русские четвертцы и полушки XV-XVII вв." исследуется автором благодаря финансовой поддержке РГНФ (проект 96-01-00479).

2 В публикации (Зверев 1996: 84) указано 5860 монет, однако, по устному сообщению С.В.Зверева, позднее в кладовом комплексе было выделено еще шесть полушек

В Москве изготавливались полушки с надписью вязью "ГОСУДАРЬ". Выпуски этих монет были самыми массовыми. На протяжении XVI-XVII вв. чеканилось восемь типов таких полушек (Гайдуков 1995: 290-300). Кроме них существуют тверские, новгородские и псковские полушки (по два типа). В настоящее время считается, что это — продукция Тверского, Новгородского и Псковского денежных дворов, а их изготовление относится к началу проведения реформы (Мельникова 1980: 86, 104, табл. VIII; 1989: 25, 26, табл. 3). Настоящая работа посвящена разбору псковских полушек³.

Псковские полушки — довольно редкие монеты: летом 1997 г. мне было известно их лишь 74 экз. Они разделяются на два типа.

Тип 1 (рис. 1, 1). *Л.с.*: птица влево с распростертыми крыльями, вокруг линейный ободок. *О.с.*: трехстрочная надпись: ПСК/ОВЬС/КАЯ; над верхней строкой точка, под нижней — две точки, вокруг линейный ободок. 37 экз. Средний вес 0,15 г (по 32 экз.; вес — 0,12, 0,13-2, 0,14-3, 0,15-10, 0,16-13, 0,17, 0,18 г — 2 экз.). *Изд.*: (Чертков 1834: 152, № 320, табл. XIX, 7; 1841: 293, № 3061; 1837: табл. II, 52, рис. 6; Гуттен-Чапский 1875: 61, № 317; Толстой 1886: 133, № 596, табл. X, 596; Жизневский 1888: 236, № 1505; Орешников 1896: 18, № 79, табл. I, 24; Федоров 1950: 552-556; Мельникова 1980б: табл. VIII, 14; 1989: 255, табл. 4, 2).

Тип 2 (рис. 1, 2). *Л.с.*: птица вправо с распростертыми крыльями, в клюве цветок; вокруг линейный ободок. *О.с.*: трехстрочная надпись: ПСК/ОВЬС/КАЯ; над верхней строкой точка, еще одна — во второй строке между буквами Ъ и С; вокруг линейный ободок. 37 экз. Средний вес 0,15 г (по 29 экз.; вес — 0,11, 0,13, 0,14-5, 0,15-10, 0,16-11, 0,17 г). *Изд.*: (Толстой 1886: 133, № 597, табл. X, 597; Спасский 1970: 112, рис. 12; Мельникова 1980б: табл. VIII, 15; Мельникова 1989: 255, табл. 4, 2).

Впервые псковскую полушку первого типа в 1834 г. опубликовал А. Д. Чертков. В более позднее время ее описывали С. Шодуар, И. И. Толстой и А. В. Орешников. Полушка второго типа впервые была опубли-

³ Рассматриваемые полушки не следует путать с псковскими четвертцами — монетами, относящимися к периоду независимого Пскова (до 1510 г.) и составлявшими 1/4 долю псковской денги; см., напр., описание и фото псковской четвертцы в (Орешников 1896: 18, № 78, табл. I, рис. 23).

кована И.И.Толстым в 1886 г.

Лишь И.И.Толстой датировал эти монеты временем после 1510 г. (т.е. — после присоединения Пскова к Москве), все остальные нумизматы описывали их среди монет независимого Пскова — до 1510 г. (Чертков 1834: 152, № 320; Шодуар 1841: 293, № 3061; Толстой 1886: 133, № 596, 597; Орешников 1896: 18, № 79). В 1950 г. полушки первого типа были проанализированы Г.Б.Федоровым, который датировал их великокняжеским периодом правления Ивана IV — 1535-1547 гг. (Федоров 1950: 555-556). С такой датировкой согласился И.Г.Спасский, поскольку публикуя псковскую полушку второго типа, он поместил ее среди великокняжеских монет Ивана IV (Спасский 1970: 112, рис.12). В более позднее время А.С.Мельникова на основе состава кладов монет Ивана IV отнесла выпуск полушек, в том числе и псковских, к самому началу проведения денежной реформы Елены Глинской, т.е. к 1535 г. (Мельникова 1980б: 86, 104; 1989: 25, 26).

Рассмотрим топографию находок псковских полушек. Интересующие нас монеты имеются всего лишь в трех кладах русских монет XVI в. (Приложение). В кладе из Новоторжского р-на Тверской обл. захороненного в 1570-х гг., есть одна полушка первого типа. В кладе из Пскова (1580-е гг.) имеется одна полушка первого типа и две полушки второго типа. В кладе из Великих Лук (1599 г.) есть одна полушка первого типа и четыре полушки второго типа. Кроме кладов есть некоторая информация об единичных находках псковских полушек. Известны места находок у 16 монет первого типа: в Новгороде найдены 12 монет, в Пскове — 2, в Изборске — 1, в Твери — 1. У полушек второго типа известны места находок девяти монет: все они найдены в Новгороде.

Топография находок свидетельствует, что оба типа псковских полушек изготавливались, вероятнее всего, на Псковском денежном дворе. Незначительное количество находок единичных монет в Пскове не должно удивлять, поскольку мне оказались, к сожалению, недоступны материалы сборов в 1970-1990-х гг. единичных монет в этом городе по берегам рек, которые сейчас хранятся в нескольких частных коллекциях. В них, наверняка, имеется значительное количество рассматриваемых монет. Кладов с этими полушками всего три, причем два из них найдены в псковском регионе, что также говорит в пользу высказанного выше предположения о месте изготовления этих монет.

Перейду к хронологии чеканки. Средний вес обоих типов монет равен 0,15 г, а графики весовых диаграмм дают одновершинную кривую с отчетливо выраженным пиком в 0,16 г. Это свидетельствует о том, что оба типа полушек изготавливались по трехрублевой стопе в пореформенное время. Вполне вероятно, что чеканка разных типов монет не была одновременной. Однако, установить очередность монетных выпусков сложно, поскольку на сегодняшний день известно очень мало как самих полушек, так и разновременных кладовых комплексов с ними. На мой взгляд, сейчас есть лишь незначительные косвенные данные, позволяющие предположительно говорить о псковских полушках первого типа как о более ранних по времени чеканки.

Во-первых, наблюдается некоторая стилистическая близость между оформлением полушек первого типа и псковских пул с изображением двуглавого орла. (Гайдуков 1993: 210, № 445). Особенно сильно эта близость заметна в оформлении надписи на медной и на серебряной монетах. Не исключено, что штемпели для обеих монет резал один

мастер. Начало чеканки медных монет можно относить ко времени после присоединения Пскова к Москве (1510 г), а находились они в денежном обращении не только после начала правления Ивана IV, но и на протяжении всего XVI в. (Гайдуков 1993: 69, 72, 73). Чеканку полушек первого типа вполне возможно отнести к самому началу проведения денежной реформы, т.е. к 1535 г.

Во-вторых, описанные выше клады с псковскими полушками (1570-е гг., 1580-е гг., 1599 г.) дают следующие данные. По одной монете первого типа есть во всех кладах. Полушки второго типа имеются во втором (2 экз.) и в третьем кладах (4 экз.). Это может свидетельствовать о том, что их начали изготавливать при ц.Федоре Ивановиче (1584-1598).

В-третьих, среди полушек с надписью вязью “государь” есть монеты с изображением птицы, держащей в клюве цветок или ветвь, которая похожа на птицу с псковской полушки второго типа. Это очень немногочисленный тип полушек: в 1995 г. их было известно лишь 17 экз. Средний вес таких монет составляет 0,15 г. Они имеются лишь в одном кладе 1630-х гг. и их чеканка во Пскове в период правления Федора Ивановича вполне вероятна. (Гайдуков 1995: 290, 291, 294, 295)

Таким образом, рассмотрение всех немногочисленных данных, связанных с псковскими полушками XVI в., позволяет сделать следующие предварительные заключения. В настоящее время автору известно 74 экз. полушек с надписью “ПСК/ОВЬГ/КАЯ”, которые разделяются на два типа. Монеты с изображением птицы влево, вероятно, более ранние и их чеканку следует относить к начальной стадии денежной реформы Елены Глинской. Монеты с изображением птицы вправо с цветком в клюве, вероятно, более поздние и их изготовления могло осуществляться при ц.Федоре Ивановиче. Клады показывают, что использовались псковские полушки до конца XVI в. Теоретически же они могли быть в денежном обращении и весь XVII в. Чеканка этих монет, вероятнее всего, осуществлялась на Псковском денежном дворе и масштабы этой чеканки были очень ограниченными.

Приложение

Список кладов русских монет XVI в. с псковскими полушками

1. Новоторжский р-н, Тверская обл., 1950 г. Количество монет — 483. Количество полушек — 41 (Псков, птица влево — 1 экз.; Новгород, мелкие буквы — 1 экз.; Тверь, надпись — 1 экз.; “государь”, тип 1 — 37 экз.; полушка с надписью вязью на обеих сторонах — 1 экз.). Дата захоронения — 1570-е гг. Место хранения — Тверской музей, № 1508. Изд.: (Мельникова 1980а: 34, 44, № 32; 1980б: 135, № 19, прил. I, № 19; Гайдуков 1995: 298, № 8; Gaidukov 1996: 47). Клад разобран и датирован А.С.Мельниковой. Полушки осмотрены автором в 1995 и 1996 гг.

2. Псков, 1956 г. Количество монет — 192 (часть клада). Количество полушек — 42 (Псков, птица влево — 1 экз., птица вправо — 2 экз.; Новгород, мелкие буквы — 7 экз.; “государь”, тип 1 — 32 экз.). Дата захоронения — 1580-е гг. Место хранения — Псковский музей-заповедник, № 2434. Изд.: (Мельникова 1980а: 33, 50, № 100; 1980б: 136, № 33, прил. I, № 33; Гайдуков 1995: 298, № 10; Gaidukov 1996: 47). Клад разобран и датирован А.С.Мельниковой. Полушки осмотрены

автором в 1995 г.

3. Великие Луки, Псковская обл., 1952 г. Количество монет — 2265. Количество полушек — 18 (Псков, птица влево — 1 экз., птица вправо — 4 экз.; Новгород, мелкие буквы — 1 экз.; “государь”, тип 1 — 6 экз., тип 2 — 5 экз., тип неизвестен — 1 экз.). Дата захоронения — 1599 г. Место хранения — Великолукский музей. Изд.: (Мельникова 1957: 150, № 11, указано 2322 экз.). Клад разобран и датирован А.С.Мельниковой. Оттиски 16 полушек, сделанные в пластилине, получены автором от сотрудников Великолукского музея в мае 1997 г.

-
- Зверев С.В. 1996. Московские денги и полушки первой половины XVII в. // Четвертая Всероссийская нумизматическая конференция в г.Дмитрове, 22-26 апреля 1996 г. ТД. М.
- Гайдуков П.Г. 1995. Типология и датировка полушек XVI-XVII вв. с надписью “государь” // Новгород и Новгородская земля. История и археология. № 9. Новгород.
- Гайдуков П.Г. 1996. Полушки XVI-XVII вв. из двух кладов Костромского музея // Четвертая Всероссийская нумизматическая конференция в г.Дмитрове, 22-26 апреля 1996 г. ТД. М.
- Гутсен-Чапский Э.К. 1875. Удельные великокняжеские и царские денги Древней Руси. СПб.
- Жизневский А.К. 1888. Описание Тверского музея. М.
- Мельникова А.С. 1957 Клады монет, зарегистрированные ГИМ за 1952-1954 гг. // КСИИМК. № 67.
- Мельникова А.С. 1980а. Монетные клады времени Ивана Грозного // Монетные клады собрания ГИМ. Труды ГИМ. № 50.
- Мельникова А.С. 1980б. Систематизация монет Ивана IV и Федора Ивановича (1533-1598) // Нумизматика и эпиграфика. № XIII. М.
- Мельникова А.С. 1989. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого. История русской денежной системы с 1533 по 1682 г. М.
- Орешников А.В. 1896. Русские монеты до 1547 г. М.
- Спасский И.Г. 1955. Денежное обращение в Московском государстве с 1533 г. по 1617 г. Историко-нумизматическое исследование // МИА. № 44.
- Спасский И.Г. 1970. Русская монетная система. Историко-нумизматический очерк. Л.
- Толстой И.И. 1886. Русская донетровская нумизматика. Вып. 2. Монеты псковские. СПб.
- Федоров Г.Б. 1950. Унификация русской монетной системы и указ 1535 г. // Известия АН СССР. Серия истории и философии. Т.VII, № 6. М.
- Чертков А.Д. 1834. Описание древних русских монет. М.
- Шодуар С. 1837. Обзорные русских денег и иностранных монет, употреблявшихся в России с древнейших времен. Собрание изображений. СПб.
- Шодуар С. 1841. Обзорные русских денег и иностранных монет, употреблявшихся в России с древнейших времен. Ч. II. СПб.
- Gaidukov P.G. 1996. The typology and dating of 16th-17th century polushkas with the legend “ГОСУД АРЬ” // Journal of the Russian Numismatic Society. Журнал Русского нумизматического общества. № 59. Winter.

О списке древнерусских княжеств «Саги об Одде Стреле»¹

В варианты А и В пространной редакции *Саги об Одде Стреле* включен текст, содержащий список топонимов с территории Древней Руси (OOS: 187)², интерпретированный как список древнерусских городов (Pritsak 1981: 537; Мельникова 1986: 36; Глазырина, Джаксон 1987: 176-179):

Текст	Перевод
<p>“Gardaríki er svá mikit land, at þat var þá <i>margra konunga ríki</i> (здесь и далее выделено мной — Г.Г.). Marro hét konungr, hann réð fyrir Móramar, þat land er í Gardaríki. Rádstafr hét konungr, Rádstofa heitir þar, er hann réð fyrir. Eddval hét konungr, hann réð fyrir því ríki, er Súrsdal heitir. Hólmgeirr hét sá konungr, er næst Kvillanus réð fyrir Hólmgarði. Paltess hét konungr, hann réð fyrir Palteskjuborg. Kænmarr hét konungr, hann réð fyrir Kænugörðum, en þar bygði fyrst Magok, sonr Japhets Nóasonar. Þessir konungar allir, sem nú eru nefndir, váru skattgildir undir Kvillanus konung”.</p>	<p>“Гардарики такая большая страна, что там были <i>государства многих конунгов</i>. Марро звали конунга, он правил Морамар, <i>та земля</i> находится в Гардарики. Радстав звали конунга. Радстова называлось там, где он правил. Эддваль звали конунга, <i>он правил тем государством</i>, которое называется Суртсдаль. Холмгейр звали того конунга, который прежде Квиллануса правил Хольмгардом. Палтес звали конунга, он правил Палтескьюборгом. Кёнмар звали конунга, он правил Кёнугардами, а первым там жил Магок, сын Йафета сына Ноя”.</p>

Внимательное прочтение текста позволяет заметить, что его автор видел свою задачу иначе. Употребление им в тексте выражений “государства многих конунгов”, “та земля”, “правил тем государством”, а также использование им формы множественного числа от названия Киева (*fyrir Kænugörðum* — дат.падеж от *Kænugarðar*) для обозначения

1 Работа над темой ведется по проекту, поддержанному РГНФ (96-01-00502).

2 Вариант А представлен рукописью AM-343, 4°, созданной в Исландии в третьей четверти XV в., вариант В — рукописью AM-471, 4°, датирующейся второй половиной XV в.; датировки по: (Ordbog... 1989).

Киевского княжества или земель, относящихся к нему (Metzenthin 1941: 61-62; Глазырина, Джаксон 1987: 95-96), свидетельствуют о намерении автора перечислить “государства” (владения, княжества), находящиеся в Древней Руси. В то же время целый ряд топонимов, устойчиво обозначающих в произведениях древнескандинавской письменности древнерусские города, употреблен в единственном числе и, следовательно, использован в своем первоначальном значении как названия городов (fyrir Móramar: дат. падеж от Móramar — Муром; Rádstofa — Ростов; Súrsdal: вин. падеж от Súrsdalr — Суздаль; fyrir Hólmgarði: дат. падеж от Hólmgarðr — Новгород; fyrir Palteskjuborg: дат. падеж от Palteskjuborg — Полоцк). Подобная непоследовательность могла возникнуть в том случае, если средневековый автор, конструируя свой текст о древнерусских княжествах, имел перед собой другой, более ранний текст, содержавший список древнерусских городов, и использовал его как источник основной информации о Древней Руси.

Известно, что более или менее пространные списки древнерусских городов содержатся в дошедших до нас трех географических сочинениях, излагающих общие представления средневековых исландцев о топографии мира, в частности, в сочинении *Какие земли лежат в мире* (Мельникова 1986: 62,65), в *Описании земли I* (Мельникова 1986: 76,78) и в *Описании земли III* (Мельникова 1986: 94,96). То, что интересующие нас списки сохранились именно в данном виде произведений древнеисландской письменности, отнюдь не случайно и находит свое объяснение в известной нормативности сочинений такого рода в скандинавском обществе в период, последовавший за распространением христианства. Общехристианская библейская ойкуменическая теория, в которой Ветхий Завет был воспринят как основа “официальной” этнической и географической истории, не располагала сведениями о территориях Северной и Восточной Европы. Ученым исландцам, писавшим христианскую историю этих регионов, приходилось дополнять канонические тексты новой информацией, основываясь на традиционных географических знаниях, сформировавшихся в Скандинавии. Введенные в общехристианский контекст, эти сведения воспринимались как базовые, а сочинения, в которые они были включены, становились авторитетными историко-географическими источниками. Очевидно, автор пространной редакции *Saги об Одде Стреле*, работая над своим сочинением, использовал подобный источник, созданный в Скандинавии с учетом современных представлений о географии Восточной Европы.

Мог ли источником списка княжеств быть один из дошедших до нас в географических сочинениях списков городов? Наиболее близким к списку *Saги об Одде Стреле* по количеству упомянутых названий и по их ориентации (восток-запад и север-юг) является текст *Какие земли лежат в мире*³. Отличаются списки, если не считать различий в орфографии и отмеченного выше изменения формы единственного числа на множественное у топонима Kælugarðr, количеством упомянутых горо-

3 Данное сочинение включено в ту часть *Книги Хаука* (Hauksbók), в которой собраны сочинения по географии, хронологии и теологии. Рукопись AM 544 4to (fols. 1-14) датируется первой третью XIV в. (Ordbog... 1989: 454). Писец этой части был скорее всего родом из Норвегии, хотя ряд исследователей считает, что он был фэрерцем.

дов: в *Saǵa ob Odde Strеле* перечень включает шесть, а не восемь наименований, поскольку отсутствуют названия *Syrgnes* и *Ǵaǵar*.

<i>Какие земли...</i>	<i>Saǵa ob Odde Strеле</i>
1. Moramar	1. Móramar[ǵ]
2. Rofstofa	2. Rǫdstofa
3. Surdalar	3. Súrǵalr
4. Holmgarǵr	4. Hólmǵarǵr
5. Syrgnes	—
6. Ǵaǵar	—
7. Palteskia	5. Palteskjuborg
8. Kǣnugarǵr	6. Kǣnugarǵar

При сопоставлении этих сочинений Е.А.Мельникова, считая, что “список *Saǵi ob Odde Strеле* исключил два названия в середине списка (*Какие земли...* — Г.Г.) — *Syrgnes* и *Ǵaǵar*, оставшиеся, видимо, как гапаксы, непонятными автору саги” (Мельникова 1986: 36), дает тем самым утвердительный ответ на поставленный вопрос: автор *Saǵi ob Odde Strеле* работал с сочинением *Какие земли...* и черпал оттуда информацию о географии Древней Руси. Представляется, что наряду с этим возможен другой вариант решения вопроса о соотношении текстов.

Сочинение *Какие земли...*, вошедшее в *Книгу Хаука*, как убедительно показала Е.А.Мельникова, основывается на более раннем тексте, созданном предположительно во второй половине XIII в. (Мельникова 1986: 56-60,92) Весьма велика вероятность того, что этот текст вошел в *Книгу Хаука* в неизменном виде, хотя нельзя исключить возможность привнесения наименований *Syrgnes* и *Ǵaǵar* в какой-то другой, более ранний список (назовем его условно **Списком городов Гардарики*) во время записи *Книги Хаука*. Весьма существенно, на мой взгляд, то обстоятельство, что топонимы *Syrgnes* и *Ǵaǵar* являются в древнескандинавской традиции *hǣra* *legomina*, то есть употреблены один раз только автором данного сочинения. Это означает, что они не относятся к тому слою географической информации, которая может считаться базовой, не являются традиционными скандинавскими топонимами. Маловероятно, что на первых этапах формирования собственно скандинавской ойкуменической теории в первые списки могли попасть совсем случайные сведения. Списку из трактата *Какие земли...* должен был предшествовать другой, в котором отсутствовали вышеупомянутые гапаксы. Сходство списков (без учета *Syrgnes* и *Ǵaǵar*) трактата *Какие земли...* и *Saǵi ob Odde Strеле* позволяет предположить для них общий источник — **Список городов Гардарики*, вошедший без изменения в сагу, но расширенный автором географического трактата (или автором текста, лежащего в его основе).

Опираясь на предложенную Е.А.Мельниковой датировку сочинения *Какие земли...* второй половиной XIII в., можно предположить, что **Список городов Гардарики* входил в текст сочинения, созданного в середине XIII в. или ранее.

Суммируя вышесказанное, можно констатировать:

1. Перечень древнерусских топонимов в *Саге об Oddе Стреле* представляет собой список древнерусских княжеств.

2. Данный список княжеств является переработкой не дошедшего до нас **Списки городов Гардарики*, входившего в состав одного из ранних географических сочинений.

3. Сочинение, на основе которого был составлен список древнерусских княжеств в *Саге об Oddе Стреле*, было создано не позднее середины XIII в.

Глазарица Г.В., Джаксон Т.Н. 1987. Древнерусские города в древнескандинавской письменности. Тексты, перевод, комментарий. М.

Мельникова Е.А. 1986. Древнескандинавские географические сочинения. Тексты, перевод, комментарий. М.

Metzenthin E. 1941. Die Länder- und Völkernamen im altisländischen Schrifttum. Pennsylvania.

Ordbog over det norrøne prosasprog. Register. Udg. af Den arnamagnæanske kommission. København, 1989

OOS – Orvar-Odds saga. Hrsg. von R.C.Boer. Leiden, 1988.

Pritsak O. 1981. The Origin of Rus'. Vol. I. Old Scandinavian Sources other than the Sagas. Cambridge.

Mass.

Духовный потенциал Псковщины как исходная база совершенствования социально-культурной деятельности

Псковщина. Древняя порубежная земля, колыбель русской государственности и национальной культуры, вписавшая своей доблестью, мужеством и талантом, беззаветным служением Отечеству немало блистательных страниц в историю государства Российского. Псковичи создали самобытные школы архитектуры и иконописи, фортификационного и декоративно-прикладного искусства, лучшими церквями украсили московский Кремль, вбивали первые сваи Петербурга, провозгласили в год утраты своей вольности Москву третьим Римом, открыли первую в России публичную библиотеку, провели первый российский певческий праздник. И постоянно защищали при этом северо-западные границы России. Трудно найти другую, землю, столь щедро сохранившую для нас, после стольких войн, разрушений и поруганий, такое средоточие национальной памяти и русского духа. В числе памятников мирового значения уникальный архитектурный ансамбль Псковского Кремля, столичный центр вечевой республики, увенчанный Троицким собором, комплекс Мирожского монастыря со Спасо-Преображенским собором в котором сохранились фрески XII в. Силой и славой веет от Изборской и Порховской каменных крепостей. Домом "неизречимых чудес" Пресвятой Богородицы называют Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, который более пяти веков остается оплотом Православия на северо-западе России, а в эпоху средневековья выдержал многочисленные осады иноземных войск, шедших на Русь. В монастырских пещерах покоится прах многих защитников этой крепости, в том числе — представителей известнейших российских родов. Псковская земля стала "приютом спокойствия, трудов и вдохновения" для великого русского поэта А.С.Пушкина, дала миру гения музыкальной культуры М.П.Мусоргского, вдохновила на создание многих опер великого Н.А.Римского-Корсакова.

Это перечисление можно продолжать бесконечно. Достаточно вспомнить, что в Псковской области только на государственном учете состоит более трех тысяч памятников. А за последние годы выставки псковского музея-заповедника с успехом прошли в Финляндии, Германии, Японии, Ватикане... Располагая уникальными сокровищами материальной и духовной культуры, наша область, как и все российское общество, не смогла избежать оторванности населения от глубоких слоев русской культуры. Безусловно сказались идеологизированные до недавнего времени приоритеты, но есть и свои особенности. Население

Псковщины значительно обновилось после Великой Отечественной войны. Число захоронений в братских могилах Псковщины достигает половины довоенного населения области. К коренным жителям, хорошо знающим историю края, добавилось немало тех, кто переехал сюда из других мест и уже не мог полностью осознать духовную самобытность края. Поэтому сегодня главным приоритетом развития культуры является ее новое осмысление — не как “отрасли соцкультбыта и досуга”, а как выразителя историко-культурного наследия, основы духовности. На ее основе происходит переоценка приоритетов национального развития, возрастание роли духовных факторов в реформировании общества, актуализация исторического опыта народа.

Необходимо подчеркнуть, что тысячелетний опыт народов России в сферах хозяйственной, политической и духовной культуры до настоящего времени почти не привлекал внимания ни в исследовательском, ни в популяризаторском планах. Однако, именно он является ценнейшим национальным достоянием России и составляет то, что правомерно именовать русской цивилизацией и вкладом русского народа в мировую культуру. “Путь к возрождению России, — как отмечал И.А.Ильин, — ведет через одухотворение и благодатное оживление русского национального инстинкта”. Если же мы признаём это, то должны признать и то, что питающий родник национальной культуры сегодня перемещается из столиц в древнерусские города. Мы располагаем блестящими приметами того, как генная память псковичей, отторгая чужие духовно-нравственные новоценности, является гарантом общественного возрождения. Сегодня решение накопившихся проблем в сфере культуры немислимо путем исполнения решений, спущенных сверху. В выработке собственной региональной культурной политики видится возможность преодоления разрыва между богатейшим культурно-историческим наследием и далеко не достаточным социально-экономическим развитием Псковской области. Сегодня можно констатировать, что основные проблемы реформирования общества кроются в несоответствии стратегии и тактики государства, духовно-ценностной специфики российской культуры. Следовательно, в рамках культурологического подхода первоначальному регулированию и социально-культурному программированию должны подлежать процессы и явления, характерные для культуры как общества в целом, так и конкретного региона. В этой связи необходима разработка новых саморегулирующих механизмов региональной культурной политики, при которой реальный человек становится субъектом культурного развития. С этой целью в Псковской области в 1995 г. была разработана программа “Духовное возрождение”. В 1996 г. она была утверждена Администрацией области. В областном бюджете предусмотрено ее финансирование.

Программа “Духовное возрождение” сочетается с концепцией развития культуры и искусства Российской Федерации и федеральной целевой программой “Развитие и сохранение культуры и искусства Российской Федерации (1997-1999 годы)”. Формой их взаимодействия было избрано Соглашение между Министерством культуры РФ и Администрацией Псковской области. Вопросам программного регулирования развития культуры и межрегионального сотрудничества было посвящено XI заседание Федерального Совета по культуре и искусству Российской Федерации (Москва, 8-9 апреля 1997 г.).

При разработке программы ставились основные задачи:

— определить особенности современной геополитической и социо-

культурной ситуации в области;

– показать роль и место Псковской области в истории становления и развития отечественной культуры;

– дать методiku выявления приоритетных направлений социо-культурной деятельности, путей и средств сохранения и дальнейшего обогащения традиций духовной жизни региона;

– раскрыть механизм формирования культурно-досуговых программ для различных категорий и групп населения;

– сформировать методологические основы культурной политики и условия саморазвития культурной жизни региона.

Программа “Духовное возрождение” стала основой организационно-методического обеспечения развития всей социо-культурной сферы региона. В практической деятельности обозначился переход от отдельных мероприятий к цикловым, усилились интеграция возможностей учреждений культуры и образования, физкультуры и спорта, туризма, кино и т.д. Возросло межрегиональное сотрудничество. Смыслообразующим содержанием большинства мероприятий стала историко-культурная доминанта города, района. В Невельском районе стали проводиться бахтинские чтения¹, в Опочечком районе – “Дни Кутузова”². Складывается традиция проведения в древнем Порхове областного праздника “Золотые родники”.

Пробуждение исторической памяти, создание условий участия псковичей в освоении историко-культурного наследия стало причиной появления принципиально новых форм работы: был создан клуб “Культура и бизнес”, Академический театр драмы имени А.С.Пушкина создал театр исторической хроники “Карусель”³, учреждена ассоциация “Культура и дети”, проводятся летние и зимние лагеря творчества для наиболее одаренных детей. Комитетом по культуре и туризму областной Администрации учреждены специальные стипендии. В Пскове создано Общество Святой Ольги Российской, ставящее перед собой задачу по восстановлению и благоустройству памятных мест, связанных с именем княгини Ольги. Начало работать философское общество “Кирилл и Мефодий”. Прошла первая международная конференция по проблемам Церковной археологии, к которой были изданы тезисы докладов (Церковная археология. Ч.1-3. СПб.-Псков. 1995). Исходя из необходимости восстановления культурно-исторической преемственности в жизни российского народа, осознания значимости духовной культуры и утверждения исторической роли православия в развитии нации в Псковской области совместно с епархиальным управлением РПЦ осуществляется программа совместного участия в проведении торжественных мероприятий, посвященных памятным событиям истории Российского государства и Русской православной церкви, в возвращении Епархии принадлежавших ей ранее зданий, в реставрации памятников культового зодчества.

Главы Администраций Псковской, Ленинградской, Владимирской, Новгородской и Ярославской областей по инициативе псковичей обра-

---

1 В Невеле в 1918-1925 гг. существовала философская школа, возглавлявшаяся М.Бахтиным.

2 В Опочечком районе находилось родовое имение М.И.Кутузова; в подцерковье Воскресенского храма в д.Теребени покоятся его родители.

3 Спектакли этого театра исполняются в памятниках истории и культуры – в Псковском кремле, в Петропавловской крепости и в Михайловском замке Санкт-Петербурга

тились к Президенту Российской Федерации Б.Н.Ельцину о праздновании 775-летия со дня рождения Александра Невского. 6 января 1995 г. вышел Указ Президента РФ о проведении праздника “Венок славы Александра Невского”. Центром проведения была определена Псковская область. Это была и пока остается крупнейшей долговременной многоплановой межрегиональной акцией, возвеличивающей русский патриотизм, ратную славу защитников Отечества всех времен, незабываемость российских границ, культурное сотрудничество с русскими общинами в странах Балтии, что очень актуально в новом геополитическом положении Псковской области.

Все это потребовало улучшения подготовки кадрового потенциала работников культуры. На базе областного училища культуры был учрежден колледж культуры и искусства. Открыт филиал Санкт-Петербургской Государственной Академии культуры. Для адаптации учреждений культуры и искусства к работе в новых условиях Администрацией Псковской области за последние полтора года принято более 30 правовых документов, в т.ч. Закон “О библиотечном обслуживании”.

Особую значимость для совершенствования социально-культурной деятельности в регионе приобретает подготовка к 200-летию юбилею А.С.Пушкина. Эта работа в Псковской области началась задолго до соответствующего Указа Президента РФ: еще в 1996 г. была разработана областная Программа подготовки к юбилею А.С.Пушкина как величайшему историко-культурному событию конца XX в.⁴ Программа предусматривает дальнейшее развитие Пушкинского музея-заповедника “Михайловское” как особо ценного объекта культурного наследия России. включает развитие инфраструктуры самого поселка Пушкинские Горы. научно- и культурно-просветительные мероприятия, конференции. чтения, Пушкинские театральные фестивали, Дни поэзии, издательскую деятельность и т.д. Особой “точкой отсчета”, новым взглядом на многие проблемы сегодняшнего общества стал раздел Программы “Пушкин в каждой семье”.

Сравнительно небольшой срок реализации областной программы “Духовное возрождение” показал, что провинция даже в условиях финансового дефицита имеет огромные возможности из “духовного потребителя” превратиться в творца, преодолеть пропасть между культурной духовностью и “культурным обслуживанием”.

---

4 Осмысление пушкинского духовного и творческого наследия также вошло в областную программу “Духовное возрождение”.

Условность в Мезине

Искусствоведов всегда волновал вопрос: как идет развитие искусства — от условных форм к формам правдоподобным или в обратном направлении, есть ли нормы развития, как определить нужную меру условности, чтобы две разновидности — условное и правдоподобное искусство — различались с определенностью. В распоряжении археологов достаточно материала для того, чтобы анализировать эти вопросы на материалах самого замечательного искусства среди “ископаемых” — искусства палеолита. Интереснейшие мысли по поводу особенностей самого первого искусства — искусства палеолитического — высказал Д. В. Айналов: он указал на то, что археологов интересует более возраст памятников искусства и их распределение в пределах палеолитического времени, а искусствоведам интересно, каково же с их, искусствоведческой точки зрения было первоначальное искусство (Айналов 1929).

Примером условного искусства в палеолите могут быть вырезанные из бивня фигурки из Мезина (Черниговская губ.). Найденные Ф. В. Волковым и доложенные на международном конгрессе в 1912 г. (Волков 1913), они были, бесспорно, условными, поскольку исследователь считал их “птичками”, а часть изображений признал фаллическими. Напротив, участники конгресса Обермайер, Картальяк и Брейль признали мезинские фигурки изображениями женщин (Cartailhas 1912). Все согласились с мнением французских коллег, признавая фигурки изображениями женщин, хотя в большинстве работ оговаривается, что эти изображения “странные” (Ефименко 1934).

Странные — потому, что не отвечают представлению (предвзятому в точном смысле этого слова), согласно которому первоначальное искусство должно быть простым, понятным и примитивным. Этому требованию отвечало другое искусство: женские статуэтки, у которых так правдоподобно моделированы ягодицы, плечи, грудь. Такие статуэтки, известны у нас по Костенкам, а на Западе — по находкам из гротов Ментоны.

Поскольку статуэтки из Мезина были определены уж очень давно, следует дать им описание, по возможности звучащее современно. Женские статуэтки из Мезина (как и фигурки, найденные позднее, но относящиеся к тому же стилю) трехчастны по строению: выступающая (с одной стороны) часть — ягодицы, стержень вверх от выступа обозначает (но только обозначает) торс, а более короткий стержень вниз от выступа — ноги (рис. 1, 1-б). Если у ягодиц трудно отыскать признаки, подтверждающие, что это именно ягодицы, то торс и ноги и того условнее: они построены прямыми линиями, нет головы, нет рук, то, что книзу от ягодиц никак не расчленено. Слава Богу, в одном случае черта на ягодицах выделяет две половины и идет далее на спину.

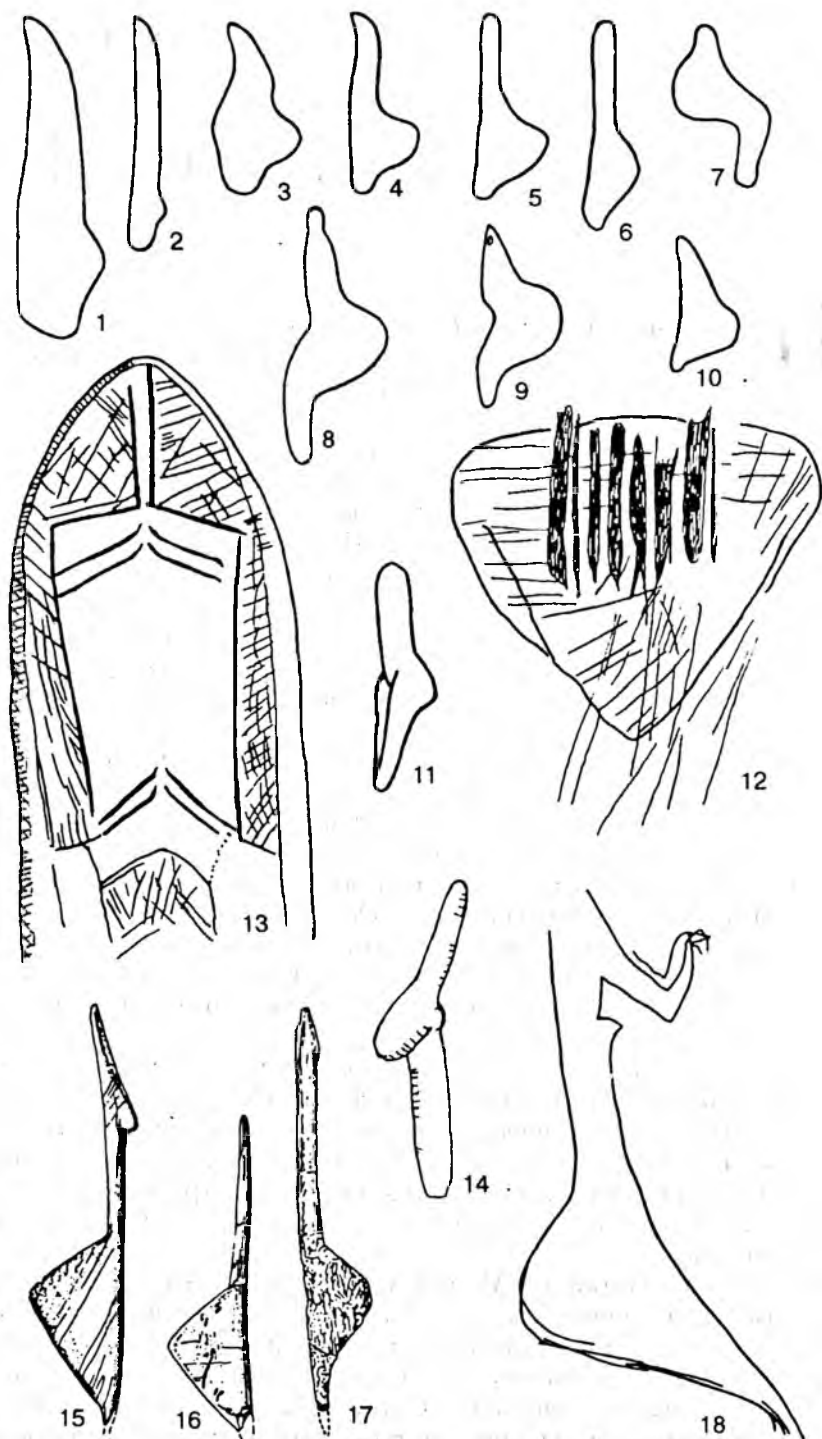

Рис. 1 1-6, 12, 13 — Мезин; 7 — Пекарна; 8-10, 15-18 — Германия; 14 — Дольни Вестоницы.

Поскольку объемов нет, все давно обращаются (Шовкопляс 1965) к другому языку — к графике, при помощи которой художник донес свою мысль: на передней (в Мезине всегда плоской) стороне верхняя часть занята условным изображением торса (рис.1,13) — два-три шеврона вверху и два-три внизу отмечают то, что это торс, и обозначают его пределы. Две параллельные линии кверху от шеврона дают понятие о шее, но это, скорее, завершение конструкции. Поэтому не стоит гадать, что именно изображено. Если торс — это хотя и условное, но *изображение* его, то книзу от торса (точнее, от его обозначения) изображен знак женского пола — треугольник вершиной книзу (рис.1,12). Часть фигурок Мезина орнаментирована: орнамент ограничивается задней стороной фигурки — спиной либо только ягодицами.

В пределах Восточной Европы подобных статуэток нет, если не считать две-три статуэтки того же типа, найденные неподалеку от Мезина — в Межиричах. В Моравии всего одна такая статуэтка — из Пекарны (рис.1,7). Зато в Германии их уже много. Но все они были найдены позднее мезинских (1908-1914), и лишь одна — из известного памятника Ложери бас (рис.1,11) — найдена раньше мезинских фигурок (White 1993: 117).

Тут самое время спросить: почему эти статуэтки такие же? Они не просто такие же условные — они *построены* точно так же, как мезинские: трехчастные, объемом выделены ягодицы (более подошло бы единственное число, ибо ягодицы, кроме фигурки из Пекарны, не разделены), торс длиннее ног. Вместо проработки объема — тот же стержень или дощечка, обозначающая торс (рис.1,15-17). Иногда (рис.1,8,9) вместо прямой линии торса линия его слегка выгнута вперед. В лучшем случае, к ягодицам добавлены груди, но это — редчайшие случаи.

Поскольку такого рода скупость в средствах позволяет обрисовать всю переднюю часть фигурки одной линией, а сзади ограничиться одним выступом (даже не объемом), то естественно, что фигурки породили профильные рисунки на каменных плитках: они встречаются на тех же стоянках, где найдены статуэтки (рис.1,18). Наибольшее количество плиток с гравированными изображениями дала стоянка Геннерсдорф в Германии (Bosinski 1991).

При большом количестве статуэток и гравированных изображений, найденных на территории Германии, заметно их стилистическое единство. Разнообразие заключается в том, что некоторые гравированные изображения имеют в разной степени отогнутые вперед ноги и еще реже встречаются попытки передать изобразительными средствами руки или руку (рис.1,18). Но все изображения — это условное изображение человека, женщины вообще. Нет стремления передать движение, действие или даже стояние — ведь эти изображения оттого и могут изображаться с отогнутыми вперед ногами (а в Мезине — с отогнутым вперед торсом), что ноги не выражают функцию опоры.

Итак, в Европе — от Десны до Дордони — существуют условные женские изображения, единые в своей условности: они, будучи скульптурой, линейны (прямолинейны), всегда трехчленны. Они противостоят граветийским статуэткам, которые раньше принимались за простые и доподлинные изображения женщин палеолита, окружавших художников. Статуэтки рассматриваемого типа (Пекарна, Геннерсдорф) относятся к мадленскому времени, они помещаются во времени ок.13000 лет назад и позже, хотя, возможно, что как раз мезинские фигурки немного

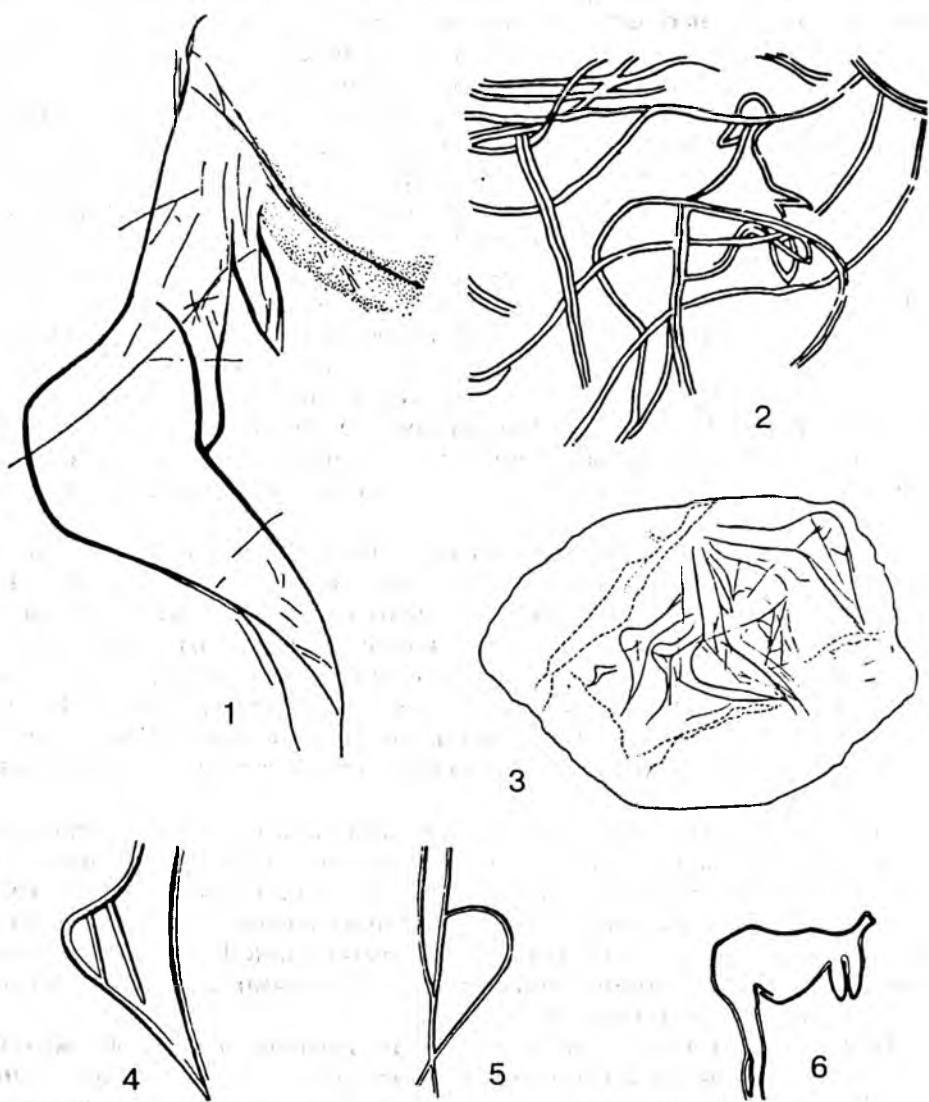

Рис. 2 1 — Гар-де-Куз; 2,6 — Пеш Мерль; 3 — Лаленд; 4,5 — Ля Рош.

раньше этого времени. Стало быть, эти статуэтки отделены от статуэток из Костенок или Ментоны примерно десятком тысяч лет.

Естественно было бы считать, что таким образом во всей Европе была пора, когда искусство отличалось стремлением к правдоподобию, а затем — повернулось к условности. Однако, если обратиться к статуэткам граветийского времени, статуэткам Костенок и Дольних Вестониц, то теперь кажется, что и они — в нынешних терминах — в большей или меньшей степени условны. Приходится признать, что их трудно называть образцом первобытного реализма. Они условны, ибо если у мезинских статуэток нет головы, то у костенковских нет лица.

Мезинские фигурки не объемны, а костенковские объемны, однако и у них не фиксируются попытки передать какое-то положение тела, они, также как и мезинские, не передают стояния/сидения, не говоря уже о движении или действиях. Но, наверное, они *более правдоподобны*, поскольку здесь работает объем — у статуэток есть плечи, груди, живот, ноги разделены. Условностью у них дышат их пропорции — те же укороченные ноги, что и у мезинских фигурок. Но, конечно, у мезинских фигурок они еще короче, и, стало быть, более условные.

Я беру только самые правдоподобные статуэтки с наиболее выдержанными пропорциями: одновременно с ними есть и изображения, которые в своей условности не уступают мезинским. Однако надо согласиться с тем, что между костенковскими и мезинскими фигурками нет общих черт — это два разных стиля. Скажем, когда однажды моравский скульптор решил не отстать от мезинских (или догнать их, появившихся через десять тысяч лет), он сделал и сверху, и книзу от талии стерженек (рис.174 — фигурка из Дольних Вестониц). Но эта фигурка условна совершенно иначе — до-наоборот: у нее объемы (не ягоды — там ничего нет, а груди) переданы в граветийском стиле, то есть — вполне правдоподобные (орнаментированные); перегиб между двумя стерженьками (один — торс, другой — ноги) такой же, как у фигурок из тех же Вестониц, а на спине валик, который есть у них же. Условность валика в том, что ему не удержаться: это пол-валика (или пояса) — спереди его нет. Так и у костенковских статуэток.

Искусство граветийцев исчезает, не оставив следа. Не так дело обстоит во Франции: это — мир с устойчивыми традициями. Если в Восточной Европе граветийская традиция сменяется мезинским стилем, а между ними двумя зияет лакуна, то во Франции существует и граветийская традиция, и, помимо нее, некая местная традиция. Она лучше всего выражена в гравированных изображениях женщины из ля Марш (White 1993: 93) и гравюрах из знаменитого грота Истюриц (Bahn, Verput 1988: 154), где более всего поражает правдоподобие: женское тело выражено выпукло, объемно, и это несмотря на гравированное изображение, передачу объемов тела линией на плоскости.

Стилистическое единство разных французских памятников можно доказать только путем длительного анализа. Не занимаясь этим, я отмечу только, что ряд этих женских изображений имеет голову, а это сразу отделяет особую группу (хотя другие безголовы, как, например, группа изображений из Англи-сюр Англен, см.: Leroi-Gourhan 1967: 343). Для сюжета, который нас сейчас занимает, важно, что эти, возможно разностильные, изображения помещаются между граветийскими изображениями и условными изображениями W0Iв стиле мезин, причем на последние не только не похожи, но противоположны им. Можно думать, что условные женские изображения второй половины мадлена или позднего мадлена во Франции — явление для Франции пришлое. Хотя Франция в палеолите — страна художников, этот мир с его великолепными наскальными изображениями не отказывался воспринимать влияния, шедшие сюда из “Европы к востоку от Рейна”.

Помимо изображений женщины которые вполне укладываются в рамки мезинского стиля (во Франции этот стиль называется “*style dames à fesses*” из Фонтале или Лаленд см.: Bosinski 1991: 60), есть изображение (Bordes, Fitte, Laurent 1963: 270), как будто бы с признаками его (ягодицы как основа построения, плоская спина и ноги, переданные одной — кривой, как в Геннерсдорфе — линией), но с

особенностями, этому стилю не присущими: живот передан выпукло, с деталями (кривая, отделяющая бедра от живота), висящие, отклоненные вперед груди (рис.2, *Л*). Линия, завершающая рисунок, может быть истолкована как руки (ср.: Bosinski 1991: f.3). Если сравнивать это изображение с одновременными ему, то очевидно, что речь должна идти о признаках двух различных стилистических групп: правдоподобие, интерес к деталям — вот что отличает Гар де Куз от Фонтале.

Итак, обнаруживается, что искусство палеолита, в частном случае — женские статуэтки, может быть в большей или меньшей степени условным. Если принять большую и меньшую степени условности за два разных художественных мировоззрения, то следует признать, что стилистические особенности той и другой группы оказываются распространяющимися, передаваемыми от одной группы населения к другой. Вся палеолитическая Европа оказывается проницаемой для художественных приемов и образов, однажды возникших в одном регионе Европы. Более условные и менее условные изображения женщин существуют в пределах палеолитического времени (от 35 до 10 тыс. лет назад) параллельно. Не существует резких границ между стилистическими группами с большей мерой условности и группами с установкой на правдоподобие как художественное средство. Можно представить себе дело так, что в условности изображений не были заключены какие-то особые представления, какой-то тайный язык. При передаче этого языка условных изображений он усваивался легко и становился языком новой группы людей. Видимо, в глазах людей палеолитического времени условность была, как и для нас, способом отойти от привычного (более правдоподобного) искусства, выйти к новым формам, новому языку. Условность не связана ни с одним из хронологических или же территориальных подразделений палеолита — она проникает в любое подразделение. Художественное совершенство равно достигалось любой группой, будь они приверженцами условного языка или же носителями установки на правдоподобие.

Айналов Д.В. 1929. Первоначальные шаги искусства в Европе // СГАИМК, № 11.

Ефименко П.П. 1934. Дорожное общество. М.-Л.

Шошконяк И.Г. 1965. Мезинская стоянка. Киев.

Bahn P.G., Vertut J. 1988. Images of the Ice Age. N.-Y.

Bordes F., Fitte P., Laurent P. 1963. Gravure feminine du Magdalénien VI de la Gare-de-Gouze (Dordogne) // *L' Anthropologie*. 67. Paris.

Bosinski G. 1991. The Representation of Female Figures in the Rheinland Magdalénien // *Proceedings of the Prehistoric Society*. 57.

Cartailhac E. 1912. XIV Congrès international d'anthropologie et d'archéologie préhistorique. Compte rendu sommaire // *L' Anthropologie*. XXIII. Paris.

Leroi-Gourhan A. 1967. Treasures of Prehistoric Art. N.-Y.

Volkov Th. 1913. Nouvelles découvertes dans la station paléolithique de Mezin // Congrès international d'Anthropologie et d'Archéologie préhistorique. XIV session. T.I. Genève.

White R. 1993. Prehistoire. N.-Y.

Молотки из поселения Юдиново

О культурной принадлежности палеолитических памятников мы судим, главным образом, по каменному инвентарю и костяным изделиям. Развитие костяной индустрии, разнообразие приемов расчленения и обработки бивня, кости и рога, представительность изделий выделяют Юдиново среди деснинских верхнепалеолитических стоянок.

Поселение Юдиново находится в с. Юдиново Погарского района Брянской области. Оно расположено на мысу первой надпойменной террасы правого берега р. Судость, правого притока Десны. Юдиново открыто в 1934 г. К. М. Поликарповичем (1968). После К. М. Поликарповича раскопки продолжил В. Д. Будько (1966: 38-40). Систематическое исследование памятника возобновлено З. А. Абрамовой в 1980 г. и продолжается до настоящего времени (Абрамова 1989: 13-15; Григорьева 1995). В Юдиново обнаружены остатки четырех жилищ, построенных из костей мамонтов. Среди фаунистических остатков преобладают кости мамонта и песца, значительно меньше костей северного оленя, овцебыка, лошади, медведя, волка, бобра, сурка, лемминга и др. (Абрамова 1995).

В богатой коллекции костяных изделий из Юдиново небольшую, но интересную группу орудий составляют молотки из рога северного оленя. По количеству и характеру рабочих частей их можно разделить на две разновидности: двусторонние и односторонние. У двусторонних экземпляров рабочие концы расположены по обе стороны рукояти, у односторонних — с одной стороны рукояти. В Юдиново найдено 5 молотков, из них четыре двусторонних и один односторонний. Четыре молотка целые, один — с обломанной рукоятью. Молотки различаются размерами и оформлением.

Двусторонние молотки преобладают на поселении. Один из них, самый маленький по размерам и плоский, изготовлен из рога молодого оленя (рис. 1). Конец у него отделен от остального рога с помощью кругового надреза. Противоположный конец, обушок, представляет головку-розетку сброшенного рога, и подправлен тонкими срезами. Оба конца стертые. У молотка ниже розетки имеется небольшой выступ. Рукоять молотка значительно длиннее рабочей части, нижний конец ее подрезан и обломан. Поверхность изделия, за исключением обрезанных концов, орнаментирована. Широкие стороны рукояти вдоль длины украшены рядами шевронов (с одной стороны 3, с другой — 2 ряда); соединяясь, они иногда образуют кривую линию, напоминающую зигзаг. В верхней части рукояти с одной стороны у бокового края между шевронами нанесены короткие линии-штрихи, которые прослеживаются до середины рукояти. У нижнего конца рукояти с обеих сторон орнамент почти стерт, от него сохранились едва заметные следы. На рабочей части с одной стороны вдоль длины шевроны прорезаны

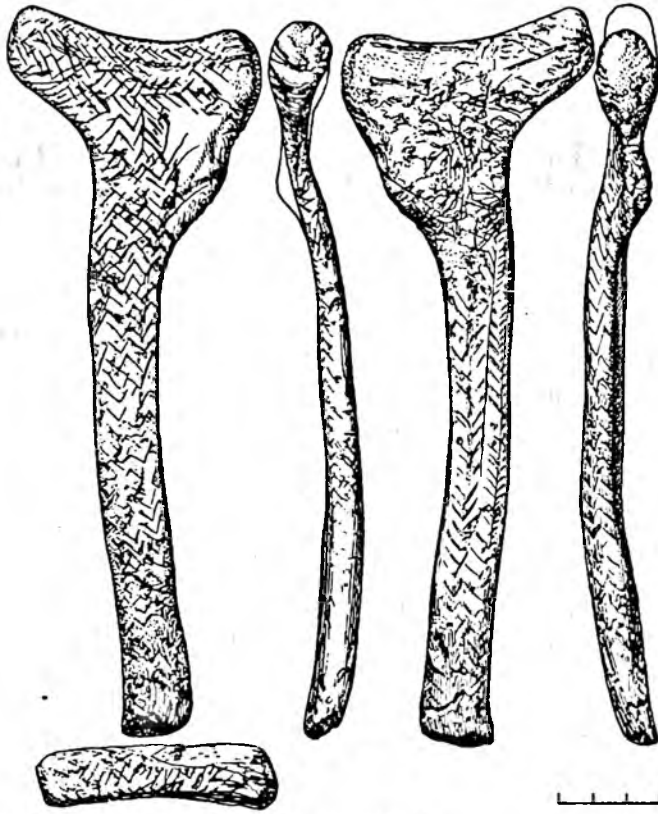

Рис. 1 Молоток с орнаментированной поверхностью.

также рядами. Другая сторона сильно корродирована, и проследить орнамент на ней трудно, хотя отдельные элементы орнамента просматриваются. По верхнему узкому краю рабочей части нанесены шевроны, кроме того на ней имеется негатив от скола. Сохранность орнамента на поверхности рабочей части хуже, чем на рукояти. Размеры молотка (в см): общая длина 20,7, длина рукояти 17, общая длина рабочей части 7,4, ширина рукояти в средней части 1,8, ширина рабочей части 2,6, толщина рукояти 1, толщина рабочей части 1,2.

Второй молоток массивный. Один конец у него обрезан, второй конец, обушок — это выпуклая головка-розетка. Рабочий конец забит и стерт, в нем имеется небольшое углубление в костной ткани рога. Обушковая часть заглажена. Рукоять длинная, нижний конец ее обрезан и стерт по краю. На поверхности рукояти в двух местах наблюдается орнамент: два ромба прорезаны по узкому продольному боковому краю, а пятью сантиметрами ниже у того же узкого края, но уже на широкой поверхности нанесены 5 целых ромбов и три угла. Создается впечатление, что орнамент был только намечен, а окончательно не оформлен. Размеры (в см): общая длина молотка 22, длина рукояти 16, длина рабочей части 12,6, ширина рукояти 2,8, ширина рабочей части у обрезанного конца 4, толщина рукояти 2,4, толщина рабочей части 3.

Третий молоток с разломанной рукоятью также массивный (рис.2). Один конец у него обрезан, второй конец — розетка сброшенного

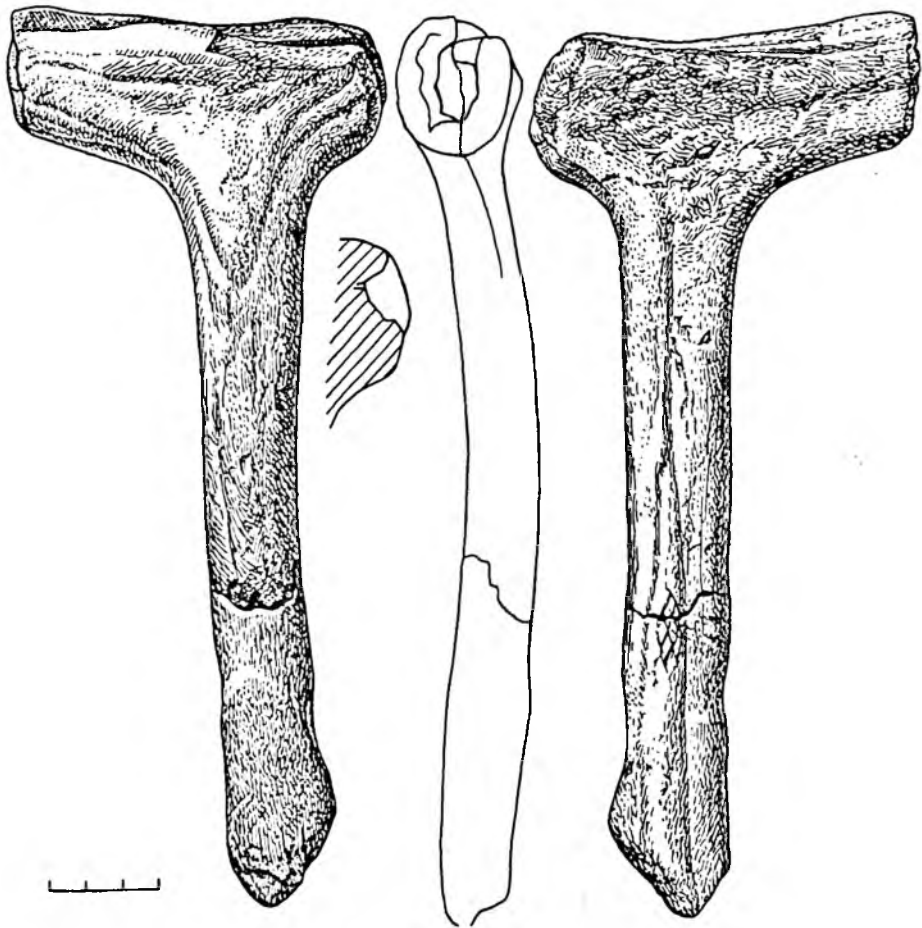

Рис. 2 Молоток с ромбами на рукояти

рога. Рабочий конец у верхнего края частично обломан, в нем имеется небольшое углубление. На узком краю рабочей части сохранился негатив от скола. Рукоять длинная, нижний конец ее заужен и стерт у края. В нижней части рукояти на месте скола нанесен орнамент в виде ромбов: можно различить 5 ромбов, но, возможно, их было больше, и часть ромбов уничтожена разломом. Размеры (в см): общая длина молотка 25, длина рукояти 20,5, длина рабочей части 10,7, ширина рабочей части 4,3, толщина рукояти 2, толщина рабочей части 2,5.

Четвертый молоток изготовлен из рога молодого оленя. Молоток плоский, с обломанной рукоятью. Рабочий конец обрезан, обушковая часть является розеткой сброшенного рога. Оба конца стерты. Рабочая часть с одной стороны поверхности отслоилась, с другой поверхности она повреждена погрызами или корнеточинами. Часть оставшейся рукояти разломана. Орнамента на молотке не обнаружено. Размеры сохранившейся части молотка (в см): длина 8,7, длина оставшейся рукояти 5,

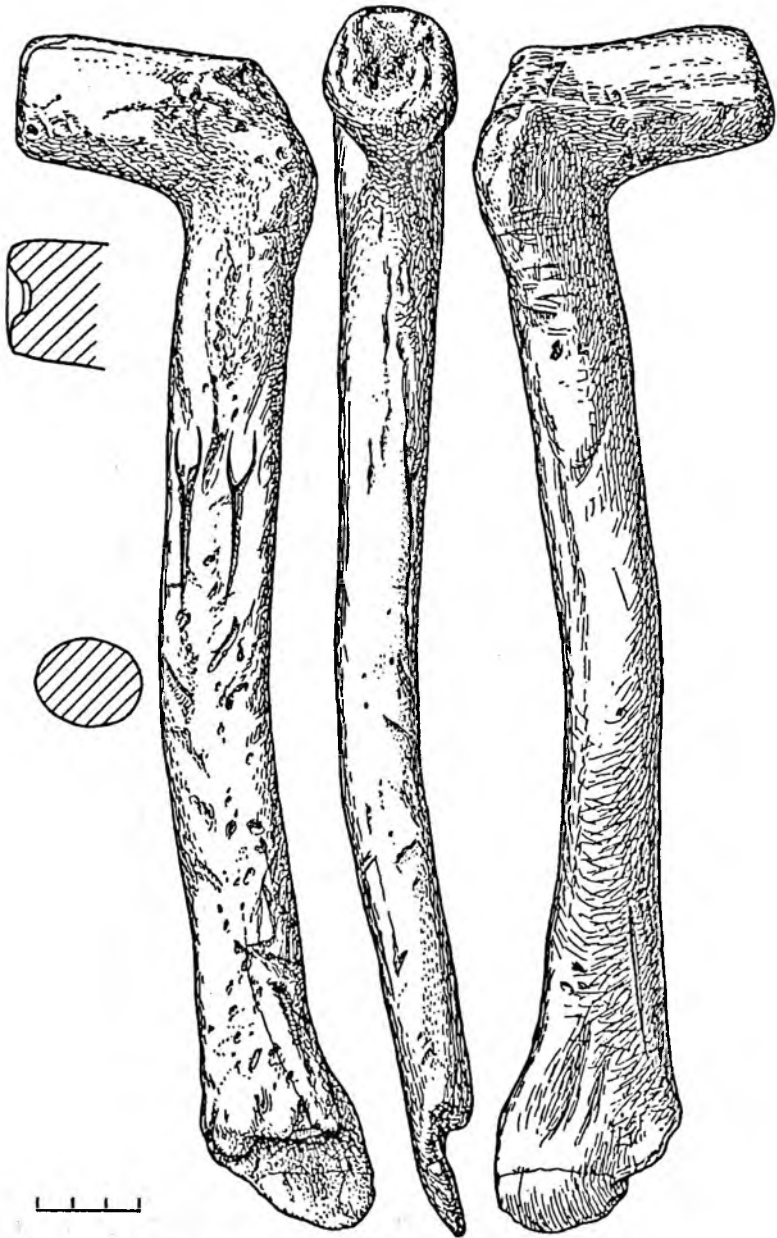

Рис. 3 Молоток с двузубцами на рукояти.

длина рабочей части 12,2, ширина рукояти 2,2, ширина рабочей части посередине 3,2, толщина рукояти 1,8, толщина рабочей части 1,9.

Двусторонние молотки близки между собой по форме, а отличаются размерами и орнаментом.

Односторонние молотки встречаются на палеолитических стоянках значительно реже, чем двусторонние. Найденный в Юдиново молоток этой разновидности — самый крупный среди найденных здесь экземпляров (рис.3). Один конец его отделен от основного рога с помощью кругового надреза. Обушковая часть, розетка, косо срезана, от нее

остался лишь небольшой участок края. Оба конца стертые. На рабочем конце наблюдаются два небольших углубления, одно из них заполнено суглинком. Рукоять молотка длинная, возможно, на нижнем конце ее был сделан специальный вырез. От него сохранилась одна сторона, внутренняя часть которой заглажена. Не исключено, что конец молотка использовали в качестве муфты. В верхней части рукояти имеются три изображения, расположенные рядом. Изображения напоминают двузубчатую розетку, у третьего из них, сохранившегося неполностью, прорезаны только зубцы. Длина левого двузубца 5,5 см, правого — 5 см. В нижней части рукояти пытались еще что-то изобразить — на это указывают линии разной длины и ширины. Размеры молотка (в см): длина 35,7, длина рукояти 31,7, длина рабочей части — 7 по верхнему краю и 7 по нижнему, ширина рукояти 3,3, ширина рабочей части 3,7, толщина рукояти в средней части 2,2, толщина рабочей части 3.

Юдиновские молотки представлены двумя разновидностями — двусторонние и односторонние. Один рабочий конец у них, как правило, обрезан, обушковая часть у четырех молотков является естественной розеткой от сброшенного рога, у одного молотка она обрезана почти полностью. Уникальность молотков заключается в их орнаментации. У большинства изделий орнамент нанесен на рукояти, а один молоток орнаментирован полностью. Молотки украшены геометрическим орнаментом — ромбами, шевронами, фигурами в виде двузубца. Орнаментируя молотки, их как бы специально метили. Утилизированные орнаментированные молотки — явление в палеолите чрезвычайно редкое. В Центральной и Западной Европе орнаментированные молотки неизвестны — есть только отдельные изделия, на поверхности которых нанесены штрихи.

Относительно использования молотков высказано несколько точек зрения. Так, И.Г.Шовкопляс считал, что их употребляли в качестве ударных инструментов для раскалывания дерева, бивней, трубчатых костей (Шовкопляс 1965: 194). И.Г.Пидопличко полагал, что молотки применяли при работе по каменным предметам, для разбивания костей, размягчения мяса, приготовления пищи и даже в качестве оружия (Пидопличко 1976: 168,169). С.Н.Бибиков включил один из молотков Мезина в группу ударно-ритмических музыкальных инструментов (Бибиков 1981: 77). Все эти мнения представляют несомненный интерес и свидетельствуют о широких возможностях использования молотков.

Молотки обнаружены на многих разнотипных верхнепалеолитических памятниках Восточной Европы. Как и в Юдиново, они немногочисленны. Отмечу, прежде всего, стоянки Верхнего Поднепровья. Больше всего молотков найдено Мезине и Межиричах. Из Мезина происходит 6 молотков, среди которых есть как односторонние, так и двусторонние экземпляры (Шовкопляс 1965). В Межиричах найдено 7 экземпляров, среди них преобладают двусторонние (Пидопличко 1976). Из других стоянок этого региона единичные молотки выявлены в Гонцах (Шербаківський 1919: 61-78), в Чулатове 1 (Пидопличко 1947: 123-148), в Чулатове 2 (Галич 1947: 149-154), в Елисеевичах (Поликарпович 1968) и Добраничевке (Шовкопляс 1972: 177-188). Хорошо известны молотки в днестровских многослойных стоянках: Кормань 4, слой 5 (Черныш 1977: 42), Молдова 5, слой 2 и 5 (Черныш 1959), Молдова 1, слои 1-3 (Черныш 1982: 80-81), в Косоуцах (Борзьяк, Коваленко 1989: 213; 1992: 21, рис 5,1, 6,12), на стоянке Липа 6, слой 3 (Савич 1975). Молотки из рога северного оленя существовали в течение всего

верхнего палеолита. Они представлены на памятниках Восточной, Центральной и Западной Европы, а также в Сибири.

Многочисленная коллекция костяных изделий Юдинова свидетельствует о высоком техническом уровне их обработки и о широком использовании костяных орудий. Орнамент, нанесенный на многих предметах, подтверждает художественный вкус обитателей поселения и их особое отношение к этим изделиям. Костяные поделки Юдинова указывают на развитое косторезное мастерство у охотников на мамонтов, живших 15-14 тысяч лет тому назад.

-
- Абрамова З.А. 1989. Две модели культурной адаптации в конце палеолита // Проблемы культурной адаптации в эпоху верхнего палеолита. Т.Д. Л.
- Абрамова З.А. 1995. Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. Вып.1. СПб.
- Бибиков С.Н. 1981. Древнейший музыкальный комплекс из костей мамонта. Очерк материальной и духовной культуры палеолитического человека. Киев.
- Борзьяк И.А., Коваленко С.И. 1989. Некоторые данные о многослойной палеолитической стоянке Косоуца на Среднем Днестре // Четвертичный период. Палеонтология и археология. Кишинев.
- Борзьяк И.А., Коваленко С.И. 1992. Исследование слоя 36 многослойной палеолитической стоянки Косоуца на Среднем Днестре // Археологические исследования в Молдове 1991 г. Кишинев.
- Будько В.Д. 1966. Верхний палеолит северо-запада Русской равнины // Доклады и сообщения археологов СССР. VII международный конгрессе доисториков и протоисториков. М.
- Галич Д.З. 1947. Палеолитична стоянка Чулатів II (Робочий Рін) // Палеоліт і неоліт України. Т.1. Київ.
- Григорьева Г.В. 1995. Работы на верхнепалеолитической стоянке Юдиново в 1995 г. СПб.
- Підолічка І.Г. 1947. Палеолітична стоянка Чулатів I (Крейдяний Майдан) // Палеоліт і неоліт України. Т.1. Київ.
- Пидоплічко И.Г. 1976. Межиричские жилища из костей мамонта. Киев.
- Поздикарнович К.М. 1968. Палеолит Верхнего Поднепровья. Минск.
- Савич В.П. 1975. Пізньопалеолітичне населення південно-західної Волині. Київ.
- Черныш А.П. 1959. Палеолит Среднего Приднепровья // Труды комиссии по изучению четвертичного периода. № 15. М.
- Черныш А.П. 1977. Многослойная палеолитическая стоянка Кормань IV и ее место в палеолите // Многослойная палеолитическая стоянка Кормань IV. К X Конгрессу INQUA. М.
- Черныш А.П. Многослойная палеолитическая стоянка Молдова I // Молдова I. Уникальное мустьерское поселение на Среднем Днестре. М.
- Шовкопляс И.Г. 1965. Мезитская стоянка. Киев.
- Шовкопляс И.Г. 1972. Добраничская стоянка на Киевщине (некоторые итоги исследований) // МИА. № 185.
- Щербаківський В.М. 1919. Розкопки палеолітичного селища в с.Гонцях Лубенського повіту в 1914-1915 рр. // Записки Українського наукового товариства досліджування й охорони пам'яток старовини та мистецтва на Полтавщині. Вип.1. Полтава.

«Висы радости» норвежского конунга Харальда Сигурдарсона в русских переводах XVIII века

В среду в четвертые календы августа месяца (т.е. 29 июля) 1030 г. в битве при Стикластадире против войска лендрманнов и бондов погиб знаменитый норвежский конунг Олав Харальдссон. Его сводный (по матери) брат, Харальд Сигурдарсон, которому тогда было пятнадцать лет, участвовал в сражении, был ранен, бежал, скрывался, лечился, перебрался через горы в Швецию, а весной следующего года отправился, как сообщает исландский историк Снорри Стурлусон в своде королевских саг “Круг Земной” (ок.1230), “на восток в Гардарики к конунгу Яришлейву”, т.е. на Русь к князю Ярославу Мудрому.

Снорри далее рассказывает, что “конунг Яришлейв хорошо принял Харальда и его людей. Сделался тогда Харальд хёвдингом над людьми конунга, охранявшими страну, вместе с Эйливом, сыном ярла Рёгнвальда. [...] Харальд оставался в Гардарики несколько зим и ездил по всему Аустрвегу. Затем отправился он в путь в Грикланд (Грецию — *Т.Д.*), и было у него много войска. Держал он тогда путь в Миклагард (Константинополь. — *Т.Д.*)” (Snorri: 69-70).

Причина отъезда Харальда объясняется в “Гнилой коже” (начало XIII в.) и в восходящей к ней “Саге о Харальде Сигурдарсоне Жестоком Правителе” по рукописи XIV в. “Хульда”. Здесь рассказывается о том, что “Харальд ездил по всему Аустрвегу и совершил много подвигов, и за это конунг его высоко ценил. У конунга Яришлейва и княгини Ингигерд была дочь, которую звали Элизабет, норманны называют ее Эллисив. Харальд завел разговор с конунгом, не захочет ли тот отдать ему дсвушку в жены, говоря, что он известен родичами своими и предками, а также отчасти и своим поведением”. Ярослав сказал, что не может отдать дочь чужеземцу, у которого нет государства для управления и который недостаточно богат, но не отверг его предложения и обещал сохранить ему почет и уважение. Именно после этого разговора Харальд отправился прочь, добрался до Константинополя и провел там несколько лет на службе у византийского императора (Hulda: 132-133).

Возвращаясь на Русь, будучи обладателем такого огромного богатства. “какого никто в Северных землях не видел во владении одного человека, — рассказывает Снорри Стурлусон, — сложил Харальд Висы радости, и всего их было шестнадцать, и один конец у всех. Вот одна из них: «Корабль проходил перед обширной Сицилией. Мы были горды собой. Корабль с людьми быстро скользил, как и можно

только было желать. Я меньше всего надеюсь на то, что трус будет нам в этом подражать. Однако не хочет девушка в Гардах чувствовать ко мне склонности». Этим он обращался к Эллисив, дочери конунга Ярицлейва в Хольмгарде (Новгороде — Т.Д.)” (Snogri: 89, 90).

Вернувшись на Русь, Харальд взял в свое владение все то золото, которое он посылал из Миклагарда на хранение к Ярицлейву. Кроме того, во всех сводах сообщается, что в ту зиму “Ярицлейв отдал Харальду в жены свою дочь”. Эти слова саги подтверждаются к тому же ссылкой на 4-ю строфу “Драпы Стува” (ок.1067 г.) исландского скальда Стува Слепого: “Воинственный конунг Эгда взял себе ту жену, какую он хотел. Ему выпало много золота и дочь конунга”. Ни имени конунга, ни имени его молодой жены, ни “восточных” топонимов в висе нет. Однако из “Пряди о Стуве” известно, что он был дружинником конунга Харальда Сигурдарсона, так что именно Харальд может скрываться под прозвищем “воинственный конунг Эгда”. О золоте, которое “выпало” Харальду, рассказывают и другие скальды, например, Тьодольв Арнарсон и Вальгард из Веллы. О том же браке сообщает и Адам Бременский: “Харольд, вернувшись из Греции, взял в жены дочь короля Рущии Герцлефа” (Adam. Lib. III, cap. 13, schol. 62).

Та же единственная строфа, что и в “Круге Земном”, цитируется в другом своде королевских саг — “Красивая кожа”, ок. 1220 (Fagrskinna: 232). В “Гнилой коже” (1217-1222) и “Хульде” приводятся шесть строф Харальда, посвященных “Элизабет, дочери конунга Ярицлейва, руки которой он просил”. Они вводятся словами: “... и всего их было шестнадцать, и у всех один конец; здесь, однако, записаны немногие из них” (Morkinskinna: 15-16; Hulda: 169).

В известных нам шести висах (строфах) Харальд рассказывает о том, что он родился в гористой Норвегии, что его корабли бороздят моря и наводят ужас на прибрежных жителей, о том, как в юности он участвовал в большой битве против трэндов, как воевал на Сицилии, как сражался у стен южного города, как попал в страшную бурю и спасся, какими искусствами он владеет. Каждая строфа, действительно, заканчивается одним и тем же выражением недоумения удалого викинга: “Однако не хочет девушка в Гардах чувствовать ко мне склонности”.

“Висы радости” Харальда завоевали большую популярность в России. Число их переводов на русский язык и вольных переложений достигает полутора десятков. Ниже пойдет речь о переводах, выполненных в XVIII веке.

I

В 1778 г. в “Санктпетербургском вестнике” появилась рецензия некоего “Б.” (вероятно, Г.Брайко) на русский перевод первого тома труда швейцарского ученого Поля-Анри Малле “История Дании” (Маллет 1777). Еще один том “Истории Дании” Малле, посвященный древнескандинавской культуре, включал в себя собрание переводов на французский язык “памятников поэзии и мифологии кельтов, в частности древних скандинавов”. Брайко, ратовавший за перевод на русский язык и этой части труда Малле, опубликовал в рамках своей рецензии некоторые образцы древнескандинавской литературы. Среди прочего, он перевел с французского языка на русский скальдические стихи, сочиненные норвежским конунгом Харальдом Сигурдарсоном (“Ode de Harald Le Vaillant”, как назвал их Малле) и адресованные русской княжне, дочери Ярослава Мудрого, Елизавете. “Видно, что сия княжна

может быть не по склонности своей выдана была за сего чужеземца, который не видя успеха в свой любви сочинил на холодность ее оду; мы оную из непереуведенного введения взяв, читателям нашим для любопытства сообщаем,” – такими словами предварил Брайко свой перевод “Оды Гаралда храброго” (Санктпетербургский вестник. 1778, ч.1, апрель: 312-314).

Дабы не утомлять читателя содержательными повторами и лишь отразить специфику стиля, я ограничусь в прозаических переводах цитированием одной-двух вис, хотя все переводы из Малле включают в себя по шесть строф.

Корабли мои совершили плавание в *Сицилию*, то были дни
нашего сияния, нашего великолепия; мой темноцветный
корабль нагружен людьми поспешно летел по моему желанию;
упражнен войнами я думал всегда так плавать: *однако меня
презирает русская девица.*

При всей тяжеловесности языка переводчика, при том, что прозой невозможно передать скальдическую поэзию, при том, что “вторичный” перевод (с древнеисландского на французский и только затем на русский) обречен на то, чтобы значительно отличаться от оригинала, все же появление этого перевода можно считать событием в российской литературной жизни. Именно через него в последней четверти XVIII в. состоялось первое знакомство читающей российской публики с древнескандинавской скальдической поэзией. Более того, это вообще был первый перевод древнеисландской литературы на русский язык.

II

В 1785 г. появился в переводе Ф.П.Моисеенкова тот том труда Малле, в котором были представлены “Младшая Эдда”, “Старшая Эдда” и образцы поэзии скальдов. “Висы радости” Харальда Сигурдарсона вновь были переведены прозой под названием “Песня Гаральда Бодрого” (Маллет 1785: 169-170).

Мои корабли объехали Сицилию. Тогда-то мы были блестяши
и пышны: мой бурый корабль нагруженный людьми быстро
рассекал волны по воле моих желаний; я помышляя о
сражениях думал всегда плавать таким образом. Однако
девица Российская меня презирает.

Советский литературовед Д.М.Шарыпкин совершенно справедливо отметил, что переводы Брайко и Моисеенкова, “безликие, тяжеловесные и рабски буквалистские, не дают представления ни об изяществе и кокетливой простоте слога Малле, ни о сложном древнеисландском оригинале”. На его взгляд, “гораздо более совершенны стихотворные переложения” поэмы Харальда, “осуществленные Н.А.Львовым и И.Ф.Богдановичем” (Шарыпкин 1980: 95). Они, конечно, тоже далеки от исландского оригинала, но их поэтические достоинства несомненны.

III

Н.А.Львов (1751-1804), русский поэт, художник, архитектор, музыкант, опубликовал в 1793 г. отдельной брошюрой французский текст Малле и свой поэтический перевод под заголовком “Песнь Норвежского витязя Гаральда Храброго, из древней Исландской летописи Книт-

линг сага господином Маллетом выписанная, и в Датской Истории помещенная, переложена на Российский язык образом древнего стихотворения с примеру *He звезда блеснит далече во чистом поле*".

Корабли мои объехали Сицилию,
И тогда-то были славны, были громки мы.
Нагруженной мой черной корабль дружиною
Быстро плавал по синю морю, как я хотел.
Так любя войну, я плавать помышлял всегда;
А меня ни во что ставит девка Русская.

Я во младости с Дронтейцами в сраженьи был,
Превосходнее числом их было воинство.
О! куда как был ужасен наш кровавой бой!
Тут рукой мою сильной, молодецкою
Положен на ратном поле молодой их Царь;
А меня ни во что ставит девка Русская.

Нас шестнадцать только было в корабле одном:
Поднялась тогда на море буря сильная;
Нагруженный наш корабль водой наполнился;
Но мы дружно и поспешно воду вылили,
И я с той поры удачи стал надеяться;
А меня ни во что ставит девка Русская.

Не досуж ли, не горазд ли я на восемь рук?
Я умею храбро драться и копьем бросать;
Я веслом владеть умею и добрым конем;
По водам глубоким плавать я навык давно;
По снегам на лыжах бегать аль не мастер я?
А меня ни во что ставит девка Русская.

Неужель та девка красная подумает,
Что тогда я сбруей ратной не умел владеть,
Как стоял в земле полуденной под городом,
И в тот день, как с супостатом битву выдержал,
Не поставил богатырской славе памятник?
А меня ни во что ставит девка Русская.

Я рожден в земле высокой во Норвегии:
Там где из лука стрелять досужи жители;
Но чего мужик боится, я за то взялся:
Корабли водить меж камней по синю морю,
От жилой страны далеко по чужим водам;
А меня ни во что ставит девка Русская.

IV

В 1790-х годах, т.е. примерно в то же время, что и Н.А.Львов (хотя опубликовано это было десятилетиями позднее), "вольный перевод с французского" осуществил известный русский поэт И.Ф.Богданович (1744-1803). Он также воспользовался песенным размером и еще более, на мой взгляд, отошел от оригинала, создав вполне самостоятельную "Песнь храброго шведского рыцаря Гаральда".

По синим по морям на славных кораблях
Я вокруг Сицилию объехал в малых днях,
Бесстрашно всюду я, куда хотел, пускался;
Я бил и побеждал, кто против мне встречался.
Не я ли молодец, не я ли удалой?
А девка Русская велит мне бресть домой.

Я в самой юности, имея храбрый дух,

Дронтгеймских жителей гонял, как будто мух;
Хоть было мало нас, а их гораздо боле,
Король и силы их легли на ратном поле.
Не я ли молодец, не я ли удалой?
А девка Русская велит мне бресть домой.

В несчастном плаваньи, в несчастный самый час,
Когда на корабле шестнадцать было нас,
Когда разбил нас гром, в корабль лилося море,
Мы воду вылили, забыв и грусть и горе.
Не я ли молодец, не я ли удалой?
А девка Русская велит мне бресть домой.

Во всем искусен я, могу с гребцами гресть,
На лыжах выслужил себе отменну честь;
Скакать на лошади и править я умею,
Копье бросаю в цель, на битвах не робею.
Не я ли молодец, не я ли удалой?
А девка Русская велит мне бресть домой.

Неужели она забыла то себе,
Каков бываю я в бою или в борьбе?
Забыла ли она, как стоя на пекете,
Моею храбростью у всех бывал в примете?
Не я ли молодец, не я ли удалой?
А девка Русская велит мне бресть домой.

Я знаю на земле военно ремесло;
Но, воду возлюбя и возлюбя весло,
За славою лечу я мокрыми путями;
Норвежки храбрецы меня боятся сами.
Не я ли молодец, не я ли удалой?
А девка Русская велит мне бресть домой.

Впередн у "Вис радости" Харальда (или, как их очень удачно назвал В.Т.Пашуто, "Стансов Гаральда в честь Елизаветы Ярославны") еще два века переводов и вольных переложений, но об этом – в другой работе (см.: Джексон: 1997).

-
- Джексон Т.Н. 1997. "Þo lætr Gerðr í Görðum gofhrings við mér skolla": "Висел радости" норвежского конунга Харальда Сигурдарсона в русских переводах и переложениях // *Scando-Slavica*. Vol.43.
- Дмоховская И.В. 1964. Из истории русско-исландских литературных отношений (Исландская литература в России во второй половине XVIII – первой половине XIX вв.) // *СС*. № IX. Таллин.
- Маллет Г. 1777. Датская история, переведенная с французского студентом Федором Моисеенковым. Часть первая, содержащая в себе происшествия от начала монархии до вступления на престол Олденбургского дома. СПб.
- Маллет Г. 1785. Введение в историю Датскую. Часть вторая, содержащая в себе достопамятности иконосложения и стихотворения древних северных народов. Перевел с французского языка на российский адъюнкт Федор Моисеенко. СПб.
- Шарышкин Д.М. 1980. Скандинавская литература в России. *Adam Bremensis Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum* / Ed. B. Schmeidler. Hannover, Leipzig, 1917.
- Fagrskinna – Noregs konunga tal / Bjarni Einarsson // *Íslenzk fornit*. Reykjavik, 1984. B.XXIX.
- Hulda // *Formanna sögur eftir gömlum handritum*. Kaupmannahöfn. 1831. B.VI.
- Morkinskinna / Finnur Jónsson // *Skrifter udgivet af Samfund til udgivelse af gammel nordisk litteratur*. København. 1932. B.I.III.
- Snorri Sturluson. *Heimskringla* / Bjarni Adalbjarnarson // *ÍF*. 1951. B.XXVIII.

Материалы по Пскову в фотоархиве ИИМК РАН

В фотоархиве ИИМК РАН хранится 1868 негативов, 1859 отпечатков и 91 открытка по памятникам Пскова — всего 3818 ед.хр. Цифра весьма существенная. Для сравнения скажем, что по Петербургу около 6000 ед.хр., а по Москве — примерно 3500 ед.хр. Фотодокументы по Пскову датируются 1871-1983 годами. На настоящий момент не обработаны (и поэтому не включены в представляемый ниже каталог) материалы исследований в Пскове после 1983 г., хотя работы ленинградских археологов продолжались и в последующие годы.

Первые съемки (по материалам именно этого фотоархива) произведены фотографом К.Кампрада в 1871 г. (рис.1). В 1880-1890-х гг. в Пскове бывал фотограф И.Ф.Баршевский. Канцелярским работников Академии художеств в Петербурге, фотографом-любителем Н.Г.Матвеевым в 1900-1914 гг. произведена съемка практически всех памятников, и его снимки отличаются высокой художественной выразительностью. От Императорской Археологической комиссии в Пскове работал академик архитектуры П.П.Покрышкин. Съемка графической документации, находок из раскопок и хранящихся в музеях вещей в первой четверти нашего столетия производилась фотографом ИАК-ГАИМК И.Ф. Чистяковым. В 1920-х гг. особенно большие работы производились архитектором К.К.Романовым. Археологические работы 1960-1980-х гг. связаны с именами А.Н.Кирпичникова, О.В. Овсянникова, В.И.Кильдюшевского. Наследие Ю.П.Спегальского выражается в чертежах, планах и, конечно же, реконструкциях псковских строений.

Изданные в начале XX в. открытки собраны в фондах ИАК и ГАИМК.

В фотоархиве ИИМК РАН совершенно нет материалов, связанных с именем В.Д.Бслецкого, поскольку все результаты его многолетней плодотворной деятельности в Пскове отложились в Эрмитаже.

Публикуемый Каталог материалов по Пскову, хранящихся в фотоархиве ИИМК РАН — а данная работа выполнена именно в память о Василии Дмитриевиче — включает несколько подразделов: планы, виды города, Кремль, соборы, церкви и т.д. Курсивом набраны номера негативов (с шифрами I, II, III, IV) и отпечатков (альбомы с шифрами O или Q / номера страниц), инвентарные номера по описям (коллекции или инв. №№/номера внутри коллекций), количество негативов, отпечатков или открыток. Названы объекты, авторы и время съемки, фонд. Представленный Каталог практически полный, но хотелось бы издать его в иллюстрированном виде. Такая задумка уже была: в продолжение серии “Прошлое ... в фотографиях (иллюстрированный каталог фотоархива ИИМК РАН)” издать небольшой справочник

Рис. 1 Псковский кремль. Вид с юго-запада. Сн. К. Кампрада, 1871 г.

“Прошлое Пскова в фотографиях”. Издание должно быть совместным с Псковским музеем, где имеется огромная фототека. Он должен включить три составные части: 1. Материалы Псковского музея; 2. Материалы фотоархива ИИМК РАН; 3. Фотографические материалы по Пскову, хранящиеся в Русском отделе Эрмитажа. В таком виде это было бы наилучшей формой памяти о русском ученом, историке, археологе, музейеведе Василии Дмитриевиче Белецком.

1. Планы.

III 10649-10659, 10595-10600, инв. 8740-8756. Нег. — 17. План сборный, составленный по планам 1581, 1694, 1749, 1779, 1821 гг. в 1866 г. Хранится в Псковском музее. Сн. И.Ф.Чистякова, 1908 г. Фонд ИАК.

О.2066/83, колл. 1549/93. Нег. — 1, отп. — 1. Схема укреплений древнего Пскова. Сн. Лаборатории ИИМК, 1957 г. Фонд ИИМК АН СССР.

Q 494/18, колл. 354/1, Нег. — 1, отп. — 1. План города с поселенными при нем слободами, 1821 г. Сн. И.Ф.Чистякова, 1934 г. Фонд ГАИМК.

О.1697, О.1698, F 168, Q720, колл. 1379. Нег. — 13, отп. — 44. План города 1694 г. : надпись на плане. Виды стен и башен. Сн. К.К.Романова, 1913-1917 гг. Фонд К.К.Романова.

О.1698/20-21, колл. 1379/2031-2032. Отп. — 2. Материал из Атласа И.Д. Годовикова к его “Описанию древностей Псковской губернии 1866 г.”: планы, фасады уничтоженных церквей; строение на островке: Гремячая башня и др. Сн. до 1917 г. Фонд К.К.Романова.

О.453/1037, колл. 190/11449. Отп. — 1. Репродукции из Атласа И.Д. Годовикова: строение на островке; часть кремлевской стены с Гремячей башней. Сн. К.К. Романова. Фонд ИАК.

О.424/190-200, О.423/169-178, 169а, 182-183, 187-189, О.422/24, О.475/1914, О.1612/13, II; III 10605-10648, инв. 8696-8739. Нег. — 44, отп. — 40. Атлас рисунков И.Д. Годовикова к его “Описанию древней Псковской губернии” 1880 г.: карта Псковской губернии 1856 г. (8696), Изборск — крепость. планы и общий вид (8697), Остров — крепость, план и общий вид (8698), Печоры — крепость, план и общий вид (8698), планы городищ и пригородов — Гдов, Опочка, Коложна, Иван-Город, Заволочье, Велье, Воронич, Красной, Врев, Выбор, Котельной, Володимирец (8699), Псков — планы города (8700-8704), крепостные стены (8705-8722), собор Троицкий — план, разрезы, иконостас, утварь (8723-8727), церкви (8728-8733), старинные дома (8734-8737), предметы из ризницы собора (8739). Сн. И.Ф.Чистякова, 1908 г. Фонд ИАК.

2. Виды города.
 О.595/1, О.469/65, колл. 190/7699, 12078, Отп. — 2. Виды города с юго-запада и улицы старого города. Сн. К.Кампрада, 1871 г. Фонд ИАК.
 О.469/58-59, колл. 190/12071-12073, Отп. — 2. Виды реки Псковы, Лапиной горки и Никольских ворот. Сн. О.Парли, 1900-е гг. Фонд ИАК.
 I 8250, инв. 42813. Нег. — 1. Общий вид Пскова. Сн. В.М.Машечкина, до 1918 г. Фонд В.М.Машечкина.
 II 10804-10816, I 3947, IV 109-110, колл. 17/564-579. Нег. — 16. Виды: вокзал, здания, улицы, общие виды, мосты, железная дорога. Сн. 1910-х гг. Фонд КПХИ.
 О.771/20-23, 27, колл. 20/1349-1352, 1356. Отп. — 5. Виды на Завеличье, Запсковье, моста, дома им. Пушкина, развалин на р.Великой. Сн. нач. XX в. Фонд КПХИ.
 II 35448-35449, О.316/137, I, 7- 9; О.317/11, инв. 17246-17247, 9107, 9108, 9110, 9112-9114, колл. 190/12885. Нег. — 7, отп. — 6. Виды Пскова и Запсковья, на Васильевский спуск. Сн. П.П.Покрышкина, 1908 и 1915 гг. Фонд ИАК.
 I 17402, 17410-17411, 17413-17415, 17417-17420, 17422, II 3596, III 6120, 6124, 3621, инв. 36858, 36883, 39423, 39419, 40165, 40173-40174, 40176-40178, 40180-40183, 40185. Нег. — 14. Виды Пскова: рыбный торг, Великолуцкая улица, торговая площадь, здание школы Петропавловского собора, р. Пскова, улица в Запсковьи, бревенчатый дом, дом XVII в. на Гоголевской улице. Сн. Н.Г.Матвеева, 1913-1914 гг. Фонд Н.Г.Матвеева.
 О.469/33, 19, 37, О.580/38, колл. 190/13035, 13022, 13039, 13597. Откр. — 23. Виды части города, площади, Кахановского бульвара. Откр. начала XX в. Фонд ИАК.
 О.402/1762, О.604/40-41, О.605/1, колл. 190/8966, 3589-3590, 3598. Отп. — 4. Виды города и Запсковья. Сн. Н.Б.Бакланова, 1914 г. и В.М.Машукова, 1901 г. Фонд ИАК.
 О.1612/40-41, колл. 16/1916-1917. Нег. — 2, отп. — 2. Развалины на островке. Сн. 1920-х гг. Фонд ЛРМ.
 Q 720/1-2, колл. 1379/1747-1748. Отп. — 2. Запсковье: Глухая башня у "нижних решеток". Сн. В.М.Машечкина, 1917 г. Фонд К.К.Романова.
 II 48917-489191, колл. 1379/341-343. Нег. — 3. Развалины на островке: наружный и внутренний виды. Сн. К.К.Романова, 1921 г. Фонд К.К.Романова.
 О.1697/11, 19-21, колл. 1379/1989, 1434-1436. Нег. — 3, отп. — 4. Виды: на "нижние решетки", на р.Великую и на р. Мирожку. Вид на стены окольного города: от Покровской башни к Детинцу, с Завеличья. Сн. К.К. Романова, 1927-1928 гг. Фонд К.К.Романова.
 Q 722/50-51, колл. 1379/2005-2006. Отп. — 2. Вид из Гремячей башни на церковь Косьмы и Дамиана, Детинец и стены окольного города. Сн. Н.Успенского, до 1917 г. Фонд К.К.Романова.
 О.469/36, О.310/50, 30-32, О.312/44, колл. 190/13038; 160/373, 539, 353-355. Откр. — 6. Мост Троицкий и церковь Косьмы и Дамиана: общий вид. Виды улицы старой части города, части Запсковья с церковью Богооявления в Бродех, Запсковья. Открытки начала XX в. Фонды ИАК и ГАИМК.
 О.310/29, 56, 27-28, О.312/36, 15-21, 12-13, колл. 160/351, 379, 530, 510-516, 507-508, 350. Откр. — 13. Виды: части Завеличья, части города с Детинцем и троицким собором, части города у церкви Св.Георгия "на взвозе", набережной р. Псковы, Саловой улицы, городской площади, рыбной пристани, рынка, карусели; общие виды местности у Кремля. Открытки начала XX в. Фонд ГАИМК.
 О.1704/39-40, 42, 44-45, 48, колл. 1403. Нег. — 7, отп. — 6. Виды города. Сн. Средне-Днепровской экспедиции, 1947-1948 гг. Фонд ИИМК АН СССР.
 О.3364/48-53, колл. 2731/1319-1324. Нег. — 6, отп. — 6. Окольный город: Солодежня, жилые палаты. Запсковье. Гремячая башня, 1525 г. Общие виды. Сн. Г.И.Вздорнова, 1954-1974 гг. Фонд Г.И.Вздорнова.
3. Кремль.
 III 12547, инв. 15327. Нег. — 1. Крепостная стена: чертеж облицовки стены у правого устоя Ольгинского моста на р.Великой. Сн. И. Ф.Чистякова, 1913 г. Фонд ИАК.
 I 57666, 57667, колл. 1802/272-273. Нег. — 2. План и разрез развалин у Гремячей башни (двухэтажный корпус) по обмерам Е.Пистелькорс 1929 г. РПР с Архива ЛОИА, Разр. I, № 38, л. 1 и 2. Сн. Лаборатории ЛОИА, 1966 г. Фонд ИИМК АН СССР.
 II 92908-92913, колл. 1802/1005-1010. Нег. — 6. Михайло-Архангельская, Быковская и развалины Варлаамской башни. Перспективный вид Запсковья. РПР с Архива ЛОИА, Ф. I, 1895, д. 295, лл. 71, 77-81. Сн. ЛАФОКИ, 1983 г. Фонд ИИМК АН СССР.
 II 64348-64356, колл. 1802/67-75. Нег. — 9. Материалы альбома Езеровского: виды стен и башен (РПР). Сн. Лаборатории ИИМК, 1957 г. Фонд ИИМК АН СССР.
 О.595/8, 10, колл. 190/7708, 7706. Отп. — 2. Виды пролома Стефана Батория и Покровской башни. Сн. К.Кампрада, 1871 г. Фонд ИАК.
 О.491/1, колл. 190/1224. Отп. — 1. Башня и часть стены: общий вид. Сн. И.Ф.

Баршевского, 1880-е гг. Фонд ИАК.

II 10817-10818, колл. 17/580-581. Нег. — 2. Башни Покровская и Кислинская. Сн. 1910-х гг. Фонд КПХИ.

O.771/15, колл. 20/1344. Нег. — I, отп. — I. Вид с Завеличья. Сн. 1900-х гг. Фонд КПХИ.

Q 355/26, колл. 190/7754. Отп. — I. Стена: вид части от Петровских ворот до Михайловой башни (после обвала 1898 г.). Сн. О.Парли, 1912 г. Фонд ИАК.

Q 766/1-45, Q 767/1-50, Q 768/1-50, Q 769/1-50, O.1612/12, III 10687-10894. инв. 9402-9609. Нег. — 208, отп. — 196. Стены Кремля и Окольного города. Виды города. Сн. И.Ф.Чистякова, 1908-1909 гг. Фонд ИАК.

O.469, O.333/954, колл. 190/12054, 12059-12068, 12086, 12285-12287, 13702. Отп. — 15. Виды стен и башен Варлаамия, Гремячей, Меншиковой, Михайловской, Покровской, Митропольчесь, а также церкви Варлаамия. Сн. О.Парли. Фонд ИАК.

O.692/7, колл. 190/12509. Отп. — I. Башня Космодемьянская: внутренний вид. Сн. И.Ф.Чистякова, 1910-е гг. Фонд ИАК.

O.310, O.312, колл. 160; O.469, O.471, O.475/1726, колл. 190/13013-13016, 13018-13019, 13023, 13026-13028, 13030, 13223, 13228, 13480. Откр. — 29. Вид Кремля и собора. Виды стен, ворот и башен Варлаамия, Гремячей, Глухой, Довмонта, Загрязской, Петровской, Покровской, Образской. Баториев пролом. Открытки начала XX в. Фонд ГАИМК.

O.314, O.316. инв. 9097-9098, 9100-9106, 9111, 9131, 9399-9400, 9994. Нег. — 14, отп. — 14. Виды и детали участков стен 1371-1375 гг. Сн. П.П.Покрышкина, 1908 г. Фонд ИАК.

II 48817-48891, O.1753/1-75, колл. 1379/241-315. Нег. — 75, отп. — 75. Стена: Гремячая башня — наружные и внутренние виды и детали. Сн. Биркенберга, 1913 г. Фонд К.К.Романова.

III 3590, 3597, 3605, 3611, I 17335-17343, 17383-17399, инв. 36852, 36859, 36867, 36873, 40099-40107, 40146-40162. Нег. — 30. Общие виды, Гремячая башня, общие виды стен и башен Варлаамия, Кутекры, Нижних решеток, Довмонта и Свинойской. Сн. Н.Г. Матвеева, до 1914 г. Фонд Н.Г.Матвеева.

Q 790/4-5, III 4883-4885, 6121-6123, II 20919-20921, 20927-20929, инв. 38153-38154, 38156-38158, 39420-39422, 39713-39723. Нег. — 14, отп. — 2. Общие виды и башни Варлаамия, Гремячая, Довмонта, Покровская, Кутекры. Сн. Н.Г. Матвеева, до 1914 г. Фонд Н.Г.Матвеева.

O.402/1759-1761, колл. 190/8963-8965. Отп. — 3. Башня Гремячая: общий и внутренний виды. Сн. Н.Б.Бакланова, 1914 г. Фонд ИАК.

O.383/841, O.434/447, колл. 190/6410, 12829. Отп. — 2. Вид на Гремячую и Покровскую башни. Сн. В.Машукова, до 1917 г. Фонд ИАК.

O.1698/68-70, II 74777, колл. 163/1001-1004. Нег. — 4, отп. — 3. Мстиславова башня и присло возле нее. Сн. П.П.Покрышкина, 1917 г. Фонд ИАК.

O.132, инв. 85171-85182. Нег. — 12, отп. — 12. Стена: общие виды участков между Лапиной горкой, Михайловской башней и Гремячей горой; церковь Ильи Мокрого — наружный вид и фрески, Мирожский монастырь — наружный вид и фрески. Сн. К.К.Романова, 1926 г. Фонд ГАИМК.

O.1480/25-28, колл. 16/1907-1910. Нег. — 4, отп. — 4. Башня Варлаамьевская. Сн. 1928 г. Фонд ЛРМ.

O.2361/5, колл. 1475/2354. Отп. — I. Общий вид с соборами. Сн. В.А.Богусевича, 1931 г. Фонд Н.П.Сычева.

Q 326/45, колл. 218. Отп. — I. Башня Космодемьянская: наружный вид. Сн. Реставрационных мастерских Псковского музея для Выставки РОСА в 1931 г. для Карельского музея. Фонд ГАИМК.

O.2161/68, колл. 1973/1-3. Нег. — I, отп. — I. Общий вид с севера. Сн. Я.В. Станкевич, 1958 г. Фонд ИИМК АН СССР.

O.3002/76-88, колл. 2456/79-91. Нег. — 13, отп. — 13. Гремячая и Мстиславская башни: виды раскопов на территории Кремля. Сн. А.Н.Кирпичникова, 1975 г. Фонд ЛОИА АН СССР.

O.3147/54-55, колл. 2765/54-55. Нег. — 2, отп. — 2. Стена 1309 года: поездка А.Н.Кирпичникова на раскопки И.К.Лабутиной. Сн. А.Н.Кирпичникова. Фонд ЛОИА АН СССР.

O.3364/32-35, колл. 2371/1303-1306. Нег. — 4, отп. — 4. Общие виды. Сн. Г.И.Вздорнова, 1954-1974 гг. Фонд Г.И.Вздорнова.

4. Дома разные.

I 17416, 17400-17401, 17407-17409, III 6119, 3617, 3607-3608, инв. 40179, 39418, 36879, 40163-40164, 40170-40172, 36869-36870. Нег. — 10. Дома Плюшкина, Сутоцкого и Яковлева на Великолуцкой улице: общие виды и детали. Сн. Н.Г. Матвеева, до 1914 г. Фонд Н.Г.Матвеева.

О.2250/103, колл. 2074/103. Нег. — 1, отп. — 1. Печи XVII века — таблица рисунков сборных частей. Сн. Лаборатории ЛОИА, 1962 г. Фонд ЛОИА АН СССР.

О.2161/67, колл. 1973/1-2. Нег. — 1, отп. — 1. Дом купеческий XVII века: вид ворот и крыльца. Сн. Я.В.Станкевич, 1958 г. Фонд ИИМК АН СССР.

О.316/23, 24, инв. 9109, 9115. Нег. — 2, отп. — 2. Дом XVIII века: виды лицевого фасада и дворового. Сн. П.П.Покрышкина, 1908 г. Фонд ИАК.

Дом Жукова:

О.316/35, О.475/1911, инв. 9117, 9126. Нег. — 2, отп. — 2. Крыльцо и наружный вид с уллицы. Сн. П.П.Покрышкина, 1908 г. Фонд ИАК.

О.1480/21-24, колл. 16/1911-1914. Нег. — 4, отп. — 4. Общие виды. Сн. ЛРМ, 1920-е гг. Фонд ЛРМ.

О.1697/35-36, О.1698/28-30, колл. 1379/1450-1451, 2039-2041. Нег. — 2, отп. — 5. Вид на работы по разборке дома ЛРМ, общий вид; детали — вход и внутренние повреждения. Сн. К.К.Романова, 1928 г. Фонд К.К.Романова.

О.595/16, О.469/4, колл. 190/7714, 12049. Отп. — 2. Дом купца Иевлева на берегу р. Псковы: общий вид развалин (сгорел в 1856 г.). Сн. К.Кампрада, 1871 г. Фонд ИАК.

О.2361/4, О.34/23, колл. 1475/2353, инв. 55972. Отп. — 2. Дом Лапина, XVII в.: наружный вид, крыльцо. Сн. Богусевича, 1931 г. и до 1916 г. Фонды Н.П. Сычева и ГАИМК.

Дом Леонова (Меншикова в XVIII веке) на Романовой горке:

О.310/44, колл. 160/366. Откр. — 1. Часть фасада с входом и окнами. Открытка начала XX в. Фонд ГАИМК.

Q 720/17-18, колл. 1379/1763-1764. Отп. — 2. Крыльцо. Сн. В.М.Машечкина, 1917 г. Фонд К.К.Романова.

Дом "Марины Мнишек":

О.316/29-32, инв. 9401, 9116, 9120-9121. Нег. — 4, отп. — 4. Развалины строения. Сн. П.П.Покрышкина, 1908 г. Фонд ИАК.

О.310/43, колл. 160/366. Откр. — 1. Вид развалин (внутри). Открытка начала XX в. Фонд ГАИМК.

О.316/133, 38, колл. 190/12884, инв. 9124. Нег. — 1, отп. — 2. Дом старинный рядом с Консисторией: общие виды. Сн. П.П.Покрышкина, 1908 г. Фонд ИАК.

Дом Сутоцкого на Великолуцкой улице:

О.316/19-20, О.321/375, 378, инв. 9119, 9129, 9395-9396. Нег. — 4, отп. — 4. Наружные детали, вход, крыльцо. Сн. П.П.Покрышкина, 1908 г. Фонд ИАК.

О.1806/27, инв. 61288. Отп. — 1. Крыльцо. Сн. В.П.Малиновского, 1900-е гг. Фонд В.П.Малиновского.

Q 720/14-16, колл. 1379/1760-1762. Отп. — 3. Наружный вид и крыльцо. Сн. В.М.Машечкина, 1917 г. Фонд К.К.Романова.

О.469/68-71, колл. 190/12081-12084. Отп. — 4. Дома Яковлева и Сутоцкого на Великолуцкой улице: наличники окон. Сн. К.Кампрада, 1871 г. Фонд ИАК.

Дом Яковлева на Великолуцкой улице (XVII в.):

О.2227/70, О.1806/26, инв. 79613, 61287. Отп. — 2. Окно и общий вид. Сн. Иванова-Терентьева, до 1915 г. и В.П.Малиновского. Фонд В.П.Малиновского.

О.316/21-22, инв. 9397-9398. Нег. — 2, отп. — 2. Фасад и окно. Сн. П.П. Покрышкина, 1908 г. Фонд ИАК.

Q 720/11-13, колл. 1379/1757-1759. Отп. — 3. Общий вид и детали окон. Сн. В.М.Машечкина, 1917 г. Фонд К.К.Романова.

О.469/57, колл. 190/12070. Отп. — 1. Вид развалин дома. Сн. О.Парли. Фонд ИАК.

Q 720/25-27, колл. 1379/1771-1773. Отп. — 3. Дом с фронтоном: общие виды. Сн. В.М.Машечкина, 1917 г. Фонд К.К. Романова.

О.314/44, инв. 9996. Нег. — 1, отп. — 1. Дом старинный в Златоустовском переулке: крыльцо. Сн. П.П. Покрышкина, 1909 г. Фонд ИАК.

О.316/33-34, инв. 9125, 9127. Нег. — 2, отп. — 2. Дом старинный на Запсковьи на Новгородской улице: наружные виды. Сн. П.П. Покрышкина, 1908 г. Фонд ИАК.

Строения разные.

5. Окольный город. Покровская и Михайловская башни: общие виды.

О.3364/40, 41, колл. 2731/1311, 1312, Отп. — 2. Сн. Г.И.Вздорнова, 1954-1974 гг. Фонд Г.И.Вздорнова.

6. Поганкины палаты.

II 14325-14327, инв. 51014-51016. Нег. — 3. Древности, хранящиеся в палатах — резной столб, переплет и др. Сн. В.В.Суслова, 1900-е гг. Фонд В.В.Суслова.

I 17406, инв. 40169. Нег. — 1. Наружный вид. Сн. Н.Г.Матвеева, 1913 г. Фонд Н.Г. Матвеева.

III 10546, 10547, инв. 8570-8671. Нег. — 102, отп. — 95. Материалы к реставрации

1907 г. — наружные и внутренние виды и детали помещений, занятых быв. Рисовально-технической школой и Музеем; детали реставрационных работ; древности музея — плита с рельефным изображением церкви (наружное украшение Николаевской церкви в крепости г.Острова), образцы резьбы по дереву. Сн. И.Ф. Чистякова, 1908 г. Фонд ИАК.

О.310/51, О.312/30-32, О.475/1912-1913, колл. 160/374, 525-527, колл. 190/13552-13553. Откр. — 6. Общие виды, виды со двора и с улицы. Открытки начала XX в. Фонды ГАИМК и ИАК.

О.34/22, инв. 55971. Отп. — 1. Наружный вид с северо-востока. Сн. до 1916 г. Фонд ГАИМК.

О.595/15, О.469.75, колл. 190/7713, 12086. Отп. — 2. Общий и внутренний виды. Сн. К.Кампрада, 1871 г. Фонд ИАК.

Q 475/30, колл. 222/159. Отп. — 1. Наружный вид. Сн. до 1917 г. Фонд РАО.

О.316/25-28, II 29873-29890, инв. 9160-9177. Нег. — 18, отп. — 4. Наружные, внутренние виды и детали, наружный вид соседнего корпуса XIX в. Сн. П.П. Покрышкина, 1908 г. Фонд ИАК.

Q 779/25-28, колл. 190/10536-10539. Отп. — 4. Наружные и внутренние виды. Сн. М.И.Герасимова, до 1912 г. Фонд ИАК.

О.771/24, колл. 20/1453. Отп. — 1. Наружный вид со двора. Сн. 1910-х гг. Фонд КПХИ.

О.1704/38, колл. 1403/3-13. Нег. — 1, отп. — 1. Наружный вид. Сн. Средне-Днестровской экспедиции, 1947-1948 гг. Фонд ИИМК АН СССР.

О.3364/65, 66, колл. 2731/1336, 1337. Нег. — 2, отп. — 2. Общие виды. Сн. Г.И.Вздорнова, 1953-1974 гг. Фонд Г.И.Вздорнова

7. Здание "Солодежни", XVII в.:

III 3618, I 17403-17405, инв. 36880, 40166-40168. Нег. — 4. Виды крыльца. Сн. Н.Г.Матвеева, до 1914 г. Фонд Н.Г. Матвеева.

Q 779/29, колл. 190/10535. Отп. — 1. Наружный вид. Сн. О.Парли, 1911-1913 гг. Фонд ИАК.

О.469/26, колл. 190/13029. Отп. — 1. Внутренний вид — вход. Открытка начала XX в. Фонд ИАК.

О.316/36, О.321/376, О.475/1910, инв. 9128, 9118, 9123. Нег. — 3, отп. — 3. Наружный вид с улицы и со двора. Сн. П.П. Покрышкина, 1908 г. Фонд ИАК.

О.1612/43-50, колл. 16/1919-1926. Нег. — 8, отп. — 8. Наружные и внутренние виды. Сн. 1920-х гг. Фонд ЛРМ.

О.2161/66, колл. 1973/1-1. Нег. — 1, отп. — 1. Наружный вид. Сн. Я.В.Станкевич, 1958 г. Фонд ИИМК АН СССР.

Q 326/41-44, колл. 218. Отп. — 4. Наружные виды. Сн. Реставрационных мастерских Псковского музея для Выставки РОСа 1931 г. (для Карельского музея). Фонд ГАИМК.

Q 720/19-24, колл. 1379/1765-1770. Отп. — 6. Наружные виды — крыльцо; внутренний вид и железная дверь. Сн. В.М.Машечкина, 1917 г. Фонд К.К. Романова.

8. Здание общины Иоанно-Ильинской церкви на Запсковьи.

О.595/17, колл. 190.7715. Отп. — 1. Общий вид со стороны входных ворот. Сн. К.Кампрада, 1871 г. Фонд ИАК

9. Подворье Печерское (Архирейское).

О.316/40, II 29793, инв. 9095. Нег. — 1, отп. — 1. Общий вид, слева виден собор. Сн. П.П. Покрышкина, 1908 г. Фонд ИАК.

10. Погреб на Пушкинской улице.

О.316/16, инв. 9099. Нег. — 1, отп. — 1. Общий вид. Сн. П.П. Покрышкина, 1908 г. Фонд ИАК.

11. Здание Северо-Западного железнодорожного вокзала.

О.312.14, колл. 160/509. Откр. — 1. Фасад. Откр. начала XX в. Фонд ГАИМК.

12. Казармы и хлебопекарня быв. Енисейского полка.

О.1698/33, колл. 1379/2044. Отп. — 1. Наружный вид — дом на подклетьях. Сн. К.К.Романова, 1927 г. Фонд К.К.Романова.

О.1698/31-32, колл. 1379/2042-2043. Отп. — 2. Хлебопекарня: общие виды. Сн. К.К.Романова, 1919 г. Фонд К.К.Романова.

О.1612/51-60, 42, 39, колл. 16/1927-1936, 1915, 1918. Нег. — 12, отп. — 12. Хлебопекарня: наружные и внутренние виды. Сн. ЛРМ, 1920-х гг. Фонд ЛРМ.

13. Кладбища.

Кладбище Мироносицкое на Завеличьи:

I 17456-17457, инв. 40228-40229, 40220. Нег. — 3. Церковь кладбищенская Мироносицкая: вход и въездные ворота кладбища. Сн. Н.Г.Матвеева, 1913 и 1909 гг. Фонд Н.Г.Матвеева.

О.1698/41-44, Q 722/49, колл. 1379/2052-2055, 2011. Отп. — 4. "Скулельница" — общие и наружные виды и надгробные кресты. Сн. К.К. Романова и И. Ларионова,

до 1917 г. Фонд К.К.Романова.

Кладбищенская Димитриевская церковь.

Q 722/3-4, колл. 1379/1851-1852. Отп. — 2. Наружный вид и деталь — абсиды. Сн. В.М.Машечкина, 1917 г. Фонд К.К.Романова.

Кладбищенская церковь Иоанна Богослова на Мишариной горе.

Q 722/5-7, колл. 1379/1853-1855. Отп. — 3. Наружные виды. Сн. В.М.Машечкина, 1917 г. Фонд К.К.Романова.

III 11850, инв. 11748. Нег. — 1. План, фасад и разрезы. РПР с Архива ЛОИА. Ф.

I. 1911 г., л. 49. Сн. И.Ф.Чистякова, 1911 г. Фонд ИАК.

Кладбищенская церковь Константина и Елены.

Q 722/1-2, I 17458, колл. 1379/1849-1850, инв. 40221. Нег. — 1, отп. — 2. Наружные виды и колокольня. Сн. В.М.Машечкина, 1917 г. и Н.Г.Матвеева, 1913 г. Фонды К.К.Романова и Н.Г.Матвеева.

Кладбищенская церковь Никиты Мученика.

I 17453, инв. 40216. Нег. — 1. Наружный вид. Сн. Н.Г.Матвеева, 1913 г. Фонд Н.Г.Матвеева.

Q 721/50-52. Q 722/47, колл. 1379/1846-1848, 2009. Отп. — 4. Общие виды, звонница — наружный вид. Сн. В.М.Машечкина, 1917 г. и И.Ларионова, 1917 г. Фонд К.К.Романова.

14. Монастыри.

Монастырь Иоанно-Предтеченский на Завеличьи.

I 17365-17366. Q 790/2, инв. 40128-40129, 36860, 36865. Нег. — 4, отп. — 3. Общий вид, Иоанновская церковь и Святые ворота — наружные виды. Сн. Н.Г. Матвеева, 1913 г. Фонд Н.Г.Матвеева.

O.595/14, колл. 190/7712. Отп. — 1. Общий вид со стороны р. Великой. Сн. К.Кампрада, 1871 г. Фонд ИАК.

Собор Иоанна Предтечи:

O.491/6, колл. 190/1229. Отп. — 1. Наружный вид. Сн. И.Ф.Барщевского, 1890-е гг. Фонд ИАК.

O.34/25, инв. 55974. Отп. — 1. Вид с северо-запада. Сн. до 1916 г. Фонд ИАК.

O.1698/15-16, колл. 1379/2026-2027. Отп. — 2. Западный фасад. Сн. до 1917 г. Фонд К.К.Романова.

Q 722/24-34, колл. 1379/1872-1882. Отп. — 11. Общие виды монастыря, наружные и

внутренние виды собора. Сн. В.М.Машечкина, 1917 г. Фонд К.К.Романова.

O.3364/59-64, 67, колл. 2731/1330-1335, 1338. Отп. — 6. Общие виды. Сн.

Г.И.Вздорнова, 1954-1974 гг. Фонд Г.И.Вздорнова.

Монастырь Спасо-Елеазаров.

III 3616, инв. 36878. Нег. — 1. Церковь Преполовления Пятидесятницы — общий вид. Сн. Н.Г. Матвеева, до 1914 г. Фонд Н.Г.Матвеева

Монастырь Сереткин близ Пскова.

Церковь Петра и Павла.

Q 722/35-44, Q 721/9-11, колл. 1379/1883-1892, 1805-1807. Отп. — 13. Наружные виды и детали. Сн. В.М.Машукова, 1917 г. и В.М.Машечкина, 1917 г. Фонд К.К.Романова.

O.310/58, колл. 160/381. Откр. — 1. Общий вид. Откр. начала XX в. Фонд ИАК.

O.317/21-22, инв. 9387-9388. Нег. — 2, отп. — 2. Наружные виды. Сн. П.П. Покрышкина, 1908 г. Фонд ИАК.

O.771/26, колл. 20/1355. Отп. — 1. Вид с запада. Фонд КПХИ.

O.1480/15-18, колл. 16/1945-1948. Отп. — 4. Наружные и внутренние виды. Сн. 1920-х гг. Фонд ЛРМ.

Монастырь Спасо-Мирожский на Завеличьи.

III 10677-10679, инв. 9054-9056. Нег. — 3. Спасо-Преображенский собор. Чертежи В.В.Суслова. Сн. И.Ф.Чистякова, 1908 г. Фонд ИАК.

O.628/1-20, 22-23, инв. 9611-9633. Нег. — 23, отп. -23. Монастырь: фрески. Сн. И.Ф.Чистякова, 1909 г. Фонд ИАК.

III 6840-6842, инв. 476-478. Нег. — 3. Спасо-Преображенский собор. Чертежи проекта реставрации, исполненные М.Т.Преображенским и Г.И.Котовым в 1896 г. Сн. И.Ф.Чистякова, 1896 г. Фонд ИАК.

I 17373-17375, 17449-17450, I 17594-17595, инв. 40136-40138, 40212-40213, 40357-40358. Нег. — 2. Спасо-Преображенский собор — вход в монастырь, наружные виды и Святые ворота. Сн. Н.Г.Матвеева, 1913 г. Фонд Н.Г.Матвеева.

III 6095, инв. 39393. Нег. — 1. Общий вид на старинной гравюре. Сн. Н.Г. Матвеева, до 1914 г. Фонд Н.Г. Матвеева.

II 20917, III 6097-6098, Q 790/19, инв. 39711, 39394-39396. Нег. — 4, отп. — 1. Общий вид с р.Великой; наружные виды Спасо-Преображенского собора. Сн. Н.Г.

Матвеева, до 1914 г. Фонд Н.Г. Матвеева.

I 4942, 4938-4941, II 14328-14387, III 2559-2593, инв. 51017-57118; IV 1537-1548, II 43398-43400, колл. 154/371-385. Нег. — 120. Плат напрестольный с вышитым изображением и надписи на наружной стене; фрески, роспись стен Спасо-Преображенского собора (калькы В.В.Суслова). Сн. В.В.Суслова, 1893 г. и И.Ф. Чистякова. Фонды В.В.Суслова и ИАК.

II 35443-35445, O.314/42, инв. 17241-17243, 9973. Нег. — 4, отп. — I. Общий вид; надвратная церковь, звонница- наружные виды. Сн. П.П. Покрышкина, 1915 и 1909 гг. Фонд ИАК.

III 10482-10484, инв. 8483-8485. Нег. — 3, отп. — 3. Иконостас собора по проекту М.Т.Преображенского, икона "Мирожская" Богоматери с младенцем. Сн. И.Ф. Чистякова, 1908 г. Фонд ИАК.

O.469/62, O.595/11-12, колл. 190/12075, 7709, 7710. Отп. — 3. Общие виды издали и со стороны р.Мирожи; соборная церковь Спас Преображения — икона Мирожской Богоматери. Сн. К.Кампрада, 1871 г. Фонд ИАК.

Q 355/1-25, 27-39, Q 728/20-24, колл. 190/7729-7753, 2597/1268, 1379/2057-2059. Отп. — 41. Общие виды монастыря; собор Преображенский — наружный и внутренние виды, детали во время реставрационных работ 1898-1899 гг.; росписи. Сн. О.Парли, 1898-1899 гг. Фонды ИАК, Л.А.Мацулевича и К.К.Романова.

O.469/30, O.310/53, колл. 190/13033; 160/376. Откр. — 2. Общие виды издали и из-за реки с северо-востока. Открытки начала XX в. Фонды ИАК и ГАИМК.

O.491/18, 13-14, колл. 190/1236-1237, 1241. Отп. — 3. Собор Спаса — наружные виды и кружево в ризнице. Сн. И.Ф.Баршевского, 1890-е гг. Фонд ИАК.

O.34/24, инв. 55973. Отп. — I. Собор Спаса: наружный вид с севера. Сн. до 1916 г. Фонд ИАК.

O.453/1047, Q 722/22-23, колл. 190/11448; 1379/1870-1871. Отп. — II. Собор Спас-Преображенский — общие и наружные виды. Сн. В.М.Машечкина, 1917 г. Фонды ИАК и К.К.Романова.

O.132/5-8, O.1698/17-19, O.1697/18, 22-25, колл. 1379/2028-2030, 1437-1440, инв. 85175-85178. Нег. — 8, отп. — 12. Собор Спас-Преображенский — общие и наружные виды, иконостас и фрески; церковь Стефана — наружные виды. Сн. К.К.Романова, 1917, 1926-1928 гг. Фонды К.К.Романова и ГАИМК.

O.1558/51-52, колл. 1023/55-56. Нег. — 2, отп. — 2. Спасо-Преображенский собор — наружный вид и фреска — Архангел из Благовещения. Сн. Лаборатории ИИМК, 1940 г. Фонд ИИМК АН СССР.

O.1722/47, колл. 1727/15. Нег. — I, отп. — I. Спасо-Преображенский собор — план. Сн. Лаборатории ИИМК, 1956 г. Фонд ИИМК АН СССР.

O.3364/70-72, 75, колл. 2731/1341-1343, 1346. Нег. — 4, отп. — 4. Собор Спаса, колокольня и Никольская трапезная церковь, 1518 г.: общие виды. Сн. Г.И. Вздорнова, 1954-1974 гг. Фонд Г.И.Вздорнова.

O.3018/25-66, колл. 2645/25-66. Нег. — 42, отп. — 42. Общие виды монастыря, Святых ворот, Стефановской церкви и настоятельского корпуса; материалы работ Псковско-Мирожской экспедиции 1974 г.: полевая работа и чертежи. Сн. О.В. Овсянникова, 1974 г. и ЛАФОКИ. Фонд ЛОИА АН СССР.

O.3159/1-26, колл. 2736/1-26. Нег. — 26, отп. — 26. Материалы работ Мирожской архитектурно-археологической экспедиции 1975 г.: раскопки на территории монастыря — полевая работа, чертежи и находки. Сн. О.В.Овсянникова, 1976 г. и ЛАФОКИ. Фонд ЛОИА АН СССР.

O.3159/27-38, колл. 2781/1-12. Нег. — 12, отп. — 12. Стефановская церковь и позанная пристройка к ней — наружные виды с юга и юго-востока; материалы работ Мирожской экспедиции 1976 г.: церковь Климента — полевая работа и чертежи. Сн. О.В.Овсянникова, 1976 г. Фонд ЛОИА АН СССР.

O.3332/1-13, колл. 2876/1-7. Нег. — 7, отп. — 13. Материалы работ Псковско-Мирожской экспедиции 1978 г.: полевая работа. Сн. О.В.Овсянникова, 1978 г. Фонд ЛОИА АН СССР.

Ново-Вознесенский монастырь.

O.3364/45, колл. 2731/1316. Нег. — I, отп. — I. Вознесенская церковь и колокольня: общий вид. Сн. Г.И.Вздорнова, 1954-1974 гг. Фонд Г.И.Вздорнова.

Старо-Вознесенский монастырь.

I 17459, 17464, инв. 40222, 40227. Нег. — 2. Общий вид церкви и входные ворота. Сн. Н.Г.Матвеева, 1913 г. Фонд Н.Г.Матвеева

Покровский монастырь.

O.3364/46-47, колл. 2731/1317-1318. Нег. — 2, отп. — 2. Двойная церковь Покрова и Рождества в углу, XVI в.: общий вид. Сн. Г.И.Вздорнова, 1954-1974 гг. Фонд Г.И. Вздорнова.

Снетогорский монастырь.

I 8250, S253, инв. 42813, 42815. Нег. — 2. Наружный вид собора (РПР). Сн. В.М.Машечкина, до 1918 г. Фонд В.М. Машечкина.

O.491/2-5, колл. 190.1225-1228. Отп. — 4. Собор: царские врата — общий вид и детали. Сн. И.Ф.Баршевского, 1890-е гг. Фонд ИАК.

O.3364/73-74, 76-81, колл. 2731/1344, 1345, 1347-1349. Нег. — 8, отп. — 8. Собор Рождества Богородицы, 1311 г.: общий вид, внутренние виды и фрески. Сн. Г.И. Вздорнова, 1954-1974 гг. Фонд Г.И.Вздорнова.

O.3364/82, колл. 2731/1350. Нег. — 1, отп. — 1. Часовня близ монастыря: общий вид. Сн. Г.И.Вздорнова, 1954-1974 гг. Фонд Г.И.Вздорнова.

15. Музеи.

Музей Археологического общества.

O.310/52, колл. 160/375. Откр. — 1. Внутренний вид одного из помещений. Открытка начала XX в. Фонд ГАИМК.

Музей в Пскове.

III 7901, инв. 2956. Нег. — 1. Сабля железная, случайно найденная в 1901 г. в Чудском озере. Сн. И.Ф. Чистякова, 1901 г. Фонд ИАК.

II 7263-7274, инв. 92488-92499. Нег. — 12. Икона "Спаситель" и виды экспозиционных залов с древностями. Фонд ЛГМФ.

II 48943-48949, колл. 1379/367-373. Нег. — 7. Шитое оплечье и плашаницы. Сн. К.К.Романова, 1923-1929 гг. Фонд К.К. Романова.

I 19352, O.93, инв. А 1429, 12009-12010. Нег. — 1, отп. — 2. Идол гранитный. Сн. П.Н.Шульца, 1928 г. и музея, 1929 г. Фонд ГАИМК.

II 24540-24541, инв. 82056-82057. Нег. — 2. Потиры серебряные из церкви Богоявления в Новоржеве, Спасо-Мирожского монастыря и церкви покровы на Торгу. Сн. 1926 г. Фонд ГАИМК.

Q 446/37, 41, колл.153/2159-2160. Отп. — 2. Паникадило бронзовое XIII-XIV вв. из Озера, Остронского уезда и статуя деревянная Николая Чудотворца с надписью 1540 г. Сн. 1910-х гг. Фонд А.А.Спицына.

O.272, колл. 19/98-100. Нег. — 3, отп. — 3. Давмонтов меч. Сн. В.А.Богусевича, 1930 г. Фонд ГАИМК.

O.107, инв. 81733-81746 в. Нег. — 15, отп. — 15. Иконы из собрания Батова и Губмузея: икона и часть иконостаса Пароменской церкви; иконы и царские врата Никола-Единверческой церкви; иконы из церквей Богоявления и Покрова на Проломе. Сн. 1926 г. Фонд ГАИМК.

O.175, инв. А 86-98. Отп. — 13. Иконы из собрания Батова и деревянная культовая скульптура. Материалы поездки А.И.Кудрявцева, 1928 г. Сн. А.И.Кудрявцева. Фонд ГАИМК.

16. Памятники.

I 17421, II 20935, инв. 40184, 39729. Нег. — 2. Памятник воинам, павшим при обороне Пскова. Сн. Н.Г.Матвеева, 1913 г. Фонд Н.Г.Матвеева.

17. Соборы.

Собор Благовещенский.

III 6109, II 20921-20923, I 17338-17345, 17412, инв. 39408, 39715, 39717, 40102-40109, 40175. Нег. — 13. Наружные виды. Сн. Н.Г.Матвеева, 1913-1914 гг. Фонд Н.Г.Матвеева.

Q 720/28-29, колл. 1379/1774-1775. Отп. — 2. Благовещенский, Троицкий и колокольня — общие виды. Сн. В.М.Машечкина, 1917 г. Фонд К.К.Романова.

O.312/33, колл. 160/528. Откр. — 1. Общий вид с севера. Открытка начала XX в. Фонд ГАИМК.

Собор Казанский.

O.604/48, колл. 190/3597. Отп. — 1. Наружный вид. Сн. В.М.Машукова, 1901 г. Фонд ИАК.

Собор Михайловский.

O.154, инв. 87811. Нег. — 1, отп. — 1. Своды. Сн. Е.Н.Глезер, 1927 г. Фонд ГАИМК.

Собор Петропавловский.

I 17352-17353, инв. 40116-40117. Нег. — 2. Наружный вид и купол. Сн. Н.Г.Матвеева, до 1914 гг. Фонд Н.Г.Матвеева

Собор Троицкий.

O.595/2-6, колл. 190/7700-7704. Отп. — 5. Общий вид с юго-запада; иконы Чирской богородицы и князя Гавриила; крест Св.Ольги и мечи князей Гавриила и Давмонта. Сн. К.Кампрада, 1871 г. Фонд ИАК.

O.469/28, O.471/740, O.312/37-38, колл. 190/13031, 13175; 160/531-532. Откр. — 4.

Общие виды и рисунок на древней иконе. Открытки начала XX в. Фонды ИАК и ГАИМК.

О.491/7-12, колл. 190/1230-1235. Отп. — 6. Общий вид с востока и церковная утварь. Сн. И.Ф.Баршевского, 1890-е гг. Фонд ИАК.

О.604/42-43, О.605/11-13, О.383/845-846, колл. 190/3591-3592, 3608-3610, 6414-6415. Отп. — 7. Общие и наружные виды, церковная утварь — рака и иконостас. Сн.

В.М.Машукова, 1901 г. Фонд ИАК.

Q 790/3-6, 20, О.1307/3, I 17335-17345, II 20919-20926, III 3606, 3611-3613, 4883, 6099-6108, инв. 40099-40109, 39713-39720, 36868, 36873-36876, 38153-38157, 39398-39407. Нег. — 39, отп. — 6. Общие и наружные виды, детали и вид с реки: колокольня — общий вид и колокола. Сн. Н.Г.Матвеева, 1912-1914 гг. Фонд Н.Г. Матвеева.

О.2361/6, колл. 1475/2324. Отп. — 1. Общий вид издали. Сн. 1920-х гг. Фонд Н.П.Сычева.

О.771/25, О.767/45-46, колл. 20/1354, 984-985. Отп. — 3. Наружные виды. Сн. А.Н.Павловича, 1910-е гг. Фонд КПХИ.

О.316/42-45, II 29864-29869, инв. 9151-9155. Нег. — 5, отп. — 5. Наружные виды и детали, колокольня. Сн. П.П.Покрышкина, 1908 г. Фонд ИАК.

Q 720/30-31, О.1698/2-3, 45, колл. 1379/1776-1777, 2013-2014, 2056. Отп. — 5. Наружный и внутренние виды — царские врата и икона Гавриила у раки. Сн. В.М. Машечкина, 1917 г. и К.К.Романова, до 1917 г. Фонд К.К.Романова.

О.506/23, Q 446/74, колл. 190/1888; 153/2141. Отп. — 2. Било у собора, употреблявшееся до введения церковного колокола. Сн. И.Ф.Баршевского, 1890-е гг. и Ф.М.Морозова, 1912 г. Фонд ИАК.

О.1704/41, 43, колл. 1403. Нег. — 2, отп. — 2. Общие виды. Сн. Средне-Днестровской экспедиции, 1947-1948 гг. Фонд ИИМК АН СССР.

О.3364/26, колл. 2731/1307. Нег. — 1, отп. — 1. Собор (1682-1699 гг.) и колокольня: общий вид. Сн. Г.И.Вздорнова, 1954-1974 гг. Фонд Г.И.Вздорнова.

О.2250/111, колл. 2074/111. Нег. — 1, отп. — 1. Чертеж XVII в., реконструкция, вход и схема покрытия. Материалы Ю.П.Спегальского. Сн. Лаборатории ЛОИА, 1964 г. Фонд ЛОИА АН СССР.

III 10530-10537, инв. 8531-8538. Нег. — 8, отп. — 8. Церковная утварь из ризницы — евангелия, сосуды, иконы, дарохранительницы, кресты, панагии, посохи. Сн. И.Ф. Чистякова, 1908 г. Фонд ИАК.

Q 446/32-34, 38-40, 54-72, колл. 153/2123-2145, 2161-2163. Отп. — 25. Панагии, XVII-XVIII вв., оклад Евангелия; подсвечники, кружка серебряные, замки железные; Евангелие 1532 г.: оклад, текст, миниатюра; посохи XVI-XVII вв.; кресты серебряные XVII в.; дарохранительницы, подсвечники, чаши, блюда; шитые ткани XVII в. Сн. Ф.М.Морозова, 1912 г. Фонд А.А.Спицына.

Инв. 87710-87713. Нег. — 4. Икона князя Всеволода Гавриила с изображением собора; икона Троицы псковского происхождения, хранящаяся в Историческом музее. Москва. Сн. И.Ларионова и И.Ф.Чистякова, 1927 г. Фонд ГАИМК.

18. Церкви.

Церковь Алексеевская в слободе.

I 17452, инв. 40215. Нег. — 1. Наружный вид. Сн. Н.Г.Матвеева, 1913 г. Фонд Н.Г.Матвеева.

Церковь Анастасии Римлянки.

I 17460, инв. 40223. Нег. — 1. Вход на колокольню. Сн. Н.Г.Матвеева, 1909 г. Фонд Н.Г.Матвеева.

Церковь Анастасииенская.

Q 721/23-26, колл. 1379/1819-1822. Отп. — 4. Общие виды и детали. Сн. В.М. Машукова, 1917 г. Фонд К.К.Романова.

Церковь Анастасии Узорешительницы.

О.317/1-2, О.316/47-48, инв. 9092, 9088, 9078, 9085. Нег. — 4, отп. — 4. Наружные виды и детали. Сн. П.П.Покрышкина, 1908 г. Фонд ИАК.

Церковь Богоявления на Запсковьи, 1496 г.

I 17351, 17378-17379, II 20931, III 3619, инв. 36881, 39725, 40115, 40141-40142; II 35450-35460, инв. 17248-17258. Нег. — 16. Общий вид, наружные и внутренние виды, звонница. Сн. Н.Г.Матвеева, до 1914 г. и П.П.Покрышкина, 1915 г. Фонды Н.Г. Матвеева и ИАК.

О.469/64, колл. 190/12077. Отп. — 1. Вид издали. Сн. К.Кампрада, 1871 г. Фонд ИАК.

О.706/20, колл. 190/11705. Отп. — 1. Звонница — общий вид. Сн. И.Ф.Баршевского, 1890-е гг. Фонд ИАК.

О.604/44, О.383/842-844, колл. 190/3593, 6411-6413. Отп. — 4. Колокольня — наружный вид. Иконостас, икона и цаты с иконы. Сн. В.М.Машукова, 1901 г. Фонд ИАК.

- О.34/21, инв. 55970. Отп. — 1. Вид с северо-востока. Сн. до 1916 г. Фонд ИАК.
О.453/1038-1046, Q 720/32-39, колл. 190/11439-11447; 1379/1778-1785. Отп. — 17.
Наружные и внутренние виды. Сн. В.М.Машечкина, 1917 г. Фонды ИАК и К.К.Романова.
- О.1698/13-14, О.1697/7, колл. 1379/2024-2025, 365. Нег. — 1, отп. — 3. Звоница -наружные виды. Икона "Богородицы, заступницы города". Сн. до 1917 г., К.К.Романова, 1923-1929 гг. Фонд К.К.Романова.
- О.1704/46, колл. 1403/3-23. Нег. — 1, отп. — 1. Общий вид. Сн. Средне-Днестровской экспедиции, 1947-1948 гг. Фонд ИИМК АН СССР.
- О.3364/54, 55, колл. 2731/1325-1326. Нег. — 2, отп. — 2. Звоница. Общие виды. Сн. Г.И.Вздорнова, 1954-1974 гг. Фонд Г.И.Вздорнова.
- О.2250/116-119, колл. 2074/116-119. Нег. — 4, отп. — 4. Реконструкция плана и фасадов Ю.П.Спегальского. Сн. Лаборатории ЛОИА, 1966 г. Фонд ЛОИА АН СССР.
Церковь Варлаама Хутынского.
- О.595/13, колл. 190/7711. Отп. — 1. Общий вид. Сн. К.Кампрада, 1871 г. Фонд ИАК.
- О.604/45, колл. 190/3594. Отп. — 1. Общий вид. Сн. В.Машукова, 1901 г. Фонд ИАК.
- О.472/1211, О.310/59, колл. 190/13393; 160/381. Откр. — 2. Вид с северо-запада. Открытки начала XX в. Фонд ИАК и ГАИМК.
- О.317/4, инв. 9089. Нег. — 1, отп. — 1. Общий вид. Сн. П.П.Покрышкина, 1908 г. Фонд ИАК.
- 1 17380, III 6113-6114, 3593, инв. 36855, 39412-39413, 40143. Нег. — 4. Общий вид, наружные виды. Сн. Н.Г. Матвеева, до 1914 г. Фонд Н.Г.Матвеева.
- Q 722/46, Q 720/46-47, колл. 1379/2008, 1792-1793. Отп. — 3. Общие виды, звонница. Сн. И.Ларионова, до 1917 г. и В.М.Машечкина, 1917 г. Фонд К.К.Романова.
Церковь Варлаамия.
- 1 8251, инв. 42813 а. Нег. — 1. Наружный вид с востока. Сн. В.М.Машечкина, до 1918 г. Фонд В.М.Машечкина.
- Церковь Василия Великого "на Горке".
1 17355, инв. 40119; 1 8251-8253, инв. 42813 а-42815. Нег. — 4. Наружные и внутренние виды. Сн. Н.Г. Матвеева, до 1914 г. и В.М.Машечкина, до 1918 г. Фонды Н.Г.Матвеева и В.М. Машечкина.
- II 79938, 79939, колл. 1802/270-271. Нег. — 2. Схемы конструкций, перенятые в Архиве ЛОИА, Разр. I, арх. № 316 и 318. Сн. Лаборатории ЛОИА, 1966 г. Фонд ИИМК АН СССР.
- О.604/46, колл. 190/3595. Отп. — 1. Общий вид. Сн. В.М.Машукова, 1901 г. Фонд ИАК.
- О.386/13, колл. 190/5392. Отп. — 1. Общий вид. Сн. Б.К.Рериха, 1900-е гг. Фонд ИАК.
- О.317/5-7, инв. 9083-9084, 9094. Нег. — 3, отп. — 3. Наружные виды. Сн. П.П.Покрышкина, 1908 г. Фонд ИАК.
- Q 721/31-44, колл. 1379/1827-1840. Отп. — 14. Наружные и внутренние виды и детали. Сн. В.М.Машечкина, 1917 г. Фонд К.К.Романова.
- О.1704/47, колл. 1403/3-24. Нег. — 1, отп. — 1. Наружный вид. Сн. Средне-Днестровской экспедиции, 1947-1948 гг. Фонд ИИМК АН СССР.
Церковь Вознесения Нового.
- О.491/47, колл. 190/6210. Отп. — 1. Общий вид. Сн. И.Ф.Баршевского, 1882-1894 гг. Фонд ИАК.
- О.386/14, колл. 190/5393. Отп. — 1. Наружный вид. Сн. Б.К.Рериха, 1900-е гг. Фонд ИАК.
- О.317/3, инв. 9389. Отп. — 1. Наружный вид. Сн. П.П.Покрышкина, 1908 г. Фонд ИАК.
- О.2227/73, инв. 79616. Отп. — 1. Общий вид на рисунке. Сн. Иванова-Терентьева, до 1915 г. Фонд В.П.Малиновского.
- Q 721/19-22, колл. 1379/1815-1818. Отп. — 4. Наружные и внутренние виды. Сн. В.М.Машечкина, 1917 г. Фонд К.К.Романова.
Церковь Воскресенская на Стадище, на Запсковьи.
- 1 17381, III 6115, инв. 39414, 40144. Нег. — 2. Наружный вид. Сн. Н.Г. Матвеева, до 1914 г. Фонд Н.Г.Матвеева.
- О.475/1728, колл. 190/13483. Откр. — 1. Вид с востока. Открытка начала XX в. Фонд ИАК.
- О.604/47, колл. 190/3596. Отп. — 1. Общий вид. Сн. В.М.Машукова, 1901 г. Фонд ИАК.
- О.317/23-24, инв. 9075-9076. Нег. — 2, отп. — 2. Наружные детали. Сн. П.П. Покрышкина, 1908 г. Фонд ИАК.

О.34/18, инв. 55967. Отп. — 1. Вид с запада. Сн. до 1916 г. Фонд ИАК.
О.1698/4-12, 64, колл. 1379/2015-2023, 329. Нег. — 1, отп. — 10. Наружные и внутренние виды и детали. Сн. до 1917 г., К.К.Романова, 1911-1917 гг. Фонд К.К.Романова.

Церковь Георгия "со Взвозу":

I 17356, инв. 40120. Нег. — 1. Наружный вид. Сн. Н.Г. Матвеева, до 1914 г. Фонд Н.Г.Матвеева.

О.677/20, колл. 190/12687. Отп. — 1. Вид с северо-запада. Сн. П.П. Покрышкина, 1894 г. Фонд ИАК.

Q 769/51, инв. 9610. Нег. — 1, отп. — 1. Общий вид. Сн. И.Ф.Чистякова, 1909 г. Фонд ИАК.

О.2227/74, инв. 79617. Отп. — 1. Общий вид на рисунке. Сн. Иванова-Терентьева, до 1915 г. Фонд В.П.Малиновского.

О.310/60, колл. 160/382. Откр. — 1. Наружный вид с юго-запада. Открытка начала XX в. Фонд ГАИМК.

Церковь Жен Мироносиц на Завеличьи.

О.1698/54, колл. 1379/2004. Отп. — 1. Деталь — подцерковье в юго-западном углу в южной стене. Сн. Ф.Эленгорна, 1929 г. Фонд К.К.Романова.

Церковь Ильи Мокрого.

О.1698/39-40, колл. 1379/2050-2051. Отп. — 2. Детали — вход в подвал и окно в подвале. Сн. до 1917 г. Фонд К.К.Романова.

О.147, инв. 86181-86189. Нег. — 9, отп. — 9. Иконостас. Мирожский монастырь — архимандритский корпус. Сн. К.К.Романова, 1926 г. Фонд ГАИМК.

Церковь Иоакима и Анны в Окольном городе.

О.2227/75, инв. 79618. Отп. — 1. Общий вид на рисунке. Сн. Иванова-Терентьева, до 1915 г. Фонд В.П.Малиновского.

Q 721/45-46, колл. 1379/1841-1842. Отп. — 2. Наружный и внутренний виды. Сн. В.М.Машечкина, 1917 г. Фонд К.К.Романова.

О.3364/42, 43, колл. 2731/1313, 1314. Нег. — 2, отп. — 2. Общий вид и крыльцо. Сн. Г.И.Вздорнова, 1954-1974 гг. Фонд Г.И.Вздорнова.

Церковь Иоанна Богослова.

II 92892, колл. 1802/989. Нег. — 1. Чертеж. РПР с Архива ЛОИА, Ф. 1, 1911 г., д. 49, л. 9. Сн. ЛАФОКИ, 1983 г. Фонд ИИМК АН СССР.

Церковь Иоанна Богослова на Мпяльвице.

I 17451, инв. 40214. Нег. — 1. Наружный вид. Сн. Н.Г. Матвеева, 1913 г. Фонд Н.Г.Матвеева.

Церковь Климента Папы Римского на Завеличьи.

I 8254, инв. 42816. Нег. — 1. Наружный вид с юго-востока. Сн. В.М.Машечкина, до 1918 г. Фонд В.М.Машечкина.

О.677/19, О.314/39-41, колл. 190/12686, инв. 9966-9967, 9933. Нег. — 3, отп. — 4. Вид с северо-запада; общие виды. Сн. П.П. Покрышкина, 1894 и 1909 гг. Фонд ИАК.

О.386/15-16, колл. 190/5394-5395. Отп. — 2. Наружные виды. Сн. Б.К.Рериха, 1900-е гг. Фонд ИАК.

О.395/1423, 1426-1429, инв. 13767-13771. Нег. — 5, отп. — 5. Чертежи архитектора Ан.Подчекаева, 1912 г. Сн. И.Ф.Чистякова, 1912 г. Фонд ИАК.

Q 790/21, I 17368-17369, 17454, инв. 40131-40132, 40217, 39409. Нег. — 4, отп. — 1. Наружные виды. Сн. Н.Г.Матвеева, 1913 г. Фонд Н.Г.Матвеева.

О.469/35, О.310/60, колл. 190/13037; 160/382. Откр. — 2. Наружные виды с севера и северо-востока. Открытки начала XX в. Фонды ИАК и ГАИМК.

О.34/19, инв. 55968. Отп. — 1. Вид с юго-востока. Сн. до 1916 г. Фонд ИАК.

О.1697/26-28, колл. 1379/1441-1443. Нег. — 3, отп. — 3. Внутренние виды — детали. Сн. К.К.Романова, 1928 г. Фонд К.К.Романова.

О.3364/57, колл. 2731/1328. Нег. — 1, отп. — 1. Общий вид. Сн. Г.И.Вздорнова, 1954-1974 гг. Фонд Г.И.Вздорнова.

Церковь Косьмы и Дамиана с Примостью на Запсковьи

Q 790/23, III 6130, 6117, 3620, II 53703, I 17376, 17377, 17382, инв. 39415, 39682, 39429, 39416, 40139-40140, 40145, 40818. Нег. — 8, отп. — 1. Наружные и внутренний виды портал, крыльцо, пристройка, колокольня, ворота ограды, средняя часть иконостаса. Сн. Н.Г.Матвеева, 1911-1914 гг. Фонд Н.Г.Матвеева.

О.491/15, колл. 190/1238. Отп. — 1. Киот, деревянный резной. Сн. И.Ф.Баршевского, 1890-е гг. Фонд ИАК.

О.605/2-3, О.469/276, колл. 190/3599-3600, 12173. Отп. — 3. Общие наружные виды, икона Богоматери. Сн. В.М.Машукова, 1901 г. Фонд ИАК.

О.317/152-156, О.321/377, инв. 9122, 9087, 9090, 9093, 9091. Нег. — 5, отп. — 5. Наружные виды и деталь. Сн. П.П. Покрышкина, 1908 г. Фонд ИАК.

О.402/1758, колл. 190/8962. Отп. — 1. Наружный вид. Сн. Н.Б.Бакланова, 1914 г.

Фонд ИАК.

О.2227/71-72, инв. 79614-79615. Отп. — 2. Общий вид колокольни и наружный вид с юго-востока. Сн. Иванова-Терентьева, до 1915 г. Фонд В.П.Малиновского.

Q 722/45, Q 720/40-45, О.1697/12, 29-34, колл. 1379/2007, 1786-1791, 1990, 1444-1449 Нег. — 6, отп. — 14. Общие, наружные и внутренние виды. Сн. И.Ларионова, до 1917 г., В.М.Машечкина, 1917 г., К.К.Романова, 1927-1928 гг. Фонд К.К.Романова.

Q 207/1, инв. 55722/48. Отп. — 1. Деталь царских врат. Сн. И.Ф.Баршевского, № 2388, 1890-е гг. Собрание Великих Князей К.Н. и К.К.Романовых.

Церковь Михаила Архангела.

I 17346, III 3591, инв. 40110, 36853. Нег. — 2. Колокольня. Сн. Н.Г.Матвеева, до 1914 г. Фонд Н.Г.Матвеева.

II 23693, 23694, инв. 87708-87709. Нег. — 2. Икона Михаила Архангела в окладе XVIII в. Сн. И.Ларионова, 1927 г. Фонд ГАИМК.

О.312/35, колл. 160/529. Откр. — 1. Колокольня с въездными воротами. Открытка начала XX в. Фонд ГАИМК.

О.317/17-18, О.314/45, инв. 9391-9392, 9997. Нег. — 3, отп. — 3. Наружные детали. Сн. П.П. Покрышкина, 1908-1909 гг. Фонд ИАК.

Q 721/12-18, колл. 1379/1808-1814. Отп. — 7. Наружные виды церкви и колокольни. Сн. В.М.Машечкина, 1917 г. Фонд К.К.Романова.

Церковь Нерукотворного образа ("Образская").

I 17367, II 20918, инв. 39712, 40130. Нег. — 2. Наружные виды. Сн. Н.Г.Матвеева, 1913 г. Фонд Н.Г.Матвеева.

Q 720/48-50, колл. 1379/1794-1796. Отп. — 3. Общие виды. Сн. В.М.Машечкина, 1917 г. Фонд К.К.Романова.

О.312/39-40, колл. 160/533-534, 538. Откр. — 3. Наружные виды. Открытки начала XX в. Фонд ИАК и ГАИМК.

О.3364/56, колл. 2731/1327. Нег. — 1, отп. — 1. Общий вид. Сн. Г.И.Вздорнова, 1954-1974 гг. Фонд Г.И.Вздорнова.

Церковь Никитская.

О.469/40, колл. 190/13042. Откр. — 1. Вид издали. Открытка начала XX в. Фонд ИАК.

Церковь Никитская с Поля (Гусятника).

III 6128, инв. 39427. Нег. — 1. Наружный вид с северо-запада. Сн. Н.Г.Матвеева, 1911 г. Фонд Н.Г.Матвеева.

Церковь Никольская.

О.605/6, колл. 190/3603. Отп. — 1. Вид издали. Сн. В.М.Машукова, 1901 г. Фонд ИАК.

О.386/18, колл. 190/5397. Отп. — 1. Входная дверь. Сн. Б.К.Рериха, 1900-е гг. Фонд ИАК.

Q 721/5-8, колл. 1379/1801-1804. Отп. — 4. Общий вид и детали. Сн. В.М.Машечкина, 1917 г. Фонд К.К.Романова.

Церковь Николая явленного, единоверческая.

III 6118, I 17354, инв. 39417, 40124. Нег. — 2. Наружный вид. Сн. Н.Г.Матвеева, до 1914 г. Фонд Н.Г.Матвеева.

О.706/21, колл. 190/11706. Отп. — 1. Общий вид с звонницей из-за ограды. Сн. И.Ф.Баршевского, 1890-е гг. Фонд ИАК.

О.383/847-848, колл. 190/6416-6417. Отп. — 2. Входная дверь, иконостас. Сн. В.Машукова, 1900-е гг. Фонд ИАК.

О.317/19, О.314/43, инв. 9390, 9995. Нег. — 2, отп. — 2. Наружный вид и кованая входная дверь. Сн. П.П. Покрышкина, 1908-1909 гг. Фонд ИАК.

Церковь Николая Каменноградского, XVI в.

О.1697/1-6, колл. 1379/333-338. Нег. — 6, отп. — 6. Внутренние виды — детали. Сн. К.К.Романова, 1921 г. Фонд К.К.Романова.

О.1612/61-68, колл. 16/1937-1944. Нег. — 8, отп. — 8. Наружные виды. Сн. 1920-х гг. Фонд ЛРМ.

О.272/56, колл. 549/1. Нег. — 1, отп. — 1. Разрез (косая проекция) работы К.К.Романова, 1929 г. Сн. Лаборатории ИИТ, 1935 г. Фонд ГАИМК.

О.3364/58, 69, колл. 2731/1329, 1340. Нег. — 2, отп. — 2. Общие виды. Сн. Г.И.Вздорнова, 1954-1974 гг. Фонд Г.И.Вздорнова.

Церковь Николая от Кожн.

III 6175, 6176, инв. 39473-39474. Нег. — 2. Наружные виды. Сн. Н.Г.Матвеева, 1911 г. Фонд Н.Г.Матвеева.

Церковь Николая от Торга, 1676 г.

О.3364/44, колл. 2731/1315, 1340. Нег. — 1, отп. — 1. Общий вид. Сн. Г.И.Вздорнова, 1954-1974 гг. Фонд Г.И.Вздорнова.

- Церковь Никола со Усохи, 1536 г.
III 4886, 3615, I 17347-17350, инв. 38159, 36877, 40111-40114. Нег. — 6. Наружные виды. Сн. Н.Г.Матвеева, 1911 и 1914 гг. Фонд Н.Г.Матвеева.
- Q 721/27-30, колл. 1379/1823-1826. Отп. — 4. Наружные виды. Сн. В.М. Машукова, 1917 г. Фонд К.К.Романова.
- O.3364/37, колл. 2731/1308. Нег. — 1, отп. — 1. Часть абсиды и часовня. Сн. Г.И. Вздорнова, 1954-1974 гг. Фонд Г.И.Вздорнова.
- Церковь Одигитрии. 1685 г. в Среднем городе.
O.3364/38, 39, колл. 2731/1309-1310. Нег. — 2, отп. — 2. Наружные виды. Сн. Г.И. Вздорнова, 1954-1974 гг. Фонд Г.И.Вздорнова.
- Церковь Пантелеймона.
O.469/72, 74, колл. 190/12085-12087. Отп. — 1. Портал — вид изнутри. Сн. К.Кампрада. 1871 г. Фонд ИАК.
- O.469/41, колл. 190/13043. Откр. — 1. Вид с северо-востока. Открытка начала XX в. Фонд ИАК
- Церковь Покровская.
O.595/9, колл. 190/7707. Отп. — 1. Икона Псково-Покровской Богоматери и сцен осады города Баторнем (1581 г.). Сн. К.Кампрада, 1871 г. Фонд ИАК.
- O.605/7, колл. 190/3604. Отп. — 1. Общий наружный вид. Сн. В.М.Машукова, 1901 г. Фонд ИАК.
- I 17360, инв. 40124. Нег. — 1. Наружный вид колокольни. Сн. Н.Г. Матвеева, до 1914 г. Фонд Н.Г.Матвеева.
- Церковь Покровская на Торгу.
O.317/20, инв. 9393. Нег. — 1, отп. — 1. Общий вид. Сн. П.П. Покрышкина, 1908 г. Фонд ИАК.
- O.310/57, колл. 160/380. Откр. — 1. Общий вид. Откр. начала XX в. Фонд ИАК.
II 20930, инв. 39724. Нег. — 1. Наружный вид. Сн. Н.Г. Матвеева, до 1914 г. Фонд Н.Г.Матвеева.
- Q 721/1, колл. 1379/1797. Отп. — 1. Наружный вид. Сн. В.М.Машечкина, 1917 г. Фонд К.К.Романова.
- Церковь Покровская от пролomu.
Q 721/2-4, колл. 1379/1798-1800. Отп. — 3. Общие виды и икона. Сн. В.М.Машечкина, 1917 г. Фонд К.К.Романова.
- Церковь Переполовения Пятидесятницы.
I 17358-17359, инв. 40122-40123. Нег. — 2. Наружный вид и деталь — крыльцо. Сн. Н.Г. Матвеева, до 1914 г. Фонд Н.Г.Матвеева.
- Церковь Рождественская.
O.469/56, колл. 190/12069. Отп. — 1. Вид открытых остатков. Сн. О.Парли, 1900-е гг. Фонд ИАК.
- Церковь Саввы (в быв. Саввиной пустыни).
O.1480/11-14, колл. 16/1949-1952. Нег. — 4, отп. — 4. Наружные и внутренние виды. Сн. 1920-х гг. Фонд ЛРМ.
- Церковь Сергия Залужского.
III 3592, I 17357, инв. 36854, 40121. Нег. — 2. Наружный вид. Сн. Н.Г. Матвеева, до 1914 г. Фонд Н.Г.Матвеева.
- O.491/17, колл. 190/1240. Отп. — 1. Наружный вид с севера. Сн. И.Ф. Баршевского, 1890-е гг. Фонд ИАК.
- O.475/1729, колл. 190/13484. Откр. — 1. Наружный вид. Открытка начала XX в. Фонд ИАК.
- O.317/14-16, инв. 9086, 9080-9081. Нег. — 3, отп. — 3. Общий и наружный виды и главка. Сн. П.П. Покрышкина, 1908 г. Фонд ИАК.
- Q 721/47-49, колл. 1379/1843-1845. Отп. — 3. Наружные виды. Сн. В.М. Машечкина, 1917 г. Фонд К.К.Романова.
- Церковь Спаская на Запсковьи.
O.605/8, Q 790/1, колл. 190/3605; инв. 36857. Нег. — 1, отп. — 2. Наружные виды. Сн. Машукова, 1901 г. и Н.Г.Матвеева, до 1914 г. Фонды ИАК и Н.Г.Матвеева.
- O.386/17, колл. 190/5396. Отп. — 1. Наружный вид. Сн. Б.К.Рериха, 1900-е гг. Фонд ИАК.
- Церковь Успенская Пароменская на Завеличьи.
I 17370-17372, II 20934, III 6111-6112, инв. 40133-40135, 39728, 39410-39411. Нег. — 6. Наружные виды. Сн. Н.Г. Матвеева, 1913 г. Фонд Н.Г.Матвеева.
- I 8255, инв. 42817. Нег. — 1. Наружный вид с северо-востока (РПР). Сн. В.М. Машечкина, до 1918 г. Фонд В.М.Машечкина
- II 14845, инв. 40757. Нег. — 1. Икона тройная. Сн. Н.Е.Макаренко, до 1918 г. Фонд Н.Е.Макаренко.
- O.469/1-2, O.595/7, колл. 190/12046-12047, 7705. Отп. — 3. Общие виды. Сн.

К. Кампрада, 1871 г. Фонд ИАК.

Q 728/1, O.491/16, O.383/850-851, колл. 1379/2164; 190/1239, 6419-6420. Отп. — 4. Общий вид с р.Великой, крест над иконостасом, деревянный, резной и икона и венчики от иконы Богоматери. Сн. И.Ф.Баршевского, 1882-1894 гг. и В.М.Машукова, 1900-е гг. Фонды К.К.Романова и ИАК.

O.472/1212, O.312/34, колл. 190/13394; 160/528. Откр. — 2. Общие виды звонницы. Открытки начала XX в. Фонды ИАК и ГАИМК.

O.767/44, O.1117/6, колл. 20/983; 597/1. Нег. — 1, отп. — 2. Звонница. Фонды КПХИ и ГАИМК.

O.34/20, инв. 55969. Отп. — 1. Звонница. Сн. до 1916 г. Фонд ИАК.

Q 446/35-36, колл. 153/2146-2147. Отп. — 2. Ризница: пантеон. Сн. Ф.М.Морозова, 1912-1913 гг. Фонд А.А.Спицына.

Q 722/48, 8-21, колл. 1379/2010, 1856-1869. Отп. — 15. Наружные, внутренние виды и детали. Сн. И.Ларионова, до 1917 г. и В.М.Машечкина, 1917 г. Фонд К.К.Романова.

Церковь Успенская.

П 48931-48940, колл. 1379/355-364. Нег. — 10. Иконы — общие виды и детали. Сн. К.К.Романова, 1923-1929 гг. Фонд К.К.Романова

Церковь в Петровском посаде.

O.3364/68, колл. 2731/1339. Нег. — 1, отп. — 1. Общий вид. Сн. Г.И.Вздорнова, 1954-1974 гг. Фонд Г.И.Вздорнова.

Церковь в развалинах, засыпанная валом, рядом с синагогой.

O.317/26, инв. 9077. Нег. — 1, отп. — 1. Общий вид. Сн. П.П.Покрышкина, 1908 г. Фонд ИАК.

19. Часовни

Часовня "Владычный крест".

O.469/32, O.310/66, колл. 190/13034; 160/389. Откр. — 2. Общие виды, в том числе на акварели. Открытки начала XX в. Фонды ИАК и ГАИМК.

Часовня "чудного креста".

I 17461, инв. 40224. Нег. — 1. Наружный вид. Сн. Н.Г. Матвеева, 1913 г. Фонд Н.Г.Матвеева.

Часовня Святой Ольги на Завеличьи.

O.312/66, колл. 160/536-537. Откр. — 2. Общие виды. Открытки начала XX в. Фонд ГАИМК.

O.469/31, колл. 190/12055. Отп. — 1. Наружный вид. Сн. О.Парли, 1900-е гг. Фонд ИАК.

Q 790/24, инв. 39424. Нег. — 1, отп. — 1. Наружный вид. Сн. Н.Г.Матвеева, до 1914 г. Фонд Н.Г.Матвеева.

Часовня в развалинах за р.Псковой дальше Козьмодемьянской башни.

O.317/25, инв. 9082. Нег. — 1, отп. — 1. Общий вид. Сн. П.П.Покрышкина, 1908 г. Фонд ИАК.

Часовня к северо-западу от Спасо-Мирожского монастыря.

П 35446-35447, инв. 17244-17245. Нег. — 2. Наружные виды. Сн. П.П. Покрышкина, 1915 г. Фонд ИАК.

20. Иконы

П 44846, П 6507-6509, инв. 40758, 81753-81755. Нег. — 4. Иконы: Богоматери с младенцем и из церквей Вознесения, Богоявления и Космы и Дамиана. Сн. Н.Е. Макаренко, до 1918 г. и Н.В.Малицкого, 1926 г. Фонды Н.Е.Макаренко и ГАИМК.

21. Материалы исследований.

O.8/53-70, O.9/1-21, O.10/14, O.11/16-21, колл. 18. Нег. — 51, отп. — 51. Материалы исследования Л.А.Мацулевича: монастыри, крепостная стена, башни, церкви, соборы — наружные, внутренние виды и детали. Сн. Л.А.Мацулевича, 1920-е гг. Фонд Л.А.Мацулевича.

O.175, O.165, инв. А 128-131, 89866-89881. Нег. — 20, отп. — 20. Работы К.К.Романова, 1927 г.: развалины гражданских сооружений у Гремячей башни, дома на Завеличьи (XIX в.), церкви — Алексеевская, Димитрия Солунского, Никиты Мученика, фрески Мирожского собора и Богородицевождественской церкви на Снятной Горе, икона Распятия из церкви Успения Паромы. Сн. В.А.Богусевича и К.К.Романова, 1927 г. Фонд ГАИМК.

Инв. А 1987-2055. Нег. — 68, отп. — 68. Работы К.К.Романова, 1928 г.: крепостная стена и Варлаамьевская башня, церкви Климента, Иоакима и Анны, Космы и Дамиана, Мирожский монастырь, дом Жукова. Сн. К.К.Романова, 1928 г. Фонд ГАИМК.

O.226, O.233, инв. А 10534-10545, А 12366-12372. Нег. — 19, отп. — 19. Работы

К.К.Романова, 1929 г.: крепостная стена, Гремячая башня, развалины у восточной стены Кремля, дом Ширера (быв. Русинова). Сн. К.К.Романова и Л.М.Шуляк, 1929 г. Фонд ГАИМК.

О.271- О.272, О.1697/38-41, колл. 19/1-75; 1379/1466-1470. Нег. — 75, отп. — 79. Работы К.К.Романова, 1930 г. (Псковская экспедиция ГАИМК): раскопки в Кремле и башня Кутекрыма, гражданские сооружения на Запсковьи, церкви — Николы Каменноградского, Успения Пароменья, Климента, Георгия на Взвозе, монастыри — Иоанновский, Мирожский. Сн. В.А.Богусевича, 1930 г. Фонд ГАИМК.

О.87/29-31, Q 220/7, колл. 149/38-41. Нег. — 4, отп. — 4. Раскопки Псковской экспедиции ГАИМК, 1931 г.: находки — кремень-огниво, костяные подделки, лемех железный. Дом XVII в. "Солодежня" (РПР с фото). Сн. И.Ф.Чистякова, 1931 г. для Выставки РОСа "Охрана памятников". Фонд ГАИМК.

О.1439/1, 21, колл. 974/1, 22. Нег. — 2, отп. — 2. Материалы раскопок Н.Н.Черныгина в Псковском Кремле в 1936 г.: вид Кремлевского мыса и находка — костяной гребень с фигурками животных. Сн. Лаборатории ИИМК, 1939 г. Фонд ИИМК АН СССР.

О.3018/1-20, 67-81, колл. 2645/1-20, 67-81. Нег. — 35, отп. — 35. Охранные работы О.В.Овсянникова и Производственной группы Псковского облисполкома в 1974 г. (Псковско-Мирожская экспедиция) в Окольном городе: полевая работа, чертежи и находки. Сн. О.В.Овсянникова, 1974 г. Фонд ЛОИА АН СССР.

О.3241/1-11, колл. 2830/1-11. Нег. — 11, отп. — 11. Материалы работ Псковской археологической экспедиции, 1977 г. (начальник В.И.Кильдюшевский): раскопки средневекового города на территории санэпидстанции — полевая работа. Сн. В.И.Кильдюшевского, 1977 г. Фонд ЛОИА АН СССР.

О.3400/1-146, колл. 2946/1-146. Нег. — 146, отп. — 146. Материалы работ Экспедиции по изучению древнего Пскова, 1980 г. (начальник А.Н.Кирпичников): обследование стен и башен Кремля — полевая работа, чертежи и находки. Сн. А.Н.Кирпичникова, 1980 г. Фонд ЛОИА АН СССР.

О.3501/1-11, колл. 3113/1-11. Нег. — 11, отп. — 11. Материалы работ Псковской городской экспедиции, 1983 г. (начальник В.И.Кильдюшевский): раскопки на улице Ленина — полевая работа. Сн. В.И.Кильдюшевского, 1983 г. Фонд ЛОИА АН СССР.

О.2250/1-88, колл. 2074/1-88. Нег. — 88, отп. — 88. Материалы к работе Ю.П.Спегальского "Псковские каменные жилые здания XVII в.": чертежи, планы, реконструкции и рисунки. Сн. Лаборатории ЛОИА, 1960 г. Фонд ЛОИА АН СССР.

О.2250/89-102, колл. 2074/89-102. Нег. — 14, отп. — 14. Материалы к работе Ю.П.Спегальского "Псковские жилые здания XVII в.": реконструкции фасадов домов. Сн. Лаборатории ЛОИА, 1962 г. Фонд ЛОИА АН СССР.

О.2616, колл. 2308. Нег. — 30, отп. — 30. Материалы к работе С.А.Таракановой "Городище Псковское и Камно": РПР. с альбома иллюстраций — виды места раскопок Псковского городища и находки. Сн. Лаборатории ЛОИА, 1966 г. Фонд ЛОИА АН СССР.

«Метаморфозы» Овидия в росписи печных «живописных» изразцов дворца А. Д. Меншикова

В интерьерах дворца А. Д. Меншикова сохранились 4 изразцовые печи с подглазурной росписью кобальтом, которые в первой трети XVIII в. называли “живописными”. Печи изменили свой внешний облик: в них значительно уменьшилось количество изразцов, отсутствуют многие существенные детали — карнизы, украшавшиеся “городками”, “шариками”, “яблоками”, деревянные или металлические ножки, на которых стояла печь. Причиной изменений являются многочисленные починки и перестройки, которые начались уже в 1731 г. (Дорофеева 1991: 26–28). Но эти печи имеют историческую ценность, так как они содержат изразцы, выполненные в петровское время разными мастерами в нескольких петербургских мастерских.

Исследование тематики изразцовых росписей привело к книге “Символы и Эмблемата”, изданной в 1705 г. в Амстердаме (*Symbola* 1705). Мы уже обращали внимание на изображение горящих сердец и крылатого сердца, поднимающегося к княжеской короне (Дорофеева 1991: 30). В книге “Символы и Эмблемата” изображение горящего сердца, опускающегося в воду, можно узнать на рисунке № 147 с девизом “Он утешается после бури”, а второй сюжет в рисунке № 474 с девизом “Тебе дан ключ”. Изразцы расписывались для дома А. Д. Меншикова и символизировали вечное горение, борьбу и преданность князя идеалам Петра I.

Интересна и другая тема, которая прочитывается в росписи изразцов тех же печей “Кабинета из прихожей” и “Варваринного покоя” — это тема метаморфоз, превращений, истоками которой также стала книга “Символы и Эмблемата”. На изразце печи “Кабинета из прихожей” изображена сидящая на небольшом холме обнаженная женщина, локтем одной руки спирающаяся о землю, а в другой руке держащая ветвь с круглыми плодами. Она демонстрирует эти ветви, держа их как знак, на который нельзя не обратить внимание. У ее ног лежит большой плод. Подошедшая к сидящей женщина, в тщательно застегнутом платье с палкой в руке, символизирует старость.

В “Символах и Эмблематах” этот сюжет отражен на рисунке № 711, на котором изображены две женщины, беседующие под деревом с круглыми плодами. Одна из них опирается рукой на корзину с плодами, в то время как вторая горячо ее убеждает. В рисунке и в росписи идентичны ситуации, облик героинь и атрибуты. Это — изображение

Рис. 1 Изразец с изображением Вертумена и Помоны. Дворец А.Д.Меншикова, печь "Кабинета из прихожей".

Вертумена и Помоны. Девизом к рисунку № 711 являются слова "Любовь победит только переводом".

Согласно римской мифологии Вертумен — бог всяких перемен: во времена года, течении рек, настроении людей, созревании плодов. Имя его от глагола — *vertete* — поворачивать, превращать. Благодаря своим превращениям он победил сердце богини фруктовых садов Помоны; явившись в образе старухи, он уговорил ее, и богиня плодов стала его супругой. Античный миф о Вертумене и Помоне был увлекательно описан Овидием в *Метаморфозах*.

Рис. 2 Изображение Вертумна и Помоны в книге "Simbola et emblemata" (Amsterdam, 1705).

Сюжет с Вертумном и Помоной совсем не случаен в росписи изразца. В XVIII в. проявился большой интерес к этим героям. Художники эпохи барокко часто черпали сюжеты из "Метаморфоз" Овидия, интересна была сама тема превращений, двойной смысл изображения. Более 120 живописных произведений создано на эту тему художниками Италии, Нидерландов, Германии, Франции (Pigler 1956: 266-270).

В России тоже был определенный интерес к этой теме. Во-первых, для Петра I была куплена картина Ван дер Верфа на этот сюжет, она находится в настоящее время в Монплезире (Голдовский, Знаменов 1976: 94). Во-вторых, Савва Рагузинский из Италии присылает Петру I роспись о статуях, которые наиболее "употребляют" в царских и королевских садах, и среди "протчих" называет Вертумна и Помону. Более того, в Венеции в 1716 г. он делает заказ скульптору Франческо Кабианки, который его блестяще выполнил (Андросов 1984: 78-80).

В архитектурно-декоративном решении дворца А.Д.Меншикова многократно использовались эмблемы с девизами из книги "Символы и Эмблемата" Амстердамского издания 1705 г. — в росписи потолков, лепном декоре и росписи печных изразцов. Нам представляется, что развитие этого античного сюжета в таком массовом искусстве, как роспись печных изразцов, совершенно естественно: на эту тему создавались серии рисунков, где главной стала тема превращений. Отсюда многократное повторение образа Вертумна в росписи печи "Кабинета из прихожей" в облике женщины у колодца, с пчелами, с дочкой, и Помоны с плодами и пальмовой ветвью. Интересно, что эта же тема развита в росписи печных изразцов "Варварино покая".

Дорофеева Л.П. 1991. Две изразцовые печи из дворца А.Д.Меншикова // СГЭ. № 55. Simbola et emblemata. Amsterdam. 1705.

Pigler A. 1956. Varxthemen // Akademiai kiado. T.II. Budapest.

Голдовский Г.Н., Знаменов В.В. 1976. Дворец Монплезир в Нижнем парке Петродворца. Л.

Андросов С.О. 1984. Рагузинский в Венеции: приобретение статуй для Летнего сада // Скульптура и музей. Сборник научных трудов. Л.

Мои учителя в археологии

Я познакомился с В.Д.Белецким в конце 1960-х годов, когда мы, студенты кафедры археологии ЛГУ, знакомились в кладовых Эрмитажа с материалами многолетних раскопок в Пскове, а Василий Дмитриевич показывал нам находки и много рассказывал об уникальном историко-археологическом и архитектурном памятнике — Довмонтовом городе Пскова. Позднее я, неоднократно бывавший на докладах В.Д.Белецкого, внимательно следил за его публикациями, привозил на раскопки в Довмонтов город студентов-практикантов.

В.Д.Белецкий принадлежит к поколению моих учителей, хотя непосредственно учиться у Василия Дмитриевича мне не довелось. Предлагая для сборника памяти В.Д.Белецкого статью о людях, учивших меня археологии, мне хотелось этим отдать дань уважения и благодарности самому Василию Дмитриевичу Белецкому, нечастое общение с которым навсегда осталось в моей памяти.

Первое мое знакомство с археологией состоялось еще в школьные годы. Это было в городе Ярославле, в самом начале 60-х годов. Тогда учитель истории поручил мне написать ученическую работу, посвященную древней истории Ярославля — одного из старейших городов Залесской земли. Специальной, да и популярной литературы по этой теме в те годы было мало, впрочем и ту, что имелась, я не знал, а мой преподаватель пустил меня, как говорят, в “свободное плавание”. После прочтения того скудного набора книг, что имелись в районной библиотеке, я понял, что ничего путного написать не смогу, и вот тогда я направился в местный краеведческий музей, где меня привели к научному сотруднику отдела истории дореволюционного прошлого Алексею Степановичу Смирнову, которого я считаю своим первым учителем в археологии. Тогда в Ярославле профессиональных археологов не было, а Алексей Степанович был краеведом-самоучкой. Однако он прошел определенную археологическую школу, отработав в экспедициях под руководством Екатерины Ивановны Горюновой, Дмитрия Александровича Крайнова и Майи Васильевны Фехнер, участвовал в раскопках палеолитической стоянки у села Золоторучье, Попадьянского селища, Тимеревского и Михайловского могильников, то есть — на практике познакомился с памятниками палеолита, железного века и средневековья. Им была построена первая археологическая экспозиция в Ярославском музее. Так что Алексей Степанович прекрасно ориентировался в древней истории Ярославщины, несмотря на то, что не имел специального образования.

А.С.Смирнов не только подробно рассказал мне об археологической экспозиции: он провел меня в святую святых любого музея — фонды. Все это не могло не вызвать восторга у мальчишки-школьника, и, конечно, было счастьем, когда он предложил мне поехать с ним

летом в экспедицию. Это и стало определяющим в моей судьбе — первые раскопки средневековых курганов и поселения, при впадении реки Пекши в Волгу, затем поиски по берегам реки Сити места битвы русских с татарами в 1238 г. и опять раскопки курганов.

Далее, уже во время учебы на кафедре археологии Исторического факультета Ленинградского университета, были неоднократные поездки вместе с Алексеем Степановичем на места моих будущих раскопок — в Тимерево, Михайловское и Петровское, Именно Алексей Степанович показал мне то огромное вспаханное поле, где он собирал керамику, и где впоследствии мне посчастливилось открыть ныне широко известный памятник Тимеревское поселение.

Алексей Степанович Смирнов был не только музейщик-краевед, но он был подлинный педагог и воспитатель, его питомцы и сейчас работают в археологических центрах Москвы, Петербурга и других городов России. В знак благодарности и признательности, а также в его память я посвятил А.С.Смирнову свою книгу “Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья” (Л., 1982).

Одним из первых корифеев археологической науки, с которым меня свела судьба в Ленинградском университете, был Михаил Илларионович Артамонов. Уже во время второй попытки поступления в университет я, тогда еще абитуриент, пришел на кафедру археологии на собеседование. Его проводил заведующий этой кафедрой, профессор М.И.Артамонов. В моей памяти он запомнился как чрезвычайно интеллигентный человек с седой шевелюрой и вечно попыхивающей сигаретой. До сих пор помню один из вопросов, который тогда, в августе 1966 г., мне задал Михаил Илларионович:

— Молодой человек, я узнал из ваших документов, что вы приехали из Ярославля. А в Тимерево вы бывали?.

На что я ответил:

— Конечно.

— А книгу “Ярославское Поволжье” вы знаете ?

— Да, не только знаю, но и читал.

— Вот и займитесь Ярославскими могильниками.

И на это я нашел быстрый и, теперь-то понимаю, совершенно неграмотный ответ:

— Да там же все изучено.

В ответ Михаил Илларионович улыбнулся и сказал:

— Сразу видно, что вы еще очень мало знаете, но, надеюсь, это дело поправимое.

Этот диалог я запомнил на всю жизнь и могу оказать, что и до сих пор, чем больше мы занимаемся историей и археологией Северо-Восточной Руси, тем больше открывается нового и тем больше появляется нерешенных проблем и вопросов, пока остающихся без ответа.

Пять лет я слушал лекции Михаила Илларионовича, которые, я думаю, и не только для меня стали фундаментом археологического образования. Не меньшее значение имели для меня индивидуальные беседы с ним о науке и культуре, о наиболее насущных археологических проблемах и особенно об остро стоящем тогда так называемом “варяжском вопросе”. С одной стороны Михаил Илларионович был очень требовательным человеком. Однажды я получил у него “четверку” по основам археологии, что для меня — археолога — было не только огорчительным, но и позорным. Он довольно скептически оценил мою дипломную работу, сам являясь ее руководителем. С другой сторо-

ны, Михаил Илларионович, своеобразно принимал экзамены — он раздавал вопросы и уходил, говоря при этом: “В вашем распоряжении библиотека кафедры, — а тогда она была очень богатой, — Пользуйтесь!” Но это вовсе не означало, что успех был обеспечен.

К сожалению, Артамонов недолго был моим научным руководителем по аспирантуре. Это длилось всего один год: в 1972 г. Михаил Илларионович скончался. Однако, многие его идеи и мысли легли в основу моих работ по славяно-русской археологии. Так, его фундаментальный труд “История Хазар” послужил для меня образцом при написании книги “Великий Волжский путь” (Л., 1989). Отдавая дань памяти М.И.Артамонову, к 90-летию со дня рождения, мы совместно с И.Я.Фрояновым и Е.Н.Носовым в 1988 г. опубликовали небольшую, но, на мой взгляд, одну из ключевых работ М.И.Артамонова — “Славяне и норманны в Восточной Европе в период образования русского государства”, которая почти двадцать лет была лишь архивным достоянием. И сейчас, когда приближается столетие со дня рождения этого великого ученого, я уверен, что научная общественность достойно вспомнит его как человека, видного деятеля российской науки и педагога.

Говоря о моих учителях, я не могу не вспомнить с чувством глубочайшей благодарности Ивана Ивановича Ляпушкина — видного археолога, хорошо известного своей тщательностью в изучении источников, скрупулезностью, почти беспощадной требовательностью к себе и своим коллегам. В течение двух сезонов 1967-1968 гг., в экспедиции Ивана Ивановича в Гнездово под Смоленском, я и многие мои ровесники прошли первоклассную полевую школу. Именно Иван Иванович открыл для науки теперь уже знаменитое поселение, в существование которого многие не верили. Однажды к нам в экспедицию приехал известный исследователь курганов Гнездова и городских слоев Смоленска Д.А.Авдусин, и в присутствии всех членов небольшой экспедиции Ивана Ивановича уверенно заявил, что никакое это не поселение (то, что мы раскапывали), а просто остатки распаханых курганов. Время показало, что прав был не он, а Иван Иванович. Мастерски владея методикой раскопок культурных слоев поселений, Иван Иванович щедро делился своими знаниями и опытом с нами. До сих пор хорошо помню как он обучал меня методу расчистки и вскрытия наземной столбовой постройки. Тогда меня, совершенно неопытного в этом плане студента, просто изумляли его интуиция и филигранная работа. Все это мне очень пригодилось впоследствии при раскопках Тимеревского поселения, где были обнаружены типологически аналогичные жилые и производственные сооружения. Много мы почерпнули также из регулярных бесед Ивана Ивановича, во время которых он рассказывал нам о ранней истории славянства и о проблеме происхождения и расселения восточных славян. И сейчас не теряет своей актуальности и часто используется его труд “Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства” (М.-Л., 1968). Для меня же эта книга имеет особое значение в разработке проблем славянского заселения Волго-Окского междуречья. Я думаю, что не будь такой школы в Гнездово под руководством Ляпушкина, мне может быть не удалось бы открыть и исследовать Тимеревское поселение.

Своим главным учителем в археологии я считаю доктора исторических наук, профессора, заведующего отделом славяно-финской археологии ИИМК РАН заслуженного деятеля науки России Анатолия Нико-

лаевича Кирпичникова. Впервые судьба свела нас в 1969 г., когда я еще студентом попал к нему в экспедицию, исследовавшую древнюю Новгородскую крепость Орешек (Шлиссельбург — Нотебург). В течение двух сезонов (1969-1970 гг.) я проходил полевую школу у Анатолия Николаевича на раскопках древнерусских крепостных сооружений и городских слоев. Эта наука помогла мне в дальнейшем при исследовании древнего Ярославля.

Анатолий Николаевич научил меня прежде всего терпению, тщательности, бережному отношению к факту и, конечно, методике изучения таких сложных памятников, как средневековые русские города. Еще в студенческие годы я слушал лекции Анатолия Николаевича и здесь я почувствовал не только блестящего педагога, но и опытного археолога-вещевода. Его внимательное, почти любовное отношение к источникам стало для меня в дальнейшем образцом научной работы.

В 1972 г. Анатолий Николаевич стал научным руководителем моей кандидатской диссертации “Проблемы становления раннефеодального общества на территории Ярославского Поволжья” и во многом именно его заслуга в том, что диссертацию я защитил в 1974 г., а не гораздо позже. Тогда с ужасом, а теперь с чувством глубочайшей благодарности, я вспоминаю, сколько раз заставлял меня мой руководитель переделывать и переписывать целые главы моей работы, как он тщательно правил каждую строчку, внимательно вычитывал каждое слово. Анатолий Николаевич помог мне преодолеть юношеский максимализм в научных оценках и заключениях, научил бережно и с уважением относиться к трудам своих предшественников и коллег.

В дальнейшем мы с ним стали работать на равных, и это отразилось в наших многочисленных совместных работах по проблемам русско-скандинавских связей, в редакторской деятельности, докладах, работе в составе рабочей группы по научному сотрудничеству в области археологии между СССР и Финляндией, Балтийском международном гуманитарном центре Российской Академии наук, ряде Ученых советов. Экспертном совете Всероссийской аттестационной комиссии при Совете министров России. Но я всегда не забывал и с признательностью помню о том, что я его ученик. Для меня Анатолий Николаевич является как бы связующим звеном между старшим поколением археологов и мною. Ну и, конечно, я учился и учусь у него многим человеческим качествам: отзывчивости, обязательности, бескорыстной готовности поделиться знаниями и опытом, прийти в трудную минуту на помощь, интеллигентному слову.

Низкий поклон и глубочайшая благодарность Учителям, которым каждый из нас обязан главным в своей трудовой жизни — познанию науки и любви к священным “камням истории”.

Ранние этапы заселения территории Усвятского района (Псковская обл.)

За долгие годы плодотворной работы Северо-Западной археологической экспедиции Государственного Эрмитажа тщательно обследована территория междуречья Западной Двины и Ловати. Здесь открыто значительное количество памятников разных этапов неолита, эпохи раннего металла и средневековья. Кроме того, зафиксирован и ряд местонахождений, материалы которых имеют явно донеолитический возраст. Однако, вопрос о возрасте и культурной принадлежности последних остается открытым. Дело в том, что до сих пор не изучен ни один памятник с выраженным культурным слоем, и единственными критериями для датировки остаются геоморфологическое положение памятника и облик кремневого инвентаря.

По геоморфологическому положению древнейшие памятники в регионе были разделены А.М.Микляевым на две хронологические группы: 1) ранние, располагающиеся на останцах коренного берега позднеледникового бассейна и 2) более молодые, залегающие на террасах современных рек и озер внутри границы позднеледникового водоема (Микляев 1969: 19). Все памятники представлены только подъемным материалом, коллекции во многих случаях невелики, но зато весьма выразительны. К тому же некоторые из коллекций были существенно пополнены в результате разведочных работ 1985-1986 гг. Тогда же было открыто и несколько новых местонахождений¹.

Рельеф междуречья Западной Двины и Ловати относительно молод и очень хорошо выражен. Формирование его относится ко времени вюрмского оледенения, по мнению П.М.Долуханова (1969), к его вепсовской (померанской) стадии. Самыми древними отложениями на этой территории являются девонские доломитизированные известняки и синяя плотная глина, обнаруженные в скважинах близ г.Велижа и пос.Усвяты (Жирмунский 1932). Девонские слои перекрыты двумя моренами — рисской и вюрмской, переслоенными флювио-гляциальными отложениями — слоистыми песками с галькой. Вследствие рисс-вюрмской денудации межледниковые озерные осадки (красная глина и сине-серый суглинок с раковинами двустворчатых моллюсков, ископаемые почва и торф, слоистые безвалунные пески) залегают иногда непосредственно на нижней морене. Слои суглинков, почва и торф отложились во влажную межледниковую эпоху на дне многочисленных неглубоких водоемов, в болотах и торфяниках.

¹ Материалы разведок 1985-1986 гг. переданы на постоянное хранение в ОАВЕС.

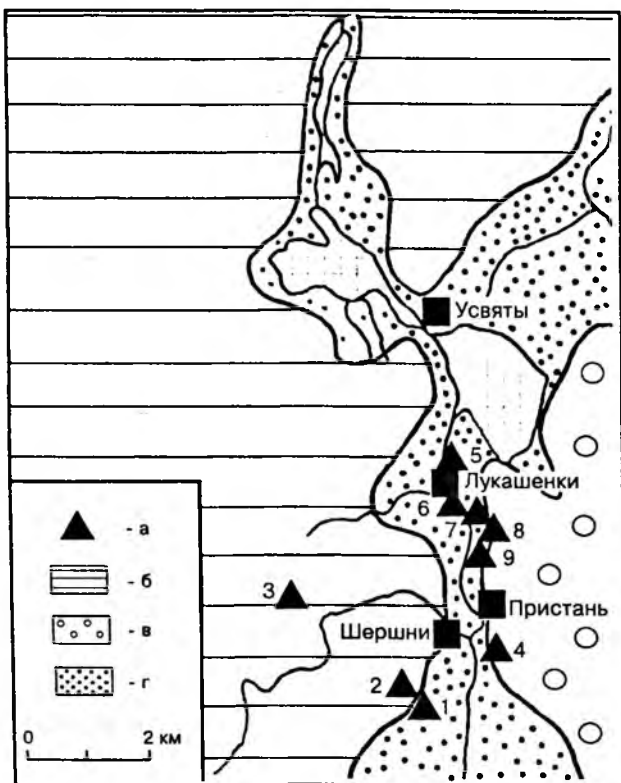

Рис. 1 Карта памятников финального палеолита и мезолита в окрестностях пос. Усвяты. а — местонахождение (1 — Иванцов Бор; 2 — Бабурова Гора; 3 — Авсюхово; 4 — Лобани; 5 — Лукашенки I; 6 — Лукашенки II; 7-9 — Лукашенки III); б — основной вал вепсовской морены; в — озерно-ледниковая котловина; г — наиболее низкий уровень озерно-ледниковой котловины

По мнению А.М.Жирмунского, неовюрмский ледник (двинская стадия валдайского оледенения) был на этой территории остановлен девонским валом. На сегодняшний день вопрос о соотношении этой морены с конкретной стадией последнего оледенения остается открытым, однако наиболее основательной представляется точка зрения П.М.Долуханова, датирующего морену вепсовской стадией ошашковского (поздневалдайского) оледенения.

К концу вюрмского времени на описываемой территории относится формирование позднеледникового бассейна, остатками которого являются озера Усвятское, Удвятское и Узмень (рис.1). В пределах озерно-ледниковой котловины морена разрушена и это пространство занято задрями и валунными полями. Берега позднеледникового водоема сложены бугристыми песками моренных отрогов, подвергнутых действию эоловых процессов, приведших к образованию материковых дюн по берегу древнего стока водоема. Именно к этим дюнам и приурочена первая (по А.М.Микляеву) группа памятников. В настоящее время долина стока занята р. Усвяча.

Позднеледниковые осадочные и голоценовые отложения изучены по образцам из скважины, пробуренной на пойме Усвятского озера (Геоморфология 1969: 175). По данным палинологии, позднеледниковая толща делится на три группы спектров: нижняя (третья — глубина 3,4-4,5 м) характеризует межстадиал беллинг, когда произошло существенное осушение территории и установилось господство древесной растительности; вторая группа (глубина 2-3,4 м) относится к среднему дриасу — похолодание приводит к уменьшению количества ели, доминируют сосна и карликовая береза, появляется облепиха, меняется состав трав; первая группа связана с аллередом (глубина 1,5-2 м). Улучшение климата вновь характеризуется господством древесных пород с существенной

долей широколиственных и орешника. В это время, по всей вероятности, существовало множество мелких водоемов, поймы которых были заняты луговыми ценозами.

По мнению П.М.Долуханова (1969, с.43), с начала позднего дриаса и до первой половины атлантикума происходило высыхание бассейна и сокращение его в размерах. В это время отлагались слои алевроита, сапропелей и песков. К началу регрессии относится, по-видимому, вторая (по А.М.Микляеву) группа памятников.

Таким образом, рассматриваемая территория была теоретически вполне пригодна для заселения начиная с межстадиала беллинг, и уж во всяком случае — в аллередское время. Однако, для решения проблемы о возрасте донеолитических памятников требуется, помимо изучения их геоморфологического положения, еще и анализ кремневого инвентаря.

Для описания памятников принят территориальный принцип (с юга на север). Интересно, что в основном при этом соблюдается, как мне кажется, и хронологический порядок — самым древним для всей территории является самый южный памятник — Иванцов Бор, близкими ему по возрасту представляются расположенные лишь немного севернее местонахождения Лобани, Бабурова Гора, Авсюхово. Несколько более молодой представляется группа Лукашенковских местонахождений, хотя о последних трудно говорить в целом, так как группа неоднородна.

1. *Иванцов Бор*². Местонахождение открыто А.М.Микляевым в 1962 г. Находится в 1,5 км к югу от д.Шершни на перевеянном останце коренного берега позднеледникового водоема (гряде из семи высоких песчаных увалов, окруженной сосново-березовым лесом). Находки в пересотложенном состоянии залегают на поверхности песка и вглубь на 0,1-0,15 см. Одна ножевидная пластинка была обнаружена в выбросе кротовины, а один осколок кремня найден в пробном шурфе на глубине 0,65 м. На глубине 0,5 м в стенке шурфа прослежена плотная прослойка железистых конкреций, а под ней на глубине 0,63 м хорошо видны мелкие угольки и углистые пятна. Слой с уголками подстилается прослойкой железистых конкреций на глубине 0,75 м.

Коллекция кремневого инвентаря, хотя и насчитывает всего 33 предмета (не считая осколков кремня), но очень выразительна и имеет типичный свидерский облик. Основная форма заготовки — крупная широкая пластина, характерная для верхнего и финального палеолита и уступающая позднее свою роль меньшим по размеру, но более геометрическим и стандартизованным пластинкам. На таких крупных пластинах изготовлены две черешковые формы: первая из них представляет собой классический свидерский наконечник с плоской подтеской черешка на брюшке и асимметричной подработкой острия на спинке (рис.2,3). Этот тип широко распространен в лесных стоянках эпохи финального палеолита Польши, Литвы, Белоруссии, Украины. Вторая форма интересна тем, что при отсутствии естественного острия (рис.2,1) не имеет и подработки пера. Черешок, тем не менее, тщательно обработан крутой ретушью на спинке и плоской — на брюшке. Сама заготовка асимметрична, один ее край изогнут и истончен. Является ли этот предмет заготовкой наконечника или каким-либо дру-

---

2 Номера памятников соответствуют номерам на карте (рис.1).

гим орудием, использовавшемся в рукояти, можно установить только трасологическим анализом, который для этих материалов не проводился.

Скребки очень разнообразны: двулезвийный концевой на пластине (рис.2,2), скребок на отщепе, почти по всему периметру обработанный крупной и довольно крутой ретушью, два концевых скребка на массивных широких пластинах. Других выраженных типов орудий не найдено. Кремень гладкий, пластичный, разнообразных цветов: преобладают различные оттенки серого, но есть предметы из желтого, темно-красного и розовато-сиреневого верхневолжского кремня.

2. *Бабурова Гора*. Памятник открыт в 1986 г. Находится на юго-западной окраине д.Шершни. Материал был собран на поверхности переветренной и впоследствии распаханной параболической дюны, окруженной лесом; дюна имеет то же происхождение, что и песчаная гряда Иванцова Бора. На самых высоких точках всхолмления, разделенных небольшим понижением, зафиксировано два скопления находок (1 и 2 — с юга на север). Коллекция насчитывает 204 кремневых предмета: к скоплению 1 относятся 56 предметов, к скоплению 2 — 74; еще 74 предмета собраны по всей поверхности дюны. Прежде всего, обращает на себя внимание характер основной заготовки, отличающий этот памятник от местонахождения Иванцов Бор.³ В отличие от коллекции с Иванцова Бора здесь преобладают небольшие ножевидные пластинки или некрупные отщепы. Среди скребков доминируют концевые. Хотя есть один двулезвийный скребок на фрагменте массивной пластины, аналогичный скребку с Иванцова Бора, появляются принципиально другие формы: небольшие скребки на отщепах (в том числе — один комбинированный со скобелем), три миниатюрных концевых на пластинках. Обращает на себя внимание серия микропластинок, фрагменты и сколы подправки призматических нуклеусов, а также использование фрагментов призматических нуклеусов в качестве заготовок для изготовления орудий (бокового резца и скребка). Нельзя не отметить присутствия в коллекции сечений нескольких массивных пластин и бокового резца на крупной массивной пластине первичного снятия, край которой уплощен ретушью. Краевой резцовый скол был найден на другом конце поля (рис.2,4).

Материалы скоплений и общих сборов однородны. Отсутствие каких-либо специфических типов орудий не позволяет нам делать выводы о культурной принадлежности памятника. Однако, нужно заметить, что инвентарь в целом вполне типичен для лесных поселений как мезолита, так и финального палеолита. Некоторая миниатюризация заготовки может быть сочтена единственным, к тому же косвенным признаком более молодого возраста памятника. Таким образом, на данном этапе будет вполне правомерно отнести Бабурову Гору к первой хронологической группе памятников.

3. *Авсюхово*. Памятник открыт в 1986 г. Находится в полутора-двух км от д.Шершни, расположен на песчаной возвышенности, заросшей редким сосняком. Часть возвышенности разрушена карьером, в стенке которого на глубине 20 см прослеживается гумусированная прослойка

---

3 Очевидна некоторая ущербность сравнения столь разных по количественному составу коллекций, но, тем не менее, имея дело с подъемным материалом, приходится исходить из того, что есть.

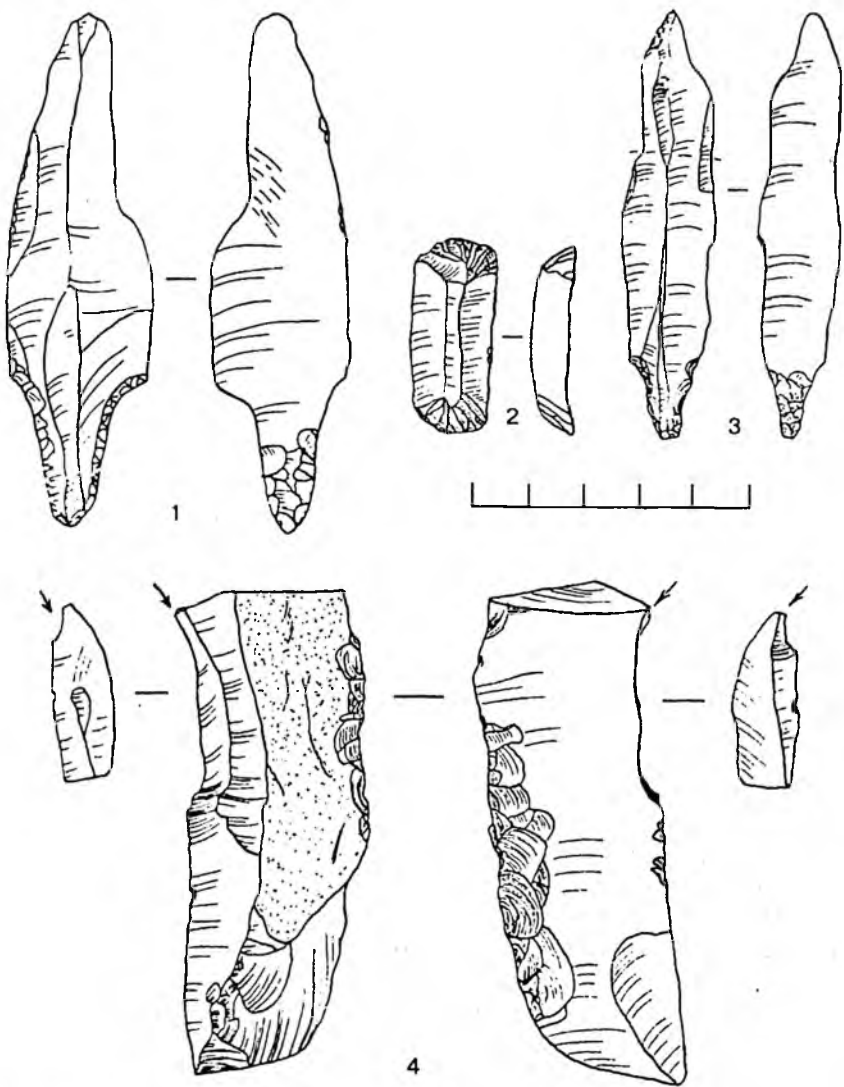

Рис. 2 1-3 — Иванцов Бор; 4 — Бабурова Гора

мощностью 10 см. При зачистке из нее выпал сильно обожженный двулезвийный концевой скребок на фрагменте широкой пластины. Сборы насчитывают 48 предметов, явно выражен пластинчатый характер инвентаря. Все орудия изготовлены на пластинах, причем достаточно массивных, но имеющих правильную огранку. Всякая тенденция к микролитизации в инвентаре отсутствует. На этих основаниях, а также исходя из геоморфологического положения памятника на песчаном останце коренного берега позднеледникового водоема, Авсюхово отнесено к первой хронологической группе.

4. *Лобани*. Предположительно финальным палеолитом датируется коллекция местонахождения Лобани. Оно открыто в 1985 г. и находится на левом берегу р.Усвяча на распаханном песчаном участке коренного берега стока позднеледникового водоема. Коллекция насчитывает 11

предметов, в том числе — крупный плоский призматический нуклеус с оформленным ребром, два концевых скребка на широких массивных пластинчатых сколах (рис.3,7) и один — на массивном отщепе, а также несколько пластин. Состав кремневого сырья тот же, что и в Иванцовом Бору: преобладает гладкий серый кремль, но присутствуют еще черный и желтый. Материал выглядит достаточно архаично и представляется близким материалам Иванцова Бора, хотя из-за скудости коллекций сравнивать комплексы трудно.

Интересна группа из двенадцати местонахождений близ д.Лукашенки, располагающихся полосой вдоль р.Усвячи на песчаных высотах, являющихся останками коренного берега стока позднеледникового водоема. Материал везде переотложен, культурного слоя не обнаружено. Лукашенки I, II и III были открыты А.М.Микляевым в 1962 г. В 1986 г. окрестности деревни были обследованы вновь; было зафиксировано еще 9 пунктов находок кремневых предметов. Тогда же была введена общая нумерация памятников: Лукашенки I-1, I-2, II-1 и т.д.⁴

5. *Местонахождения Лукашенки I (I-1, I-2, I-3)* расположены на северной околице и в северной части деревни. В собранном материале явно выражена тенденция к микролитизации: серия микропластинок, микроскребки (рис.3,1), острие на микропластинке (рис.3,2). Второе, что привлекает внимание — большой процент обожженных орудий: в пункте I-1, например, из 122 предметов 20 обожжены сильно и еще многие имеют следы кратковременного пребывания в огне. Кроме того, появляются миниатюрные рубящие орудия: тесло и обломок верхней части топорика или тесла. Все эти черты свидетельствуют, без сомнения, о мезолитическом возрасте местонахождений.

6. *Местонахождения Лукашенки II (II-1, II-2, II-3)* расположены в южной и юго-восточной части деревни и аналогичны местонахождениям Лукашенки I как по характеру материала, так и по геоморфологическому положению.

7-9. *Местонахождение Лукашенки III* открыто А.М.Микляевым в 1967 г. Оно расположено к югу от Лукашенки II, на заросшем сосновым лесом участке мощной песчаной возвышенности, тянущейся вдоль р.Усвяча от д.Лукашенки в южном направлении, постепенно понижаясь. Гряда местами распахана, поля разделены полосками сосняка. В 1986 г. весь этот участок берега был тщательно исследован, в результате было выделено 6 пунктов, получивших номера Лукашенки III-1, III-2 и т.д. (с юга на север), при этом Лукашенки III, открытые А.М.Микляевым, получили № III-5. Материал всех местонахождений этой группы, кроме Лукашенки III-1, однороден. Он собран на вспаханных полях, располагающихся между дорогой из д.Пристань в д.Лукашенки и обрывом террасы, на котором и концентрируется основная часть находок, лишь слегка растащенных по полям при вспашке. Скопления выражены достаточно четко. Возможно, что Лукашенки III-2 — III-6 являются остатками единого поселения, или же эта удобная во многих отношениях гряда служила какое-то время для сезонных стоянок одних и тех же или близких охотничьих коллективов. Если здесь речь идет об

---

4 Часть собранного в 1962 г. материала была передана в школьный музей пос.Усвячи, из-за этого при подсчетах в дальнейшем учитываются только материалы сборов 1985-1986 гг.

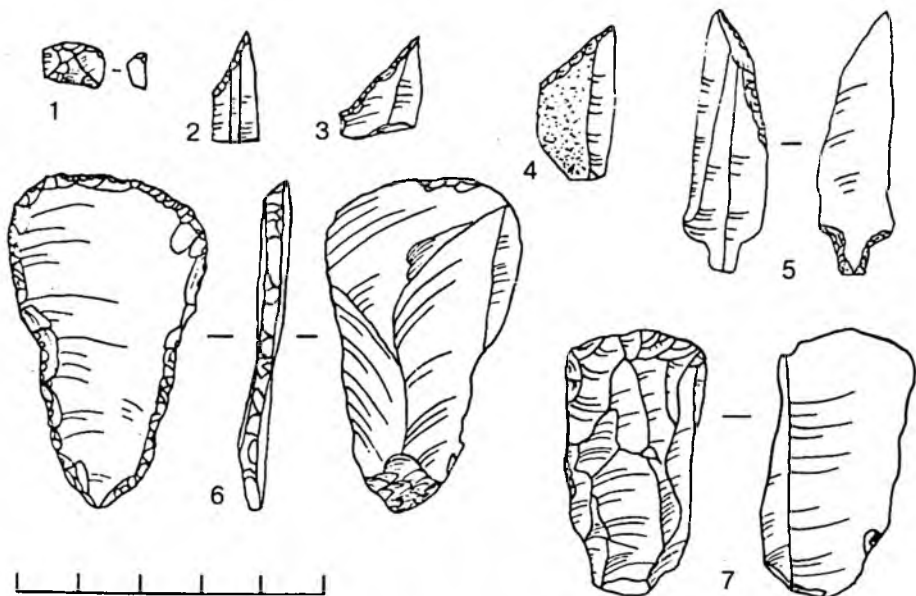

Рис. 3 1,2 — Лукашенки I; 3-6 — Лукашенки III; 7 — Лобани

одном поселении, то центр его, без сомнения, приходился на Лукашенки III-4, а пункты III-2 и особенно III-6 являлись периферией. Это видно по количеству находок: III-2 - 104 предмета, III-3 — 392 и 10 фрагментов керамики с накольчатым орнаментом⁵, III-4 — 1007, III-5 — 33 (сборы только 1986 г.) и III-6 — несколько обломков кремня, отщеп с ретушью и фрагмент пластинки. Важно отметить большой процент обожженных предметов в наиболее насыщенной находками части поселения: в пункте III-3 — 76 из 392 (19,4%), а в пункте III-4 — 148 из 1007 (14,7%).

Технику расщепления характеризует большая серия пластинок и микропластинок, а также сильно сработанные конические, торцовые (в т.ч. — один на отщепе) нуклеусы и многочисленные сколы подправки нуклеусов. Индустрия носит ярко выраженный пластинчатый характер: много пластинок с ретушью, пластинок и микропластинок с притупленным краем. Наконечников всего два: на пластинках, с асимметричной подработкой пера и выделенным мелкой ретушью на брюшке черешком (рис.3,5). Кроме того, обращает на себя внимание серия косых острий: 1 — на пластинке, 1 — на пластинчатом отщепе и 5 — на сечениях пластин (рис.3,3,4). Резцов очень мало и только ретушные угловые на пластинах. Скребки, напротив, многочисленны и разнообразны: преобладают на отщепах (16 экз.), 4 — концевых на пластинах и 1 — на крупном отщепе лопаточкообразной формы, края

5 Находка 10 фрагментов накольчатой керамики представляется не относящейся к основной массе находок, тем не менее, ей может сопутствовать какое-то количество кремневого инвентаря. Типологически он никак не выделяется, лишь по качеству сырья несколько особняком стоит скребок на отщепе гладкого черного полупрозрачного кремня, широко используемого в неолитических памятниках Усвятской группы.

полностью ретушированы по брюшку (рис.3,б). Найдено и несколько скобелей. Рубящих орудий два: небольшое бифациально обработанное тесло подтреугольной формы и тесло на массивном отщепе, обработанное ретушью только на спинке по периметру, с сильно забитым рабочим лезвием.

В целом, материалы Лукашенок III-2 — III-6 имеют типичный мезолитический облик. Представляется целесообразным выделить их в особую хронологическую группу.

Совсем иной характер имеют материалы местонахождения Лукашенки III-1, расположенного примерно в 1 км к югу от д.Лукашенки на низкой пойме р.Усвяча. В отличие от других местонахождений Лукашенковской группы, здесь основной заготовкой является не ножевидная пластинка, а широкие, массивные пластины и массивные отщепы. Сырье также сильно отличается — если для остальных памятников этой территории характерен кремьень различных оттенков серого цвета (иногда — небольшая примесь желтого и красного кремня), но всегда гладкий и пластичный, хорошего качества, то здесь преобладает шероховатый желто-серый крупнозернистый кремьень. Инвентарь не отличается выразительностью — обломок скребка, скобель на конце широкой пластины, резчик на небольшой пластинке, пластины и отщепы с ретушью, сколы подправки нуклеусов и один сильно обожженный торцовый нуклеус. И все же совокупность признаков (сырье, массивность и пропорции основных заготовок), а также геоморфологическое положение этого местонахождения указывают на его принадлежность к иной хронологической группе, нежели две предыдущие.

В итоге мы получаем следующую картину, несколько уточняющую хронологическую шкалу А.М.Микляева, разработанную для Усвятского района (Микляев 1969). Самыми ранними на исследуемой территории пока являются памятники первой группы, расположенные на останках коренных берегов позднеледникового бассейна и имеющие финально-палеолитический облик кремневого инвентаря — они сопоставимы с лесными памятниками финального палеолита Польши, Литвы, Белоруссии и Украины. Предположительно их можно датировать аллередом. Вторую хронологическую группу составляют памятники, расположенные на самом берегу стока позднеледникового водоема. Они представлены Лукашенковскими местонахождениями, предположительно датируемыми средним мезолитом. Наконец, самым молодым, по всей видимости, является памятник Лукашенки III-1, датируемый максимальным спадом позднеледникового водоема, приходящимся на конец позднего дриаса.

Геоморфология и четвертичные отложения Северо-Запада Европейской части СССР. Л., 1969.

Долуханов П.М. 1969. Палеогеография Усвятских стоянок. // АСГЭ. № 11. Л.

Жирмунский А.М. 1932. Общая геологическая карта Европейской части СССР. Лист 28, юго-восточная четверть листа // Труды всесоюзного геологоразведочного объединения НКТП СССР. М.-Л. № 234.

Микляев А.М. 1969. Памятники Усвятского микрорайона. Псковская область. // АСГЭ. № 11. Л.

Учёнейший сын православной Руси

Изучение судеб средневекового Пскова стало для Василия Дмитриевича Белецкого делом всей жизни. Отдавая дань благодарной памяти замечательному историку и археологу, подарившему Пскову музей под открытым небом — ансамбль храмов Довмонтова города, я хотела бы в сборнике, посвященном Василию Дмитриевичу, рассказать об одном из его предшественников — митрополите Евгении (Болховитинове), фундаментальный труд которого “История княжества Псковского” (1831) на протяжении многих лет оставался, по словам самого Василия Дмитриевича, настольной книгой в семье историков Белецких.

В 1997 г. исполняется 230 лет со дня рождения “одного из величайших собирателей, которые когда-либо существовали” (Пономарёв 1867: 238) — митрополита Евгения (Болховитинова).

Научную деятельность Болховитинова в XIX в. оценивали по-разному: одни видели в нём “усердного ревнителя просвещения, превосходного литератора, учёнейшего сына православной Руси, принадлежавшего к числу первых учёных Европы” (Библиотека для чтения 1838: 42), другие обвиняли митрополита в “отсутствии систематического взгляда на явления истории..., передаче кучи фактов исторических, не соединённых никакою общею мыслью” (Филарет 1861: 164-165). Но уже тогда было отмечено, что Евгений “искал больше пользы, чем собственной славы; мимо не прошёл ни одного ему доступного архива, ни монастырского, ни судейского без того, чтобы не осмотреть и не узнать содержание бумаг, относящихся до истории; перечитывал ветхие, едва понятные рукописи, старался пролить на них свет, извлекал из забвения” (Я.А. 1837: 243-244). И.И.Срезневский считал, что необходимо издать труды Евгения, которые могли бы составить 8 больших томов: два тома — труды по древностям новгородским и псковским, три тома — труды по древностям киевским и южнорусским, один том — разные исследования по древностям, два тома — Словарь писателей с дополнениями. Такое издание было бы полезно “как богатый сборник данных о предметах важных и любопытных, особенно если бы было снабжено научными примечаниями и толковым указателем.” (Срезневский 1868: 1-3)

Основная часть архива митрополита Евгения находится сейчас в Центральной научной библиотеке Киева, многие интересные документы и материалы хранятся в архивах Москвы, Санкт-Петербурга, Воронежа, Вологды. Обширная переписка Болховитинова существенно дополняет представления о нём как учёном и человеке, показывает его литературные и исторические интересы, взгляды на жизнь. Круг его корреспондентов и друзей насчитывает около 90 имён. Научный интерес представляет переписка Евгения с академиками П.И.Кеппаном и Х.Д.Френом, профессорами Московского университета М.П.Погодиным и И.М.Снегирёвым, с поэтом Г.Р.Державиным и графом Н.П.Румянцевым.

Рис. 1 Митрополит Евгений (Болховитинов).

Евфимий Алексеевич Болховитинов — сын священника воронежской Входаиерусалимской церкви, родился 18 декабря 1767 г. Образование получил в воронежской семинарии и Московской духовной академии. По окончании академического курса, Болховитинов преподаёт в воронежской семинарии, создаёт свой литературный кружок, куда входят образованные воронежцы: граф Бутурлин, П.И.Литке, В.И.Македонец. Результатом его работы были “Полное описание жизни святителя Тихона Задонского”, “Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии”, “Рассуждения о том, что алтарные украшения Российской церкви сходны с древними восточными”.

В 1800 г., внезапно лишившись семьи (жены и троих детей), Болховитинов решает посвятить свою жизнь церковному служению и науке, и по рекомендации, полученной от Н.Н.Бантыш-Каменского, уезжает в Петербург, где назначается префектом духовной академии, преподавателем философии и высшего красноречия, а, впоследствии, читает лекции по богословию и истории. 9 марта он был пострижен и получил имя Евгения.

В Петербурге у Болховитинова появилась великолепная возможность работы в Академической библиотеке, где имелись многочисленные рукописи и книги, из которых Евгений делал выписки, составлял описания наиболее ценных и интересных экземпляров, определял даже время происхождения некоторых рукописей. Во время пребывания в Петербурге, Болховитинов приготовил и ещё одно интересное историческое сочинение, вышедшее в 1802 г. — “Историческое изображение Грузии в политическом, церковном и учебном её состоянии”. Он участвует в издании “Географического словаря” Щекатова и Максимовича: 59 статей в 7 томах бесспорно принадлежат Евгению (о славянских племенах и кочевниках, о первых славянских городах и др.)

Чем разнообразнее становилась литературная деятельность учёного наставника духовной академии, тем чаще соприкасался он с вопросами исторического прошлого и тем сильнее была потребность в предвари-

тельном сборе материала и его систематизации. Болховитинов оказался в числе первых русских собирателей славянских древностей. Петербургские его труды стали важнейшим звеном в ряду последующих исследований: церковно-исторических, археологических, филологических и пр.

В 1804 г. Евгений назначен епископом Старорусским и викарием Новгородским, и четырёхлетнее пребывание в Новгороде становится важнейшим этапом в его научной деятельности. Болховитинова в Новгороде не могли не заинтересовать местные древности и, прежде всего, библиотека Софийского собора, богатая драгоценными древними рукописями, многие из которых тогда ещё не были известны учёным. Разбирая эти рукописи, Евгений делал списки со многих грамот и рукописных книг и собирал обширный материал для своих последующих трудов. Среди его новгородских открытий особое место занимает “древнейшая из подлинных княжеских грамот русских” (Список русским памятникам 1822: 32) — Мстиславова грамота Юрьеву монастырю 1130 г., случайно обнаруженная в “куче гнилых архивных бумаг юрьевского монастыря” (Переписка 1868: 4). Впервые текст этой грамоты опубликовал академик Н.Я.Озерецковский, которому Болховитинов показал её во время путешествия по новгородской губернии, а уже в 1818 г. появляется исторический разбор документа с примечаниями, сделанными Евгением (Болховитинов 1818).

Живя в Новгороде, Болховитинов устраивал даже археологические раскопки, о которых нам известно из его письма к графу Н.П.Румянцеву: “В 1807 г. при починке соборной церкви Юрьева монастыря, основанного ещё в 12 веке, я велел окопать всю церковь для канала и отрыл при самих стенах в два и три ряда сплошь множество каменных гробов, составленных из шести больших плит и все полные земли с голыми костями, а больше ничего. Чрез сие только получил я понятие о древних гробах, и, конечно, лучших и почтеннейших новгородских гражданах, судя по огромности и гладкости плит.” (Переписка 1868: 13). С именем Евгения связано и первое в исторической литературе замечание о глубине культурного слоя в Новгороде: “В самом городе она очевидно приметна, и на торговой стороне по набережным местам, инде аршин 8-м или 9-ть должно копать до материка.” (Болховитинов 1808: 2).

В 1807 г. Евгением были написаны, а в 1808 г. изданы “Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода” — первое серьёзное исследование, посвящённое важнейшим проблемам новгородской истории. Труд этот стал замечательным явлением в русской исторической науке XIX в., а многие вопросы, поднятые тогда учёными, не потеряли своей актуальности и сегодня. В Новгороде осуществлялась работа Евгения по составлению большого труда по истории русской церкви под руководством митрополита Амвросия — “История российской иерархии”. Учитывая все имеющиеся данные, И.И.Срезневский считал, что Болховитинов был не столько составителем, сколько главным редактором и автором многих статей. Для своего времени труд Евгения был замечательным явлением в русской исторической науке, началом создания истории русской церкви. Особую ценность представляет обширный материал первоисточников, сопровождавший все шесть томов издания. Другой его труд — “История Славяно-русской церкви от начала оной до настоящего времени” сохранился в трёх рукописных вариантах и автором не был закончен (ОР ЦНБ АНУ, ф.312. Соф. № 363/158).

Митрополит Евгений был избран членом многих обществ: с 1806

г. по предложению Г.Р.Державина — членом Российской Академии, что однако, не вызвало большого восторга у самого Евгения. В письме к Г.Городчанinovу он замечал: “Сим титулом я не льщусь, потому что в Академии сей всякая всячина набита в членство, даже и такие, которые отроду никогда не писывали ничего русского” (Письма преосвященного митрополита 1857: 12). Наибольшее значение для его исторической учёной деятельности, конечно, играло участие в работе Московского общества истории и древностей Российских (ОИДР), созданного в 1804 г.

В своей дальнейшей служебной и учебной деятельности Евгений продолжал изучение славянских древностей, расширяя круг связей в учёном мире. С 1808 по 1813 г. он возглавлял Вологодскую епархию и своеобразный вологодский край — “северная Украина, не побеждённая ещё развратом больших дорог” (Письма митрополита Евгения 1870: ст.863), чрезвычайно заинтересовал Болховитинова. В 1809 г. он совершил путешествие по разным монастырям вблизи Вологды. Были осмотрены все хранилища древностей, местные архивы и библиотеки и в его архиерейский дом везли со всех концов епархии “целые воза старинных архивских бумаг” (Суворин 1867). На основании собранных материалов были подготовлены: “Исторические сведения о Вологодской епархии и о пермских и устюжских преосвященных (числом 42) архиереях” и “Описание монастырей Вологодской епархии ныне находящихся и прежде бывших (числом 88)”. Они объединялись в сборник “Собрание разных известий о Вологодской епархии и губернии, составленное в 1811 г.”, но сам Евгений называл этот труд “Историей Вологодской епархии”.

В Калуге (1813-1816) Болховитинов занимался в основном епархиальными делами, продолжая работу над своим “Словарём”, “Историей Российской епархии” и “Историей Славяно-русской церкви”.

В 1816 г. Евгений был назначен архиепископом Пскова и всей Лифляндии и Курляндии и занимал эту кафедру до 1822 г. Шесть лет пребывания в Пскове ознаменовались новыми изысканиями в архивах, библиотеках, осмотром памятников старины, монастырей, остатков древней Изборской крепости. В 1821 г. Евгений издал пять тетрадей о разных монастырях земли Псковской (Снетогорском, Крыпецком, Святогорском, Успенском, Иоанно-Предтеченском и Никандровой пустыни). До 1822 г. были подготовлены: 1) свод Псковских летописей, где к одному списку прибавлялись разночтения из двух других, приписки из летописей, записок и т.п.; 2) список грамот Псковских и других нужных для истории Пскова; 3) летопись древнего княжеского города Изборска (этот труд был напечатан уже в 1825 г. в “Отечественных записках” (т.XXII) и “Трудах общества истории и древностей Российских” (V, 131). Тогда же он приступил к составлению “Истории княжества Псковского”, не ограничиваясь русскими летописными источниками, но привлекая 23 Лифляндские хроники, книги Лифляндские, Эстляндские и Курляндские. Есть сведения об использовании Евгением в этой работе немецких источников. Помог в получении необходимых книг и документов граф Н.П.Румянцев: он, например, снабдил Болховитинова ценными материалами из Кеннигсбергского архива, выписками из Польского гербовника и др. Вчерне “История” была завершена уже в 1818 г., но Евгений оттягивал завершение работы и она была издана только в 1831 г., в Киеве.

В письме к графу Н.П.Румянцеву Евгений замечал: “С самого

приезда моего во Псков я занялся собиранием местных монастырских грамот и других известий, сверх собранных уже из печатных летописных надписей и изданных в 4-х частях с 1790 по 1794 гг. Николаем Ильинским под названием "Историческое описание города Пскова и его древних пригородов". Но доселе не отыскал я ещё ни одной грамоты старше времён царя Ивана Васильевича и отца его Василия Ивановича, да и сии грамоты касаются только до вотчинных монастырей" (Переписка митрополита Киевского Евгения 1868: 5). В рукописях митрополита Евгения сохранилось краткое жизнеописание князя Всеволода-Гавриила (ОР ЦНБ АНУ, ф.312. Соф. №322/560/ лл.1-3).

Последние 15 лет жизни и деятельности Евгения прошли в Киеве, где он также не оставлял своих исторических исследований, принимая самое деятельное участие в раскопках фундамента Десятинной церкви, Золотых ворот, церкви Св.Ирины на крепостном валу. Он мечтал осуществить археологическое исследование всей древней киевской земли, но не видя скорой реальной возможности для этого, хотел, по крайней мере, восстановить план древнего Киева, его ближайших окрестностей и вёл поиски в архивах и на местах. Были собраны сведения об урочищах Киевской земли. Все полученные материалы направлялись в ОИДР и сохранялись в архиве общества.

Внимание Евгения привлекала также древняя Киевская София — он занялся сбором материала для её описания. Н.П.Румянцев содействовал ему в этой работе. Описание Софийского собора было вчерне закончено к концу 1823 г. и в начале 1824 г. Евгений приступил к описанию киевской епархии. В 1825 г. они вышли одной книгой. Работа стала первым опытом историко-археологического описания русского храма. В 1826 г. было издано новое сочинение Евгения — "Описание Киево-Печерской лавры с присовокуплением разных грамот и выписок, объединяющих оное, также планов лавры и обеих пещер".

Умер митрополит Евгений в Киеве 23 февраля 1837 г. и был похоронен в Сретенском приделе Киево-Софийского собора, за правым клиросом, в стене.

Библиотека для чтения. 1838. Т.26. Отд.5.

Болховитинов Е. 1808. Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода. СПб.

Болховитинов Е.А. 1818. Примечания на грамоту Велик.Мстислава Владимировича и сына его Всеволода Мстиславича, удельного князя новгородского, пожалованную Юрьеву монастырю // Вестник Европа. Ч.100-101. № 15,16,20.

Болховитинов Е. 1831. История княжества Псковского с присовокуплением плана города Пскова. Ч.1-III. Киев.

Переписка митрополита Киевского Евгения с государственным канцлером графом Н.П.Румянцевыми некоторыми другими современниками. Вып.1. Воронеж, 1868.

Письма митрополита Евгения к В.И.Македонцу // Русский архив, 1870, № 4-5.

Письма преосвященного митрополита Киевского Евгения к проф. Г.Н.Городчаншнову // ЖМНП, т.XCIV. Отд.VII. 1857.

Позомарен С. 1867. Материалы для биографии митрополита Евгения // Труды Киевской духовной академии. Т.2

Список русским памятникам, служащим к составлению истории художественной и отечественной палеографии, собранный Петром Кешеном. М., 1822.

Срезневский И.И. 1868. Воспоминания о научной деятельности Евгения, митрополита Киевского // Сборник статей, читанных в отделении русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т.1. Вып.1. СПб

Суворин П. 1867. Памяти митрополита Евгения //Вологодские епархиальные ведомости. № 22.

Филарет, архиепископ. 1861. Обзор русской духовной литературы. Ч.2. СПб.

Я.А. (Амфибрагрон Я.К.) 1837. Евгений, митрополит Киевский и Галицкий // Северная пчела. № 61.

Из истории железообрабатывающего ремесла в средневековом Пскове

В Пскове, как и в других древнерусских городах, во время археологических раскопок частыми находками являются остатки металлургического и железообрабатывающего ремесел, представленные шлаками и крицами.¹ В нескольких местах следы производства и обработки железа представлены не отдельными находками, а целыми комплексами, которые определяются авторами раскопок, как железоплавильные горны или остатки кузниц (Тараканова 1950; Гроздилов 1962; Белецкий 1966; Харлашов 1992).

В Среднем городе Пскова, в пределах стены 1309 года, следы ремесленного производства, связанного с обработкой и выплавкой железа, отмечены в нескольких местах. Особенно интересный и полный материал для характеристики ремесленного производства средневекового города и посада дали исследования на ул. Ленина в восточной части Среднего города. Здесь практически на всей исследованной площади встречены находки шлаков и, возможно, криц. В центральной и крайней восточной частях исследованной раскопками территории обнаружен ряд комплексов построек, связанных с работой по железу. Остатки построек залегали в нескольких строительных ярусах, что указывало на длительное и устойчивое существование выявленных комплексов. По данным дендрохронологии и сведениям о пожарах, 6, 7 и 8 яруса, к которым отнесены рассматриваемые постройки, существовали во второй половине XIII — первой четверти XIV вв. (Лабутина 1988: 10; Новикова 1988: 20-21; Черных 1996: 190, 191).

Выделяется три периода существования двора ремесленников. В первом периоде ремесленный комплекс появляется как автономное образование, фиксируются его границы, строятся производственные сооружения, появляются следы ремесленной деятельности (рис. 1). На уровне отложений первого периода существования двора были прослежены остатки частокольного ограждения по всему его периметру, кроме западной границы. Четко выявляется планировка двора. В северо-восточном углу располагалась каркасно-столбовая постройка, заглубленная в землю. Прямоугольная в плане, она представляла собой столбовую конструкцию с опорными столбами по углам размером 1,4 x 1,2 м. Высота столбов 2,32-2,38 м, диаметр — 0,24-0,3 м. В вертикальные пазы столбов были забраны стенки из досок и плах, затесанных на концах по форме паза.

¹ Термины “шлак” и “крица” используются условно — так, как они даются в отчетной документации.

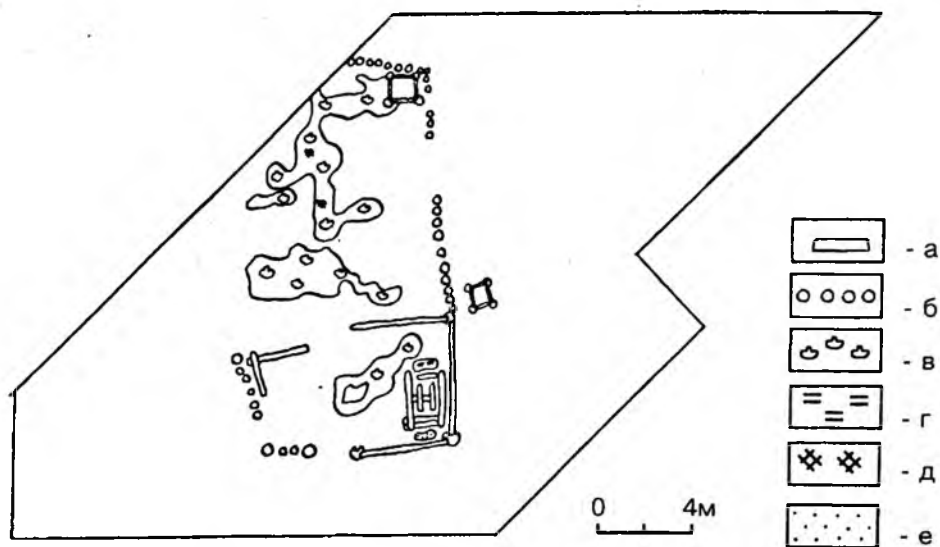

Рис. 1 План-схема производственного комплекса. Первый период существования. а — бревна, доски, жерди; б — столбы; в — шлаки, крицы; г — обожженная глина; д — уголь; е — песок.

Местами конструкции постройки носили следы огня. Опорные столбы дали порубочные даты: 1287, 1296, 1299, 1302. Верхняя часть заполнения постройки — земля, перемешанная с кусками шлака (до 0,5 м), нижняя часть — рыхлая темно-коричневая земля с древесным тленом, щепой, известняковым щебнем и углями (до 1,4 м). Очевидно, деревянные конструкции постройки служили обкладкой хозяйственной ямы. Об этом свидетельствуют как ее устройство так и характер заполнения. Среди находок отметим детскую туфлю, множество фрагментов кожаной обуви, фрагмент навесного цилиндрического замка (вариант типа В, по Б.А.Колчину), который доживает до начала XV в. С западной стороны к постройке примыкало большое скопление шлака, которое занимало всю центральную часть двора (площадь более 20 м², мощность 0,4-0,5 м).

В юго-западной части двора зафиксирован угол сруба, сохранившийся на высоту одного венца. Сруб ориентирован в соответствии с границей двора. Открыты фрагменты северной и западной стен с подкладками из обрубков тонких бревен. Сруб рублен в обло с выпуском концов, дерево носит следы огня. Дендрохронологические образцы дают порубочные даты 1312 и 1313 гг. Признаки, указывающие на функциональное назначение сруба, отсутствуют. Конструкции сруба залегали в черной земле с большим содержанием углей.

В юго-восточном углу двора располагалась каркасно-столбовая постройка размерами 5 x 4,2 м. Сохранились три угловых опорных столба (высота 0,7-0,9 м, диаметр 0,4 м) с вертикальными пазами, в которые были забраны концы жердей (по одной-две с каждой стороны). Южная и восточная стены постройки служили продолжением частокольного ограждения. В юго-восточном углу постройки открыты остатки срубного

опечка (2 x 2,8 м), сохранившегося по всему периметру на один венец. Опечек рублен в обло с выпуском концов. В пределах сруба выявлены остатки плохо сохранившихся внутренних деревянных конструкций. С северной и южной сторон в пределах сруба и несколько перекрывая его, выявлены скопления глины, обожженной глины и песка (до 0,1 м).

В пределах каркасно-столбовой постройки, несколько выходя за ее западную границу, обнаружены скопления шлака (площадь 4 x 6 м, мощность 0,2-0,35 м). Все деревянные конструкции постройки и срубного опечка были сильно обуглены. Культурный слой в пределах постройки черного цвета, с большим количеством углей и мелких колотых обожженных камней. Образцы дерева дают порубочные даты — 1309, 1311 и 1312 гг. В срубном опечке обнаружены ключ-отмычка от деревянной задвижки и булавка с петлеобразной головкой, имеющие широкие рамки бытования. В пределах постройки в слое пожара найдены точильный брусок, два ножа, два шиферных пряслица, бронзовый пластинчатый тупоконечный браслет. В слое пожара рядом с постройкой найден кузнечный молот: вес — 1 кг, длина — 17,4 см, боек — 3,5 x 2,7 см, отверстие для рукояти имеет прямоугольную форму.

В юго-западном углу двора рядом с фрагментом сруба найден бронзовый пластинчатый браслет с закрученными концами, синяя стеклянная бусина с линейной волнистой инкрустацией, пружина от комбинированного замка. Время бытования этих вещей не выходит за рамки середины XIV в. Со скоплениями шлака в центре двора связаны находки перстня, изготовленного из тупоконечного пластинчатого браслета, и литейной формы для отливки пуговиц.

Все постройки объединены одним признаком — наличием отходов производства или обработки железа. Данные дендрохронологии свидетельствуют если не об одновременном, то, по крайней мере, незначительно отстоящем друг от друга времени возведении этих построек. Начальный период формирования застройки двора приходится, очевидно, на 90-е годы XIII — 10-е годы XIV вв.

Еще одна находка, которая могла иметь непосредственное отношение к ремесленной деятельности владельцев двора, была найдена близ его восточной границы. На расстоянии около метра от стены производственной постройки на территории соседнего двора на дне небольшой каркасно-столбовой постройки был обнаружен круглый наждачный камень на деревянной оси (диаметр камня 43 см). Конструкции постройки, как и деревянная ось, носили следы огня. В заполнении постройки выявлено большое количество углей, песка и обожженной глины. Местонахождение камня свидетельствует о том, что он был выброшен туда как ненужный предмет. Это могло произойти после пожара, при расчистке сгоревшего производственного сооружения на соседнем дворе. На территории двора, где был обнаружен камень, других следов ремесленной деятельности не выявлено.

Второй период существования двора связан с появлением новых построек в его юго-восточной части (рис.2). На расстоянии около 2 м от северной стены производственной постройки появляется срубная постройка (3,3 x 3,7 м). Восточная стена сруба вплотную примыкала к частокольному ограждению. Сруб однокамерный, рублен в обло с выпуском концов. Сохранились три переводины пола, закрепленные способом сквозной врубки между первым и вторым венцами, и одна жердь, относящаяся к конструкциям пола. В юго-восточном углу сруба выявлен столбовой опечек (1,5 x 1,4 м). Он представлен вкопанными в

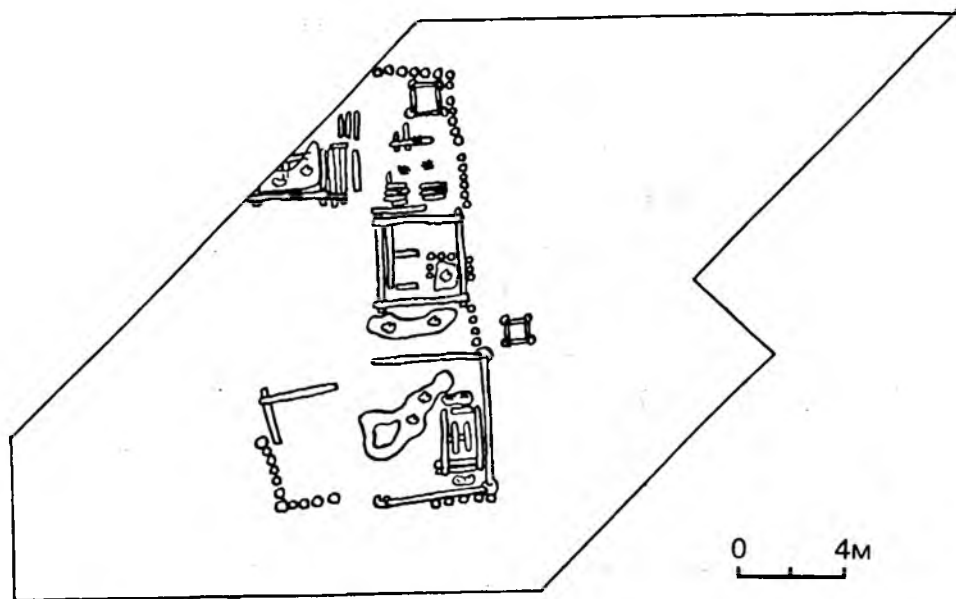

Рис. 2 План-схема производственного комплекса. Второй период существования. Условные обозначения см. рис.1.

землю столбами и плахами, прослеженными вдоль северной и западной сторон; южная и восточная стороны вплотную примыкали к стенам сруба. Развал печи представлен скоплением шлака мощностью до 0,2 м, занимавшим все внутреннее пространство опечка. При разборке шлака встречены куски обожженной глины, глины, мелкие угли, зола. С юга к стене сруба примыкало скопление шлака площадью около 4 м² и мощностью до 0,2 м.

С северной стороны сруба прослежены остатки дворового настила, примыкавшего вплотную к стене сруба. Настил сооружен из тонких жердей и бревенчатых подкладок. Он занимал все пространство между срубом и каркасно-столбовой постройкой, располагавшейся в северо-восточном углу двора и существовавшей еще в первый период его бытования. Наличие настила указывало на место входа в срубную постройку. Конструкции настила и частично сруба сильно обуглены, в пределах сруба — мощное пятно пожара. В границах сруба собраны обрывки кожаной обуви, обломки деревянных предметов, известняковое грузило. При разборке развала печи найден двусторонний костяной гребень без орнамента, перед входом в постройку при расчистке настила — обломки цилиндрического навесного замка и обломок стержневого ключа от нутряного замка. Все эти вещи одновременно бытуют в первой половине XIV в.

В северо-западной части двора в этот период была сооружена срубная постройка, вошедшая в раскол частично. Юго-восточный угол постройки находился на расстоянии около двух метров от северо-западного угла описанного выше сруба. Ориентирована постройка строго в соответствии со стенами сруба и краем примыкавшего к ней настила. Полностью исследована северная стена постройки (длина 2,5 м), частично — восточная стена, имевшая общие подкладки с примыкавшим

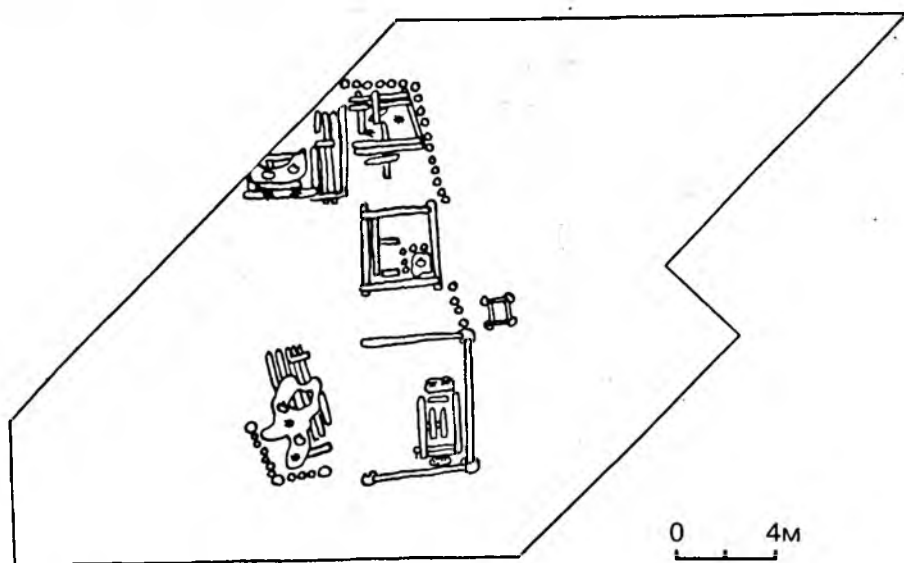

Рис. 3 План-схема производственного комплекса. Третий период существования. Условные обозначения см. рис.1.

настилом. Длина настила — 3,6 м; очевидно, стена сруба могла иметь такую же длину, то есть в целом размеры сруба могли составлять 2,5 x 3,6 м. В пределах сруба были зафиксированы продольные деревянные конструкции (переводины пола?) с подкладками из известняковых плит, которые были перекрыты скоплением шлака мощностью до 0,3 м. Остатки сруба и настил местами носили следы огня.

Постройка, скорее всего, имела производственный характер. Об этом свидетельствуют ее удлиненная в плане форма, характер строительного материала, позволяющий говорить о его вторичном использовании, а также наличие шлака в пределах постройки.

Таким образом, второй период существования двора связан с функционированием двух-трех срубных построек, каркасно-столбовой постройки, а также дворового настила и хозяйственной ямы в юго-восточном углу двора. Производственный комплекс получает почти законченный вид. Определить временной отрезок, на котором произошли планировочные изменения невозможно, так как нет данных дендрохронологии для вновь возведенных построек. Однако, этот отрезок должен был иметь место, так как между шлаковыми скоплениями первого периода в центре двора и нижними конструкциями возведенных на этом месте построек были зафиксированы культурные отложения мощностью 0,1-0,15 м.

Третий период существования двора связан с изменениями планировки в его северо-восточном и юго-западном углах (рис.3). В северо-восточном углу двора прекратила свое существование каркасно-столбовая постройка, служившая для облицовки хозяйственной ямы. Дворовый настил, примыкавший к ней с южной стороны, занял весь угол двора, приблизившись вплотную к частокольному ограждению и перекрыв собой хозяйственную яму. Второй ярус настила был положен на месте

первого. Он представлял собой такую же конструкцию из продольных бревенчатых лаг и поперечных тонких жердей. Как и первый ярус настила, он сохранился фрагментарно. Необходимо отметить, что конструкции первого яруса настила были сильно обуглены. Соседние же с ним постройки полностью не сгорели, так как сразу после пожара первого яруса настила на его месте было возобновлено строительство. Очевидно, что в пожаре сгорела обкладка хозяйственной ямы, которая прекратила свое существование и была перекрыта настилом.

В юго-западном углу двора на расстоянии около 2 м от каркасно-столбовой постройки появляется настил, покрытый мощным скоплением шлака (4,2 x 2,2 м). Он был выложен из досок и плах, опирающихся на тонкие бревна и имевших следы вторичного использования. Настил вплотную примыкал к частокольному ограждению. В частоколе были выявлены остатки четырех крупных столбов, стоявших по контуру настила и, возможно, связанных с существованием здесь навеса. В целом настил вместе с каркасно-столбовой постройкой имели вид единого комплекса, объединенного как функционально, так и конструктивно. При разборке настила были найдены несколько обломков деревянных предметов и обломок пластинчатого орнаментированного браслета. Вблизи настила и в пространстве между ним и каркасно-столбовой постройкой обнаружены точильный брусок и две бусины: цилиндрическая ребристая зеленого стекла и черная стеклянная с белой спиральной волнистой инкрустацией (общее время бытования — XIII в.). Возможно, бусины относятся к более раннему периоду существования двора.

Таким образом, в последний период существования двор сохранил основу планировки — все срубные постройки предшествующего периода и каркасно-столбовую постройку, к которой был пристроен настил с навесом.

Остатки частокола северной границы двора сохранились полностью. Здесь мы имеем целую серию результатов дендрохронологического анализа. Первоначальный вариант частокола дал одну дату — 1288 г. Позднее линия частокольного ограждения была отодвинута на 0,4-0,45 м. к северу. Здесь порубочные даты находятся в промежутке между 1289 и 1304 гг. Восточная граница двора была обозначена как частокольным ограждением, так и стеной каркасно-столбовой постройки. В течение всего периода существования двора она не менялась. Порубочные даты — между 1289 и 1302 гг. Местами в частоколе прослежены признаки вычинки, когда колья вкапывались вплотную друг к другу перпендикулярно линии частокола. Южная граница двора также составлялась стеной каркасно-столбовой постройки и частоколом; имеется одна порубочная дата — 1329 г. Здесь был выявлен промежуток между столбом постройки и крупным столбом частокола шириной около двух метров, который мог обозначать вход во двор. Ограждение западной границы двора сохранилось только на участке, составляющем юго-западный угол. Севернее трасса ограждения прослежена только несколькими кольями. Отметим, что ни в более раннее ни в более позднее время граница двора здесь не прослеживалась. В целом частокольное ограждение двора начало формироваться в конце 80-х начале 90-х годов XIII в., а прекратило свое существование в 30-х годах XIV в.

Последний период существования двора связан с мощным пожаром, уничтожившим большую часть его построек. Конструкции каждой из построек носят следы огня или обуглены полностью. В пределах двора культурный слой содержал большое количество углей, а в нескольких

местах были обнаружены скопления песка и глины, перемешанные с углями. Двор пережил по крайней мере два пожара: после второго производственная деятельность на нем не возродилась, а границы полностью изменились. Следы пожаров на уровне 6 и 7 ярусов застройки в Среднем городе Пскова совпадают с летописными упоминаниями пожаров 1319-1320 гг. и 1335 г. (Лабутина 1988: 10; Новикова 1988: 20; Кулакова 1994: 175-176).

Таким образом, с 80-90-х годов XIII в. до середины 30-х годов XIV в. на территории посада, а затем и в пределах городской стены, расположенной к юго-востоку от Крома, на расстоянии около 0,5 км от него, существовал комплекс построек несомненно связанных с обработкой или производством железа. Все постройки, расположенные в пределах двора, имели то или иное отношение к ремесленной деятельности его владельцев. Об этом свидетельствует наличие шлаков в пределах построек. Несомненно производственный характер имела одна из них — это большая каркасно-столбовая постройка в юго-восточном углу двора. На производственный характер ее указывают большие размеры, конструкция стен, большой срубный опечек, отсутствие пола. В пределах постройки собрано более 30 кг шлака. Кроме того, непосредственно в срубном опечке было найдено два железных предмета — булавка для прядки и ключ, а в пределах постройки — два ножа и точильный брусок. В непосредственной близости от постройки обнаружены кузнечный молот и наждачный камень на деревянной оси. С учетом всех перечисленных данных можно уверенно интерпретировать данную постройку как помещение для кузницы. В комплексе с кузницей существовал и настил, покрытый скоплением шлака (не менее 60 кг).

Второй постройкой, связанной с работой по железу, является сруб в центре двора. На первый взгляд, его можно принять за остатки жилой постройки. Однако, есть основания отказаться от такой интерпретации — на производственный характер постройки указывает большое скопление шлака как в пределах сруба, так и в непосредственной близости от постройки (не менее 20 кг). Любопытны также особенности самого сруба: в нем открыт столбовой опечек. Подобные опечки часто встречаются в жилых постройках (Степанов 1987: 13), однако обращает на себя внимание относительно большая площадь опечка в сравнении с площадью постройки (соответственно 2,89 и 13,68 м²). В большинстве случаев в псковских постройках площадь опечков для срубов размерами 16-18 м² составляет 1,5-2 м². Для жилых построек характерно использование качественного материала при строительстве и более частое, в сравнении с хозяйственными постройками, устройство фундаментных конструкций. В нашем же случае наблюдается отсутствие фундаментных конструкций, а также, как будто бы, наличие жердевого пола. В срубе отсутствуют признаки сеней — верного показателя жилого характера постройки. Центральное положение постройки в системе планировки двора может свидетельствовать о ее большем значении по отношению к другим постройкам, но оно не является определяющим для оценки

---

2 В Новгороде столбовые постройки такого типа определяются исключительно как хозяйственные или производственные. Срубные опечки встречены также только в производственных помещениях (Засурцев 1963: 21). Подобная постройка была открыта на киевском Подоле и определялась как остатки кузницы (Вознесенская 1981).

функционального назначения. Таким образом, безусловное отнесение данной постройки к жилым сомнительно. Исследователи определяют большинство подобных “малых” построек как хозяйственные (Фараджева 1992: 58), так что данная постройка попадает скорее всего в категорию хозяйственных, в нашем случае — производственных построек. По крайней мере безусловно производственное использование в ней печи.

Шлак был обнаружен еще в двух постройках. Одна из них исследована частично. Это — срубная постройка со сложным устройством настила перед ней. Она имеет вытянутую в плане конфигурацию. Исследованная площадь составляет около 9 м². В постройке отсутствуют признаки отопительного устройства, скорее всего не было пола, так как шлак покрывал остатки деревянных конструкций и пространство между ними. В целом площадь сруба, с учетом недоследованной части, была около 13 м². Данная постройка, скорее всего, — производственная. Данных для более точного ее определения нет. Вторая постройка со шлаком — каркасно-столбовая, служившая обкладкой хозяйственной ямы. Очевидно, какое-то время она использовалась для выбрасывания шлака, обнаруженного в верхней части ее заполнения.

Таким образом, на территории двора не было ни одной постройки определено жилого характера. Следы ремесленной деятельности представлены в первую очередь скоплениями шлака, вес которого в целом составил более 100 кг. Шлак, собранный в пределах построек, на настиле и в пределах двора имел вид спекшейся массы серого цвета. При разборке он откалывался крупными глыбами, или крошился. В его составе были встречены куски обожженной глины, древесный тлен, угли. Было проведено микроскопическое исследование одного из образцов. Примерно 50% основы составили фаялит и магнетит, остальное — стекло. Подобная картина характерна для сыродутных шлаков. Кроме того было найдено несколько десятков лепешкообразных образований, имевших диаметр 14-15 см и толщину 4-5 см. Отметим, что в топографии их местонахождения определенной закономерности не прослеживалось. Они были выявлены везде при разборке скоплений шлака. По параметрам и внешнему виду лепешки были сходны с находками на других памятниках (Колчин 1953: 44). Подобные находки определялись как крицы, прошедшие первичную обработку — обжиг после извлечения из сыродутного горна.

Находка большого количества шлаков может навести на мысль, что мы имеем дело с железоделательным производством. Однако, общая картина местонахождения шлаков в пределах построек и на территории двора, отсутствие других признаков, характеризующих сыродутный процесс, дают возможность усомниться в существовании на этом месте и в непосредственной близости от него сыродутной печи. Во-первых, мы не имеем каких-либо остатков конструкций печи. Во-вторых, рядом с сыродутными печами обычными находками являются обломки глиняных сопел, которые имели кратковременный характер использования, и большое количество кусков обожженной глины; здесь они отсутствуют. Кроме того, важнейшим элементом сыродутного процесса было наличие огромного объема шлаков (Колчин 1953: 198); в нашем случае наличие шлаков большое, но недостаточное для характеристики сыродутного производства.

Рассмотренный комплекс, безусловно, являлся производственным. Работы, производившиеся здесь, были, скорее всего, связаны не с производством, а с обработкой железа. Находки кузнечного молота, желез-

ных вещей в пределах опечка производственной постройки, а также круглого наждачного камня на деревянной оси отражают производство на этом месте таких технологических операций, какковка и холодная обработка черного металла. Наличие же нескольких производственных сооружений в составе одного двора свидетельствует об одновременной работе нескольких мастеров, очевидно, выполнявших одновременно несколько технологических операций. Таким образом, мы встречаемся с примером разделения труда и специализацией городских ремесленников. Как отмечают большинство исследователей древнерусского железодельного и железообрабатывающего ремесел, признаки отделения добычи железа от его обработки появляются очень рано, а в XV-XVII вв. это становится характерной чертой ремесленного производства (Рыбаков 1948: 595; Колчин 1953: 197-199). Производство железа было присуще прежде всего деревенскому ремеслу, обработка железа — городскому. Очевидно, имели место исключения, связанные с конкретными обстоятельствами, но примеры их немногочисленны (Монгайт 1955: 99; Алексеев 1965: 168).

Особо нужно сказать, что данный двор вряд ли был самостоятельной единицей городской застройки: на его территории не было обнаружено достаточно убедительных следов жилой застройки, а, кроме того, площадь двора относительно невелика — около 130 м². Можно предположить, что рассмотренный ремесленный комплекс входил в более крупное образование — усадьбу, жилая часть которой располагалась западнее.

После последнего пожара, уничтожившего постройку ремесленного комплекса, производственная деятельность здесь не возобновляется. Строительство городской стены в конце XIII или начале XIV вв. включило данную территорию посада в состав непосредственно городской территории, и ремесленники, деятельность которых была пожароопасна, переселяются за пределы городской стены.

-
- Алексеев Л.В. 1969. Раскопки в Друцке // АО-1968. М.
Белецкий В.Д. 1966. Раскопки в Пскове // СГЭ. № 17.
Вознесенская Г.А. 1981. Кузнечное ремесло // Новое в археологии Киева. Киев.
Гроздилов Г.П. 1962. Раскопки древнего Пскова (1956, 1958-1960 гг.) // СГЭ. № 23 Л.
Засурцев П.И. 1963. Усадьбы и постройки древнего Новгорода // МИА. № 123.
Колчин Б.А. 1953. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси // МИА, № 32
Кулакова М.И. 1994. Пожары в Пскове XIII-XVIII вв. // Археологическое изучение Пскова. Вып.2. Псков
Лабуткина И.К. 1988. О датировке ярусов в раскопках на ул.Ленина в Пскове (1976, 1978, 1981-1985 гг.) // АИП. (Вып.8). Псков.
Монгайт А.М. 1955. Старая Рязань // МИА. № 49.
Новикова М.И. 1988. Пожары в средневековом Пскове // АИП. (Вып.8). Псков.
Рыбаков Б.А. 1948. Ремесло древней Руси. М.
Степанов С.В. 1987. Жилища средневекового Пскова II-XIV вв. (по материалам археологических раскопок) // Дипломная работа. Кафедра отечественной истории Псковского университета. Псков.
Тараханова С.А. 1950. Новые материалы по археологии Пскова // КСИИМК. № 33.
Фараджена Н.Н. 1992. К вопросу о классификации срубных построек и жилищно-хозяйственных комплексов (по археологическим материалам Новгорода и Пскова) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып.6. Новгород.
Харлашов Б.Н. 1992. О производственных комплексах близ Покровских ворот Пскова // Археологи рассказывают о древнем Пскове. Псков.
Черных Н.Б. 1996. Дендрохронологическое изучение дерева построек из раскопов у Педагогического института и I, III, IV на улице Ленина // Археологическое изучение Пскова. Вып.3. Псков.

Перо и пушка, пушка и перо...

Как псковские пушкарки становились подъячими

Тридцать лет назад, в 1967 г. мне посчастливилось познакомиться с В.Д.Белецким. Мы, студенты, копали, постепенно подбираясь к одному из укреплений псковского Крома, а он, руководитель экспедиции Эрмитажа, успевая повсюду, успевал и отвечать на наши немудреные вопросы. Слушая его короткие и совсем не скучные пояснения, мы испытывали какое-то необъяснимое уважение к окружающим нас седым стенам и башням, белым церквям и зеленым садам, к обитателям стародавнего Пскова, за будничными делами которых угадывались... (ну, скажем так, как мог бы сказать "начитанный молодой человек" тех лет) угадывались "тени забытых предков".

И конечно особенно интересен был наш руководитель — "старик" (хотя, какой-там старик, ему не было тогда пятидесяти, мы сейчас уже старше) — с темными блестящими глазами, то устремляющийся в глубокий раскоп "посмотреть новшкское", то убегающий к "важным дядькам" для решения неотложных вопросов. Юные и легкомысленные, мы вряд ли могли объяснить, чем именно привлекает нас этот человек.

Случилось так, что в последующие годы я не так часто встречался с Василием Дмитриевичем. Но уже давно осознаю причины его обаяния и значительности. Он интересен, ибо ему самому было интересно. Он любил все хорошее — жизнь, свое дело, открытых непосредственных людей. И пробуждал в нас понимание Истории — не застывшего Прошлого, но могучего непрерывного потока, который нельзя разграничить, в каждой частице которого есть прошлое, настоящее и будущее...

Когда я писал статью в сборник, я как будто бы видел его доброжелательные глаза, напоминающие, что ушедшие от нас люди не ушли бесследно. Они с нами, пока мы их помним. Пусть эта небольшая статья о людях древнего Пскова, любимого Василием Дмитриевичем, станет скромной данью его светлой памяти.

В ночь на 3 ноября 1663 г. псковичам суждено было внезапное и ужасное пробуждение: землю и воздух сотрясло неведомой силой, сырой мрак пронзили крики ужаса, боли и отчаяния... Над Кромом — Кремлем и Домом Святой Троицы — стремительно расцвел огненный цветок и занялось кровавое зарево. В третий раз за последние сто лет (см.: ПП: 113; ПЗЛ: 271) взорвались зеленые палаты. Часть кромских укреплений превратилась в развалины; глыбы, куски и осколки стен вновь изменили береговую линию при слиянии Псковы и Великой. Чудом уцелел, но пострадал, Троицкий собор.

К сожалению, большая часть материалов сыска об этом событии, немедленно начатого псковским воеводой А.В.Бутурлиным, нам не известна (Акты 1901: 541). Известно только, что в ночном карауле у зелейных палат стояли семь стрельцов — выходцев из польско-литовских земель, “и те иноземцы, поляки и литва, и латыши, ставлены в стрельцы... при прежних боярех и воеводах”. Вечером охрану проверял пушкарский нарядчик Михалка Еремеев. Дозорные и “замкнутая” с 6 октября пороховая казна, как и защищающие каменные палаты тын и ворота “за замком” — все было в полном порядке (Акты 1901: 541). Тем не менее, одна из крупнейших диверсий XVII в. оказалась возможной (Джинчарадзе 1952: 237): польская разведка переиграла русскую контрразведку.

Предположение о диверсионном характере катастрофы подкрепляет знаменательный факт: семерка стражников после взрыва осталась невредимой (?!). Впрочем, этих вероятных лазутчиков вряд ли ждали последующие милости судьбы. Нас же сейчас интересует судьба пушкаря Михаила Еремеева.

В приходе-расходной книге псковской Приказной избы на 1663/64 г. имеются расходные записи: 17 ноября — “Лекарю Федки Иванову от личбы нарядчика Мишки Еремеева полтина”; 13 декабря — “Тюремному сиделцу, полскому полонянику Феде Белобретому на лекарственные составы на лечбу пушкарског(о) нарядчика Михалки Еремеева, как он резался, двадцат четыре алт(ы)на. Дано” (Приходе-расходная книга: л.221 об., 223 об.). После взрыва минул месяц, пошел другой... Мы словно ощущаем мучительную борьбу за жизнь искалеченного взрывом служилого человека. Понимаем и немалую заинтересованность властей в его излечении — на это выделяются средства, привлечен польский военнопленный, оказавшийся, вероятно, искусным целителем. Возможно, от старшего по кромскому караулу ждали важных свидетельских показаний? Или в нем видели преступника и тщательно лечили для дальнейшего дознания и расправы? А, может быть, его высоко ценили как нужного специалиста и верного долгу воина?

Точнее последнее предположение. Михаил Еремеев давно служил при псковском наряде, неуклонно поднимаясь по служебной лестнице. В 1636/37 г. он — младший пушкар (третий из четырех) при большой медной пищали “Певец” на раскате между Петровскими и Михайловскими воротами Окольного города, в 1643/44 и 1651/52 г. назван старшим из двух пушкарей “лужской немецкой медной” пищали, что в захабе у Великих ворот. А много позже взрыва и ранения, в 1667 г., Михаил Еремеев руководит нарядом важнейшего узла крепостной обороны у Власьевских ворот — 6 пищалей, в том числе — знаменитые “Аспид” и “Медведь” (Псков и его пригороды 1914: 43-45,172). Очевидно, следствие показало его непричастность к измене 1663 г., и по службе он отнюдь не пострадал.

Неожиданно имя Михаила Еремеева обнаруживается в перечне псковских приказных людей 1680 г.: это подъячий с годовым окладом 2 рубля, последний из четырех верстаных подъячих Поместного стола Приказной избы. В 1687 г. он верстан 8 рублями 16 алтынами и 4 денгами, являясь уже помощником столоначальника И.В.Ковезина (Псков и его пригороды 1914: 184,204).

Преображение огнестрельного мастера в “молодого” приказного человека, на первый взгляд, невероятно: считая, что младшим пушкарем нельзя стать ранее 16-летнего возраста, а старшим пушкарем — моложе

18 лет, ему к 1680 г. должно было бы быть по крайней мере 60 лет. По меркам XVII в. это — старик, не годный вовсе для начала новой сложной деятельности. К тому же, примерно с середины XVII в. правительство не одобряло пополнение приказных учреждений за счет служивых “по прибору” людей: казаков, стрельцов, пушкарей, драгун и т.п. (Демидова 1987: 54-56).

Однако политика правительства была не слишком последовательной. Среди псковских подъячих можно выявить немало приборных людей, в особенности — пушкарей. Так, в 1684/85 г. стал подъячим Кузьма Волков. В 1690 г. его возвращения “в пушкарскую службу” добивался голова наряда. “Наперед сего пушкар и пушкарские дети для писма имались в Приказную палату в подъячие, и ныне так же”, — возражал Кузьма в челобитной. В 1693 г. Москва решила оставить его в приказных, “потому что его братья, пушкарские дети, многие в подъяческом чину”. В 1699 г. Кузьма Волков — это подъячий средней статьи в Поместном столе с окладом 250 четей земли и 5 рублей денег (Демидова 1987: 68,69; Псков и его пригороды 1914: 278).

Высокое положение занял “пушкарский сын” Филипп Емчужников: в 1613 г. — рядовой артиллерист, в 1643 г. — нарядчик, с 1654/55 г. взят в подъячие, а в 1660-70-е годы — глава Разрядного стола, игравший виднейшую роль в приказной среде (Псков и его пригороды 1914: 42,49,125,157,164,170; Приходо-расходная книга: л.122). Фамилия Емчужниковых дала целый ряд псковских подъячих. Под руководством Филиппа работал его сверстник и преемник Кузьма Гаврилов сын Фитанов, начавший чиновничью карьеру 9 марта 1663 г.: в 1667 и 1676 гг. он был “у порубежных дел”, а вскоре заменил начальника старшего из столов Приказной избы. Прежде его знали как пушкарского нарядчика Кузьму Гаврилова — человека немолодого и бывалого, в 1633 г. бывшего старшим орудия “Троил” против Петровских ворот (Псков и его пригороды 1914: 45,158,170,183,204,213,423; Русско-шведские 1960: 392). Ведущим специалистом Денежного стола стал опытный пушкарь Юрий Мартемьянов, некогда возглавлявший расчет пищали “Аспид”: именно на его место при орудии пришел М.Еремеев (Псков и его пригороды 1914: 42,47,125,158; Приходо-расходная книга: л.122 об.). Примеры можно было бы продолжить.

Нельзя не заметить, что названные лица могли существенно влиять на псковское бытие. Разумеется, нет никаких оснований говорить о сложении внутри приказного управления некоего сообщества, проводящего в жизнь свои требования, защищающего социальные интересы пушкарской корпорации. Каждый подъячий был обязан делать свое дело, следуя закону, за неисполнение которого грозила суровая кара (Соборное уложение 1987: 32,41-43,103,186,187,197,222). Когда, например, Ф.Емчужников разбирал спор о безоборочной ниве, вспыхнувший между Мирожским монастырем и пушкарями, то он не проявил особой приязни к собратьям: дело было решено в соответствии с предъявленными доказательствами и Уложением 1649 г. в пользу чернецов (Данная...1677 г.)

И, все же, “как не порадеть родному человечку” (Грибоедов 1985: 57; Кивельсон 1944: 59). Родственные и личные связи, военные тяготы и ранения, общность судеб — все это не забывалось бывшими пушкарями, поднявшимися вверх по лестнице чинов. Они имели возможность замолвить слово, помочь кое-кому из соратников возвыситься хотя бы на одну ступеньку. Это — одна из причин расширения “огнестрельной” группы подъячих в псковской Приказной избе (палате).

Другая причина связана с несколько загадочной готовностью властей к пополнению приказного состава выходцами из столь необходимого погранично артиллерийского сословия. Зачастую подъячими становились умудренные опытом и годами нарядчики-старшины. Так, к началу приказной карьеры Ф.Емчужникову было не менее 36, а К.Фитанову — около 50 лет. Скорее всего, из-за ранений и болезней они уже не могли нести тяжелую военную службу, а начальство не желало утратить испытанных служаков и охотно использовало их организаторские способности, военные и математические познания на ином поприще: в Разрядном, Денежном, Поместном, да и в других столах требовались такие, почти “готовые” подъячие. И Михаилу Еремееву не пришлось начинать “с нуля”. Поддержанный старыми сослуживцами, он просто продолжил службу на более спокойном месте. Знание геометрии (землемерия), умение составить простой документ, определенные навыки в разрешении конфликтов, неизбежно сопутствовавшие ратной жизни артиллерийского командира, были необходимы для работы в Поместном столе. Ведь именно здесь обеспечивалась законность владения землями, холопами и крестьянами, рассматривались некоторые земельные споры и оформлялись соответствующие документы, иногда — с картосхемами пограничных владений (Зуев 1995: л.10-11).

Выводы о причинах пополнения подъяческого аппарата за счет опытных пушкарей не могут измениться, даже если предположить, что бомбардир и подъячий М.Еремеев — это разные лица. Многие источники свидетельствуют, что весьма образованные нарядчики, потомки победителей Стефана Батория и Густава II Адольфа владели пушкой и пером одинаково хорошо. Случай с 60-летним ветераном заставляет задуматься о содержании и методах обучения молодых пушкарей, из которых вырастали столь разносторонние специалисты.

Акты Московского государства. Т.III. СПб. 1901.

Грибоедов А.С. 1985. Горь от ума. Л.

Данная повелость П.В.Шереметева Мирожскому монастырю от 15 июня 1677 г. / Древлехранилище ПГО-ИАХМЗ, ф.Мирожского монастыря, № 39/564.

Демидова Н.Ф. 1987. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М.

Джингардзе В.З. 1952. Борьба с иностранным шпионажем в России в XVII веке // ИЗ. Т.39. М.

Зуев М.И. 1995. Люди и заботы некоей Приказной палаты. Вторая половина XVII века. / ППГОН-АХМЗ. Архив исторического отдела.

Кинельсон В. 1994. Не подмажешь — не поедешь... Родственные связи и покровительство в провинциальной и московской политике XVII века // Родина, № 11.

Приходо-расходная книга 1663/64 г. / Древлехранилище ПГОИАХМЗ, ф.Приказной палаты, № 299/49.

Русско-шведские экономические отношения в XVII веке. Сборник документов. М.-Л. 1960.

Псков и его пригороды. Т.2. // Сборник МАМЮ. Т.6. М. 1914.

Сборное уложение 1649 года. Л. 1987.

Опыт реконструкции облика сунских (960-1279) ассигнаций

Первые бумажные деньги мира появились в Китае в провинции Сычуань (Като Сигеру 1935). Так случилось, что в Сычуани с конца X в. население вынуждено было пользоваться тяжелыми, неудобными, громоздкими железными деньгами. Это препятствовало нормальному течению торговых сделок и все стали прибегать к услугам частных контор, принимавших на хранение связки железных монет¹. Вместо них вкладчикам выдавали бумажные квитанции, называемые цзяоцзы, которые ходили как деньги (Като Сигеру 1931).

С февраля 1024 г. начался выпуск государственных цзяоцзы. Вкладчики обращались уже не в частные конторы, а в казенное казначейство². Любой владелец цзяоцзы мог потребовать размена бумаги обратно на железные деньги, но никто не спешил воспользоваться этим правом: что делать с этими неподъемными килограммами. Если надо что-то купить или взять деньги с собой в поездку, удобнее пользоваться бумажными деньгами.

XI век был тревожным в истории страны. Постоянные войны с северными и западными соседями вынуждали к большим военным расходам. Казна истощалась. Постепенно основным источником ее пополнения становился выпуск бумажных денег.

Использование бумажных денег было делом новым, непривычным. Финансисты XI-XII вв. только начинали накапливать опыт управления таким, на первый взгляд, простым и доступным средством обращения. В самом деле, материал, идущий на их изготовление, несравненно дешевле металла, добыча которого была дорога экономически и нежелательна из идеологических соображений³. Способ производства бумажных денег многократно дешевле сложного процесса отливки бронзовой или железной монеты. Но эта его кажущаяся доступность была коварной: превышение эмиссии вело к падению курса и, в конце концов, к развалу всей денежной системы. Правда, в течение первого столетия выпуска до катастрофы было еще далеко.

1 В Китае единицей денежного обращения была не отдельно взятая монета, а связка — идеально в 1000 или 500, а реально — в 800 или 400 монет. При весе одной монеты около 3,7 г связка весила около 3 или 1,5 кг.

2 Был установлен специальный налог, выплачиваемый корой тутового дерева: из нее делали бумагу для ассигнаций (Цзинь ши 1958).

3 Китайский традиционный взгляд на мир запрещал вгрызаться вглубь земли, чтобы не потревожить обитающих там духов, иначе, рассердившись они принесут людям много зла (Stibb 1978).

Рис. 1. Бронзовая доска (1) для печати сунских ассигнаций и отпечаток (2) с этой доски

Интересно было бы взглянуть на эти самые первые в мире бумажные деньги. Сохранились ли они? На сегодняшний день известны не сами ассигнации, но бронзовые доски для их печатания (Окудайра Масахиро 1974: 183-185). Рассмотрим отпечаток самой ранней доски (рис.1,1,2). Это вертикально вытянутый прямоугольник размером 171 x 95 мм, разделенный на три части по горизонтали. В самой верхней — условный рисунок металлических китайских денег. Это символическое изображение монеты как одной из канонизированных в Китае драгоценностей. Сюжет широко распространенный в народной культуре в качестве благожелательного символа, сулящего богатство и достаток. Такие символы богатства в изобилии представлены на лубочных картинках, а также на любых предметах искусства как элемент декора (Алексеев 1973).

Средняя часть содержит пространную надпись: “Кроме Сычуани во всех областях, округах и уездах (этот знак) разрешено употреблять в качестве одной связки наличными деньгами при частной и казенной надобности”. По целому ряду обстоятельств становится вероятным предположение, что перед нами доска 1105-1107 гг. из соседних с Сычуанью областей (Ивочкина 1990).

Нижняя половина отпечатка занята сюжетной картинкой (Чжунго гучао туцзи 1987): там изображен двор амбара. Мы смотрим на него как бы сверху, поверх его каменной ограды, находящейся на первом плане. Она по китайскому обычаю покрыта двускатной черепичной крышей. На заднем плане дощатая стена, по-видимому, самого амбара. Во дворе несколько человек перетаскивают огромные мешки. В Китае с глубокой древности создавались казенные амбары для хранения зерна,

Рис. 2 Китайская ассигнация династии Юань (1279-1368) из собрания Отдела нумизматики Эрмитажа

чтобы в неурожайные годы поддерживать голодающее население. Сам Конфуций начинал службу смотрителем амбара. Традиционно “полные амбары” считались показателем благосостояния народа и процветания государства.

Все изображение призвано создать впечатление богатства, достатка, изобилия. Это подтверждается надписью, размещенной в правом верхнем и нижнем левом углу картинке: “Тысячи бы таких амбаров!” (цитата из “Ши цзина”). Таким образом ассигнация, в которой современники должны были признать материальную ценность, и обликом своим напоминала о том же: о металлической наличности и о полных государственных хранилищах, гарантирующих народу безбедное существование.

Подлинные сохранившиеся бумажные деньги относятся (Иванов 1914) к монгольской династии Юань (1279-1368). Они были отпечатаны на рыхлой серой бумаге черной краской и снабжены красными государственными печатями в доказательство их подлинности (рис.3). Возникает вопрос, были ли многоцветными и сунские бумажные деньги. Ведь мы знаем только доски... Здесь нам на помощь приходят материалы уголовного дела 1183 г. над сунским фальшивомонетчиком, профессиональным резчиком по имени Цзян Хуэй (Yang Lien-sheng 1961). На процессе он давал показания:

“Я, Цзян Хуэй из Нинбо. В 1177 г. из-за того, что я подделал ассигнации (в г.Учжоу) с уже сосланным преступником Фан Пайэрлом и другими и из-за того, что это было раскрыто, был приговорен властями Линаньфу к ссылке в тюремный квартал в Тайчжоу. Я был приписан к главному винному управлению. Чтобы оказывать свои услуги (как резчик по дереву — Н.И.), я нанял себе заместителя Чжоу Ли, уроженца префек-

туры, и расплачивался с ним своим ежемесячным жалованием. Я существовал, ежедневно вырезая деревянные доски для книг. В третьей луне прошлого года (1182) Таи Чжунью позвал меня и попросил вырезать доски для книг. В конторе работали я и другие, всего 18 человек занимались резьбой.

В 13-й день восьмой луны полицейские стрелки из Учжоу вдруг примчались в Тайчжоу и арестовали меня, заявив, что я им нужен, потому что замешан в деле по подделыванию ассигнаций. Под конвоем я был препровожден в полицию давать показания по делу. Таи Чжунью тем временем приказал взять меня обратно. Полиции он сказал: "Вы, полицейские стрелки, пришли, чтобы арестовать солдата, находящегося под моей юрисдикцией. Как осмелились вы взять его без предъявления своих мандатов!" Стрелков отправили назад под стражей. Я был оставлен в своей конторе.

В десятую луну снова пришел документ на мой арест. Чжунью послал племянника приказать мне собрать инструменты и уйти в его дом. Меня отвели в дальние покои, где я получил приют и пищу. Еду мне посылала тетушка Цзинь. На третий день пришел Чжунью и спросил: "Я держу тебя здесь в безопасности. Собираюсь спросить тебя об одном деле, согласишься ли ты?". Я сразу сказал: "Я что-то не понимаю, лучше объясните мне". Чжунью сказал: "Я хочу делать ассигнации". Тогда я сказал: "Я боюсь унижения, если нас откроют и схватят". Чжунью сказал: "Уж это предоставь мне. Если ты не подчинишься мне, я отошлю тебя в тюрьму, где ты найдешь смерть. Но поскольку ты ссыльный солдат, тебе не будет никакого вреда". В ужасе от его жестокости я согласился.

На следующий день, когда тетушка Цзинь принесла мне еду, я спросил ее: "Как мы достанем бумагу?" "Оставь это нам. Чжунью пошлет моего сына за пределы Учжоу добыть бумагу и прислать ее сюда в запечатанных корзинах". На следующий день тетушка Цзинь принесла мне тщательно исполненный образец ассигнации достоинством в одну связку с изображением литератора Цзе Люя. Я спросил, кто это сделал, она сказала, что это был Хо Цюань, который жил в Даиньцзяне. Этот Хо Цюань был искусен в копировании картин, тщательном выписывании иероглифов и был тайным шпионом. Тем временем она дала мне брусок грушевого дерева. Я закончил вырезать за 10 дней. Тетушка Цзинь положила его в корзинку плетеную из виноградной лозы и унесла в дом на сохранение.

Два дня спустя я увидел, как тетушка Цзинь и Сяньлю вышли с десятью блоками грушевого дерева, которые были гладкие с обеих сторон и двадцатью страницами рукописи. Сяньлю сказал: "Я боюсь. Вам нечем занять руки. Теперь Вы можете вырезать доски для рифмованной прозы до прибытия бумаги для печатания". Еще он сказал: "Если Вы будете старательны в изготовлении ассигнаций для Чжанью, когда у него кончится срок службы здесь, он может взять Вас обратно в Учжоу и там заботиться о Вас. Это будет нетрудно".

Я вырезал блоки для рифмованной прозы месяц. Во второй декаде двенадцатой луны тетушка Цзинь принесла мне бумагу для изготовления 200 листов ассигнаций и вырезанный мною блок вместе с красками: красной, голубой индиго и коричневато-черной. Она дала мне все это. Я напечатал 200 листов, но не поставил на них ни одной печати. Снова все вещи были уложены в корзину и унесены тетушкой в дом. На следующий день тетушка вынула всякие печати. Только тогда я начал

ставить три красные печати на листы, Я спросил тетюшку Цзинь и Санью: "Кто сделал эти квадратные знаки и официальные печати?". Тетюшка сказала, что это Хо Цюань.

В последнюю декаду двенадцатой луны было напечатано более 150 листов. С первого по шестой месяц этого (1183) года — свыше 2600 листов было напечатано в 20 приемов. Каждый раз число листов было 100, 150 или 200 штук. Ни одной ассигнации не было сделано в седьмой луне. В 26-й день седьмой луны я увидел, что тетюшка мчится ко мне: "Беги скорей! Полицейский чин опечатывает все хранилища. Я боюсь, они могут найти тебя при обыске!" В спешке я взобрался на стену, спустился по веревочной лестнице и побежал к павильону позади дома, но был схвачен солдатами и водворен в тюрьму для следствия".

Этот детектив XII в. хорошо дополняет наши представления о сунских бумажных деньгах. По бронзовым доскам мы приблизительно знали облик этих не сохранившихся (или, будем надеяться, еще не найденных) ассигнаций, а материалы уголовного дела Цзян Хуэя свидетельствуют, что они были многоцветными: голубыми и черновато-коричневыми с красными печатями.

-
- Алексеев В.М. 1973. Китайская народная картина. Духовная жизнь Китая в народных изображениях. М.
- Иванов А.И. 1914. Бумажное обращение в Китае до XIV в. // Материалы по этнографии России. Т. 2. С 116.
- Иючкша Н.В. 1990. Возникновение бумажно-денежного обращения в Китае. Эпохи Тан и Суй. М.
- Като Сигэру. 1935. Канъэй-но тамэ катару ато-но экисю коси сэйдэ (Система ичжоуских цзяоцзыноде учреждения их государственного выпуска) // Сигаку дзасси. Т.45, № 1.
- Като Сигэру. 1931. Коси-но кигэн-ни цунгэ (О возникновении цзяоцзы) // Сигаку. Вып.9, № 2.
- Окудайра Масахиро. 1974. Тоа сэиси (Описание дальневосточных денег). Т.3. Токио, 1974.
- Цзинь цзи. История (династии) Цзинь. Цзяньшань 47. Шихомэжи 2. Л.20. С.а. // Серия Эр цзи ся цзи. Кн.19. Шанхай.
- Чжунго гуао туцзи. 1987. Собрание изображений древнекитайских бумажных денег. Пекин.
- Gribb J. 1978. An Historical Survey of the Precious Metal Currencies of China // Numismatic Chronicle. 7th Series. Vol.19.
- Yang Lien-sheng. 1961. The Form of the Paper Note Huitzu of the Southern Sung Dynasty // Studies in Chinese Institutional History. Harvard-Yenching Institute Studies. № 20. Cambridge (Mass.).

Древнерусская архитектура XII века: византийская традиция, романские влияния и развитие национальных форм

В истории древнерусской архитектуры домонгольского периода XIII в. занимает центральное место. Именно на протяжении этого столетия монументальное строительство, сосредоточенное, в основном, в Киеве, широко выходит за его пределы и быстро распространяется по всей территории Древней Руси. Если на протяжении предыдущего столетия — от конца X до конца XI в. — Киев оставался единственным центром, монополично располагавшим кадрами мастеров-строителей, и строительство в других городах — Полоцке, Новгороде и Чернигове — было явлением исключительным, осуществлявшимся, к тому же (за исключением начального этапа строительства Спасского собора в Чернигове) силами тех же киевских мастеров, то уже в конце XI в. появляется первый, независимый от Киева, строительный центр в Переяславе (Раппопорт 1986: 44-47; Комеч 1987: 287-291), а на протяжении всего XII в. идет активный процесс формирования и развития самостоятельных архитектурных школ во многих землях и княжествах Древней Руси. Процесс этот, обусловленный феодальным дроблением Киевской державы и возникновением на протяжении XII в. фактически самостоятельных государственных образований — княжеств и земель — сопровождался формированием новых мощных очагов культуры в центрах этих княжеств.

В XII в. строительная география Древней Руси охватывает уже значительную территорию, включающую в себя почти все основные столичные города. Помимо Киева и Переяслава возникают самостоятельные строительные центры и школы в Новгороде (Пескова, Раппопорт, Штендер 1982: 35-46), Чернигове (Раппопорт 1984:59-63), Полоцке (Раппопорт 1980: 142-161), Смоленске (Воронин, Раппопорт 1979), Гродно на Волыни, в Галицкой (Иоаннисян 1988:41-58) и во Владимиро-Суздальской землях (Воронин 1961), в орбиту новгородского строительства вовлекаются Псков и Ладога, черниговского — Рязань, появляются монументальные постройки в Минске, Витебске и городах Турово-Пинской земли.

Другой важной особенностью XII в. в истории древнерусского зодчества является то, что на протяжении именно этого столетия, на основе освоения подчеркнутого всего лишь столетием раньше византийского наследия, не менее активно протекает процесс развития собственных архитектурных форм. Византийская архитектурная традиция, воспринятая Русью в конце X в. и пронесенная через весь XI в., уже во второй

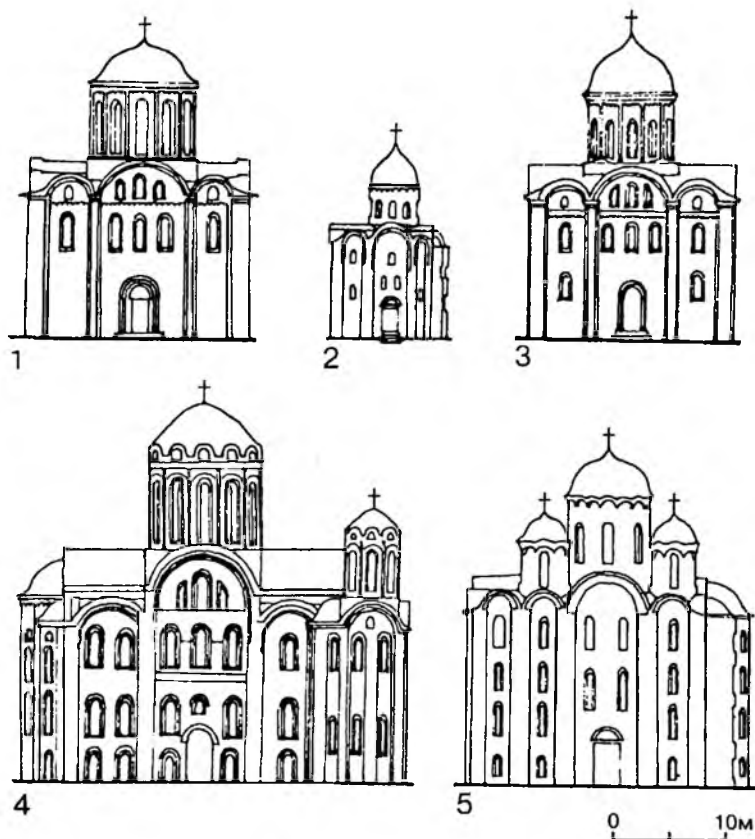

Рис. 1 Тип закомарного храма в зодчестве Древней Руси второй половины XII — XIII вв. 1 — Кирилловская церковь (по Ю.С.Асееву); 2 — Старая Ладога, ц.Георгия; 3 — Владимир-Волинский. Успенский собор ("Мстиславов храм"); 4 — Киев. Успенский собор Печерского монастыря (по Н.В.Холостенко); 5 — Новгород. Николодворищенский собор (по Г.М.Штендеру).

его половине начинает подвергаться переосмыслению, что находит свое выражение в возникновении типа храма с позакомарным покрытием (рис.1-2). В законченном виде этот тип предстает перед нами в Успенском соборе Печерского монастыря в Киеве. В дальнейшем, на протяжении практически всего XII в., этот тип храма, закрепленный церковным авторитетом Успенского собора Киева-Печерского монастыря, становится каноническим и доминирующим. Как правимо, это — одноглавые храмы типа вписанного креста с преобладанием в первой половине XII в. храмов с нартексами, что превращало их фактически в шестистолпные постройки, особенно в тех случаях, когда нартекс не выделялся в пространство основного объема стенами или стены, отделяющие его от наоса имели широкие арки. Во второй половине XII в. преобладающим становится более упрощенный вариант храма — без нартекса, с четырьмя подкупольными столбами. Следует отметить, что это хронологическое деление не является обязательным в типологическом развитии древнерусского зодчества: четырехстолпные храмы строились и в первой половине XII в. (ц.Иоанна в Перемышле, Спаса в Галиче, каменный храм в Звенигороде Галицком, изначально четырехстолпным

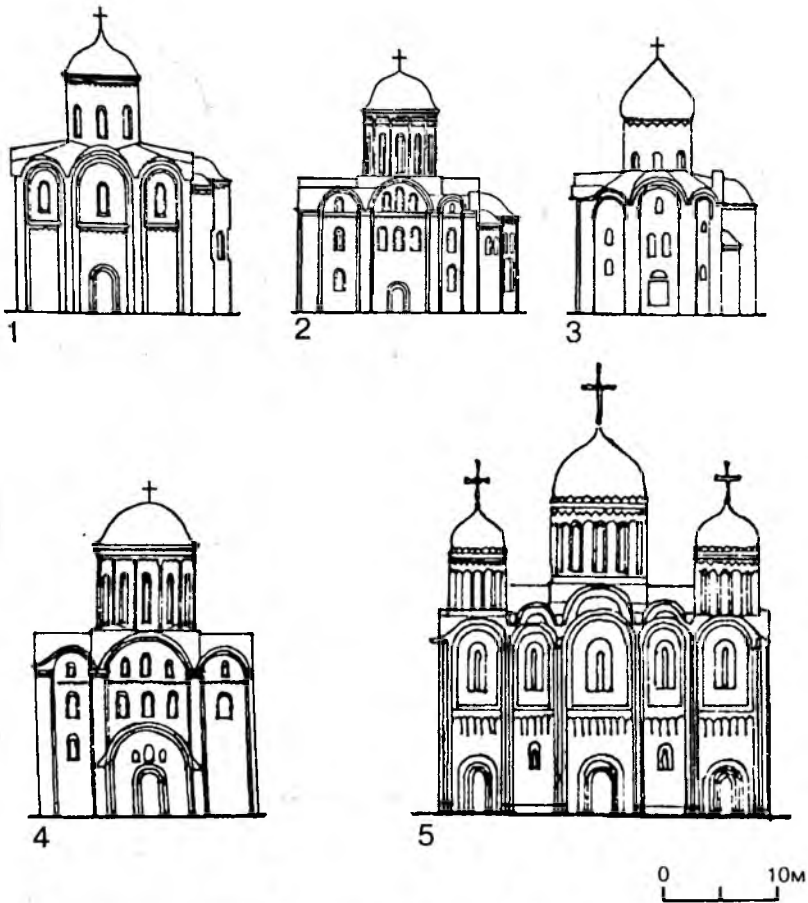

Рис. 2 Тип закомарного храма в зодчестве Древней Руси второй половины XII — XII вв. 1 — Кидекша близ Суздаля, ц.Бориса и Глеба (по Н.Н.Воронину); 2 — Смоленск, ц.Петра и Павла; 3 — Новгород, ц.Спаса на Нередице; 4 — Чернигов. Борисо-Глебский собор; 5 — Владимир. Успенский собор после обстройки его галереями при Всеволоде Большое Гнездо.

был и Рождественский собор Антониева монастыря в Новгороде), а во второй половине столетия появляются и шестистолпные варианты храмов (ц.Бориса и Глеба в Новгороде, Успенский собор во Владимире).

Если в первой половине XII в. в княжеских храмах, имевших хоры (ложа феодала во время богослужения), как правимо, шестистолпие сопровождалось наличием лестничных башен, предназначенных для входа на хоры, то, начиная с середины столетия происходит повсеместное вытеснение лестниц, расположенных в специальных объемах башен, лестницами, размещенными в толще стен, что еще более упрощало объемную композицию построек, делая их более монолитными, лапидарными и симметричными. Появление таких шестистолпных храмов с лестничными башнями как ц. Бориса и Глеба в Новгороде является уже исключительной редкостью.

Немаловажную роль в достижении симметричности объемов играло одноглавие позакомарных храмов. Однако и оно не было строго обязательным. Так в новгородском строительстве начала XII в. преобладает ассиметричная композиция с несколькими главами, что было обусловлено наличием дополнительных объемов лестничных башен. Иногда

причиной появления многоглавия служили и другие причины. Так, появление симметричной пятиглавой композиции завершения Николодворищенского собора в Новгороде было вызвано чисто идеологической причиной — стремлением князя противопоставить свой придворный собор многоглавому объему Софийского собора, находившегося в юрисдикции города (Комеч 1987: 303), а появление симметричного пятиглавия в Успенском соборе во Владимире было вызвано увеличением его объема после обстройки галереями. Впоследствии, когда этот собор стал играть роль общерусской святыни, пятиглавая композиция его завершения была принята за обязательный канонический образец в соборном строительстве.

И все же многоглавие в зодчестве XII в. было скорее исключением, чем правилом. Активно отстаиваемый тезис о многоглавии киевских памятников второй половины XI — первой половины XII вв. (Логвин 1987: 172-176), не может быть подтвержден материалами конкретных исследований, является малоубедительным и недоказуемым.

Несмотря на индивидуальные и региональные различия памятников и школ, тип закомарного храма, возникшие в конце XI в. на основе усвоения и осмысления византийской традиции, продолжает оставаться в древнерусском зодчестве каноничным и доминирующим до последних десятилетий XII в.

Дальнейшее движение в сторону создания национальных форм наблюдается уже в первой четверти XII в. в церкви Спаса на Берестове в Киеве (рис.3,1). Здесь мы впервые сталкиваемся с композицией, в которое спокойный уравновешенный ритм завершения закомарного храма сменяется динамичным объемом с выраженным стремлением к вертикализму (Штендер 1981: 534-544). В дальнейшем — во второй четверти XII в. — эта тенденция развития древнерусского зодчества получает свое продолжение в архитектуре Полоцка — соборы Бельчицкого (рис.3,2) и Спасо-Евфросиньевского монастырей (Раппопорт, Штендер 1980: 459-468). Она прослеживается в недавно открытых памятниках на Волыни (Дорогобуж Волынский и Луцк). И все же эта линия развития в течение почти всего столетия находится на периферии общей картины истории древнерусского зодчества. Окончательная кристаллизация национальных форм храмовое архитектуры, отличавшихся острой динамичной композицией с ярко выраженным стремлением к вертикализму объемов и центричности плановой структуры, происходит уже в конце столетия в зодчестве Киевской земли (Овруч, Белгород, Киев) и Смоленска (рис.3,3,4). И только на рубеже XII-XIII вв. эта тенденция охватит все школы древнерусской архитектуры, став ее основным магистральным путем (Раппопорт 1977: 12-29).

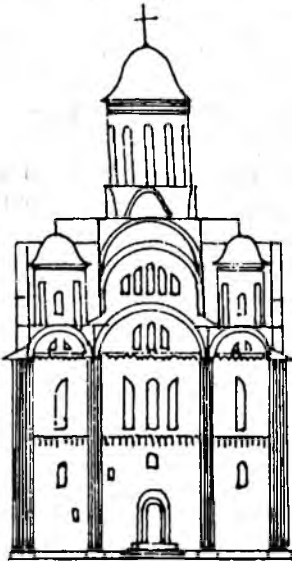
На всем протяжении XII в. линия развития, связанная со ставшими со второй половины XI в. каноническими традициями создания закомарных храмов, продолжала оставаться доминирующей в древнерусском зодчестве. И хотя само возникновение закомарного храма свидетельствовало о появлении на Руси самостоятельной архитектурной традиции, роль византийского наследия в ней была определяющей. Правда, уже на рубеже XI и XII вв. в архитектуре Чернигова (собор Елецкого монастыря, ц. Бориса и Глеба), а затем и Киева в этой линии развития появляются некоторые элементы, связанные с импульсами, идущими от романской архитектуры — крестовые своды, аркатурные пояски, полуколонны на фасадных пилястрах, белокаменные резные капители, фасады, на которых плинфяная равностойная кладка была скрыта под белой

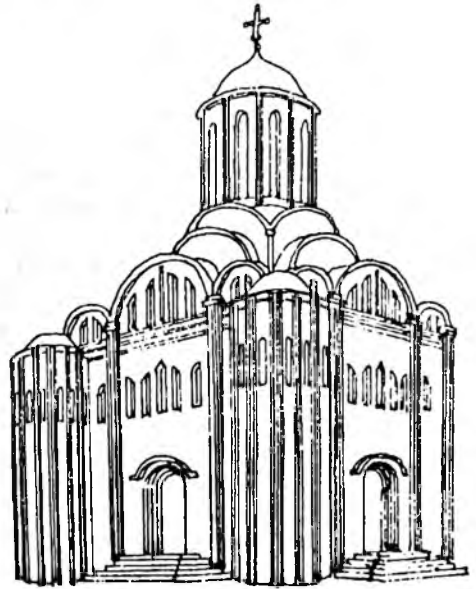
1

2

3

4

Рис. 3 Поиски динамичной композиции в зодчестве Древней Руси XII в. 1 — Киев, ц.Спаса на Берестове (по Г.М.Штендеру); 2 — Полоцк, собор Спасо-Ефросиньева монастыря (по Р.А.Раппопрту и Г.М.Штендеру); 3 — Белгород, ц.Апостолов (по Ю.С.Асееву и П.П.Толочко); 4 — Овруч, ц.Василия (по Р.А.Раппопрту).

обмазкой, разграфленной под квадратную кладку. Однако эти элементы носят явно подчиненную роль и не изменяют уже сложившуюся систему закомарного храма. Истоки их появления в черниговском зодчестве продолжают оставаться неясными.

Тип закомарного храма продолжает оставаться каноническим и в тех центрах, которые наиболее тесно соприкасались с романской архитектурой — в Галицких и Владимиро-Суздальских землях. Несмотря на использование романской квадратной техники, элементов романской по

своему типу декорации и непосредственное участие западных мастеров в их возведении, галицкие и владими́ро-суздальские храмы продолжают развивать сложившийся в Киеве и выросший из византийской традиции тип здания. Исключение составляет группа ротонд в Галиче, где мы сталкиваемся с использованием “латинских” типов храмов (Иоаннисян 1982: 39-46). Единичные случаи строительства ротонд отмечаются в Смоленске и Киеве, но они прямо связаны с иноземным заказом.

К концу XII в. тип закомарного храма повсеместно (кроме Новгорода) уступает место башнеобразному типу со сложной системой завершения, в котором сложившаяся уже на древнерусской почве архитектурная традиция явно превалирует над своим византийским прообразом.

-
- Вороши Н.Н. 1961. Зодчество Северо-Восточной Руси XII-XV веков. Т. 1, М.
Вороши Н.Н., Раппопорт П.А. 1979. Зодчество Смоленска XII-XIII вв. Л.
Иоаннисян О.М. 1982. Центрические постройки в галицком зодчестве XII в. // КСИА, № 172. М.
Иоаннисян О.М. 1988. Основные этапы развития галицкого зодчества // Древнерусское искусство. Художественная культура X — первой половины XIII в. М.
Колеч А.И. 1987. Древнерусское зодчество конца X — начала XII в. М.
Логвин Н.Г. 1987. К вопросу о строительной технике и формах архитектурных сооружений Киева X — начала XII в. // Труды V МКСА. Т. III. Вып. 2а. М.
Пескова А.А., Раппопорт П.А., Штендер Г.М. 1982. К вопросу о сложении новгородской архитектурной школы // СА. № 3.
Раппопорт П.А. 1977. Русская архитектура на рубеже XII и XIII веков // Древнерусское искусство. Проблемы и атрибуции. М.
Раппопорт П.А. 1980. Полоцкое зодчество XII века // СА. № 3.
Раппопорт П.А. 1984. Из истории Киево-Черниговского зодчества XII в. // КСИА. № 179.
Раппопорт П.А. 1986. Зодчество Древней Руси. Л.
Раппопорт П.А., Штендер Г.М. 1980. Спасская церковь Евфросиньева монастыря в Полоцке // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1979 г. Л.
Штендер Г.М. 1980. Трехлопастное покрытие церкви Спаса на Берестово // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1979 г. Л.

Оружие киевской культуры

Оружие и воинское снаряжение населения киевской культуры, отождествляемого с венедами позднеримского времени (см. напр.: Kazanski 1993), до сих пор специально не изучались, хотя отдельные предметы вооружения нашли свое место в публикациях памятников (Приложение). Цель данной работы — дать сводку введенных в научный оборот находок оружия на памятниках киевской культуры и попытаться оценить уровень военной организации венедев в позднеримское время (в основном III — начало V вв.).

Все находки происходят с поселений и могут быть отнесены к киевской культуре в первую очередь по сопровождающей керамике. В отдельных случаях возможна датировка и по внешним аналогиям, это касается шпор и ордельных типов стрел.¹ Основная часть предметов вооружения принадлежит к так называемому “народному” или “универсальному” оружию, которое могли иметь все члены общины и которое могло быть использовано не только на войне, но и в хозяйственной деятельности, например на охоте — стрелы, копья и дротики, топоры. Следует все же заметить, что трехлопастные стрелы, известные на сегодняшний день на памятниках восточной окраины киевской культуры, использовались прежде всего как оружие, а малые стрелы с квадратным сечением наконечника скорее всего связаны, в основном, с пушной охотой. Отдельные предметы экипировки всадника и коня, такие как серебряные подвески узды или шпоры, как мы увидим, относятся к “престижному” снаряжению, которым обладали в первую очередь знатные воины и представители родо-племенной верхушки.

Стрелы являются наиболее многочисленной категорией находок. Выделяются четыре типа. Лучше всего представлены трехлопастные, среди которых имеются два варианта: с треугольным пером (рис. 1, 7) и с вытянуто-шестиугольным пером (рис. 1, 1-6). Оба этих варианта, как считают специалисты-оружиееды, были предназначены для поражения незащищенного панцирем противника и его коня. Такие стрелы наносили болезненные рваные раны и вызывали сильное кровотечение (Худяков 1980: 79, 98; Кирпичников, Медведев 1985: 314). Обычно их использовали со сложным луком, усиленным костяными пластинами. Такой лук известен у славян в археологическом материале по крайней мере с первой половины V в., как свидетельствует находка на пень-

¹ В данную работу не включены находки трехлопастных стрел гуннского времени с расширением в средней части, происходящие с поселений Песчаное и Тайманова, а также наконечник стрелы с поселения Колодезный Бугор, датирующийся, по сопровождающей фибуле типа Прага, периодом ДЗ (440-475). Все эти находки следует относить к древностям колочинского типа (V-VII вв.), сменившим киевскую культуру.

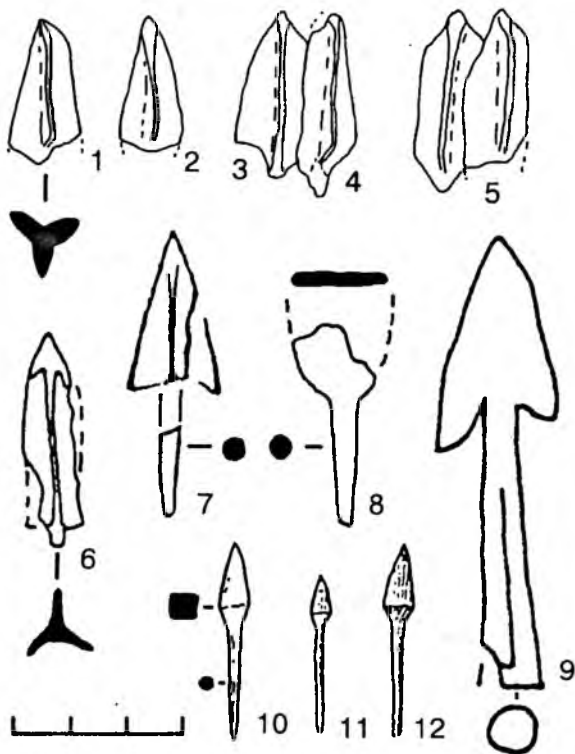

Рис. 1 Предметы вооружения с памятников киевской культуры. 1-5,7 — Каменево; 6,8 — Гочево; 9 — Красная Зорька-Крыжин-Узвечай; 10 — Ульяновка; 11,12 — Абидня

ковском поселении Хитцы, в жилище 6 раннего горизонта с фрагментами черняховской керамики (Горюнов 1981: рис. 21,9). Как показывают находки стрел на послониях Каменево-2 и Гочево-1, такой лук мог существовать у венедов, прямых предков славян, и ранее. Трехлопастные стрелы хорошо известны в сармато-аланских древностях (Хазанов 1971: табл.19-22), и, скорее всего, отражают степное влияние на военное дело венедов. Следует однако отметить, что такие стрелы были на вооружении и в римской армии (Zanler 1988); попадали они и к германцам центральной Европы (Garbacz 1995).

У плоского черешкового наконечника стрелы с поселения Гочево-1 не сохранилось перо (рис.1,8), поэтому его точная атрибуция невозможна. Не исключено, что перо имело листовидную форму, известную у сармат (Хазанов 1971: табл. 22,1), балтов (Казакиявичюс 1988: рис. 25,1) и населения дьяковской культуры (Розенфельд 1982: рис. 34,12).

Двушипный втульчатый наконечник с поселения Красная Зорька (рис.1,9) для лесной зоны позднеримского времени уникален. Дело в том, что такие стрелы хорошо представлены у германцев, в частности — на памятниках черняховской культуры (Магомедов, Левада 1996: рис.7,22-25) и у литовских балтов, где они распространяются под германским влиянием (Казакиявичюс 1988: рис.25,6-8), но практически неизвестны в лесной зоне к востоку от Литвы. Исключение составляют лишь находки на городищах Троицкое и Кузнечики, относящихся к дьяковской культуре (Розенфельд 1982: рис.31,1,2). Такие стрелы широко распространяются в лесной зоне лишь с VIII-IX вв., в связи с миграцией сюда дунайских славян (Минаян 1978). Видимое находку на

Красной Зорьке, равно как и на дьяковских городищах, следует рассматривать как результат влияния германцев черняховской культуры.² Наконец, малые наконечники стрел, найденные на Ульяновке и на Абидне (рис.1,10-12), если принять во внимание их размеры, служили, в первую очередь, для пушной охоты и могли использоваться в бою лишь эпизодически.

Два копья, происходящие с Ульяновки и Александровки I настолько фрагментарны, что трудно отнести их к определенному типу (рис.2,1,2). Втульчатый наконечник копья из Александровки I видимо имел перо листовидной формы, расширенное у основания. Такие копья известны у германцев черняховской культуры (Магомедов, Левада 1996: рис. 6,2, 16), у германского же населения пшеворской культуры (Kaczanowski 1995: t. 6,7,9,10), на памятниках культуры штрихованной керамики (Митрофанов 1978: рис.22,1), у населения мощинской культуры (Никольская 1959, рис.15,9), у литовских балтов (Казакиявичюс 1988: рис.16,7,11), на памятниках дьяковской культуры (Розенфельд 1982: рис.34,1,6,8).

Известны две находки топоров. Фрагмент узколезвийного топора с Красной Зорьки не поддается надежной классификации (рис.2,3). Возможно он принадлежит типу Компанийцы/Бёме 2А, широко распространенному на территории черняховской культуры, в причерноморском регионе, на территории римской империи, в свободной Германии (Kazanski 1994: 456-458; Kleferling 1994: Abb. 7,7, 11,6, 12,2, 14,3) и, наконец, в лесной зоне Восточной Европы, на территории культур днепро-двинской и штрихованной керамики (Шадыро 1985: рис.31,1-9; Митрофанов 1978: рис.22,3). Небольшой топор с Новых Безрадичей (рис.2,4) имеет параллели в лесной зоне, на памятниках днепро-двинской культуры (Шадыро 1985, рис. 31,1-3) а также на территории черняховской культуры (Магомедов, Левада 1996).

Находки снаряжения всадника и коня более выразительны. Набор серебряных лунниц — подвесок конского убора — явно относится к числу “престижных” и связан с воинской субкультурой варварской родоплеменной знати. Этот убор имеет римское происхождение, заведетельствованное иконографическими данными (изображения на колонне Антонина Пия, см.: Hagberg 1957: fig. 4.).

Шпоры, найденные на памятниках киевской культуры принадлежат трем различным типам. Шпора из Гочева (рис.2,5), с короткой массивной дужкой, без приспособлений для фиксации и с длинным массивным шипом, является скорее всего германской по происхождению и более всего напоминает шпоры периода Б2, то есть — второй половины II в., хотя точные аналогии ей подыскать трудно. Другая находкам с поселения Новые Безрадичи (рис.2,6) принадлежит также к западному типу Гинальский Е, распространенному у германцев и балтов, и датируется периодами Б2-Ц1 и Ц1а, то есть, последней третью II и первой половиной 3 в. (Ginalski 1991 59-64; Kazanski 1994, 431). Наконец шпоры типа Перхавко-5/Каковский 2, с двумя крючками для фиксации, найденные на поселениях Александровка-1 и Тайманова (рис.2,7,8) хорошо известны в восточной и центральной Европе в позднеимское время (Перхавко 1978; Kokowski 1993: 337). Вопреки широко распрост-

2 О черняковском влиянии на население лесной зоны см. (Kazanski 1992).

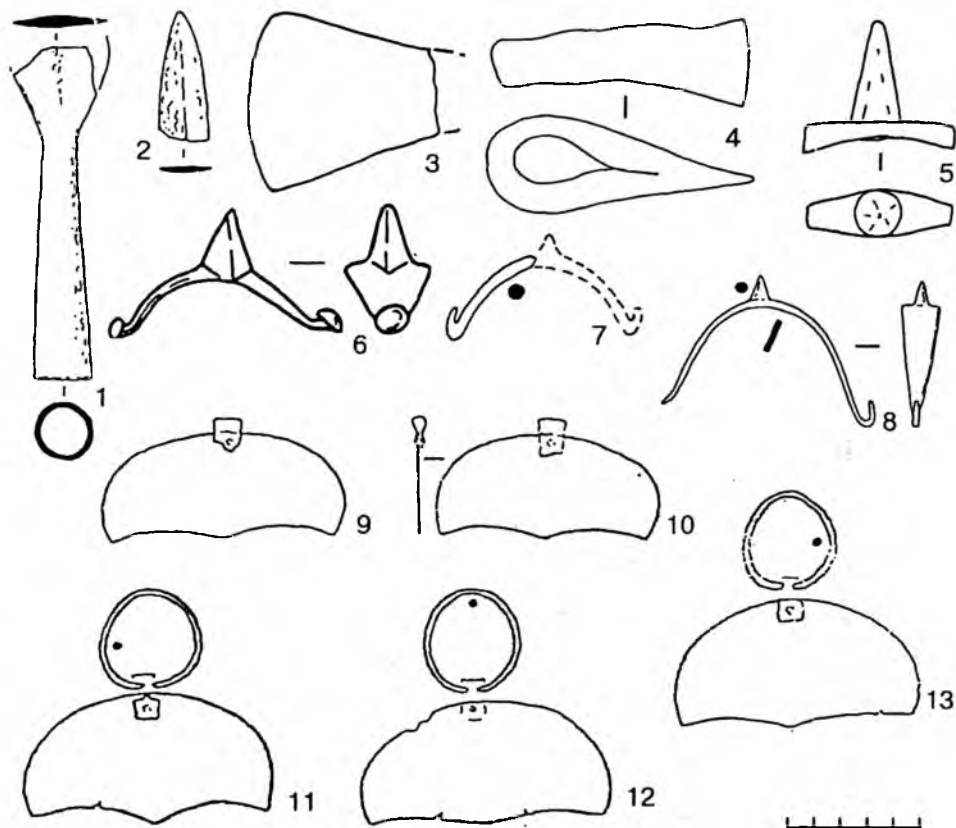

Рис. 2 Предметы вооружения и снаряжения всадника и коня с памятников киевской культуры. 1,8 — Александровка; 2 — Ульяновка; 3 — Красная Зорька-Крыжин-Узвечай; 4,6 — Новые Безрадици; 5 — Гочево; 7 — Тайманова; 9-13 — Роище

раненному мнению, эти шпоры возникают не в балтийском регионе, а на Нижнем Дунае, где они известны у даков в самом начале римского времени. Представлены они и в римском военном контексте (Лауриакум, Корбридж, Цугмантель, Заальбург).³ На юге Восточной Европы такие шпоры впервые отмечены на памятниках постзарубинецкого населения Южного Буга, на Марьяновке (Хавлюк 1971: рис. 2, б). Видимое эти шпоры попадают в лесную зону Белоруссии и России с группами мигрирующего постзарубинецкого населения. Во всяком случае, они известны на тушемлинских памятниках Близнаки и Шугайлово вместе с вещами черняховского типа периода Ц-3, то есть второй трети IV в. (Шмидт 1976: 731, рис.49,16). Находки подобных шпор на памятниках культуры штрихованной керамики (Митрофанов 1978: рис.25,1) и мощинской культуры (Перхавко 1979: рис.6,1) также наверняка принадлежат римскому времени, хотя бы уже потому, что обе эти культуры не переживают начала эпохи переселения народов.

Находки престижных предметов экипировки принципиально важны

3 Подробнее об их происхождении см. (Kazanski 1994, 434, 435).

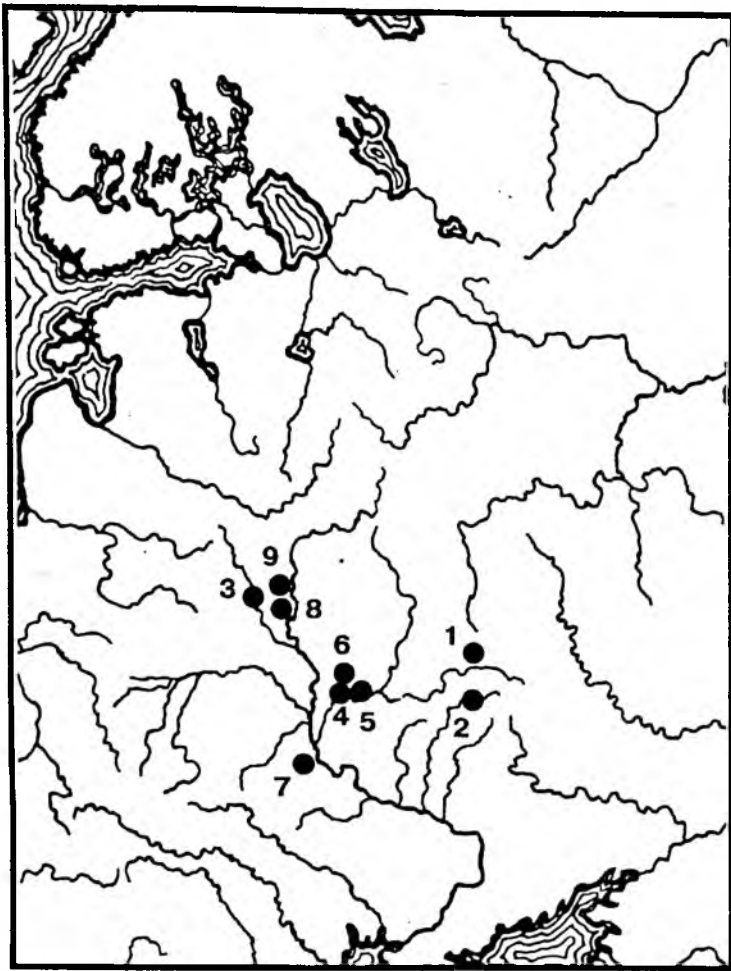

Рис. 3 Карта находок оружия и воинской экипировки на памятниках киевской культуры (номера соответствуют номерам Приложения)

для правильного понимания военной организации венедов поднеримского времени. Дело в том, что в археологии Восточной Европы постсоветского периода, укрепилось мнение об отсутствии у славян V-VII вв., и тем более у их прямых предков венедов, специализированного вооружения, предназначенного для боевых действий (напр.: Козак 1984; Магомедов, Левада 1996: 312). Отсюда делается вывод об отсутствии у позднеантичных венедов и раннесредневековых славян профессиональных воинов и воинских институтов типа дружины. Что касается эпохи раннего средневековья, то находки специализированного боевого вооружения на пражских, пеньковских и колочинских памятниках V-VII вв. хорошо известны. Это довольно многочисленные тяжелые трехлопастные боевые стрелы, а также ранневизантийский меч с колочинского поселения Картамышево⁴, перекрестье меча "азиатского степного" типа с колочинского поселения Великие Будки, обрывки кольчуг и панцирные

4 Не опубликован, хранится в материалах Е.В. Горюнова в ИИМК РАН, Санкт-Петербург.

пластины с колочинских памятников Мощенка, Лебяжье и с пеньковско-го поселения Игрень-Подкова⁵, возможно — панцирные пластины с пражского городища Хотомель⁶. Наконец, склавинские и антские наемники, то есть профессиональные воины, отмечены в византийской армии в 30-50 годы VI в. и совершенно очевидно, что византийские генералы не стали бы нанимать на службу и направлять в действующую италийскую и закавказскую армии необстрелянных людей.

Похоже, что у славян профессиональные воины и военные предводители начинают формироваться как социальная группа еще в поздне-римское время. Во всяком случае у европейских варваров римского времени шпоры, типа найденных на памятниках киевской культуры, являлись атрибутом именно знатных, заслуженных воинов, как это было установлено на материалах южной Скандинавии и северной Германии (Hedeager 1992: 159, 160). Эволюцию военного дела у венедов косвенно отмечает Иордан. В рассказе о завоеваниях Германариха (30-60-е годы IV в.⁷), он представляет войско венедов, как скопище плохо вооруженных и необученных военному делу людей. Но уже в конце IV в. анты (по Иордану — прямые потомки венедов), объединные под руководством короля (гех) База, наносят остроготам короля Винитария (его имя означает “потрошитель венедов”) поражение. Впоследствии готы захватывают в плен и казнят Винитария и семьдесят антских вельмож, что вызвало вмешательство гуннов на стороне антов (вне всякого сомнения, их подчиненных союзников) и в конечном итоге привело к разгрому остроготского королевства Винитария (Getica: 119, 247). Важно, что Иордан отмечает не только повышение военного мастерства венедов-антов, но и возникновение у них сильного военного союза, с многочисленной “аристократией” (primates). Можно предположить, что этот союз возник как реакция на агрессию Германариха. Видимо венеды довольно быстро нашли общий язык с гуннами, став таким образом “антами”.⁸

Необходимо также отметить явное влияние соседних народов на вооружение киевской культуры. Находки трехлопастных стрел на памятниках восточной окраины киевского ареала свидетельствуют о воздействии стелных сармато-аланских кочевников. С другой стороны, распространение шпор центрально-европейского облика, а также двушипных наконечников стрел, несомненно связано с влиянием германцев. Напомним общеизвестный факт, что в славянских языках ряд слов “военно-дружинного” характера, такие как “меч”, “шлем”, “князь”, являются по происхождению восточногерманскими (готскими?). Интересно, что шпоры происходящие с Гочева и Новых Безрадичей относятся к периоду формирования черняховской культуры, и частично к дочерняховскому времени. Видимо эти находки отражают контакты с носителями пшеворской и вельбарской культур, продвинувшимися на юг восточной Европы во второй половине II — начале III в. Кстати, восточногерманское влияние в эту эпоху отмечено и в вооружении сармато-алан, а также населения северопричерноморских античных центров (см. напр.:

5 Отдельная работа автора о славянском вооружении V-VII вв. находится в печати.

6 Работа И.О.Гавритухина на эту тему находится в печати.

7 О хронологии событий см. (Kazanski 1992).

8 В монгольских и тюркских языках этот термин обозначает “союзники принесшие клятву”, “друзья”, см. подробнее: (Kazanski 1993).

Scukin 1993; Kazanski 1994). Возможно первые контакты германцев и венедов, до Германариха, носили мирный характер и имели форму союзнических отношений. Именно в такой ситуации венеды могли позаимствовать как престижный германский воинский убор (напр., шпоры), так и некоторые начатки военно-дружинной организации.

Приложение

Находки предметов вооружения и снаряжения всадника и коня на памятниках киевской культуры

1. Каменено-2, Курский район Курской области (Россия), р.Винограбль, поселение.
А. Постройка 2. Трехлопастный наконечник стрелы (рис.1,7). Изд.: (Терпиловский, Абашина 1992: рис.42,2);
Б. Постройка 3. Пять наконечников трехлопастных стрел (рис. 1,1-5). Изд.: (Обломский 1991: рис.32,22).
2. Гочево, Беловский район Курской области (Россия), р.Псел, поселение.
А. Слои. Трехлопастный наконечник стрелы (рис.1,6). Изд.: (Тихомиров,Терпиловский 1990: рис. 10,4).
Б. Слои. Плоский черепковый наконечник стрелы (рис. 1,8). Изд.: (Тихомиров, Терпиловский 1990: рис.10,5).
В. Слои. Шпора железная с короткой массивной дужкой и массивным шипом (рис.2,5). Изд.: (Тихомиров, Терпиловский 1990: рис.10,6).
3. Красная Зорька-Крыжип-Узвечай, Березинский район, Минской обл. (Белоруссия), р. Березина, поселение.
А. Слои. Двухшинный наконечник стрелы или дротика (рис.1,9). Изд.: (Поболь 1072.рис.5,15).
Б. Слои. Обломок узколезвийного топора (рис.2,3). Изд.: (Поболь 1972: рис.5,18).
4. Александровка I, Черниговский район Черниговской обл. (Украина), р.Десна, поселение.
А. Слои. Обломок втульчатого копыя (рис.2,1). Изд.: (Терпиловский, Шекун 1996).
Б. Слои. Шпора с широкой пластинчатой дужкой и отогнутыми наружу крючками для фиксации (рис.2,8). Изд.: (Терпиловский, Шекун 1996: рис..38,22).
5. Ульяновка I, Черниговский район Черниговской обл. (Украина), р.Десна, поселение.
А. Постройка 5. Обломок наконечника копыя (рис.2,2). Изд.: (Терпиловский 1984: рис. 13,7).
Б. Постройка 5. Малый наконечник стрелы, квадратный в сечении (рис. 1,10). Изд.: (Терпиловский 1984: рис.13,7).
6. Роище, Черниговский район Черниговской обл. (Украина), р.Стрижень, поселение.
Слои. Пять серебряных подвесок-луниц конского убора (рис.2,9-13). Изд.: (Терпиловский 1984: рис.22,3).
7. Новые Безрадици, Обуховский район Киевской обл. (Украина), р.Стугна, поселение.
А. Слои. Небольшой топор, масштаб в публикации не указан (рис.2,4). Изд.: (Даниленко 1976: рис.10,6).
Б. Слои. Шпора железная с массивной дужкой, массивным шипом и двумя крючками для фиксации (рис.2,6). Изд.: (Даниленко 1976: рис. 9,2).
8. Абиция (Адаменка), Быховский район Могилевской обл. (Белоруссия), р.Днепр, поселение.
Точное происхождение не указано. Два малых наконечника стрел, квадратных в сечении (рис.1,11-12). Изд.: (Славяне 1993: табл. 42, 29-30).
9. Тайманова, Быховский район Могилевской обл. (Белоруссия), р. Днепр, поселение.
Точное происхождение не указано. Обломок железной шпоры с крючком для фиксации (рис.2,7). Изд.: (Поболь 1973: рис.11,17).

-
- Горюнов Е.А. 1961. Ранние этапы истории славян Днепровского Лёвобережья. Л.
Даниленко В.М. 1976. Пизньозарубинецки пам'ятки кийського типу // Археологія, № 19.
Казакянчикюс В. 1988. Оружие балтских племен 2-8 веков. Вильнюс.
Кириичников А.Н., Медведев А.Ф. 1985. Вооружение // Древняя Русь. Город, замок, село, Археология СССР, (т.15). М.
Казак Д.Н. 1964. Про лийскову справу давних слов'ян (1 ст. до н.е. — 7 ст. н.е.) // Археологія, № 4.
Магомедов Б.В., Левада М.Е. 1996. Оружие черняховской культуры // Материалы по Археологии, Истории и Этнографии Таврии. 5.
Минасян Р.С. 1978. Втульчатые двухшинные наконечники стрел Восточной Европы // СГЭ, № 43.
Митрофанов А.Г. 1976. Железный век Средней Белоруссии. Минск.
Никольская Т.И. 1959. Культура племен бассейна верхней Охи в I тыс.н.э. // МИА, № 72.
Обломский А.М. 1991. Этнические процессы на подразделе Днепра и Донав I-V вв. М.-Сумы.

- Перхайко В.Б. 1978. Появление и распространение шпор на территории Восточной Европы // СА, № 3.
- Перхайко В.Б. 1979. Классификация орудий труда и предметов вооружения из раннесредневековых памятников междуречья Днестра и Немана // СА, №4.
- Поболь Л.Д. 1972. Старажытныя паселішчы на сярэдняй Бярэзіне // Беларускія старажытнасці. Мінск.
- Поболь Л.Д. 1973. О новых археологических памятниках БССР 6-9 вв. // Славянские и средиземноморские культуры 6-11 вв., София.
- Розенфельд И.Г. 1982. Древности западной части Волго-Окского междуречья. М.
- Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. — первой половине I тысячелетия н.э. // Археология МСССР, (т.13). М.
- Тихомиров И.А., Терпиловский Р.В. 1990. Поселения Гочево 1 и 2 на Пеле // Материалы и исследования по археологии Днепровского Лелюбережья. Курск.
- Терпиловский Р.В. 1984. Ранние славяне Подесенья III-V вв. Киев.
- Терпиловский Р.В., Абашина Н.С. 1992. Памятники киевской культуры, Киев.
- Терпиловский Р.В., Шекун О.В. 1996. Олександрійка 1, богатонарове ранньослов'янське поселення біля Чернігова. Чернівці, 1996.
- Хазанов А.М. 1971. Очерки военного дела сарматов. М.
- Хавлюк П.И. 1971. "Памятки зарубиценьскай культуры на Побужжы // Археология, № 4.
- Худяков Ю. С. 1980. Вооружение сарматских кыргызов VI-XII вв. Новосибирск.
- Шадыро В.И. 1985. Ранний железный век северной Белоруссии. Минск.
- Шлихт Е.А. 1976. Археологические памятники Смоленской области. Смоленск.
- Garbacz K. 1995. Rzymskie trojszydelkowe groelki strzal z Grzybowa, Gm. Staszow, woj. Tarnobrzeg // Sprawozdania Archeologiczne, 47.
- Ginaski J. 1991. Ostrogi kablakowe kultury przeworskiej. Klasyfikacja typologiczna // Przegląd Archeologiczny, 38.
- Hagberg U.E. 1957. Fölkvandringstida hängprylader // Tor.3.
- Hedeager L. 1992. Iron-Age societies: from Tribe to State in Northern Europe, 500 BC to 700 AD, Oxford-Cambridge.
- Kaczanowski P. 1995. Klasyfikacja grotow broni drzewcowej kultury przeworskiej z okresu rzymskiego. Krakow.
- Kazanski M. 1992. Les aretoi gentes et l'empire d'Hermanaric // Germania, 70/1.
- Kazanski M. 1993. Les relations entre les Slaves et les Goths du IIIe au Ve siècle. L'apport de l'archéologie // Revue des études slaves, 65/1.
- Kazanski M. 1994. Les épérons, les umbo, les manipules de boucliers et les haches de l'époque romaine tardive dans la région pontique: origine et diffusion // Beitrage zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten. Marburg-Lublin.
- Kieferling G. 1994. Bemerkungen zu Äxten der römischen Kaiserzeit mid der frühen Völkerwanderungszeit Im mitteleuropäischen Barbaricum" // Beitrage zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten. Marburg-Lublin.
- Kokowski A. 1993. L'art militaire des Goths à l'époque romaine tardive (d'après les données archéologiques) // L'armée romaine et les Barbares du III au VII siècle. Condé-sur-Noireau.
- Scukln M.B. 1993. A propos des contacts militaires entre les Sarmates et les Germains à l'époque romaine (d'après l'armement et spécialement les umbo et les lances) // L'armée romaine et les Barbares du III au VII siècle. Condé-sur-Noireau.
- Zanier W. 1988. Römische Dreiflügelige Pfeilspitzen // Saalburg-Jahrbuch, 44.

Кожаные изделия средневекового Орешка

В 1323 г. на острове Ореховом, в истоке реки Невы из Ладожского озера, новгородцы заложили крепость Орешек (НПЛ: 339). Это один из результатов резкого обострения отношений Новгорода со шведами в конце XIII начале XIV в. В это время захватив Западную Карелию (Финляндию) шведы вторгаются в её восточные районы и пытаются поставить под свой контроль важные торговые пути по Вуоксе и Неве. В 1293 г. они основали Выборг, в 1294, 1314 и 1322 гг. пытались захватить Корелу, в 1300 г. основали в устье Невы крепость Ландскрону. Новгородцы предпринимали ответные действия. Нападения на Корелу были отбиты, а в 1310 г. там построена новая крепость. В 1301 г. штурмом взята и полностью разрушена Ландскрона (Рыдзевская 1978: 114-117). Однако попытки захватить Выборг в 1294 и 1322 гг. были неудачны. Вся первая четверть XIV в. отмечена военными походами обеих стороны на чужие территории, но они не приносят желаемого результата (Шаскольский 1987а: 44-76). Тридцатилетняя борьба Новгорода и Швеции за Корельскую землю не дала стратегического перевеса одной из сторон. Нестабильная обстановка мешала торговым операциям ганзейских и готландских купцов на Балтике. И поэтому они оказывали большое давление на обоих противников для решения проблемы мирным путем. Осенью 1323 г. в построенной крепости Орешек был заключен русско-шведский договор (Ореховский мир), на долгие годы закрепивший за Новгородом бассейн реки Невы (Шаскольский 1987б: 85-141). В 1348 г. шведы захватили Орешек, а через некоторое время со стороны Ладоги пришли новгородцы и после длительной осады взяли крепость, сгоревшую при штурме. Следы этих событий отчетливо сохраняются в стратиграфии слой пожара, сгоревшие постройки, обилие предметов вооружения. На месте сгоревшей деревянной крепости новгородцы в 1352 г. построили каменную, выявленную в раскопках 1969-1970 гг. (Кирпичников 1980: 11-29, рис.3,5.). В 1410 г. весь остров был окружен каменной стеной, открытой при раскопках (Кильдюшевский 1976а: 17).

В 1968-1975 гг. экспедиция ИИМК РАН (тогда ЛОИА АН СССР) проводила широкомасштабные археологические исследования в крепости Орешек. Задачами работ стало изучение древнейшего поселения новгородской и московской поры, а также укреплений этого времени. Работами руководили А.Н.Кирпичников (1968-1970) и В.И.Кильдюшевский (1971-1975). Вскрытая площадь превысила 2 тыс.м². На основе изучения всех доступных источников история крепости раскрыта в ряде работ (Кирпичников 1970а; 1980; 1984; Кирпичников, Савков 1972; Кильдюшевский 1973а; 1981; 1986).

Как показали археологические исследования 1968-1975 гг., территория крепости и посада была плотно застроена. Выделены три строительных горизонта XIV-XV вв., а также слои XVI-XVII вв. Исследовано большое число жилых и хозяйственных построек, частью объединенных в жилищно-хозяйственные комплексы. Это или трехчленные связи дом + сени + хозяйственная постройка, или несколько срубов, соединенных общей дворовой вымосткой (Кильдюшевский 1972а: 84- 89, рис.28).

Письменные источники дают мало указаний на занятия жителей города. По писцовым книгам Водской пятины 1500 г. в крепости значилось 28 дворов (из 202-х), которыми владели 34 человека. Остальное население проживало на посадах по обеим сторонам Невы (217 владельцев). Род занятий населения не указан. Только писцовая книга 1568 г. отмечает вид занятий или профессию для трети дворовладельцев. Указаны рыбаки, и огородники, плотники, портные, сапожники, колпачники, скорняки. К этому времени на острове возникла новая крепость, на территории которой находились только военный гарнизон и администрация города (Кирпичников 1980: 73- 87).

Материалы раскопок раскрывают некоторые занятия жителей. Так, найдено большое количество предметов вооружения: булавы, части мечей, наконечники копий и сулиц, много арбалетных болтов, фрагменты доспехов, что свидетельствует о присутствии в крепости профессиональных воинов. Другие находки говорят о занятиях рыболовством, сельским хозяйством, кузнечным и, возможно, ювелирным ремеслом. На острове жили и сапожники. Кожаные предметы достаточно равномерно распределены во всех слоях. Кроме кожаных находок к сапожному и кожевенному ремеслу относятся шилья, сапожная колодка, ножи.

Кожаные предметы составляли одну из категорий массовых находок в раскопах Орешка. В раскопе № 1 1968 г. (Кирпичников 1969: приложение) более 70 предметов найдено в слоях XIV XV вв. фрагменты деталей и обрезки от раскроя. Среди них выделяются наборы деталей пары детских сапог, часть рукавицы, более 50 деталей различной обуви, 12 обрезков раскроя. Кроме того, в слоях конца XV-XVI вв. найдены 24 железных обувных подковки и войлочная шапка. В 1969 г. на том же раскопе открыта усадьба "ореховца" со срубной баней и жилым комплексом из двух срубных клетей, поставленным в середине 30-х годов XIV в. Дендродаты порубки бревен показывают 1433 г. для бани и 1434-35 г. для жилых строений. Видимо к этому комплексу относятся и большинство находок 1968 г. В отчете (Кирпичников 1970б: приложение 1) дается суммарное количество кожаных находок из точно датированных слоев в раскопах 1, 4 и из шурфов вдоль стены крепости 1352 г. К слоям XV в. отнесены 3 детских сапога, 19 целых и 39 фрагментов деталей обуви, 2 части рукавиц, 50 обрезков от раскроя. В слоях конца XV-XVI вв. найдены 24 обувных подковки.¹ Из мешаных слоев раскопа 5, в основном содержащих находки XVII первой половины XVIII вв. и отдельные вещи XVI в. (Кирпичников 1970б: 33-34, приложение 2) происходят поршни и башмаки 7 целых предметов, 219

---

¹ В отчете отмечена плохая сохранность постройки и вещей первой половины XVI в., лежащих ниже шведского слоя XVII в. с монетами 1634-71 гг., в котором и найдены все эти подковки.

целых и 213 фрагментированных деталей разной обуви, 8 обрезков от раскроя одни целые и 2 фрагментированных ножен, 1 кошель, 1 обувная подковка, 8 фрагментов берестяных лаптей. Здесь же, в засыпи устоев моста были найдены обломки белоглиняных курительных трубок. Обувь Е.И.Оятева относилась к XVI-XVII вв. Часть изделий реставрирована.

В раскопе 1 1970 г. (индекс 16) в слое с постройками и вещами XVI в. встречены шилья и 11 обувных подколок. Найдены также "голландские" курительные трубки. Слой XV в. отделен от вышележащего прослойкой песка и щебня. Здесь хорошо сохранилась древесина и другая органика. Получены дендродаты для двух ярусов застройки: для верхнего 1454-1476 гг., для нижнего 1419-1438 гг. С верхним ярусом связаны детали обуви, с нижним детали сапог, поршни, ножи. В отчете дается суммарное распределение находок в слоях XV в.: 2 целых и 1 фрагмент туфли (поршня), 15 частей поршней, 1 ножны, 19 обрезков от раскроя обуви, 9 голенищ сапог, 2 целых и 5 фрагментов головок сапог, 6 целых и 8 фрагментов задников сапог, 3 целых и 52 фрагмента подошвы, 4 экземпляра рантовых креплений и ремешков (Кирпичников 1971: приложение 1).

В раскопах 1971 г. (Кильдюшевский 1972б) кожаные предметы встречены прежде всего в раскопе 9 и шурфе "Е". В мешаном слое XVI в. найдены 3 обувных подковки и обломок шила. В слоях XV в. выделены 2 горизонта. Здесь найдены шило и обувная подковка. Слои XIV в. также распадаются на два горизонта: верхний (второй половины столетия) связан с постройкой каменной крепости 1352 г., нижний с основанием крепости в 1323 г. Из слоев XIV в. происходят фрагмент подошвы и голенище, а также 5 обрезков кожи. В раскопе 10 сохранились нижние отложения со щепой и деревянными конструкциями (дендродата 1410 г.). Здесь найдены фрагменты сапог (1 фрагмент головки, 2 задника, 1 подошва) и 7 обрезков кожи. В траншее 3 западнее крепостной стены XIV в., между Офицерским корпусом и Иоанновским собором, из заполнения канала происходят серии кожаных предметов XVI-XVII вв.: 9 каблучных наборов, 2 целых и 7 фрагментов головок, 8 фрагментов подошвы, 10 задников, 5 фрагментов поршней, 1 ножны, 23 обрезка от раскроя и 2 обувных подковки.

В раскопе 9 1972 г. (Кильдюшевский 1973б: приложение 1) в слое первой половины XIV в. зафиксированы 2 целых и 4 фрагмента деталей обуви. В слоях XV-XVII вв. здесь встречены 18 обувных подколок (3 предмета в слое XV в.). В 1973 г. в прирезках к раскопу 9 найдены 5 обувных подколок в слое XVI в. и 4 подковки в слое XIV в. В раскопе 9, в слое, датированном по спилам 1322-1329 гг., найдены 44 кожаных предмета и деревянная обувная колодка. Отдельные фрагменты кожаных деталей найдены на настиле мостовой, также отнесенном к раннему этапу застройки крепости. Всего в фондах ГМИЛ имеется 8 предметов. В верхних слоях раскопа 11 встречена 1 обувная подковка.

В раскопах 1974 г. (Кильдюшевский 1975) найдены 2 обувных подковки в слое XVI в. и обломок шила из сруба XV в. В раскопах 1975 г. (Кильдюшевский 1976б: 9-12) в слоях XVI-XVII в. вместе со шведскими монетами XVII в., найдена обувная подковка; в слое XV в. обувная подковка и шило; в слоях первой половины XV в. 5 деталей обуви. В шурфе VIII на посаде, в слое первой половины XV в. в отчете отмечены "обрезки кожи, обрывки кожаной обуви, кожаный

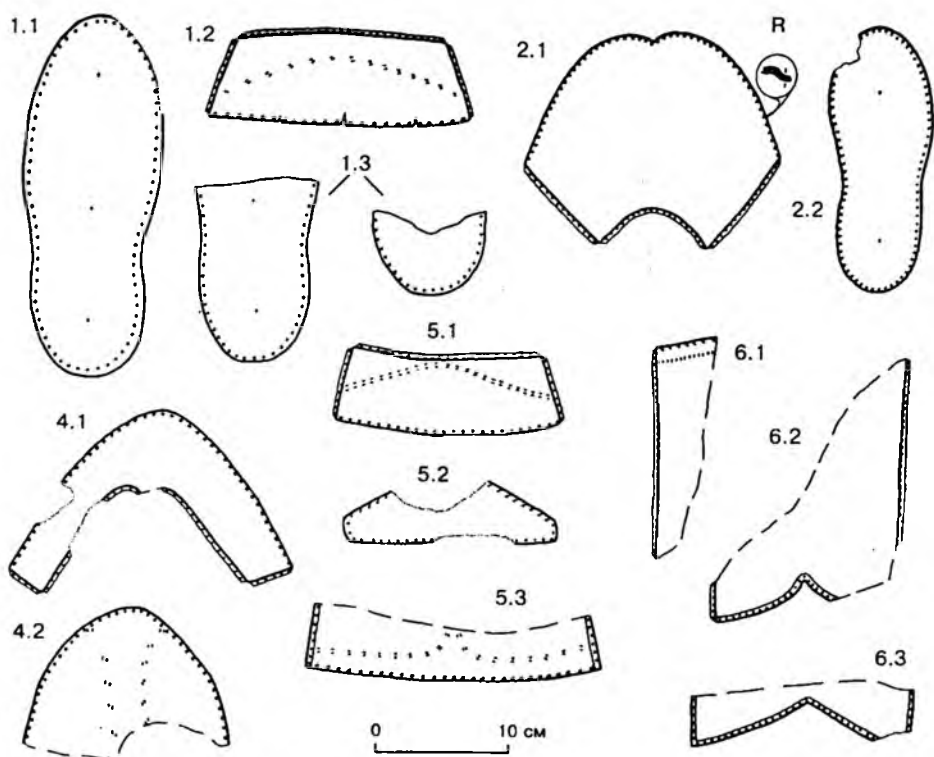

Рис. 1 Схемы раскроек деталей обуви из раскопок Орешка. Наборы и отдельные детали. Новгородский период. 1.1, 1.3 — две детали подошв и подпяточная подкладка; 1.2 — задник. 2.1 — головка; 2.2 — подошва, 4.1, 4.2 — головки обуви. 5.1, 5.3 — задники сапог; 5.2 — карман задника; 6.1-6.3 — обрезки голенищ.

кошель” (всего 5 предметов; из них “кошель” является фрагментом поршня).

Таким образом, по отчетам о раскопках в Орешке проходят не менее 935 кожаных предметов (сюда входят и отдельные детали и наборы одного изделия, взятые за единицу, например детские сапожки), 8 берестяных лаптей (некоторые, возможно, являются фрагментами рогож или кошелок), 97 железных обувных подковок, 7 шильев и одна деревянная обувная колодка. Находки после раскопок были переданы в фонды ГМИЛ и более 350 единиц взяты на постоянное хранение.

Находки из Орешка удобно рассматривать по историческим периодам в жизни крепости (Жирничников 1980: 4) новгородскому (1323-1478), московскому (1478-1612) и шведскому (1612-1702) К новгородскому времени относится не менее 396 предметов, к московскому и шведскому, разделить которые по комплексам находок затруднительно не менее 539 единиц. Среди находок раннего периода в основном представлена обувь, конструктивно находящая аналогии в известных материалах из других русских городов (рис.1). В Пскове близкие формы сапог отнесены Е.И.Оятевой ко “второму варианту второго вида сапог” (Оятева 1962: 87). Основные признаки такой обуви: подошва асимметричная со слабо выраженным разделением для правой и левой стоп, относительно широкая, с незначительным сужением переймы, набрана

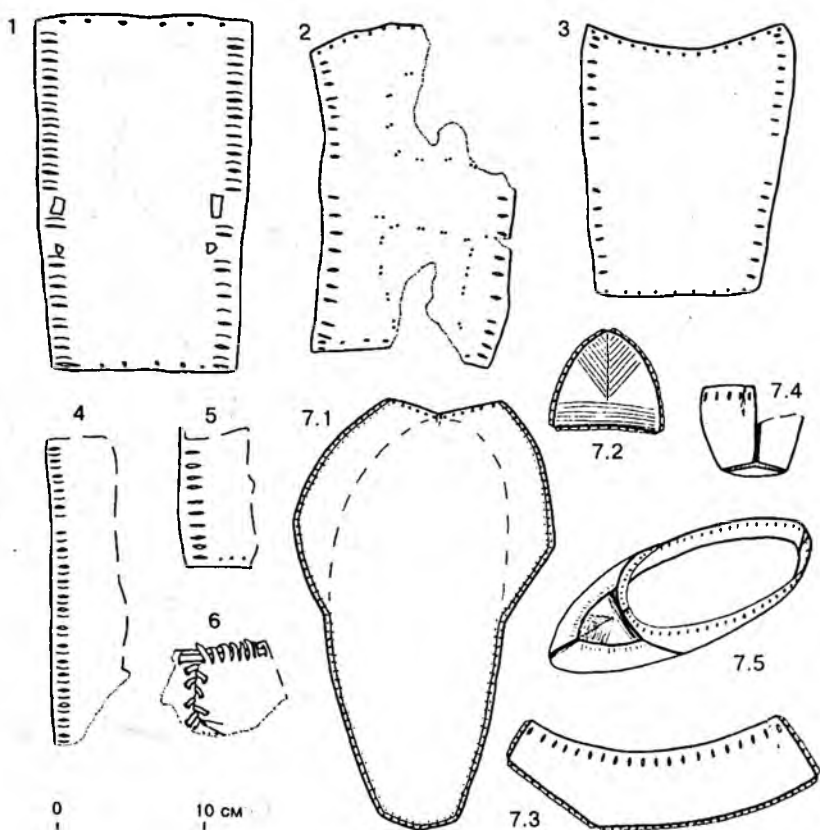

Рис. 2 Схемы раскроек деталей поршней из раскопок Орешка. Московский и шведский периоды. 1-6 – целые и фрагментированные простые поршни. 7.1-7.3 – детали составного поршня; 7.4 – конструкция пятки составного поршня; 7.5 – реконструкция составного поршня.

из 2-3 слоев тонкой кожи, скрепленных при сшивании деревянными шпеньками, от которых остаются отверстия по продольной оси детали²; основной шов (соединение подошвы и верха) сквозной, как правило, нет следов укрепления подошвы железными гвоздями или подковками: головка с округлым передним обрезом, с прямым или вогнутым обрезом на подъеме, с поднарядом; на отдельных деталях видны неглубокий вырез на носковом обрезе и язычок (мыс) на подъеме; задник прямоугольных форм, относительно низкий, с карманом и кожаными вкладышами, при этом карман может иметь разный верхний обрез подтреугольный, овальный или с острым язычком; голенище шивалось из двух одинаковых половин (передней и задней) со швами по бокам, с общим скосом верхнего края назад, с обшивкой верха декоративной тканевой лентой, от которой сохраняются швы на обрезе верха и лицевой поверхности. В отличие от ранних моделей таких сапог XII-XIII в. (Оятева 1962: рис.6,1/), высота задника и головки соотносится друг с

2 Описание техники сборки см.: (Курбатов 1991а: 136-8, рис.3).

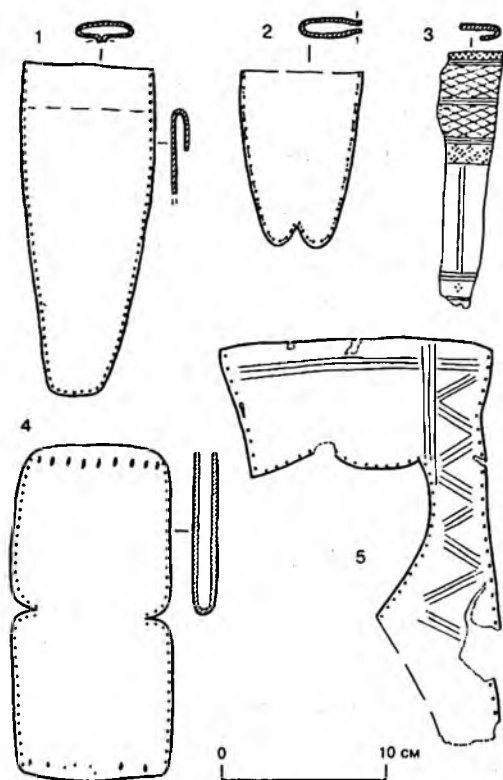

Рис. 3 Схемы раскроек кожаных предметов из раскопок Орешка. Московский и шведский периоды. 1-3 — чехлы для ножей; 4 — кошелек; 5 — чехол для топора (?).

другом, давая при сшивании ровную линию верха опорка. Для обуви Орешка XIV-XV вв. видимо характерны отсутствие моделей сапог со швом “в подтай” на подошве, подошв с сильно вытянутыми загнутым вверх носком, линования головок и задников, а также декоративной набойки мелких бронзовых гвоздей на носок и пятку. Все выделенные признаки, видимо, являются особенностью моделировки обуви местного пошива, что подтверждается находками шильев только с прямым или очень слабо изогнутым рабочим острием. Такой изгиб необходим для облегчения работы по тачанию швов, особенно шилом с ромбовидным сечением. Шилья со скругленным острием необходимы прежде всего для тачания швов “вподтай” на подошвах, которые в слоях XIV-XV вв. Орешка не найдены. Некоторые голенища выкроены в одну деталь с задником, как например у пары детских сапог первой половины XV в. (Кирпичников 1980: 51, рис.18). Е.И.Оятева считает это “архаичным признаком”. Такой крой встречается и позднее, преимущественно на детских и женских моделях, например в Ивангороде, и свидетельствует о стремлении создать более простой и влагонепроницаемый раскрой. Здесь надо вспомнить “вытяжные” сапоги, где головка и задник кроились в одну деталь с половинами голенища. Такие сапоги были необходимой обувью рыбаков, как например, известные “осташи” XVIII-XIX вв. у жителей в окрестностях озера Селигер (Исаков 1985: 87-88).

Другой обувью новгородского периода были поршни, пошитые из одного прямоугольного куска кожи, часто вторичного использования.

Носок сшивался тонким кожаным ремешком или растительной нитью “через край” (Рис.2,1-5). Поршни крепились на ноге при помощи кожаной оборы, продетой сквозь ряд частых прорезов на длинных сторонах раскройки. В целом, изделия отличаются простотой покроя, иногда небрежностью в нанесении прорезов и отсутствие декора. Встречена одна деталь с небрежным декором на подъеме стопы в виде частых стянутых прорезов (Рис.2,6), подобно поршням из Москвы (Рабинович 1964: рис.124,4) или Ивангорода (Курбатов 1991б: рис.1,2). Среди других бытовых предметов имеются ножны, кошелек, части рукавиц, ремешки с узлами, ремни разного назначения (Рис.3,1,2,4). В целом, кожаные изделия Орешка новгородской поры сохраняют на протяжении всего периода без существенных изменений ранние приемы моделирования обуви несколько небрежный “домашний” стиль раскрой и пошива, отсутствие внимания к декоративной отделке изделий. Не встречено никаких новых конструктивных приемов, известных для этого времени в других городах.³

Большая часть находок относится к московскому и шведскому периодам истории крепости, но разделить их чаще всего невозможно или, по крайней мере, затруднительно. Судя по отчетам, полевым описям и дневникам, в московском слое на всех исследованных участках встречены железные обувные подковки, белоглиняные “голландские” курительные трубки, шведские монеты 30-70-х гг. XVII в. С другой стороны, комплекса кожаных изделий, по аналогиям безусловно относящегося именно к московскому времени, в коллекции не имеется. Условно можно объединить некоторые предметы в комплекс конца XVI начала XVII в., хотя такой комплекс имеет выраженные признаки изделий XVII в. и во многом составляет с ними единый культурно-хронологический пласт. Так, имеются подошвы со швом “в подтай” подбитые железными гвоздями с широкой шляпкой, а не подковками. Есть головки с равномерно удлиненными крыльями и аналогичным двучастным поднарядом. Такие детали находят аналогии в комплексе из Ивангорода конца XVI начала XVII в. (Курбатов 1995а: рис.5), и по исторической ситуации могут быть связаны со шведским присутствием в крепости. Видимо и в Орешке их следует относить к шведскому времени. Обувные конструкции делятся на три основных вида сапоги, башмаки и поршни. Первые два вида имеют прямые аналогии в ивангородской коллекции 1990 г. и в странах Западной Европы (Рис.4-5). Конструктивно новым является использование кожаных наборных и, вероятно, деревянных обтяжных высоких каблуков, а также употребление железных подковок для уменьшения износа обуви вместо гвоздей с широкой шляпкой. Встречены фрагменты поршней, близкие изделиям предшествующего периода. Только одна модель является достаточно оригинальной. Она состоит из 4-х деталей основной (подошва с загнутыми передними краями, закрывающими пальцы), треугольной вставки на подъеме и двух полос шириной 5-6 см, составляющих боковины верха, с частыми прорезами для кожаной оборы. Перед украшен линованием по треугольной детали в виде поперечных полос и серии параллельных линий, составляющих “елочку”(Рис.2,7). Конструктивно

---

3 Эти наблюдения подтверждаются в керамическом материале (Кильдюшевский 1981: 115).

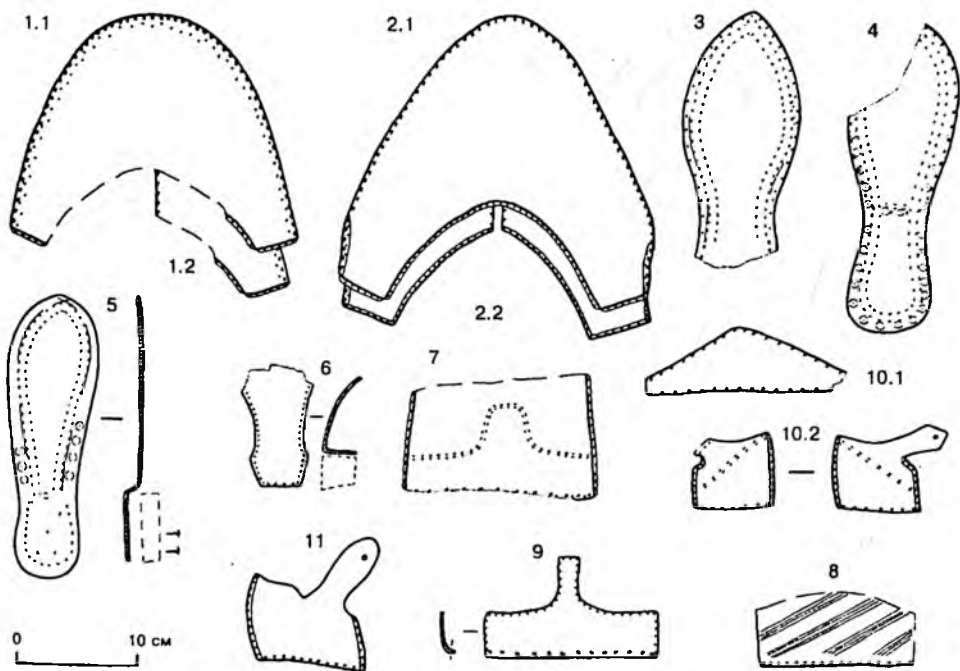

Рис. 4 Схемы раскроек деталей обуви из раскопок Орешка. Московский и шведский периоды. Наборы и отдельные детали. 1.1 — головка; 1.2 — деталь двучастного полного поднаряда. 2.1 — головка; 2.2 — двучастный полный поднаряд. 3-5 — подошвы сапог (?). 6 — подошва башмака. 7 — задник. 8 — кожаная прокладка в задник. 9 — карман задника. 10.1 — усиленная накладка задника; 10.2 — две детали берцев. 11 — деталь берцев.

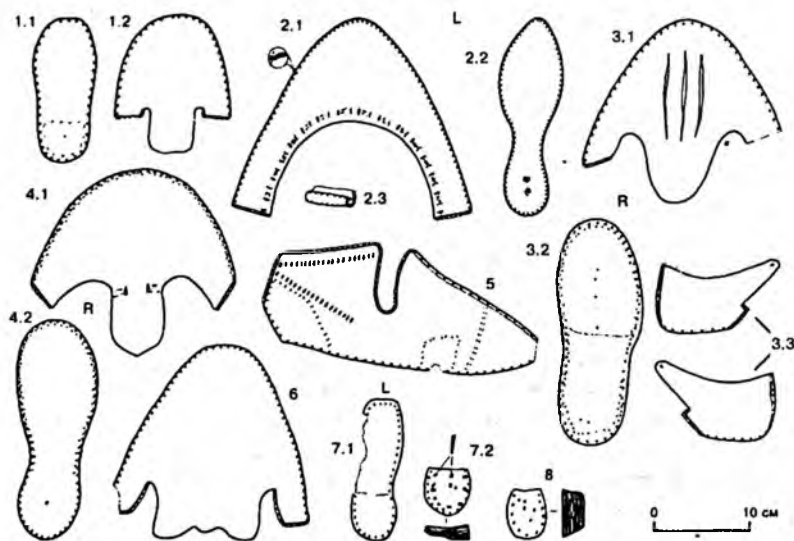

Рис. 5 Схемы раскроек деталей обуви из раскопок Орешка. Московский и шведский периоды. Наборы и отдельные детали башмаков. Первая модель: 1.1 — подошва; 1.2 — головка. Вторая модель: 2.1 — головка; 2.2 — подошва. Третья модель: 3.1 — головка; 3.2 — подошва; 3.3 — детали берцев. Четвертая модель: 4.1 — головка; 4.2 — подошва; 5 — половина верха; 6 — головка; 7.1 — подошва; 7.2 — часть набортного кожаного каблук; 8 — кожаный набортный каблук.

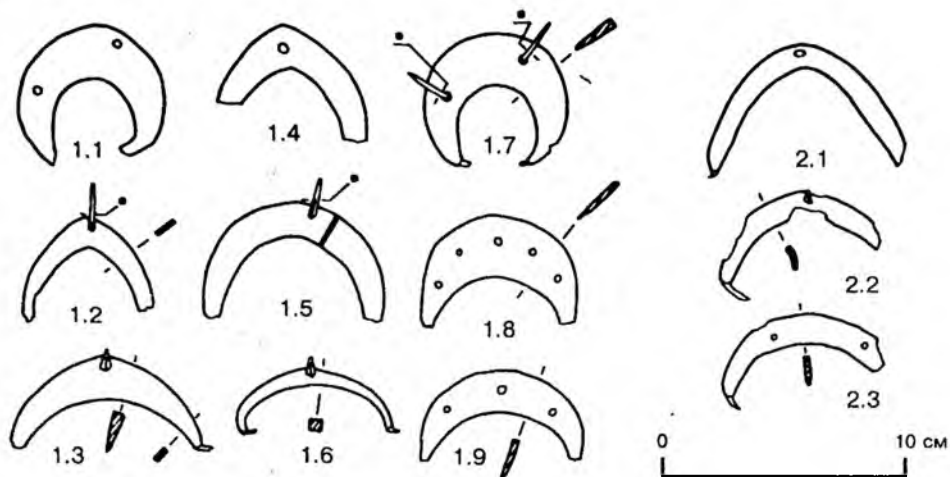

Рис. 6 Железные обувные подковки из раскопок Орешка. 1.1-1.9 – раскоп 1, участки 1-3. 2.1 – шурф А; 2.2-2.3 – траншея 3

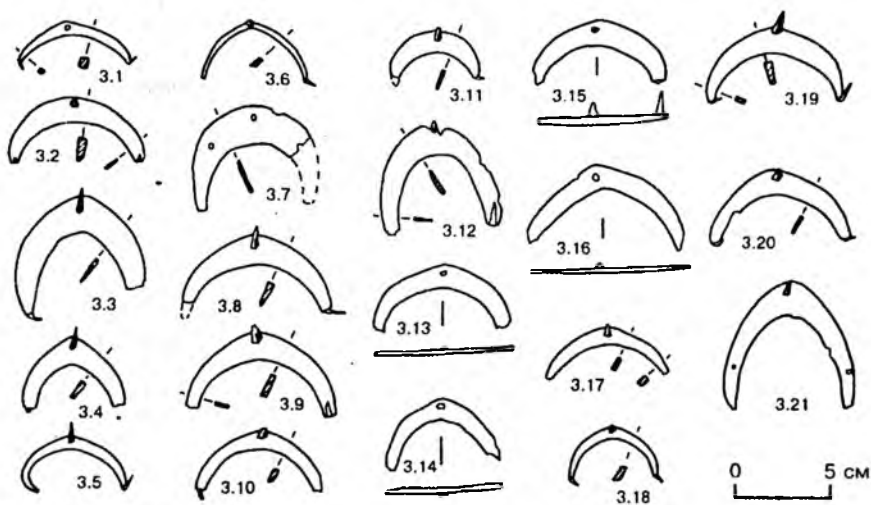

Рис. 7 Железные обувные подковки из раскопок Орешка. 3.1-3.21 – раскоп 9.

близкая обувь известна в слоях XVI-XVII вв. на Земляном Городище Старой Ладogi (Оятева 1965: 52, рис.4-5). Такие модели единичны для Орешка и Старой Ладogi и уникальны для русских средневековых городов, однако имеют многочисленные близкие формы и стереотипные элементы в раскрое, пошиве и декоре среди археологических и этнографических материалов культуры народов заполярной зоны Евразии. В частности они имеются в коллекции первой половины XVII в. из Мангазеи. Появление таких конструкций на Северо-Западе России в XVI-XVII вв. может указывать на проживание или временное присутствие здесь представителей этнических групп Севера, например, как результат торговых контактов, сложившихся еще в период Новгородской республики на основе пушной торговли (Курбатов 1995б: 49-51). Из

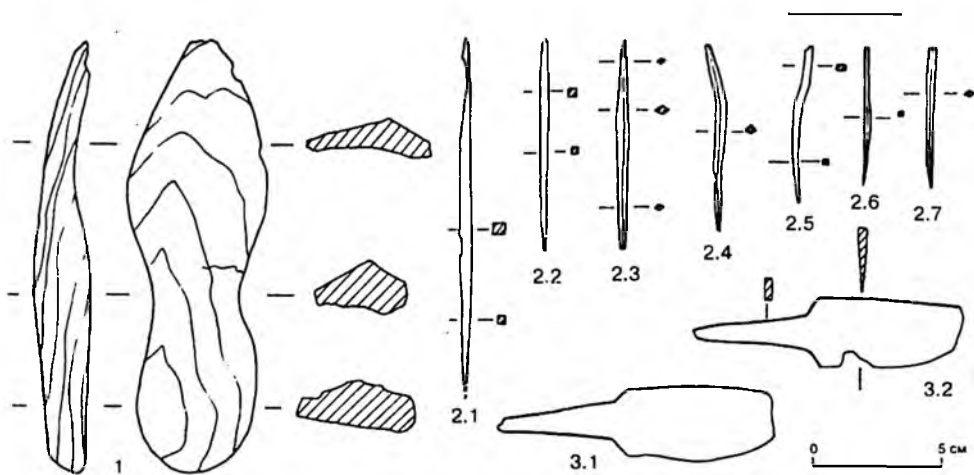

Рис. 8 Инструменты сапожника из раскопок крепости Орешек: 1 – деревянная колодка; 2 – сапожные шилья; 3 – сапожные ножи.

других кожаных изделий Орешка к данному периоду относятся ножи, одни из которых полностью покрыты зональным орнаментом из продольных и поперечных линий, “сетки”, крестовидных узоров (Рис.3,3). Авторы раскопок выделяют чехол для топора с тройными тисненными полосами (Рис.3,5).

Все имеющиеся железные обувные подковки можно разделить по способу крепления на каблуке на две основные группы: крепление при помощи штырей на самих подковках или отдельно коваными гвоздями (Рис.6-7). В большинстве случаев гвозди и штыри сочетаются в одних предметах. Хронологически оба вида одновременны, что подтверждает и мангазейская коллекция⁴.

Среди орудий труда сапожников и кожевников встречены деревянная обувная колодка, шилья с прямым или слабо изогнутым острием и сапожные ножи (Рис.8).

Исаков В.З. 1985. Озеро Селигер. М.

Кильдюшенский В.И. 1972а. Постройки XV в. из раскопок Орешка // КСИА, № 129.

Кильдюшенский В.И. 1972б. Отчет о раскопках древнего Орешка в 1971 г. / РА ИИМК РАН, ф.35, оп. 1/1971, л. 58.

Кильдюшенский В.И. 1973а. Рыболовные принадлежности из раскопок древнего Орешка // КСИА, № 135.

Кильдюшенский В.И. 1973б. Отчет о раскопках древнего Орешка в 1972 г. Л. 1973 / РА ИИМК РАН, ф. 35, оп. 1/1972, л. 84.

Кильдюшенский В.И. 1975. Отчет о раскопках древнего Орешка в 1974 г. Л. 1975 / РА ИИМК РАН, ф. 35, оп. 1/1974, л. 65.

Кильдюшенский В.И. 1976а. Раскопки древнего Орешка в 1975 г. // АО-1975.

Кильдюшенский В.И. 1976б. Отчет о раскопках древнего Орешка в 1975 г. Л. 1976 / РА ИИМК РАН, ф. 35, оп. 1/1975, л. 59.

⁴ Публикация материалов из Мангазеи, подготовленная А.В.Курбатовыми и О.В.Овсянниковым, находится в печати.

- Кильдюшевский В.И. 1981. Об одном из типов керамики XIV-XVI вв. крепости Орешек // КСИА, № 164.
- Кильдюшевский В.И. 1986. Средневековые печати и торговые пломбы из раскопок крепости Орешек // КСИА, № 183.
- Кириичников А.Н. 1969. Отчет о раскопках древнего Орешка в 1968 г. Л. 1969 // Архив ИИМК РАН, ф. 35, оп. 1/1968, д. 103.
- Кириичников А.Н. 1970а. Древний Орешек // История СССР, № 3.
- Кириичников А.Н. 1970б. Отчет о раскопках древнего Орешка в 1969 г. Л. 1970 // Архив ИИМК РАН, ф. 35, оп. 1/1969, д. 56.
- Кириичников А.Н. 1971. Отчет о раскопках древнего Орешка в 1970 г. Л. 1971 // Архив ИИМК РАН, ф. 35, оп. 1/1970, д. 67.
- Кириичников А.Н. 1980. Древний Орешек. Л.
- Кириичников А.Н. 1984. Каменные крепости Новгородской земли. Л.
- Кириичников А.Н., Савков В.М. 1972. Крепость Орешек. Л.
- Курбатов А.В. 1991а. Методические аспекты историко-археологического анализа средневекового кожаного производства // Проблемы хронологии и периодизации в археологии. Археологические изыскания. № 3. Л.
- Курбатов А.В. 1991б. Коллекция кожаных предметов из Ивангорода (по раскопкам 1980-1986 гг.) // КСИА, № 205.
- Курбатов А.В. 1995а. Кожаные изделия шведского периода из раскопок Ивангородской крепости // РА, № 2.
- Курбатов А.В. 1995б. К вопросу об этносоциальной принадлежности кожаных предметов // Ладога и Северная Русь. СПб.
- Курбатов А.В., Овсянников О.В. В печати. Кожаная обувь из раскопок Мангазеи (русского города XVII в. в Заполярье Западной Сибири).
- НПЛ Новгородская Первая летопись Старшего и Младшего изводов. М.-Л. 1950.
- Оятена Е.И. 1962. Обувь и другие кожаные изделия древнего Пскова // АСГЭ, № 4, Л.
- Оятена Е.И. 1965. Обувь и другие кожаные изделия Земляного городища Старой Ладogi // АСГЭ, № 7, Л.
- Рыдзевская Е.А. 1978. Древняя Русь и Скандинавия IX-XIV вв. М.
- Шаскольский И.П. 1987а. Борьба Руси против шведской экспансии в Карелии в конце XIII начале XIV вв. Петрозаводск.
- Шаскольский И.П. 1987б. Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV в. Л.

Ранние ручницы и пистолеты из собраний российских музеев

На Руси огнестрельное оружие появилось не позднее 70-х годов XIV в. (первое упоминание — 1382 г.). Накопился материал, который позволяет судить об устройстве некоторых наиболее ранних образцов этого оружия.

Как известно, дифференциация огнестрельного оружия на артиллерийское и ручное заняла длительное время. В XIV-XV вв. существовали различные по устройству и тяжести орудия, включая и конструкции переходных типов. Не позднее второй половины XIV в. распространились “малые формы” порохового оружия — предшественники позднейших ружей, карабинов и пистолетов. К их числу, судя по чешским, немецким, швейцарским и итальянским примерам (Forger 1905a: 23-25, Taf.1; Wagner, Drobná, Durdik 1956: tab.2-4; Durdik, Mudra, Šáda 1977: 12-24; ср.: Kirpitsnikov 1996: 43-49), относятся короткоствольные орудия калибром 25-35 мм, обычной длиной 17-31 см (реже — до 44 см), смонтированные на деревянные приклады общим весом около 4-5 кг. Большинство стволов имели огранку, иногда утолщения в дульной и казенных частях, запальные отверстия, как правило, находились сверху. К прикладу стволы прикреплялись с помощью 1-2 крепежных колец. Такие устройства использовали при осаде и защите городов, в вагенбургах, а иногда, и в поле, особенно, когда имелась возможность позиционной стрельбы. Подобного рода орудия именуют принятым в Чехии, Польше и России термином ручница¹. Они обслуживались одним или двумя бойцами. В последнем случае один целился, а другой с помощью тлеющего фитиля поджигал заряд. Некоторые из ручниц имеют выступы — хаки или гаки (отсюда название *гаковница*): они, следовательно, устанавливались на подставку, преграду, борт корабля или щит для более надежного погашения отдачи при стрельбе и лучшего прицеливания. Впрочем, на переносные или неподвижные основания облокачивались ручницы и не имеющие выступов.

Общая дата ручниц 1375-1450 гг. В конце XV в. они были в большинстве европейских стран вытеснены ружьями с длиной стволов свыше 17 калибров (длина стволов большинства ручниц 5-12 калиб-

¹ В Чехии и Польше употребление термина “ручница” зафиксировано в письменных источниках не позднее первой половины XV в., в России — начиная с 70-80-х годов XVI в. (хотя термин мог использоваться и ранее). Для обозначения ручного огнестрельного оружия в России употребляется также термин “пищаль ручная”; впервые слово пищаль упомянуто летописью в связи с событиями 1399 г. (Кирпичников 1976: 89-90).

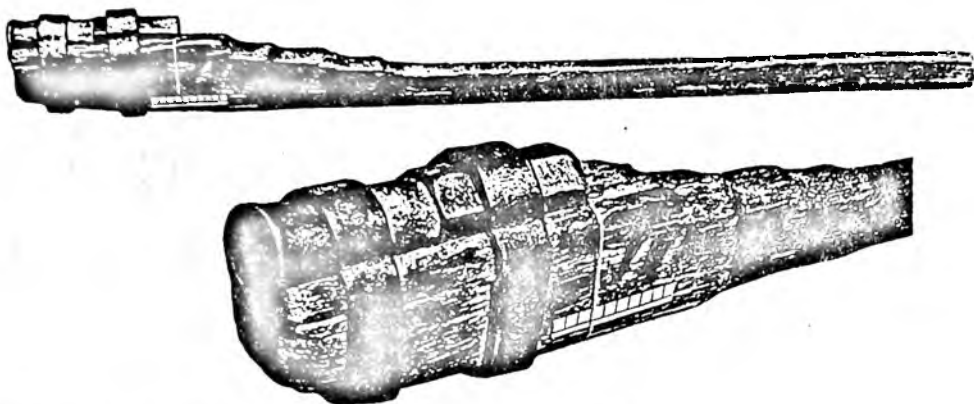

Рис. 1 .Ручница. Краеведческий музей г.Иваново. Фото автора.

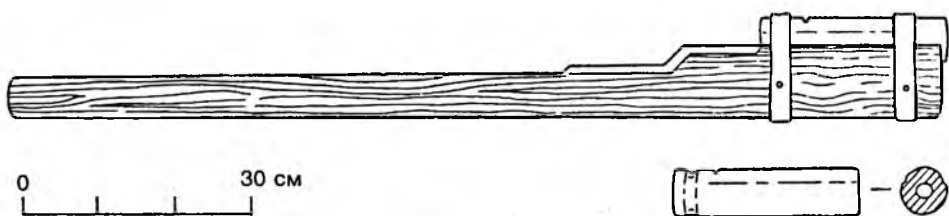

Рис. 2 Ручница, найденная в р.Лух. Ствол с прикладом дан в реконструкции. Рисунок автора.

ров). Восточно-европейские, а лучше сказать — древнерусские, ручницы по своим типологическим признакам сходны с центрально- и западно-европейскими аналогиями. Их обнаружение далеко на восток продвигает распространение этого общеевропейского оружия. Специфика этих изделий заключалась в том, что они, изготовленные в XIV — первые десятилетия XV вв., иногда использовались и позже, в период господства ружей и их разновидности — тяжелых крепостных затинных пищалей-гаковниц. Ниже перечислим эти, частью не публиковавшиеся ранее, изделия.

I

1. Ствол железный длиной 23 см, калибром 31 мм (длина ствола в калибрах 7,4), укреплен двумя скобами на деревянном, несомненно первоначальном, жердевидном прикладе длиной 130 см (рис.1). Казенная часть ствола откована на шесть граней, дульная — цилиндрическая, запал находится на верхней грани и отстоит от оконечности на 2,5 см. Хранится краеведческом музее в г.Иваново и, можно предположить, происходит из какого-либо центрально-русского города или монастыря.

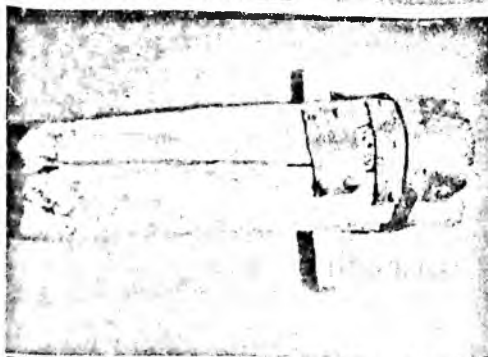
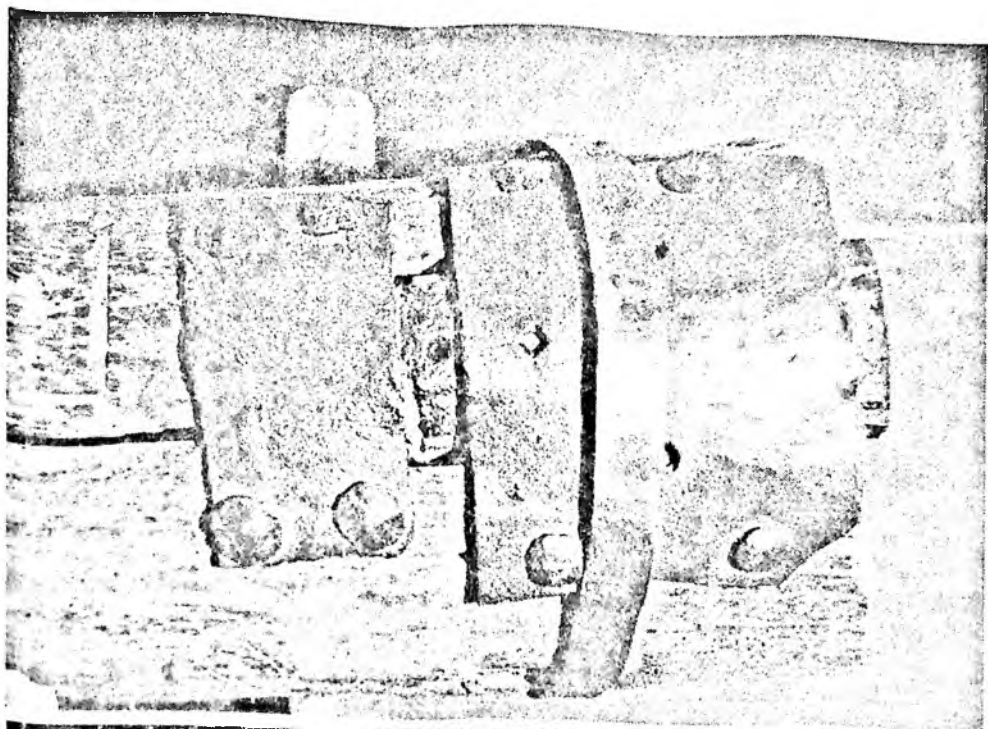

Рис. 3 Ручница. Пермский областной краеведческий музей, инв.№ 7453. Фото Пермского музея.

2. Ствол железный цилиндрический длиной 24 см, калибром 22 мм (длина — около 11 калибров), весом 4,1 кг (рис.2). В казенной части проделан жолоб для крепежной скобы. Приклад не сохранился. Ствол и скоба приклада найдены в реке Лух у одноименного города Ивановской области. Потерю этого оружия в реке можно связать с русско-татарскими боями, которые велись за город Лух в 20-40-х годах XV в. (Кирпичников 1976: 88).

3. Ствол железный граненый длиной 24 см, калибром 43 мм (длина в калибрах 6,5), укреплен двумя накладками в колоду диаметром 37 см сохранившейся длиной 137 см, колода обломана (рис.3). В казенной части ствола заметен уступ для лучшего соединения с крепежной накладкой. Оружие несет следы последующих изменений. Существующий деревянный приклад, видимо, не первоначальный. Одна из накладных пластин имеет отверстия, не относящиеся к креплению и

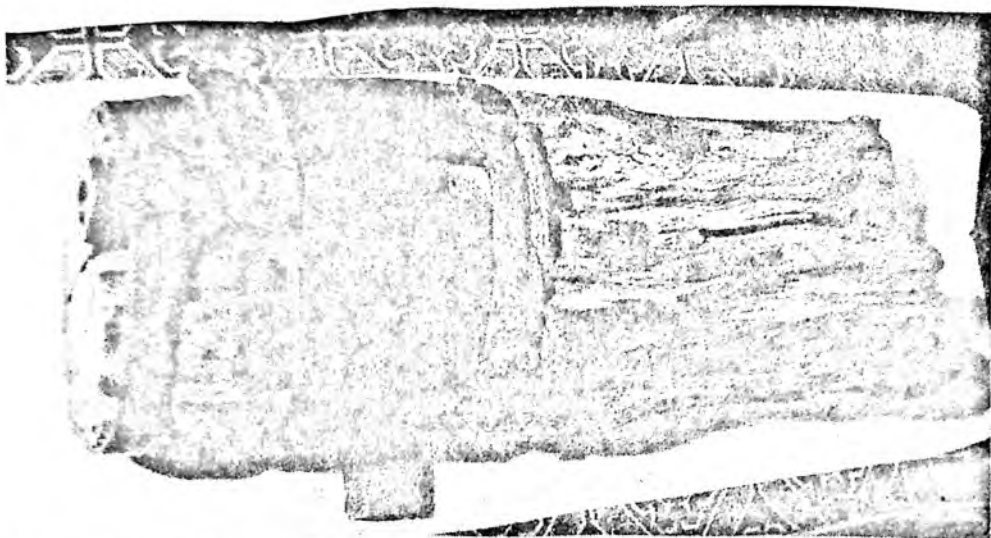
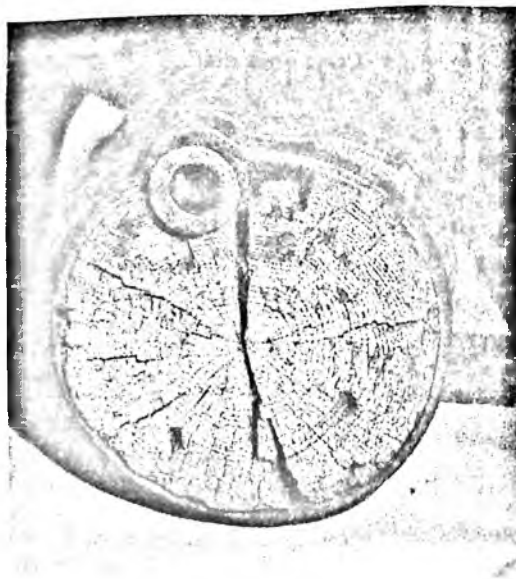

Рис. 4 Ручница. Пермский областной краеведческий музей, инв.№ 7454. Фото Пермского музея.

свидетельствующие о ее вторичном использовании. К позднему времени относится обруч, стягивавший колоду, и поперечная планка, прикрепленная к колоде снизу. В Пермском краеведческом музее, где хранится орудие (инв.№ 7453), нет сведений о его происхождении.

4. Ствол железный цилиндрический длиной 46 см, калибром 36 мм (длина соответствует 13 калибрам), укреплен тремя накладками в колоде диаметром 40 см, сохранившаяся длина колоды 104 см (рис.4). Накладки, дополненные скобой в казенной части орудия и обручем, скреплявшим приклад, по-видимому, разновременны. Возможно, что и данное оружие претерпело несколько изменений, а его деревянное ложе не первоначально. Как и № 3 хранится в Пермском областном краеведческом музее (инв.№7454) без обозначения адреса нахождения.

Оба пермских орудия по своему облику и сочлененности с колодами напоминают друг друга. Судя по их сохранности, они не были ни в воде, ни в земле, а, возможно, хранились в арсенале какой-либо крепости или монастыря, скорее всего, расположенных на территории

Пермского края. В какой-то момент они были перемонтированы с первоначальных прикладов на колоды. Стрелять из столь громоздких устройств можно было только установив их на опору на стене или башне. Датировать описанные стволы следует XIV-XV вв. Вряд ли это оружие принадлежало местным аборигенам: вогулам, остякам или коми-зырянам. Такого рода устройства, несомненно, завезены в Пермскую землю русскими отрядами все более настойчиво продвигавшимися сюда, начиная со второй половины XIV в. Не исключено, что доставить их с собой могли новгородские ушкуйники совершившие в 1360-1375 гг. серию походов на Волгу и заходившие в Прикамье (Очерки 1969: 371,372)². Использовать это оружие могли при обороне промысловых городков или резиденции пермского епископа, обосновавшегося в пермской области в конце XIV в. (Усть-Вымский городок). В арсеналах этих форпостов, судя по известиям второй половины XVI — начала XVII вв., находился “наряд скорострельный, пушечки и пищали затинные (гаковницы — А.К.), и ручницы” (Шишонко 1881: 41,48,53,54; Тихомиров 1962: 260,460). В этом составе можно себе представить и рассмотренные изделия. В какой бы крепости ни находились пермские ручницы, их можно считать техническими памятниками периода русского освоения прикамских и привычегодских земель. Как боевое оружие эти образцы сохранялись необычно долгое время, что более правдоподобно объясняет их перделку.

II

В 1934 г. В.В.Арендт впервые опубликовал небольшой железный ствол длиной 19 см, калибром 12,5 мм, весом 640 г. (Arendt 1934: Fig.1), верно датировав его началом XV в. или несколько более ранним временем (рис.5, I). К стволу приварены медью три усилительных кольца, на одном из которых проделана дорожка, ведущая к затравочному отверстию (5 мм в поперечнике). К отсутствующему прикладу ствол крепился, видимо, с помощью скоб. Место находки предмета не установлено. Возможно, он найден при раскопках Москвы или близких к ней городов. Находка примечательна в том отношении, что свидетельствует о существовании около 1400 г. устройств, пригодных как для пехотинцев, так и для всадников. На первый взгляд казалось, что перед нами самый малый и легкий экземпляр среди древнейших индивидуальных образцов огнестрельного оружия — пистолет, или, лучше сказать, его предшественник. Такое определение теперь может быть дополнено.

Описанный выше ствол был в 1937 г. передан из Государственного исторического музея (ГИМ) в Артиллерийский исторический музей, ныне Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС). При этом в ГИМе остался незамеченным еще один совершенно тождественный первому, видимо парный экземпляр, также, к сожалению, без указания на место находки. Ныне он опубликован (Шокарев 1980: 152-156, рис.1-2). Его длина 19,5 см, калибр 13 мм, вес 575 г (рис.6). Ствол также снабжен тремя усили-

2 Благодаря Л.К.Маковскую и В.А.Тюленева за содействие в получении материалов, связанных с документацией о пермских ручницах.

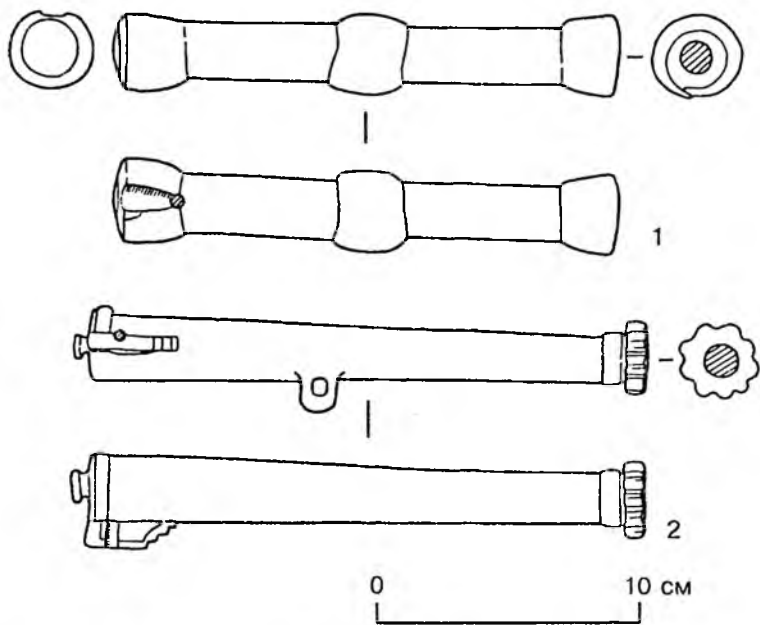

Рис. 5 Железный (1) и бронзовый (2) стволы от pistols из собрания ВИМЛИВ.
Рисунки автора.

тельными кольцами, припаянными к нему медью. Публикатор московского ствола склонен считать оба экземпляра двумя pistolsами, изготовленными в конце XIV — начале XV вв. в одной мастерской или одним и тем же мастером. Можно, однако, предположить и иное. Не исключено, что оба экземпляра составляли одно единое оружие, а его стволы могли быть смонтированы в горизонтальном положении на общем ложе. В пользу этого свидетельствуют канавки, устроенные в казенной части стволов и ведущие к запальному отверстию³. В них укладывался фитиль единого для двух стволов воспламенения. Приблизительно похожие многоствольные образцы известны по немецким рисункам конца XV в. (Sixl 1905: Taf.5, 1A-1C) и в нескольких разновидностях существовали в более ранний период. К примеру, концом XIV — началом XV вв. датируются изображения станковых многоствольных устройств типа органа (Essenwein 1872: Taf.A, XII-XIX). В натуре сохранились относящиеся к приблизительно к тому же или несколько более позднему времени своеобразные трех-четырёхствольные pistolsы калибром 14-16 мм (Sixl 1905: Taf.5, 3-4). Тесно соединенные друг с другом стволы сходились к одной металлической втулке для жердевидного приклада. Заряд таких стволов воспламенялся не от общего фитиля, а порознь⁴. В отличие от приведенных вещевых аналогий, описанные

3 Характерно, что подобные канавки у других образцов ручного огнестрельного оружия, известных по музейным собраниям, отсутствуют.

4 По мнению Р.Форрера, в затравочное отверстие вставлялся заранее подложенный фитиль. За время, необходимое для сгорания фитиля и воспламенения заряда в стволе, всадник приближался к цели, держа pistols в руке, другой рукой он управлял конем. Выстрел происходил как бы автоматически.

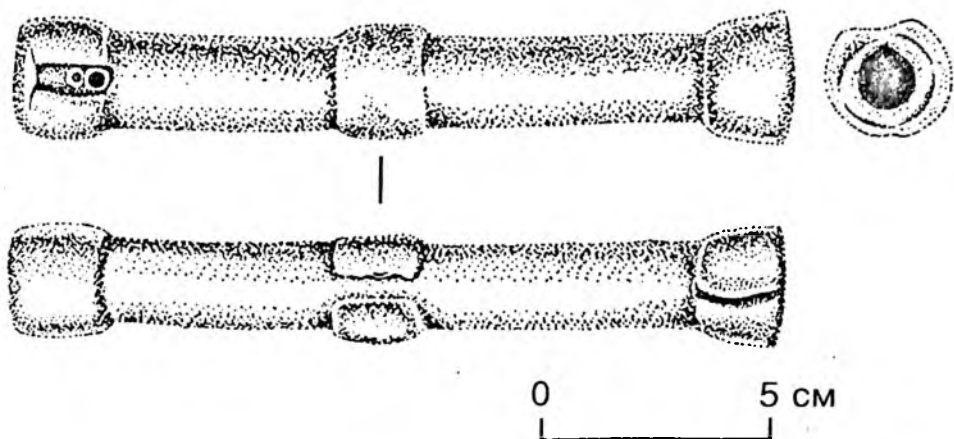

Рис. 6 Железный ствол от пистолета из собрания ГИМ (по Ю.В.Шокореву).

стволы из российских музеев не имели хвостового соединения, но, тем не менее, могли образовывать своеобразный двухзарядный пистолет с единым воспламенением, смонтированный на общем основании. Если такое предположение допустимо, то уже около 1400 г. многозарядное ствольное оружие существовало не только как теоретическая инвентарная военная инженерная, но и реально. Разумеется, здесь возможны и другие гипотезы.

Благодаря еще одной реалии, развитие ранних пистолетов обретает определенную эволюционную последовательность. Это — бронзовый ствол, обнаруженный В.В.Арендтом в одном из московских музеев, затем переданный в ГИМ, а оттуда в 1937 г. поступивший в Артиллерийский исторический музей (Arendt 1934: 223-224). Его длина 21,5 см, калибр 13 мм, вес 465 г (рис.5,2). Оконечность изделия снабжена утолщениями. Торец казенной части имеет хвостовой выступ. Ствол снабжен боковой фигурной полкой, что предполагает воспламенение с помощью фитильного замка. С утраченным ложем ствол был скреплен с помощью срединной петли. Место находки изделия неизвестно, возможно, связывается со средней Россией.

Ствол убедительно датирован В.В.Арендтом последней четвертью XV в., что, например, подтверждается сходным во forme рифленным по краю дульным утолщением, которое отчетливо показано на одном немецком рисунке около 1450 г. (Schmidtchen 1977: Abb.116). Не противоречит дате рассматриваемого ствола и предполагаемое наличие фитильного замка, изобретенного в начале XV в., и вполне очевидно, судя по немецким рисункам, у ствольного оружия 1460-1470 гг. (Hoff 1962: 166; Zyigulski 1975: p.125,66). Данный образец напоминает в миниатюре бронзовую пушку с характерным дульным утолщением и хвостовиком-винградом. Такого рода орудия (что свойственно эпохе Возрождения) имели вид изяшной колонны. Весь облик нашего пистолета

позволяет приписать его изготовление иноземным литейщикам, начавшим работать в Москве в последней четверти XV в. Основоположителем массового бронзового литья был приехавший в Россию в 1475 г. итальянец Аристотель Фиораванте. В 80-90 годы XV в. в Россию прибыло несколько групп военных инженеров и литейщиков, преимущественно — итальянских, греческих и немецких (Кирпичников 1957: 68). Не исключено, что, кроме артиллерии, они изготавливали стволы ручного огнестрельного оружия.

В свете всех сопоставлений, есть основания считать бронзовый ствол из собрания ВИМАИВиВС одним из древнейших в Европе пистолетов⁵. Это подталкивает к заключению о том, что в России пистолеты с фитильными замками появились в последней трети XV в., очевидно, одновременно их внедрению в войсках других европейских стран. Полагают, что в России пистолеты распространились лишь в третьей четверти XVI в. (ср.: Тарасюк 1965: 10). Все рассмотренные выше реалии свидетельствуют об ином: пистолеты и их предшественники экспериментировались в России уже в начальный период появления огнестрельного оружия, то есть — примерно на 50 лет и более раньше, чем о них начинают упоминать письменные источники.

Кирпичников А.Н. 1957. Военное дело средневековой Руси и появление огнестрельного оружия // СЛ. № 3.

Кирпичников А.Н. 1976. Военное дело на Руси XIII-XV вв. Л.

Очерки русской культуры XIII-XV вв. Ч.1. М. 1969.

Тарасюк Л.И. 1965. Русское ручное огнестрельное оружие XVI-XVII вв. // Автореферат. ... канд.ист.наук. Л.

Тихомиров М.Н. 1962. Россия в XVI в. М.

Шипошко 1881. Пермская летопись. Первый период с 1263-1613 гг. Пермь.

Шокарев Ю.В. 1980. Ствол древнейшего пистолета из коллекции ГИМ // Труды ГИМ. Вып.51. М.

Arendt W. 1934. Zwei Eskopettes des historischen Museums in Moskau // ZWK. Bd.IV (13).

Durdik J., Mudra M., Šáda M. 1977. Alte Handfeuerwaffen. Praha.

Essenwein A. 1872. Quellen zur Geschichte der Feuerwaffen. Bd.I. Leipzig.

Förster R. 1905. Meine gotischen Handfeuerrohre Beiträge zur Geschichte der Handfeuerwaffen. Dresden.

Sixl P. 1905. Die ersten mehrläufigen Hand- und Hakenbüchsen. Beiträge zur Geschichte der Handfeuerwaffen. Dresden.

Hoff A. 1975. Feuerwaffen II. Braunschweig.

Kirpitenikov A.N. 1996. Early Harquebuses and Pistols from the Collections of Russian Museums // Fasciculi Archaeologicae Historicae. F.IX. Łódź.

Smidhtchen V. 1977. Bombarden, Befestigungen, Büchsenmeister. Düsseldorf.

Wagner E., Drobná Z., Durdik J. 1956. Kroje, zbroja a zbraně doby předhusitské a husitské. Praha.

Zygulski Z. 1975. Broń w dawnej Polsce. Warszawa.

---

5 Древнейшим считают трехствольный пистолет из Палаццо Дукале в Венеции, относящийся к рубежу XV-XVI вв. или несколько более раннему времени (Hoff 1975: 166).

Змей с хоботом

(фольклор и этнография в работе археолога)

Археологические памятники мертвы и немы. Одним из важнейших способов оживить их и заставить говорить является обращение к этнографии и фольклору. Этнографическим параллелям и моделям посвящена солидная литература. Но просто ли черпать из этнографии и фольклора сведения (“анalogии”) для археологии? Как-никак ведь там другие виды источников

В течение полувека в советской науке господствовало представление об археологии как одной из отраслей истории. Этой концепции было свойственно игнорирование специфики археологических источников и пренебрежение ее специальными методами интерпретации, особенно критикой источников. Считалось, что любому образованному историку легко сообразить, о чем говорят памятники. Соответственно и археолог, мысливший себя историком, запросто обращался к письменным источникам, а также к другим видам источников — к фольклору, этнографии, языку. Там тоже не мыслилось особых трудностей для понимания.

Этот подход не изжит и сейчас. Поэтому есть смысл проанализировать к чему приводит его реализация. Рассмотрим это на примере виднейшего представителя этого направления, многолетнего главы советской археологической науки акад. Б.А.Рыбакова. Разные виды источников обильно использованы в его двухтомном труде о русском язычестве (Рыбаков 1981; 1987; далее ссылки: т. I, т. II).

Я не буду здесь рассматривать, как Б.А.Рыбаков обращается с историческими источниками — как политизирует Иордана, как перетолковывает Геродота. Спорность его толкований Геродота отмечал известный специалист по скифам А.И.Тереножкин в посмертно опубликованной статье-рецензии на труд Рыбакова “Геродотова Скифия” (Тереножкин 1987: 3-12; см. также: Яйленко 1983: 54-65). Тереножкин еще упустил главное в подходе Рыбакова к источнику — его беспредельную доверчивость к “отцу истории”, как если бы Геродот был всегда очевидцем событий. А он был историком: излагал свои гипотезы, выписки из сочинений других авторов, пересказы устных преданий, сообщений, эпоса, мифов и т.п. “Скифский квадрат” Геродота для Рыбакова — не мифологическая структура, а реальная территория; “поход Дария” в Скифию и по Скифии — не эпическое преувеличение, а правдивая военная реплика (ср.: Нейхардт 1982: 152-161; Раевский 1985). Даже современным военным репликациям мы так не верим. Воспринимаем их как исторические источники будущего.

Устное предание, фольклор, еще сложнее для анализа, чем письменная традиция. Но фольклор как исторический источник (в частности,

по истории культуры) — старый конек Б.А.Рыбакова. И старый предмет его спора с фольклористами. Эти специалисты давно преодолели т.н. “историческую школу” фольклористики, господствовавшую в конце XIX в. Представители этой школы с наивной прямолинейностью подыскивали всем образам и сюжетам фольклора конкретные соответствия в летописях, игнорируя специфику фольклора как вида искусства, забывая о роли в ней художественного вымысла. Один из лидеров нового подхода В.Я.Пропп так охарактеризовал русский героический эпос: “Былины отражают не единичные события истории, они выражают вековые идеалы народа”(Пропп 1955: 24). Детали истории и имена исторических деятелей, конечно, проникают в фольклор, но обычно не они определяют сюжеты, а когда некоторые события все же дают начало сюжетам, то потом с ними происходят радикальные трансформации по законам жанра. Рыбаков поднял на шит максимум акад. Б.Д.Грекова: “Былины — это история народа, рассказанная им самим”, обвинив Проппа и его сторонников в “антиисторизме”(Рыбаков 1961а: 141-166; 1961б: 80-96). В своем ответе Пропп подробно раскрыл специфику фольклора как жанра и как исторического источника и, показав ущербность упрощенных извлечений истории из фольклора, обосновал необходимость специальной подготовки для исторической интерпретации фольклора (Пропп 1962: 87-91; см. также: Путилов 1962: 98-111).

В последующее время Б.А.Рыбаков издал большой труд, где в традициях XIX в. продолжал отыскивать в былинах исторических героев и конкретные события истории (Рыбаков 1963: 42-43). Он проявил в этом большую наблюдательность и эрудицию, многие его сопоставления убеждают, они позволяют датировать создание тех или иных мотивов или, по крайней мере, определить для них *termini ante quem*. Надо признать, что из всего фольклора именно в былинах больше, чем где бы то ни было (если не считать исторических песен), можно действительно найти имена и детали истории (идя от летописи к былинам), но нельзя по ним восстанавливать события истории (продвигаясь от былин к хронике), а именно такую задачу ставил Рыбаков. Можно оспаривать некоторые отдельные гипотезы Проппа о происхождении былинных мотивов и сюжетов, как это делает Рыбаков, но общий подход Проппа основательнее. Он искал в былинах поэтическое развитие образов, почерпнутых из мифологии (например, борца с чудовищем), развитие их в новых условиях героического века. Рыбаков же считает, что образы “из мифологического реквизита” использовались как “символическое иносказание” исторических событий наступившего времени (Рыбаков 1963: 42-43). Например, Змей Горыныч — это символ язычества, противостоящий христианизации. Для церкви — да, но для народных сказителей?! Ведь Идолище Поганое — это в буквальном переводе “статуя языческого божества” (от греч. *изображение, кумир*, и лат. *язычник*). Сказители, конечно, получили это выражение из проповедей в церкви — как обозначение чего-то зловредного и враждебного, но они не поняли смысл выражения, а просто наложили кличку на старый образ чудища, побеждаемого сказочным героем.¹

1 Критику этой книги см.: (Астахова 1966: 72-75; Пропп 1968: 5-25).

В новом, двухтомном, труде Б.А.Рыбакова заметен некоторый сдвиг, и наиболее интересными являются как раз те места, где автор, следуя В.Я.Проппу и Е.М.Мелетинскому, углубляет корни былин в слои мифические (увязка Змея Горыныча с образом змеборца-первокузнеца, культурного героя, см.: т.1: 538-548). Однако Рыбаков и здесь верен себе — немедленно привязывает сюжет к конкретным событиям истории. Так, в сказке про кузнеца говорится о Змиевых валах (это этиологическая легенда). Археологическая традиция определяет Змиевы валы как сооружения ранне-скифского времени. Значит, заключает Рыбаков, сказка живет у славян именно с этого времени (как будто не могли ее привязать к реальному валам позже!), а первокузнец и впрямь олицетворяет смену бронзового века железным. В итоге ведется речь о столкновении славян с киммерийцами (которые жили за тысячу с лишним лет до славян!) и даже о том, что “славяне применяли при постройке своих первых укреплений пленных киммерийцев” (т.1: 546). Какова конкретность знания!

Еще экстравагантнее выглядит привязка не былинных, а сказочных мотивов к историческим реалиям, фантастическим объектам сказки. Рыбаков старается непременно подыскать простые и конкретные прототипы в реальной истории, чудесам — бытовые и естественные объяснения (подобный тип объяснения называется эвгемерическим, по имени типичного представителя метода греческого философа III в. до н.э. Эвгемера). “Змеихи-жены, — пишет автор, — это не амазонки, самостоятельные воительницы матриархата. Это — просто женское население, оставленное в тылу и не принимавшее участия в нападении” (т.1: 595).

Фантастичность всех этих построений еще отчетливее выступает в свете того, что Змиевы валы, по археологическим данным, относятся не к скифскому времени, а к славянскому (Kowalski 1969: 141-181; 1970: 315-321; Кучера 1975: 90-91; 1987; Кучера, Юра 1976: 198-216).

Путешествие со Змеем Горынычем вглубь тысячелетий не оканчивается на Змиевых валах “скифской эпохи”. На роль реального прототипа Змея Горыныча Рыбаков выдвигает... мамонта (т.1: 129-130). В сказке есть мотив встречи героя с огнедышащим Змеем на Калиновом мосту через огненную реку. Рыбаков воображает, что мост из калины — это тонкое покрытие ловчей ямы, куда должен провалиться мамонт. Он оставляет в стороне разработки специалистов о символическом значении калины как растения, связанного в русском фольклоре с утратой девичества, выходом девушки замуж (Вакуров 1985: 91-97; 1987: 40-43; Мокиенко 1986: 249-250). А ведь Змей Горыныч как раз и хочет увести к себе девушку, герой же ее отстаивает. Известно и постоянное приравнение похорон в песне и обряде к свадьбе, свадьбы — к похоронам: к переходу через реку, за которой мир иной. Вот в чем смысл Калинового моста, если развить идеи Проппа об образе Змея Горыныча. А как аргументирует Рыбаков? “Не будет большой натяжкой, — пишет он, — признать в этих сказочных приметах чудовища обрисовку древнего мамонта (или мамонтов), загнанного огненной цепью загонщиков в ловчую яму, в подземелье, замаскированное ветками кустарников (калины). Длинношерстные мамонты, прорываясь сквозь “огненную реку”, могли и сами быть носителями огня”. И т. д.

Что ж, сведения о мамонтах могли удержаться в народной памяти в течение тех десятков тысячелетий, которые отделяют нас от верхнего палеолита — само по себе это не так уж невероятно (похоже, что в фольклоре нерусского населения Сибири есть сведения такого рода). Но

из чего вытекает, что эта догадка правомерна применительно к Змею Горынычу и Калиновому мосту, что вся эта словесная эквилибристика с огнем не является “большой натяжкой”? Повод для отождествления дали те варианты сказок, где Змей оказывается “хоботистым”: “Жогнул своим хоботом” (т. I: 129). Но ведь слово “хобот” свое современное значение могло приобрести только очень поздно — когда русские познакомились со слонами. Оно не могло быть унаследовано от охотников на мамонтов, преодолев без реалий разрыв в десятки тысяч лет! И в самом деле, обратившись к словарям, находим значение слова “хобот” в древнерусском языке и в современных диалектах: хвост змеи или лошади, извив, объезд. В “Слове о полку Игореве” — бунчук. Сказка, стало быть, отмечает у Змея хвост. Правда, у мамонта тоже был хвост, но, согласитесь, этого маловато для отождествления.

Этнографические источники у акад. Рыбакова, пожалуй, шире представлены, чем у его предшественников по изучению русского язычества, особенно народное изобразительное искусство: вышивки, резьба и т. п. Это вполне закономерно: советская этнография накопила немало разработок. Но и сам автор предложил оригинальные решения. В некоторых разработках его проницательность превосходна. Так, развивая идею А. К. Амброза о смысле ромбического узора, Рыбаков прослеживает проявление более сложного “ромбо-точечного” узора русских вышивок в предшествующие эпохи и истолковывает этот узор как знак засеянной нивы, символ плодородия — приведены убедительные доказательства (т. I: 41-51, 179; т. II: 465). Автор выявил изрядную роль оленей в изображениях на русских вышивках и связал ее с пережитками древнего культа, в котором оленя постепенно заменяли кони и бык (т. I: 51-86).

Другие интерпретации автора менее убедительны. Часто поражает скоропалительность решений, их упрощенность и забвение специфики этнографических источников: то современные произведения народного искусства рассматриваются столь же полнокровно-языческими, как древние, то древние мастера уподобляются современным художникам-символистам.

В разнообразии геометрических узоров на причелинах домов Рыбаков выделил два — приостренно-уступчатый и полукружиями, — в которых сходу опознал изображение женских грудей. Так и свисают — раппортом — десятки грудей с крыши. По Рыбакову, это должно означать тучи, поящие землю дождем, — “хляби небесные” (т. II: 474-477). Правда, в славянской мифологии Рыбакова на небе сидит бог Род, это он и посылает капли, от которых происходит зачатие детей (т. II: 474), так что вроде бы с крыши должны свисать совсем не женские груди. Но ведь за тысячелетия до Рода, когда общество было, по представлениям Рыбакова, матриархальнее, там уже были рожаницы, и только они исполняли тогда функции, перешедшие впоследствии к Роду. Поэтому автор смело заключает: “Нас не должно смущать наличие женских грудей при оформлении образа небесной воды” (т. II: 474). Нас не смущает наличие при оформлении, но как же тогда интерпретировать другие затейливые узоры на причелинах — городки, зубцы, извивы, группы кружков и т. д.? Это тоже не смущает Рыбакова: кружки — это “стекающие вниз дождевые капли” (т. I: 477), волнистый орнамент — конечно, волны хлябей; городки “на расстоянии тоже воспринимаются как волны” (т. I: 472); зубчатые (ступенчатые) городки “на расстоянии, для смотрящего снизу человека, давали полную иллюзию

той символической фигуры груди, которую...” и т. д. (т. I: 476). Ну, а пучки расходящихся зубцов?! На какое расстояние надо отойти, откуда смотреть и как прижмурить глаза, чтобы вместо них увидеть тоже волны или женскую грудь? С подобной методикой можно в любом объекте увидеть то, что требуется автору, но тогда и дискутировать не о чем. Надо только научиться смотреть глазами автора.

Похоже, что здесь все-таки просто щегольство плотников-умельцев и “украшательство”, в котором не опознать древнюю символику как систему.

Рыбаков трактует фигуры с поднятыми руками как взывающие к небу, молящие о дожде, значит, это участники весенних обрядов, а фигуры с опущенными руками — как указующие на землю в мольбе об урожае, это, стало быть, участники летних или осенних обрядов. Но с поднятыми руками у многих древних народов изображалась просто эпифания (явление) божества (Neumann 1965: 34,35). Вполне возможно, что опущенные к земле руки, соответственно, означают божье благосложение.

В наиболее популярном у исследователей узоре — так наз. “трехчастной композиции” Рыбаков видит изображение богини или жрицы с обращенными к ней с обеих сторон двумя всадниками (т. I: 472-473, 502-506). Почему двумя? Потому что два изображения? А если, скажем, на скатерти раппорт (множественное повторение) — сколько тогда считать фигур, послуживших прототипами? Ведь и “Весна на сохе” оказывается с обеих сторон центральной фигуры — что же, изображено две Весны? Очевидно, здесь просто сказалась специфика данных композиций как произведений народного искусства — традиция, орнаментальность, необходимость симметрии. Значит, надо считаться с возможностью того, что в смысловой подоснове этих изображений не два, а один всадник, предстоящий женскому персонажу. Сколько всадников было на самом деле в мифологической подоснове, зависит от других обстоятельств, в том числе от трактовки центральной фигуры.

Что же это за центральная женская фигура? Со времен В.А.Городцова в ней видели то Великую богиню или Великую Мать, Мать-Сыру-Землю, то Рожаницу, то Берегиню, то Макошь. Рыбаков трактует эту фигуру на одних изображениях как Макошь, на других — как рожаницу, на третьих — как “свет”, отмечая, что идея света “выражена преимущественно при посредстве женского человеческого образа” (т. I: 504). Имеется в виду образ солнца. Эта третья трактовка наиболее правдоподобна. Правда, автора смущает то обстоятельство, что солнце в его системе славянской мифологии представляют Дажьбог и Хоре — фигуры мужские. А здесь — женская. Но и в русских сказках “красным солнышком” называют невесту, а жениха — месяцем. Более того, солнце в русском обряде надевает сарафан и кокошник. Можно добавить, что в русском языке “солнце” — среднего рода лишь в результате прибавления уменьшительно-ласкательного суффикса, а древняя форма — женского рода: “солнь” (проступает в выражении “посолонь” — “по солнцу”). Древность этой формы велика: уже в конце I тыс. н.э. древнерусские тексты писали: “солнце”. Более того, слово “солнце” имеет этот суффикс у всех славян, значит, без суффикса оно употреблялось до разделения славян, т. е. минимум до середины I тыс. н.э. А возможно, и до появления в славянском пантеоне Дажьбога и Хорса.

Именно древность образа позволяет обратиться к мифологии родственных народов, У ряда индоевропейских народов на брак с солнцем

или дочь солнца претендуют всадники братья-близнецы, дети бога, — у индоариев это Ашвины (букв. “конские”), дети Дьяуса, у литовцев “божьи сыновья”. Дочь Солнца сменила само Солнце, вероятно, тогда, когда “солнце” сменило пол. У греков сохранился миф о Диоскурах (букв. “божьих сыновьях”, “сыновьях Зевса”) — юных воинов с конями. По-видимому, и Диоскуры, и Ашвины мыслились вначале в конском облике. В честь германских близнецов Хорста и Хенгиста устанавливали коньки на крыше (Иванов 1972: 193-205). У славян напоминанием о таких близнецах служат только коньки на крышах и трехчастная композиция в вышивках — сам миф и его образы не сохранились даже в сказке.

В искусстве II — I тыс. до н.э. изображения богини с двумя конями или с двумя всадниками теперь считают отражением этого мифа и его образов (Кузьмина 1977: 28-52). В центре богиня, Хозяйка коней (у греков Деметра, у индоариев Саранью, у кельтов Эпона). По другим толкованиям, может быть, верным применительно к более поздним версиям мифа, в центре — Солнце (инд. Сурья, дочь бога Савитара, “быстроконное солнце”) или дочь солнца. Такое толкование трехчастных русских композиций и резных трехфигурных изображений на шипце крыши могло бы объяснить постоянную связь центральной женской фигуры с двумя конями или всадниками. В связи с солнечной колесницей у индоевропейских народов коней нередко заменяют птицы — отсюда находит объяснение и связь центральной женской фигуры наших вышивок и резьбы с птицами.

В русской мифологии два брата-близнеца, женихи солнца, давно забыты, и трехчастная композиция стала лишь традиционной схемой, изобразительным приемом. В фольклоре же у невесты, сопоставляемой с солнцем, лишь один жених — светлый месяц. Если какие-либо смысловые ассоциации сохранялись у вышивальщиц, то два всадника на вышивке давно уже мыслились изображениями одной фигуры. Как видим, анализ изобразительного сюжета на широком фоне индоевропейской мифологии делает наиболее вероятной как раз ту трактовку, которую Б.А.Рыбаков оставил в тени.

Предполагается, что после утраты смысла изображения упрощенные птицы или кони слились с центральной фигурой, образовав своеобразную ладью. Рыбаков считает, что появление этого образа — “не столько позднейший орнаментальный прием”, сколько выражает идею движения солнца (т. I: 504). Мне представляется, что это вообще не новообразование — ведь головы коней или птиц тут расположены на концах ладьи и обращены кнаружи, а в трехчастной композиции животные обращены головами к центру. Скорее, здесь можно видеть продолжение старой традиции изображения солнечной ладьи — такая ладья с высокими носом и кормой, на которых красуются головы птиц или животных, драконов, везет солнце на наскальных изображениях Скандинавии с бронзового века (похожие ладьи *Vogelbarken* — есть в балканодунайской культуре полей погребальных урн II тыс. до н.э.).

Что же касается излюбленных Рыбаковым рожаниц, то их место в вышивках автор явно преувеличил (большей частью там просто подражания “кабацким орлам”), а общий его вывод о “полотняном фольклоре” неверен: Рыбаков считает, что представил его не как “сумму отдельных элементов”, а как “систему взглядов”. Да нет же, это все-таки сумма элементов, бывших некогда содержательной системой, а сейчас это если и система, то лишь орнаментальная.

Когда Рыбаков “опознает” в узоре вышивок образы намеченных им богов (Макоши, Дажьбога и проч.), эти “опознания” лишены доказательной силы, ибо автор не заботится о полноте охвата серии, не составляет карту, не строит типологических рядов, не выявляет из множества модификаций инварианты нескольких типов — он выхватывает случайные экземпляры и сразу усматривает в них сходства с нужным образом, игнорируя более близкие сходства с другими образами. Макошь он “опознает” только по опущенным рукам. Его Рожаницы не документированы в вышивках ничем: расходящаяся нижняя часть узора (якобы раскинутые ноги) может изображать и корни дерева, и распушенный хвост геральдической птицы (и дерево, и “кабацкий орел” на вышивках есть). А изображение двух рожаящих лосих (т. I: 481, верхний рисунок) представляет изолированный мотив, вероятно, из финноугорского субстрата.

В орнаментальных вышивках XIX-XX вв. автор каждую деталь, каждый стежок готов истолковать как наполненные содержательным смыслом, сохранившимся с X в. и еще более давних времен — он не оставляет места для сюжетов и мотивов XIX-XX вв. и для собственно орнаментального развития. Он с готовностью принял и развивает (т. I: 508-511) догадку этнографа-любителя Г. П. Дурасова о каргопольских “месяцах” как календарях и каждый завиток орнамента, каждую петельку принимает как отметку праздника, хотя сам же Дурасов признавал, что усмотренный на вышивках счет дней, недель, а в большинстве случаев и месяцев не совпадает с календарем, (недель не 52, “месяцев” не 12). Рыбаков не делает различия между новыми вышивками (сделанными, скажем, тамбурным швом) и древними (швом двусторонним), даже между вышивкой и ткачеством (т. I: 88-89; образцы ткачества здесь обозначены как вышивки), хотя при ткачестве ромб, столь важный для Рыбакова, изначально может представлять вовсе не ромб, а круг (ведь в ткачестве круг иначе изобразить просто невозможно).

Некоторых всадниц (?) Рыбаков толкует как “Весну с сохой” из песен. Эти сохи, поднятые на круп лошади (?!), оказались на вышивках XVII в. (т. I: 511-514 и цветная вкладка после с. 490), которым вообще свойственны орнаментальный распад фигур и *hoggor vasui* (боязнь пустоты). Здесь фигура всадника распалась (руки плывут отдельно), а от крупа лошади отделился хвост — его-то автор и принял за соху (см. т. I: рис. на с. 511 и 513).

Из собственных воспоминаний детства академик извлекает детскую игру в “Яшу” и, обращаясь к параллельному варианту игры, восстанавливает Ящера на месте Яши — в общем правильно. Но он не знает, что название игры “Яша” — как раз редкость: в большинстве вариантов полевыми наблюдателями записан Ящер, так что тут особого открытия нет. Имитацию выбора невест Ящером Рыбаков трактует как наследие того времени, когда девушку на деле приносили в жертву “архаичному Ящеру, хозяину подземно-подводного мира” (т. I: 40, 125, 173; т. II: 152-153, 206-208, 278-293). При этом он не объясняет, почему в сопроводительных песнях Ящер грызет орешки и все действие происходит в ореховом кусте. Т. А. Бернштам, собравшая все материалы об этой игре, установила, что игра является трансформацией переходного обряда совершеннолетия. Ящер осуществляет в ней в числе других и такую положительную функцию — дарует плодовитость, обеспечивает любовь и брак. Отсюда и разгрызание орехов — символа мужской

половой силы (Бернштам 1990: 17-36). Как видим, это совершенно другая фигура.

Этнография – вовсе не простая наука. У нее собственные “правила игры”, их нужно знать и соблюдать, чтобы не было конфуза.

Еще одному источнику – данным языка – Б. А. Рыбаков придает первостепенное значение в установлении смысла имен богов, их функций, связей, разноэтнических параллелей и т.п. Как он это делает я уже показывал (Клейн 1991: 88-92).

Таковы типичные проявления господствовавшего у нас подхода к источниковедческим наукам и результаты применения этой методической концепции в творчестве ее самого видного представителя. Не все слепо следовали за лидером, не всех вдохновляли красивые, но шаткие прямые увязки. Находились и те, кто отфильтровывал материалы строгой критикой источников. Результаты были скромнее, но они-то и остались в науке. А не только в историографии.

-
- Астахова А.М. 1966. Былины. Итоги и проблемы изучения. М.-Л.,
- Бернштам Т.А. 1990. Следы архаических ритуалов и культов в русских молодежных играх “Ящер” и “Олень” (опыт реконструкции) // Фольклор и этнография. Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. Л.
- Вакуров В.Н. 1985. Калила жаркая // Русская речь. № 6.
- Вакуров В.Н. 1987. Образ калины в народной песенности славян // Народно-творчество та етнографія. № 6.
- Иванов В.В. 1972. Отражение индоевропейской терминологии близнецного культа в балтийских языках. // Балто-славянский сборник. М.
- Клейн Л.С. 1991. Языческий подход к лингвистике // Советское славяноведение. № 4.
- Кузьмина Е.Е. 1977. Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света // Средняя Азия в древности и средневековье. М.
- Кучера М.П. 1975. Новые данные о “Змиевых валах” Среднего Поднепровья. Киев.
- Кучера М.П. 1987. Змиевы валы Среднего Поднепровья. Киев.
- Кучера М.П., Юра Р.А. 1976. Дослідження Змієвих валів у Середньому Подніпров'ї // Дослідження з слов'янорусської археології. Київ.
- Мокшенок В.М. 1986. Образы русской речи. М.
- Нейхардт А.А. 1982. Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л.
- Принц В.Я. 1955. Русский героический эпос. Л.
- Принц В.Я. 1962. Об историзме русского эпоса (ответ академику Б.А.Рыбакову) // Русская литература. № 2.
- Принц В.Я. 1968. Об историзме русского фольклора и методах его изучения // УЗ ЛГУ, № 339, сер. филол. наук, в.72.
- Путилов Б.Н. 1962. Концепция, с которой нельзя согласиться // Вопросы литературы. № 11.
- Раевский Д.С. 1985. Модель мира скифской культуры. М.
- Рыбаков Б.Л. 1961а. Исторический взгляд на русские былины // История СССР. № 5.
- Рыбаков Б.А. 1961б. Исторический взгляд на русские былины // История СССР. № 6.
- Рыбаков Б.А. 1963. Древняя Русь. Сказания, былины, легенды. М.
- Рыбаков Б.А. 1981. Язычество древних славян. М.
- Рыбаков Б.А. 1987. Язычество древней Руси. М.
- Тереножкин А.И. 1987. Скифский вопрос // Скифы Северного Причерноморья. Киев.
- Яйленко В.П. 1983. К вопросу об идентификации рек и народов Геродотовой Скифии // СЭ. № 1.
- Kowalski E. 1969. Waly Zmijowe. Ze studiow nad obron staj ziem ruskich we wczesnym i sredniowieczu // Kwartalnik historii kultury materialnej. R.17/2.
- Kowalski E. 1970. W sprawie przebiegu i datowania Waly Zmijowych // Kwartalnik historii kultury materialnej. R.20/2.
- Neumann W. 1965. Gesten und Gebrden in der griechischen Kunst. Berlin.

Планы и чертежи Псковской крепости 1740 г. в фондах РГА ВМФ

Планы Пскова XVII-XVIII вв., предшествующие его перепланировке в 1778-1780 гг., давно и плодотворно используются исследователями средневекового города. Наиболее подробным считается так называемый "план 1740 г." с относящимися к нему чертежами планов, разрезов и фасадов городских укреплений. Впервые опубликованный Н.Ф. Окуличем-Казариным (1915), этот план, равно как и не введенные еще полностью в научный оборот чертежи, уже не раз служили источниками для изучения топографии Пскова XIV-XVII вв. и истории городских оборонительных сооружений. Однако по целому ряду причин указанные графические источники имеют весьма запутанную "архивную биографию". Хранившиеся до 1917 г. в архиве Главного Инженерного управления в Санкт-Петербурге, они за последующие десятилетия, не трогаясь с места, неоднократно меняли ведомственную прописку. Вероятно именно по этой причине в литературе накопилось немало противоречий при ссылках на архивные шифры соответствующих дел. Ситуация осложнялась также тем, что археологи, используя в текущей работе копии с копий планов и чертежей, снятых в 1950-1960-х гг. для различных учреждений Пскова и Москвы, не считали обязательным сверяться с оригиналами. В результате сейчас даже на основе ссылок имеющихся в самых солидных работах разыскать подлинные документы затруднительно.¹

Чтобы облегчить для исследователей поиск и работу с указанными планами и чертежами в РГА ВМФ ниже приводится краткий аннотированный перечень содержащих их единиц хранения. В каждом деле находится по одному листу, размеры которых различны. Поскольку описи данного фонда несовершенны, заголовки дел даны нами. В кавычки заключены цитаты из экспликаций на планах и чертежах.

Ф. 3 л. Главное Инженерное управление. Оп.37.

Д.11863. "План Псковской крепости". Крупномасштабный топографический план г. Пскова и его укреплений.

---

¹ Так, например, в монографии И.К.Лабутиной (1985: 11,14,28) указан не только неверный номер фонда, но и не тот архив, в статье А.Н. Кирпичникова (1994: 204) содержатся ошибки в номерах описи и фонда.

Д.11862. “Псков с ситуациею.” Мелкомасштабная копия предыдущего плана.

Д.11864. Профили стен и валов крепости, № 1-29 по плану в д.11863. “Лист I”.

Л.11865. То же, № 30-52. “Лист II”.

Д.11866. То же, № 53-83. “Лист III”.

Д.11867. То же, № 84-118. “Лист IV”.

Д.11868. То же, № 119-151, “Лист V”.

Д.11869. То же, № 152-199. “Лист VI”.

Д.11871. Профили каменных стен Среднего города, № 1-40 по плану в д.11863. “Лист VII”.

Д. 11872. Планы, профили крепостных башен и ворот. Всего 27 номеров по плану в д.11863. “Лист VIII”.

Л. 11873. Планы и профили крепостных башен. Всего 9 номеров по плану в д.11863. “Лист IX”.

Кроме того в данной описи имеется два листа чертежей фасадов, профилей, планов башен и ворот псковских укреплений, принадлежащих к другой серии. Они исполнены в иной манере, имеют другую нумерацию и не относятся к комплексу графических источников, связанных с планом в д. 11863².

Д.11874. Планы, фасады, профили крепостных башен и ворот. № 1-14.

Д.11870. То же, № 15-29.

Несколько слов о проблеме датировки и авторства вышеперечисленных планов Пскова. К сожалению единственные специальные исследования этого вопроса, предпринятые С.А.Цвылевым, остаются неизданным. Однако на наш взгляд основные выводы Цвылева, изложенные И.К.Лабутиной, подтверждаются (Лабутина 1985: 14). Из сравнения планов “Псковской крепости” (д.11863) и “Псков с ситуациею” (д.11862), видно, что первый является основным, а второй (опубликованный в 1915 г.) копией, судя по декоративному оформлению и отсутствию некоторых специальных военно-инженерных деталей предназначенной для демонстрации. В связи с этим обращает на себя внимание указ Сената Адмиралтейств-коллегии от 3 августа (ст.ст.) 1739 г. В нем речь идет о ремонте остзейских крепостей, причем “того ради по указу Ея И. В. правительствующий сенат приказали: ... о состоянии оных крепостей ... планы с масштабы и профили подать в сенат в крайней срочности” (Материалы: 510). Подобная спешка объяснялась тем, что аналогичный указ уже послылся в Военную и Адмиралтейств-коллегии месяцем ранее, но “о том не токмо из оных коллегий в сенат планов не подано, но и в тех коллегиях оных не имеется” (Материалы: 510). Не исключено, что обнаруженное С.А.Цвылевым известие о посылке в апреле 1740 г. в остзейские крепости офицеров для создания планов с профилями связано именно с исполнением цитированного выше указа.

---

2 Происхождение этих чертежей пока не изучено, хотя А.Н.Кирпичников предполагал, что данные листы “предназначались другому, но близкому к 1740 г., плану Пскова” (Кирпичников 1994: 204).

Можно высказать предположение, что хранящиеся в РГА ВМФ копии планов и профилей аналогичны представленным в Сенат. Это указывает еще одно направление поисков — в фонде карт и планов РГИА, и одновременно может объяснить появление мелкомасштабной копии плана в д.11862: не исключено, что она предназначалась для демонстрации сенаторам или самой императрице.

Здесь неизбежно возникает вопрос и о датировке чертежей в д.11874 и 11870. На листе в д.11874 четко читается “чертил поручик Иван Лихарев”, в связи с чем мнение А.Н. Кирпичникова о том, что они были лишь адресованы этому офицеру представляется неточным (Кирпичников 1994: 204). Таким образом перед нами скорее всего оригиналы, а не копии, как в случае с комплексом графических источников “1740 г.”. В 1739 г., получив запрос из Сената о планах крепостей, Военная и Адмиралтейств-коллегии за неимением таковых ответили, что “о присылке оных писано к генерал-лейтенанту барону фон Люберасу и ко определенному у того исправления советнику от артиллерии Лиману” (Материалы : 510). Люберас в этот период ведал строительством и ремонтом прибалтийских крепостей (Доценко 1995: 259). Не прислал ли именно он из своей канцелярии в ответ на запрос из Петербурга рассматриваемые чертежи? Но поскольку они должны были послужить основой для модернизации укреплений, что предъявляло повышенные требования к профессионализму и достоверности, полученные материалы не могли удовлетворить коллегии и Сенат. Возможно тогда и было принято решение произвести новую графическую фиксацию состояния Псковской крепости, на качественно более высоком уровне. Такая схема соответствует наблюдению А.Н. Кирпичникова о соотношении подробности и качества чертежей (Кирпичников 1994: 204).

Конечно изложенные выше соображения представляют собой лишь гипотезу. Требуется как целенаправленный поиск новых документов в фондах Сената (РГИА) и Главной артиллерии и фортификации (Архив ВИМАИВиВС), так и внимательный сравнительный анализ изображений оборонительных сооружений на чертежах в д.11874, 11870 и 11872, 11873 на предмет определения различий и идентичности в деталях.

Как видим “план 1740 г.” настоятельно требует специального исследования. Хочется надеяться, что такая работа будет в обозримом будущем проведена, а ценный источник по исторической топографии и военной архитектуре Пскова — опубликован.

Доценко В.Д. 1995. Морской биографический словарь. СПб.

Кирпичников А.Н. 1994. Оборона Пскова в 1581-1582 гг. и его крепостные сооружения в период Ливонской войны // Археологическое изучение Пскова. Вып. 2. Псков.

Лабутина И.К. 1985. Историческая топография Пскова в XIV-XV вв. М.

Материалы для истории русского флота. Ч.VIII. СПб. 1880.

Окулич-Казарин Н.Ф. 1915. Новые данные по топографии и истории Пскова // Труды ПАО. Вып.11. Псков.

Древнерусские гребни IX-XI вв.: местное производство и общеευропейские традиции

Среди изделий древнерусского косторезного ремесла IX-XI вв. безусловный интерес представляют гребни. Пожалуй, ни одна категория изделий из кости и рога не может столь полно демонстрировать возможности и достижения ремесла средневековых косторезов. Эти изделия отличает разнообразие форм, конструктивных особенностей, необычайно насыщенная декоративность отделки, а также поразительно емкая историческая информация, заложенная в этих предметах повседневного назначения. Рассматриваемые произведения имеют вполне самостоятельное бытовое, производственное и художественное значение, являются неотъемлемым элементом костюма человека эпохи раннего средневековья. Изучение формы и декора гребней помогает раскрывать некоторые ритуальные и художественные представления населения обширных территорий Восточной Европы. В значительной мере они отражают развитие общеευропейского косторезного ремесла.

Для Руси IX-XI вв. господствующими образцами были односторонние цельные и составные гребни. Они подразделяются на ряд серийных типов (Кондратьева 1987). Это, прежде всего, гребни с горбатой спинкой (Кондратьева 1986: 58-61). Они встречены в Пскове в слоях VIII-IX вв. (4 экз.).¹ Распространение гребней с горбатой спинкой за пределами Пскова (городища Эстонии, Вятская земля, Волжская Булгария, Саркел) указывает на то, что такие гребни по своему происхождению связаны преимущественно с финно-уграми. Особую группу составляют зооморфные гребни (22 экз.) украшенные парными головками коней, лебедей, медведей (Кондратьева 1981: 103-109). Они обнаружены в полосе от Прикамья до Повеличья и большей частью относятся к IX-X вв. Их происхождение также соотносится с финно-угорским миром.

Самую представительную классификационную группу составляют односторонние составные гребни. Согласно типологии О.И.Давидан (1962), они подразделяются на две группы. К первой группе относятся большие, сравнительно длинные гребни с прямыми боками, слегка выпуклыми широкими дугообразными накладками, имеющими прямое основание. У большинства изделий концы накладок сужаются. Встречаются образцы, украшенные по краям фигурными головками животных.

¹ Подсчеты приведены по состоянию на конец 1980-х годов.

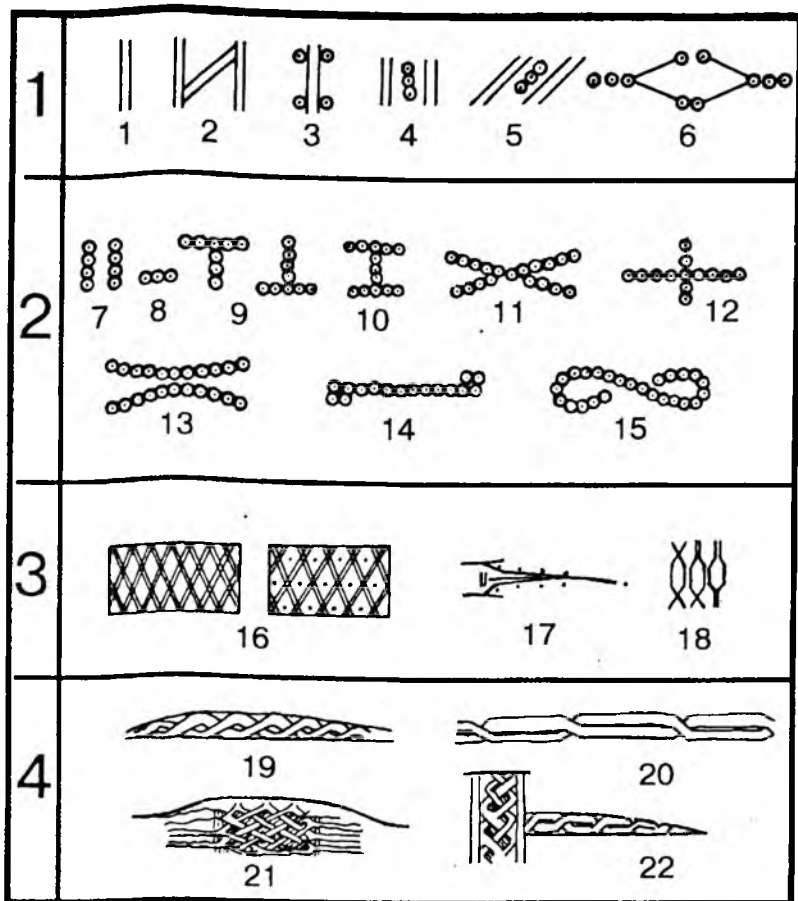

Рис. 1 Элементы орнамента наборных гребней первой группы. 1-6 - линейный и линейно-кружковый; 7-15 - кружковый; 16,17 - сетка (ромбы); 18 - многоугольники с отростками; 19-22 - плетенка.

Некоторые гребни имеют сильно изогнутую спинку, что, по-видимому, указывает на их происхождение от изделий более раннего времени, известных, в частности, в Средней Европе, Скандинавии, Финляндии в середине I тыс. по Р.Х. Гребней первой группы на территории Древней Руси известно более 100 экз. Их общая дата VIII-X вв. Образцы первой группы по своему происхождению общеευропейские, частично скандинавские. Большинство из них найдены на Северо-Западе и Северо-Востоке Руси, что, возможно, свидетельствует об их поступлении на Русь по балто-невскому водному пути.

Развивая наблюдения О.И. Давидан (1962: 96, 97, рис.1, 2), мы попытались провести поэлементный анализ орнаментики гребней первой группы. Выделяются одинарные или двойные линии, сочетания кружков, воспроизводящих различные фигуры, косая штриховка, образующая ромбы и, наконец, перекрещивающиеся ленты. Поэлементный анализ позволяет, на наш взгляд, более детально разобраться в строении орнамента, лучше уловить его общие и частные особенности, стандартные и неповторимые составляющие. В соответствии с этим гребни первой группы по устойчивым элементам орнамента разделены на четыре

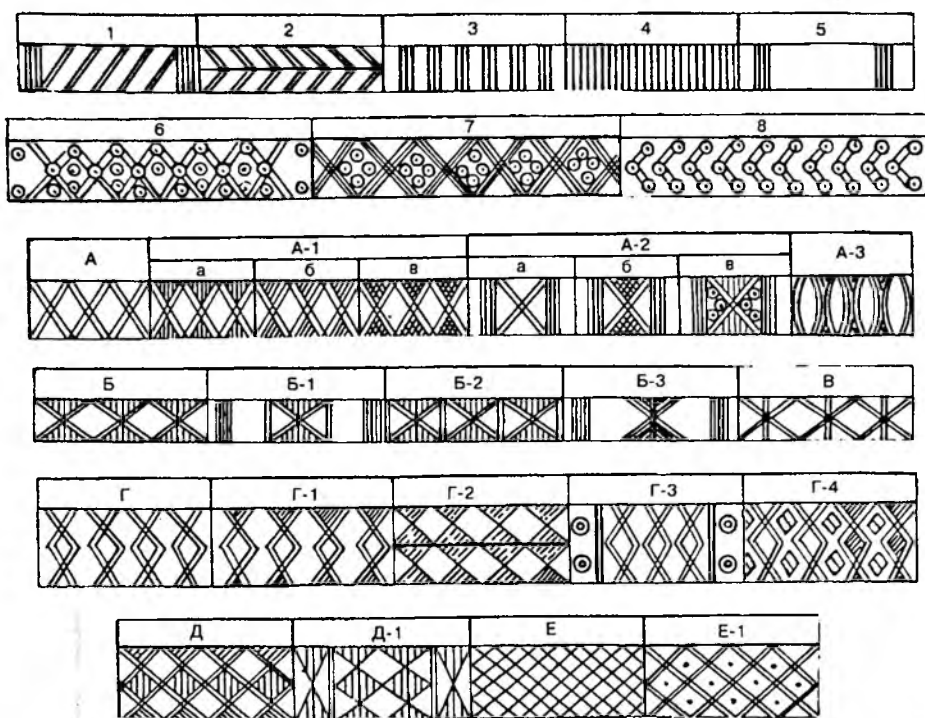

Рис. 2 Орнаменты наборных гребней второй группы. 1-5 – линейный; 6-8 – линейно-кружковый; А-Е – крестообразный.

вида: 1) с линейным и линейно-кружковым орнаментом; 2) с кружковым орнаментом; 3) с узором в виде сетки; 4) с плетеным узором (рис.1). Наиболее распространенными на древнерусских изделиях были кружковый и линейно-кружковый орнаменты. Характерно, что выделенные четыре группы элементов декора, как правило, не встречаются в смешанном виде, а обычно присущи только какому-то определенному предмету или серии предметов. Искусству украшения гребней первой группы присущ геометризм, определенный ритм в расположении линий и кружков, в результате чего композиция предстает не разорванной на отдельные части, а плотной, насыщенной фигурами, уравновешенной. Геометрические узоры, которыми украшены гребни, свойственны также и другим изделиям (таким как копья и мечи), и это свидетельствует о международно распространенном общеевропейском мастерстве. Возможно, источник такого мастерства следует искать в Западной Европе, а в отношении гребней – во Фризии и Скандинавии.

Элементы орнаментов на гребнях первой группы (кружки, линии и др.), по-видимому, обладали определенной семантикой – они символизировали солнце, небо, границы пространств или сфер. Перекрещенные в виде сетки линии, возможно, обозначали землю, поле (?), а, может быть, и преграду. Судя по всему, убранство гребней отражало понятия о небесных и земных силах, призванных помочь человеку, охранить его от опасностей. При всей своей абстрактности, мотивы украшения гребней не были чужды людям в разных частях Европейского

континента. Эти мотивы копировались. Кроме того, на местах создавались всякого рода нестандартные комбинации элементов: мастер по своему использовал и взаимно располагал известные ему начертательные элементы в виде кружков, линий, ленточного плетения. Такого рода изделия известны и по древнерусским находкам (Старая Ладога, Новые Дубовики, Псков, Камно, Изборск, Сарское городище, Тимерево). Основная часть гребней первой группы была не местной, а привозной, по-видимому, из Западной Европы и Скандинавии. Правда, нельзя исключать, что в некоторых городах Руси уже с VIII в. стали вырабатываться образцы, не уступающие привозным (Старая Ладога).

Наборных гребней второй группы учтено не менее 340 экз. Характерными признаками их являются иные, по сравнению с гребнями первой группы, пропорции и меньшие размеры (длина не превышает 15-16 см). Накладки у гребней второй группы, как правило, дугообразные, с прямыми боками и основанием, на концах нередко имеются выступы, которые могут повторяться и на крайних зубчатых пластинах изделия. Боковые стороны гребней могут быть прямыми и скошенными наружу или вовнутрь. В отличие от образцов первой группы рассматриваемые изделия часто снабжались футлярами. Гребни второй группы встречены на широкой территории, но основная масса находок связана с памятниками Северной Руси. Характерно, что вещи с разными узорами сосуществовали в одних центрах.

Исходя из особенностей декора и формы гребни второй группы разделяются на пять подгрупп.

1. *Гребни с линейным орнаментом* (рис.2, 1-5). В своем элементарном виде узор представлен либо в виде сдвоенных наклонных желобков, либо в виде одинарных и сдвоенных вертикальных бороздок, по разному расположенных на накладке. Изделия украшенные теми и другими узорами в целом имеют общеевропейское распространение и использовались в X-XII вв. в разных регионах нашего континента. Среди древнерусских находок встречаются образцы, исполненные местного своеобразия как по форме, так и по небрежно выполненному узору; такие предметы свидетельствуют о местном производстве изделий. Популярности орнамента первого вида способствовала несложность рисунка. Эффект от подобного узора мог стать сильнее, если нарезки окрашивались получалось своеобразное чередование прочерченных борозд и чистого поля. Вертикальные бороздки на накладке словно продолжают направление зубьев гребня. Возможно, подобный орнамент имел какое-то смысловое значение (например, волосы, приведенные в определенный порядок).

2. *Гребни с крестообразным орнаментом* представлены изделиями, украшенными узором, в основе которого лежит крестообразная фигура. Нами выделено несколько видов крестообразных мотивов (рис.2, А-Е). К виду А отнесены образцы с многократно повторенным косым крестом, вытянутым по вертикаль. К виду Б отнесены изделия, крестообразная фигура на которых растянута по горизонтали, а в узор включены вертикальные членения. Вид В составляют гребни, орнамент на которых составлен фигурами в виде литеры Ж. Вид Г представлен изделиями, орнамент на которых представлен двумя рядами невысоких косых крестов. К виду Д отнесены гребни, орнамент на которых представлен чередованием заштрихованных и незаштрихованных ромбов. К виду Е отнесены гребни, украшенные частой косой штриховкой. К преоблада-

ющим видам добавлялись местные интерпретации они схематичны, в некоторых прослеживается вторжение иного орнамента. Изделия с такими нестандартными узорами найдены в Старой Ладогге, Новгороде, Киеве, Пскове и других городах и поселениях как севера, так и юга Руси.

Основная масса гребней второй группы (виды А, Б, Д, Е) имеет общеевропейское распространение. Можно полагать, что они привозились на Русь откуда-то из балто-скандинавских центров целыми партиями. Образцы вида Г отмечены только на Руси и в Скандинавии, и их происхождение, вероятнее всего, северо-европейское. Изделия с орнаментом вида В не известны за пределами Руси, поэтому они претендуют считаться местными. Древнерусские гребни с крестообразным узором в целом датируются IX-XI вв. Основная масса их тяготеет к X в. В это время существуют все шесть перечисленных видов узора. Рассматриваемый орнамент представляется нам в целом интеррегиональным и надэтничным.

3. *Гребни с кружковым орнаментом* в виде ряда из концентрических кружков, расположенных вдоль накладки, на концах которой имеются поперечные бороздки (рис.3), подробно анализировались в другой работе. (Кондратьева 1995: 72-84). По своим узорам предметы подразделяются на четыре подвиды в зависимости от расположения и количества кружков и обрамления их вертикальными и горизонтальными линиями. Можно говорить о случаях устойчивого сочетания в изделиях комбинаций орнамента, встречающегося как на гребнях (рис.3, 1-4), так и на футлярах (рис.3, 5-8). Основная масса учтенных нами изделий найдена в слоях X-XI вв., отдельные образцы датируются XII-XIII вв. Гребни с кружковым орнаментом (как высококачественные, так и более схематизированные) несомненно изготавливались на Руси.

Среди древнерусских находок встречены особые образцы, которые отличаются своеобразием орнамента или формы, а также отклонениями в исполнении узора в сторону его огрубления. К подобным изделиям отнесем находки из Белоозера, Пскова, Новгорода, Белой Вежи. В орнаментации этих гребней не заложено каких-либо характерных этноопределяющих особенностей: она незамысловата и понятна по своей семантике (круг солярный знак), широко воспроизводилась не только косторезами, но и другими ремесленниками в разных странах средневековой Европы.

4. *Гребни с линейно-кружковым орнаментом* (рис.2, 6-8; 4, 1-4,6). Основная масса изделий найдена в Северной Руси. Гребни украшенные типовым узором в виде ритмического рисунка из повторяющихся ромбических фигур, составленных при помощи параллельных линий и кружков. Встречены изделия, украшенные полуромбами, а также кружками, вписанными в ромбы. Отход от этих композиций сопровождался либо воспроизведением отдельных элементов узора, либо видоизменением этих элементов. Так, появились поделки с орнаментом в виде сочетания кружков в разных комбинациях с вертикальными линиями и крестообразными фигурами. Здесь налицо отказ от строгой повторяемости принятых фигур и произвольность в размещении узора.

5. *Гребни с узором в виде плетенки* (рис.4, 7,8) единичны, датируются X-XI вв. Малое число находок, тем не менее, дает представление о некоторых разновидностях плетеного орнамента: угловатой плетенке с петельками в витках, кольцевидном двухрядном плетении с петельками в углах, усложненных "флажками", а также кольцевидной цепочке. На

Рис. 3 Орнаменты наборных гребней второй группы. 1-8 — кружковый (1-4 — гребни; 5-8 — футляры)

данных предметах плетеная лента, как правило, схематизирована, приспособлена для обрамления кружков. Складывается впечатление о возможном влиянии на отделку этих гребней плетеного узора балтийско-поморского происхождения.

Нельзя не отметить также неорнаментированные гребни второй группы. Они датируются X-XI вв., имеют общеевропейское распространение, но часть их, несомненно, могла изготавливаться на месте. Гребни без орнамента свидетельствуют об известном упрощении их отделки, а, следовательно об удешевлении самих изделий.

Процесс изготовления односторонних наборных гребней на основании исследований, произведенных отечественными и зарубежными учеными, реконструируется следующим образом: 1) отпиливание заготовок; 2) обработка пластин для накладок будущего гребня выпрямление, обстругивание, полировка; 3) орнаментация накладок; 4) изготовление зубчатых пластин; 5) монтаж пластин сверление отверстий, установка железных или бронзовых заклепок; 6) обработка спинки собранного гребня; 7) нарезка зубьев; 8) полировка. Поскольку на отдельных древнерусских находках сохранились следы черной и желтой краски, добавим еще одну операцию художественную раскраску готового изделия.

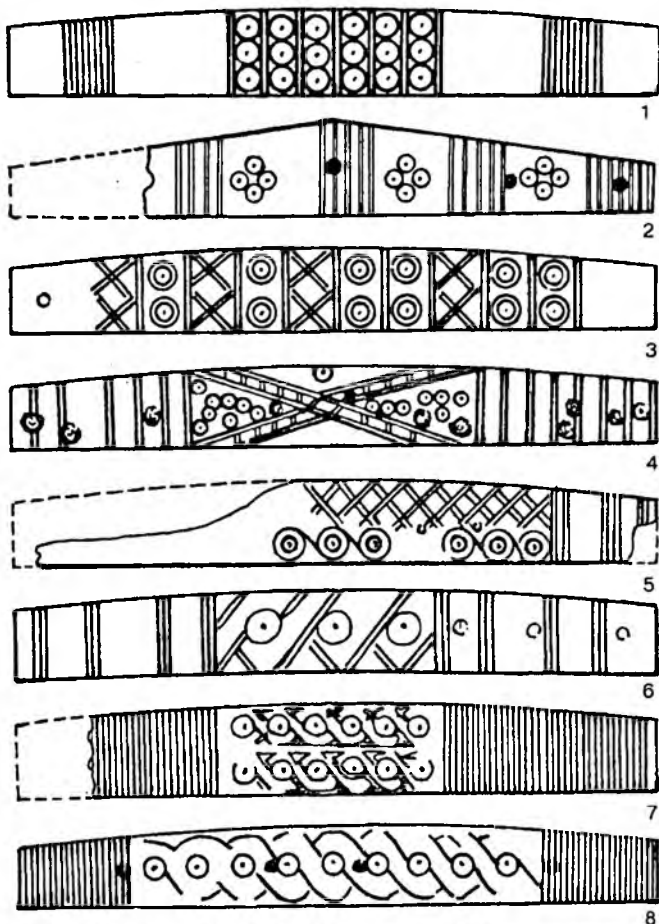

Рис. 4 Орнаменты наборных гребней второй группы. 1-6 — линейно-кружковый; 7,8 — плетенка. 1 — Пинск; 2 — Воинская Гребля (Воин); 3 — Гайгово; 4,5 — Старая Ладога; 6 — Киснема; 7 — Цимлянская; 8 — Новгород.

В качестве исходного сырья косторезы Руси использовали, как правило, рог лося или оленя. Употреблялись также рога и кости домашних животных. При изготовлении гребней пользовались наборами различных пилок, ножами, резцами, употреблялись струги, различные сверла, напильники, молотки, наковальни, деревянные тиски. Перечисленные инструменты универсальны и годились не только для обработки кости, но также и для обработки дерева, янтаря, некоторых пород камня. Остатки заготовок, инструменты и отходы косторезного производства найдены в Белоозере, Старой Ладоге, Новгороде, Пскове, Изборске, на Тимеревском поселении, в Лукомле, Новогрудке, Волковыске, Пинске, Турове, Киеве; эти находки свидетельствуют о том, что в ряде городов, особенно северо-западной Руси, существовало достаточно развитое гребнеделательное ремесло. Косторезы обслуживали население своего города и его округу. В некоторых случаях гребни вывозились и в другие районы: так изделия из Ладоги (и привозные, и местные) шли к чуди в юго-восточное Приладожье. Несомненно, что гребни, найденные в сельских местностях (Гнездовский могильник, курганы Суздальского Ополя и Ярославского Поволжья, Шестовицкий могиль-

ник, Седневские курганы) происходят, очевидно, из близлежащих поселений и городов. Все эти наблюдения с очевидностью устанавливают, что производство гребней на Руси возникло не позднее IX-X вв. Можно полагать, что в изготовлении гребней в крупных городских мастерских существовала кооперация усилий, основанных на разделении труда в работе мастера-гребенщика и двух-трех подмастерьев. Расширение производства гребней в сторону стандартизации и массового их изготовления произошло, судя по имеющимся данным, в XII в., однако начальные черты этого процесса оформились уже в IX-X вв.

На основании учтенного и систематизированного материала развитие древнерусского гребнеделательного производства представляется нам в следующем виде. Во второй половине VIII-IX вв. у славян Восточной Европы появляются заимствованные из Западной Европы односторонние составные гребни. В большинстве своем эти гребни привозились из городов Балтийского региона и, возможно, из Фризии. Речь идет, в первую очередь, об образцах, отнесенных к первой группе. Для данного хронологического периода они представлены изделиями из Старой Ладogi и Сарского городища (13 экз.). В IX в. появляются гребни, составляющие вторую группу. В конце указанного периода выявляются местные изделия гребни с горбатой спинкой и зооморфные образцы. Гребни обеих последних форм, как правило, не входили в состав убора и снаряжения древнерусского дружинника того времени, а использовались в быту поселенцев финского происхождения, которыми, впрочем, были восприняты также и гребни общеевропейского облика.

К концу IX-X вв. относится большая часть учтенных нами находок (более 200 экз.). Изделия этого периода встречены практически на всей территории Древней Руси от Старой Ладogi на севере до Киева на юге и от Пскова на западе до Муром на востоке. В этот период на смену гребням первой группы постепенно приходят гребни второй группы. Те и другие воплощают собой общеевропейские традиции. Наряду с наборными гребнями используются и цельные зооморфные гребни. Изделия указанного периода в основной своей массе орнаментированы. Среди наборных гребней первой группы наиболее разнообразно украшены гребни из Старой Ладogi. Эти же украшения, но с меньшим разнообразием, повторяются на изделиях из других древнерусских центров, причем находкам из последних свойственно преобладание узоров в виде лежащей буквы S, вертикальных рядов кружков, сочетания вертикальных параллельных линий и кружков, а также плетеный орнамент. Что касается гребней второй группы, то они украшались узором в виде диагональных и вертикальных бороздок, разными вариантами крестообразного и кружкового орнамента, узором в виде циркульной плетенки. В X в. появляются и неорнаментированные образцы. По-видимому, большая часть находок как первой, так и второй групп изделия привозные. С течением времени, однако, предпринимаются попытки организовать и расширить собственное гребнеделательное производство (в рамках универсальных городских мастерских по обработке рога, кости, дерева и янтаря). Мы вправе предполагать существование местного специализированного косторезного ремесла. Однако выделить высококачественные образцы привозные и скопированные с привозного оригинала зачастую практически невозможно.

Зато определяется продукция подражательного ремесла предметы, имеющие признаки некоторого огрубления и схематизации отделки. Наряду с образцами, подражающими западным изделиям, в конце IX-X

вв. можно, по-видимому, представить выработку изделий, отличающихся от общеевропейских и являющихся явно местными. Их признаки оригинальность, неповторяемость или географическая ограниченность распространения тех или иных орнаментов, а иногда и формы изделий. Подобные изделия обнаружены среди зооморфных образцов (Псков), а также среди гребней первой и второй группы (Старая Ладога). Таким образом, в рамках IX-X вв. мы сталкиваемся с гребнеделательным ремеслом трех уровней мастерства: высококачественным (часто привозным), местным подражательным и, наконец, местным оригинальным, свободным от общепринятого орнаментального канона.

К концу X-XI вв. относится 130 учтенных находок гребней. На смену предметам общеевропейских форм все чаще приходят образцы местной выработки. В начале этого периода исчезают из обихода зооморфные гребни. Позднее X в. на большинстве древнерусских памятников уже не встречаются наборные гребни первой группы. В конце X-XI вв. получают дальнейшее развитие и широкое распространение наборные гребни второй группы. В первой половине XI в. (если не раньше) появляются двусторонние гребни, постепенно вытеснявшие все остальные формы и со временем ставшие господствующим типом гребней в Древней Руси (вплоть до XIX-XX вв.). Среди изделий в конце X-XI вв. (как и среди изделий предыдущего периода), можно отметить наличие высококачественных (привозные и местные трудно различимы) общеевропейских образцов и явно местные, разного качества, изделия. Среди этих последних часть гребней исполнена в подражание общеевропейским формам, а часть является результатом собственной интерпретации прототипов. К безусловно местным по происхождению предметам можно отнести отдельные гребни второй группы с различными крестообразными узорами, некоторые изделия с кружковым орнаментом, экземпляры с линейно-кружковым узором и плетенкой. Наиболее характерным и широко распространенным орнаментом этого периода является кружковый в его разных вариантах и комбинациях. В практику шире входят неорнаментированные образцы, знаменующие этап упрощения и удешевления производства гребней.

Подводя итоги сказанному отметим, что история древнерусского гребнеделательного производства демонстрирует заимствование восточными славянами рассматриваемого атрибута западне-европейской культуры, последующего его усвоения и переход к собственному творчеству в этой области производства. В декоративном оформлении выявляются две линии орнаментации. Первая связана с орнаментом зооморфных изделий, ареал которых ограничен северо-западными и северо-восточными областями древней Руси; этот орнамент носит сюжетный характер, насыщен символикой. Вторая орнаментальная традиция связана с орнаментикой общеевропейских типов полиэтнической и по распространению, и по семантике. Это характерно не только для Киевской Руси, но и для многих стран Старого Света.

Давидан О.И. 1962. Гребни Старой Ладоги // АСГЭ, № 4.

Кондратьева О.А. 1981. Зооморфные гребни IX-X вв. // КСИА, № 166.

Кондратьева О.А. 1986. Средневековые гребни с горбатой спинкой // КСИА, № 187.

Кондратьева О.А. 1987. Изделия костерезного ремесла Руси IX-XI вв. как исторический источник (по материалам гребней) / Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л.

Кондратьева О.А. 1995. Средневековые гребни с кружковым орнаментом из древнерусских находок // Проблемы истории северо-запада Руси. Славяно-русские древности, № 3. СПб.

Из истории ювелирного дела в средневековом Пскове

В раскопах разных лет на территории Среднего города Пскова найдено 292 литейные формы (в том числе и заготовки для них). Почти все формы каменные, вырезанные из плотного мелкозернистого известняка местного происхождения. Найдено только две глиняные формы, полученные путем оттиска готового изделия и единичная находка бронзовой литейной формы для нательного креста.

Очевидно, что формы изготавливались непосредственно в Пскове, так как выявлены многочисленные заготовки для них. По всей видимости, в качестве резчика выступал сам мастер-ювелир. Данное положение доказывается картографированием литейных форм и заготовок для них, в результате которого фиксируется их явное сосредоточение на территории дворов, принадлежавших ювелирам. Кроме того, обнаружены заготовки литейных форм, которые можно рассматривать как неумелые ученические работы. Здесь имеются в виду каменные заготовки, расчерченные резцом практически по всей поверхности, но какого-либо конкретного изделия так и не было вырезано.

Практически все формы не имеют видимых следов активного использования в виде затертости резьбы или нарушения структуры камня. Это может объясняться многими причинами. Во-первых, использованием свинцово-оловянных сплавов, имеющих низкую температуру плавления. Во-вторых, изготовлением в каменных формах восковых моделей, а потом через их посредство пластичных литейных форм. В третьих, в камне могло изготавливаться небольшое количество отливок, в том числе — тугоплавких бронзовых и латунных, которые потом использовались для оттиска в глине. В настоящее время нельзя отдать предпочтение какому либо из перечисленных приемов. Отметим, что в каменных формах, безусловно, отливались бронзовые вещи, причем даже массивные, больших размеров. Конструкция формы напрямую зависела от сложности изготавливаемого изделия.

На псковском материале удалось выявить уникальный технологический прием для изготовления перстней с полой печаткой. Сравнительный анализ каменной составной двухстворчатой формы и двух перстней-печаток (рис. 1) позволил реконструировать процесс литья. Каменная литейная форма¹ (рис. 1, 1) состоит из двух створок с одним литником и двумя свинцовыми штифтами, имеет канал для вставного стержня, на дне которого в нижней створке формы вырезана для щитка рельефная пло-

¹ Полевой шифр: ПЛ-VIII-85, В-11-879-7, № 359.

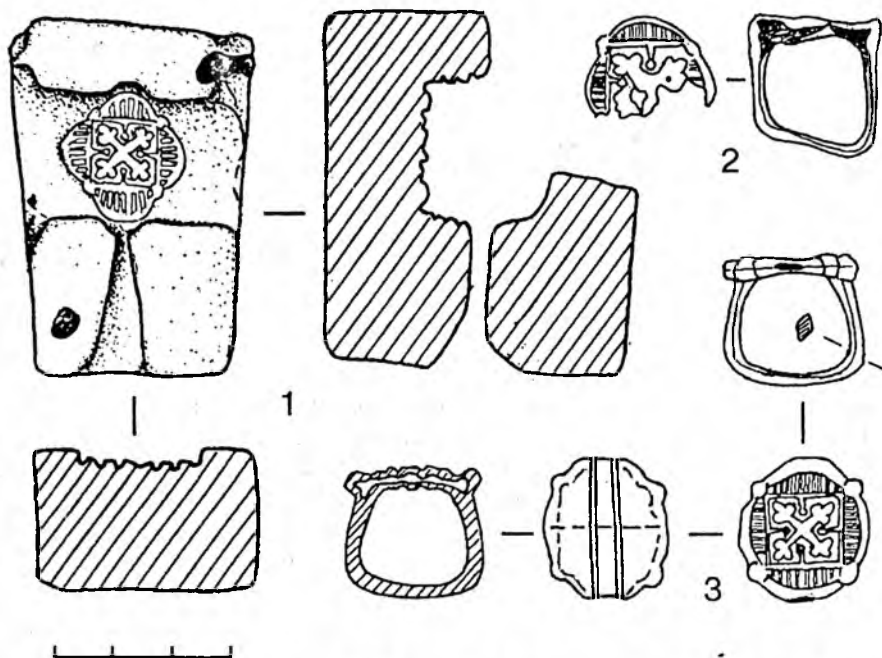

Рис. 1 Каменная литейная форма (1) и перстни с полыми щитками (2-3) из Пскова.

площадка квадрифолийной формы. Щиток орнаментирован равноконечным усложненным крестом, вписанным в квадрат. Лепестки квадрифолия орнаментированы параллельными линиями. Размеры щитка 21 x 21 мм. В верхней створке на дне канала имеется углубление для дужки перстня шириной 5-6 мм с параллельными насечками по краю. Стратиграфическая дата — вторая половина XIII в.

Перстень с печаткой² (рис.1,3) литой, имеет полый щиток с орнаментом, идентичным орнаменту перстня, вырезанного в форме, за исключением мелких деталей. Размеры щитка 23 x 22 мм. Фрагмент перстня с печаткой³ (рис.1,2) дает разрез полого щитка. Орнамент на щитке, аналогичен первому перстню, но менее четкий. Размеры сохранившейся части щитка 23 x 17 мм. Оба перстня из свинцово-оловянистого сплава, относятся к одному типу, но происходят из разных серий. Имеют близкую по времени стратиграфическую дату, не выходящую за пределы XIII — начала XIV в.

Предположив, что перстни изготовлены по одной и той же технологической схеме с использованием литейной формы конструктивно схожей с анализируемой, можно попытаться реконструировать процесс литья. Изделие, отлитое в такой форме, неизбежно будет представлять собой цельно-массивный перстень с литейными швами по краю щитка и по бокам дужки перстня.

2 Полевой шифр: ПЛ-ХIII-88, Б-18-481-30, № 1124.

3 Полевой шифр: ПЛ-VII-84, Щ-11-809-21, № 521.

Анализируемые перстни имеют именно такие литейные швы, но обладают и существенными отличиями от модели: 1) имеют ложные литейные швы на тыльной стороне щитка вдоль его края, по внутренней стороне дужки и тыльной щитка, с внешней стороны дужки; 2) следы литника на боковой грани щитка, а не дужки; 3) полость в щитке; 4) на тыльной стороне щитка два продольных углубления, подходящих, с одной стороны, к отверстию подпрямоугольной формы в боковой грани щитка, с другой — к подобному же отверстию, но забитому металлом; 5) в разрезе полого щитка заметен негативный отпечаток внешнего рельефа на внутренней плоскости, ложный литейный шов и подтеки металла, соединяющие верхнюю и нижнюю плоскости.

Совокупность перечисленных признаков позволяет реконструировать процесс изготовления перстней с полой печаткой следующим образом. В каменную форму на поверхность щитка заливался воск и сразу выплескивался, чтобы получить как можно более тонкую пластину в целях экономии металла и облегчения изделия. Воск, застывая на камне, повторял рельеф резьбы. На восковую рельефную пластинку накладывалась мягкая глина и формовался стержень, обозначающий будущую полость в щитке. Этот глиняный стержень крепился с помощью металлической пластинки к вставному глиняному стержню, формирующему отверстие дужки перстня. Затем скреплялись все части формы и нагревались. Воск выплескивался через литник, на его место заливался металл. После окончания литья и охлаждения отливки глиняный стержень из щитка вымывался водой через имеющиеся в щитке отверстия, металлическая пластинка вытаскивалась, а отверстие в щитке забивалось металлом⁴. Такой литейный прием, по более ранней дате одного из перстней, относится к первой половине XIII в. Отметим, что стратиграфические даты литейной формы и другого перстня также не выходят за рамки XIII в.

Возможен и второй вариант реконструкции, при котором в каменной форме изготавливалась целая восковая модель перстня с глиняным стержнем, формирующим полость в щитке. С ее помощью формовалась затем серия глиняных форм.

Таким образом, технология литья в формы с использованием вставных стержней и утрачиваемой восковой модели при изготовлении перстней с печаткой начинает применяться псковскими ювелирами не позже первой половины XIII в.

---

⁴ Пользуюсь случаем выразить признательность Р.С.Минасяну (Гос. Эрмитаж, СПб.) за неоднократные консультации.

К исследованию неопубликованной псковской рукописи XVII в.

В.Д.Белецкий был другом псковских студентов-лингвистов. Члены студенческого лингвистического кружка всегда встречались с Василием Дмитриевичем во время его полевых работ в Пскове, он проводил беседы на раскопках, показывал интересные для лингвистов находки, приходил на заседания студенческого научного кружка с рассказами о раскопках, показывал слайды. В Эрмитаже одним из самых уютных и интересных уголков были кладовые, в которых хранятся уникальные находки, сделанные при раскопках в Пскове. И здесь псковичей всегда ждал радушный прием и интересные рассказы. И, наверно, неслучайно, что псковичи-лингвисты оказались обладателями полного набора фотографий уникального памятника псковской письменности, найденного при раскопках в Довмонтовом городе Пскова тридцать лет назад. На этом памятнике училось уже несколько поколений псковских студентов, в том числе — совсем молодые, уже не знавшие В.Д.Белецкого лично. А преподаватели Псковского пединститута и выпускники прошлых лет хранят о Василии Дмитриевиче Белецком благодарную память.

При раскопках в Довмонтовом городе Пскова в 1967 г. была найдена большая рукописная книга, хранившаяся в одном из храмов. Книга сильно пострадала во время пожара, в результате чего из обрывков свыше 500 страниц текст просматривается только на 400. Это иногда предложения, но чаще — сочетания слов, отдельные слова, иногда обрывки слов, отдельные буквы. К сожалению, связного текста из ряда предложений почти нигде не осталось. И рассмотрение, и понимание текста, сохранившегося для потомков на фотостраницах (сама книга, вернее — ее остатки, залита особым составом и в виде цельного блока хранится в Эрмитаже), было чрезвычайно затруднительно.

Студентка Н.Е.Москалева, под моим руководством, в 1972-1975 гг. провела по просьбе В.Д.Белецкого расшифровку оставшихся записей, чтобы можно было познакомиться с бесценными свидетельствами, касающимися истории Пскова (Москалева 1975б). Сложившиеся фрагменты записей показали, что это была интересная, необычная по фиксирувавшимся записям хозяйственная (скорее всего, приходо-расходная) книга. О результатах расшифровки приходилось писать и мне (Костючук 1991), и Н.Е.Москалевой (1974; 1975а).

Исследование началось с палеографических особенностей, так как сначала в поле зрения исследователей “не попадались” ни имена, ни даты. Было определено, что это памятник, обладающий палеографическими чертами XVI — первой половины XVII вв. Значит, составлялся документ в XVII в. Затем обнаружили имена известных в истории Пскова и России лиц. Открылись буквенные обозначения годов. И

стало ясно, что книга датируется 20-40-ми годами XVII в. Казалось бы, труд, затраченный на палеографическое решение проблемы датировки письменного памятника, оказался напрасным. На самом деле пришла радость: значит, были верными ход наблюдений, рассуждений, результаты сопоставления палеографических черт.

Проведение исследования сохранившихся фрагментов книги показало, что книга сообщала о разных фактах, была написана неравнодушными людьми, фиксировавшими не только меры, прежде всего — сыпучих тел (зерновых), но и взаимоотношения людей: что получала вдова, почему призывали пристава, кого-то хотели убить или убили. Книга сохранила фрагменты жизни как известных, так и неизвестных “большой истории” людей, но значимых уже потому, что и простые крестьяне по определенным обстоятельствам должны были быть поименно занесены в книгу.

Полное и всестороннее лингвистическое описание всех сохранившихся фрагментов уникальной археологической находки во многом уже завершено и ждет публикации. Сейчас вспомним только о некоторых моментах.

Известным было в Пскове (и, видимо, в Псковской земле вообще) имя (уже фамилия!) Лутохин. Дьяк Петр Лутохин делал многие записи в книге, что собственноручно фиксировал: дьяк Петр Лутохин “руку приложил”, то есть поставил свою подпись. Далее следовала характерная подпись этого человека. Такие фрагменты записей с соответствующими удостоверениями дьяков или каких-то важных свидетелей иногда встречаются в приходо-расходных книгах: видимо, это были в чем-то особенно важные сведения, раз их подтверждал именно дьяк. Обычно такие подписи с “прикладыванием руки” сопровождают получение денег конкретными людьми (напр.: ПРК 1983: 191-242). Петр Лутохин как “ответственный” за документ, который был составлен в Псковской земле, подтверждал своей подписью-скрепой на полях рукописи ряд страниц: “ди — акъ Петр Лу — (то) — хи — нь (л.556-616).

Фамилия Лутохин зафиксирована в Ономастиконе С.Б.Веселовского: Лутохин Гневаш Дмитриевич, 1576 г., Новгород; Лутохины, дети боярские дома Св.Софии в Новгороде, XVI-XVII вв. (Веселовский 1974: 187). По сведениям Веселовского, эта фамилия по памятникам северо-западной территории известна только Новгороду, как и прозвища Лутоша Трофим (бобыль, 1570 г., Новгород); Лутошка Никита (крестьянин, 1495 г., Новгород).

О связях с северо-западом такого элемента имени (сначала прозвище, затем фамилия) свидетельствуют и памятники приходо-расходного характера начала XVII в. Лутохин Семен Михайлович, дьяк, воевода в Торжке: “перделано на Денежном дворе диака Семена Лутохина старых денег шестнадцать гривенок дватцать золотников” (л.38,см.: ПРК 1983: 414, 418). Это связано с “псковским сметным списком”.

С.Б.Веселовский объясняет фамилию Лутохин словами *лутоха*, *лутошка* в значении ‘липовая кора’ (Веселовский 1974: 187).

Общеславянский корень *lqt связывается с семами (компонентами значения) ‘лыко’, что чаще связано с липой; иногда значение переходит на липовую палочку без коры (в смоленских, рязанских и даже южных говорах). Это же наблюдается и в белорусском языке, белорусских говорах (особенно у слова *лут*, не осложненного суффиксами). В славянских языках этот корень хорошо известен, включает идею и ‘стель’. Общеславянский корень с перегласовкой, историческим чередова-

нием *Е/О* имеет параллели в других индоевропейских языках (германских, латинском, балтийских). Однако в русском языке слова с корнем *лут-* чаще отмечаются в северо-западном регионе (ЭССЯ 1990: 150, 151; Даль 1956: 274; Фасмер 1967: 536). Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей фиксирует слово *лутошка* в нерасчлененном значении 'липовая ветка, палочка без коры' (СРГК 1996: 159). На территории Псковской земли отмечена известная сказка о Лутошке — мудром солдате, дающем здравые советы людям, не умеющим рационально что-то делать: так, благодаря этой сказке понимаешь, почему фразеологизм *тащить вола на байню* означает 'ничего не делать, бездельничать, заниматься бесполезным делом'. Лутошка, видя, как мучаются старик со старухой, стараясь затащить корову на баню, чтобы та могла съесть выросшую на крыше бани траву, советует сделать по-другому: самим сорвать траву и дать корове. Это сделал сам Лутошка.

Таким образом, обнаруживается, что прозвище (Лутошка), ставшее и именем, давшее основу для фамилии с учетом чередования (Лутохин), было распространено и в прошлом; фиксируется в памятниках псковской и близкой к Пскову территории; судя по всему, было характерно, прежде всего, для северо-западной территории Руси, хотя корень слова уходит в далекое — общеславянское и индоевропейское — прошлое.

Приходо-расходная книга из раскопок 1967 г. зафиксировала и редкое женское имя — Соломанида (с отражением аканья). Это была вдова помещика Мирона Крапивина. Она имела свое усадище в каком-то сельце, где и жила, и ей отмерили какие-то угодия (л. 5а, 6б). Имя Соломонида — вариант имени Соломония, которое представляет образование женского имени к мужскому имени Соломон: старое, редкое имя древнееврейского происхождения с первоначальным значением 'мирный, мир'. Поэтому и Соломония, Соломонида скрывают первоначальную сему 'мирная' (Тихонов, Бояринова, Рыжкова 1995: 319, 618, 619). Имя Соломонида можно рассматривать и как образование к возможному мужскому имени *Соломонид (ср.: Леонид — Леонида), как имя Соломония — женское имя к Соломон. Соломония имеет и день ангела, и святой, а для Соломониды в Словаре А.Н.Тихонова эти сведения не приводятся, так как Соломонида рассматривается как вариант имени Соломония.

Важно, что псковский памятник отметил и женское имя (о женщинах в документах писалось гораздо реже, чем о мужчинах), причем довольно редкое, допускающее различные объяснения.

Псковская приходо-расходная книга дает возможность рассматривать и разные наречные образования, и многие существительные и другие части речи. Лексические данные, содержащиеся в книге, важны в рассмотрении и фиксации псковской лексики в настоящем и прошлом (ПОС 1967-1996). Необходимо полностью описать и опубликовать этот уникальный памятник хозяйственного значения, содержащий и необычные фиксации — свидетельства прошлого Псковской земли. Василий Дмитриевич Белецкий всегда интересовался тем, как идет исследование этого памятника, считал книгу важным свидетельством жизни Пскова и Псковщины XVII в. Полная публикация приходо-расходной книги из раскопок в Довмонтовом городе — наш долг перед памятью В.Д.Белецкого, замечательного ученого и человека.

- Даль В.И. 1956. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. М.
- Костючук Л.Я. 1991. О неопубликованной псковской рукописной книге XVII века // Псковские говоры и их окружение. Псков.
- Москалева Н.Е. 1974. К вопросу о палеографическом и лингвистическом описании неопубликованной псковской рукописи // ТД XIX студенческой научной конференции. Псков
- Москалева Н.Е. 1975а. Палеографическое и лингвистическое описание неопубликованной псковской рукописи (уточнение времени написания) // ТД XX научной студенческой конференции. Псков.
- Москалева Н.Е. 1975б. Палеографическое и лингвистическое описание неопубликованной псковской рукописи XVII века. Дипломная работа. Хранится на кафедре русского языка Псковского педагогического института.
- ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып.1-12. Л. (СПб.). 1967-1996.
- ПРК — Приходо-расходные книги Московских приказов 1619-1621 гг. М. 1983.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып.3, Сиб. 1996.
- Тихонов А.Н., Бояринова Л.З., Рыжкова А.Г. Словарь русских личных имен. М. 1995.
- Фасмер М. 1967. Этимологический словарь русского языка. Т. II, М.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О.Н.Трубачева. Вып.16. М. 1990.

Иконы из собрания Успенских в фонде древнерусской живописи Эрмитажа

В.Д.Белецкий пришел в Русский отдел Эрмитажа в 1951 году и с этой поры мы многие годы работали вместе в отделении (затем — секторе) древней Руси. Более всего обращала на себя внимание его добросовестность в работе, желание всегда помочь. До конца своих дней Белецкий работал жадно, без передышек на отдых и болезнь.

Вспоминаю его сборы в экспедиции, постоянные заботы о реставрации находок, но более всего — его участие в многочисленных выставках древнерусских материалов, особенно тогда, когда в Эрмитаже не было еще прекрасного экспозиционно-оформительского отдела. Здесь Белецкий был порой незаменим: разместить и закрепить в витринах многие сотни археологических предметов кроме Белецкого, работавшего предельно аккуратно, было некому. Выставка в восьми залах музея (1963 г.) была практически сделана им вдвоем с художником Е.С.Матвеевым. Последняя выставка Белецкого, сделанная совместно с реставраторами и эрмитажными художницами в Георгиевском зале Зимнего дворца (1992 г.) была впечатляющей. Основой экспозиции стала фресковая живопись XIV в., открытая экспедицией Белецкого в ц.Покрова Богородицы в Довмонтовом городе Пскова и снятая со стен реставраторами из эрмитажной мастерской Е.Г.Шейниной. Фрески заняли значительную часть экспозиции; центром показа была смонтированная в зале центральная апсида храма. Выставку сопровождал написанный Белецким хорошо иллюстрированный каталог.

Я не случайно включила в сборник памяти Белецкого статью об иконах из собрания Успенских. Разборка значительной части икон этого собрания после реставрации длительное время происходила в хранилище археологических материалов. Белецкий спокойно переносил работу по распределению и перемещению икон в разные хранилища. От такого рода работ он мог деликатно отойти, зная, что иконы на его хранение не поступят. Но Белецкий помогал постоянно и заинтересованно. Многие иконы были трудны для определения, предназначались к приемке в сектор Древней Руси. Участие Белецкого в осмыслении памятников древней живописи, его знания историка и чутье художника, сыграли существенную роль в разборке этой коллекции.

Единственное письменное свидетельство об иконах собрания Успенских — “Записки старого книжника” букиниста Федора Григорьевича Шилова. Вспоминая об Успенских, Шилов писал: “Весьма любопытными фигурами были три брата Успенских. Один из них,

Александр Иванович Успенский, был директором Археологического института и является автором двухтомной работы "Императорские дворцы"... Он же составил "Словарь художников в XVIII в., писавших в императорских дворцах" и словарь "Царские иконописцы и живописцы в XVII в."... Брат же Успенского, Василий Иванович ... издал много памятников древнерусской литературы..., занимался и собирательством, интересуясь книгами по древнерусскому искусству и по истории, а также всевозможными древностями, главным образом церковными.

Самым ученым и интересным из братьев Успенских был Михаил Иванович, служивший до революции инспектором учебных заведений. Он основательно знал древнееврейский и халдейский языки. У него была огромная библиотека, состоявшая, главным образом, из книг по искусству. Михаил Иванович имел большое собрание рукописей и множество икон; почти все иконы он принес в дар Эрмитажу" (Шиллов 1965: 107-108).

В Отделе Востока Эрмитажа сохранился акт от 11.12.1940 г., из которого следует, что на основании распоряжения директора музея, И.А.Орбели, в Отдел были приняты в дар от Михаила Ивановича и Юлии Ивановны Успенских предметы старины, согласно прилагаемого перечня на 14 полулистах (облачения, шитье, предметы прикладного искусства, разного времени иконы). Приемкой занимались Зав. отделением Ближнего Востока и Византии Алиса Владимировна Банк и научный сотрудник отдела Милена Душановна Семиз. Рассказывая об этом, они вспоминали, как перевозили "на дровнях" множество икон, заполнявших всю квартиру супругов Успенских вплоть до ванной комнаты (ул.Бородинская, д.15, кв.38).

Федор Антонович Қаликин, реставратор Эрмитажа, хорошо знавший Успенских, совершенно определенно считал, что иконы собирал "тот Успенский, который был инспектором учебных заведений Санкт-Петербургской губернии. Не имея средств покупать иконы, он получал их в дар во время служебных поездок из числа ненужных для церковного обихода, вынесенных в кладовые храмов".

Приемочный акт с относительно небольшим перечнем предметов собрания, конечно, не мог дать представления о количестве икон, поступивших в музей. Объяснение тому надо искать, по-видимому, в следующем. Буквально накануне Отечественной войны, 26 апреля 1941 г., в Эрмитаже был создан Отдел истории русской культуры (Русский отдел), помещения которого примыкали к территории Отдела Востока. Видимо, тогда в Русский отдел была перемещена часть собрания Успенских, которая, возможно, не предназначалась для разборки и приема на хранение в Отдел Востока. Так или иначе, эта часть собрания смешалась с неразобранными материалами Русского отдела, где только после войны, с 1946 г., началась длительная работа по разборке и систематизации коллекций, среди которых были и иконы с номерами собрания Успенских. Просмотренные коллекции принимались на хранение в Русский отдел и размещались по разным хранилищам.

В отделение Древней Руси первые 18 икон собрания Успенских поступили из Отдела Востока в 1953 г. Они были переданы из числа предметов, обозначенных в акте приемки от супругов Успенских. В 1966 г. я случайно увидела большое количество икон собрания Успенских в кладовой по Церковной лестнице в Зимнем дворце. Но эти иконы, как сказал заведующий отделом, не предполагалось принять в Русский отдел. После предварительной разборки их, проведенной при

участии реставраторов и биологов, я, будучи зав.сектором Древней Руси, подала докладную главному хранителю музея с просьбой комиссионной разборки икон.

После разборки икон, которая шла при активном участии Алисы Владимировны Банк, было рекомендовано принять их на хранение в соответствии с актами комиссии: по акту 1968 г. — 350 икон, по акту 1971 г. — 421 икона. Все иконы прошли реставрацию в мастерских Эрмитажа, Института имени И.Е.Репина, Училища имени В.А.Серова, и затем принимались на хранение в Эрмитаж и передавались в другие музеи, в частности — на Соловки. В сектор Древней Руси всего было принято в разное время 396 икон, многие из них под записями. Но более 50 икон были раскрыты и введены в научный оборот. Они экспонировались на тематических выставках и опубликованы в каталогах этих выставок (Косцова 1982; Косцова, Побединская 1990; 1996). Несколько самых ранних икон нашли место в каталоге древнерусской живописи Эрмитажа (Косцова 1992). В настоящее время в мастерской темперной живописи Эрмитажа в работе несколько икон из собрания Успенских, две из них особо интересны. Подробно исследуется “Святой Христофор с двумя житийными сценами” (№ 51¹) и раскрыта от потемневшей олифы икона с изображением преподобных и Спасо-Геннадиева монастыря (№ 12)².

Специфика собрания икон в определенных территориальных границах важна для их осмысления. Свидетельства о том, что М.И.Успенский вывозил иконы из Санкт-Петербургской губернии любопытно подтверждают и наклейками на самих иконах. Сохранились куски газет 1910-1911 гг., а порой и багажные квитанции об отправке икон поездом в Санкт-Петербург. Икона “Святая Параскева в житии” (№ 280), например, дошла до нас с газетной наклейкой 1914 г., а на двух иконах с изображением Праздников и Избранных святых (№ 20, 21) с тыльной стороны наклеены железнодорожные квитанции с обозначением 1911 г. и места отправки — из района Нарвы. Для одной из двух икон (№ 21) возможно уточнение: икона могла быть взята неподалеку от места отправления — в районе близ Гдова³.

Анализируя иконы собрания Успенских следует учитывать, что пограничная линия Санкт-Петербургской губернии и границы епархии не всегда совпадали: епархия, включавшая Финляндию, занимала пространство, значительно обширнее границ губернии. До учреждения Синода, территория губернии была в ведении новгородских иерархов как составная часть Новгородской епархии (Историко-статистические сведения 1869: 1). Санкт-Петербургская губерния входила, главным образом, в состав Водской и, отчасти, Обонежской и Шелонской пятин Новгорода. Многие из существующих в настоящее время селений упоминаются в

1 Номера соответствуют номерам в Приложении.

2 Приходится сожалеть, что эта икона не была подготовлена к выставке русских икон XVI — начала XX вв. с изображениями монастырей, состоявшейся в Эрмитаже в 1996 г., см. статью И.Б.Пермякова и А.С.Косцовой в настоящем издании.

3 Эта икона раскрыта от записей реставраторами Эрмитажа, относится к концу XVII — началу XVIII в. и находит себе аналогию в иконе собрания ГИМа (экспонировалась в 1967 г. в филиале ГИМ “Нарышкинские палаты” на выставке “Древнерусская живопись. Северные письма. XIII-XVIII вв. из собрания ГИМ”), поступившей из археологического кабинета МГУ, и привезенной археологами из района близ Гдова.

Писцовых книгах XV-XVI вв.; в них дается описание многих церквей и монастырей, самыми крупными из которых были Валаамский, Коневский и менее значительные — Староладожский Успенский, Гостинопольский, Гдовский и др. Из Писцовых книг видно, что церкви были снабжены иконами в достаточном количестве, сохранились самые подробные их описания. По документам известны “иконники”, переписчики книг, мастера “для церковных дел”. Интересный материал есть о наличии художественных мастерских в Коневском монастыре с конца XV и на протяжении всего XVI в., где более всего любопытен ассортимент изготавливаемой продукции, в числе которой иконы и резные по дереву изделия (Материалы 1941: 171).

В XVII в. карта границ значительно усложняется. По Столбовскому договору 1617 г. к Швеции отошла северная часть территории будущей Санкт-Петербургской губернии, из которой была образована Ингерманландия (Ижорская земля). Петр I вернул эти земли и за Санкт-Петербургской губернией закрепилось ее название. Центр епархии с учреждением Синода перемещается из Новгорода в Санкт-Петербург.

При анализе икон собрания Успенских связь с Новгородом ощущается в подборке избранных святых, особенностях иконографии отдельных сюжетов, в наличии икон с изображением местных новгородских святых — “Новгородских икон и новгородских чудотворцев” (№ 24). Ощущается лишь отсутствие икон “Чудо Георгия о змие”, особо чтимых на новгородском севере.

Местные иконы отличаются лаконизмом, вольным обращением с иконографией. Так, на иконе “Праздники и избранные святые” (№ 20) в композиции “Рождества Христова”, например, отсутствует сцена купания младенца; в “Троице ветхозаветной” перед ангелами за трапезой стоят две чаши, вместо обычных одной или трех; на омофоре святителя Николы изображен голгофский крест; в надписях заметны местные произношения (“Парасковчя названная Пятница”). Чрезвычайно архаична композиция иконы “Рождество Христово” (№ 185): в центре крупная фигура возлежащей Богоматери, в сравнении с которой все персонажи вокруг кажутся необычайно мелкими, второстепенными.

Интересны Царские врата с редкими поколенными изображениями архангела Гавриила и Богоматери, четырех евангелистов и стилизованного орнамента в нижней части створок (№ 205а,б). Живопись невысокого профессионального уровня, что можно видеть и на многих других местных иконах. Орнаменты упрощены, занимают большое место в композициях, порой покрывая их сплошным узором (№ 172).

Наряду с местными иконами много привозных из разных центров иконописания и монастырей: из Троице-Сергиевой лавры, Ниловой пустыни, Антониева, Александро-Свирского и Соловецкого монастырей. Особо интересны житийные иконы, в их числе — икона северных писем “Зосима и Савватий у монастыря” в окружении сцен из жизни преподобных (№ 16). Икона привлекает не только своеобразно представленным архитектурным ансамблем, но и любопытнейшими надписями около житийных сцен. Большую разнообразную информацию дают иконы с надписями, подписями и датами. Как и все иконы собрания, они разного художественного достоинства. Местный иконописец, например, дьякон Антон, изобразил архиерея Филиппа на иконе-двери и поставил крупную, издали видную подпись (№ 79). Рядом с этим народным крестьянским искусством контрастом представляется икона на сложный сюжет “Неопалимой купины” с четкой красивой надписью

Рис. 1 Преподобный Максим Грек. XIX в. Мстера. Кат.№ 4

XVII в. о принадлежности иконы Гавриле Стефанову сыну Выдомскому (№ 170)⁴.

В той части собрания Успенских, о которой дается информация, самые ранние иконы относятся к XVI и XVI — началу XVII вв. Многие иконы до раскрытия от записей датируются временем самих записей. Более всего икон с изображением праздников, избранных святых, Богоматери, чиновных икон из деисусных, пророческих и протеческих рядов

⁴ Владелец иконы, Гаврила Стефанович Выдомский — местный житель. Возможно, он происходит из Олонца и каким-то образом связан с Дмитрием Васильевичем Выдомой, олонским крестьянином, упоминаемым в документах 1564 г.

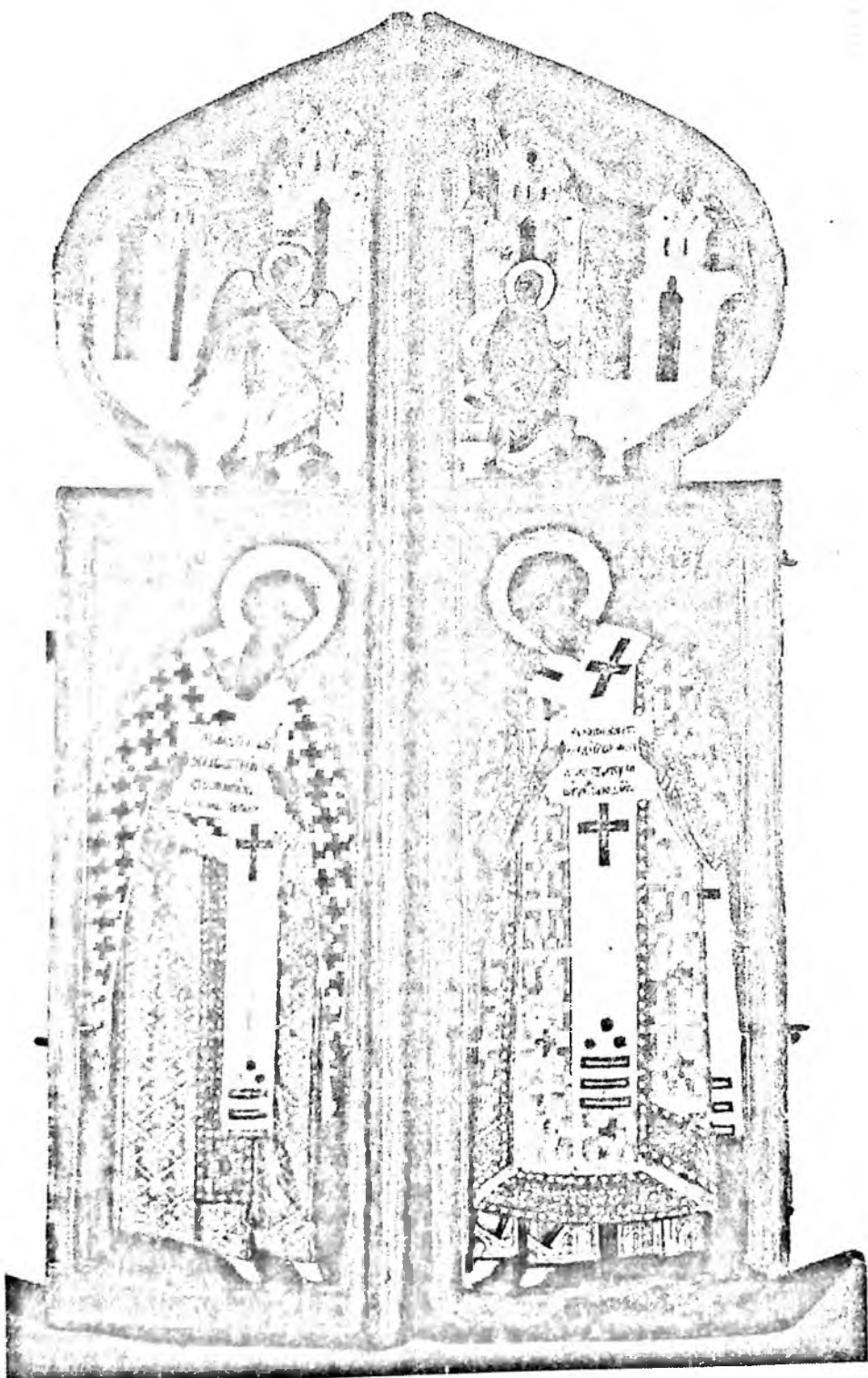

Рис. 2 Царские врата. Конец XVI – начало XVII вв. Кат.№ 23

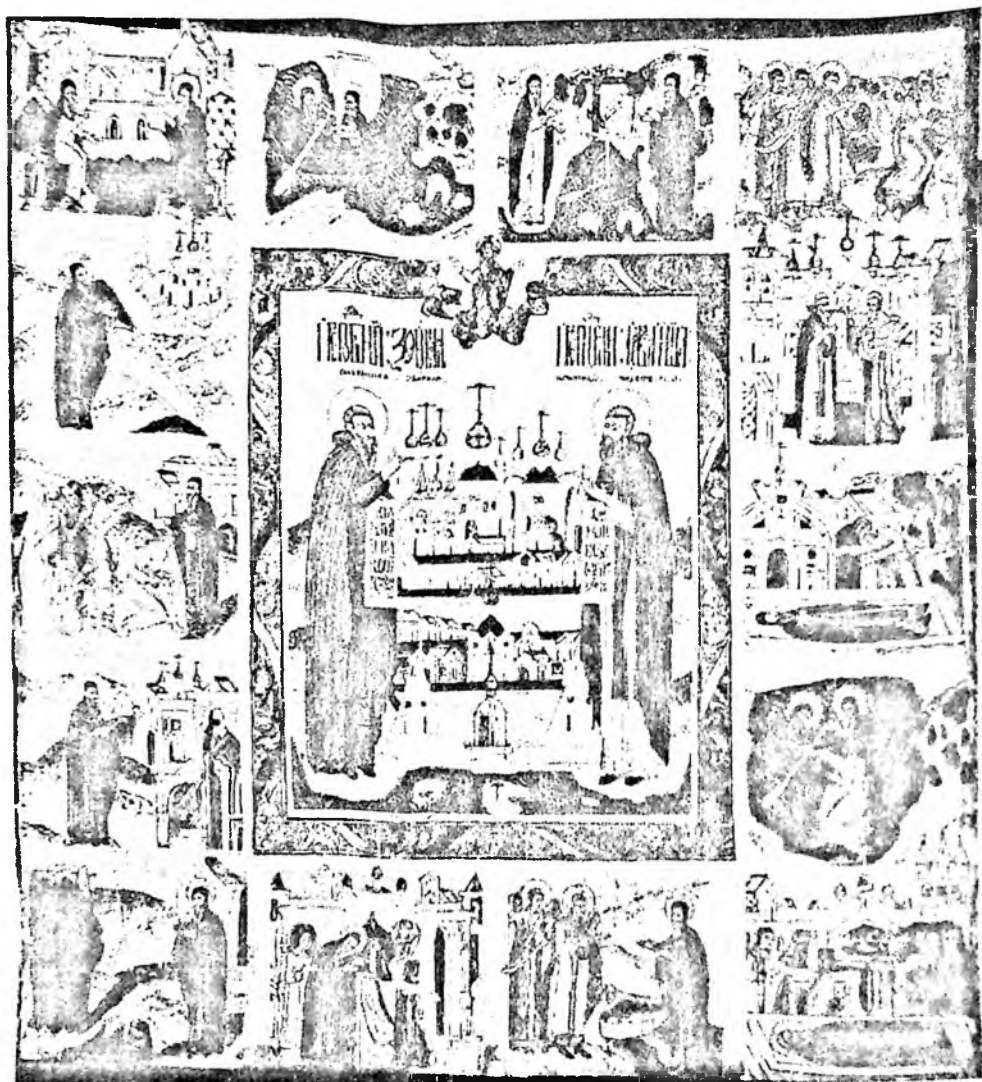

Рис. 3 Преподобные Зосима и Савватий в житии. Конец XVII — начало XVIII вв. Кат. № 16.

иконостасов, в том числе — двучастные иконы с праздником и святым в рост, предназначенные для крупных храмов.

Для полноты информации в виде приложения к статье публикуется аннотированный список всех икон собрания Успенских, принятых в фонд древнерусской живописи Эрмитажа (шифр ЭРИ-№). В списке приведены сведения о сюжете иконы, ее размерах (в см), датировке, инвентарные номера эрмитажного собрания, а также коллекционные номера собрания Успенских, сохранившиеся в виде наклеек с тыльной стороны икон: наклейки «Собрание Успенских» выполнены типографским способом с вписанными в них номерами (обозначены нами сокращенно: «СУ-№»).

- Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. Вып.1. СПб. 1869.
- Косцова А.С. 1982. Сто икон из фондов Эрмитажа. Живопись Русского Севера XIV-XVII вв. Каталог выставки. Л.
- Косцова А.С. 1992. Древнерусская живопись в собрании Эрмитажа. Иконопись, книжная миниатюра и орнаментика. XIII – начало XVII века. СПб.
- Косцова А.С., Побединская А.Г. 1990. Русские иконы XVI – начала XX века с подписями, подписями и датами. Каталог выставки. Л.
- Косцова А.С., Побединская А.Г. 1996. Русские иконы XVI – начала XX века с изображенным монастырем и их основателями. Каталог выставки. СПб.
- Материалы по истории Карелии. Петрозаводск. 1941.

Приложение

Аннотированный список икон собрания Успенских в фонде древнерусской живописи Эрмитажа

1. Святые Кир и Иоанн. XVII в. 30 x 21,5. Инв. № ЭРИ-85 (СУ-9).
2. Святой Василий Блаженный. XVII в. 30,5 x 20,6. Инв. № ЭРИ-86 (СУ-56).
3. Преподобный Липовиий XVII в. 31,5 x 26,5. Инв. № ЭРИ-87 (СУ-829).
4. Преподобный Максим Грек. XIX в. Метра. 31,5 x 26,5. Инв. № ЭРИ-88 (СУ-173). Изд.: (Косцова, Побединская 1990: № 201).
5. Митрополиты московские Иона, Петр, Алексий, Филипп – московские чудотворцы. XVIII в. 36 x 30,5. Инв. № ЭРИ-89 (СУ-697).
6. Преподобный Нил Столбенский у монастыря Первая половина XVIII в. 30 x 26,5. Инв. № ЭРИ-90 (СУ-404). Изд.: (Косцова, Побединская 1996: № 36).
7. Епископ Никита и архиепископ Иоанн. Начало XVIII в. 32 x 27. Инв. № ЭРИ-91 (СУ-697).
8. Боговидение Господне, в усложненном периоде. XIX в. 47,5 x 36,5. Инв. № ЭРИ-92 (СУ-36).
9. Евангелист Матфей с символом. XVII в. 49 x 40,5. Инв. № ЭРИ-93 (СУ-326).
10. Евангелист Марк с символом. XVII в. 49 x 41. Инв. № ЭРИ-94 (СУ-327).
11. Евангелист Лука с символом. XVII в. 53 x 27,5. Инв. № ЭРИ-95 (СУ-17).
12. Икона двучастная: верхняя часть – преподобный Геннадий Костромской перед монастырем; нижняя часть – преподобные Ефрем Сирий, Герман, Зосима и Савватий Солонецкие в рост. XVIII в. 53,5 x 43,5. Инв. № ЭРИ-96 (СУ-15).
13. Сошествие по ад, Богоматерь, Знамение и избранные святые. XVII в. 56,5 x 47. Инв. № ЭРИ-97 (СУ-12).
14. Икона с презанамым деревянным крестом и живописными клеймами со сценами христологического цикла вокруг. XVII в. 53,5 x 42,5. Инв. № ЭРИ-98 (СУ-894).
15. Пророк Даниил. Из чина. XVII в. 62 x 49. Инв. № ЭРИ-99 (СУ-465).
16. Преподобные Зосима и Савватий в житии. Конец XVII – начало XVIII в. 89 x 71. Инв. № ЭРИ-100 (СУ-295). Изд.: (Косцова 1982: № 97; Косцова, Побединская 1996: № 68).
17. Рождество Христово. XVII в. 107 x 95,5. Инв. № ЭРИ-101 (СУ-293).
18. Крест выносной. Начало XVII в. 142 x 78. Инв. № ЭРИ-102 (СУ-650). Изд.: (Косцова 1982: № 48).
19. Троица Ветхозаветная. Конец XVII в. (под записью). 88,4 x 56,5. Инв. № ЭРИ-538 (СУ-301).
20. Праздники и избранные святые. Конец XVII – начало XVIII в. 86 x 66,4. Инв. № ЭРИ-539 (СУ-297). Изд.: (Косцова 1982: № 90).
21. Праздники и избранные святые. Конец XVII – начало XVIII в. 104 x 72,8. Инв. № ЭРИ-540 (СУ-427). Изд.: (Косцова 1982: № 89).
22. Троица Ветхозаветная. XVII-XVIII в. (под записью). 106,4 x 86,3. Инв. № ЭРИ-541 (СУ-145).
23. Царские врата двустворчатые. Конец XVI – начало XVII вв. 146,5 x 36,3; 146,6 x 36,5. Инв. № ЭРИ-542-а,б (СУ-275-а,б). Изд.: (Косцова 1982: № 46; 1992: № 111).
24. "Образ святых повгородских икон и святых повгородских чудотворцев". 1721 г. 71,3 x 57,6. Инв. № ЭРИ-543 (СУ-161). Изд.: (Косцова, Побединская 1990: № 46; 1996: № 54).
25. Богоматерь Толгская. Иконограф Алексей. 1704 г. 62,7 x 48,8. Инв. № ЭРИ-544 (СУ-457). Изд.: (Косцова, Побединская 1990: № 22).
26. Богоматерь Толгская. XVIII вв. 62,4 x 48,7. Инв. № ЭРИ-545 (СУ-466). Изд.: (Косцова, Побединская 1990: № 70).
27. Святой Иоанн Златоуст. Из чина. Начало XVII в. 92 x 31,9. Инв. № ЭРИ-546 (СУ-314). Изд.: (Косцова 1992: № 113).
28. Архангел Гавриил. Из чина. XVII в. 69,5 x 30,8. Инв. № ЭРИ-547 (СУ-553).
29. Архангел Михаил. Из чина. XVII в. 68,9 x 30,3. Инв. № ЭРИ-548 (СУ-543).
30. Покров Богоматери. XIX в. 52,9 x 44,1. Инв. № ЭРИ-549 (СУ-738).

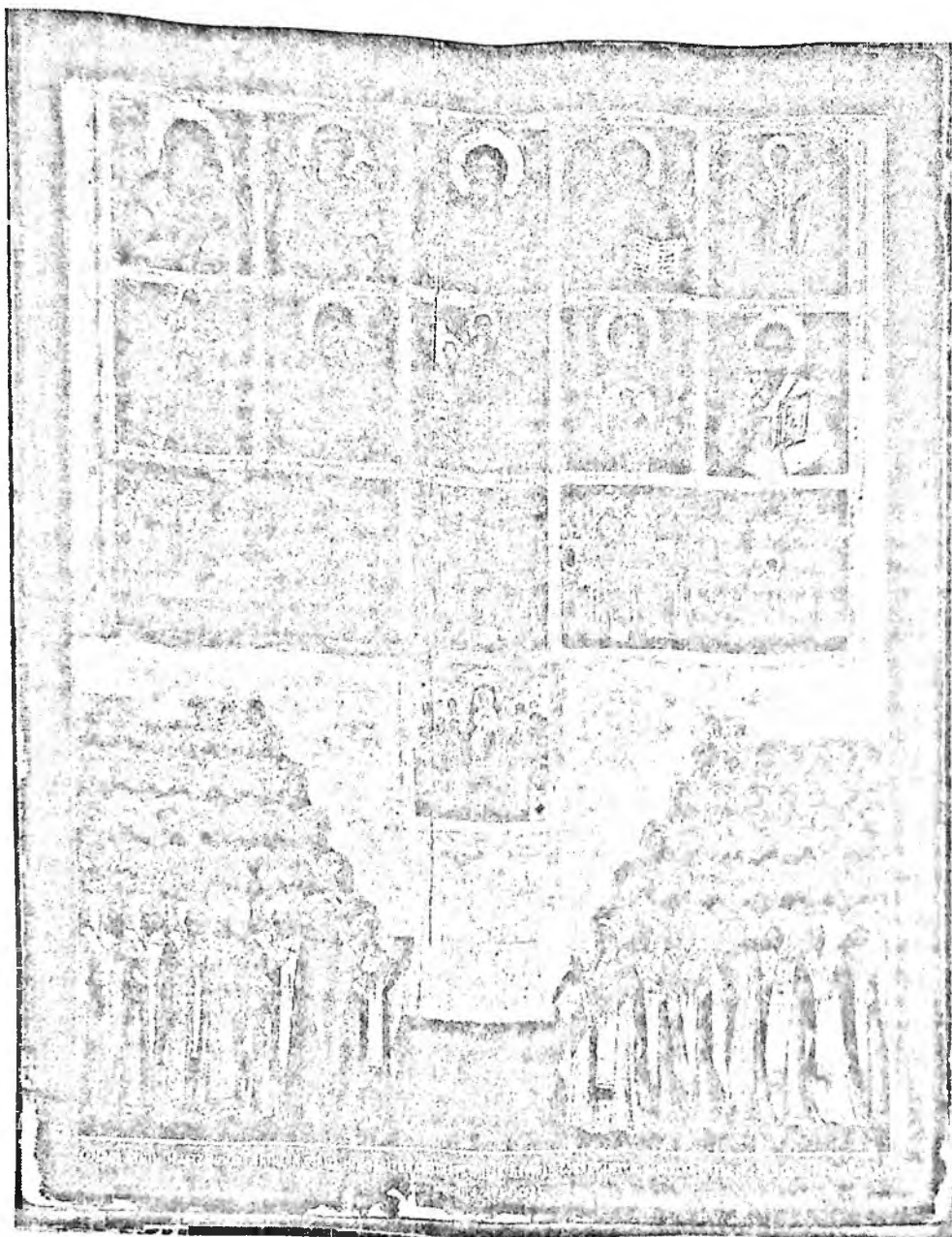

Рис. 4 "Образ святых новгородских икон и святых новгородских чудотворцев". 1721 г.
Кат. № 24

31. Богоматерь Киевская-Братская. 1805 г. 51 x 140. Инв. № ЭРИ-550 (СУ-328). Изд.: (Косцова, Побединская 1990: № 90).
32. Избранные святые и праздники. XVII в. 44 x 39. Инв. № ЭРИ-551 (СУ-751).
33. Богоматерь с младенцем. XIX в. (под записью). 48 x 42. Инв. № ЭРИ-552 (СУ-472).
34. Богоматерь. Из чина. Начало XVIII в. 43,3 x 35,6. Инв. № ЭРИ-553 (СУ-871).
35. Спас-Вседержитель Из чина. Начало XVIII в. 43 x 35,4. Инв. № ЭРИ-554 (СУ-870).
36. Огненное восхождение пророка Ильи. XVIII в. 40,5 x 32,9. Инв. № ЭРИ-555 (СУ-747).
37. Богоматерь Казанская. 1804 г. 52,4 x 44. Инв. № ЭРИ-556 (СУ-52). Изд.: (Косцова, Побединская 1990: № 87).
38. Богоматерь "Гора Нерукосечная". Иконописец Иконошников. 1717 г. 27,3 x 23,6. Инв. № ЭРИ-557 (СУ-858). Изд.: (Косцова, Побединская 1990: № 45).
39. Богоматерь Казанская. XVIII в. 29,8 x 25. Инв. № ЭРИ-558 (СУ-437).
40. Единородный сын. XVIII в. 31 x 27. Инв. № ЭРИ-559 (СУ-438).

Рис. 5 Богоматерь Казанская. 1804 г. Кат.№ 37

41. Благовещение. 1752 г. 30,8 x 26,3. Инв. № ЭРИ-560 (СУ-58). Изд.: (Косцова, Побединская 1990: № 53).
42. Богоматерь с младенцем. XVIII в. 31,2 x 25,5. Инв. № ЭРИ-561 (СУ-828).
43. "Образ святых". Иконописец Григорий Траханьев. 1768. 32,7 x 27,7. Инв. № ЭРИ-562 (СУ-630). Изд.: (Косцова, Побединская 1990: № 59).
44. Преподобный Антоний Римлянин у монастыря. XVII в. 30,8 x 26,6. Инв. № ЭРИ-563 (СУ-50). Изд.: (Косцова, Побединская 1996: № 51).
45. Огненное восхождение пророка Ильи. XVII в. 22 x 18,3. Инв. № ЭРИ-564 (СУ-764).
46. Богоматерь с младенцем. Иеромонах Симеон. XIX в. 31 x 26,3. Инв. № ЭРИ-565 (СУ-736). Изд.: (Косцова, Побединская 1990: № 184).
47. Димитрий, митрополит ростовский. Конец XVIII в. 28,7 x 24,6. Инв. № ЭРИ-566 (СУ-691). Изд.: (Косцова, Побединская 1990: № 74).
48. Сергиево видение. Троице-Сергиев монастырь. XVII в. 29,8 x 24. Инв. № ЭРИ-567 (СУ-524). Изд.: (Косцова, Побединская 1996: № 91).
49. Святой Иоанн-воин. XVIII в. (под записью). 30,8 x 26,5. Инв. № ЭРИ-568 (СУ-369).

Рис. 6 Богоматерь "Гора Нерукоесная". Иконописец Иконников. 1717 г. Кат. № 38

50. Святой Иоанн Предтеча крылатый со сценами Рождества и Обретения главы. XVII в. (под записью). 30,1 x 24,7. Инв. № ЭРИ-569 (СУ-111).
51. Святой мученик Христофор. XVII в. 31,1 x 26,4. Инв. № ЭРИ-570 (СУ-305).
52. Преподобные Зосима и Савватий, соловецкие чудотворцы с моделью монастыря. Конец XVII – начало XVIII вв. 30,8 x 27. Инв. № ЭРИ-571 (СУ-80). Изд.: (Косцова, Победитская 1996: № 70).
53. Святой Иоанн Предтеча в пустыне. 1804 г. 14,8 x 11. Инв. № ЭРИ-572 (СУ-181). Изд.: (Косцова, Победитская 1990: № 88).
54. Девсусе с припадающими. XVII в. 32 x 28. Инв. № ЭРИ-574 (СУ-434).
55. Святые воины Игнатий и Никита. XVII в. 29 x 23,2. Инв. № ЭРИ-575 (СУ-844).
56. Девсусе с припадающими. XVII в. 31,1 x 26,4. Инв. № ЭРИ-576 (СУ-405). Изд.: (Косцова, Победитская 1990: № 12; 1996: № 63).
57. Богоматерь Казанская. XVII-XVIII вв. (под записью). 23 x 18,2. Инв. № ЭРИ-578 (СУ-885).
58. Складень. Две створки. XVIII в. 45,6 x 19,4; 46 x 19,1. Инв. № ЭРИ-579-а,б (СУ-726).
59. Складень. Две створки. XVIII в. 46 x 19,3. ЭРИ-580-а,б (СУ-727).
60. Складень. Две створки. XVIII в. 47,5 x 19,2; 47,3 x 19,4. Инв. № ЭРИ-581-а,б (СУ-728).

Рис. 7 Благовещение. 1752 г. Кат.№ 41

61. Складень. Две створки XVIII в. 47 x 19,8; 47,7 x 19,2. Инв. № ЭРИ-582-а,б (СУ-194,729).
62. Святой Иоанн Предтеча крылатый. XVII в. 31,8 x 26. Инв. № ЭРИ-584 (СУ-508).
63. Святой Никола в житии. Средник утрачен. В 8 клеймах сцены из жития. Конец XVII – начало XVIII вв. 109 x 90. Инв. № ЭРИ-585 (СУ-132).
64. Денсус, праздники, избранные святые. XVII в. 63 x 202. Инв. № ЭРИ-586 (СУ-14).
65. Богоматерь Владимирская. Конец XVII – начало XVIII вв. 31,5 x 27,5. Инв. № ЭРИ-608 (СУ-507).
66. Преподобный Нил Столбенский у монастыря. Начало XIX в. 40,5 x 29,5. Инв. № ЭРИ-609 (СУ-38). Изд.: (Косцова, Побединская 1996: № 39).
67. Ангел-хранитель и избранные святые. Иконошница И. Паткр,А. Кроп. 1818 г. 40 x 32,5. Инв. № ЭРИ-610 (СУ-411). Изд.: (Косцова, Побединская 1990: № 100).
68. Святой Никита-столпник. Начало XVII вв. 86 x 33. Инв. № ЭРИ-611 (СУ-538). Изд.: (Косцова 1982: № 57; 1992: № 114).
69. Благовещение. XVII в. (под записью). 72 x 52. Инв. № ЭРИ-612 (СУ-464).

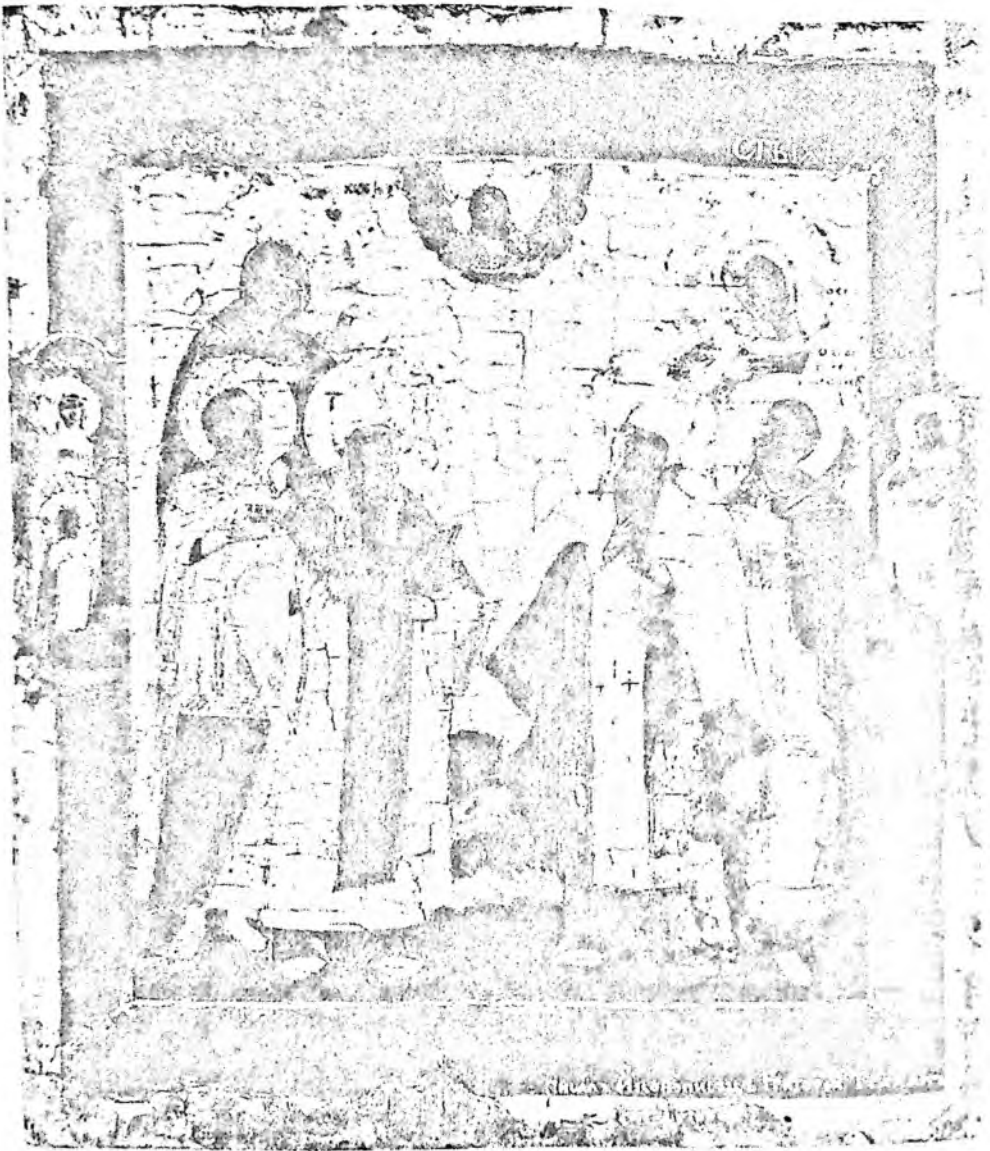

Рис. 8 "Образ святых". Иконописец Григорий Траханьев. 1768. Кат.№ 43

70. Икона двучастная. Из чина: верхняя часть – Богоявление, нижняя часть – Святой Василий Великий. Конец XVII в. 122,5 x 39. Инв. № ЭРИ-613 (СУ-284).
71. Пророк Илья в жизни. Начало XVIII в. 106 x 86. Инв. № ЭРИ-614 (СУ-292).
72. Пророк Иосия. Из чина. XVII в. 79 x 70. Инв. № ЭРИ-615 (СУ-163).
73. "Не рыдай Мене, Мати". XVIII в. 33,5 x 27,3. Инв. № ЭРИ-616 (СУ-341).
74. Икона двучастная: Преображение Господне, Чудо Георгия о змие, Святые Флор, Иоанн, Лавр, Дмитрий. Конец XVII в. 76 x 47. Инв. № ЭРИ-617 (СУ-311). Изд.: (Косцова 1982: № 86).
75. Евангелист Матфей. Конец XVI – начало XVII вв. 47 x 37. Инв. № ЭРИ-618 (СУ-485).
76. Преподобный Варлаам Хутынский. Из чина. XVII в. (под записью). 114,5 x 49,5. Инв. № ЭРИ-619 (СУ-281). Изд.: (Косцова, Победницкая 1996: № 13).
77. Состязание во ад. Конец XVI – начало XVII вв. 84,5 x 58,5. Инв. № ЭРИ-620 (СУ-299). Изд.: (Косцова 1992: №109).
78. Крест вышестой, четырехконечный. Конец XVII – начало XVIII вв. 117,5 x 64,5. Инв. № ЭРИ-621 (СУ-27).

Рис. 9 Преподобный Антоний Римлянин у монастыря. XVII в. Кат.№ 44

79. Икона-дверь с изображением архиерея Филиппа. 1764г. 173 x 65. Инв. № ЭРИ-622 (СУ-129).
Изд.: (Косцова, Побединская 1990: № 58).
80. Верхняя часть створки Царских врат. XVII в. 53,6 x 36. Инв. № ЭРИ-623 (СУ-339).
81. "Мишень на декабрь". XVII в. 44,2 x 38. Инв. № ЭРИ-624 (СУ-324).
82. Пророк царь Давид. Из чина. Конец XVII – начало XVIII вв. 62,5 x 48. Инв. № ЭРИ-625 (СУ-315).
83. Пророк Давид. Начало XVIII в. 57,8 x 36,3. Инв. № ЭРИ-626 (СУ-470).
84. Пророк. Из чина. XVIII в. 80,4 x 42,2. Инв. № ЭРИ-627 (СУ-541).
85. Четырехчастная икона: праздники и избранные святые. XVIII в. 29 x 24,3. Инв. № ЭРИ-628 (СУ-373).
86. Преподобный в молитве Троице, на полях четырех избранных святых. XVIII в. 31,5 x 27. Инв. № ЭРИ-629 (СУ-848).
87. Складень. Две створки. XVII в. 49,5 x 16; 49 x 15,5. Инв. № ЭРИ-630-а,б (СУ-721-а,б).

Рис. 10 Святой Иоанн Предтеча в пустыне. 1804 г. Кат. № 53

- 88. Богоматерь Казанская. Начало XVIII в. 30,5 x 25,8. Инв. № ЭРИ-631 (СУ-57).
- 89. Собор Иоанна Предтечи. XVIII в. 32 x 28. Инв. № ЭРИ-632 (СУ-75).
- 90. Преображение Господие. Начало XVIII в. 30,3 x 26,8. Инв. № ЭРИ-633 (СУ-109).
- 91. Святой Иоанн Богослов. Начало XVIII в. 30,6 x 23,5. Инв. № ЭРИ-635 (СУ-121).
- 92. Святое со креста. XVIII в. (под записью). 34,7 x 30,6. Инв. № ЭРИ-636 (СУ-64).
- 93. Спас-Вседержитель и праздники. XVIII в. 37,5 x 30,5. Инв. № ЭРИ-637 (СУ-695).
- 94. София Премудрость Божия. XVIII в. 31 x 27 мм. Инв. № ЭРИ-638 (СУ-362).
- 95. "Не рождай Мене, Мати". XVIII в. 28 x 23. Инв. № ЭРИ-639 (СУ-853).
- 96. Рождество Богоматери. XVII в. 32 x 29,5. Инв. № ЭРИ-640 (СУ-681).
- 97. Архистратиг Михаил. XVIII в. 29,9 x 25,5. Инв. № ЭРИ-641 (СУ-114).

Рис. 11 Преподобный Нил Столбенский у монастыря. Начало XIX в. Кат. № 66

98. Святой Ангина. XVIII в. 31,5 x 27. Инв. № ЭРИ-642 (СУ-873).
 99. Архистратиг Михаил. XVIII в. 30,8 x 26,5. Инв. № ЭРИ-643 (СУ-807).
 100. "Не рыдай Мене, Мати". XVII в. 28,5 x 23,7. Инв. № ЭРИ-644 (СУ-854).
 101. Святой Николай. XVIII в. 28 x 22,3. Инв. № ЭРИ-645 (СУ-116).
 102. Богоматерь Иерская. XVIII в. 31,8 x 26,5. Инв. № ЭРИ-646 (СУ-86).
 103. Вход в Иерусалим. Конец XVII в. 54,7 x 46,3. Инв. № ЭРИ-647 (СУ-475).
 104. Вход в Иерусалим. Конец XVII – начало XVIII вв. 56 x 48,5. Инв. № ЭРИ-648 (СУ-468).
 105. Сшествие Святого Духа. XVIII в. 52,5 x 44. Инв. № ЭРИ-649 (СУ-26).
 106. Святой Николай. XVII-XVIII вв. 75,7 x 54,7. Инв. № ЭРИ-650 (СУ-305).

Рис. 12 Ангел-хранитель и избранные святые. Иконописцы И.Пагрк, А.Крон. 1818 г.
Кат.№ 67

- 107. Состезание во ад. Начало XVIII в. 41,5 x 41,5. Инв. № ЭРИ-651 (СУ-497).
- 108. Пророк Елисей. Из чина. Начало XVIII в. (под записью). 38 x 35. Инв. № ЭРИ-652 (СУ-749).
- 109. Богоматерь. Из чина. XVIII в. 50,7 x 43. Инв. № ЭРИ-653 (СУ-332).
- 110. Благовещение. XVIII в. 33,2 x 27,5. Инв. № ЭРИ-654 (СУ-71).
- 111. Спас Нерукоотворный. XVIII в. 39,6 x 32. Инв. № ЭРИ-655 (СУ-763).
- 112. Преподобный Варлаам Хутынский у монастыря. Начало XIX в. 31,6 x 26,7. Инв. № ЭРИ-656 (СУ-839). Изд.: (Косцова, Победническая 1996: № 14).
- 113. Святой Никола Можайский. XVIII в. 31,3 x 27,8. Инв. № ЭРИ-657 (СУ-834).
- 114. Святой Никола в жизни. XVIII в. 58,7 x 47. Инв. № ЭРИ-658 (СУ-471).
- 115. Огненное восхождение пророка Ильи. Начало XVIII в. Инв. № ЭРИ-659 (СУ-484).
- 116. Праздники: Рождество Богоматери, Рождество Христово, Рождество Иоанна Предтечи, Рождество Св.Никола. XVIII в. Под записью XIX в. 30,5 x 26,7. Инв. № ЭРИ-660 (СУ-526).
- 117. Богоматерь Страстная. XVIII в. 30,5 x 27. Инв. № ЭРИ-661 (СУ-872).
- 118. Успение Богоматери. XVIII в. 31 x 25,5. Инв. № ЭРИ-662 (СУ-522).

Рис. 13 Святой Никита-столпник. Начало XVII вв. Кат.№ 68

119. Пророк Иезекиил. Из чина. Конец XVII – начало XVIII вв. 48,2 x 39,8. Инв. № ЭРИ-663 (СУ-20).
120. Распятие и Архангел Михаил. Из чина. XVII в. 117 x 34. Инв. № ЭРИ-664 (СУ-283).
121. Богоматерь Всем Скорбящим Радость. Начало XVIII в. 30,5 x 26,7. Инв. № ЭРИ-665 (СУ-44).
122. Преподобный Макарий Желтоводский у монастыря. Конец XVII в. 31 x 27,5. Инв. № ЭРИ-666 (СУ-52). Изд.: (Косцова, Побединская 1996: № 30)
123. Евангелист Иоанн. Из чина. Конец XVII в. 49 x 40,5. Инв. № ЭРИ-667 (СУ-891).

Рис. 14 Явление Святой Троицы преподобному Александру Свирскому. XVII в. (деталь).
Кат. № 141

124. Сопещение во ад. XVIII в. 53,6 х 44,3. Инв. № ЭРИ-668 (СУ-322).

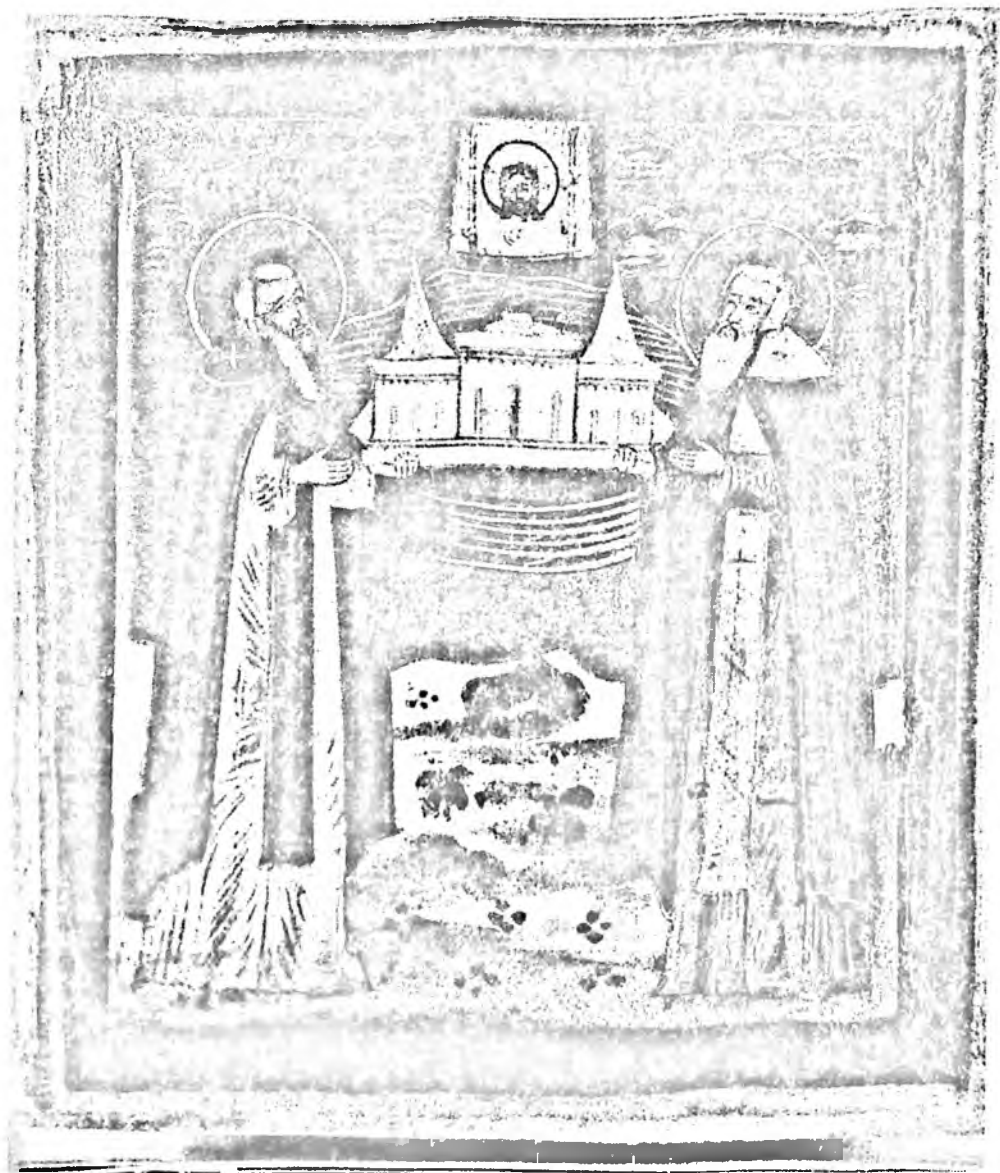

Рис. 15 Преподобные Зосима и Савватий, соловецкие чудотворцы, с моделью монастыря. XVIII в. Кат. № 155

125. Моление пошгородских святых иконам "Богоматерь Тихвинская", "София Премудрость Божия", "Знамение". Начало XVIII в. 32 x 26,5. Инв. № ЭРИ-670 (СУ-421).
126. Святый Никола. XVIII в. 30,4 x 25. Инв. № ЭРИ-671 (СУ-372).
127. Святая Мария Египетская. XVIII в. 28,7 x 20,7. Инв. № ЭРИ-672 (СУ-114).
128. Богоматерь Корсульская. XVII-XVIII вв. 31,2 x 26,7. Инв. № ЭРИ-673 (СУ-408).
129. Ангел-хранитель. XVIII в. (под записью). 31,5 x 28,2. Инв. № ЭРИ-674 (СУ-739).
130. Делеус. Праздники и избранные святые. XVIII в. 31,8 x 26,5. Инв. № ЭРИ-675 (СУ-214).
131. Складень. Две створки. XVIII в. 45,6 x 13,5; 45,3 x 13,5. Инв. № ЭРИ-676-а,б. (СУ-719-а,б).
132. Крест шановой. Начало XVII в. 116 x 69. Инв. № ЭРИ-677 (СУ-235).
133. Рождество Христово. Начало XVIII в. 31 x 25,2. Инв. № ЭРИ-678 (СУ-76).
134. Святый Никола. XVIII в. 25,6 x 21,2. Инв. № ЭРИ-679 (СУ-453).
135. Святая Мария Египетская. Конец XVIII – начало XIX вв. 32,2 x 27,8. Инв. № ЭРИ-680 (СУ-72).
136. "Не рыдай Мене, Мати". Конец XVII – начало XVIII вв. 31 x 27,5. Инв. № ЭРИ-681 (СУ-77).
137. Богоматерь Боголюбская. XVIII в. 31,8 x 26. Инв. № ЭРИ-682 (СУ-554).

Рис. 16 Преподобные Александр Свирский и Антоний Великий. XVII в. (?). Кат.№ 226

138. Иоани Предтеча – ангел пустыни. XVII в. 30,8 x 26,8. Инв. № ЭРИ-683 (СУ-846).
139. Спас-Вседержитель. XVIII в. 31 x 26,3. Инв. № ЭРИ-685 (СУ-423).
140. Святой Николай. XVIII в. 31 x 26,8. Инв. № ЭРИ-686 (СУ-357).
141. Явление Святой Троицы преподобному Александру Свирскому. XVII в. 32,3 x 28,5. Инв. № ЭРИ-687 (СУ-784). Изд.: (Косцова, Победническая 1996: № 8).
142. Преподобные Макарий Желтоводский и Александр Ошенинский. XVIII в. 32,5 x 28,7. Инв. № ЭРИ-689 (СУ-306). Изд.: (Косцова, Победническая 1996: № 31).
143. Собор Архистратига Михаила. Конец XVIII – начало XIX вв. 35,5 x 30,8. Инв. № ЭРИ-690 (СУ-783).
144. Благовещение. XVIII в. 31,2 x 26,2. Инв. № ЭРИ-691 (СУ-347).

Рис. 17 Преподобный Кирилл Новозерский у монастыря. Начало XIX в. Кат.№ 350

145. Богоматерь Казанская. Конец XVIII – начало XIX вв. 31,2 x 26,2. Инв. № ЭРИ-692 (СУ-347).
 146. Богоматерь Казанская. Начало XVIII в. 31,3 x 26,5. Инв. № ЭРИ-693 (СУ-361).
 147. Богоматерь Ахтырская. XVIII в. 30 x 25,3. Инв. № ЭРИ-694 (СУ-836).
 148. Огнечество. XVIII в. 37 x 30. Инв. № ЭРИ-695 (СУ-823).
 149. Преподобный Сергей в молитве. XVIII в. 32 x 28. Инв. № ЭРИ-696 (СУ-792).
 150. Богоматерь Федоровская. XVIII в. 28,5 x 25. Инв. № ЭРИ-697 (СУ-446).
 151. Святой Никола Можайский. XVIII в. 32,2 x 26,5. Инв. № ЭРИ-698 (СУ-343).
 152. Воздвижение Честного Креста. XVIII в. 35,7 x 25,2. Инв. № ЭРИ-699 (СУ-557).
 153. Троица Новозаветная. XVIII в. 31 x 26. Инв. № ЭРИ-701 (СУ-678).
 154. Преподобные Зосима и Савватий, вологодские чудотворцы, с моделью монастыря. XVIII в. 30 x 25,5. Инв. № ЭРИ-703 (СУ-359). Изд.: (Косцова, Побединская 1996: № 71).

155. Богоматерь Умиление. XVIII в. 31,5 x 26,2. Инв. № ЭРИ-704 (СУ-49).
156. Три избранных святых. XVIII в. 31,2 x 25,7. Инв. № ЭРИ-705 (СУ-875).
157. Богоматерь со свитком. XVIII в. 30,2 x 25. Инв. № ЭРИ-706 (СУ-407).
158. Богоматерь с младенцем. XVIII в. 40,5 x 31,7. Инв. № ЭРИ-707 (СУ-765).
159. Богоматерь Шуйская. XVIII в. 30,7 x 25,7. Инв. № ЭРИ-708 (СУ-805).
160. Преподобные Зосима и Савватий, соломенские чудотворцы, у монастыря. XVIII-XIX вв. 28 x 21. Инв. № ЭРИ-709 (СУ-446). Изд.: (Косцова, Победническая 1996: № 78).
161. Святой Иоанн Предтеча. XVIII в. 31,5 x 27,8. Инв. № ЭРИ-710 (СУ-799).
162. Сергиено видение. Конец XVIII – начало XIX вв. 30,7 x 26,2. Инв. № ЭРИ-711 (СУ-82). Изд.: (Косцова, Победническая 1996: № 94)
163. Архистратиг Михаил. XVIII в. 30,7 x 28. Инв. № ЭРИ-712 (СУ-827).
164. Святой Никола в житии. XVIII в. 34,8 x 29,5. Инв. № ЭРИ-713 (СУ-69).
165. Богоматерь Неопалимая Кушница. XVIII в. 31 x 25,8. Инв. № ЭРИ-714 (СУ-60).
166. Преподобный Александр Ошелевский. XIX в. (под записью). 31,4 x 25,8. Инв. № ЭРИ-715 (СУ-101). Изд.: (Косцова, Победническая 1996: № 3).
167. Богоматерь Владимирская. XVIII в. 28 x 23,3. Инв. № ЭРИ-716 (СУ-445).
168. Святой Иоанн Затворник. XVIII в. 31 x 27,5. Инв. № ЭРИ-717 (СУ-54). Изд.: (Косцова, Победническая 1990: № 72)
169. Богоматерь Казанская. Начало XVIII в. 31 x 26,5. Инв. № ЭРИ-718 (СУ-427).
170. Богоматерь Неопалимая Кушница. XVII в. 107 x 78. Инв. № ЭРИ-719 (СУ-143). Изд.: (Косцова, Победническая 1990: № 11).
171. Спас Нерукотворный. XVIII в. 31,5 x 27. Инв. № ЭРИ-720 (СУ-704).
172. Святой Никола в житии. Начало XVIII в. 101 x 75,2. Инв. № ЭРИ-721 (СУ-294).
173. Вознесение Господне. Конец XVII – начало XVIII вв. 41 x 36,8. Инв. № ЭРИ-722 (СУ-496).
174. Введение во храм. XVIII – начало XIX вв. 55,2 x 44,2. Инв. № ЭРИ-723 (СУ-476).
175. Воскрешение Лазаря. Начало XVIII в. 59 x 55,5. Инв. № ЭРИ-724 (СУ-467).
176. Подожжение во гроб. XVIII в. 63,5 x 42. Инв. № ЭРИ-725 (СУ-317).
177. Богоматерь Тихвинская. XVIII в. 85 x 64. Инв. № ЭРИ-726 (СУ-298).
178. Святой князь Глеб. XVIII в. 69,7 x 25. Инв. № ЭРИ-727 (СУ-552).
179. Архангел Гавриил. Из чина. XVII в. (под записью). 99 x 44. Инв. № ЭРИ-728 (СУ-228).
180. Святой апостол. Из чина. XVII в. 94 x 36. Инв. № ЭРИ-729 (СУ-157).
181. Святой столпник. XVII-XVIII в. 85 x 36,2. Инв. № ЭРИ-730 (СУ-312).
182. Рождество Христово. XVIII в. 67,3 x 37,5. Инв. № ЭРИ-731 (СУ-146).
183. Святой апостол Павел. Начало XVIII в. 88 x 34,2. Инв. № ЭРИ-732 (СУ-313).
184. София Премудрость Божия. Начало XVIII в. 73,2 x 55. Инв. № ЭРИ-733 (СУ-758).
185. Рождество Христово. Конец XVII – начало XVIII вв. 85,2 x 84,5. Инв. № ЭРИ-734 (СУ-147).
186. Богоматерь Одигитрия. Конец XVII – начало XVIII вв. 69,2 x 46,7. Инв. № ЭРИ-735 (СУ-460).
187. Пророк Давид. Конец XVII – начало XVIII вв. 48 x 40,5. Инв. № ЭРИ-736 (СУ-483).
188. Евангелист Лука. Начало XVIII в. 48,2 x 41,3. Инв. № ЭРИ-737 (СУ-890).
189. Преподобный Нил Столбенский у монастыря. Конец XVII – начало XVIII вв. 32,1 x 28,5. Инв. № ЭРИ-740 (СУ-689). Изд.: (Косцова, Победническая 1996: № 35)
190. Троица Ветхозаветная. Начало XVIII в. 28,5 x 23,5. Инв. № ЭРИ-741 (СУ-117).
191. Святой Иоанн Предтеча крылатый. Начало XVIII в. 30,8 x 25,6. Инв. № ЭРИ-742 (СУ-532).
192. Преображение Господне. XVIII в. 30,5 x 26,5. Инв. № ЭРИ-744 (СУ-410).
193. Створка складня. Конец XVII – начало XVIII вв. 57,6 x 20,5. Инв. № ЭРИ-745 (СУ-724).
194. Евангелист Лука. XVIII в. 44,2 x 36,5. Инв. № ЭРИ-746 (СУ-19).
195. Праздники. XIX в. 44,3 x 36,2. Инв. № ЭРИ-747 (СУ-556).
196. Мишеня на июль. XIX в. 47,5 x 39,2. Инв. № ЭРИ-748 (СУ-487).
197. Троица Ветхозаветная. XVIII в. 32 x 29,5. Инв. № ЭРИ-749 (СУ-345).
198. Святая Параскева. XVIII в. 31,5 x 27,2. Инв. № ЭРИ-750 (СУ-93).
199. Пророк царь Давид. XVIII в. 80,5 x 42. Инв. № ЭРИ-752 (СУ-544).
200. Святой Тихон. XVIII в. 86 x 36,2. Инв. № ЭРИ-753 (СУ-539).
201. Пророк Давид. XVIII в. 82,8 x 41. Инв. № ЭРИ-754 (СУ-540).
202. Семь Царских врат. XVII-XVIII вв. 110,5 x 46,5. Инв. № ЭРИ-755 (СУ-280).
203. Успение Богоматери. XVI в. (под записью). 76,3 x 53. Инв. № ЭРИ-756 (СУ-455). Изд.: (Косцова 1992: № 118)
204. Архангел Гавриил. XVII-XVIII вв. 141 x 41,7. Инв. № ЭРИ-757 (СУ-331).
205. Царские врата. Конец XVII – начало XVIII вв. 154,5 x 35; 154 x 34. Инв. № ЭРИ-758-а,б (СУ-277-а,б).
206. Царские врата. Конец XVII – начало XVIII вв. 158 x 33,5; 157,5 x 34,5. Инв. № ЭРИ-759-а,б (СУ-276-а,б).
207. Праотец Иуда. XVIII в. 80 x 40,7. Инв. № ЭРИ-760 (СУ-545).
208. Пророк Иона. XVIII в. 66 x 50,6. Инв. № ЭРИ-761 (СУ-461).
209. Архангел Гавриил. XVIII в. 92,5 x 41,7. Инв. № ЭРИ-762 (СУ-307).
210. Святой Алексий, человек Божий. XVIII-XIX вв. 75 x 36,5. Инв. № ЭРИ-763 (СУ-546).
211. Богоматерь Живоносный Источник. XVIII в. 68 x 53. Инв. № ЭРИ-764 (СУ-456).

212. Воскресение Христово. XVIII в. 35 x 31,6. Инв. № ЭРИ-766 (СУ-65).
213. Богоматерь Знамение. XVIII в. 30,7 x 26,3. Инв. № ЭРИ-767 (СУ-107).
214. Богоматерь Владими́рская. 31,8 x 28,3. Инв. № ЭРИ-769 (СУ-830).
215. Воскресение Христово. XVIII в. 31,4 x 27,4. Инв. № ЭРИ-770 (СУ-428).
216. Богоматерь Тихвинская. Начало XIX в. 31 x 26. Инв. № ЭРИ-771 (СУ-806).
217. Сошествие во ад. XIX в. 71,4 x 58. Инв. № ЭРИ-772 (СУ-310).
218. Избранные святые. XIX в. 37,8 x 30. Инв. № ЭРИ-774 (СУ-762).
219. Избранные святые. XIX в. 35,5 x 30,6. Инв. № ЭРИ-775 (СУ-779).
220. Богоматерь Живоносный Источник. XIX в. 31 x 26,5. Инв. № ЭРИ-777 (СУ-513).
221. Спас- Вседержитель. XIX в. 56,6 x 41. Инв. № ЭРИ-778 (СУ-473).
222. "Образ Пресвятой Богородицы". Конец XVIII – начало XIX вв. 35 x 30,2. Инв. № ЭРИ-779 (СУ-415).
223. Денсуе с припадающими. XIX в. 35,2 x 29,8. Инв. № ЭРИ-780 (СУ-68).
224. Положение во гроб. XVIII в. 53 x 43,6. Инв. № ЭРИ-781 (СУ-21).
225. Преподобные Александр Сvirский и Антоний Великий. XVII в. (?). 30,9 x 25,4. Инв. № ЭРИ-783 (СУ-835). Изд.: (Косцова, Побединская 1996; № 7)
226. Богоматерь Страстная. Конец XVIII – начало XIX вв. 43,6 x 33,5. Инв. № ЭРИ-784 (СУ-502).
227. Богоматерь Знамение. XVIII в. 32,4 x 25,5. Инв. № ЭРИ-785 (СУ-809).
228. Богоматерь, Всем Скорбящим Радость. XVIII в. 35,4 x 30,7. Инв. № ЭРИ-786 (СУ-782).
229. Троица Ветхозаветная. XIX в. 40,9 x 32,2. Инв. № ЭРИ-787 (СУ-777).
230. Богоматерь Казанская. XVIII в. 32,3 x 27,9. Инв. № ЭРИ-788 (СУ-832).
231. Святой Христофор. XVIII в. 40 x 32,5. Инв. № ЭРИ-789 (СУ-702).
232. Спас-Вседержитель. XVIII в. 29 x 23,8. Инв. № ЭРИ-790 (СУ-119).
233. Святые со креста. Начало XIX в. 38,5 x 32,5. Инв. № ЭРИ-791 (СУ-755).
234. Святой Николай. XVIII-XIX вв. 34 x 28,5. Инв. № ЭРИ-792 (СУ-340).
235. Икона четырехчастная. XVIII в. 32,2 x 25,1. Инв. № ЭРИ-793 (СУ-514).
236. Денсуе с припадающими. XIX в. 31,2 x 24,8. Инв. № ЭРИ-794 (СУ-821).
237. Избранные святые. XVIII в. 31 x 27,6. Инв. № ЭРИ-795 (СУ-402).
238. Спас Нерукотворный. Конец XVIII – начало XIX вв. 33,5 x 27,5. Инв. № ЭРИ-796 (СУ-787).
239. Святой Иоанн Лествичник. Конец XVIII – начало XIX вв. 31 x 26,8. Инв. № ЭРИ-797 (СУ-349).
240. Святитель в росте. XVIII в. (под записью). 32 x 28. Инв. № ЭРИ-798 (СУ-95).
241. Святой Никита Новгородский. XVIII-XIX (?) вв. 31,4 x 27,2. Инв. № ЭРИ-799 (СУ-88).
242. Отечество. XVIII в. 31,4 x 28,1. Инв. № ЭРИ-800 (СУ-76).
243. Распяtie. Начало XVIII в. 31,7 x 24,6. Инв. № ЭРИ-801 (СУ-10).
244. Святой Иоанн Предтеча. Начало XIX в. 28,6 x 23,4. Инв. № ЭРИ-802 (СУ-855).
245. Преподобные Зосима и Савватий, соломенские чудотворцы, с моделью монастыря. Конец XVII – начало XVIII в. 31 x 27,1. Инв. № ЭРИ-803 (СУ-351). Изд.: (Косцова, Побединская 1996; № 72).
246. "Се не подремлет". XVIII в. 31,5 x 28. Инв. № ЭРИ-804 (СУ-509).
247. Богоматерь всем Скорбящим Радость. XVIII в. 29,7 x 24,9. Инв. № ЭРИ-805 (СУ-845).
248. Мшера. XVIII в. 44,6 x 36,4. Инв. № ЭРИ-806 (СУ-323).
249. Рождество Богородицы. XIX в. 31,4 x 26,6. Инв. № ЭРИ-807 (СУ-91).
250. Мшера на август. XVIII в. 44,7 x 37. Инв. № ЭРИ-808 (СУ-489).
251. Избранные святые. XVIII в. 31,8 x 20. Инв. № ЭРИ-809 (СУ-411).
252. Икона двучастная: в верхней части – Денсуе, нижняя – под записью. XVIII в. 33,7 x 27,6. Инв. № ЭРИ-810 (СУ-422).
253. Отечество. XVIII в. 56 x 45,5. Инв. № ЭРИ-811 (СУ-474).
254. Богоматерь Казанская. XIX в. 31,7 x 26,8. Инв. № ЭРИ-812 (СУ-523).
255. Пророк Илья. XVIII в. 30 x 24. Инв. № ЭРИ-813 (СУ-856).
256. Богоматерь. XVIII-XIX вв. (под записью). 33,7 x 28. Инв. № ЭРИ-814 (СУ-687).
257. Створка кузова-складня. XVIII в. 105 x 31,6. Инв. № ЭРИ-815 (СУ-156).
258. Святой мученик Андрей Стратилат. XIX в. 17,3 x 15,4. Инв. № ЭРИ-828 (СУ-168).
259. Богоматерь Взъяснение Погибшим. 1769 г. 21,4 x 17,2. Инв. № ЭРИ-829 (СУ-199). Изд.: (Косцова, Побединская 1990; № 60)
260. Богоматерь Тихвинская. 18 x 14,6. Инв. № ЭРИ-830 (СУ-391).
261. Рождество Христово. XIX в. 18,5 x 14,5. Инв. № ЭРИ-833 (СУ-398).
262. Зачатие Иоанна Предтечи. XIX в. 22,7 x 18,5. Инв. № ЭРИ-834 (СУ-180).
263. Предание Иуда. XVIII-XIX вв. 18,1 x 14,5. Инв. № ЭРИ-837 (СУ-200).
264. Избранные святые. XVIII-XIX вв. 12,8 x 12,1. Инв. № ЭРИ-838 (СУ-571).
265. Створка складня. XIX в. 17 x 5,6. Инв. № ЭРИ-839 (СУ-668).
266. Богоматерь Умиление. XVIII в. 30,8 x 26,8. Инв. № ЭРИ-840 (СУ-847).
267. Архистратиг Михаил. XIX в. 33,5 x 27,2. Инв. № ЭРИ-841 (СУ-419).
268. Святой Никола в житии. XVII в. 32,5 x 27,8. Инв. № ЭРИ-842 (СУ-426).
269. Святые мученицы Феодосия и Татьяна. XIX в. 27,2 x 22,4. Инв. № ЭРИ-846 (СУ-447).
270. Богоматерь Знамение. XVIII в. 32,8 x 26. Инв. № ЭРИ-847 (СУ-512).
271. Святой Николай. XIX в. 39,1 x 30,5. Инв. № ЭРИ-848 (СУ-516).

272. Святые Владимир и Анна. XIX в. 32,4 x 27,8. Инв. № ЭРИ-849 (СУ-803).
273. Спас-Вседержитель. XIX в. 31,1 x 26,7. Инв. № ЭРИ-854 (СУ-871).
274. Рождество Богоматери. XIX в. 35 x 28,4. Инв. № ЭРИ-855 (СУ-78).
275. Ангел-хранитель и избранные святые. XIX в. 32,6 x 27,7. Инв. № ЭРИ-856 (СУ-874).
276. Богоматерь Одигитрия. XVIII в. 32,5 x 27,4. Инв. № ЭРИ-857 (СУ-841).
277. Ангел-хранитель и митрополит Алексей. XIX в. 32 x 26,9. Инв. № ЭРИ-859 (СУ-529).
278. Святые апостолы Петр и Павел. XIX в. 32,5 x 27,5. Инв. № ЭРИ-860 (СУ-808).
279. Святая Анастасия. Первая половина XVIII в. 108,5 x 90. Инв. № ЭРИ-899 (СУ-142).
280. Святая мученица Параскева в житии. XVIII в. 115 x 83. Инв. № ЭРИ-900 (СУ-133).
281. Святый Николай. XVIII в. 108 x 92. Инв. № ЭРИ-901 (СУ-153).
282. Спас Нерукотворный. XIX в. 110 x 84. Инв. № ЭРИ-902 (СУ-149).
283. Святый Никола Можайский в житии. Конец XVII в. 93 x 72. Инв. № ЭРИ-903 (СУ-296).
284. Богоматерь Тихвинская. 1862 г. 88,5 x 68. Инв. № ЭРИ-904 (СУ-155). Изд.: (Косцова, Побединская 1990; № 143).
285. Пророк Захарий. XVIII в. 79 x 70. Инв. № ЭРИ-905 (СУ-195).
286. Пророк Еремей. XVII в. 80 x 69,5. Инв. № ЭРИ-906 (СУ-162).
287. Пророк Еврипидий. XVIII в. 75 x 80,5. Инв. № ЭРИ-907 (СУ-164).
288. Святый апостол Павел. XVIII-XIX вв. (под записью). 138 x 53. Инв. № ЭРИ-908 (СУ-141).
289. Сень от царских врат. XVIII в. 125 x 69. Инв. № ЭРИ-909 (СУ-279).
290. Спас на престоле (средняя часть иконы). XVII в. 141 x 59. Инв. № ЭРИ-910 (СУ-128).
291. Створка от царских врат. XVII в. 164 x 40. Инв. № ЭРИ-911 (СУ-178-а).
292. Створка от царских врат. XVII в. 164 x 39. Инв. № ЭРИ-912 (СУ-178-б).
293. Икона двучастная: в верхней части – Воскрешение Лазаря, в нижней части – Святый апостол Петр. Конец XVII в. 118 x 38. Инв. № ЭРИ-913 (СУ-139).
294. Икона двучастная: в верхней части – Вход в Иерусалим, в нижней части – Святый Иоанн Предтеча. Конец XVII в. 118 x 39. Инв. № ЭРИ-914 (СУ-138).
295. Икона двучастная: в верхней части – Положение во гроб, в нижней части – Богоматерь. Конец XVII в. 117 x 40. Инв. № ЭРИ-915 (СУ-137).
296. Икона двучастная: в верхней части – Рождество Христово, в нижней части – Святый Иоанн Златоуст. Конец XVII в. 118 x 40. Инв. № ЭРИ-916 (СУ-286).
297. Икона двучастная: в верхней части – Троица Ветхозаветная, в нижней части – Святый Николай. Конец XVII в. 117 x 35. Инв. № ЭРИ-917 (СУ-287).
298. Икона двучастная: в верхней части – Христос с апостолами, в нижней части – Святый апостол Павел. Конец XVII в. 118 x 38. Инв. № ЭРИ-918 (СУ-285).
299. Пророк Соломон и Рождество Христово. Конец XVII – начало XVIII вв. 101 x 38. Инв. № ЭРИ-919 (СУ-306).
300. Праотец Авраам. Конец XVII в. 142 x 51. Инв. № ЭРИ-920 (СУ-140).
301. Праотец Исаак. Конец XVII в. 145 x 50. Инв. № ЭРИ-921 (СУ-330).
302. Праотец Иаков. Конец XVII – начало XVIII вв. 147,5 x 50. Инв. № ЭРИ-922 (СУ-155). Изд.: (Косцова 1982; № 91).
303. Рождество Богоматери. XVII в. 90 x 63. Инв. № ЭРИ-923 (СУ-151).
304. Прображение Господие. XVII в. 89 x 53. Инв. № ЭРИ-924 (СУ-300).
305. Успение Богоматери. XVII в. 89 x 51. Инв. № ЭРИ-925 (СУ-302).
306. Вознесение Господие. Конец XVII в. 88,5 x 51. Инв. № ЭРИ-926 (СУ-303).
307. Коронавание Богоматери. Конец XVIII в. 64,6 x 54. Инв. № ЭРИ-927 (СУ-495).
308. "Образ Святый Соборной и Апостольской Церкви". XIX в. 66,5 x 54. Инв. № ЭРИ-928 (СУ-746).
309. Благовещение. XVII в. (под записью XIX в.). 59 x 47. ЭРИ-929 (СУ-318).
310. Троица Новозаветная. XIX в. 54 x 42. Инв. № ЭРИ-930 (СУ-329).
311. Избранные святые. XIX в. 44 x 37. Инв. № ЭРИ-931 (СУ-734).
312. Пророк Исайя. XVII в. 72 x 79,5. Инв. № ЭРИ-932 (СУ-160). Изд.: (Косцова 1982; № 59)
313. Праотец Авраам. XVII-XVIII вв. 80 x 43. Инв. № ЭРИ-933 (СУ-542).
314. Праотец Лод. XVII-XVIII вв. 79,6 x 40,6. Инв. № ЭРИ-934 (СУ-?; номер утрачен).
315. Епископ Варсанофий. XVII-XVIII вв. 69 x 27. Инв. № ЭРИ-935 (СУ-551).
316. Святый апостол Павел. XVIII в. 78 x 27. Инв. № ЭРИ-936 (СУ-158).
317. Богоматерь Владимирская. XVII (?) – XIX вв. (под записью). 38 x 32. Инв. № ЭРИ-937 (СУ-750). Изд.: (Косцова, Побединская 1990; № 21).
318. Святый Иоанн Златоуст. XVIII-XIX вв. 31 x 24,5. Инв. № ЭРИ-938 (СУ-826).
319. Сошествие во ад. XVIII – начало XIX вв. 31 x 25. Инв. № ЭРИ-939 (СУ-676).
320. Богоматерь Казанская. Начало XVIII в. (под записью). 31 x 28. Инв. № ЭРИ-940 (СУ-682). Изд.: (Косцова, Побединская 1990; № 26).
321. Избранные святые. Конец XVII – начало XVIII вв. 99 x 83. Инв. № ЭРИ-941 (СУ-148). Изд.: (Косцова 1982; № 87).
322. Складень с изображением Благовещения и избранных святых. Две створки. XVIII-XIX вв. 52 x 16; 51,5 x 15,5. Инв. № ЭРИ-992 (СУ-722-а,б).
323. Четыре святых в молении Троице. XVIII в. 31 x 27,5. Инв. № ЭРИ-993 (СУ-53).

324. Святые Иоанн и Никита, архиепископы новгородские. XVII-XVIII вв. 30 x 26. Инв. № ЭРИ-994 (СУ-61).
325. Богоматерь Казанская. XVII-XVIII вв. 32 x 25. 5. Инв. № ЭРИ-995 (СУ-510).
326. Святые Козьма и Дамьян. Конец XVII – начало XVIII вв. 36 x 28,5. Инв. № ЭРИ-996 (СУ-501).
327. Богоматерь Корсунская. XVIII-XIX вв. (под записью). 30,5 x 25,5. Инв. № ЭРИ-997 (СУ-879).
328. Богоматерь Федоровская. XVIII в. 29,5 x 25,5. Инв. № ЭРИ-998 (СУ-880).
329. Успение Богоматери. XVII-XVIII в. 32 x 27,5. Инв. № ЭРИ-999 (СУ-790).
330. Благовещение. XVII-XVIII в. 32 x 26,5. Инв. № ЭРИ-1000 (СУ-44).
331. Избранные святые в молении образу Богоматери. XVII-XVIII в. 31 x 26. Инв. № ЭРИ-1001 (СУ-367).
332. Святой Дмитрий Ростовский. XVIII в. 31,5 x 26. Инв. № ЭРИ-1002 (СУ-688).
333. Богоматерь Казанская. XVII в. 32,5 x 28. Инв. № ЭРИ-1003 (СУ-342).
334. Два святых в молении Христу-Эммануилу. XIX в. 31,5 x 26,5. Инв. № ЭРИ-1004 (СУ-622).
335. Святые Харламыш и Мирон. XVIII в. 31 x 25. Инв. № ЭРИ-1005 (СУ-104).
336. Святые Николай Мирликийский и Василий Великий. XIX в. 30 x 26. Инв. № ЭРИ-1006 (СУ-113).
337. Святой Митрофан. XIX в. 30 x 26. Инв. № ЭРИ-1007 (СУ-686).
338. Преподобные Кирилл Белозерский и Кирилл Новозерский. XIX в. 31 x 25. Инв. № ЭРИ-1008 (СУ-354).
339. Четыре избранных святых. XIX в. (под записью). 31 x 27,5. Инв. № ЭРИ-1009 (СУ-810).
340. Богоматерь Казанская. XVIII в. 30,5 x 23,5. Инв. № ЭРИ-1010 (СУ-515).
341. Четыре избранных святых. XVIII-XIX в. 31,5 x 27. Инв. № ЭРИ-1011 (СУ-84).
342. Три святые мученицы. XVIII в. 31,5 x 27. Инв. № ЭРИ-1012 (СУ-67).
343. Богоматерь Умиление. XIX в. 31 x 26. Инв. № ЭРИ-1013 (СУ-87).
344. Богоматерь Тихвинская. XIX в. (поповлена). 31,5 x 26,5. Инв. № ЭРИ-1014 (СУ-801).
345. Рождество Богоматери. XVIII в. 31 x 27. Инв. № ЭРИ-1015 (СУ-363).
346. Святой Власий. XVII-XVIII вв. 27,5 x 23,5. Инв. № ЭРИ-1016 (СУ-875).
347. Богоматерь Владимирская. XIX в. 31 x 26,5. Инв. № ЭРИ-1017 (СУ-90).
348. Моление образу Богоматери и Праздники XIX в. (поповлена). 31,5 x 27. Инв. № ЭРИ-1018 (СУ-558).
349. Преподобный Кирилл Новозерский у монастыря. Начало XIX в. 21,3 x 17,8. Инв. № ЭРИ-1019 (СУ-179) Изд.: (Косцова, Побединская 1996: № 27).
350. Собор Богоматери. XVII-XVIII вв. 31 x 27,5. Инв. № ЭРИ-1020 (СУ-364).
351. Зачатие Богоматери. Конец XVIII – начало XIX вв. 31,3 x 26,3. Инв. № ЭРИ-1021 (СУ-59).
352. Богоматери и архангел Михаила. XIX в. 28,8 x 21,8. Инв. № ЭРИ-1022 (СУ-448).
353. Собор архистратига Михаила. Конец XVIII – начало XIX вв. 36 x 29. Инв. № ЭРИ-1023 (СУ-337).
354. Избранные святые. XIX в. (под записью). 38 x 31. Инв. № ЭРИ-1024 (СУ-781).
355. Избранные святые в молении образу Богоматери. Конец XVIII – начало XIX вв. 38 x 32,5. Инв. № ЭРИ-1025 (СУ-413).
356. Вход в Иерусалим. Конец XVIII – начало XIX вв. 38 x 34. Инв. № ЭРИ-1026 (СУ-499).
357. Рождество Христово, Богоматерь Скорбящая и Избранные святые. XIX в. 37,8 x 31. Инв. № ЭРИ-1027 (СУ-414).
358. Богоматерь Страстная. XIX в. 40,5 x 35. Инв. № ЭРИ-1028 (СУ-498).
359. Благовещение. XVII в. 44 x 41. Инв. № ЭРИ-1029 (СУ-491).
360. "О Тебе радуется". Конец XVIII – начало XIX вв. 52 x 41,8. Инв. № ЭРИ-1030 (СУ-22).
361. "Единородный сын". XIX в. 53,5 x 41,8. Инв. № ЭРИ-1031 (СУ-16).
362. Складень. Две стюрки. XVII-XVIII вв. 74,5 x 22; 73,5 x 21,5. Инв. № ЭРИ-1044-а,б (СУ-723-а,б).
363. Мисея на май-август. XIX в. 53 x 41. Инв. № ЭРИ-1045 (СУ-182).
364. Вознесение Господие. XIX в. 54 x 45. Инв. № ЭРИ-1046 (СУ-895).
365. Мисея на октябрь. XIX в. 48 x 39. Инв. № ЭРИ-1047 (СУ-190).
366. Жена-мироносица у Гроба Господня. XIX в. 53,5 x 38,5. Инв. № ЭРИ-1048 (СУ-893).
367. Мисея на август. XIX в. 48 x 39. Инв. № ЭРИ-1049 (СУ-488).
368. Мисея на сентябрь. XIX в. 48 x 38,56. Инв. № ЭРИ-1050 (СУ-189).
369. Мисея на февраль. XIX в. 48 x 39,5. Инв. № ЭРИ-1051 (СУ-192).
370. Мисея на декабрь. XIX в. 48 x 39,5. Инв. № ЭРИ-1052 (СУ-485).
371. Мисея на ноябрь. XIX в. 48 x 39. Инв. № ЭРИ-1053 (СУ-191).
372. Мисея на сентябрь-декабрь. XIX в. 53 x 41. Инв. № ЭРИ-1054 (СУ-186).
373. Богоматерь в рост. XVIII-XIX вв. (под записью). 90 x 39,5. Инв. № ЭРИ-1055 (СУ-308).
374. Стюрка складня. XVII-XVIII в. 103,5 x 31,5. Инв. № ЭРИ-1056 (СУ-537).
375. Дверь с изображением архидиакона Стефана. Конец XVII – начало XVIII вв. 171 x 62,5. Инв. № ЭРИ-1057 (СУ-131).
376. Странный суд. Иконописец Петр Кособрохов. 1773 г. 127 x 92. Инв. № ЭРИ-1058 (СУ-290). Изд.: (Косцова, Побединская 1990: № 62).

377. Святой Иоанн Предтеча. XIX в. 40 x 31,5. Инв. № ЭРИ-1059 (СУ-703).
378. Богоматерь "Гора Нерукожесная". XIX в. 36 x 29,5. Инв. № ЭРИ-1060 (СУ-336).
379. Благовещение. XIX в. (под записью). 27 x 20,5. Инв. № ЭРИ-1061 (СУ-869).
380. Святой Антоний. XIX в. 32 x 26,5. Инв. № ЭРИ-1062 (СУ-81).
381. Избранные святыи и моление Богоматери. XVIII в. 31 x 27. Инв. № ЭРИ-1063 (СУ-521).
382. Богоматерь Владимирская. XVIII в. 31 x 26. Инв. № ЭРИ-1064 (СУ-45).
383. Святая мученица Параскева. XIX в. 31,5 x 26,5. Инв. № ЭРИ-1065 (СУ-346).
384. "Христос Добрый Пастырь". XIX в. 22 x 18,8. Инв. № ЭРИ-1107 (СУ-202).
385. Богоматерь Казанская. XVIII в. 18 x 14. Инв. № ЭРИ-1141 (СУ-397).
386. Преподобные Зосима и Савватий, соловецкие чудотворцы, с монастырем. Конец XVII в. 30 x 22,5. Инв. № ЭРИ-1142 (СУ-120). Изд.: (Изд.: (Косцова 1982: № 75; Косцова, Побединская 1996: № 66).
387. Спас на престоле. XVIII в. 37,5 x 31, 5. Инв. № ЭРИ-1143 (СУ-700).
388. Богоматерь с младенцем и 12 апостолов. XVIII в. (под записью). 35,5 x 30. Инв. № ЭРИ-1144 (СУ-624).
389. Введение во храм. Начало XVII в. 72,5 x 46,5. Инв. № ЭРИ-1145 (СУ-462). Изд.: (Косцова 1992: № 112)
390. Святой пророк Елисей. Начало XVII в. 75 x 48. Инв. № ЭРИ-1146 (СУ-463). Изд.: (Косцова 1992: № 117).
391. Воскресение Христова и Праздники. XVIII в. 88,5 x 70. Инв. № ЭРИ-1147 (СУ-154).
392. Спас на престоле. XVIII-XIX вв. 72 x 51. Инв. № ЭРИ-1148 (СУ-309).
393. Дверь с изображением архидиакона Стефана. Конец XVII – начало XVIII вв. 172 x 59. Инв. № ЭРИ-1149 (СУ-130).
394. Богоматерь Неопалимая Купина. XVIII-XIX вв. 53,5 x 44,5. Инв. № ЭРИ-1150 (СУ-478).
395. Святой Иоанн Богослов. XVII в. 30,5 x 27. Инв. № ЭРИ-1151 (СУ-520).
396. Троица Ветхозаветная. Конец XVII – начало XVIII вв. 98 x 74. Инв. № ЭРИ-1182 (СУ-144).

Ярусная стратиграфия нижних слоев Староладожского городища

Раннесредневековые материалы Старой Ладogi уже более ста лет приковывают к себе внимание исследователей. Работа по их изучению существенно продвинулась за последние годы. Однако, чтобы представить историю Ладogi VIII-X вв. более динамично необходимо разделить всю толщу слоев этого времени на яруса¹. Такое стратиграфическое членение позволяет объективно оценивать изменения в планировке, домостроительстве и вещевом комплексе. Сохранность органических материалов в слоях VIII-X вв. и работы по дендродатированию сооружений на отдельных участках вскрытой площади позволяют создать стратиграфическую колонку с определением хронологических рамок с точностью до нескольких лет.

Источниковедческой базой проведенного исследования служат публикации (Старая Ладога 1948; Равдоникас 1949; 1950; Гроздилов 1950; Давидан 1976; Рябинин 1985; Петренко 1985; Черных 1985; Рябинин, Черных 1988) и архивные материалы (Приложение). Стратиграфическая колонка разрабатывалась первоначально на материалах смежных участков раскопов В.И.Равдоникаса и Е.А.Рябинина на Земляном городище. Полевые исследования на этой площади (около 2000 м², см. рис.1), особенно на раскопе Е.А.Рябинина, велись на высоком методическом уровне, полевая документация обширна и тщательно выполнена. Это позволяет сопоставлять данные раскопок разных лет. Путем наблюдения над положением построек в стратиграфической колонке установлена связь (т.е. относительная синхронность) между сооружениями, открытыми в раскопе В.И.Равдоникаса, и комплексами из раскопок Е.А.Рябинина, имеющими абсолютные даты, полученные методом дендрохронологии. Выделено 11 ярусов синхронной застройки (I-XI — снизу вверх), сменявших друг друга с середины VIII до конца X в.²

В 1986 г., по инициативе автора, в рамках работ Староладожской экспедиции ЛОИА (рук.А.Н.Кирпичников), были осуществлены небольшие разведочные работы по доследованию постройки и нижележащих напластований, оставленной в 1947 г. В.И.Равдоникасом неразобранной на дне раскопа. Заложенная траншея (8 x 2 м) вскрыла южную часть

1 Под ярусом мы понимаем пласт одновременной застройки и культурный слой, образовавшийся за время ее существования.

2 К сожалению, далеко не все материалы раскопа Н.И.Репникова можно сопоставить с полученной стратиграфической схемой, поскольку автор раскопок фиксировал только наиболее полно сохранившиеся комплексы, но их некоторая часть вполне увязывается с ярусами, выделенными в раскопках В.И.Равдоникаса и Е.А.Рябинина.

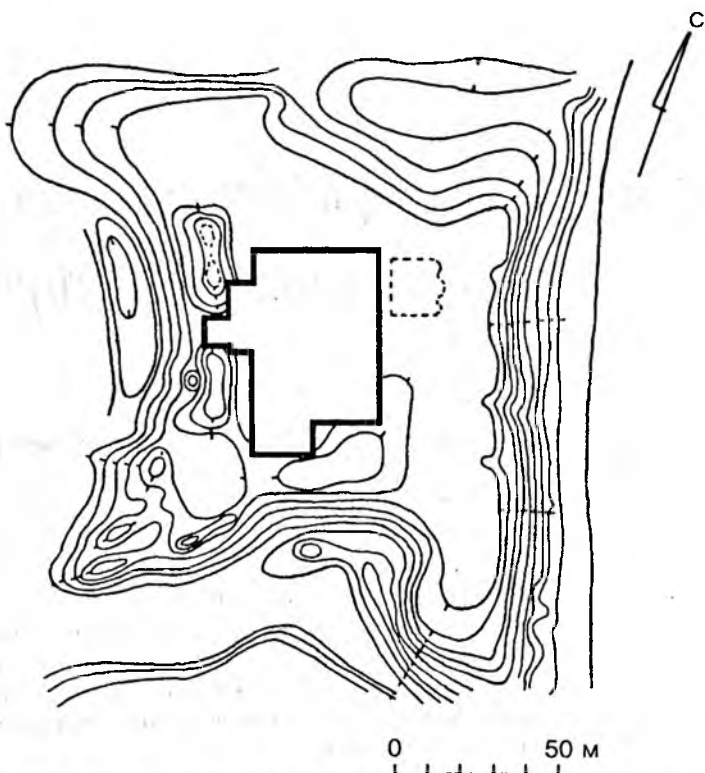

Рис. 1 Земляное городище Старой Ладоги с обозначением местоположения сводного раскопа В.И.Равдоникаса и Е.А.Рябинина. Пунктиром обозначено местоположение ц.Климента

постройки, с которой были взяты спилы для дендроанализа, сделаны важные стратиграфические наблюдения, позволившие проверить и уточнить предложенную стратиграфическую схему.

На участке Варяжской улицы (левый берег реки Ладожки), исследованном в 1972-1975 гг. В.П.Петренко (около 600 м²), открыта застройка середины IX — начала XI вв. В.П.Петренко выделил 11 "основных строительных горизонтов", большинство которых датировано методом дендрохронологии (Петренко 1985: 84-94). Н.Б.Черных выделила 8 пиков порубочных дат, отражающих 8 периодов строительной активности (Черных 1985: 117-122). Сопоставление материалов Варяжской улицы и Земляного городища показало, что V-XI яруса, выделенные нами на раскопах Н.И.Репникова — В.И.Равдоникаса — Е.А.Рябинина, соответствуют XI-III основным горизонтам Варяжской улицы. Синхронизация осуществлялась по данным стратиграфии (общие для двух участков одновременные слои пожаров середины X и конца X в.) и дендрохронологии. Таким образом, предполагаемая ярусная стратиграфия может быть распространена практически на все участки поселения, где сохранились раннесредневековые слои, содержащие органические остатки.

На Земляном городище нами введена общая для раскопок всех лет нумерация построек и сооружений. Римскими цифрами обозначен ярус, арабскими — номер постройки в ярусе. Для Варяжской улицы сохранены обозначения "основных горизонтов" по В.П.Петренко. Результаты работы обобщены в хронологической и планиграфических таблицах. (таблица; рис.2-11).

Земляное городище				Варяжская улица По В.П.Пет- ренко	Ярус	Дата
По Н.И.Реп- никову	По В.И.Равдо- никасу	По О.И.Да- видан	По Е.Я.Ряби- нину			
3 слой (I ярус)	Д	Д	Д верхнее	III	XI	990-е
				IV	X	970-е — — 990-е
			Д нижнее	V	IX	950-е — — 970-е
				VI	VIII	920-е — — ок.950
	E ₁	E ₁	E ₁	VII-VIII	VII	890-е — — 920-е
				IX-X	VI	ок.865 — — 890-е
4 слой (II ярус)	E ₂	E ₂	E ₂	X-XI	V	ок.840 — — ок.865
5 слой (III ярус)	E ₃	E ₃ /1	E ₃ бурый гумус-1	XI	IV	ок.810 — — ок.840
		E ₃ /2	E ₃ черный гумус		III	ок.780 — — ок.810
		E ₃ /3	E ₃ бурый гумус-2		II	сер.760-х — 770-е
					I	750-е — — 760-е

Остановимся подробнее на обосновании выделения ярусов, определения их хронологии и соотношения с общепринятой ладожской стратиграфией, разработанной В.И.Равдоникасом и дополненной О.И.Давидан и Е.А.Рябининым (Равдоникас 1949: 9-12; Давидан 1976: 101-115; Рябинин 1985: 35-55). Слои будут рассматриваться в порядке сверху вниз (последовательно горизонты Д, E₁, E₂, E₃ по общепринятой схеме), от поздних к ранним.

Верхние слои Земляного городища с сохранившейся органикой, характеризующиеся плотной застройкой, были выделены В.И.Равдоникасом в горизонт Д. Уже тогда был замечен факт асинхронности сооружений этого горизонта, содержавшего не менее 2-3 слоев разновременных построек (Гроздилов 1950: 148-150). Однако специальной работы по их расчленению не проводилось. Разделение горизонта Д на яруса имеет свою специфику, обусловленную наличием плотной застройки, что облегчает фиксацию соотношения строительных комплексов

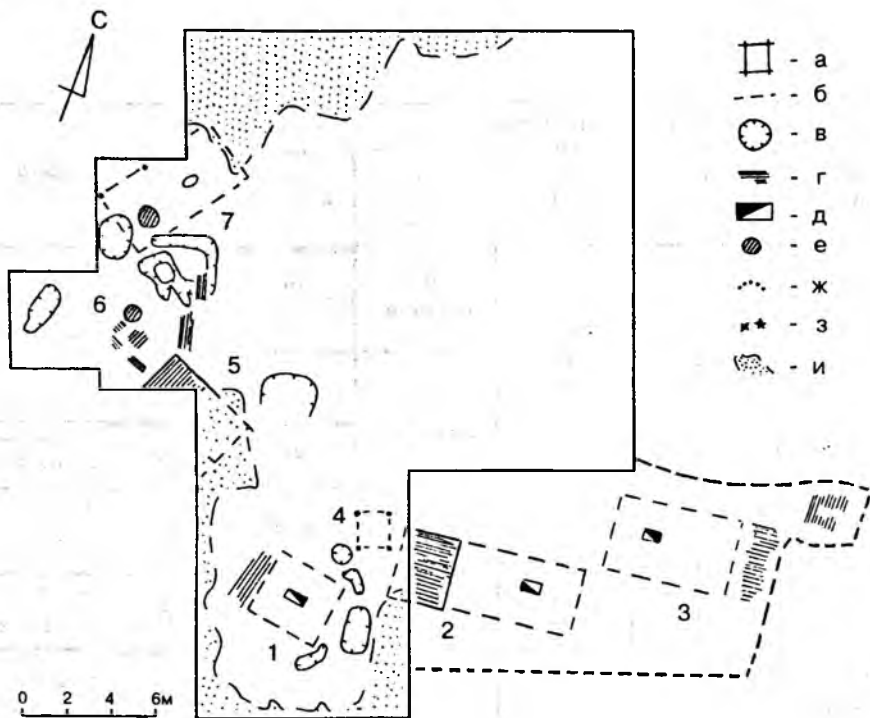

Рис. 2 Ярус I. 750-760-е гг.

по горизонтали (в пределах яруса) и по вертикали (в случаях перекрытия постройки одного яруса постройкой другого). Основным критерием отнесения сооружения к определенному ярусу (и не только для горизонта Д, но и при анализе лежащих ниже напластований) была фиксация его положения в "пачке" перекрывающих друг друга комплексов. Число таких "пачек" для горизонта Д не менее 10, и они охватывают практически всю площадь раскопа на Земляном городище.

Другими критериями разделения строительных комплексов по ярусам являлись:

1) характер заполнения построек и структура прилегающего к ним слоя;

2) сохранность дерева;

3) наличие следов пожара;

4) нивелировочные отметки;

5) соотношение в комплексах лепной и гончарной керамики.

Дадим их краткую характеристику.

VIII ярус (рис. 9). Сооружения яруса занимают обычно нижнюю позицию в "пачках" налегающих друг на друга построек. Залегают они в слое бурого гумуса со щепой. Сохранность дерева хорошая. Все сооружения носят следы пожара. Средние нивелировочные отметки -100/-80. Сосуществует лепная и гончарная керамика (лепная преобладает). Постройки, выделенные в VIII ярус на площади раскопов Н.И.Репникова и В.И.Равдоникаса, по всем показателям соотносятся с "большим домом" (VIII-24) на участке, исследованном Е.А.Рябининым. Строительство дома датируется рубежом 920х — 930х гг. (ок.931 г.). Большая доля лепной

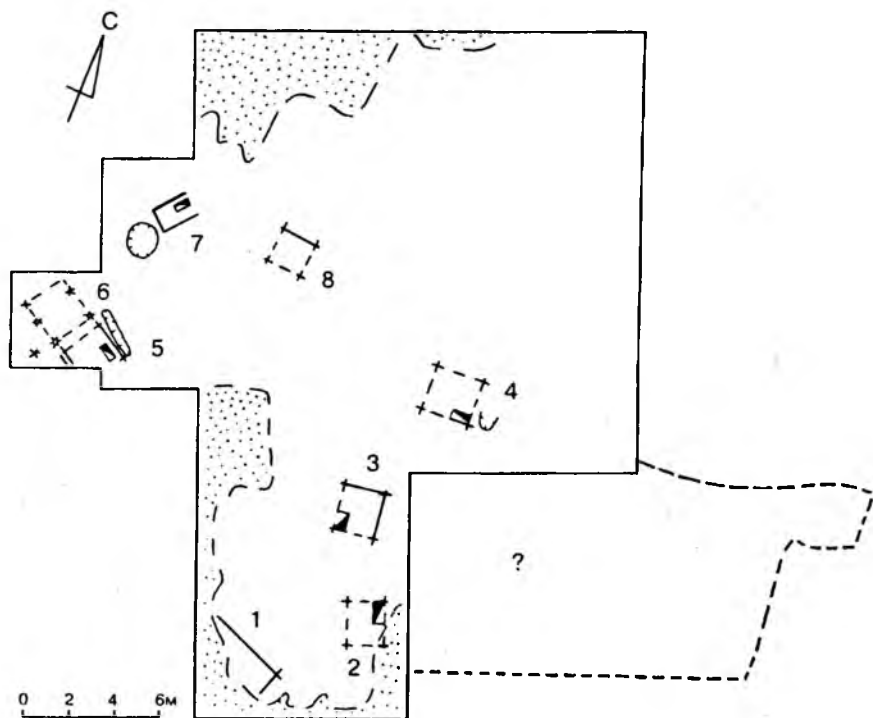

Рис. 3 Ярус II. Середина 760-х – 770-е гг.

керамики в комплексах рядовой застройки по сравнению с “большим домом” позволяет думать, что основная часть VIII яруса сформировалась несколько ранее времени возведения “большого дома” VIII-24 и строительства комплексов VI “основного горизонта” на Варяжской улице (дендродаты: 930-е – 940-е гг.). В целом его существование синхронно VI “основному горизонту” Варяжской улицы. Застройка обоих участков поселения гибнет в пожаре, случившемся на рубеже 940-950-х годов (ок.950 г.); время пожара определяет верхнюю дату VIII яруса – VI “основного горизонта” и нижнюю дату IX яруса и V “основного горизонта”.

IX ярус (рис. 10). Сооружения яруса занимают обычно среднюю позицию в “пачках” построек. В ряде случаев, в восточной части раскопанной площади, где вышележащие слои не сохранились или сохранились хуже, — верхнюю. Сохранность дерева хуже. Заполнение построек и прилегающий слой — бурый гумус с разложившейся древесинной. Средние нивелировочные отметки -80/-60. Следов пожара не выявлено. Преобладает гончарная керамика, но сохраняется и лепная. Нижняя дата яруса определена временем гибели VIII яруса. Около 954 г. ремонтируется “большой дом” VIII-24 (Рябинин, Черных 1988: 97). Строительная деятельность ведется здесь и в 960-х годах. Время смены яруса IX ярусом X условно отнесено нами к 970 г. Эта дата, за отсутствием соответствующих дендрохронологических материалов в раскопе Е.А.Рябинина, опирается на среднее время существования застройки в древнерусских городах X-XI вв.: Ладога (Варяжская улица) — 20-25 лет, Новгород (Неревский раскоп) — 20 лет. При сопоставлении предлагаемой верх-

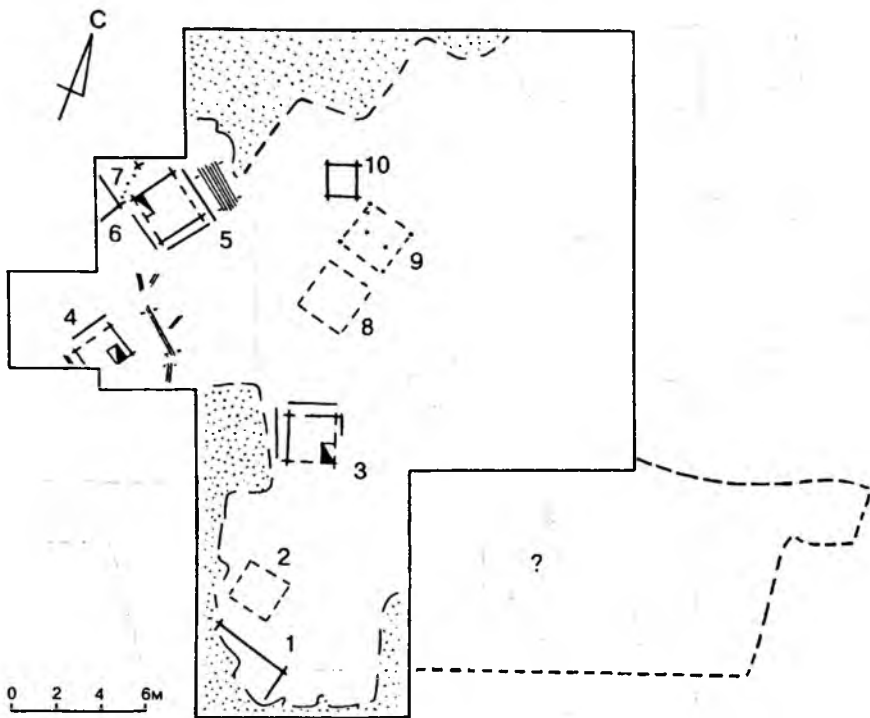

Рис. 4 Ярус III. Ок. 780 – ок. 810 гг.

ней даты IX яруса с верхней датой V “основного горизонта” Варяжской улицы (шестой строительный период по Н.Б.Черных) противоречий не обнаружено (Черных 1985: 122). IX ярус Земляного городища и V “основной горизонт” Варяжской улицы можно считать в целом синхронными и датировать 950-970-ми годами.

X ярус (рис.11). Постройки этого яруса сохранились лишь в западной части сводного раскопа на Земляном городище, т. е. на участке, не затронутом строительной деятельностью при сооружении ц.Св.Климента (XII в.) и функционировавшим при нем кладбищем. Ряд сооружений яруса (X-1, X-3, X-5, X-7) занимают верхнюю позицию в “пачках” из трех построек, а настилы большого комплекса, состоящего из построек X-5 и X-6, частично перекрывают остатки “большого дома” VIII-24, ремонтировавшегося ок.954 г. и в 960-х годах (XI ярус). Постройки залегали в слое черного гумуса. Сохранность дерева неравномерная. Следов пожара нет. Преобладает гончарная керамика. Дата формирования яруса относится, очевидно, к 970-м годам. Верхняя дата, исходя из сказанного об определении среднего времени существования застройки, отнесена нами к 990м годам. Материалы IV “основного горизонта” (седьмой строительный период по Н.Б.Черных), если считать этот горизонт инхронным X ярусу (Черных 1985: 120, 122), подтверждают предложенную датировку.

XI ярус. Сохранилась одна постройка (XI-1), занимающая верхнее положение в “пачке” построек над постройкой X-7. С ней связаны настилы, перекрывшие комплекс X-5/X-6. Залегают они в слое черного гумуса, но менее интенсивной окраски, чем гумус X яруса. Керамика

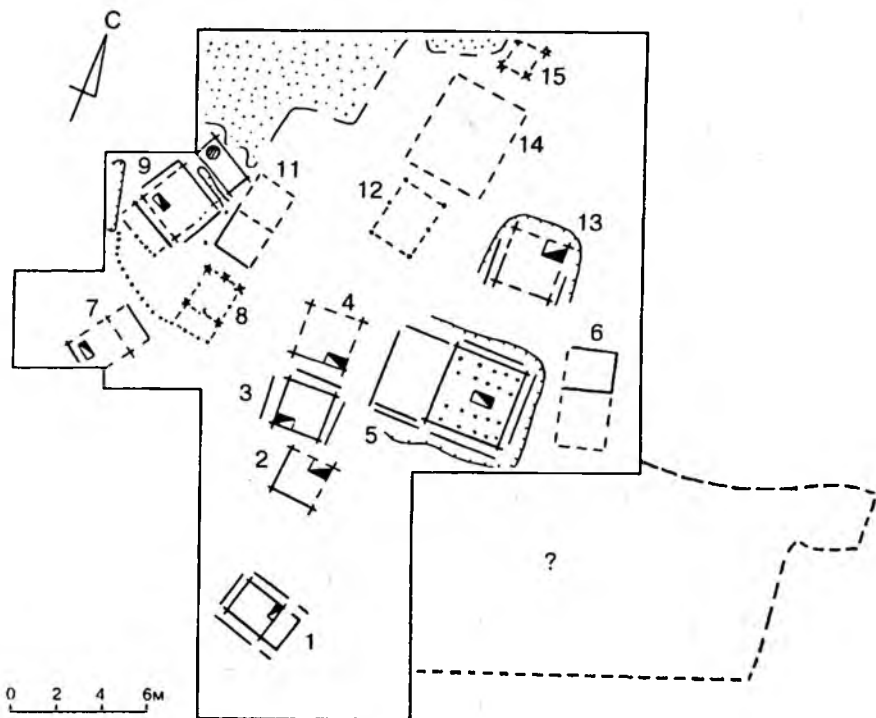

Рис. 5 Ярус IV. Ок. 810 – ок. 840 гг.

ка гончарная. Плохо сохранившийся XI ярус Земляного городища следует, очевидно, сопоставлять с III “основным горизонтом” Варяжской улицы, сформировавшимся в течение 990х годов и погибшим во время пожара не ранее 995 г. (Петренко 1985: 92; Черных 1985: 122).

В раскопе В.П.Петренко на Варяжской улице остатки III “основного горизонта” перекрыты II “основным горизонтом”, который также носит следы большого пожара. Два ладожских пожара конца X — начала XI вв. можно рассматривать как отражение бурных событий, связанных с набегами ярла Эйрика (ок.997 г.) и Свейна (ок.1015 г.), что позволяет наметить хронологические рамки для указанных ярусов (Рыдзевская 1945: 51-64; Джаксон 1993: 153-154,163,184; 1994: 43,51,71).

Четкое разделение на ярусы слоя, подстилающего горизонт Д (горизонт Е) представляет более трудную задачу. В указанном горизонте имеется своеобразный стратиграфический репер, наличие которого отмечали все исследователи Земляного городища (Корзухина 1961: 82-84).

VI-VII яруса (рис.7-8). Слои между Е₂ и Д (т. е. между V и VIII ярусами) В.И.Равдоникас обозначил индексом Е₁. В Е₁ застройка имеет низкую плотность, но в ряде случаев зафиксировано перекрывание ранних сооружений более поздними: большой жилищно-хозяйственный комплекс (VIII-1/VIII-2) частично перекрывал настил к северу от т.н. “кузницы” (VI-1), а сама “кузница” залегала значительно ниже уровня постройки VII-1, что говорит о явной одновременности комплексов. В северной части вскрытой площади (кв.Ж8) развал печи-каменки перекрывал остатки срубного хлева (соответственно постройки VII-4 и VI-7). Наконец, на участке, исследованном Е.А.Рябининым, два хозяйствен-

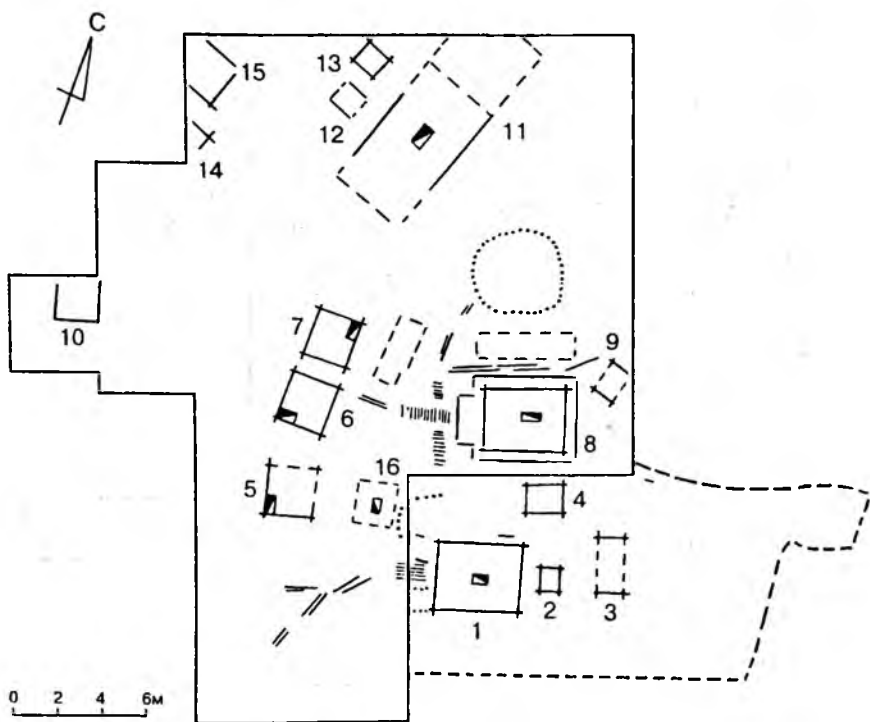

Рис. 6 Ярус V. Ок. 840 — ок. 865 гг.

ных сооружения VI-5 и VI-6, судя по дендродатам (871 г. и 878 г.), явно предшествуют “большому дому” (VII-3), возведенному ок.894 г. (Рябинин, Черных 1988: 91-93). Таким образом, в рамках горизонта E₁ выделяется два яруса — VI и VII. Верхняя дата VII яруса (рис.8) определяется временем его смены VIII ярусом, то есть — 920-ми годами. Нижняя дата VI яруса (рис.7) приурочена к гибели застройки V яруса (между 863 и 870 гг., условно — ок.865 г.). Труднее провести границу (и стратиграфическую, и хронологическую) между VI и VII ярусами, так как структура застройки в это время существенных изменений не претерпевала, поселение не гибло в пожаре, а серия дендродат невелика. Учитывая эти факты, в качестве опорной можно принять дату строительства “большого дома” VI-3 — около 894 г. Эта дата, в общем, совпадает с наблюдениями Н.Б.Черных над порубочными датами сооружений VII-X “основных горизонтов” Варяжской улицы, где она также выделила два периода строительной активности — 870-890-е и 890-920-е годы (Черных 1985: 122).

V ярус (рис.6). Как уже отмечалось выше, ярус хорошо выделяется стратиграфически. Достаточно высокая плотность застройки, погибшей при мощном пожаре, позволяет легко установить связь построек по горизонтали в пределах яруса. Судя по материалам из раскопа Е.А.Рябинина, верхняя дата яруса определяется периодом между 863 и 870 гг. (Рябинин, Черных 1988: 91). Некоторая строительная активность на Варяжской улице во второй половине 860-х годов (Черных 1985: 121-122) дает повод сузить верхнюю дату яруса дату — между 863 и 868 гг. (условно — ок.865 г.). Нижняя дата основана на серии спилов с Земля-

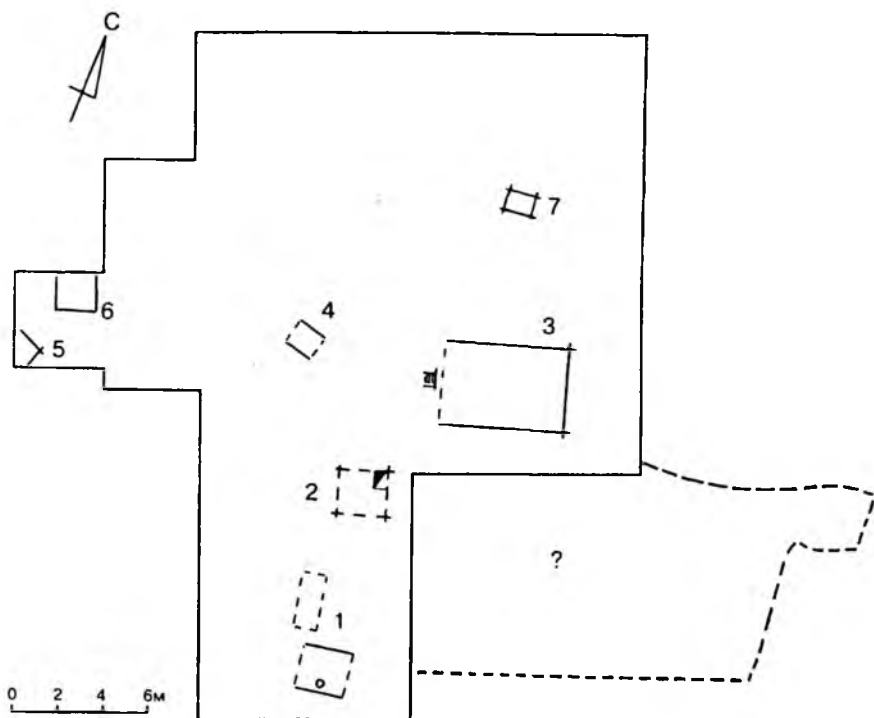

Рис. 7 Ярус VI. Ок. 865 – 890-е гг.

ного городища — между 838 и 845 гг. (Рябинин, Черных 1988: 91). Здесь интересно снова привлечь дендродаты сооружений Варяжской улицы, где наиболее ранняя порубочная дата — 842 г. Таким образом, можно отметить, что сооружения V яруса Земляного городища, погибшие в пожаре, в основном синхронны наиболее ранним постройкам на Варяжской улице (XI, частично X “основные горизонты”), а данный период в истории Ладоги можно датировать от 840-х до середины 860-х годов (ок.840 — ок.865 гг.).

Попытку разделить нижележащие слои (микрораздел Ез по В.И.Равдоникасу) предпринимала О.И.Давидан (Давидан 1976: 101 сл.). Исследовательница выделила три стратиграфических подразделения, которые принято обозначать как Ез/1, Ез/2 и Ез/3. Раскопки Е.А.Рябикина уточнили эти наблюдения и дали дендродаты отдельных слоев³. “Большой дом” (IV-5), исследованный В.И.Равдоникасом в 1947 г. и дополнительно изученный нами в 1986 г., занимает ключевое положение в свите нижних слоев восточной части раскопанной площади. С ним связан ряд сооружений в пределах яруса, и от его датировки зависит хронология всего яруса. Над ним В.И.Равдоникасом зафиксированы остатки трех сменявших друг друга построек. Под ним имелись еще

³ Первоначально мы опирались на эти работы, внося лишь незначительные дополнения (Мачинский, Кузьмин, Мачинская 1986: 164-166). Однако материалы, полученные в разведочном раскопе 1986 г., заставили автора пересмотреть ряд высказанных ранее положений, а также привязку построек и вещевых находок по ярусам.

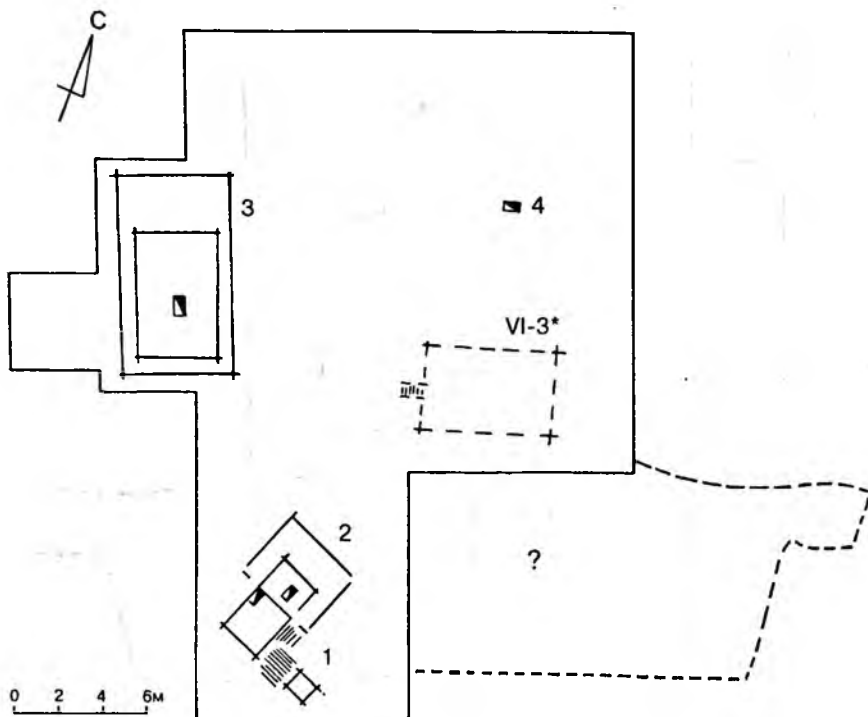

Рис. 8 Ярус VII. 890-е – 920-е гг.

остатки сгоревшей постройки, давшие, как и дом, датированные спилы. Сопоставление восточной части раскопанной площади (участок 1947 г.) и западной (участок 1973-1975 и 1981-1985 гг.) позволило создать довольно связанную картину формирования культурных напластований.

Поскольку древняя дневная поверхность, на которой начал накапливаться культурный слой, не была горизонтальной, а имела уклон (с востока на запад — 1 м, с севера на юг — 0,5 м), при выделении ярусов необходимо рассмотреть динамику этого накопления. В древности, перед началом освоения площадки Земляного городища, материковый слой вивианитной глины перекрывался слоем торфяниковой луговой почвы, которая в раскопе представлена коричневым гумусом, подстилающим культурные напластования. Интересно, что на участке раскопок Е.А.Рябинина, то есть в более низком по сравнению с центром площадки Земляного городища месте, этот слой составляет 0,08-0,12 м (Рябинин, Черных 1988: 74), тогда как на более высоких участках в раскопе В.И.Равдоникаса он достигает 0,20-0,25 м и даже 0,40-0,50 м толщины (кв.Ф2-4, А2-4). Такое распределение почвенного слоя в данных условиях невозможно объяснить процессом естественного накопления. Очевидно, естественный почвообразовательный процесс был нарушен.

Сравнив нивелировочные отметки “большого дома” IV-5 (средние -160/-180) и синхронной ему постройки IV-7 в раскопе Е.А.Рябинина, можно увидеть, что последняя находится на 0,2-0,3 м выше. При этом постройка IV-5 находится ближе к центру Земляного городища, и толщина подстилающего ее культурного слоя составляет 0,3-0,4 м (по дан-

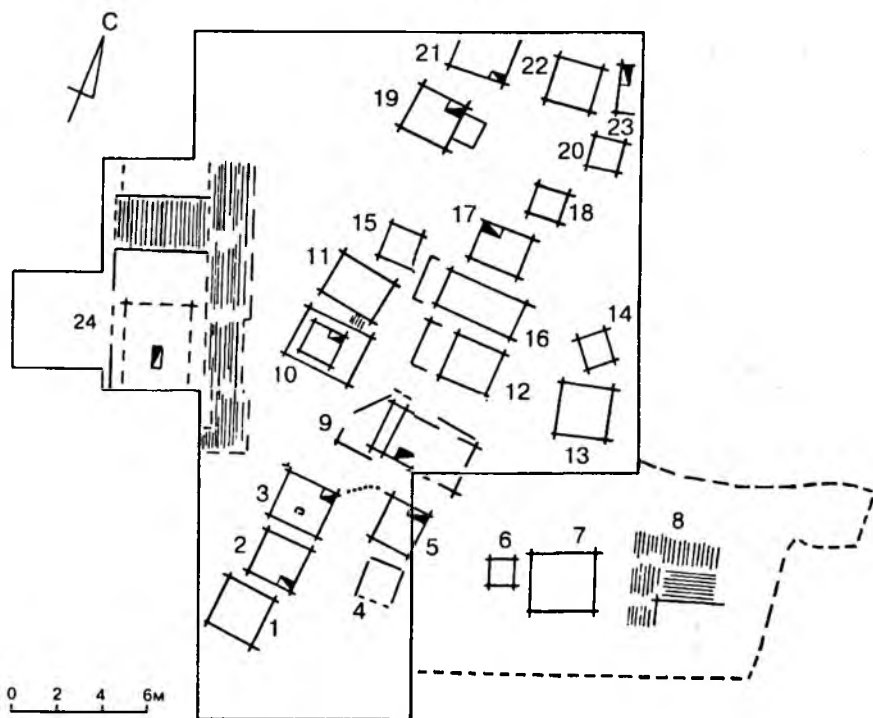

Рис. 9 Ярус VIII. 920-е – ок. 950 гг.

ным 1986 г.), а свита напластований под постройкой IV-7 достигает 0,7 м (Рябинин, Черных 1988: 74). Под этим уровнем построек на участке раскопа Е.А.Рябинина (объединены исследователем в “слой бурого гумуса-I”) выделяется еще два стратиграфических слоя (“черный гумус” и “бурый гумус-II”) и три строительных периода. Сооружения на границе бурого гумуса-II и черного гумуса (второй строительный период от материка на этом участке) носили следы пожара. Под остатками “большого дома” IV-5 в 1986 г. был прослежен развал сгоревшего сооружения (II-4) на слое погребенной почвы толщиной 0,08-0,12 м, то есть — аналогичного по мощности слою погребенной почвы в раскопе Е.А.Рябинина и резко отличного от окружающей площади. Подобную картину, на наш взгляд, можно истолковать следующим образом

Первоначально застройка возникает не в центре площадки городища, а по краям. Быстро накопившийся слой бурого гумуса и щепы, зафиксированный в раскопе Е.А.Рябинина (бурый гумус-II), на участках, изученных В.И.Равдоникасом (1959 г., частично 1947 г.) и Н.И.Репниковым (1911 г., 1913 г.), “запечатал” практически не затронутую человеческой деятельностью почву, которая в погребенном состоянии сохранила на указанных участках свою естественную толщину (0,08-0,12 м). Интенсивное накопление слоя по краям площадки, а также возможное существование иных факторов (ограда, укрепления?), препятствовавших нормальному водосбросу и смыву культурного слоя вниз по склону, привело к заболачиванию центральной площадки Земляного городища. Очевидно, что в период, когда культурный слой

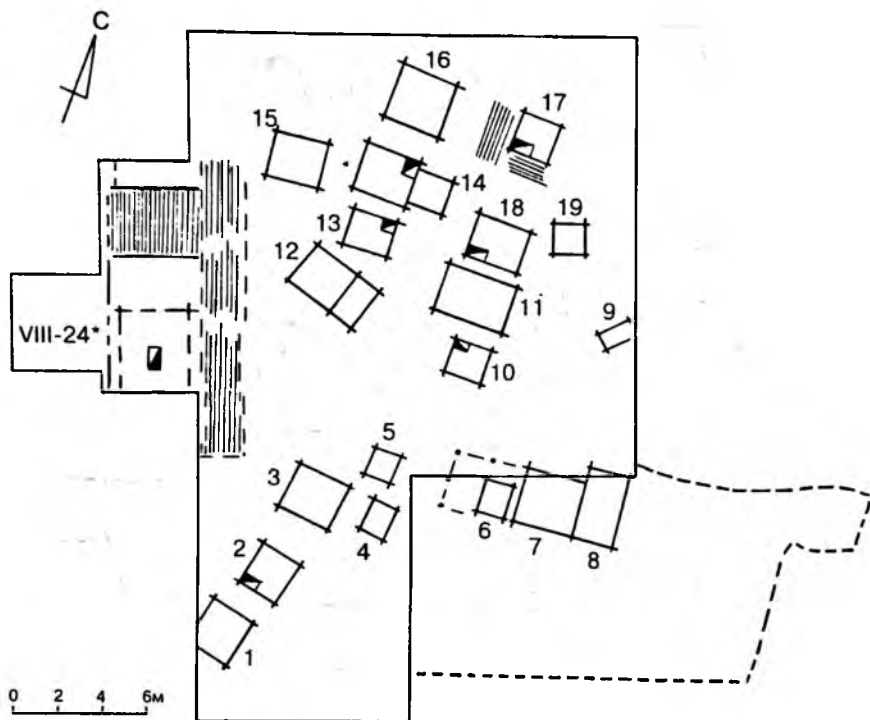

Рис. 10 Ярус IX. 950-е – 970-е гг.

на краю площадки городища достиг отметок, равных уровню почвы в центральной части поселения, слабо затронутой хозяйственной и строительной деятельностью, а затем превзошел их, процесс заболачивания усилился, что выразилось в резком увеличении толщины торфянистого слоя в центре площадки городища и сильной гумусированности культурного слоя по краю (слой черного гумуса в раскопе Е.А.Рябинина). Поэтому, когда начинается широкое освоение и застройка центральной части городища, здесь ведутся работы по осушению (канавы, мостки, каменные вымостки). Таким образом, анализ динамики накопления слоя на разных участках вскрытой площади позволяет уточнить картину формирования застройки и выделить строительные ярусы I-IV.

I ярус (рис.2). Застройка располагается только по краю площадки. Сооружения залегают в основании бурого гумуса, часто прямо на древней почве. Дендродаты имеются лишь для участка раскопок Е.А.Рябинина, где исследован производственный комплекс (1-6/1-7). Наиболее ранняя порубочная дата — 753 г. В целом комплекс функционирует в 750-760-х годах (Рябинин 1985: 54-55). С ним связан настил 1-5, находившийся, судя по всему, перед входом в постройку типа “большого дома”, аналогичную жилищам I-2 и I-3.

Во второй половине 760-х годов застройка участка претерпела кардинальные изменения. Производственный комплекс прекратил свое функционирование. Судя по кладу инструментов, брошенных в обводную канавку, заполненную водой, это случилось внезапно. После этого на месте кузницы (1-7) появляется постройка II-7, которая, по всей видимости, является летней кухней. Ряд сооружений на материке перекрыл

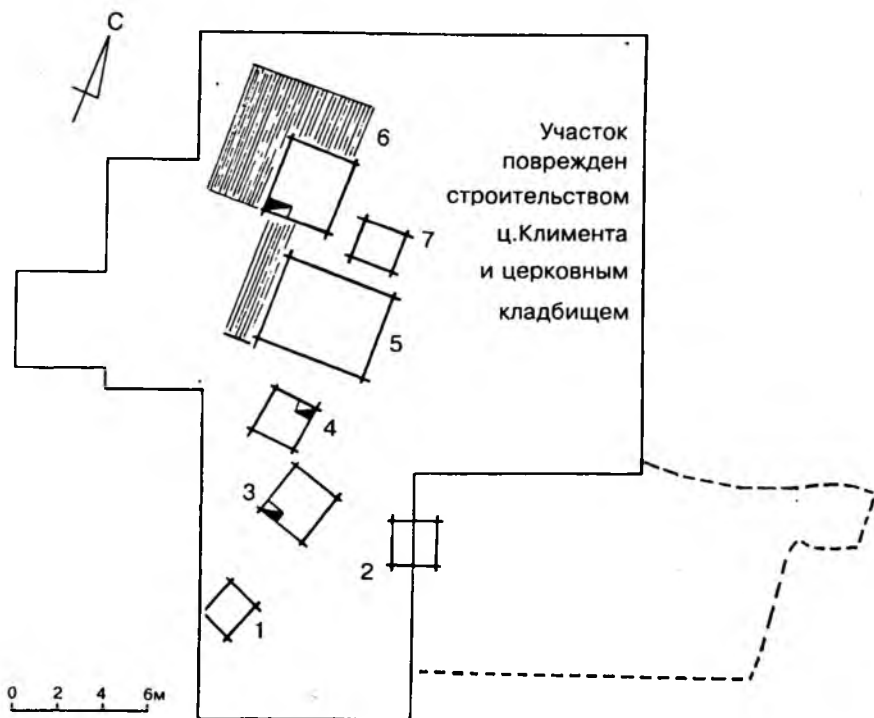

Рис. 11 Ярус X. 970-е – 990-е гг.

“малый дом” с печью-каменкой в углу (II-5) и связанный с ним амбар на пнях (II-6). Та же картина наблюдается и в южной части раскопанной площади, где более ранние сооружения I яруса оказались перекрыты постройками II-2 и II-3, отделенными от погребенной почвы небольшой прослойкой щепы и навоза (до 0,2 м). Таким образом, отчетливо видно, что в течение определенного времени, очевидно, в пределах второй половины 760-х гг., застройка I яруса сменяется II ярусом. Трудно ответить, была ли эта смена постепенной или резкой. Однако, учитывая ряд фактов, прежде всего выпадение клада инструментов и ряд инноваций в культуре поселения во II ярусе (домостроительство, вешевой комплекс), приходится склоняться к мысли о довольно резком характере смены I яруса, слабо улавливаемом за отсутствием широкой серии дендродат.

Исходя из вышесказанного, время существования I яруса можно определить 750-760-ми годами.

II ярус (рис.3). Застройка по-прежнему тяготеет к краям городища, хотя и несколько расширяется. Постройки залегают в слое бурого гумуса и щепы. Ряд построек (II-1; II-4; II-5; II-6; II-7) на разных, удаленных друг от друга участках раскопа носят следы пожара. Судя по дендродатам построек, исследованных Е.А.Рябининым, и постройки II-4, исследованной в 1986 г., дата яруса ограничивается в основном 770-ми годами, но не исключено начало его формирования и во второй половине 760-х годов. Ярус погиб в пожаре ок.780 г.

III ярус (рис.4). После пожара застройка возобновляется и даже несколько расширяется к центру площадки городища, но некоторые

участки пустеют (например, под постройкой IV-5) Дата яруса определяется промежутком между гибелью II яруса и бурным строительством в IV ярусе. Порубочные даты сооружений, открытых Е.А.Рябининым, позволяют отнести существование яруса к 780-800-м годам, то есть — датировать его от ок.780 до ок.810 г. (Рябинин, Черных 1988: 80-86).

IV ярус (рис.5). Происходит быстрая смена предшествующей застройки. Например, в один год (811 г.) возводится ряд сооружений на участке раскопок Е.А.Рябинина и “большой дом” IV-5 на площади, вскрытой В.И.Равдоникасом в 1947 г. В целом смена застройки происходит, вероятнее всего, в рамках 809-815 гг., особенно интенсивно в 809-811 гг. (ок.810 г.). В этот период застраивается вся исследованная площадь Земляного городища. Некоторые следы начала освоения участка Варяжской улицы в этот период фиксируются в виде разрозненных комплексов (дендродат нет), перекрытых сооружениями с дендродатами 842-857 гг. (Петренко 1985: 94; Черных 1985: 121). Верхняя дата — между 838 и 842 гг. (ок.840 г.). Важно отметить, что некоторая строительная активность фиксируется на поселении незадолго до пожара, во второй половине 830-х годов. На участке, изученном Е.А.Рябининым, возводится еще одна постройка (ок.838 г.), а еще одна (не ранее 837 г.) дополнительно обустраивается (Рябинин, Черных 1988: 90-91). Прекращает функционировать “большой дом” IV-5, он разбирается незадолго до пожара (следов огня на нем нет), а на его месте возводится жилая постройка меньших размеров с печью-каменкой, погибшая в пожаре.

Итак, застройка IV яруса существует в течение 810-830-х годов (810-ок.840 г.) и вся гибнет в огне сильнейшего пожара.

Подводя итог проделанной работе, надо отметить, что ярусы являются искусственным делением слоя на пласты с условными датами, а жают реально существовавшие этапы застройки поселения и периода его жизни, имеющие довольно точные хронологические привязки. В пяти случаях (II, IV, V, VIII, XI ярусы) застройка гибла в пожарах, что позволяет надежно отделять данный ярус от выше- и нижележащей застройки. Трудность представляет расчленение I и II, VI и VII ярусов, но эти случаи оговаривались нами выше. Порой невозможно точно определить соотношение находки с тем или иным ярусом, если она обнаружена вне комплекса. Однако это не снижает ценности предложенной схемы для выводов по хронологии и оценке культурной ситуации, поскольку подобные “колебания” положения вещи в слое ограничиваются двумя смежными, плохо разделяемыми стратиграфически, ярусами, которые, по сути дела, отражают один исторический этап жизни поселения (например, IX и X яруса).

Опираясь на предложенную стратиграфическую схему и хронологию, можно реконструировать исторические процессы, протекавшие в Нижнем Поволжье VIII-X вв., в зоне наиболее активных контактов (военных, торговых, политических, культурных) населения Балтики и Восточной Европы.

Гроздиков Г.П. 1950. Раскопки в Старой Ладоге в 1948 г. // СА. № XIV.

Лавидав О.И. 1976. Стратиграфия нижнего слоя Староладожского городища и вопросы датировки // АСГЭ. 17.

Джаксон Т.Н. 1993. Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 г.): Тексты, перевод, комментарий. М.

Джаксон Т.Н. 1994. Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.): Тексты, перевод, комментарий. М.

Корзухина Г.Ф. 1961. О времени появления укрепленного поселения в Ладоге // СА. №3.

- Мачинский Д.А., Кузьмин С.Л., Мачинская А.Д. 1986. Ранние скандинаво-славянские контакты по материалам Ладого VIII-X вв. // Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. ТД. Ч.1.
- Петренко В.П. 1985. Раскоп на Варяжской улице (постройка и планировка). // Средневековая Ладога. Л.
- Рандоникас В.И. 1949. Старая Ладога (из итогов археологического исследования 1937 — 1948 гг.) Ч.1 // СА. № XI.
- Рандоникас В.И. 1950. Старая Ладога. Ч.2. // СА, №XII.
- Рыдзевская Е.А. 1945. Сведения о Старой Ладоге в древнесеверной литературе. // КСИИМК. XI.
- Рябинин Е.А. 1985. Новые открытия в Старой Ладоге (итоги раскопок на Земляном городище 1973 — 75 гг.) // Средневековая Ладога. Л.
- Рябинин Е.А., Черных Н.Б. 1988. Стратиграфия, застройка и хронология нижнего слоя Староладожского Земляного городища в свете новых исследований. // СА. № 1.
- Старая Ладога. Л. 1948.
- Черных Н.Б. 1985. Дендрохронология Ладоги (раскоп в районе Варяжской улицы) // Средневековая Ладога. Л.

Приложение

Архивные источники (РА ИИМК РАН)

- Ф. 35, 1938 г., № 206. Краткий отчет о работе экспедиции 1938 г.
- Ф. 35, 1938 г., № 228. Староладожская экспедиция Истфака ЛГУ. Начальник В.И.Рандоникас. Дневник Г.П.Гроздилова.
- Ф. 35, 1938 г., № 230. Староладожская экспедиция Истфака ЛГУ. Начальник В.И.Рандоникас. Опись находок. Коллекция 12. Земляное городище. Раскоп I (Н.И.Решникова). Раскоп II (у берега Волхова).
- Ф. 35, 1938 г., № 238. Староладожская экспедиция Истфака ЛГУ. Начальник В.И.Рандоникас. Земляное городище. Раскоп III Чертежи полевые и чистовые.
- Ф. 35, 1938 г., № 239. Староладожская экспедиция Истфака ЛГУ. Начальник В.И.Рандоникас. Грунтово-пыльный материал. Раскопки С.Н.Орлова. Чертежи полевые и чистовые.
- Ф. 35, 1939 г., № 170. Староладожская экспедиция Истфака ЛГУ. Начальник В.И.Рандоникас. Дневник В.И.Рандоникаса. Ч.1.
- Ф. 35, 1939 г., № 171. Староладожская экспедиция Истфака ЛГУ. Начальник В.И.Рандоникас. Дневник В.И.Рандоникаса. Ч.II.
- Ф. 35, 1939 г., № 172. Староладожская экспедиция Истфака ЛГУ. Начальник В.И.Рандоникас. Копия дневника В.И.Рандоникаса, сделанная в 1965 г. Г.Ф.Корзухиной.
- Ф. 35, 1939 г., № 174. Староладожская экспедиция Истфака ЛГУ. Начальник В.И.Рандоникас. Земляное городище. Чертежи чистовые и полевые.
- Ф. 35, 1939 г., № 241. Староладожская экспедиция Истфака ЛГУ. Начальник В.И.Рандоникас. Сводный план построек горизонта Д за 1938-1939 гг.
- Ф. 35, 1940 г., № 127. Опись находок Староладожской экспедиции Истфака ЛГУ за 1938-1945 гг. (копья. 20) Сводный план сооружений горизонтов Д-Ез за 1938-1940 гг. Сводный план развалин западной стены церкви Климента за 1939-1940 гг.
- Ф. 35, 1945 г., № 24. Староладожская экспедиция ЛО ИИМК АН СССР. Начальник В.И.Рандоникас. Сводный план (чистовой, калька, сшивка) и план постройки.
- Ф. 35, 1947 г., № 3. Дневник полевых работ Староладожской экспедиции. 1947 г. (Начальник экспедиции В.И.Рандоникас, дневник составлен Г.П.Гроздиловым). Тетрадь № 1.
- Ф. 35, 1947 г., № 4. Дневник полевых работ Староладожской экспедиции. 1947 г. (Начальник экспедиции В.И.Рандоникас, дневник составлен Г.П.Гроздиловым). Тетрадь № 2.
- Ф. 35, 1947 г., № 5. Дневник полевых работ Староладожской экспедиции. 1947 г. (Начальник экспедиции В.И.Рандоникас, дневник составлен Г.П.Гроздиловым). Тетрадь № 3.
- Ф. 35, 1947 г., № 6. Дневник полевых работ Староладожской экспедиции. 1947 г. (Начальник экспедиции В.И.Рандоникас, дневник составлен Г.П.Гроздиловым). Тетрадь № 4.
- Ф. 35, 1947 г., № 7. Дневник полевых работ Староладожской экспедиции. 1947 г. (Начальник экспедиции В.И.Рандоникас, дневник составлен Г.П.Гроздиловым). Тетрадь № 5.
- Ф. 35, 1947 г., № 60. Отчет о раскопках в Старой Ладоге (копия).
- Ф. 35, 1947 г., № 99. Староладожская экспедиция. Начальник экспедиции В.И.Рандоникас. Земляное городище. Чертежи полевые.
- Ф. 35, 1947 г., № 100. Староладожская экспедиция. Начальник экспедиции В.И.Рандоникас. Земляное городище. Чертежи чистовые.
- Ф. 35, 1948 г., № 66. Дневник полевых работ Староладожской экспедиции. 1948 г. (Начальник экспедиции В.И.Рандоникас, дневник составлен Г.П.Гроздиловым). Тетрадь № 1.
- Ф. 35, 1948 г., № 67. Дневник полевых работ Староладожской экспедиции. 1948 г. (Начальник экспедиции В.И.Рандоникас, дневник составлен Г.П.Гроздиловым). Тетрадь № 2.

- ф. 35, 1948 г., № 68. Дневник полевых работ Староладожской экспедиции. 1948 г. (Начальник экспедиции В.И.Равдоникас, дневник составлен Г.П.Гроздиловым). Тетрадь № 3.
- ф. 35, 1948 г., № 83. Отчет о работах в Старой Ладоге.
- ф. 35, 1948 г., № 134. Староладожская экспедиция. Начальник В.И.Равдоникас. Земляное городище. Чертежи полевые.
- ф. 35, 1948 г., № 135. Староладожская экспедиция. Начальник В.И.Равдоникас. Земляное городище. Чертежи чистовые.
- ф. 35, 1949 г., № 48. Отчет о раскопках в Старой Ладоге.
- ф. 35, 1949 г., № 104. Опись находок из раскопок 1949 г. в Старой Ладоге, переданных в ГЭ по акту № 43 от 13/II-1951 г.
- ф. 35, 1950 г., № 41. Отчет о раскопках в Старой Ладоге с альбомом (копия).
- ф. 35, 1950 г., № 48. Описи археологического материала из раскопок.
- ф. 35, 1950 г., № 108. Дневник Н.Н.Гуриной о работах экспедиции в Ленинградской области (Старая Ладога).
- ф. 35, 1950 г., № 105. Староладожская экспедиция. Начальник В.И.Равдоникас. Земляное городище. Чертежи полевые и чистовые.
- ф. 35, 1957. № 10. Отчет о работе Староладожской экспедиции в 1957 г. (под руководством В.И.Равдоникаса). Данные археологических разведок по течению р.Ладожки, произведенных А.С.Камашевой. Заключение об определении хронологии староладожских сооружений методом анализа древесных стволов. Альбом к отчету.
- ф. 35, 1958 г., № 2. В.И.Равдоникас. Раскопки в Старой Ладоге. Отчет за 1958 г. И.Л.Колесник. Результаты анализа комплекса костяных фрагментов, извлеченных из зольи в Земляном городище Старой Ладоги.
- ф. 35, 1958 г., № 2. В.И.Равдоникас. Чертежи раскопок в Старой Ладоге.
- ф. 35, 1959 г., № 4. Чертежи раскопок в Старой Ладоге (чистовые).
- ф. 35, 1959 г., № 6. Чертежи раскопок в Старой Ладоге (черновые).
- ф. 35, 1959 г., № 45. Копия отчета В.И.Равдоникаса с альбомом иллюстраций.
- ф. 35, 1959 г., № 46. Земляное городище. Чертежи полевые.

Янтарная лихорадка в эпоху Юлиев-Клавдиев

Общеизвестно, что Янтарный берег в узком смысле этого слова соответствует западной части полуострова Самбии (ныне Зеленоградский р-н Калининградской обл.). Здесь на морском шельфе и в береговой зоне шириной до 1 км находится крупнейшее на планете месторождение высококачественного янтаря-сукцинита. Эта особенность нынешнего самого западного региона нашей страны сделала его с незапамятных времён известным у многих народов Европы. Слава янтаря у представителей древних цивилизаций вполне объяснима: окаменевшая смола доисторических деревьев являлась прекрасным материалом для изготовления женских украшений (подвесок и ожерелий), являлась важным компонентом лекарственных средств (настойки от болей в желудке и мази для заживления резаных ран). Из-за своих физических качеств (куски янтаря, как известно всем со школьных времен, обладают устойчивым магнетизмом) эти дары моря считались священными и связывались с культом Солнца. Недаром в античных мифах янтарь считается осколками колесницы Фаэтона, а у жителей берегов Балтики по сей день живёт легенда о янтарном дворце подводного владыки, разрушенном бурей.

Уже в эпоху ранней бронзы (кон. II тыс. до Р.Х.) археологический материал Самбии содержит значительную долю предметов инокультурного происхождения показатели развития янтарной торговли. Перспектива участия в янтарном промысле и непосредственного контроля истоков Янтарного пути привлекала на Самбию её западных соседей. Пришедшие с запада носители унетицкой культуры участвовали в сложении культуры самбийских курганов (Engel 1933: 190). Результатом данного процесса в 900-700 гг. до Р.Х. стало образование к югу от Самбии мазурско-варминской группы лужицкой культуры (Кулаков, Тимофеев 1992: 19). Их контакты простирались далеко на юг Европы. Находки янтарных бус в Микенах показывают южную границу Янтарного пути на заре европейской цивилизации.

В раннем железном веке снабжавшие ранее юг Европы янтарные месторождения на п-ове Ютландия (нынешняя Дания) исчерпываются. Взоры древних торговцев "морским самоцветом" обращаются к Янтарному берегу. Торговые трассы связывают галльштаттский ареал (центрально-европейская область расселения кельтских племён) и античный мир с Янтарным берегом по Эльбе и Одере. Посредниками в этих контактах становятся носители поморской культуры (Okulicz 1976: 107), во второй половине I тыс. до Р.Х. занимавшие южный берег Балтики к западу от устья Вислы. В это время Самбия являлась центром ареала культуры западнобалтийских курганов, оставленной древнейшими представителями

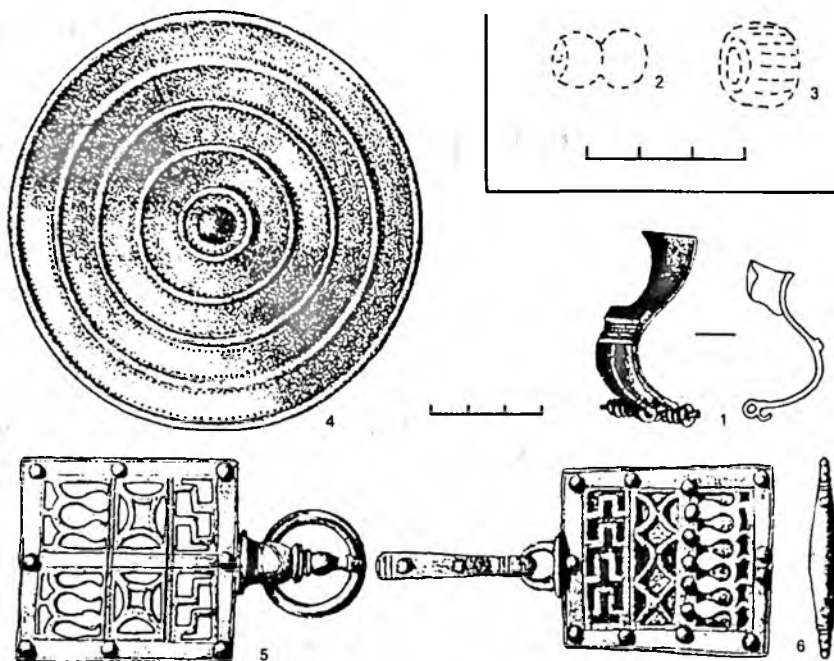

Рис. 1 Инвентарь погребения Do-30 могильника Долъкайм (раск. 1879 г.). 1 — фибула бр., 2,3 — стеклянные бусины, известные только по описанию, 4 — наградной (?) фалер бронзовый, 5,6 — бронзовые детали поясного набора, орнаментированного в стиле *opus interasile*.

западнобалтской этно-языковой общности. Распад на рубеже эр этой единой курганной культуры соответствовал окончанию сложения племенной структуры западных балтов. С этого времени начинается прямая янтарная торговля Самбии со Средиземноморьем. Информация об этой эпохе, определившей на долгое время особый характер древностей Янтарного берега, крайне важна. Современное состояние изучения местных древностей позволяет реконструировать исторические события на Янтарном берегу в начале нашей эры.

Население юго-восточной Балтии было известно римлянам в интересующее нас время под именем “эстии” (Nowakowski 1990: 91). Германское происхождение этнонима (Laug 1954: 233) указывает на информаторов Тацита, впервые упомянувшего этот народ, говоривший на одном из балтских по происхождению языков и являвшийся предком позднейших пруссов. Первой подробной информацией о контактах эстиев и римлян является сообщение Плиния Старшего в написанной после 59 г. “Естественной истории” (Плиний Старший 1937). В Главе 42 автор сообщает о действиях флота римского полководца Германика у северных берегов Евролы в 14-15 гг., упоминая центр янтарных промыслов “остров Аустеравия”. Учитывая характеристику, данную Плинием этой земле и близость её названия упомянутому этнониму “эстии”, можно предположить, что “Аустеравия” название Самбии. Окружённая морем, заливами и реками, она и позднее (как свидетельствует германский хронист II века Адам Бременский) считалась островом.

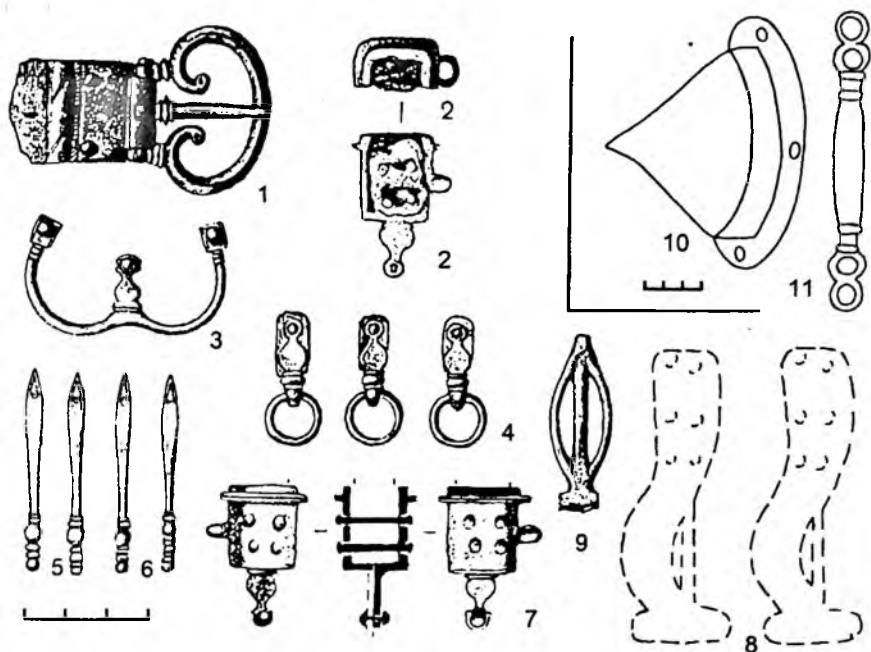

Рис. 2 Инвентарь погребения Do-7 могильника Доллькайм (раск. 1879 г.). 1-7 — детали поясного набора, 8 — пара фибул, известных только по описаниям, 10 — умбон, 11 — рукоять шита

Корабли Германика открыли для Рима Янтарный берег. В Главе 45 Плиний сообщает о поездке туда римского всадника, предпринятой в 54-68 гг. (Kolendo 1981: 28). Отправившийся из дунайской провинции Рима Паннонии (на это указывает упоминание в тексте расстояния между располагавшимся восточнее современного г. Вена Карнунтумом и Янтарным берегом 889 км), римский отряд посетил “местные торговые пункты и берега”. Эти слова указывают на существование к середине I в. на Самбии пунктов по добыче и реализации янтаря.

В 1994 г. М.Б.Шукиным была высказана гипотеза о конкретной цели упомянутой экспедиции. По мнению петербургского коллеги, целью этой поездки были “...переговоры с вождями местных племён об условиях торговли, о пропуске купцов и т.д. Миссия была скорее дипломатическая, чем торговая” (Шукин 1994: 225). Более того, по находке надгробия в одном из костёлов Южной Словакии, Шукин определил имя упомянутого Плинием всадника (Квинт Атилиий Прим), состав экспедиции (воины XV легиона, базировавшегося в Карнунтуме) и дату поездки до 62 г. Если согласиться с предположением Шукина, то становится объяснимым отсутствие массива римских “импортов” на Самбии в первой пол. I в. по Р.Х. Правда, это не обозначает полного отсутствия здесь этих находок.

До настоящего времени археология Самбии римского времени изучалась на основе анализа отдельных находок провинциально-римского происхождения. Новым шагом в данной работе является изучение закрытых погребальных комплексов. Наиболее пригодным для этого оказался материал расположенного на севере Самбии грунтового могильника

Dollkeim (ныне Коврово, Зеленоградский р-н Калининградской обл.). В 1879 г. Отто Тишлер раскопал здесь 250 погребений, материал которых, легший в основу существующей по сей день периодизации древностей “варварской” Европы римского времени, по комплексам никогда не представлялся. Эта работа была проделана автором во Франкфурте на Майне через 125 лет после начала раскопок на могильнике Dollkeim. Стало ясно, что первой половиной I в. по Р.Х. только на этом памятнике археологии эстиев и пруссов датируются 20 фибул (застёжек плащей), изготовленных в римских провинциях (Gnther 1880: Taf. 7, 8). При полном отсутствии на могильнике римских монет данного времени (сестерции и денарии обычно считаются в древностях Балтии показателем янтарной торговли), кроме указанных выше фибул, на Dollkeim известен и другой римский инвентарь.

В погр. 7 обнаружен полный набор легионерского пояса *cinculum*, датирующийся в римской милитарии 15-70 гг. по Р.Х. (Connoly 1971: 51; Deschler-Erb 1991: 58), и служивший важнейшей деталью снаряжения воинов Империи эпохи Юлиев-Клавдиев. Считается, что отсутствие таких находок (как и других деталей снаряжения легионеров) в вельбарских древностях (то есть на памятниках археологии, оставленных восточными готами на левом берегу р.Вислы в её нижнем течении) показывает отсутствие воинских контактов ранней Империи с населением юго-восточной Балтии (Madyda-Legutko 1983: 119). Этот вывод, кроме находки упомянутого выше *cinculum* опровергается и обнаружением в погр. 30 фалера накладки, в раннеримское время являвшейся деталью из снаряжения боевого коня римлян. По размерам и орнаменту (концентрические окружности) данный фалер относится к сер. I в. по Р.Х., когда эти предметы из деталей конского снаряжения превращаются в воинские награды (Maxfield 1981: 92). Подобные находки, снабжённые на тыльной стороне не заклёпками для крепления к сбруе, а застёжками для ношения на одежде, известны в четырёх могилах Dollkeim. Кроме того, в погр.30 обнаружены железные прямоугольные накладки, по описанию близкие к деталям римского наборного панциря (Deschler-Erb 1991: Abb. 4.). Картину своеобразия раннеримских “импортов” на Dollkeim дополняют найденные в его женских погребениях 6 поясов с орнаментом в стиле *opus interasile*, связанным с декором поясов римских легионеров и сбруи их коней эпохи Нерона (Wegner 1970: 40, 48). Прототипы обнаруженных на Dollkeim ажурных поясов известны в Паннонии.

Итак, следует констатировать, что в нескольких могилах Dollkeim, погребения которого, судя по составу инвентаря, содержали останки членов родовой структуры власти Самбии начала нашей эры, встречены детали снаряжения римских легионеров эпохи Нерона. Форма и орнамент этих предметов оказали глубокое воздействие на дальнейшее развитие местной материальной культуры I в. Р.Х.

Данный феномен уникален и явно связан с неким важным для местной истории событием. С достаточной долей вероятности можно считать этим событием экспедицию Прима. Как было отмечено М.Б.Щукиным, целью этого всадника было предварительное согласование с местными родовыми вождями конкретных механизмов осуществления янтарной торговли, обретение гарантий её безопасности. Наверняка, этой акции сопутствовало вручение соответствовавших случаю подарков. Ими, в частности, могли служить римские воинские плащи (*palium*), скреплявшиеся фибулами, впоследствии попавшими в могилы

Рис. 3 Реконструкция внешнего вида римского легионера и воина-эстия в период "янтарной лихорадки" середины I в. н.э. (рисунок автора).

Dollkeim. К числу этих подарков вряд ли можно отнести детали снаряжения легионеров, также встреченные в могилах их новых хозяев эстиев. Также маловероятной представляется характеристика этих находок в качестве трофеев или продуктов транзитной торговли.

Судя по всему, воины XV легиона, составлявшие охрану Квинта Атилия Прима, не устояли на Янтарном берегу от соблазна лёгкого обогащения. Поражённые обилием янтаря, в обмен на него легионеры, ничем не обременённые, кроме своего снаряжения, отдавали эстиям детали убора, фалеры и даже воинские пояса. Это и не удивительно: по сообщению Плиния, самый крупный кусок янтаря, привезённый тогда в Рим, весил 4,26 г. Таким образом, легионеры из Карнунтума оказались бессильными перед "янтарной лихорадкой" и испытали на себе эффект от созерцания легко доступного несметного богатства, сходный с впечатлениями позднейших испанцев Колумба, через полтора тысячелетия попавшие в богатый золотом Новый Свет. Как и ацтеки Мексики, населявшие Самбию эстии не слишком ценили сокровища, которыми изобиловала их земля. Как писал Тацит, "они (эстии В.К.) также обыскивают и море и одни из всех на его отмелях и даже на самом берегу собирают янтарь, который сами называют *glaesum*. Но вопросом о природе его и как он возникает, они, будучи варварами, не задавались и ничего об этом не знают; ведь он долгое время лежал вместе со всем, что выбрасывает море, пока ему не дала имени страсть к роскоши. У них самих он никак не используется; собирают они его в естественном виде, доставляют нашим купцам таким же необработанным и, к своему изумлению, получают за него цену" (Тацит 1969:

372). Итак, римские легионеры, к своему изумлению, осуществили на Янтарном берегу выгодную сделку, обменяв на бесценный “электрон” (название янтаря в древнегреческих мифах) детали своего снаряжения. Будучи малочисленными и храня честь римского оружия, они не осмелились применить к эстиям те жёсткие меры, которые через полтора тысячелетия использовались ослеплёнными ацтекским золотом конкистадорами Фернандо Кортеса.

Следует заключить, что блестяще завершившаяся экспедиция Прима, сделавшая внезапно богатыми многих рядовых своих членов, открыла Янтарный путь из Самбии по Висле и Дунаю в пределы Империи. Достигнутые римлянами договорённости с местными племенными вождями обеспечили стабильность торговли. Переговорный процесс был подкреплён со стороны римлян подарками. Эти дары, а также предметы снаряжения легионеров, послужившие продуктом первичного (возможно, спонтанного) обмена во время проведения посольства, после данного события некоторое время имитировались местными мастерами. Замечателен факт использования деталей снаряжения римских легионеров преимущественно в уборе женщин эстиев. Видимо, подарки пришельцев были абсолютно чужды традициям снаряжения воинов Янтарного берега. Суровые мужи севера сочли нужным украсить экзотическими дарами из Средиземноморья своих подруг.

Косвенным свидетельством развития торговли с Римом стало появление с конца I в. по Р.Х. в погребениях и кладах Янтарного берега римских “импортов”. Так начинался “золотой век” балтов. Как в предыдущие, так и в последующие эпохи партнёры эстиев и пруссов предпочитали сами посетить Янтарный берег. Это определяет особый характер древностей юго-восточной Балтии, включавших в себя элементы различных культур древности и средневековья.

-
- Кулаков В.И., Тимофеев В.И. 1992. Очерки археологии Калининградской области // *Vakarf baltf istorija ir kultūra*. Т. 1. Klaipėda.
- Плиний Старший. 1937. Естественная история // Дренние германцы. М.
- Тацит Л. Корнелий. 1969. О происхождении германцев и расположении Германии // Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. Л.
- Щукин М.Б. 1994. На рубеже эр. СПб.
- Connolly P. 1971. *The Roman Army*. London-Edinburgh.
- Deschler-Erb E. 1991. *Römische Militaria der 1. Jahrhunderts aus Kaiser-Augst. Zur Frage des frühen Kastels* // Deschler-Erb E., Markus P., Deschler-Erb S. *Das Frühkaiserzeitliche Militärlager in der Kaiserzeit*. Augst.
- Engel C. 1933. *Das Samland als altbaltisches Kulturzentrum und seine vorgeschichtlichen Beziehungen zu den Nachbargebieten* // *Altpreuussische Beiträge*. Festschrift. Königsberg
- Günther C., Voss A. 1880. *Photographisches Album der Prähistorischen und Anthropologischen Ausstellung zu Berlin*. Berlin. Bd. I.
- Kolendo Z. 1981. *Wyprawa po bursztyn bałtycki za Nerona* // *Pomorania Antiqua*. Т. X
- Laur W. 1954. *Aisten/Esten, eine germanische Volksbezeichnung im baltischen Raum* // *Zeitschrift für Ostforschung*. 3. Jahrg.
- Madyda-Leguiko R. 1983. *Próba rekonstrukcji pasów z metalowymi częściami na obszarze środkowoeuropejskiego Barbaricum w okresie wpływów rzymskich i we wczesnej fazie okresu wędrówek ludów* // *Przegląd archeologiczny*. Vol.31.
- Maxfield V.A. 1981 *The military decorations of the Roman Army*. London.
- Nowakowski W. 1990. *Ludy na północno-wschodnich skrajach Barbaricum. "Germania" Tacyta w świetle analizy źródeł archeologicznych* // *Meander*. T.2-3.
- Okulicz L. 1976. *Osadnictwo strefy wschodniobałtyjskiej w I tysiącleciu przed naszą erą*. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk.
- Werner J. 1970. *Opus interasile an römischem Pferdegeschirr des I. Jahrhunderts* // Werner J. *Spätes Keltentum zwischen Rom und Germanen*. München.

Пожары в Псковском кремле XIII-XVIII вв.

На протяжении веков Псков много раз горел. За период с 6721 (1213/14) по 7117 (1609) гг. в псковских летописях упоминается 43 пожара. Причины и масштабы пожаров были различны (Кулакова 1994: 171-188).

При описании летописец указывал и сгоревшую территорию. Кремль и Довмонтов город являлись священным местом для псковичей, возможно, поэтому пожары здесь случались реже, чем в других частях города, а описание практически каждого большого городского пожара обязательно заканчивалось словами: "... а Детинца богъ оублюде". Но все-таки известно несколько случаев, когда горели территория Кремля и Довмонтов города.

Пожар 1213/1214 г. связан с нашествием литовцев на Псков. Эти события описаны в Псковской 3 летописи: "Литва пришедше и ... пожгоша Плесков и отъидоша поплънив" (ПЗЛ: 77). Поскольку ссылки на уцелевшие от пожара части города нет, не исключено, что в этом пожаре пострадала и территория Кремля.

Пожар 27 апреля 1487 г. был небольшим: "На Крому костер загореся против Лубянского всхода" (ПІЛ: 80). Это событие отмечено только в Псковской 1 летописи.

Пожар 12 апреля 1496 г. — это случай поджога. Предатель Чюхно проник ночью в Кремль и поджег клетки, в которых под охраной Святой Троицы псковские богатые люди хранили свое добро, и там же находилось вооружение псковской дружины. Пожар удалось быстро потушить, а предателя через некоторое время казнили здесь же на Крому по решению Псковского веча (ПІЛ: 82).

В 28 апреля 1562 г. и в 1565 г. были сильные пожары, в которых сгорел весь город и даже Святая Троица. В описании событий 1562 г. отмечено: "Таковъ пожаръ не бываль николи въ Пскове. И Кромъ выгорель, и житницы великого князя, и церковь огоре живоначалныя Троица, и все церкви в Домантовой стене, и колоколы по колоколницамъ сваялися..." (ПЗЛ: 242). В 1565 г. "погоре Псков весь, и зелье в палате у Святых врат и на обе стороны стены вынесе, где ныне владычен двор"(ПІЛ: 113).

В начале XVI в. было два очень сильных пожара: в которых пострадал Псковский кремль — 15 мая 1607 г. и 15 мая 1609 г. В обоих случаях загорелось на Полонище, а затем огонь охватил весь город.

Интересно описание распространения пожара 1607 г.: "Загореся на Полонище у Успенского монастыря от дворового варенья, и сметашася людие и погасиша огонь, и начаша расходиться, и внезапно загореся паки

невидимо, и в тои час бысть буря велия, ветрь силенъ с юга, и понесе огонь к площади, и немогша утолти ничем и побегоша вси коиджо во свои домъ; и потом загореся Печерское подворье, и внезапно загореся у преподобного Варлама верхъ на Запсковье, и оттуда возвеза ветрь силен северъ, и загореся весь градъ и зелейные палаты, и зелием вырвало Кремля города на обе стороны” (ПІЛ: 135).

В 1609 г. “весь град выгорел и живоначальная Троица в Кремлу и с чюдотворными образы и с кузнею и вырвало Кремскую стену на Великую реку” (ПІЛ: 114).

Пожар 1609 г. — последний из пожаров, описания которых содержатся в псковских летописях. Известия о событиях XVII-XVIII вв. лишь косвенные. В годовых сметных книгах известия о пожарах неполные — нет описания территории, которая горела. Подробно описываются самые крупные пожары XVII в. в посланиях псковского воеводы царю. Для периода 80-90-х годов XVII вв. есть сведения о 9 крупных пожарах, но ни в одном описании не указано, что пострадал Кремль или Довмонтов город. Но во время событий 1682 г., когда загорелось около Васильевского девичьего монастыря на Болоте (Полонище), сильный ветер подхватил огонь и перенес на соседние дома и далее к центру, а через Пскову и на Запсковье; тогда сгорел весь город (РГАДА, ф.159, оп.3, ед.1464, л.1)¹. Не указано, пострадал ли Кремль, но если сравнить эти события с 1607 или 1609 гг., то можно предположить, что огонь его не минул. Последствия этого пожара были настолько велики, что царским указом псковичи на три года — до 1685 г. — полностью освобождались от налогов.

Пожары в которых пострадал Псковский кремль, были также в ноябре 1710 г. и 2 июня 1788 г. Сведения об этих пожарах сохранились в литературе (Болховитинов 1831; Ильинский 1790). Возможно, авторы являлись свидетелями событий.

Территория Кремля и Довмонтова города для псковичей была священной, и за период с XIII до начала XVI вв. здесь не было ни одного крупного пожара (для 1213/14 г. его можно лишь предполагать), хотя в среднем каждые 15-20 лет выгорала значительная часть города. Зато во второй половине XVI — начале XVII вв. на этой территории было 4 сильных пожара. Возможно, это связано с изменением политического статуса города.

Болховитинов Е. 1831. История княжества Псковского с присовокуплением плана города Пскова. Ч.IV. Киев.

Ильинский Н. 1790. Историческое описание Пскова и его древних пригородов. СПб. 1790.

Кулакова М.И. 1994. Пожары в Пскове XIII-XVIII вв. // Археологическое изучение Пскова. Вып.2. Псков.

---

¹ Благодарю В.И.Лабутину (Псковский музей-заповедник), предоставившего мне возможность воспользоваться копиями документов.

Данные этнографии в реконструкции русского средневекового кожевенного производства

В историко-археологических исследованиях реконструкция древних процессов в ремесле во многом строится на данных этнографии. Например, С.А.Изюмова, Г.В.Штыхов и другие рассматривают кустарное кожевенное производство XIX начала XX вв. как источник прямых сведений о средневековой технологии кожевенного дела в русских городах, не требующий особых комментариев.

В основе методического подхода историков лежит работа Б.А.Рыбакова "Ремесло Древней Руси" (1948), где проанализированы все виды источников, имевшиеся на то время. Исследователь делал вывод о высоком уровне развития всего ремесла в древнерусский период, что впоследствии было распространено и на кожевенное дело (Изюмова 1959: с.192-195). Выводы Б.А.Рыбакова, на долгое время определившие отношение специалистов к русскому средневековому ремеслу, оказались прямо противоположными заключению Н.Д.Аристов, считавшего технологический уровень древнерусского ремесла достаточно низким (Аристов 1866: 132, 166, 259, 260).

В современной отечественной научной литературе, как в специальных статьях, так и в обобщающих работах, во взгляде на кожевенное производство в русских средневековых городах доминируют два основных тезиса: 1) о высоком технологическом уровне производства, достигнутом уже в древнерусское время; 2) о практически неизменном технологическом цикле, сохраняющемся в кожевенном деле с древнерусского периода вплоть до XIX начала XX в. (Изюмова 1959: 195; Штыхов 1963: 245, 246). "Для сырья русские кожевники использовали шкуры коней, крупного и мелкого рогатого скота. Основные технологические приемы выделки кожи, установившиеся еще в X-XI вв., сохранялись почти без изменений до XIX в." (Древняя Русь 1985: 269). "Технология сапожного ремесла была достаточно сложна и конструктивно, и по технике производства. От сапожников требовались профессиональные знания и владение специальными навыками и инструментами. Основные технологические приемы сапожного и шорного ремесел сохранились в России почти без изменений вплоть до XX в." (Древняя Русь 1985: 270). И историки, и археологи ссылаются на заключения специалистов, тестировавших образцы археологической кожи по физико-механическим и химическим параметрам на основе современной технологии анализа и по существующим стандартам: "Исследовавшая древний процесс производства кожи в мастерских Великого посада

И.С.Шестакова пришла к заключению, что процесс обработки кожи в XII в. не отличался существенно от процесса обработки кожи в XV-XVI вв. и даже в кустарных мастерских XIX в." (Рабинович 1964: 101).

В настоящее время невозможно выделить некоторые существенные специфические приемы древней выделки, например, продолжительность отдельных операций и условия их проведения в ящиках, в глиняной посуде, чанах, колодах или колодцах. Невозможно различить дубление в растворе от "пересыпа", золение "намазом" или "взаплеск" и многое другое. Именно такие частные технические приемы и служат реальным указанием на конкретный уровень технологии производства. Их незнание заставляет с осторожностью подходить к использованию позднейших этнографических данных по технологии ремесла при реконструкциях древних производств.

Имеющиеся в наличии результаты физико-механических и химических анализов средневековой кожи из разных городов, вопреки мнению археологов, нельзя привлекать для доказательства высокого качества выделки кожи в русских средневековых городах. Некоторые важнейшие показатели качества кож, соотнесенные с нормами современного производства, могут иметь двоякое толкование, исходя из изменения физико-механических и химических свойств материала при длительном нахождении в культурном слое, а также исходя из возможностей кустарного производства, спроецированных на древние периоды. Например, по результатам тестирования витебских и полоцких кож содержание влаги и гольевого вещества в опытных экземплярах отвечают современным требованиям, на основании чего делаются выводы о высоком качестве средневековой кожи (Левко 1984: 99-100; Штыхов 1963: 243, 244; 1975: 72, 73). Однако, надо заметить, что эти показатели, имеют только косвенное и опосредованное значение для понимания качества средневековой кожи. Содержание влаги прямо зависит от количества жирующих веществ в коже, а именно их отмечено очень мало. Это наглядно видно по экспериментальной коллекции из Витебска, где один из предметов поршень был жирован до химических анализов и увлажнен в 1,5 раза меньше, чем остальные образцы именно за счет замены воды жирами. Другой показатель количество гольевого вещества зависит от количества невымываемых (связанных) дубящих и органических веществ и может быть следствием разных причин, в том числе и увеличения числа дубящих веществ при нахождении кожи в культурном слое.

Количество жирующих веществ в витебских, полоцких и московских экспериментальных образцах кожи сильно занижено относительно современных стандартов, что объясняют вымыванием жиров грунтовыми водами (Архив ИА РАН, ф. 1, д. 555). При этом количество золы в кожах всех коллекций значительно превышает современные нормы, что объясняют впитыванием кожей золы из культурного слоя. Интересен такой показатель как содержание общих и органических вымываемых веществ, который достаточно мал для всех образцов. По мнению О.Н.Левко, последний показатель вместе с высокими данными содержания дубящих невымываемых веществ свидетельствуют о хороших свойствах витебской кожи XIV-XVIII вв. и высоком уровне технологии ее производства. На это можно возразить, что растворенные в грунтовых водах таннины из культурного слоя могли связываться с кожей, повышая процент невымываемых дубящих веществ, что не отражается на качестве

древнего дубления. На экспериментальных образцах с высоким числом продуба также видны светлые полосы непродубленности в толще кожи (Зыбин 1958: 38).

Надо обратить внимание и на то, что низкое содержание жиров и вымываемых органических веществ (это разные показатели) противопоставлены высокому содержанию золы, химически пассивного вещества, также не связанного с гольем. Предложенный археологами ответ жиры вымываются, а зола, наоборот, поступает из слоя представляется не вполне обоснованным, даже учитывая большое количество золы в культурном слое (Зыбин 1958: 38). Возможны варианты объяснения, исходя из специфики технологических процессов выделки кож. Это насыщение кожи золой, перемешанной с известью, при обезжиривании и сгонке волоса и недостаточная промывка кожи впоследствии. Также возможен вариант намеренного насыщения кожи золой с известью для придания большей твердости, необходимой для подошв. Для кустарного производства XIX-XX вв. известен метод “нажора”, который в упрощенном виде мог существовать и ранее. Такое объяснение тем более вероятно, поскольку в реконструированном раннем славянском рецепте выделки кож, по Г.Поварнину, зола использовалась вместе с известью для обезжирения кожи и сгонки волоса (Поварнин 1912: 140, 141). Кроме того, ранний рецепт, видимо, предусматривал относительно короткую промывку, при которой зола и известь полностью не удалялись. Длительное же нахождение извести в коже приводит к образованию нерастворимых солей кальция (минерализация), при которой захватывается и зола. К сожалению, специалисты не отмечают в своих анализах проценты содержания кальция, натрия и кремния в образцах, а только указывают на их присутствие. Между тем, наличие нерастворимых соединений этих элементов может прояснить некоторые спорные вопросы древней технологии. К тому же, число взятых для анализов образцов настолько мало, что они не могут стать характеристикой такого массового производства, как кожевенное. И кроме того, эти образцы принадлежат к широкому историческому диапазону (с X по XVII-XVIII вв.), и это затрудняет использование результатов тестирования для конкретного времени.

Таким образом, результаты физико-механического и химического тестирования средневековых кож позволяют усомниться в высоком уровне развития технологии выделки кож в древнерусское время (Курбатов 1996: 81-83). Без специального технологического анализа, переносить этнографические данные на технологию древнего производства неправомерно. Привлекая для реконструкции древних процессов кожевенной выделки этнографические материалы необходимо учитывать следующее: 1) вероятные технологические инновации разного времени в кустарном производстве, в том числе и под влиянием промышленных методов XVIII-XIX веков; 2) наличие разных технологических режимов у кустарей различных регионов России в XIX начале XX вв.; 3) невозможность, во многих случаях, уловить специфику технологических режимов выделки по археологическим данным, от которых, в сущности, и зависит качество выделки кож.

Следует принять во внимание, что данные по кустарным рецептам XIX в. сами требуют квалифицированного анализа, прежде чем они станут полноценным историческим источником, пригодным для реконструкций древних технологий. Именно такую работу провел и опубликовал в 1912 г. кожевник-технолог Г.Поварнин “Очерки мелкого

кожевенного производства в России". Эта книга частично использована во многих работах археологов и историков, но только в качестве источника и аргумента для подтверждения отдельных взглядов и выводов. Как комплекс аналитических данных по древнему кожевенному производству работа Г.Поварнина не рассматривалась.

Г.Поварнин исследует историю развития кожевенного дела в России, в частности, технологию обработки шкур и выделки разных сортов кожи, базируясь на всей полноте статистических сведений по кустарному производству всех регионов Европейской части России. При этом из общего числа 126 комплексов сведений, собранных в 30 губерниях выделяется блок материалов, рецепты которых наименее подвержены механизации и технологической модернизации в XIX в. и сохраняющих традиционные рецепты выделки. Таких данных сохранилось 77 блоков из 21 губернии Европейской России. Остальные сведения поступили с крупных и средних кожевенных предприятий, где уровень механизации был относительно велик, однако и они, замечает Г.Поварнин, "в общем пока нередко характеризуют регион". Эти сведения служат дополнительной информацией при анализе источника. Из выделенных 77 блоков, при дальнейшем анализе Г.Поварнин отбраковывает сомнительные или неполные сведения, использование которых правомерно только в отдельных случаях. Сумма наиболее достоверных и полных данных составляет 63 информационных блока из 18 губерний. Таким образом, уже на стадии отбора сведений Г.Поварнин использует дифференцированный многоступенчатый анализ источников, что увеличивает степень вероятности последующих выводов и повышает доверие к этим разработкам, а также используемым методам оценки. В качестве "фона" Г.Поварнин рассматривает историю развития кожевенной обработки у многих народов мира, используя все доступные ему этнографические и исторические сведения, в том числе сведения письменных источников.

В своем подходе к предмету Г.Поварнин применяет сравнительно-историческую методику исследований, учитывая влияния разных факторов на развитие техники выделки кож, в том числе особенности географической среды, вероятность привнесения тех или иных способов работы, материалов, выбор режимов и другое. Сформулированы основные методические принципы анализа: 1) многообразие методов производства определяется не его целями, а внешними или, чаще всего, внутренними условиями; 2) при изменении внешних условий (географическая среда, материалы) человек приспособливается к ним, сохраняя традиционные способы работы, что может и отрицательно сказываться на качестве производимого товара; 3) одинаковые условия редко вызывают одинаковые результаты и совпадение в разных культурных группах нескольких операций выделки кож можно, поэтому, рассматривать как свидетельство длительных непосредственных контактов или ассимиляции; 4) определенные (специфические) методы производства развиваются только в узких территориальных группах населения и передача их тем сложнее, чем специфичней и длительней каждая стадия процесса. Пользуясь сравнительно-историческим методом Г.Поварнин учитывает все многообразие индивидуальных особенностей кустарных рецептов. По его мнению, в новой среде инокультурные методы работы или принимаются полностью, с последующим приспособлением к местным географическим условиям, или отвергаются целиком.

Для России конца XIX начала XX в. отмечен весь спектр воз-

можных рецептов выделки от самых примитивных до почти совершенных. Но учитывая, что операции в разных рецептах модифицировались с различной скоростью и в разных направлениях, появляется возможность выделить вероятные первоначальные рецепты, существовавшие у славян на ранней стадии консолидации, еще в догосударственный период. Основными признаками различия рецептов Г.Поварнин считает: 1) длительность дубления; 2) способы золки; 3) наличие или отсутствие обеззоления и обжора. Наиболее примитивные рецепты для выделки простяка отмечены в селах Седневе и Олишевке Черниговской губернии и в Валдайском уезде Новгородской губернии. Эти рецепты положены в основу реконструкции древнейшего рецепта выделки кож у славян, который представляется в следующем виде:

- операции проходят в посуде (глиняной, деревянной, кожаной), но не в чанах;
- золка “взаплеск”, золой и известью, идет без обжора в течении 2-3 недель;
- промывка короткая (при отсутствии обеззоления) и топтание;
- короткие дуба 1-1,5 недель с использованием дубового корья “впересып” при отсутствии залички;
- отсутствие крашения и мазки дегтем.

Именно таким, или близким, рецепт остается и в древнерусских городах до второй половины конца XIII в. Важным этапом в развитии технологии Г.Поварнин называет использование киселей. Очерчивая границу территории, где кисели повсеместно стоят на высоком уровне развития, он называет города Торжок, Тверь, Ярославль, Кострому, Ростов, Москву, а также Бежецкий верх. Для XIII в. исследователь предполагает появление киселей в Торжке и последующее их распространение, уже в XIV в., в других названных центрах. В пользу Верхневолжья говорит факт сохранения здесь довольно нетипичного рецепта пшеничных киселей, не встречающихся в чистом виде на других территориях. Обычным для русских земель был ржаной кисель, более экономичный, учитывая развитие зерновых культур в русских землях. В связи с этим можно отметить, что для указанных территорий рожь и ячмень были основными зерновыми культурами не только в XIII-XIV вв., но и позднее, в XVI в., тогда как пшеница засеивалась только на 3% зернового клина (Горская 1977: 45).

По мнению Г.Поварнина, “кисели появились в XIII в. первоначально в Торжке, куда были занесены с востока... Появление киселей обозначает собой и появление юфти и полувала, под которым стал подразумеваться прежний простак” (Поварнин 1912: 147). Процесс киселевания исследователь отличает от залички, ведущейся кислыми дубильными соками, иногда с добавлением хлеба или свежего корья. Суть ее состояла в размягчении кожи перед дублением и, с технологической точки зрения, появление и развитие залички связано именно с развитием технологии дубления (как отдельного процесса). Заличка появляется несколько ранее киселей, возможно уже в XII в., в том же районе, что и кисели. Она является, своего рода, начальной (подготовительной) фазой дубления. Более широкое ее распространение, видимо, происходило в XII-XV вв. (Поварнин 1912: 148). Кисели же, по своему назначению, связаны с другой основной операцией — золением: они служат для качественного выведения золы и извести из кожи, поскольку “золка без

последующего удаления извести дает продукт, неприменимый ни для чего, кроме пергамента” (Поварнин 1912: 25).

В раннем славянском рецепте, как считает Г.Поварнин, не было и крашения. Возможно, эпизодически применялось крашение железным настоем, но оно не было широко распространенным. В средневековых русских городах, также эпизодически, могло проводиться крашение красным сандалом, а также квасцами и купоросом.

Развитие киселей, как и другие инновации в технологии производства, привело к значительным изменениям в общем процессе выделки, в сортах используемого сырья, а также в сортаменте производимых кож. Так, стало возможным выделывать шкуры взрослых особей крупного рогатого скота яловки и бычины, имевшие большую толщину. Кроме того, происходит разделение выделываемого товара на подошвенный, для верха обуви, для фурнитуры и кожгалантереи. Использование для обуви, особенно подошв, более толстой и прочной (жесткой) кожи сказалось и на изменении техники раскроя и пошива. Археологически подтверждается появление новой конструктивной схемы обуви, синхронной появлению киселей в городах Верхневолжья. Показательной в этом плане является коллекция кожаной обуви из раскопок Тверского кремля в 1985 г. (Курбатов 1994: 190, 191). В материалах выделены три варианта подошв, различающиеся по способу соединения с верхом обуви. Основной шов мог быть сквозным, вертикальным, применяемым, скорее всего, для моделей мягких сапог, или выворотным, использованном в моделях мягкой низкой обуви (сюда же относится и подошва с тачным швом), или со швом “вподтай”, расположенном на внутренней стороне подошвы. Эти последние становятся принадлежностью сапог “жесткой” конструкции и получают широкое распространение в русских городах с XIV в. (Оятева 1962: 87). В тверской коллекции 1985 г. встречено всего 7 экземпляров подошв со швом “в подтай”, наиболее ранние из которых относятся к четвертому горизонту застройки, датированному по серии спилов концом XIII первой четвертью XIV в. (Курбатов 1994: 193).

Начиная с этого времени в русских городах быстро распространяется новая форма сапога “жесткая”, с более толстой и жесткой подошвой, с серией дополнительных внутренних и промежуточных деталей, ставших стандартными и повсеместными элементами конструкции, с особыми приемами декорировки (обшивка верха голенищ и др.). С этого же времени быстро уменьшается количество других форм обуви мягких низких туфель и мягких сапог с основным вертикальным сквозным швом и многослойной подошвой из тонкой кожи.

Археологические находки подтверждают использование солей и окислов железа для окраски кожи. При этом процессе кожи выдерживаются в емкостях с железным ломом или опилками. Железо, соединяясь с дубильными веществами, придает коже черный цвет. Именно такой цвет фиксируется на многих находках. Использование железа подтверждают и лабораторные химические анализы. По заключению И.С.Шестаковой с соавторами “особой отделке кожа не подвергалась, за исключением, может быть, крашения с помощью солей железа. Лишь в XVI-XVII вв., как это известно по письменным источникам, в Москве стали выделывать высокосортные кожи и окрашивать их в различные цвета” (Рабинович 1964: 101). Исходя из сказанного ранее, существовавшие предположения исследователей (Изюмова 1959: 194) о вероятной окраске кож в русских городах в XI-XV вв. в различные цвета, надо

считать маловероятными.

Выделение среди археологических находок отдельных крашенных изделий, например, отмеченный в Пскове задник сапога вишневого цвета (Оятева 1962: 88), можно объяснять, с одной стороны, наличием привозных товаров, в том числе и кож, а с другой — возможным попаданием в ранние слои позднесредневековых предметов. Указанный Е.И.Оятевой задник был найден в выбросе из котлована под фундамент Педагогического института. Для XVI-XVII вв. письменные источники часто упоминают “красные и лазоревые кожи”: 1666 г. “Куплено семь юхтеи сафьяну красного и лазоревого”, 1639 г. “Шесть фунтъ олова, два сафияна желтые, четыре крашенины лазоревые” (Сл.РЯ 1996: 23, 67).

Аристов Н.Д. 1866 Промышленность древней Руси. СПб.

Горская Н.А. 1977 Земледелие и скотоводство // Очерки русской культуры XVI в. Ч. 1. М.

Древняя Русь. Город, замок, село // Археология СССР. М. 1985.

Зыбин Ю.П. 1958 Древнерусская обувь XII-XVI вв. Сообщение 2. // Известия ВУЗов. Технологическая промышленность. Киев. № 6.

Изюмова С.А. 1959 К истории кожевного и сапожного ремесел Новгорода Великого // МИА. № 65. М.

Курбатов А.В. 1994 Коллекция кожаных предметов из раскопок 1985 г. в Тверском Кремле в связи с проблемами совершенствования технологии ремесла в русских средневековых городах // Тверской археологический сборник. № 1.

Курбатов А.В. 1996 Уровень технологии кожевного ремесла в древнерусский период // Ладога и Северная Европа. СПб.

Ленко О.Н. 1984 Витгебек XIV-XVIII вв. Минск.

Оятева Е.И. 1962 Обувь и другие кожаные изделия древнего Пскова // АСГЭ. № 4. Л.

Поварнин Г. 1912 Очерки мелкого кожевного производства в России. СПб.

Рабинович М.Г. 1964 О древней Москве. Очерки материальной культуры и быта горожан в XI-XVI вв. М.

Рыбаков Б.А. 1948 Ремесло Древней Руси. М.-Л.

Словарь русского языка XI-XVII вв. № 23. М., 1996.

Штахон Г.В. 1963 Опыт исследования древнеполоцкой кожи // СА. № 4.

Штахон Г.В. 1975 Древний Полоцк. Минск.

Бенедиктинский монастырь в Люблине на Великопольше

(по результатам раскопок 1978-1994 гг.)

Археологические исследования монастырских комплексов являются важным направлением поисковых работ, вносящим много нового в сведения о ранних этапах архитектуры, а также о повседневной жизни в древних монастырях. Случается, что результаты этих изысканий приносят существенно новые данные, позволяющие восполнить или же воспроизвести древнейшую историю исследуемых монастырских центров. Подобное имело место при раскопках на территории бенедиктинского монастыря в Люблине, в южной части Великопольши. Этот монастырь до настоящего времени является местонахождением отцов-бенедиктинцев. Он издавна считался одним из самых старых в Польше. И время основания монастыря, и личность основателя являются предметом научных споров, вытекающих из неоднозначного прочтения малочисленных письменных источников (Labuda 1978: 39 и сл.; Perzanowski 1978; Cetwiński 1981: 455-463; Bieniak 1985: 13-74; Derwich 1988: 6-9). В архитектурном облике данного комплекса изначальные формы читаются с большим трудом из-за позднейших перестроек, исказивших первоначальный облик костела и романского монастыря; несмотря на перестройки в комплексе все-таки отчетливо заметны романские следы (Świechowski 1963 159-160; Walicki, ed. 1971: 727-728).

Как явствует из данных исторической науки об этой части Великопольши в раннем средневековье, главной целью основания аббатства в Люблине была христианизация и организация христианской жизни (Derwich 1966: 15). Это был первый храмовый центр в южной Великопольше, ко времени его заложения еще слабо охваченной христианской миссией. Начатые в 1978 г. спасательные раскопки памятника постепенно превратились в многолетние систематические исследования с участием различных специалистов. Исследования охватили территорию монастыря и связанных с ним строений, а также распространились на соседний романский костел Св.Леонарда и окружающее его кладбище.

Место под застройку было выбрано самым тщательным образом: аббатство разместилось на моренной гряде, ограниченной с юга теперь уже высохшим озером, а с севера — болотистой местностью. Костел был возведен с южной стороны гряды, а монастырские постройки — с северной. Одним из наиболее важных достижений раскопочных исследований оказалось открытие остатков старой, незавершенной культовой постройки. Археологи натолкнулись на сохранившиеся в различных стадиях строительства стены, фундаменты и фундаментные рвы, которые в

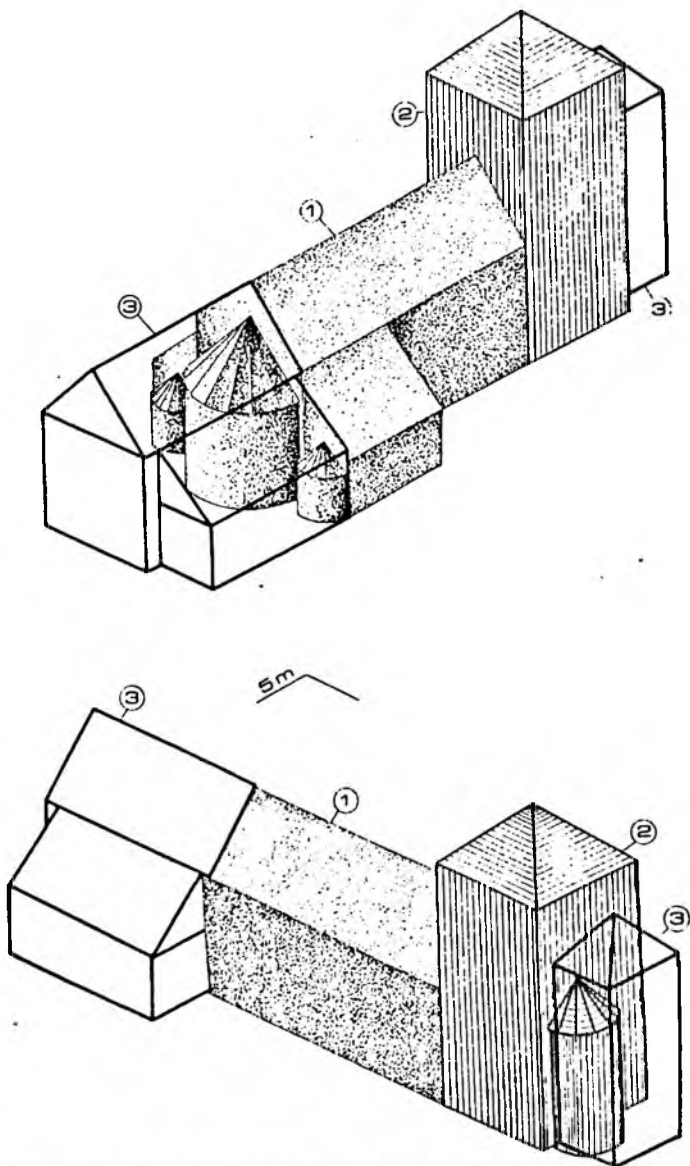

Рис. 1 Монастырский костел в Любине. 1 — половина XII в.; 2 — последняя четверть XII в.; 3 — первая половина XIII в.

совокупности воссоздают контур внушительной трехнефной базилики. Начатое с поистине королевским размахом (Žurek 1996: 55-38) строительство было прервано на начальном этапе, и ни одна из частей костела так и не была завершена. Начало строительства можно отнести ко времени первого основания любинского аббатства, ставшего делом рук короля Болеслава II в 70-х годах XI в. По неизвестным до конца причинам (скорее всего, в связи с изгнанием этого правителя) оно было прервано, и бенедиктинские монахи, судя по всему, должны были покинуть Любин. Таким образом, археологические разыскания позволили развязать споры историков: удалось подтвердить факт первого основания аббатства, одновременно же доказано, что оно было реализовано не в полной мере.

Повторное основание аббатства, как удалось установить на материалах письменных источников (Cetwiński 1981: 455-463), относится к 30-40-м годам XII в. Однако зодчие не воспользовались предшествующими архитектурными планами: и масштабы строительства, в особенности — самого аббатского костела, и плановое решение комплекса существенно отклоняются от первоначального проекта (Żurek 1966). Вначале планировался целый комплекс построек в духе бенедиктинской модели. В основе этого плана лежал четырехугольник стен, обрамляющих трапециевидный абрис размерами 38 x 40-45 м, которые окружали главные части аббатства — костел с кладбищем по южной стороне и планируемый монастырь по северной стороне. Стены имели оборонительный характер, им были приданы две (а, быть может, даже три) башни с западной стороны, а с севера и, частично, с запада их охранял ров шириной 4-5 м и глубиной 2,5-3 м. Стоит обратить внимание на то обстоятельство, что в тогдашних польских оборонительных сооружениях еще не встречались каменные стены с башнями, поэтому в данной особенности монастырского комплекса можно усматривать влияние традиции, принесенной бенедиктинцами с Запада.

В начале второго периода строительства рядом с упомянутыми валами был построен небольшой однефный костел (Żurek 1996) общей длиной около 26 м, с низким трансептом (17 x 7 м). Восточную часть замыкали три апсиды, причем средняя была без алтарного пролета. Нефный корпус шириной 6,5 м освещала пара узких окошечек, а в южной стене находился выход, украшенный простым порталом; он вел на кладбище. Другие двери, вероятно, находились в северной стене трансепта. В алтарной части открыт фундамент главного алтаря, освященного согласно записи в Roczniki Lubińskim в 1145 г. еп. Конрадом, и посвященного Пресвятой Деве Марии (Kürbis, ed. 1962: 111-122).

Снаружи стен и рва, с западной и северной стороны, открыто поселение (ок. 50 x 60 м), где жили люди, занимающиеся строительством монастыря (Kurnatowska 1996: 141 и сл.).

Уже в последней четверти XII в. костел перестраивается, и одновременно начинается строительство каменного монастыря. Костел дополняется с запада мощной четырехгранной башней, скорее всего четырехрусной, со стороной равной ширине нефа. Раскрытое в ходе археологических работ помещение нижнего этажа башни в плане представляло собой квадрат, перекрытый крестовым сводом, опирающимся на центральный пилон и четыре пилястры, на которые замыкались гурты. Во внутреннее пространство нефа это помещение открывалось двоянной аркой, покоящейся на мощном столбе. На втором ярусе находилась крытая галерея. Подняться на нее можно было по лестничной башенке, сооруженной на месте разобранной средней башни. Доступ к более высоким уровням башни, по-видимому, обеспечивался приставными лестницами (Żurek 1996: 42 и сл.).

В помещении под крытой галереей открыто ориентированное по оси костела захоронение (к сожалению, разрушенное и разграбленное), прикрытое на уровне пола толстой известняковой плитой. В нем находился скелет довольно молодого мужчины. Как само положение могилы, так и ее форма свидетельствуют о высоком общественном положении умершего. Согласно убедительной гипотезы Магдалены Журек (1997), возможно, это погребение одного из сыновей князя Мешко III (Старого) — князя Болеслава, погибшего в 1195 г. Семья Мешко III принадлежала к числу крупнейших вкладчиков монастыря в Любине.

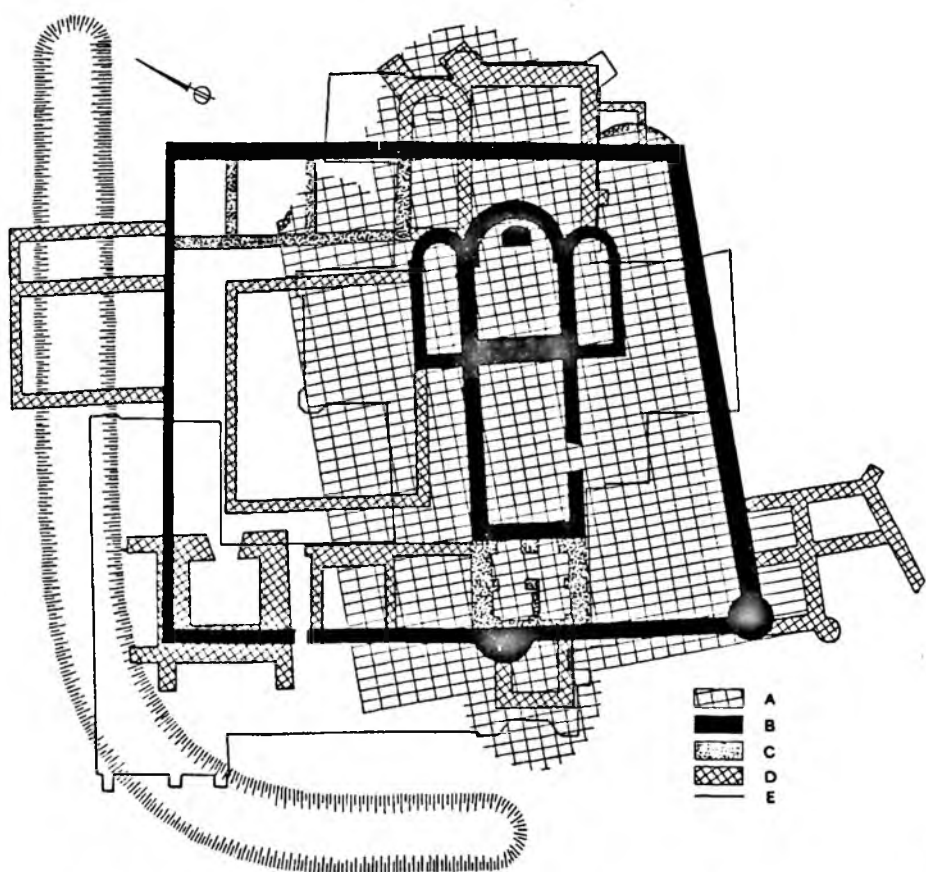

Рис. 2 План монастыря в Любине. А — незавершенная трехсфная базилика — конец XI в.; В — костел и каменная стена — первая половина XII в.; С — западная башня костела и восточное крыло монастыря — последняя четверть XII в.; D — план костела и монастыря позднероманского времени — XIII в.

В это же время было построено восточное крыло монастырских строений, состоящее из трех парадных помещений в нижнем этаже и, вероятно, второго этажа, где находились жилые помещения. Таким образом, аббатство получило в свое распоряжение основную часть *claustrum*, что, как это явствует из аналогий (ср.: Kunkel 1994: 398-410), обеспечивало нормальное функционирование монастырской общины.

К сожалению, мы не располагаем достаточными данными для того, чтобы выяснить, было ли тогда же возведено и западное крыло (хотя такое допущение весьма вероятно, особенно если принять во внимание удлинение костела до западной окружной стены); в этом крыле размещались врата, ведущие внутрь монастыря.

Последующее развитие строительной деятельности приходится на XIII в. Лишь тогда окончательно сформировался облик костела и всего монастырского комплекса. Перестройке была подвергнута алтарная часть костела (Zurek 1996: 45 и сл.). На месте апсиды были надстроены удлиненные прямоугольные хоры (длина ок. 13,5 м и ширина ок. 8,5 м), заканчивающиеся прямой стеной: они были лучше приспособлены к

хоральным молитвам бенедиктинцев. С севера к ним пристроили часовню, которая заняла пространство между алтарной частью костела и строениями монастырского ограждения. Часовня имела форму вытянутого зала, заканчивающегося невыделенной апсидой. Сохранился фундамент алтаря, размещенного посередине апсиды. Это была погребальная часовня (Kabacińska 1996): внутри нее найдены многочисленные захоронения. Самое древнее погребение можно идентифицировать с могилой великопольского князя Владислава Лясконового, второго сына Мешко III, также похороненного по монастырской традиции в Любине (Opracowanie benedyktyńów 1996).

Вместе с возведением нового алтарного помещения и часовни было ликвидировано северное крыло трансепта, что в свою очередь позволило завершить строительство *clastrum* — закончить внутреннюю галерею, окружавшую монастырский сад (14,5-15,5 x 17-17,5 м). Тогда же была окончательно завершена западная часть монастырской стены, состоящая из двух помещений с южной стороны и величественной многоярусной башни (10,5 x 10,5 м) в северно-западном углу; в последней можно усматривать подражание аббатской башни, известной по некоторым монастырям Западной Европы.

В XIII в. рядом с монастырем был возведен приходской костел Св.Леонарда (Kurnatowska 1992). Он разместился близ с.Любин, на той же самой моренной гряде, на которой располагалось аббатство. Однонефный безбашенный романский костел с квадратным алтарным помещением и апсидой, сохранился до наших дней: в XVI в. он был расширен готическим нефом, а также были надстроены стены романских порталов. Неф дополнительно освещался парой узких окошек; похожее окошечко находилось и в апсиде. Характернейшей чертой костела Св.Леонарда, подробно описанной в археологических и архитектурных исследованиях, было употребление кирпичного декора: кирпичный фриз венчает кладку апсиды. Архитектурные исследования позволили выделить и другие кирпичные элементы: в новооткрытом портале — завершенную валиком архивольту; тимпаном — в прорезях романских окон, в подпорках, поддерживающих крестовый свод алтарного помещения. Кирпичом были выложены своды полукружных арок, венчающих *sedilia* в алтарном помещении; кирпичными были импосты, поддерживающие стрельчатые арки; а пол состоял из уложенных кирпичных плит. Некоторые кирпичные детали носили следы скульптурной обработки.

Внутри костела обнаружены многочисленные погребения, часть которых, вне всякого сомнения, датируется эпохой средневековья. Одновременно со строительством костела Св.Леонарда вокруг него было заложено кладбище, использовавшееся непрерывно вплоть до начала XIX в.

Где-то в середине XIII в. монастырь пережил какую-то не зафиксированную в письменных источниках катастрофу, после которой строительная деятельность была достаточно быстро возобновлена: часовня была надстроена вторым ярусом — часовой Св.Станислава, епископа, канонизованного в 1253 г. В нижней часовне по-прежнему совершались захоронения вкладчиков. Епископов хоронили в алтарном помещении монастырского костела, иных видных монастырских лиц — в капитульном, а монахов — во внутренней галерее. Около середины XIII в. окончательно завершилась постройка романского *clastrum*, восполнившая его северным крылом, состоящим из кирпичного двучастного дома на каменном фундаменте (трапезная). К этому же времени относится стро-

ительство комплекса, состоящего из трех помещений, дополненных двориком; комплекс, размещался со внешней стороны монастырских стен, и, вероятно, представлял собой странноприимный дом, предназначенный для монастырских гостей.

Таким образом, многолетние археологические работы позволили воссоздать комплекс застройки бенедиктинского аббатства в Любине и проследить постепенное изменение его архитектурных форм. В таком не очень изменившемся (хотя и дополняемом новыми строениями) виде любинский монастырь просуществовал вплоть до его барочной переделки в XVIII в. Готическая эпоха в истории Любина (XV-XVI вв.), однако, существенно преобразила силуэт костела, сохранив при этом его основной план (Linette 1987: 25 и сл.): была ликвидирована массивная западная башня, надстроены до высоты нефа алтарное помещение и узкая лестничная башня. Дополненная позднее пышным барочным шлемом, эта башня стала главной вертикальной доминантой костела.

-
- Bieniak J. 1985 *Polska elita polityczna XII w. II. Wróżda i zgoda // Społeczeństwo Polski średniowiecznej. T.3. Warszawa.*
- Cetwiński M. 1981. *Jeszcze o fundacji opactwa benedyktynskiego w Lubiniu // Sobódtka. 36.*
- Derwich M. 1988. *Tyniecka zgoda i wyszogrodzka wróżda. O dwóch konfliktach wewnętrznych w Polsce średniowiecznej XII i XIII w. // Kwartalnik Historyczny. T.9S.*
- Derwich M. 1996. *Fundacja lubinska na tie rozwoju monastycyzmu benedyktyńskiego w Polsce (XI-XII wieku) // Opactwo benedyktyńów. Poznań.*
- Kabacińska I. 1996. *Kaplica grobowa w kościele klasztornym oo. benedyktyńów w Lubiniu // Opactwo benedyktyńów. Poznań.*
- Kunkel R. 1994 *Pars pro toto, czyli wschodnie skrzydła klasztorów malopolskich jako samodzielne budowle // Dzieje i kultura cystersów do XVIII w. Nasza Przeszłość. T.63. Kraków.*
- Kurnatowska Z. 1992. *Kościół Sw.Leonarda w Lubiniu (po pracach archeologicznych i architektonicznych) // Archeologia Polski. T.37.*
- Kurnatowska Z. 1996 *Clastrum romańskie wraz z najbliższym zapleczem osadniczym w kolejnych fazach // Opactwo benedyktyńów. Poznań.*
- Kürbis B. ed. 1962/ *Rocznik Lubiński // Monumenta Poloniae Historica. Series nova. T.VI. Annales Poloniae Maioris. Warszawa.*
- Labuda G. 1978. *Początki klasztoru w świetle źródeł pisanych // Materiały sprawozdawcze z badań zespołu pobenedyktyńskiego w Mogilnie. Warszawa.*
- Linette R. 1987. *Z badań nad architekturą i wystrojem kościoła klasztorowego opactwa benedyktyńskiego w Lubiniu (XV-XVIII w.) // Studia i materiały do Dziejów Wielkopolski i Pomorza. T.32.*
- Opactwo benedyktyńów w Lubiniu. Pierwsze wieki istnienia. Ed. Z.Kurnatowska. Poznań. 1996.*
- Perzanowski Z. 1978. *Opactwo benedyktyńskie w Lubiniu // Studia nad fundacją i rozwojem uposażenia w średniowieczu. Wrocław.*
- Swiechowski Z. 1963. *Budownictwo romańskie w Polsce. Katalog zabytków. Warszawa.*
- Walicki H. ed. 1971. *Sztuka polska przedromanska i romanska do schyłku XIII wieku. Warszawa.*
- Żurek M. 1966. *Kościół konwentualny Panny Marii w Lubiniu. Rekonstrukcja kolejnych faz budowy i rozbudowy w XI-XIII wieku // Opactwo benedyktyńów. Poznań.*
- Żurek M. 1997. *Próba identyfikacji grobu w zachodniej części kościoła p.w. Narodzenia NMP w Lubiniu // Śmierć w dawnej Europie. Wrocław.*

Следы пребывания древних хакасов в городах Руси XI-XIII вв.

Воздавая долг светлой памяти В.Д.Белецкого — неутомимого исследователя городской культуры Руси, автор этих строк намерен очертить новую для славяно-русской археологии тему, хорошо заметную для знакомого с восточноевропейскими древностями сибиреведа, но пока еще не выделяемую славистами. Коллеги, много внимания уделяющие культурным, экономическим, политическим и прочим связям Руси с окружающими странами, не замечают лежащих в городских слоях средневековых сибирских изделий¹. Между тем, эти находки уже перестали быть единичными (Кызласов И. 1978: 139; 1980 90; 1983: 65.66), встречены достаточно широко и, следовательно, не могут расцениваться в качестве некоего археологического курьеза.

Взаимоотношения Руси с Сибирью начались не с похода Ермака, а в раннее средневековье, и не ограничивались проникновением новгородцев в Югру, за Велик Камень. Сибиряки сами приходили на Русь — археологические находки вновь выявляют факты, не отмеченные письменными источниками, как и проясняют древние сообщения, до того бывшие малопонятными и не внушавшими доверия. Именно так, на основании анализа древностей IX-XIV вв., сопоставленного с персидскими и арабскими записями, был открыт средневековый торговый путь, шедший с Саяно-Алтайского нагорья через Западную Сибирь и Южный Урал в Восточную Европу. Как оказалось, знание этой дороги отразилось в легенде, объяснявшей для персов и арабов поражавшее их физическое сходство славян и древних хакасов (рослость, белокожесть, светловолосость и т.п.). В изложении Гардизи (XI в.) оно, якобы, связано с кровным родством, начало которому положило бегство в Южную Сибирь некоего славянского вельможи, от которого и пошел древнехакасский династийный род *кыргыз*. Из страны славян путь беглеца вел в землю хазар (т.е. в Поволжье), оттуда — в Башджурт (башкирские владения в Южном Приуралье, далее к кимакам (на Средний Иртыш), затем на Алтай, а через него — в долины Енисея.

В действительности этот средневековый евразийский путь имел продолжения и на восток, достигая земель Монголии и Китая, и на запад, доводя до страны франков и обитателей атлантического побережья (Кызласов Л. 1984а: 111-118; 1984б: 119-122; 1987: 79-86). Эта сибирская дорога в Европу была известна древним хакасам и использовалась ими не позднее IX-X вв. О том свидетельствуют находки характерных

¹ Редкое исключение: (Лесман 1992: 230-232).

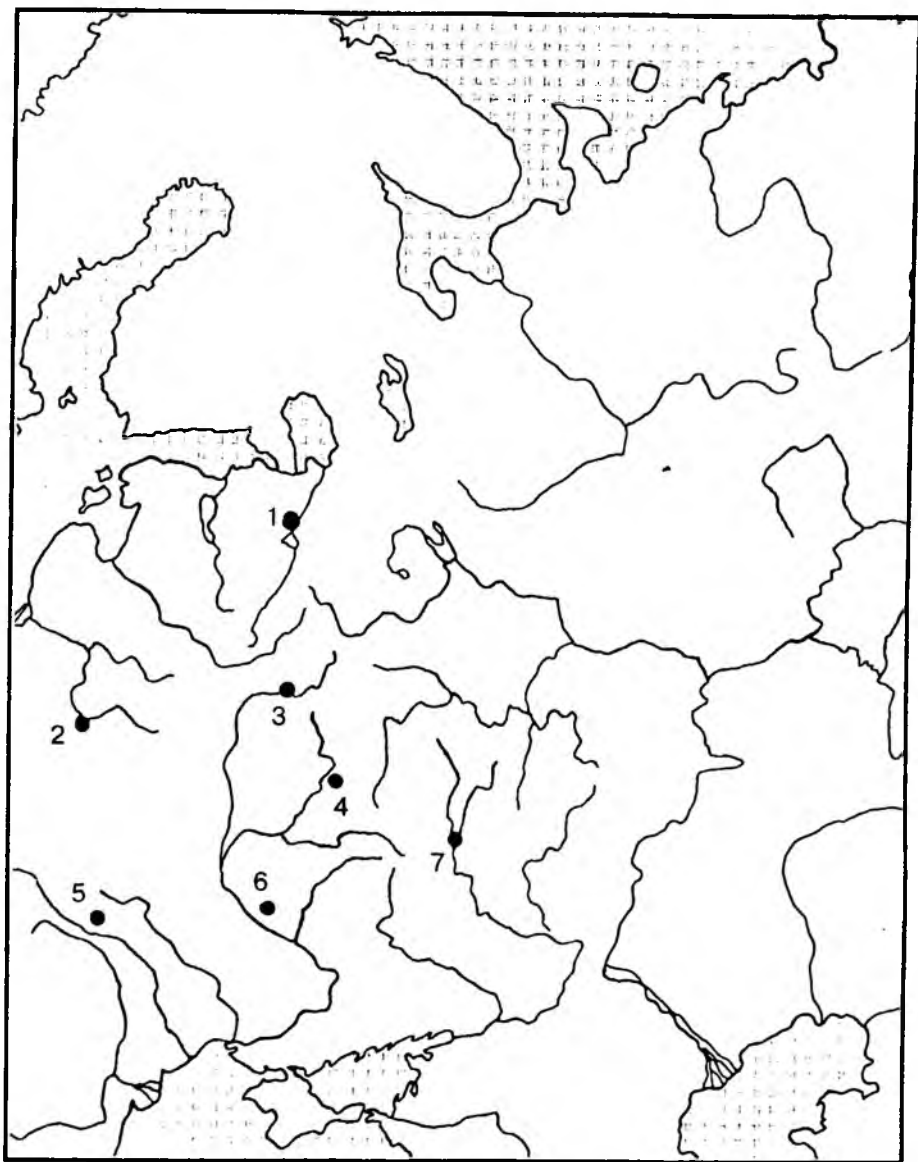

Рис. 1 Карта распространения древнехакасских изделий, на древнерусских памятниках. 1 — Новгород; 2 — Новогрудок; 3 — Смоленск; 4 — Слободка; 5 — Звенигород; 6 — Маиковцы; 7 — Семилукское городище.

бронзовых изделий тюхтятской культуры не только на Среднем Иртыше или на Южном Урале, но и на Украине (Ханенко, Ханенко 1907: 30, № 407; Кызласов Л. 1984б: 117; 1987: 81; Кызласов Л., Король 1990: 172, рис.64), а также обнаруженные на Южном Урале 15 древнехакасских курганных захоронений этого времени (так называемого селенташского типа, см.: Боталов 1994: 16-19).

В конце X в. в Южной Сибири сложилась и широко распространилась древнехакасская аскизская культура, просуществовавшая до XVIII в. (Кызласов Л. 1975). Яркой отличительной особенностью аскизских древностей служит большое количество железных изделий характерной, самобытной формы, часто украшенных инкрустацией и аппликацией серебром (реже — медью и золотом). Богато орнаментированные дета-

ли конской сбруи и всаднического снаряжения обычно составляли объединенные общим узором наборы. Археологу не составляет труда выделить эти своеобразные по виду вещи из собрания прочих древностей. Легко узнаются даже единичные аскизские находки. Плавные изменения в системе орнаментации и в технике художественной обработки металла, прослеженные на многочисленных вещевых сериях, позволяют довольно точно определять и время создания как целых наборов, так и отдельных предметов (Кызласов И. 1983).

Благодаря всем этим особенностям, аскизские вещи, изготовленные в Южной Сибири, ныне выделяются и среди находок, сделанных при раскопках древнерусских городов. Очень интересно, показательно и важно распространение их на Руси: от ее северных границ до южных пределов, от западных рубежей до восточных окраин (рис.1). На северо-западе — в Великом Новгороде — сделаны две находки. Пластинанакладка с концевым крюком, покрытая характерной насечкой для серебряной аппликации, встречена на Дубошином раскопе в слоях 20-30-х годов XIII в.² Инструмент для продергивания ремней при шнуровке в виде железного стержня с петелькой на одном конце и дугообразной рукоятью в виде конской головки на другом (рис. 2,1) происходит из слоев 1224-1238 гг. на Неревском раскопе (Лесман 1992). На впадающем в Балтийское море Немане, в детинце древнерусского Новогрудка (рис.2,6) в отложениях X-XI вв. найдено такое же аскизское орудие для шнуровки (Зильманович 1965: 97, рис.35,15).

С верховьев Днепра, из смоленских слоев 14 яруса (первое десятилетие XIII в.) происходит (рис.2,5) гнутая пластина с трубочкой для крепления султана (Астаева 1991: 25, 28, 48, рис.11,1). Это типичное древнехакасское изделие³: в Южной Сибири так украшали наносные ремни узд верховых лошадей.

В лесистом бассейне Десны, на р.Навля, в детинце вятичского городища Слободка (летописный Болдыж) при раскопках феодальной усадьбы второй половины XII — рубежа 30-40-х годов XIII в. найден (рис.2,7) еще один типичный аскизский инструмент для шнуровки (Никольская 1981: рис.95,17; 1987: 133,134, рис.68,16).

Сооружение 13 существовало в сакральной части городища Звенигород, возведенного над р.Збруч в Прикарпатье. В нем найдены восемь железных уздечных накладок, удила с кольцевыми псалнями, снабженные наконечниками для нащечных ремней или поводьев, две прямоугольные пряжки (рис.3). Все эти вещи составляли единый уздечный набор, оформленный в соответствии с аскизскими южносибирскими традициями⁴. Вместе с самой постройкой они относятся ко второй половине XIII в. (Русанова, Тимошук 1993: 46,56,59,61, рис. 45,20, 60,13,14).⁵

2 В настоящее время готовится к публикации П.Г.Гайдуковым, сообщившим мне эти сведения.

3 На что коллегам-смолянам было указано Л.Р.Кызласовым.

4 К сожалению, из-за плохой сохранности поверхностей нельзя сказать, были ли вещи украшены аппликацией.

5 Основываясь на материалах демонстрировавшихся И.П.Русановой и Б.А. Тимошук на докладах в ИА АН СССР, полагаю, что характерные аскизские пряжки из сооружения 13 в книге ошибочно помещены на рис. 45,20, а на рис. 60,8 в действительности показана пряжка с капиша 3.

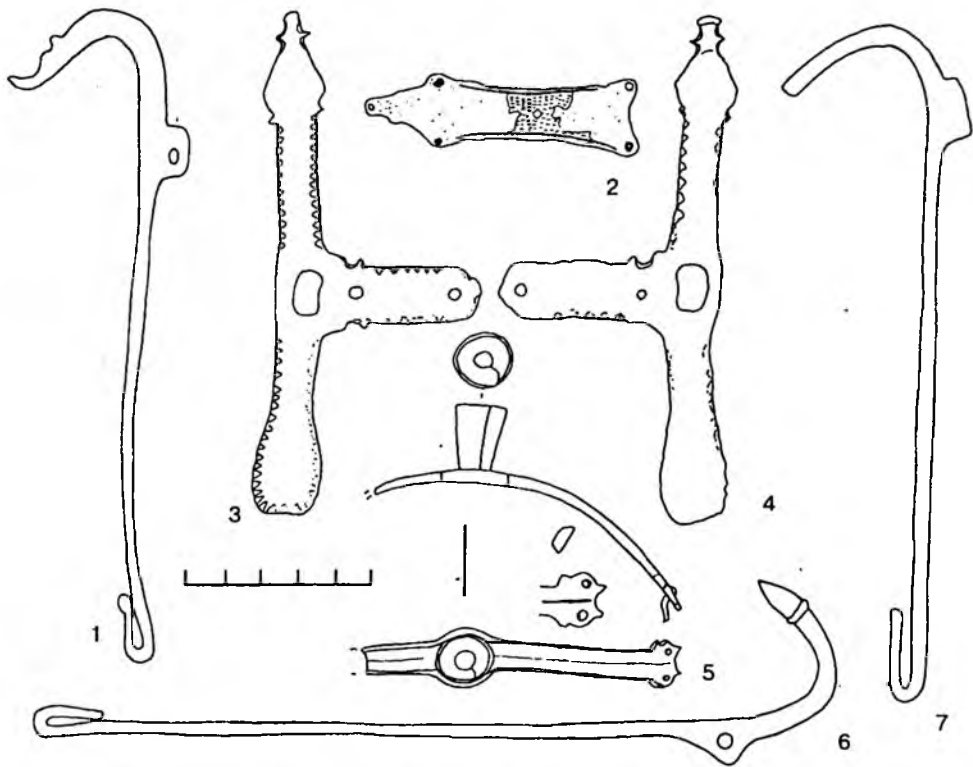

Рис. 2 Древнехакасские изделия, найденные на древнерусских памятниках. 1 — Новгород, 2 — Семилукское городище, 3, 4 — Городище Мацковцы (Снепород), 5 — Смоленск, 6 — Новоградок, 7 — городище Слободка (Болдыж). 1,3-7 — железо, 2 — железо, золотая фольга.

На р.Суде в Полтавской области на посаде городища у с. Мацковцы (летописный Снепород) в разные годы работ (Моргунов 1996: 98,99, рис.31,1) и в двух разных постройках (№ 1 и 6), одинаково датируемых второй половиной XII в., найдены два пластинчатых псалий, происходящих от одной аскизской узды (рис.2,3,4). Другое древнехакасское изделие найдено на Дону, на древнерусском Семилукском городище. Здесь в заполнении погребя, относящемся ко второй половине XII — первой половине XIII вв., встречена (рис.2,2) уздечная накладка, украшенная золотой фольгой в характерной манере аскизской аппликации (Цыбин 1990: 37; Пряхин, Цыбин 1992: 32, рис.11,1, 13, № 16)⁶.

Таким образом, при раскопках 7 городов Древней Руси найдено не менее 19 предметов, относящихся к аскизской культуре и некогда изготовленных в Южной Сибири. Большинство изделий (15) является деталями уздечек, одно (крюк на пластине) также, вероятно, принадле-

⁶ Автор сохраняет благодарную память о Д.А.Авдусине и выражает искреннюю признательность И.П.Русановой, Б.А.Тимошуку, Ю.Ю.Моргунову, М.В.Цыбину и Ю.М.Лесману, предоставившим в мое распоряжение сведения и хорошие рисунки аскизских изделий, найденных на изучаемых ими памятниках.

жит к снаряжению коня или всадника, три шнуровальных инструмента определенно относятся к походному набору всадников.

Если затейливо украшенное конское убранство можно предположительно отнести к предметам торговли, то простые крюки для шнуровки ремней таким образом квалифицировать нельзя. Эти находки указывают на пребывание на Руси самих древнехакасских всадников. Об этом же, вероятно, свидетельствует и накладка для уздечного наносного султанчика, встреченная в Смоленске: даже в самих саяно-алтайских пределах эта деталь снаряжения храпового, а не налобного ремня (см. форму изгиба пластины) в рассматриваемую эпоху увязывается с собственно аскизскими древностями и, по-видимому, была отличительной и значимой частью убранства коней древних хакасов, не применявшейся даже у соседних народов (Кызласов И. 1983: 30-32, 46, 59). Лишь в конце XIII-XIV вв. эта деталь оформления узды, сохраняя явные черты аскизского происхождения и плавно видоизменяясь, начинает распространяться среди кыпчаков (Кызласов И. 1980: 81, 89, 90, рис. 1, 1; 1987: 103-105).

Таким образом, аскизские предметы, найденные на древнерусских памятниках, следует расценивать как следы приезда на Русь всадников-сибиряков. Когда же совершали природные санно-алтайцы эти свои неблизкие путешествия и с какой целью?

Наиболее раннюю дату имеет находка в Новогрудке — X-XI вв. Только набор из Звенигорода относится ко второй половине XIII в. Все же остальные предметы принадлежат ко второй половине XII — первой половине XIII вв. Полную ясность вносят в датировку, полученную по общим разработкам славяно-русской археологии, данные новгородских исследований: аскизские изделия принадлежат ко времени, предшествовавшему монголо-татарскому нашествию. Вывод подтверждается условиями залегания древнехакасских предметов в слоях Смоленска, Слободки, Мацковцов и Семилукского городища. Исключением являются, вероятно, только звенигородские детали узды. В домонгольских слоях встречены аскизские изделия и на памятниках восточных соседей Руси — волжских болгар, через земли которых древние хакасы ехали на своем пути в Европу (Мурзихинское IV, Старокуйбышевское и Измерское селища)⁷.

Причину приезда сибиряков на Русь, по-видимому, более всего раскрывает нахождение аскизских изделий на главных западных и северо-западных торговых путях Руси: в Новгороде, Новогрудке, Смоленске. До этих крайних лесных пределов саяно-алтайцы могли дойти прежде всего из-за их широко известной связи с балтийским торговым миром. Особое значение, придаваемое в Древнехакасском государстве торговле, в том числе оказываемая ей государственная поддержка, подтверждены сообщениями многих восточных летописей — арабо- и персоязычных, китайских (Кызласов Л., 1984б: 112-116). Как мы теперь видим, эта крупнейшая южносибирская держава средневековья не оставила без внимания и Восточную Европу.

---

7 Археологи Татарстана также до сих пор не узнавали в этих находках сибирских вещей (Казаков 1991: 98, 99, рис. 35, 4, 36, 27, справа; Казаков, Руденко, Беговатов 1993: 54, рис. 7, 43).

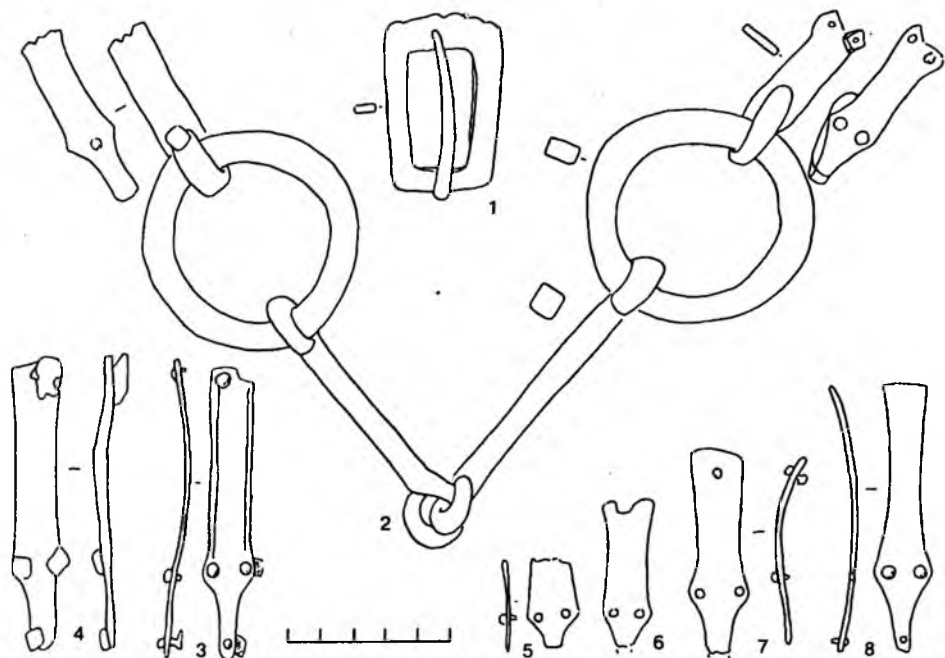

Рис. 3 Железные детали узды аскизской культуры. Городище Звенигород. 1,7 — 2 экз., 2,3,4,8 — по 1 экз.; 5,6 — 3 экз.

Хотя полученные на древнерусских памятниках даты аскизских изделий в целом соответствуют независимо разработанным сибирским датировкам, но они позволяют учесть данные дендрохронологической и иных восточноевропейских временных шкал. В аскизских памятниках прежде единого каменского этапа XIII-XV вв. (Кызласов И., 1978; 1983: 55-67) теперь следует попытаться наметить два периода: первой трети или первой половины XIII в. и второй половины XIII-XIV вв. В возможности уточнить хронологию сибирских древностей заключается узкое, сугубо археологическое значение аскизских находок в древнерусских памятниках. Широкое общеисторическое их значение состоит в установлении факта путешествий древних хакасов — носителей аскизской культуры — на Русь. Эти данные полностью согласуются с выделением уже описанного торгового пути из Южной Сибири в Восточную Европу.

Археологические находки отмечают и встречное движение по этому большому торговому сибирскому пути. Как известно, именно на нем в Западной Сибири найдены западноевропейские изделия: лотарингская бронзовая дарохранительница начала XIII в. и меч с латинской надписью последних годов XII — первой четверти XIII в. (Миллер 1937, рис.19,20; Молодин 1976; Дрбоглав, Кирпичников 1981; Дрбоглав 1984: 64-66,123, № 5В; Кызласов Л., 1984б: 120-121). В памятниках XI-XIII вв., расположенных в бассейнах Иртыша и Оби, во множестве известны привозные приуральские, волжскоболгарские и древнерусские вещи. Товары поступали сюда не только лесными речными путями (прежде всего, из Новгородской земли), но и указанной лесостепной дорогой, связывавшей Сибирь с Владимиро-Суздальской Русью и южно-русскими княжествами. Особое внимание следует обратить на следы пребывания в Сибири самих древнерусских людей — и в лесах, и в

лесо-степи здесь найдены обломки древнерусских глиняных горшков XII-XIII и XIII-XIV вв. (Могильников 1967: 214-216, рис.41, табл.XCII).

Географические знания Древней Руси, как видим, были шире, чем принято думать: они включали в себя и определенные сведения о Западной и Южной Сибири. И, что особенно важно, эти данные на Руси получали прямо от самих сибиряков — от саяно-алтайских посольств, древнехакасских купцов и воинов, приезжавших на Русь и знавших пути от Оби, Катуня и Енисея на Дон, Днепр, Десну, Волхов, Неман — и в Новгород Великий, и в Смоленск, и во многие небольшие славянские города и веси.

Выявление сибирских изделий в коллекциях, происходящих из древнерусских памятников, и их изучение явно вырастают в большую и самостоятельную исследовательскую задачу.

-
- Астафеева Н.И. 1991. Усадьбы древнего Смоленска // Смоленск и Гнездово. К истории древнерусского города. М.
- Богалов С.Г. 1994. Эпоха средневековья Урало-Ишимского междуречья // Автореф. дисс. ... канд.ист.наук. Уфа.
- Дрбоглав Д.А. 1984. Загадки латинских клейм на мечах XI-XIV ввек. М.
- Дрбоглав Д.А. Кириичников А.Н. 1981. Европейский средневековый меч, найденный в Западной Сибири // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1980. Л.
- Зильманович И.Д. 1965. Раскопки в детнице Новогрудка в 1962 г. // КСИА. № 104.
- Казакон Е.П. 1991. Булгарское село X-XIII ввекв низовий Камы. Казань.
- Казакон Е.П., Руденко К.А., Беговатов Е.А. 1993. Мурзихинское селение // Древние памятники приустьевого Закамья. Казань.
- Кызласов И.Л. 1976. Курганы средневековых хакасов XIII-XIV вв. Аскизская культура в монгольское время // СА. № 1.
- Кызласов И.Л. 1980. Кыпчаки и восстания енисейских племен в XIII в. // СА. № 2.
- Кызласов И.Л. 1983. Аскизская культура Южной Сибири. X-XV вв. // САИ. ЕЗ-18. М.
- Кызласов И.Л. 1987. Изменения в материальной культуре кыпчаков в XIII-XIV вв. в связи с политическим положением в Азии // Смены культур и миграции в Западной Сибири. Томск.
- Кызласов Л.Р. 1975. Курганы средневековых хакасов (аскизская культура) // Перикюбитная археология Сибири. Л.
- Кызласов Л.Р. 1984а. Торговые пути и связи Древнехакасского государства с Западной Сибирью и Восточной Европой // Западная Сибирь в эпоху средневековья. Томск.
- Кызласов Л.Р. 1984б. История Южной Сибири в средние века. М.
- Кызласов Л.Р. 1987. Торговые пути и связи Древнехакасского государства с Западной Сибирью и Восточной Европой // Прошлое Средней Азии. Душанбе.
- Кызласов Л.Р., Король Г.Г. 1990. Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. М.
- Лесман Ю.М. 1992. Необычная находка в культурном слое Новгорода // Северная Евразия. От древности до средневековья. СПб.
- Миллер Г.Ф. 1937. История Сибири. Т.1. М.-Л.
- Могильников В.А. 1987. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и болгары в эпоху средневековья. Археология СССР. (Т.17). М.
- Молодин В.И. 1976. Находка меча из Западной Сибири // Изв. СОАН СССР, № 11, сер. общ. наук, вып.3. Новосибирск.
- Моргунов Ю.Ю. 1996. Древнерусские памятники поречья Сулы // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Вып.Х. Курск.
- Никольская Т.Н. 1981. Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX-XIII вв. М.
- Никольская Т.Н. 1987. Городище Слободка XII-XIII вв. К истории древнерусского градостроительства в земле вятичей. М.
- Пряхин А.Д., Цыбин М.В. 1992. Древнерусские памятники XII — начала XIII вв. // Археологические памятники славяно-русского времени в черте и окрестностях Воронежа. Воронеж.
- Русанова И.П., Тимошук Б.А. 1993. Языческие святилища древних славян. М.
- Ханенко Б.Н., Ханенко В.И. 1907. Древности Приднепровья и побережья Черного моря. Вып. VI. Киев.
- Цыбин М.В. 1990. Древнерусские памятники XII-XIV вв. // Археологическое изучение микрорайона: итоги и перспективы. Воронеж.

Судьба укреплений 1374 / 1375 г. в Пскове

В 1374/1375 г. в Пскове было положено начало сооружению четвертого пояса каменных оборонительных укреплений. Оно началось с закладки напольной стены от Псковы реки до реки Великой, “подле старой стенки” (ПЗЛ: 105), сделанной с дубом и построенной, видимо, несколькими годами раньше (Лабутина 1985: 55). Вслед за напольной стеной были возведены фланговые, прибрежные стены. Следующим этапом стало строительство каменных костров, укрепивших напольную стену (1386/1387—1398 гг.). Одновременно с тремя последними кострами в 1398 г. стена была утолщена и повышена путем сооружения приклада. Ее покрытие произвели в 1339 г. Фланговые стены укреплялись прикладами: в 1400/1401—1401/1402 гг. вдоль р. Великая, в 1403/1404 г. — вдоль р. Пскова (Лабутина 1985: 42, 55, 58-61, 63, 64, 83-84, рис. 7, 8).

Объем работ по строительству внешней линии укреплений Пскова был очень велик. Сроки строительства (более четверти века) не покажутся растянутыми, если учесть, что одновременно велись масштабные работы по модернизации существующих частей крепости (1376/1377 — постройка двух каменных костров в Торгу, на стыке Домантовой стены и флангов укреплений 1309 г.; 1392/1393—1394 — строительство персей Крома; 1399/1400 или 1400/1401 — строительство двух башен на Крому: на Радчине всходе и в куту города; 1400-1401—1403/1404, 1407 — повышение и утолщение фланговых стен от укреплений 1374/1375 г. до Крома). Грандиозный размах строительства фортификаций сопровождался подъемом церковного строительства, особенно в 60-80 годы XIV в. Создается впечатление, что строительство стало в период 60-х годов XIV-XV в. главной заботой псковичей. В сооружение стен и башен вкладывались преимущественно государственные деньги, хотя не исключено участие средствами и “запасом” посажан, как было позднее, в 1465 г. Можно предполагать, что именно на строительство внешней стены Пскова было затрачено серебро, полученное в результате продажи князю Скиргайло государственной земли в междуречье Великой и Мирожь (Лабутина 1982а: 113-114).

Неслучайным был выбор времени строительства. В середине и третьей четверти XIV в. город трижды пострадал от немцев: в 1348 г. были пожжены дворы на Завеличье, в 1367 г. то же случилось на Полонище и Запсковье, в 1370 г. немецкое войско три дня стояло у города. Почти пятилетнее “розратие” из-за обидного места на Чудском озере принесло много горя: “много же бед в та лета претръпеша болезными и мором и ратми, и всех настоящих золь на ны за грехы наша” (ПЗЛ: 28). Заключение мира в 1371 г. и занятость Ливонского

ордена внутренними делами дали передышку в военных действиях, которой воспользовались псковичи. Строительство нового пояса укреплений для них было жизненной необходимостью, так как разросшийся посад, прежде всего, в междуречье, требовал быстрейшей и основательной защиты.

Возведенные укрепления имели протяженность около 1,63 км, вместе с ними длина каменных стен Пскова равнялась 4,3 км. Четвертый пояс укреплений Пскова соответствовал новейшим требованиям фортификации. 9 башен в напольной стене (3 прямоугольные проезжие, одна прямоугольная на Васильеве горке и пять круглых) надежно обеспечивали огневую защиту укреплений (Лабутина 1970: 97, рис.1, 12, 75-77, 79-83, 31). Вместе с другими частями крепости “новая стена на приступе”, как называли ее в конце XIV в. летописцы, служила надежной защитой Пскова. Обращавший особое внимание на состояние обороны всех городов, путешественник Гильбер де Ланноа, посетивший многие страны Северной Европы в первой четверти XV в., отмечал: “Псков очень хорошо укреплен каменными стенами и башнями...” (Ланноа 1873: 27).

Уже в период строительства новым укреплениям пришлось выдержать первое военное испытание. В 90-х годах XIV в. напряженными были отношения Пскова с Новгородом. В 1390/1391 г. новгородцы уже шли ратью к Пскову, но псковской делегации удалось договориться о мире, и рать отошла к Новгороду (ПЗЛ: 107; НПЛ: 388).

В 1394 г. новгородское войско находилось у Пскова 8 дней, пытаясь штурмовать город с помощью осадной техники (“порочнаа веретенища” и “поущичи”), и “побегоша прочь ночью посрамлени” (ПЗЛ: 107). Укрепления 1374/1375 г. устояли.

В период штурма города стены нового укрепления были уже возведены, но сооружение костров не закончено; существовало лишь три костра на приступе — по-видимому, на месте Великих, Трупеховских и Петровских ворот (Лабутина 1985: 59). Военная обстановка и события 1394 г. заставили псковичей сосредоточиться на завершении укреплений 1375 г., и с 1396 по 1398 гг. были поставлены еще 6 костров в стене. Заключив мир с Новгородом в 1397 г., псковичи продолжили укрепление стены, так как актуальной стала внешняя опасность со стороны Прибалтики. Переговоры Ордена и Литвы о военном союзе против северо-запада Руси привели к заключению в 1398 г. Салинского договора, по которому в случае успеха Псков должен был отойти к Ордену (Казакова 1975: 36, 37). Военные действия на Псковской земле начались лишь в 1406 г., но в ходе войны 1406-1409 гг. к Пскову противника не допустили.

В XV в. псковская крепость вошла неприступной, расширенной и обновленной, приспособленной к условиям эффективной обороны. Напряженный труд псковичей обеспечил городу возможность существования в течение многих десятилетий, даже в условиях войны. Разросшийся посад Пскова был защищен в междуречье современными каменными стенами, и, хотя рост территории посада продолжался, огражденная территория давала возможность укрыться тем жителям, которые оказались за пределами стены 1375 г.

Состояние псковской крепости стало одним из важнейших факторов, влиявших на ход военных действий на псковском пограничье. За время войн с Литовским великим княжеством и Ливонским Орденом неприятель в течение XV в., вплоть до 1480 г., не подходил к Пскову и не пытался штурмовать крепость, высокие боевые качества которой

были известны. Конечно, играла роль и система обороны Псковской земли в целом, предусматривавшая заслоны на пути к дому Святой Троицы.

В течение XV века псковичи поддерживали укрепления 1375 г. (1416 г. — строительство стены от костра у Незнановой горки до Сысовых ворот; 1432 г. — строительство прясла стены от Сысовых ворот до р.Великой; 1453 г. — работы на прясле стены у Лужских ворот). По летописным известиям очевидно, что с внешней стороны стены существовал ров.

Сооружение в 1465 г. новой, пятой крепостной стены, долгое время не влияло на необходимость поддержания четвертого пояса укреплений, так как укрепления 1465 г. были деревянными, а замена их каменными потребовала десятилетий. “Средний город” — такой термин был впервые употреблен в летописях под 1510 г. и обозначал срединное положение части территории (между Домантовой стеной и стеной 1374/1375 г.) и ограничивающих ее укреплений в составе Пскова. В описаниях укреплений Среднего города в разных источниках XVII — нач.XVIII вв. содержания понятия “Средний город” не всегда одинаково и не полностью совпадает с содержанием определения “укрепления 1374/1375 г.” Но во всех известных описаниях всегда к Среднему городу отнесена поперечная стена этих фортификаций с 9-ю кострами и фланговая стена вдоль р.Пскова.

В XVI в. эти укрепления сохраняли боевое значение и, вероятно, поддерживались. Во всяком случае, в период обороны города в 1581-1582 гг. Средний город укреплялся, наряду с Большой Окольной стеной, в ожидании приступа (Повесть 1986: 432, 433).

В течение XVII в. в сметных книгах и расписных списках фиксируется ухудшение состояния рассматриваемой части псковской крепости (Псков и его пригороды 1914). Анализ документации XVII в. позволил Л.М.Шлосбергу сделать ряд важных наблюдений по состоянию псковских укреплений. Так, согласно годовой сметной книге 1655 г., осыпавшимися до основания были Козья (у Куминых ворот) и Куричья (Лужский костер) башни Среднего города, в осыпающемся состоянии были стены вдоль Псковы и напольная, а также Кстовская и Никольская башни. Благополучным было состояние Мстиславской башни и участка стен вдоль р.Великая, входивших в это время в побережную часть Окольного города (Шлосберг 1985: рис.5). К 1699 г. число башен Среднего города, подвергающихся разрушению, увеличилось за счет башен над Трупеховскими воротами и Васильевской. Тот же процесс отмечен и в отношении стен. Ремонт и покрытие наугольной Мстиславской башни осуществлялись в 1699 г. одновременно с поддержанием прясла стены между нею и Плоскими воротами (Шлосберг 1985: рис.17). Еще раньше, в 1678 г., эта башня была также отремонтирована и покрыта (Шлосберг 1985: рис.9). Важным признаком утраты боевого значения являлось отсутствие оснащения орудиями башен Среднего города, в том числе — Мстиславской (Шлосберг 1985: 36, рис-3,11).

Вместе с тем, часть объектов Среднего города поддерживалась ремонтом. Так, ремонт кровель был осуществлен в 1678 г. на башнях над Трупеховскими и Великими воротами, которые располагались на важных городских магистралях (Шлосберг 1985: рис.9).

План 1694 г. хорошо передает состояние укреплений 1374/1375 г., иллюстрируя описания источников XVII в. Вдоль поперечной стены Среднего города следует надпись: “Городъ Середний по досмотру осы-

пался весь починить не мочно” (Окулич-Казарин 1913: рис.3)

В XVIII в. четвертый пояс псковской крепости окончательно теряет значение как боевое укрепление. Напольная стена Среднего города продолжала осыпаться, но сохраняла относительную целостность, отраженную на планах первой половины XVIII в. Но на этих планах уже отсутствует фланговая стена 1374/1375 г. над р.Псковой, замененная земляными укреплениями, частично пострадавшими от взрыва пороха в 1710 г. (Лабутина 1970: 102, рис.3; Окулич-Казарин 1915: вклейка).

На планах Пскова второй половины XVIII в., после его перепланировки, стена Среднего города еще присутствует, хотя сохранность башен (кроме Мстиславской и, фрагментарно, ряда других) сомнительна, см. напр: план губернского города Пскова 1780-1790 гг. (Лабутина 1985: 12-13, рис.1). При формировании новой радиальной улицы (Архангельской) последняя прорезала стену в месте, где стоял Лужский (глухой) костер. На том же плане не прослеживается следов Петровской проездной башни.

В XVIII — начале XIX вв. стена Среднего города, все более отдаляясь от периода военного прошлого Пскова, становилась исторической приметой средневековья. В этой новой роли ей не удалось задержаться и сохраниться в том виде, в каком она вошла в XIX век.

В первой четверти XIX в. была разобрана руинированная центральная часть поперечной стены Среднего города, о чем сохранилось дело за № 160 канцелярии псковского губернатора “По предписанию Министра Вн.Дел о доставлении сведений о древних стенах города Пскова и о ветхости башни по Порхову”, датированное 1817 г. (Окулич-Казарин 1913: 75). На месте стены была проведена улица, получившая название Садовой (позднее переименована в Пушкинскую). План Пскова 1857 г., выполненный И.Ф.Годовиковым, запечатлел остатки стены, не подвергшиеся разборке. Западный участок между Великолуцкой улицей и Мстиславской (Кисловской) башней сохранился по всей длине. Очевидны два прясла стены, на стыке которых автором плана были отмечены остатки безымянной башни (костер на Незнановой горке). Восточный участок стены Среднего города отмечен в глубине Казанской улицы, в квартале между улицами Новгородской и Петропавловской. Здесь также прослеживались остатки башни примерно в середине сохранявшегося отрезка стены (Годовиков 1857: л.V, XIX, IV). Это могли быть руины Козьей башни (костра у Куминых ворот), разрушившейся уже в XVII в. Позднейшие планы XIX и начала XX вв. воспроизводят те же отрезки стены 1374/1375 г., но без обозначения следов башен. Н.Ф.Окулич-Казарин еще прослеживал следы этой башни в начале XX в. во дворе дома де Барани; тут же и южнее, во дворе дома Насонкова, находились развалины стены 1375 г. (Окулич-Казарин 1913: 75, 189). Он же отмечал, что западная оконечность стены, от Мстиславской башни до Великолуцкой улицы сохранялась в его время на протяжении около 100 сажений, исключая 6-7 сажений стены возле улицы, рухнувших в 1909 г. (Окулич-Казарин 1913: 75).

В наше время остатки западного и восточного участка укреплений 1375 г. еще существуют, но состояние их критическое.

Восточный отрезок стены, между улицами К.Маркса и Воровского, в настоящее время сохраняется на высоту более 2 м. Верхняя площадка стены сужена из-за сильных осыпей. Разрушение усугубляется корнями многолетних деревьев, пронизывающих кладку. Протяженность наземного отрезка стены не менее 60 м. Характер использования окружающей

территории не способствует сохранению памятника. Западный фасад стены выходит на рынок и на большей части протяжения закрыт оградой из силикатного кирпича и клетками торговых помещений. Восточный фасад обращен во дворы гостиницы “Колос” и ряда других организаций, размещающихся на улице Красных партизан. Часть дворов глухо перекрыта и делает памятник недоступным для осмотра. В других местах стена “надежно прикрыта” гаражами. Попытки застроить и изолировать пространство у стены продолжаются. Мусорные отходы, кучи металлолома у подножия стены дополняют картину.

Западный отрезок приступной стены Среднего города вообще закрыт для интересующихся. Отдельные фрагменты кладки, похожей на средневековую, включены в ограду к югу от здания ПГПИ (Советская, 21).

Относительно удовлетворительно состояние единственного из девяти костров укреплений 1374/1375 г., доживших до нашего времени — Мстиславской башни. Ремонты и реставрация способствовали сохранению прясла стены между этой башней и Плоскими воротами — фланговой стены, построенной около 1374/1375 г.

Укрепления Среднего города, как и другие крепостные стены и башни города, находятся на государственной охране. Тем самым признано их значение в истории Пскова. Сохранение их важно как сбережение исторической памяти. Они остаются и недостаточно изученными (ни обмеров, ни объемных археологических исследований их не проводилось). Это важные исторические ориентиры границы города в конце XIV в.

Фундаменты и нижняя часть кладки стены находятся в культурном слое и, как показали наблюдения, близко к поверхности. Впервые в наше время хорошо сохранившийся участок этого архитектурно-археологического памятника был случайно открыт в 1958 г. при строительстве дома 15 по ул.Пушкина на протяжении 52 м. Строители разобрали стену (Лабутина 1970: 107).

При прокладке коммуникаций на ул.Пушкина в 1981 г. исполнители не выполнили условий согласования, вышли за пределы старой трассы и на отрезке траншеи, приближенном к Октябрьскому проспекту, пробиты каменную кладку, возможно, стены 1374/1375 г. (Лабутина 1982: 76, фото 151-154).

На рубеже 80-х - 90-х гг. в сквере между Псковским драматическим театром и домом 15 по ул.Пушкина гендирекция “Псковреструкция” провела поверхностную зачистку земли и обнаружила основание укреплений Среднего города, которое вновь было прикрыто землей.

В 1991 г. никто не смог остановить акт вандализма, в результате которого при прокладке коммуникаций на проезжей части ул.К.Маркса было разрушено хорошо сохранившееся основание башни над Петровскими воротами. Археологи срочно выполнили фиксацию памятника.

Единственный случай основательного изучения памятника связан с археологическими раскопками у церкви Петра и Павла с.Буй. Здесь удалось исследовать участок примыкания фланговых стен укреплений 1309 и 1374/1375 гг. (Шуньгина 1997: 21-28).

В настоящее время особенные опасения вызывает состояние наземных остатков укреплений 1374/1375 г. Необходимы обмеры сохранившихся участков napольной стены, проведение их консервации и благоустройства территории, обеспечение доступа к памятнику. Приближающееся

625-летие укреплений требует особого внимания к этой полузабытой части нашего наследия.

- Казакова Н.А. 1975. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV — начало XVI в. Л.
- Лабутина И.К. 1970. Летописные данные XIV в. о крепостных сооружениях Пскова // СА. № 2
- Лабутина И.К. 1982а. Псковские летописи и грамоты как источники по исторической топографии города Пскова XIV-XV вв. // Русский город., № 5. М.
- Лабутина И.К., 1982б. Отчет по открытому листу № 117 о раскопках на ул.Ленина в Пскове в 1981 г. //Архив ИА РАН, р-1, № 8741
- Лабутина И.К. 1985. Историческая топография Пскова в XIV-XV вв. М.
- Ланноа Г. де. 1873. Путешествие Гильберта де Ланноа в восточные земли Европы // Университетские известия. № 8. Киев
- Окулич-Казарин Н.Ф. 1913. Спутник по древнему Пскову. Псков
- Окулич-Казарин Н.Ф., 1915. Новые данные по топографии и истории Пскова // Труды ПАО. Вып.11. Псков.
- Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М. 1986.
- Псков и его пригороды // Сборник МАМЮ. Т. VI, М. 1914.
- Шлюсберг Л.М. 1985. Крепостные сооружения Пскова в XVII — начале XVIII вв. Дипломная работа, выполненная на кафедре отечественной истории ПГПИ. Рукопись.
- Шульгина С.Е. 1997. К вопросу о крепостных сооружениях древнего Пскова // Псков, № 6.

«Евфимиевское» поновление церкви Св.Георгия в Старой Ладоге¹

Одним из важнейших моментов в истории Георгиевской церкви Старой Ладоги, известной в первую очередь своими уникальными фресками позднего XII в., является т.н. «Евфимиевское» поновление храма, связанное с именем новгородского архиепископа Евфимия II, занимавшего кафедру Новгорода с 1430 по 1458 г. (Повесть 1862: 19) и ведущего активную строительную деятельность, ставшую целой эпохой в истории новгородского зодчества (см., в частн.: Седов 1993: 35-61, библ.). Сообщение о работах в Георгиевской церкви, сохранившееся в Новгородской Первой летописи, является по существу первым документальным упоминанием этого памятника. Под 1445 г. записано: «В лето 6954 ... архиепископ Еуфимей ... заложи манастырь святого Георгия в Городке, и стену каменую понови, и церковь святого Георгия понови и подписа, идеже отпало, и покры ю чешуею, и бысть хрISTRYЯНОМ прибежище» (НПЛ: 424). Это сообщение обычно фигурирует в научных работах в связи с фактом организации в староладожской крепости монастыря (Бранденбург 1896: 233-234), или с указанием на то, что «к середине XV в. фрески частично осыпались и ... нуждались в чинках» (Лазарев 1960: 8).

Однако содержание летописного известия представляется более емким. Уникальной является та его часть, где сквозь сдержанный и сухой язык документа определенно просматривается пристальное внимание летописца именно к стенописи Георгиевской церкви. Беспрецедентное указание летописи на факт поновления древних фресок и особенно на характер этих работ, когда росписи поновлялись не тотально, а «идеже отпало», свидетельствуют о том, что Евфимий придавал особое значение ремонту Георгиевской церкви и обновлению ее росписи. Исследования последних лет показывают, что поновление фресок и ремонт храма были выполнены с особой тщательностью, и этим работам несомненно придавалось особое значение, в полной мере согласующееся с концепцией возрождения и восстановления старых новгородских святынь, в том числе и древних храмов, ставшей своего рода идеологической программой Евфимия II Вяжишского, которая была призвана акцентировать таким образом идею древности и самостоятельности новгородского государственного строя и церкви². Весьма симптоматично,

¹ Статья написана в рамках проекта РГНФ № 97-04-06306

² М.И.Мильчик справедливо отмечает, что обновление Георгиевской церкви и создание при ней монастыря «явились частью строительной и идеологической программы новгородского владыки» (Мильчик 1979: 105; см. также: Лившиц 1987: 38).

что аналогичные процессы восстановления древних церквей, правда питаемые диаметрально противоположными идеями централизации власти, отмечается в это время в Москве в деятельности Ивана III, обратившего свой взор на овеянные славой домонгольские постройки Владимирской земли (Выголов 1988: 71).

Уже в ходе реставрации 1920-х годов Н.И.Репников предпринял попытку обнаружить следы “Евфимиевского” поновления, ошибочно отнеся к 1445 г. штукатурные чинки XVII в. (Репников 1928: 185,191). Но лишь при последней реставрации были раскрыты и выявлены участки и фрагменты фресковых и архитектурных дополнений XV в.³, которые позволяют составить общее представление о масштабе и характере ремонтных работ, проводимых в Георгиевской церкви при Евфимии.

Наиболее показательными оказываются наблюдения в отношении обновления фресковой декорации Георгиевской церкви. Перед поновителями фресок были поставлены задачи воссоздания древнего облика памятника и по возможности максимального приближения при дописи к содержанию и стилю первоначальной росписи, что предопределило чрезвычайно бережное для своего времени отношение к фрескам XII в. Трудно сказать, насколько успешно художники XV в. справились с этой задачей — ведь почти все дописи в силу естественных причин утратились; но и небольшие фрагменты, обнаруженные в последние годы, говорят о том, что “Евфимиевское” поновление, наравне с работами Андрея Рублева и Даниила Черного в Успенском соборе Владимира в 1408 г. (Матвеева 1971: 142-170), может считаться одной из первых реставраций в истории древнерусской живописи.

Восполнение утрат живописи “идеже отпало” шло несколькими путями. Мелкие утраты грунта заполнялись штукатурным раствором в стык со старой штукатуркой и расписывались в технике фрески в цвете и рисунке древней живописи. Такую вставку мы обнаруживаем на правой отгранке у фигуры св. Саввы Стратилата (южная грань арки дьяконника), таким же образом вычинены углубления, образовавшиеся на местах примыкания к восточным столбам стоек старой алтарной преграды, которая при “Евфимиевском” поновлении была заменена на более высокий иконостас. В отдельных случаях поверхность древней штукатурки, изъеденная мелкими утратами деструкции, выравнивалась тонким шпаклевочным слоем штукатурки и расписывалась (фрагмент мраморировки справа от южного портала). Наконец, на орнаменте в нижней части дьяконника, окружающем медальоны со святителями, мы видим тонировки в виде небольших дописей, выполненные непосредственно по старому грунту очень прочной темперой, приобретшей со временем белесый оттенок.

В других случаях древний грунт полностью сбивался и заменялся сплошным наметом новой штукатурки, а затем расписывался заново. Такие участки сохранились в двух местах — в левой половине полукружия южной стены под хорами и в верхнем окне северной стены. Эти участки, где наиболее полно сохранилась допись 1445 г., хотя и относятся к второстепенным орнаментальным элементам храмовой деко-

3 “Евфимиевские” чинки безошибочно определяются по технико-технологическим признакам штукатурного основания и красочного слоя, существенно отличающегося от фресок XII в. Отчет по технологическим исследованиям материалов живописи Георгиевской церкви с подробной характеристикой грунтов XII и XV вв. хранится в архиве Межобластного НРХУ.

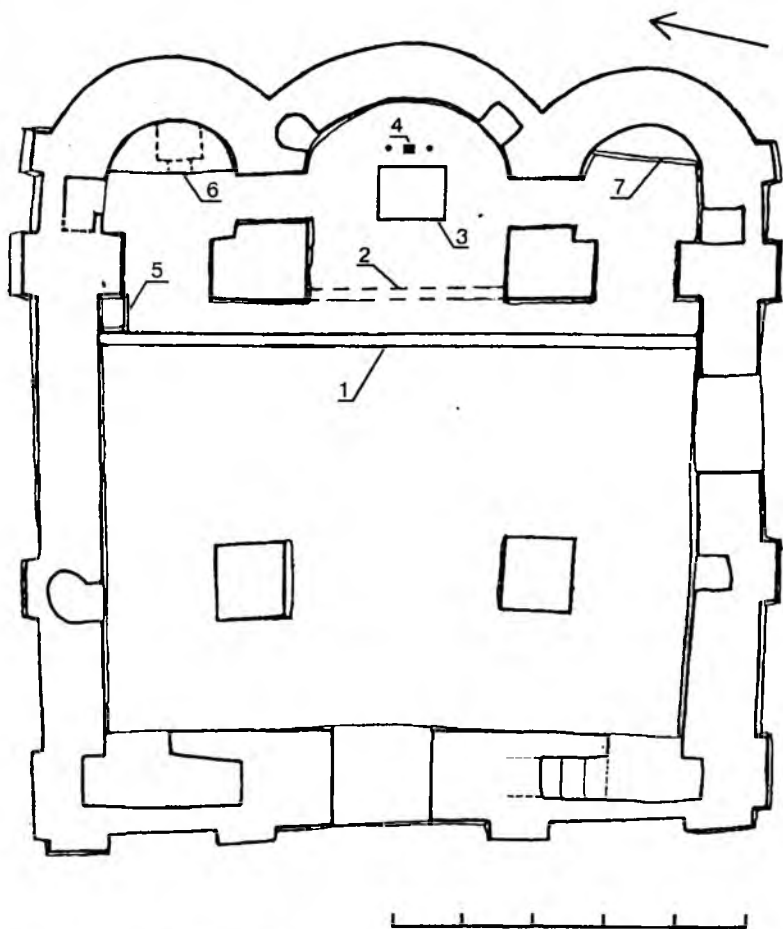

Рис. 1 Церковь Георгия в Старой Ладоге. Плановая реконструкция алтарных устройств после "Евфимиевского поновления" 1445 г. 1 — иконостас; 2 — местоположение древней алтарной преграды; 3 — престол; 4 — запрестольный крест; 5 — угольник; 6 — ритуальный стол в жертвеннике; 7 — ритуальный стол в дяконнике.

рации, все же дают весьма характерный материал для суждения о специфике данного поновления. Показательно, что при воссоздании этих декоративных частей художники XV в. повторяют те орнаментальные мотивы, которые использовались в XII в. и были блестяще применены художниками при первоначальной декорации Георгиевской церкви. Но для XV в. они воспринимаются абсолютным анахронизмом, который сразу бросается в глаза. Так, в указанном окне использован типичный для Георгиевской церкви мотив полихромного ленточного орнамента, стилизующего переплетения виноградной лозы. Художник воспроизводит все приемы XII в. вплоть до характерных оживок на белой ленте орнамента, однако эту часть росписи не спутаешь с древней фреской. Выдает и белесый колорит, не стыкующийся с расцветкой других окон, а главное - характер самого рисунка, который становится аморфным, теряет конструктивность и упругость. При сравнении с аналогичными орнаментами XII в. становится очевидной его вторичность и копияность. То же самое мы видим и на втором участке, где воссоздан крещато-ступенчатый орнамент, который масштабно оказывается более мелким по сравнению с такой же декораци-

ей XII в., фрагменты которой сохранились в верхней части этого же люнета.

Рассмотренный пример верхнего окна северной стены демонстрирует нам тотальный метод поновления, при котором практически вся композиция или декоративный элемент переписывались заново. Обнаруженные при последней реставрации многочисленные мелкие фрагменты фресок показывают, что подобный метод поновления был применен на значительных площадях росписи. Так, из четырех сводов древние фрески сохранялись лишь в алтаре, тогда как в остальных обнаружены фрагменты лишь XV в. В настоящее время не представляется возможным установить подлинные масштабы «Евфимиевского» поновления, однако одно немаловажное обстоятельство указывает на то, что в 1445 г. большие участки древней росписи, видимо, сильно обветшавшие, были полностью заменены.

Фрески Георгиевской церкви, имея общую судьбу со многими древнерусскими памятниками, которые были полностью забелены в XVII-XVIII вв., обладают и одним принципиальным отличием. Во всех известных памятниках, где фрески сбивались, а их остатки покрывались штукатуркой, формы сохранившихся фрагментов имеют самые произвольные очертания, поскольку стенопись при поновлении рассматривалась уже исключительно как основа под новую штукатурку и оставалась только там, где она имела хорошее сцепление с кладкой. В подобных случаях утраты древнего грунта, абсолютно не считаясь с изображением, имеют хаотичный и бессистемный характер, зачастую располагаясь на самых ответственных частях композиций — ликах, фигурах персонажей и т. д.

Совершенно иную картину мы видим в Георгиевской церкви, где все сохранившиеся участки росписи имеют на редкость ровные и регулярные границы, изображения обладают композиционной цельностью, а утраты как правило расположены во второстепенных частях. Создается впечатление, что сохранившиеся фрески умышленно вырезывались в виде отдельных картин и им придавались ровные края. Такое бережное отношение к древним образам, явное желание сохранить их и дать им регулярную форму, никак нельзя связать с ремонтом конца XVII в., когда фрески были частично сбиты со стен и забелены; подобное выравнивание не сообразуется и с работами в интерьере церкви в XIX в., когда рваные края композиций были исправлены побелкой (именно в таком виде многие изображения сохранялись до последней реставрации). Подобное отношение к фрескам совместимо, в первую очередь, с «Евфимиевским» поновлением, из чего следует, что уже в XV в., пользуясь словами Н.И.Репникова, «не все было благополучно с живописью» Георгиевской церкви (Репников 1928: 185) и уже тогда она имела значительные утраты, появившиеся как до, так и в процессе поновления 1445 г. Иными словами, именно тогда большинство сохранившихся до наших дней росписей получило регулярные очертания, то есть соседние ветхие участки были заменены на новые.

Весьма вероятно, что объем ныне существующих фресок не на много отличается от того, что осталось от древних росписей после работ 1445 г. Но в таком случае возникает закономерный вопрос: если масштабы поновления 1445 г. были столь значительны, почему же не сохранилось ни одного полноценного изображения от XV столетия? Ответ на этот вопрос заключен в технологических особенностях грунта 1445 г., который не обладает высокими технологическими показателями.

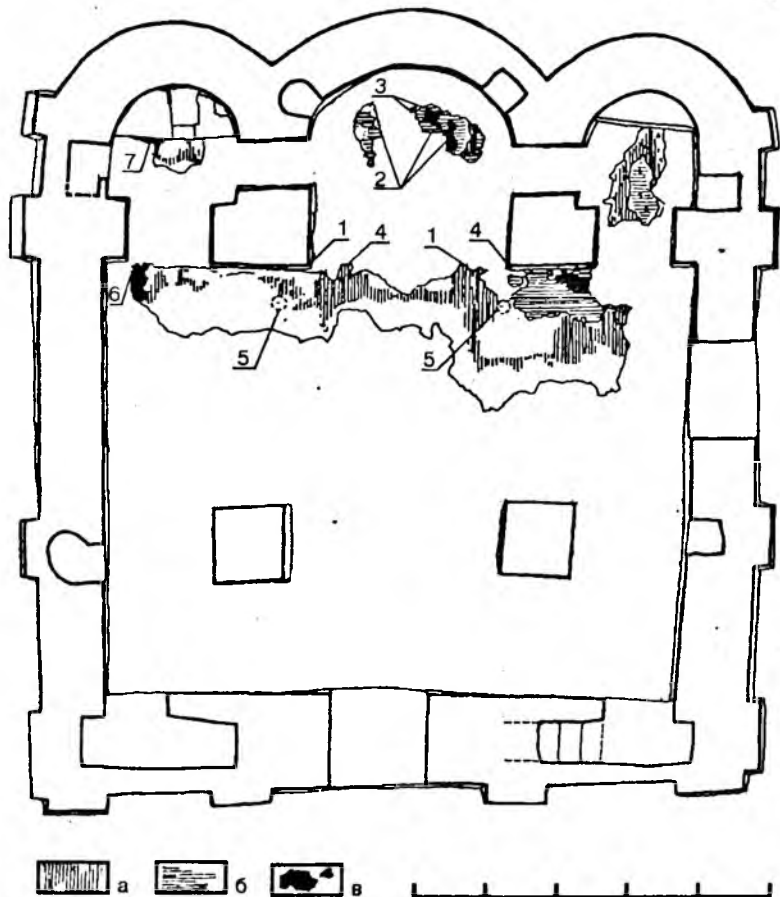

Рис. 2 Церковь Георгия в Старой Ладоге. Сохранившиеся фрагменты растворяемых полов. а – древний цемяночный пол, нижний слой; б – цемяночный пол, второй слой; в – растворяемые вставки “Евфимиевского поновления”. 1 – фресковая вставка “Евфимиевского поновления” на месте древней алтарной преграды; 2 – отпечатки от древнего престола; 3 – отпечатки от конструкций запрестольного креста; 4 – отпечатки от нижнего бруса древней алтарной преграды; 5 – углубления от стоек позднего иконостаса XV в.; 6 – отпечаток от вертикальной плиты угольника; 7 – растворяемая ремонтная вставка под ритуальный стол.

Штукатурка наносилась на стену, видимо, недостаточно промытую от строительной пыли и гидрофобной пленки высолов, образовавшейся на кладке за почти трехсотлетнее существование памятника, что неизбежно ослабляло сцепление между ними. Намет грунта выполнен в один присем, без выравнивающего слоя, что привело к появлению трещин при усадке грунта и ослаблению его конструктивной прочности. Реставрационная практика показывает, что грунты поновлений, даже обладая более высокими прочностными показателями, всегда держатся на кладке хуже, чем первоначальная штукатурка. Этим и объясняется тот факт, что при последующих ремонтах дополнения XV в. были почти полностью сбиты (Сарабьянов 1991: 32-36).

Желание Евфимия восстановить храм в первоначальном виде предопределило ряд архитектурных решений, принятых при этом ремонте. Чтобы сохранить внешний архитектурный облик церкви, прежде всего следовало оставить древнюю форму позакомарного покрытия основного

объема церкви и покупольное покрытие главы. Любые их изменения неизбежно привели бы к утрате подлинных элементов в нижней части барабана, а также к необходимости замены первоначального креста. Нам неизвестно, сохранилось ли к этому ремонту древнее свинцовое покрытие, однако, если судить потому, что в интерьере прослеживаются следы поновления практически по всем древним сводам, кровля храма и кладка сводчатых перекрытий требовали серьезного ремонта. Очевидно, металлические кровельные листы были недоступным или слишком дорогим материалом, поэтому церковь покрыли деревянным лемехом (“и покры ю чешуею”), позволяющим произвести покрытие криволинейных форм.

Архитектурные формы и детали интерьера, тесно связанные с монументальной росписью, были по возможности сохранены или же восстановлены в своем первоначальном виде. Дверные и оконные проемы, а также их заполнения, уровень и материал пола – были выполнены в полном соответствии с древними, и вместе с обновленной росписью они воссоздали внутреннее пространство храма. Так, сохранение первоначального уровня пола при ремонте 1445 г. подтверждается наличием чинок фресок, относящихся уже к началу XVII столетия, которые расположены на мраморировках чуть выше уровня древнего пола. Таким образом, еще в начале XVII в. интерьер храма и, в частности, уровень пола, сохраняли тот облик, который он получил при “Евфимиевском” поновлении. Пол в 1445 г. был не полностью залит новым раствором, а лишь вычинен, т.е. были заполнены выбоины и утраты поверхности пола, которая к этому времени уже имели поновлений.

Наиболее серьезные изменения коснулись форм иконостасной преграды. Первоначальная конструкция алтарной преграды XII века восстанавливается лишь весьма приблизительно, по отпечаткам двух колонок, примыкавших к алтарным столбам внутри алтарной арки заподлицо к их западной грани. Такая ее форма преграды традиционна для русских и особенно новгородских памятников, и прослеживается в целом ряде храмов XII в.⁵ При “Евфимиевском” поновлении она была разобрана, на что указывает заполнение отпечатков колонок грунтом XV в., раскрашенным под цвет отгранки. Вместо преграды был установлен, вероятнее всего, двухъярусный иконостас, состоявший, по аналогии с сохранившимися новгородскими деисусами этого времени, из местного и деисусного рядов⁶.

---

4 Судя по стратиграфии, “Евфимиевский” пол был третьим, а ему предшествовало поновление, выполненное в той же технике цементной заливки, и также не распространяющееся на всю площадь пола, а касающееся лишь участков повреждений.

5 Наиболее полно собраны сведения об алтарных преградах XI-XIII вв. (Чукова 1995: 273-278). О формах новгородских алтарных преград XII в. см.: (Сарабьянов 1996: 39-40). С. 39-40.

6 Очевидно, подобные невысокие иконостасы имели распространение в Новгороде в XV столетии. Об этом свидетельствует несомненное преобладание среди сохранившихся иконостасных образов этого времени именно деисусных икон. Ср. деисусы из собрания И.С.Остроухова (первая половина XV в.), из Софийского собора (1438 г.), две иконы из церкви Рождества на Кладбище (вторая половина XV в.), из старообрядческой Николо-Покровской церкви в Москве (вторая половина XV в.), из церкви Власия (вторая половина XV в.), и др. (Смирнова, Лаурина, Гордиенко 1982: Кат. №№ 4, 8, 29, 33, 37, 39).

Новый иконостас, устроенный по требованиям сменившихся канонов на всю ширину церкви, был поставлен не вплотную к восточным столбам, а с некоторым отступом к западу. На такое расположение иконостаса указывают следы от утраченного угольника, который в XV в. был размещен за иконостасом в закрестье лопатки северной стены, а также углубления в полу от двух центральных столбов иконостаса, которые обрамляли центральный проем алтарной арки и были вынесены на некоторое расстояние к западу от плоскости алтарных столбов. При этом главный престол и ритуальные столы в боковых апсидах были оставлены без изменений, а за престолом алтаря продолжал существовать запрестольный крест, к креплению которого в полу обнаружены примыкания обмазок поверхности алтарного пола, относящиеся к 1445 г.

Не были затронуты и другие детали внутреннего убранства алтарной части церкви. Так, подливки раствора нового пола под ритуальные столы боковых апсид свидетельствуют о том, что сами столы не демонтировались, а лишь вычинивались, при этом был сохранен их первоначальный облик. Не подверглись изменениям и другие детали интерьера, в том числе конструктивные воздушные связи, которые при поновлении фресок были оставлены нетронутыми.

В результате ремонтных работ, осуществленных по инициативе архиепископа Евфимия, интерьер церкви был существенно обновлен, но его общий облик не получил принципиальных изменений, даже несмотря на устройство иконостаса вместо прозрачной алтарной преграды XII в. Идея воссоздания древнего облика храма и ориентации его внутреннего убранства и внешнего облика на традиции XII в., которая осознавалась владыкой Евфимием как залог утверждения основ новгородской святости, получила реальное воплощение в поновлении Георгиевской церкви 1445 г. В таком виде внутреннее пространство храма просуществовало вероятнее всего до рубежа XVI-XVII вв., когда сначала бурные события «смутного» времени, а затем череда ремонтов и перестроек XVII в., полностью исказили интерьер храма и привели к гибели значительной части его фресок.

-
- Бранденбург Н.Е. 1896. Старая Ладога. СПб.
Выгоден В.П. 1988. Архитектура Московской Руси середины XV века. М.
Ладарев В.Н. 1960. Фрески Старой Ладоги. М.
Лифшиц Л.И. 1987. Монументальная живопись Новгорода XIV-XV веков. М.
Матвеева А.Б. 1971. Фрески Андрея Рублева и стенопись XII века во Владимире // Андрей Рублев и его эпоха. М.
Мисляк М.И. 1979. Церковь Георгия в Старой Ладоге // СА. № 2.
Повесть о Евфимии, архиепископе Новгородском // Памятники старинной русской литературы, издаваемые гр. Г.Кушелевым-Безбородко. СПб. 1862. Вып. 4.
Решников Н.И. 1928. Предварительное сообщение о раскрытии памятников древней живописи в Старой Ладоге // Вопросы реставрации. Т. 2. М.
Сарабянов В.Д. 1991. Новые данные о фресках церкви святого Георгия в Старой Ладоге. Предварительное сообщение по материалам реставрации в 1982-1986 годах // Практика реставрации памятников монументальной живописи. Сборник научных трудов. М.
Сарабянов В.Д. 1996. Новгородские алтарные преграды XII в. // Иконостас: происхождение – развитие – символика. Тезисы докладов симпозиума, 4-6 июля 1996 г. М.
Седов Вл.В. 1993. Церковь Лазаря 1461 г. и новгородская архитектура времени архиепископов Евфимия и Иоанна // Новгородские древности (Архив архитектуры вып. IV). М.
Смирнова Э.С., Лаурина В.К., Гордиенко Э.А. 1982. Живопись Великого Новгорода. XV век. М.
Чукова Т.А. 1995. Алтарные преграды в зодчестве домонгольской Руси // Литургия, архитектура и искусство византийского мира (Византизмороссия I). СПб.

Костяная печать-матрица из раскопок в Твери

В 1995 г. при раскопках в восточной части Тверского кремля (раскоп Кремль-11) была найдена костяная печать (рис. 1). Она относится к группе печатей-матриц в форме шахматной пешки, выточенных на токарном станке. Такие печати датируются в рамках XII-XIV вв.¹ Тверская печать стратиграфически связана с жилой постройкой конца XIII начала XIV в.

На печати из Твери вырезано изображение архангела очень редкой иконографии — не только без обычных атрибутов (сферы, посоха, меча, лабарума), но и без рук. Такая иконография не имеет аналогов на других костяных печатях, неизвестна она также в древнерусской иконописи и прикладном искусстве. Единственным исключением являются изображения на группе свинцовых вислых печатей Михаила Ярославича Тверского периода его княжения в Новгороде (1304-1318) и его сына Дмитрия Михайловича (1322-1325). Если попытаться выстроить изображения архангела Михаила (Янин 1970: 13-14, №396-398, 400, 404) на вислых печатях в типологический ряд (рис. 2), то первичной, вероятно, следует признать печать № 398, на которой изображена фигура с руками, раскинутыми на фоне крыльев. На печатях № 396 и 400 руки уже включены в рисунок крыльев, а на печати № 397 (1307-1308) полностью исчезают. Заканчивает типологический ряд изображение на печати Дмитрия Михайловича (№ 404). Изображение архангела на публикуемой костяной печати иконографически наиболее близко к изображению на печати № 397.

Печать из Твери стратиграфически датируется временем, когда Михаил Ярославич Тверской стал

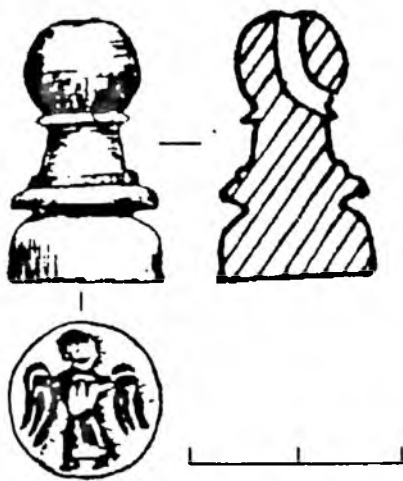

Рис. 1 Костяная печать конца XIII начала XIV из раскопок в Тверском кремле.

¹ Сведения о костяных печатях-матрицах впервые были собраны М.Д.Полубояриновой (1971) в связи с находкой печати в Серенске, а позднее материалы были обобщены В. Д. Белецким (1975) в статье о печати из Пскова.

Рис. 2 Актовые печати Михаила Ярославича (N 398, 396, 400, 397) и Дмитрия Михайловича (N 404) (по В.Л.Янину).

одновременно великим князем владимирским и князем новгородским. Если прибавить к этому длительные поездки князя в Орду и военные походы, в Твери он бывал, по-видимому, нечасто. Костяная печать могла принадлежать главе его тверской администрации. Косвенным подтверждением этому может служить богатство находок на территории усадьбы, где была найдена печать, в числе которых имеются импорты, поступавшие из Золотой Орды или при ее посредничестве (поливная полихромная керамика и сиро-египетское стекло).

Не исключено, что образцом для столь нетрадиционной иконографии патронального святого Михаила Ярославича могла быть, например, принадлежавшая тверскому княжескому дому и недошедшая до нас икона с изображением архангела Михаила.

Белецкий В. Д. 1975. Костяная печать из Пскова // СГЭ. Вып.40.

Янин В. Л. 1970.. Актовые печати древней Руси X—XV вв. Т.21. М.,

Ранний железный век в Южной Эстонии и «предкурганная культура»

Ранний железный век изучен в Восточной и Южной Эстонии довольно слабо. Относительно недавно памятники этого периода были здесь еще малоизвестны, поскольку основное внимание при изучении эпохи раннего металла уделялось прибрежной зоне (Лыугас 1970). Недостаточно исследованы и соседние восточные территории, с которыми Эстония уже в более ранний период составляла единую культурную зону. Так, начиная с позднего неолита (II тыс. до н.э.) в северной части Восточной Европы наблюдается формирование большого культурного региона. В то время в междуречье Оки и Волги сложилась волосовская культура, которую принято считать культурой волжских финнов. Однако, некоторые исследователи (напр.: Крайнов 1987: 10-28) считают, что она охватывала территорию, включавшую и Южную Эстонию.

Более отчетливо общие черты в культуре данного региона проявляются в археологическом материале начиная с эпохи раннего железа (сер. I тыс. до н.э.). Территория этой общности простиралась от верховий Волги и бассейна р.Оки на востоке, захватывала Карелию, Хяме и Прибалтику, где ее южная граница проходит по р.Гауя. Характерным признаком этой культуры являлась текстильная керамика, однако в вещевом материале имеются и другие сходные черты (одинаковые типы серповидных и косовидных ножей и др.). На обстоятельство, что культура текстильной керамики охватывала как территорию более позднего расселения волжских финнов, так и земли заселенные прибалтийскими финнами, в своем докладе на V Финно-угорском конгрессе указывал В.В.Седов (Sedov 1980: 435). В то время эта точка зрения из-за большой неоднородности имевшегося материала (особенно в Прибалтике) не привлекла должного внимания. Новые находки, полученные за последние годы позволяют вновь вернуться к этому вопросу.

Конечно, в распространившейся от Поволжья до Прибалтики культуре текстильной керамики имелись локальные различия, возникшие как на предшествовавшем этапе развития, так и под влиянием разносторонних последующих контактов. Текстильная керамика, известная уже с неолита, была распространена на указанных обширных территориях в эпоху бронзы и железа, вплоть до VI в. н.э. На памятниках раннего железного века в Эстонии и Северной Латвии текстильной керамики мало, а в северной и западной частях Эстонии она выходит из употребления где-то в самом начале нашей эры. В восточной же части ареала, где исследователи выделяют в качестве самостоятельных подкультур городецкую и дяковскую культуры, текстильная керамика исчезает

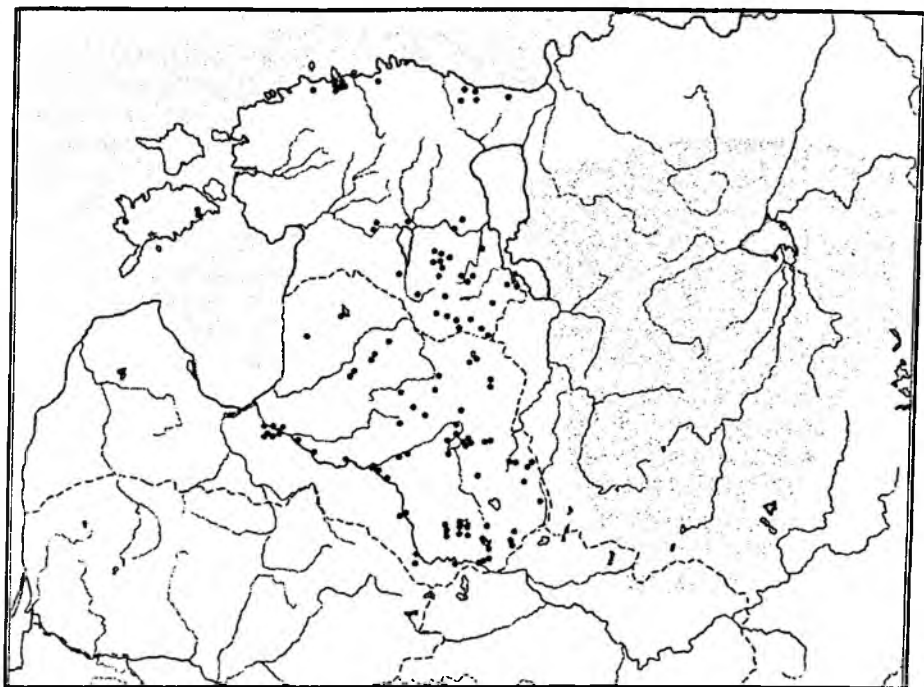

Рис. 1 Находки текстильной керамики в Эстонии и Латвии и граница предкурганной культуры (по Г.С.Лебедеву).

сразу же после III в. (Смирнов 1974: 79). В то же время, в Юго-Восточной Эстонии, а также Северной и Восточной Латвии текстильная керамика достигает наибольшего распространения в конце периода своего бытования в II-VI вв. (Laul 1965: 341; Васкс 1991: 118).

Г.С.Лебедев выделяет на пространстве от верховий Волги до Псковского озера и реки Великой, к западу от дьяковской культуры (рис. 1), т.н. предкурганную культуру (Лебедев 1982: 29-39) которую некоторые исследователи считают гипотетичной. Характерными чертами данной культуры он считает поселения с лепной (для нижних слоев с текстильной и штрихованной) керамикой, определенные типы железных и костяных предметов, а также грунтовые трупосожжения. Временные и географические рамки культуры остаются до сих пор неясными. Однако, уже само название определяет ее верхнюю границу серединой I тысячелетия н.э., то есть периодом перехода к культуре длинных курганов и сопок как новому этапу в развитии населения предкурганной культуры. По времени предкурганная культура северо-запада России совпадает с использованием текстильной керамики у западных ее соседей в Эстонии и Латвии.

В последнее десятилетие в южной части Эстонии выявлено довольно большое число неукрепленных поселений с текстильной керамикой. Лишь на некоторых (Сиксали, Плаани, Вяйке-Рысна II) из них проводились раскопки, причем зачастую небольшие, однако, собранный материал все же позволяет существенно дополнить картину процесса заселения данной территории в эпоху раннего железного века, когда расселение здесь как ни в одной другой части Эстонии зависело от рельефа местности и водного режима.

Через Южную Эстонию проходит цепь возвышенностей, которая, будучи вытянутой с юго-запада на северо-восток, одним своим концом

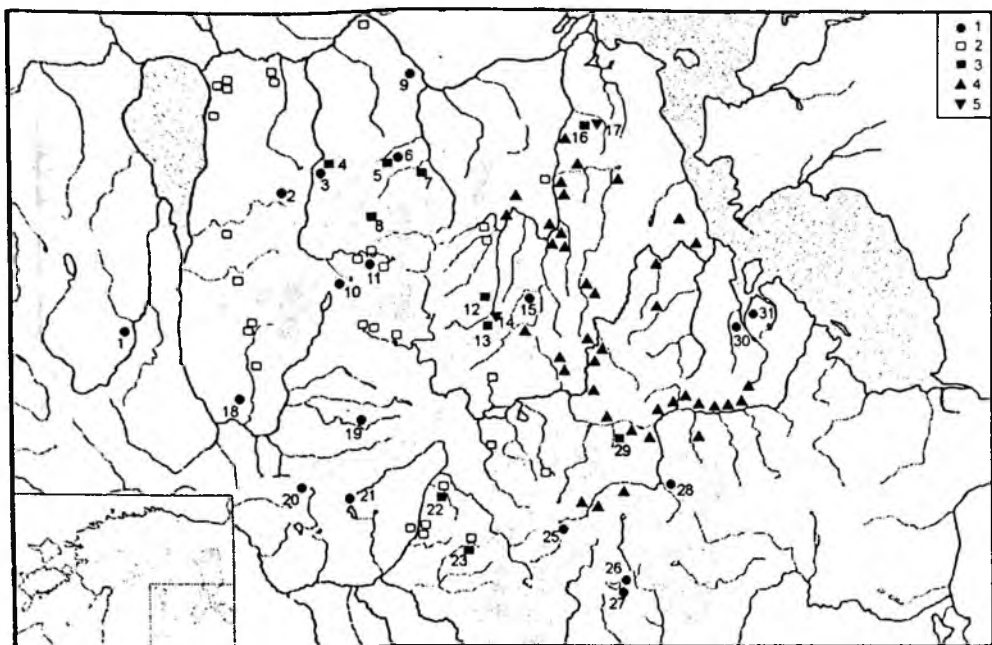

Рис. 2 Археологические памятники конца I-тыс. до н.э. — I-тыс. н. э. в Южной Эстонии. 1 — поселение (городище) с текстильной керамикой (пос.); 2 — каменный могильник (кам-м.); 3 — каменный могильник с текстильной керамикой; 4 — курган (к.); 5 — курган с текстильной керамикой. (1 — Тырва, пос.; 2 — Удерна, пос.; 3 — Пезду, пос.; 4 — Яагупи, кам-м.; 5 — Унипиха, кам-м.; 6 — Унипиха, пос.; 7 — Паали, кам-м.; 8 — Макита, кам-м.; 9 — Тарту, пос.; 10 — Отепя, пос.; 11 — Ала-Пика, пос.; 12 — Варбусс, кам-м.; 13 — Пылгасте, кам-м.; 14 — Пылгасте, к.; 15 — Метете, пос.; 16 — Кынну, кам-м.; 17 — Кынну, к.; 18 — Комен, пос.; 19 — Антла, пос.; 20 — Люллемяэ, пос.; 21 — Мяхкли, пос.; 22 — Вирунука, кам-м.; 23 — Садраметса, кам-м.; 24 — Рыуге, пос.; 25 — Плаани, пос.; 26 — Сиксали I, пос.; 27 — Сиксали II, пос.; 28 — Калацова, пос.; 29 — Лооси, кам-м.; 30 — Тоона, пос.; 31 — Вяйке-Рысна, пос.).

Карта составлена А. Киристая и С. Лаул.

доходит до Видземе, другим до Лужской возвышенности. Ландшафт южной части Эстонии формируют Сакалаская, Отепяэская и Хааньяская возвышенности, разделенные между собой древними долинами рек Эмайыги, Выру и Пиуза. Хааньяская возвышенность достигает своим южным склоном Латвию, где ее ограничивают Лубанская низменность и долина р.Гауя. Протекающие в этих долинах в различных направлениях реки берут свое начало, как правило, во внутренних частях возвышенностей, определяя характер и направление заселения региона в раннем железном веке (рис.2).

Если в каменном веке природа возвышенностей была еще не затронута деятельностью человека, то в раннем железном веке, как показывают взятые на Хааньяской возвышенности и на берегу оз.Хино, вблизи поселений этого периода пробы пыльцевого анализа, его влияние на нее довольно существенно. Начиная с VI в. до н.э. фиксируется постоянное увеличение присутствия культурных злаков, а в III в. до н.э. уже появляется рожь. Проведенные в 1986 г. на расположенном поблизости от оз.Хино Сиксалиском поселении пробные раскопки не дали точно датированного археологического материала, однако обнаруженная в предматериковом слое шероховатая, с примесью крупнозернистого песка текстильная керамика позволяет отнести время его возникновения к концу

I тыс. до н.э. (Лаул, Пеэтс 1988: 422, 423). Несколько веков спустя была заселена расположенная в 0,5 км к югу от поселения небольшая возвышенность между озерами Хино и Мустъярв, где выявлены следы производства железа I тыс. н.э. и слой поселения с текстильной, штрихованной и гладкостенной керамикой, а также могильник, возникший в XI в. Неукрепленные поселения с текстильной керамикой известны и в центральной части Хааньяской возвышенности, поблизости от которых была взята целая серия проб для пыльцевого анализа. Могильник в Плаани, исследованный в 1987 г. (Peets 1988: 376-379), также возник на более раннем, относящемся к первой половине I тыс. н.э., поселении, содержавшем лепную гладкостенную и текстильную керамику. Текстильная керамика вместе с относящимся ко II в. косовидным ножом и фрагментом втульчатого топора была найдена в 1996 г. и на расположенном на берегу Псковского озера поселении Вяйке-Рысна II.

Границы территории распространения неукрепленных поселений раннего железного века в Южной Эстонии при данном уровне исследования еще окончательно определить невозможно. По большому счету, текстильная керамика распространилась в первые века I тыс. н.э. вплоть до р.Эмайги. Не исключено, что западная граница распространения текстильной керамики доходила до южной части Сакаласской возвышенности. Отсюда известны случайные находки нескольких втульчатых топоров I-II вв. и другие железные предметы этого времени, которые могли происходить из слоев поселений. Подобную точку зрения подкрепляют косвенные данные языкознания. Так, в мульгиском и вырусском диалектах южноэстонского языка наблюдаются общие древние черты (Kreem 1973: 606), которые могут относиться к общей речи населения раннего железного века. Археологическое же изучение Сакаласской возвышенности еще предстоит осуществить в будущем.

К территории культуры текстильной керамики Южной Эстонии примыкают северная и восточная части Латвии (рис.1), где наиболее исследованным памятником является поселение Кивти, расположенное у оз.Цирма в восточной части Лубанасской низменности. Поселение Кивти также возникает еще до н.э., а его расцвет приходится на III-IV вв. Именно в это время заметно увеличивается удельный вес текстильной керамики на памятниках как Южной Эстонии, так и указанного региона Латвии, составляя 64-70% всей керамики (Laul 1965: 343; Шноре, Цимермане 1966: 180). В конце периода уменьшается число фрагментов со следами тканей, их заменяют имитации текстильных вдавлений.

Поселения с текстильной керамикой Эстонии и Латвии схожи с аналогичными памятниками соседних восточных территорий. К.А.Смирнов в зависимости от удельного веса текстильной керамики и характера вдавлений различает здесь два региона (Смирнов 1981). Так, на памятниках региона среднего течения Оки удельный вес текстильной керамики небольшой, составляя по сравнению с другими типами керамики всего 17%. В то же время процент сосудов с отпечатками ткани выше (85%), чем с имитациями (15%). В другом регионе, на Верхне-волжских памятниках, текстильная керамика составляет 75%, причем доминируют (77-99,5%) имитации текстиля. К.А.Смирнов считает причиной формирования двух локальных регионов текстильной керамики различие в их культурной основе. Кроме того, возможно следовало бы обратить внимание и на то, что названные локальные группы могли быть просто разновременными. На это указывает сходство текстильной керамики Южной Эстонии и Латвии с соответствующим материалом

Верхней Волги и бассейна р.Мсты. В обоих регионах наблюдается высокий удельный вес текстильной керамики, а в конце периода ее использования начинают преобладать имитации текстильных вдавлений. Это также регион, где текстильная керамика удерживается наиболее продолжительное время до середины I тыс. (Laul 1965: 343; Васк 1991: 118; Башенькин 1990: 49). В то время, когда на вышеуказанных территориях имитировали текстильные вдавления, в бассейне Оки, текстильную керамику больше не изготавливали. Отсюда и могли происходить те различия, кажущиеся региональными, но являющиеся в первую очередь хронологическими.

К локальным особенностям следует отнести также и то, что в Эстонии и Латвии на поселениях раннего железного века, наряду с текстильной керамикой важными компонентами являлись гладкостенная и штрихованная керамика. Штриховка поверхностей сосудов наблюдалась уже в каменном веке, но обычным явлением в Прибалтике и Финляндии, а также на сопредельных восточных территориях она становится лишь в эпоху раннего металла. В Восточной Литве, в Беларуси и на юго-востоке Латвии штрихованная керамика имеет специфичный характер. На памятниках Северной и Восточной Латвии, а также в Эстонии, где штрихованная керамика встречается вместе с текстильной, внешний вид и состав обоих типов керамики почти одинаков, отличаясь в то же время от более южной штрихованной керамики. Как далеко на восток простирается территория одновременного использования как текстильной, так и штрихованной керамики, нам на современном уровне исследований неизвестно. Существует также точка зрения, что подобный керамический состав был присущ восточным прибалтийско-финским племенам, уже выделившимся из волжско-финского массива (Sedov 1980: 437).

Таким образом, археологические и палеоботанические исследования позволяют выделить в качестве второй общей черты культуры текстильной керамики Южной Эстонии, Латвии и соседних восточных территорий сходство состава керамики (текстильная керамика вместе со штрихованными и гладкостенными сосудами) и одновременность начала перехода здесь к земледелию. Земледелие начало играть определенную роль в хозяйственной жизни населения поселений раннего железного века начиная с середины I тыс. до н.э., достигнув заметного подъема в первые века н.э. как на западной окраине культуры в Эстонии (Laul, Kihno 1997), так и в восточных регионах на территории дьяковской культуры (Гунова, Кириянова, Кренке, Низовцев, Спиридонова 1996: 93, 120). К сожалению отсутствуют исследования пыльцы на всей территории культуры текстильной керамики, что позволило бы более досконально проследить возникновение и развитие здесь земледельческого хозяйства.

Важным показателем являются также погребальные обычаи населения поселений культуры текстильной керамики. Еще недавно на всей территории культуры текстильной керамики могильники были неизвестны и поэтому считалось, что существовал неизвестный нам способ погребения, от которого не осталось никаких заметных следов. Благодаря проведенным за последнее десятилетие как в Эстонии, так и на территории т.н. предкурганной культуры раскопкам начал накапливаться материал о погребальных обычаях раннего железного века. Так, уже давно были известны относящиеся к концу дьяковской культуры, к третьей четверти I тыс. н.э., т.н. дома мертвых, выявленные вблизи Березняков-

ского городища и Саввино-Сторожевского монастыря (Смирнов 1990: 51-61). В последнее время к ним добавились многочисленные аналогичные памятники из бассейна р.Мологи в Вологодской обл., которые, относясь к последним векам до н.э. и к началу н.э., являются тем самым более древними домами мертвых, чем березняковские (Башенькин 1996: 141-150). Характерной чертой этих могильников можно считать наличие на них четырехугольных срубных сооружений с остатками трупосожжений, разбросанных по всей их площади или же помещенных в неглубокие ямки.

Такие же грунтовые погребения с трупосожжениями, но без деревянных конструкций вокруг них, были открыты А.Н.Башенькиным в ходе раскопок длинных и круглых курганов на северо-западной окраине ареала культуры длинных курганов, в бассейне рек Мологи и Чагоды. И эти погребения с трупосожжениями были грунтовыми, помещенными в неглубоких ямках. В погребениях обнаружены различные предметы, гладкостенная и текстильная керамика, что позволило датировать их IV-V вв. н.э. (Башенькин 1990: 48-50; 1992: 25-28). Иногда над ямками имелись небольшие насыпи. В этих погребениях видят предшественников курганов как новой формы погребального сооружения и усматривают связь грунтовых трупосожжений с культурой длинных курганов (Буров 1996: 123).

Грунтовые трупосожжения характерны не только для верховья Волги и бассейна р.Мологи. Они найдены и в западной части территории распространения культуры текстильной керамики. В Эстонии наиболее ранние погребения с трупосожжениями относятся к I тыс. до н.э., и были распространены здесь довольно широко. Кальцинированные кости найдены в Северо-Западной Эстонии на каменном могильнике Илманду III, а также под каменными могильниками Тыугу и Тойла в северной части Эстонии (Lang 1996: 299-301). На севере Эстонии грунтовые погребения с трупосожжениями, по всей видимости, исчезают в начале н.э. в связи с широким распространением здесь каменных могильников. В Юго-Восточной Эстонии они сохранялись более длительное время. Ранние грунтовые погребения с трупосожжениями, обнаруженные под каменными могильниками Пылдасте и Вехенди, относятся соответственно к X-IX вв. до н.э. и третьей четв. I тыс. до н.э. (Laul 1985: 68). Разбросанные кальцинированные кости, выявленные на участках между каменными могилами и курганами на могильниках Лоози и Пылгасте, могли хронологически относиться к концу периода могильников с оградками и появлению культуры курганов, т.е. к середине I тыс. н.э.

Внимания заслуживают также разбросанные или помещенные в ямки трупосожжения под курганами сер. I тыс. н.э., над которыми еще до сооружения кургана успел образоваться слой подзола Лаоссина V, курган 2; Рысна-Сааре I, курганы 1 и 6 (Аун 1992: 115-116). Эти погребения могут также относиться ко временам, предшествующему культуре длинных курганов. В большинстве случаев грунтовые погребения с трупосожжениями безынвентарны, поэтому их возраст можно определить лишь стратиграфически. Имеющийся материал для исследования собран в основном под ранними курганами (Аун 1992: 115): Для решения этой проблемы необходимо по всей видимости вести раскопки более широкими площадями, захватывая участки также и за пределами самой насыпи.

Грунтовые погребения с трупосожжениями не исчезают и после возникновения культуры длинных курганов. Их можно как реликты

встретить рядом с грунтовыми погребениями с труположениями еще в раннем средневековье, вплоть до XV в. (напр.: могильники Веду, Раатвере, Тяэкси, Плаани, Сиксали и др.). Среди погребений Сиксалиского могильника они составляют ок. 10%. Следы грунтовых погребений с трупосожжениями найдены также на северо-востоке Эстонии на водских могильниках (Ligi 1993: 23-24) и латгальских грунтовых могильниках с труположениями X-XI вв. (Шноре, Зейд 1957: 22-23; Spore 1987: 12-13). И на восточном берегу Чудского озера, на знаменитом Залахтовском могильнике, обнаружены помещенные в ямки и датированные XI в. трупосожжения, вокруг которых иногда прослеживались следы деревянных конструкций¹

Настоящая статья основывается на предварительных данных и небольшом, в основном собранном в ходе раскопок других типов памятников, материале. Хотя этот материал и невелик, он все же указывает на тот факт, что восточная и южная части Эстонии составляли в раннем железном веке единую культурную территорию с соседними восточными регионами, которую характеризует одинаковый состав керамики (сосуды с текстильными вдавлениями, гладкостенные и штрихованные), грунтовые трупосожжения и одновременное развитие земледелия. С течением времени эта обширная культурная территория все больше дифференцировалась. В период, следовавший за первыми столетиями н.э., на востоке выделилась дяковская культура, а на западе культура каменных могильников (рис.2). Изменения не затронули восточную и юго-восточную части Эстонии и соседние восточные территории т.н. предкурганной культуры, продолжавшие сохранять свой прежний облик. Только во второй половине I тыс. здесь переходят к захоронениям в курганные могильники (рис.2). Не совсем удачным можно считать выбор самого названия упомянутой предкурганной культуры. Можно утверждать, что мы имеем дело просто с культурой раннего железного века, имевшей первоначально более широкий ареал распространения, чем территория с более поздним курганным обрядом захоронения. Можно предположить, что эта археологическая культура, охватившая столь обширную площадь, имела и определенные локальные особенности, выявление которых требует более систематических исследований.

-
- Аун М. 1992. Археологические памятники второй половины I тысячелетия н.э. в Юго-Восточной Эстонии. Таллинн.
- Башенькин А.Н. 1990. К вопросу о сложении погребального обряда культуры длинных курганов // Новгород и Новгородская земля. История и археология. № 3. Новгород.
- Башенькин А.Н. 1992. Исследования памятников I тыс. н.э. в бассейне Мологи // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород.
- Башенькин А.Н. 1996. Домик мертвых Куреваниха XX на р.Мологе // Древности Русского Севера. № 1. Вологда.
- Буров В.А. 1996. К проблеме этнической принадлежности культуры длинных курганов // РА. № 1.
- Васк А.В. 1991. Керамика эпохи бронзы и раннего железа. Рига.
- Гунова В.А., Кирьянова Н.А., Кренке Н.А., Низовцев В.А., Спиридонова Е.А. 1996. Земледелие и система землепользования в долине Москвы-реки в железном веке // РА. № 4.
- Крайнов Д.А. 1987. Энеолит Русской равнины и Приуралья. Волосовская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Археология СССР, (№ 7). М.
- Лаул С., Пелте Ю. 1988. Исследования памятников железного века в юго-восточной Эстонии // АО-1986. М.
- Лебедев Г.С. 1982. О времени появления славян на Северо-Западе // Северная Русь и ее соседи в эпоху

---

1 Любезное сообщение Н.В. Хвошинской (ИИМК РАН, СПб.).

- раннего средневековья. Л.
- Лыугас В.А. 1970. Период раннего металла в Эстонии (с середины II тыс. до н.э. до начала н.э.) // Автореф. дис. ... канд.ист.наук. Таллин.
- Пелте Ю. 1988. Древний курганный могильник и средневековое деревенское кладбище в Плаани // Известия Академии Наук Эстонской ССР. Общественные науки. 1988, № 4.
- Смирнов К.А., 1974. Дьяковская культура (материальная культура городов между речья Оки и Волги) // Дьяковская культура. М.
- Смирнов К.А. 1981. О двух районах появления сетчатой керамики // Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum Turku 20.-27.VIII.1980. Pars VIII. Turku.
- Смирнов К.А. 1990. Погребальный обряд дьяковской культуры // СА, № 2.
- Шноре Э.Д., Зейд Г.Я. 1957. Нуклинский могильник // Материалы и исследования по археологии Латвийской ССР. Рига.
- Шноре Э., Цимермане И. 1966. Поселение и могильник в Кивты (Восточная Латвия) // Pronksiajast varase feodalismini. Tallinn.
- Keem H. 1973. Võru murde vahekorast teiste lõunaeesti murretoga // Keel ja Kirjandus 1973, 10.
- Lang V. 1996. Muistne Rvala // Muinasaja teadus, № 4. Tallinn.
- Laul S. 1965. Virunuka tarandkalmed Võru rajoonis // Известия Академии Наук Эстонской ССР. Серия общественных наук. 1965, № 3.
- Laul S. 1985. Die Entwicklungsetappen und Chronologie der Steingräber in Estland // Die Verbindungen zwischen Skandinavien und Ostbaltikum aufgrund der archäologischen Quellenmaterialien. Acta Universitatis Stockholmiensis. Studia Baltica Stockholmiensia 1 I. Stockholm.
- Laul S., Kihno K. 1997. Prehistoric land-use and settlement development on the Haanja Heights, SE Estonia, with special reference to the Siksali-Hino area. (В печати).
- Ligi P. 1993. Vadjarärsed kalmed Kirde-Eestis (9-16. sajund) // Vadjarärsed kalmed Eestis 9.-16. sajandil. Tallinn.
- Sedov V.V. 1980. Zur ethnischen Geschichte der ostsee-finnischen Stämme // Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum Turku 20-27.VIII.1980. Pars IV. Turku.
- Snore E. 1987. Kivtu kapulauks. Riga.

Список сокращений

АЕ	— Археографический ежегодник.
АИП	— Археология и история Пскова и Псковской земли.
АН	— Архитектурное наследство.
АН СССР	— Академия наук СССР.
АО	— Археологические открытия.
АС	— Археологический съезд.
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
ВВ	— Византийский временник.
ВГОМ	— Владимирский государственный областной музей.
ВДИ	— Вестник древней истории.
ВИ	— Вопросы истории.
ВИД	— Вспомогательные исторические дисциплины.
ВИМАИВиВС	— Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи.
ВлЛ	— Владимирский летописец // ПСРЛ. Т.30. М. 1965.
ВМУ	— Вестник Московского университета.
ГАГО	— Государственный архив Горьковской области.
ГАИМК	— Государственная Академия истории материальной культуры.
ГВНП	— Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Ред. С.Н.Валк. М.-Л. 1949.
ГИМ	— Государственный исторический музей.
ГИОП	— Государственная инспекция охраны памятников.
ГМИЛ	— Государственный музей истории Ленинграда.
ГМИ СПб	— Государственный музей истории Санкт-Петербурга
ГЭ	— Государственный Эрмитаж.
ДБК	— Древности Боспора Киммерийского. СПб. 1854.
ДГ	— Древнейшие государства на территории СССР.
ДДГ	— Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. Подготовил к печати Л.В.Черепнин. М.-Л. 1950
ДРИ	— Древнерусское искусство.
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения.
ЗРАО	— Записки русского археологического общества.
ЗООА	— Записки Одесского археологического общества.
ЗОРСА	— Записки отделения русской и славянской археологии.
ИА	— Институт археологии.
ИАК	— Императорская Археологическая комиссия.

- Изд. — Издание.
- ИИМК — Институт истории материальной культуры.
- ИИТ — Институт исторической технологии.
- ИЛ — Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т.2. М. 1962.
- Иосаф. — Иосафовская летопись. М. 1957.
- ИРИ — История русского искусства.
- КПСС — Коммунистическая партия Советского союза.
- КПХИ — Комитет популяризации художественных изданий.
- КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР (РАН).
- КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР.
- ЛАФОКИ — Ленинградский академический фотокинокомбинат.
- ЛГМФ — Ленинградский государственный музейный фонд.
- ЛЛ — Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т.1, М. 1962.
- ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР.
- ЛРМ — Ленинградские реставрационные мастерские Главнауки
- Л.с. — Лицевая сторона.
- ЛСА — (Лихачев Н.П.) “Сфрагистический альбом”. Часть I. Русские металлические печати. Текст описания составлен Н.П.Лихачевым. Л. 1936 / РА ИИМК РАН, ф.35, оп.2, д.444.
- МАМЮ — Московский архив министерства юстиции.
- МАР — Материалы по археологии России.
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
- МИАМ — Материалы и исследования по археологии Москвы.
- МиАР — Музей древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева.
- МКСА — Международный конгресс славянской археологии.
- МЛС — Московский летописеный свод конца XV в. // ПСРЛ. Т.25. М. 1948.
- МОИДР — Московское общество истории и древностей Российских.
- Н4Л — Новгородская Четвертая летопись // ПСРЛ. Т.IV. Ч.1. Пгр.-Л. 1915-1929.
- НА МИР — Научный архив Музея истории религии.
- НАЭ — Новгородская археологическая экспедиция.
- НИС — Новгородский исторический сборник.
- НПЛ — Новгородская Первая летопись Старшего и Младшего изводов. Ред. А.Н.Насонов. М. 1950.
- ОАК — Отчет Императорской археологической комиссии.

- ОВ — Отдел востока ГЭ.
- ОИРК — Отдел истории русской культуры ГЭ.
- ОН — Отдел нумизматики ГЭ.
- ОИПК (ОАВЕС) — Отдел истории первобытной культуры (Отдел археологии Восточной Европы и Сибири) ГЭ.
- ОР ЦНБ АНУ — Отдел рукописей центральной научной библиотеки академии наук Украины.
- О.с. — Обратная сторона.
- ПАО — Псковское археологическое общество.
- ПВЛ — Повесть временных лет. Ч.1-2. М.-Л. 1950.
- ПГОИАХМЗ — Псковский Государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник.
- ПКНО — Памятники культуры. Новые открытия.
- ПЛ — Пискаревский летописец // ПСРЛ. Т.34. М. 1978.
- ПОС — Псковский областной словарь.
- Пр. — Происхождение.
- ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи.
- П.С.К.О.В. — Памятники средневековой культуры. Открытия и версии. Сборник статей, посвященный 75-летию В.Д.Белецкого. СПб. 1994.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
- П1Л — Псковская Первая летопись // Псковские летописи. Под ред. А.Н.Насонова. Вып.1. М.-Л. 1941.
- П2Л — Псковская Вторая летопись // Псковские летописи. Под ред. А.Н.Насонова. Вып.2. М. 1955.
- П3Л — Псковская Третья летопись // Псковские летописи. Под ред. А.Н.Насонова. Вып.2. М. 1955.
- РА — Российская археология.
- РА ИИМК РАН — Рукописный архив ИИМК РАН.
- РАЖ — Русский антропологический журнал.
- РАО — Русское археологическое общество.
- РАН — Российская Академия Наук.
- РГА ВМФ — Российский Государственный архив военно-морского флота.
- РГАДА — Российский Государственный архив древних актов.
- РГНФ — Российский гуманитарный научный фонд.
- РГИА — Российский Государственный исторический архив.
- РЛ — Радзивилловская летопись // ПСРЛ. Т.38, Л. 1989.
- РНБ — Российская национальная библиотека.
- С1Ц — Софийская Первая летопись по списку И.Н.Царского // ПСРЛ. Т.39. М. 1994.
- СА — Советская археология.
- САИ — Свод археологических источников.

- СГАИМК — Сообщения Государственной академии истории материальной культуры.
- СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа.
- СК — Всесоюзная конференция по вопросам экономики, истории, языка и литературы Скандинавских стран и Финляндии (“Скандинавская конференция”).
- СО АН СССР — Сибирское отделение АН СССР (РАН).
- Сохр. — Сохранность.
- СПБГАК — Санкт-Петербургская Государственная Академия культуры.
- СПбФ ИРИ РАН — Санкт-Петербургский филиал Института Российской истории РАН.
- СПИПАИ — Сессия, посвященная итогам полевых археологических исследований.
- ССП — Сфрагистика средневекового Пскова.
- С.С.С.Р. — Скифы. Сарматы. Славяне. Русь. СПб. 1994.
- ТД и С — Тезисы докладов и сообщений.
- ТД НС — Тезисы докладов научной сессии.
- ЧОИДР — Чтения Общества истории и древностей Российских.
- Чт.ПАМ — Чтения памяти Анны Мачинской.
- УЗ ЛГУ — Ученые записки ЛГУ.
- УЛС — Устюжский летописный свод. М.-Л. 1949.
- Уп. — Упоминание.
- Хр. — Хранение.
- ФА ИИМК РАН — Фотоархив ИИМК РАН.
- AuF — Ausgrabungen und Funde.
- BSA — Annual of the British School at Athens.
- SMYA — Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Памяти В.Д.Белецкого	5
Список трудов В.Д.Белецкого	18
З.А.Абрамова (<i>С.-Петербург</i>). Древнейшие архитектурные формы на Русской равнине	23
А.А.Александров (<i>Псков</i>). Псковский деревянный меч с изображениями: традиция и семантика	29
А.А.Александров, А.С.Башарин, С.В.Белецкий, М.В.Вениг, Е.В.Скрынникова (<i>Псков, С.-Петербург, Москва</i>). Археологическая экскурсия в окрестности летописного Будутина	34
Ю.В.Андреев (<i>С.-Петербург</i>). «Римский большевик» Катилина и философия истории А.Блока	35
Н.К.Анисюткин (<i>С.-Петербург</i>). О микокских элементах в среднем палеолите Юго-запада Русской равнины	45
М.Аун (<i>Таллинн</i>). Уникальная костяная фигурка из Тарту	49
А.С.Башарин, М.В.Вениг (<i>С.-Петербург</i>). Археологические песни и песни археологов	53
С.В.Белецкий (<i>С.-Петербург</i>). Памятники древнерусской сфрагистики (проблема принципиальной атрибуции)	62
Р.М.Беляева (<i>С.-Петербург</i>). К истории открытия, реставрации и музеефикации фресок из археологических раскопок в Довмонтовом городе Пскова	73
Ю.Б.Бирюков (<i>Псков</i>). Варлаамовская башня Пскова	83
А.А.Бобринский (<i>Москва</i>). О структуре и происхождении гончарной технологии	90
О.И.Богуславский, О.А.Щеглова (<i>С.-Петербург</i>). Новые раскопки памятников у д.Городище в юго-восточном Приладожье	97
В.С.Бузин (<i>С.-Петербург</i>). О достоверности неолитических жилищ лесной зоны европейской части России	111
Вал.А.Булкин, Е.А.Турова (<i>С.-Петербург</i>). Церковь Федора Стратилата на Софийской стороне в Новгороде Архитектурно-археологические исследования 1988-1991 гг.	118
В.А.Буров (<i>Москва</i>). Государевы богомольцы Соловецкого монастыря	121
М.Е.Васильев, Б.Н.Харлашов (<i>Пушкинские горы, Псков</i>). Посады Воронича	127
М.Ю.Вахтина (<i>С.-Петербург</i>). Фрагменты жаровни из Порфмия	131
Н.В.Веневцева (<i>С.-Петербург</i>). Средневековая глазурованная керамика Кипра из собрания Эрмитажа	133
Ю.А.Виноградов (<i>С.-Петербург</i>). Новые находки оружия на городище Мирмекий	141
В.А.Витязева (<i>С.-Петербург</i>). Петербургская мечеть (к истории строительства)	147
О.К.Волочкова (<i>Псков</i>). Псковскому музею 120 лет	163

Р.Ф.Воронина (Москва). Некоторые итоги раскопок Лядинского могильника в 1983–1985 гг.	166
П.Г.Гайдуков (Москва). Псковские полушки XVI в.	172
Г.В.Глазырина (Москва). О списке древнерусских княжеств «Саги об Озде Стреле»	177
А.И.Голышев (Псков). Духовный потенциал Псковщины как исходная база совершенствования социально-культурной деятельности.	181
Г.П.Григорьев (С.-Петербург). Условность в Мезине	185
Г.В.Григорьева (С.-Петербург). Молотки из поселения Юдиново	191
Т.Н.Джаксон (Москва). «Висы радости» норвежского конунга Харальда Сигурдарсона в русских переводах XVIII века	197
Г.В.Длужневская (С.-Петербург). Материалы по Пскову в фотоархиве ИИМК РАН	202
Л.П.Дорофеева (С.-Петербург). «Метаморфозы» Овидия в росписи печных «живописных» изразцов дворца А.Д.Меншикова	218
И.В.Дубов (С.-Петербург). Мои учителя в археологии	221
М.Н.Желтова (Праслова) (С.-Петербург). Ранние этапы заселения территории Усвяцкого района (Псковская обл.)	225
Н.Н.Жерве (С.-Петербург). Учёнейший сын православной Руси	233
Т.Ю.Закурина (Псков). Из истории железообрабатывающего ремесла в средневековом Пскове	238
М.И.Зуев (Псков). Перо и пушка, пушка и перо... Как псковские пушкари становились подъячими	247
Н.В.Ивочкина (С.-Петербург). Опыт реконструкции облика сунских (960-1279) ассигнаций	251
О.М.Иоаннисян (С.-Петербург). Древнерусская архитектура XII века: византийская традиция, романские влияния и развитие национальных форм	256
М.Казанский (Париж). Оружие киевской культуры	262
В.И.Кильдюшевский, А.В.Курбатов (С.-Петербург). Кожаные изделия средневекового Орешка	270
А.Н.Кирпичников (С.-Петербург). Ранние ручницы и пистолеты из собраний российских музеев	281
Л.С.Клейн (С.-Петербург). Змей с хоботом (фольклор и этнография в работе археолога)	289
К.Л.Козюренко (С.-Петербург). Планы и чертежи Псковской крепости 1740 г. в фондах РГА ВМФ	297
О.А.Кондратьева (С.-Петербург). Древнерусские гребни IX-XI вв.: местное производство и общеевропейские традиции	300
Э.В.Королева (Псков). Из истории ювелирного дела в средневековом Пскове	309
Л.Я.Костючук (Псков). К исследованию неопубликованной псковской рукописи XVII в.	312
А.С.Косцова (С.-Петербург). Иконы из собрания Успенских в фонде древнерусской живописи Эрмитажа	316
С.Л.Кузьмин (С.-Петербург). Ярусная стратиграфия нижних слоев Староладожского городища	343
В.И.Кулаков (Москва) Янтарная лихорадка в эпоху Юлиев-Клавдиев	359

М.И.Кулакова (<i>Псков</i>). Пожары в Псковском кремле XIII-XVIII вв.	365
А.В.Курбатов (<i>С.-Петербург</i>). Данные этнографии в реконструкции русского средневекового кожевенного производства . . .	367
З.Курнатовска (<i>Познань</i>). Бенедиктинский монастырь в Люблине на Великопольше (по результатам раскопок 1978-1994 гг.)	374
И.Л.Кызласов (<i>Москва</i>). Следы пребывания древних хакасов в городах Руси XI-XIII вв.	380
И.К.Лабутина (<i>Псков</i>). Судьба укреплений 1374/1375 г. в Пскове	387
С.В.Лалазаров, В.Д.Сарабьянов (<i>С.-Петербург, Москва</i>). «Евфимиевское» поновление церкви Св.Георгия в Старой Ладогe . . .	393
В.А.Лапшин (<i>С.-Петербург</i>). Костяная печать-матрица из раскопок в Твери	400
С.К.Лаул (<i>Таллинн</i>). Ранний железный век в Южной Эстонии и “предкурганная культура”	402
Список сокращений	410

ПАМЯТНИКИ СТАРИНЫ. КОНЦЕПЦИИ. ОТКРЫТИЯ. ВЕРСИИ.

Памяти В.Д.Белецкого
(1919-1997)
Том 1

Оригинал-макет подготовлен
компьютерной группой ИИМК РАН:
Богуславский О.И., Кирчо Л.Б., Матехин К.А.

Редактор
Белецкий С.В.

Подписано в печать 01.12.1997
Формат 70x108 1/16. Объем 51 п.л. Печать офсетная. Тираж 1200.

Отпечатано в ГП “Невельская типография”
182510, г. Невель, Псковская обл., ул. Луначарского, 11.